

И.В.ЦВЕТАЕВ –
Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА / 1897–1912

100 ЛЕТ
Государственному музею изобразительных искусств
имени А.С.Пушкина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Из фондов Отдела рукописей

И.В.ЦВЕТАЕВ –
Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА
1897 – 1912

ТОМ 4
1906 – 1912

Москва
Издательство «Красная площадь»
2011

ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01
УДК 7.072.2(47+57) Цветаев И.В.(044)
П27

Печатается по решению Ученого совета ГМИИ им. А.С.Пушкина
Председатель Ученого совета – директор Музея И.А.Антонова

Публикация писем – М.Б.Аксененко, А.Н.Баранов,
при техническом участии А.В.Маршак

Комментарии А.Н.Баранова, М.Б.Аксененко

Цифровая съемка Д.А.Попова
Сканирование – Е.А.Зиничева, А.Н.Каск

Художники Л.В.Денисенко, Р.В.Черниевский

На фронтиспise: фрагмент скульптурного фриза Л.Армбрустера на внешней
колоннаде Музея изящных искусств

П27 **И.В.Цветаев – Ю.С.Нечаев-Мальцов. Переписка. 1897–1912. Т. 4.** –
М.: Издательство «Красная площадь», 2011. – 492 с., 96 с. ил.
ISBN 978-5-91521-045-4

Имя профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) прочно связано с основанным им в Москве Музеем изящных искусств (ныне – ГМИИ им. А.С.Пушкина). Посвятив делу его создания более 20 лет, Цветаев оставил потомкам не только сам Музей, но и свой уникальный опыт, запечатленный в письмах. Многолетняя переписка Цветаева с Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым (1834–1913), крупным промышленником, благотворителем и основным жертвователем на создание Музея, – важный памятник русской культуры рубежа XIX – XX столетий. Книга богато иллюстрирована и снабжена научным комментарием. Она адресована всем, кто интересуется прошлым России, историей отечественной культуры и гуманитарного образования.

Сохранившаяся часть переписки издана в 4 томах:
том 1 (1897–1902), том 2 (1902–1903), том 3 (1904–1905), том 4 (1906–1912).
Первый том вышел в 2008 г., второй и третий – в 2010-м.

ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01

ISBN 978-5-91521-045-4(т.4)
ISBN 978-5-91521-001-0

© ГМИИ им. А.С.Пушкина, 2011 г.
© М.Б.Аксененко, А.Н.Баранов, вступительный текст,
комментарии, приложения, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От публикаторов

12

ПЕРЕПИСКА / 1906 – 1912

1906		Текст	Комм.
698.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>17 января</i>	20	285
699.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>23 января</i>	21	287
700.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>26 января</i>	23	288
701.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>1 февраля</i>	24	288
702.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>4 февраля</i>	25	289
703.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>18 февраля</i>	26	290
704.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>25 февраля</i>	27	291
705.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>1 марта</i>	29	292
706.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>2 марта</i>	29	292
707.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>10 марта</i>	29	292
708.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>10 марта</i>	31	294
709.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>11 марта</i>	31	294
710.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>29 марта</i>	31	294
711.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>9 апреля</i>	33	295
712.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>13 апреля</i>	34	296
713.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>29 апреля</i>	35	296
714.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>21 мая</i>	36	296
715.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>22 мая</i>	37	298
716.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>10 июня</i>	39	298
717.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>15 июня</i>	39	299
718.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>18 июня</i>	41	299
719.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>29 июня</i>	42	299
720.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>3 июля</i>	44	300
721.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>5 июля</i>	45	301
722.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>13 июля</i>	46	301
723.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>27 июля</i>	51	302
724.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>31 июля</i>	52	303
725.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>5 сентября</i>	55	304
726.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>14 сентября</i>	56	304
727.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>19 сентября</i>	58	306
728.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>20 сентября</i>	60	306
729.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>27 сентября</i>	60	306
730.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>20 октября</i>	60	307
731.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>26 октября</i>	62	309
732.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>29 октября</i>	63	310

		Текст	Комм.
733.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 ноября	65 310
734.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 ноября	66 311
735.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 ноября	67 311
736.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 декабря	68 312
737.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 декабря	70 313

1907

738.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 января	71 313
739.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 января	72 314
740.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 января	73 314
741.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 января	74 315
742.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 февраля	74 316
743.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 февраля	75 318
744.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 февраля	77 318
745.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 февраля	77 319
746.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 марта	79 319
747.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 марта	81 320
748.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 марта	82 321
749.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 марта	83 321
750.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 марта	84 321
751.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 марта	85 322
752.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 апреля	87 322
753.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 апреля	88 323
754.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 апреля	90 324
755.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 мая	91 324
756.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 мая	92 324
757.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 мая	93 325
758.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 мая	94 325
759.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 мая	95 325
760.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 мая	95 325
761.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 июня	96 326
762.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 июня	97 327
763.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	10 июня	98 328
764.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 июня	99 328
765.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 июля	100 329
766.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 июля	102 329
767.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 июля	103 330
768.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июля	104 331
769.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 июля	105 332
770.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 августа	106 333
771.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 августа	107 333
772.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 августа	108 334

		Текст	Комм.
773.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 августа	109 334
774.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 августа	111 337
775.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 сентября	113 338
776.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 сентября	115 339
777.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 – 19(?) сентября	117 340
778.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 сентября	118 340
779.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 сентября	119 340
780.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 сентября	120 341
781.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 октября	121 342
782.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 октября	122 342
783.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 октября	122 343
784.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 ноября	124 344
785.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 ноября	125 345
786.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 декабря	126 346
787.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 декабря	127 346
788.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 декабря	128 346
789.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 декабря	129 347
790.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 декабря	130 347
791.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 декабря	131 348
792.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 декабря	131 348
793.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 декабря	132 348
794.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 декабря	134 350

1908

795.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 января	135 350
796.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 января	136 351
797.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 января	137 351
798.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 января	138 351
799.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 января	139 352
800.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 января	139 352
801.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	23 января	140 352
802.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 января	140 353
803.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 января	141 353
804.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 января	142 353
805.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 февраля	143 353
806.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 февраля	144 354
807.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 февраля	145 354
808.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 февраля	146 355
809.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 февраля	147 356
810.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 февраля	148 357
811.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 февраля	149 357
812.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 марта	151 358

			Текст	Комм.
813.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 марта	152	358
814.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 марта	153	359
815.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 апреля	154	360
816.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 апреля	157	362
817.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 апреля	158	363
818.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 мая	159	365
819.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 мая	160	365
820.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 мая	162	365
821.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 мая	163	366
822.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 мая	164	366
823.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 июня	166	367
824.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 июня	168	368
825.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 июля	169	368
826.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 июля	171	369
827.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 июля	172	369
828.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 июля	173	370
829.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 августа	174	371
830.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 августа	175	371
831.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 августа	176	371
832.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 августа	178	371
833.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 сентября	179	372
834.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 сентября	179	372
835.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 сентября	180	373
836.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 сентября	181	373
837.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 сентября	182	373
838.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 сентября	183	373
839.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 октября	184	374
840.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 октября	185	375
841.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 октября	187	377
842.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	188	377
843.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 октября	190	377
844.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 ноября	191	378
845.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 ноября	192	378
846.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 ноября	193	378
847.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 ноября	194	379
848.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 ноября	195	379
849.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 ноября	196	380
850.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 ноября	198	380
851.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 декабря	199	381
852.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 декабря	200	381
853.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 декабря	201	381
854.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 декабря	202	382

		Текст	Комм.
855.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 декабря	203 382
856.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 декабря	204 382

1909

857.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	19 февраля	206 383
858.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	4 ноября	206 383
859.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	6 ноября	206 384
860.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	21 ноября	206 386
861.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	18 декабря	206 387
862.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	1909	206 388

1910

863.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	8 февраля	207 388
864.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	Около 8 – 10 февраля	207 388
865.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	12 февраля	207 388
866.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	15 февраля	207 389
867.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 ноября	208 389

1911

868.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 января	209 389
869.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 января	210 390
870.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 января	212 392
871.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 января	213 392
872.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 января	214 393
873.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 февраля	215 393
874.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 февраля	217 394
875.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 февраля	218 394
876.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 февраля	218 395
877.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 марта	219 395
878.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 марта	220 396
879.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 марта	221 397
880.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	18 или 19 марта	222 397
881.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 марта	222 397
882.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 марта	223 398
883.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 марта	223 398
884.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	23 или 24 марта	224 398
885.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 марта	224 398
886.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 апреля	225 399
887.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 апреля	227 399
888.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 апреля	228 400
889.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 апреля	229 401
890.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 апреля	230 401

			Текст	Комм.
891.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 апреля	231	402
892.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 апреля	232	402
893.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 мая	233	403
894.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 мая	234	403
895.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 мая	236	404
896.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 мая	237	404
897.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 мая	238	404
898.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 июня	239	405
899.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 июня	241	405
900.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 июня	241	405
901.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 июня	243	406
902.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9(?) июля	244	406
903.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13(?) июля	245	406
904.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14(?) июля	246	407
905.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 июля	247	407
906.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 июля	249	407
907.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 июля	250	407
908.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 июля	250	408
909.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 августа	252	408
910.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 августа	253	409
911.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 августа	254	409
912.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	Около 15 августа	255	409
913.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 августа	256	410
914.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 октября	257	413
915.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	259	414
916.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 октября	260	414
917.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 октября	261	414
918.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 ноября	262	415
919.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 ноября	263	415
920.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 ноября	265	416
921.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 ноября	265	416
922.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 ноября	267	416
923.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 ноября	268	417
924.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 декабря	270	417
925.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 декабря	272	418
926.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 декабря	273	418
927.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 декабря	273	419
928.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 декабря	274	419
929.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 декабря	275	419

1912

930.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>1 января</i>	277	420
931.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>6 января</i>	278	420
932.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>8 января</i>	279	421
933.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>10 января</i>	280	421
934.	ЦВЕТАЕВ И ДРУГИЕ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. <i>23 апреля</i>	281	422
935.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – в МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ. <i>24 апреля</i>	281	422
936.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ. <i>25 октября</i>	281	422

КОММЕНТАРИИ

Принятые условные сокращения	284
------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ**ПРИЛОЖЕНИЕ I**

I. Кризис на строительстве Музея	424
II. О Ю.С.Нечаеве-Мальцове	426
III. Музей изящных искусств в 1908 – 1912 гг.	431

ПРИЛОЖЕНИЕ II

I. Именные залы в Музее изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете	447
II. Список основных фирм, строивших и оборудовавших Музей изящных искусств в 1898 – 1912 гг.	448

Указатель документов	451
Предметно-тематический указатель	453
Проектирование, строительство и оборудование Музея изящных искусств	453
Художественные произведения, археологические памятники	457
Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели	461
Организации, общества и общественно значимые мероприятия	464
Указатель имен	470
Список иллюстраций	482
Summary	488

От публикаторов

Настоящим томом заканчивается публикация переписки основателя Музея изящных искусств при Московском университете профессора Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) с товарищем председателя Комитета по устройству Музея и главным жертвователем на его сооружение и комплектование, промышленником и придворным Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым (1834–1913). В том включены письма за 1906 – 1912 гг.

Постройка самого здания была закончена еще в 1904 г., однако до открытия Музея было еще далеко. Предстояло завершение его внутренней отделки – настилка полов в вестибюле и части зал, окраска стен и многое другое. Большое внимание уделялось устройству потолков в экспозиционных залах, во втором этаже – со световыми проемами. Как мы знаем, Цветаев, основываясь на тогдашней музейной практике, желал усилить познавательность Музея и стремился, чтобы залы при своем оформлении получили стилистическое соответствие тем эпохам, для которых они предназначались. Поскольку стены их почти везде были гладкими, лишены каких-либо архитектурных украшений, особое значение придавалось отделке потолков. За образцы брались научно аргументированные реконструкции, изучался опыт зарубежных, главным образом берлинских музеев, куда специально ездил архитектор Р.И.Клейн. Для Египетского зала был найден прообраз непосредственно в самом Египте.

Помимо залов оканчивались работы на центральной лестнице, где розовым и зеленым мрамором облицовывали ее боковые стены. Из мрамора же делались откосы дверей Центрального, Пергамского и Олимпийского залов. Колонны и пилястры лестничной колоннады, а также колонны Центрального зала получили бронзовые базы и капители. В Греческом дворике, в зале Праксителя и на площадке первого этажа установили перила и решетки художественного литья.

Укладывались наружные гранитные лестницы, вокруг Музея прокладывали асфальтовые тротуары, сооружали ограду перед фасадом, а территория бывшей строительной площадки была превращена в парадный сквер,

распланированный главным садовником университетского Ботанического сада Г.Г.Треспе. Здание получило художественно исполненные двери. В частности, металлическая парадная дверь Музея сделана по немецкой реконструкции двери Парфенона. Для залов заказывалась мебель в исторических стилях, витрины, консоли и постаменты, для библиотеки – шкафы.

Общая обстановка в стране, пережившей недавнее поражение в войне и революцию, была неблагоприятна для создания культурно-просветительских учреждений. Работы по Музею неоднократно находились под угрозой прекращения из-за нехватки денежных средств. Строитель Музея Р.И.Клейн два раза, осенью 1906-го и осенью 1907 г., вынужден был ставить вопрос о их полной остановке и передаче недостроенного здания в казну. Как читатель, возможно, помнит, с середины 1904 г. средства Комитета, состоявшие из единовременных пожертвований его членов, были исчерпаны. В 1907 г. Цветаев прямо писал о «распадении Комитета, которого как пособника в материальной стороне дела, в сущности уже нет». Из сумм, обещанных ранее, в 1906 – 1908 гг. удалось получить от князя Ф.Ф.Юсупова, А.Г.Подгорецкой и ее брата С.Г.Захарьина в общей сложности 25 150 руб. Эти деньги целиком ушли на погашение уплат за изготовление и доставку экспонатов, не покрыв вполне имевшихся долгов. Некоторые из тех, кто ранее собирался оказать помощь Музею, теперь от своих намерений отказались. Строительство здания продолжалось исключительно благодаря Нечаеву-Мальцову – в 1904 – 1906 гг. он выплачивал по 120 тыс. руб. в год. Лишь в дальнейшем, когда капитальные работы приближались к концу, он уменьшил суммы пожертвований.

Хлопотами Цветаева в 1907 г. из казны выделили 10 тыс. руб. на расстановку предметов и хозяйственные нужды. 14 ноября 1908 г. был утвержден закон о денежном пособии в 30 тыс. руб. на содержание здания Музея в текущем году. И только по закону от 10 мая 1909 г. Музей впервые получал штатные суммы. В год они составляли 52 500 руб., и большая часть этих денег по-прежнему направлялась Цветаевым на уплату по старым и новым счетам, на устройство экспозиции, а также на наем квартир для служителей и другие необходимые траты. Жалованье первоначально выплачивалось только писарю, смотрителю здания, сторожам. Цветаев, заведующий Музеем, продолжал работать безвозмездно.

В марте – апреле 1909 г. Цветаев был командирован на II Международный конгресс классической археологии в Каир и Александрию и на обратном пути побывал в Греции. Летом 1910 и 1911 гг. посетил Берлин, Дрезден, Магдебург, Майнц, Брюссель, Ахен, Кёльн, Бонн, Трир, Дюссельдорф, Кассель и другие города. Результатом поездок стали новые заказы. Для Музея приобретались: слепок фигуры Афины из группы «Афина и Марсий» Мирона,

рака св. Гертруды – в качестве примера готической архитектуры и скульптуры, кафедра Никколо Пизано из пизанского баптистерия, образцы фламандской скульптуры XV и XVI вв., скульптуры северных немецких школ.

Последняя поездка кончилась для Цветаева в дрезденской клинике, куда врачи уложили его в связи с сильным переутомлением. Вызвано это было не только работами по Музею изящных искусств, но и перенесенными в 1909 – 1911 гг. неприятностями из-за кражи в Румянцевском музее. Несмотря на то, что большинство украденных гравюр были вскоре в музей возвращены, а вор по снисхождению суда присяжных оправдан, Цветаеву пришлось пережить пять министерских ревизий и упорное преследование министра народного просвещения А.Н.Шварца (подробнее см. комментарий к письму 861).

В создававшийся Музей непрерывно поступали заказанные в 1903 – 1905 гг. экспонаты по всем разделам собрания: слепки с памятников древневосточного зодчества и скульптуры, с угла Парфенона, портика кариатид, памятника Лисикрата, произведений Средних веков, эпохи Возрождения в Италии, Франции, Нидерландах и Германии, восстановленные после пожара в Музее бронзы из Помпей и Геркуланума. Вновь заказанные предметы шли в Музей до самого его открытия, отдельные экземпляры – и далее, вплоть до начала Первой мировой войны.

Слепки хранились большей частью так, как прибывали из таможни – в сотнях ящиков, в разобранном виде. В 1907 г., по мере завершения отделки залов, приступили к распаковке и расстановке экспонатов. Началось создание первой в истории нового Музея экспозиции.

Об этом времени Цветаев мечтал давно. Ему хотелось увидеть приобретенные в течение многих лет слепки на тех местах и в тех залах, для которых они предназначались. Надо учитывать, что Цветаев стал заказывать скульптуры, в том числе и крупногабаритные, до начала строительства Музея. Залы для них существовали лишь в чертежах, затем постепенно возникали в реальном масштабе на стройплощадке. Нужно было обладать хорошей зрительной памятью и развитым пространственным воображением, чтобы не ошибиться, планируя будущее размещение того или иного слепка.

Сборка крупного слепка из нескольких частей представляла иногда значительные технические трудности. Необходимы были специалисты гипсовщики, способные разобраться в чертежах. Для особо тяжелых экспонатов – портика кариатид, портала Фрейбергского собора, кантории Донателло и других – требовалось изготовить деревянный, а иногда и металлический каркас, крепившийся к стене зала. Фотографии, публикуемые в настоящем томе, показывают процесс установки угла Парфенона и скульптурной группы «Фарнезский бык».

Понадобилось также выписать трех специалистов из Брауншвейга для тонировки гипсов под бронзу, дерево и камень.

В конце 1908 г. в жизни Музея произошло знаменательное событие, во многом определившее его дальнейшую судьбу. Появилась возможность получить древневосточную коллекцию петербургского египтолога В.С.Голенищева, которую тот вынужден был продать. Николай II разрешил, в случае, если Государственная Дума утвердит приобретение коллекции в государственную собственность, передать ее в еще не открытый московский Музей. В протоколе заседания Комитета по устройству Музея 12 декабря 1908 г. зафиксированы слова одного из его членов, директора Лазаревского института восточных языков, лингвиста-востоковеда В.Ф.Миллера: «Приобретение коллекции египетских и ассирийских древностей Голенищева <...> – большой клад для Москвы. Имя Голенищева связано с Историей. Он 30 лет собирал свою коллекцию с научной целью и в ней весьма много ценного как по части произведений искусства, так и рукописей. Переход их в Москву дает возможность поставить здесь преподавание истории Востока на надлежащую высоту <...>»¹. Коллекция, насчитывавшая около 6 тыс. подлинных предметов, в 1911 г. была перевезена в Музей. Теперь Музей изящных искусств, являвшийся до тех пор самым новым и обширным университетским собранием слепков в Европе, переходил в разряд обладателей – как Британский музей и Лувр – крупных древневосточных коллекций.

Еще в 1907 – 1908 гг. Цветаев думал, что в ближайшее время картинной галереи в Музее не будет. Однако в ноябре 1909 г. от русского посла в Триесте М.С.Щекина была получена в дар редкая для России коллекция. Она включала около 90 подлинных произведений итальянских художников XIV – XV вв. и итало-греческие иконы XV – XVII вв. Кроме того, в Музей подарили копии античных фресок и живописных произведений итальянского Возрождения. Поступление этих коллекций повлекло за собой и другие пожертвования. Музей обогатился первыми подлинными итальянскими скульптурами XVI – XVII вв., графическими работами старых русских и западноевропейских мастеров (подробнее см. вступительную статью к т. 1, примеч. 8).

Отдельно надо упомянуть о Ю.С.Нечаеве-Мальцове. К открытию Музея он подарил два фаюмских портрета, один из которых, «Юноша в золотом венке», в дальнейшем вошел в число наиболее известных экспонатов Музея². Он же передал в Музей золотой венчик, найденный на Юге России, две античные статуэтки и китайскую вазу³.

В конце 1912 г. Музей по ходатайству Цветаева приобрел право на часть археологических находок из раскопок, проводившихся на Юге России Императорской Археологической комиссией. Собрав «хрестоматию» по истории

ваяния и зодчества, Цветаев хотел по возможности усилить ее оригинальными произведениями. Уже после открытия Музея он намечал и новые разделы, например посвященный мусульманскому искусству, хотел устроить зал портретных бюстов (в слепках) наиболее замечательных мастеров Франции, Германии и Дании XVII – XX вв. (см. вступительную статью к т. 1, примеч. 7–9).

Для работы с обширными и разнообразными коллекциями Цветаев загодя начал подбирать себе помощников. С 1909 г. устройством экспозиции в залах античности, Средних веков и эпохи Возрождения занимались: профессор В.К.Мальмберг, перешедший на кафедру истории искусств Московского университета в 1907 г., молодые сотрудники А.В.Назаревский и С.П.Киприянов, с 1911 г. – Н.А.Щербаков, художник-реставратор В.Д.Сухов. Систематическую расстановку экспонатов Египетского и Переднеазиатского залов вел приглашенный Цветаевым крупнейший петербургский востоковед Б.А.Тураев. Слушательницы Высших женских курсов стали первыми лекторами-руководителями (экскурсоводами) в Музее, работали в его библиотеке. Некоторые из них остались в Музее на долгие годы.

Громадное дело создания для Москвы нового Музея, потребовавшее от Цветаева около 20 лет неустанных трудов, а от Нечаева-Мальцова – постоянной заинтересованности и беспримерных материальных затрат в течение почти 16 лет, несмотря на все трудности, приближалось к завершению. 31 мая (13 июня) 1912 г. Музей готовился к открытию. Накануне, напротив Музея, у храма Христа Спасителя в присутствии царской семьи был открыт памятник Александру III, а на другой день, в 3 часа дня, в Музее был назначен торжественный молебен и осмотр нового здания. Фотографии и кинолента запечатлели на ступенях перед входом Цветаева, Нечаева-Мальцова и Клейна, сопровождающих высоких гостей в этот знаменательный и долгожданный день.

Музей начинал свою деятельность как солидное научное учреждение. К открытию вышли сразу два выпуска иллюстрированного сборника статей «Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве», в следующем году – еще два. Они были посвящены подлинным произведениям из голенищевского и щекинского собраний и из собрания университетского Кабинета изящных искусств. Б.А.Тураевым, В.К.Мальмбергом и Н.А.Щербаковым был подготовлен Краткий иллюстрированный путеводитель по разделу Древнего мира – Египту, Ассирии-Вавилонии, Греции и Риму. За шесть последующих лет это издание, с некоторыми изменениями, выдержало 12 выпусков. Позже к нему прибавился Путеводитель по залам христианского искусства. Научная библиотека Музея, доступная и спе-

циалистам, и любителям искусства, насчитывала уже около 3 тысяч изданий. Занятия со студентами проводились в залах Музея, как минимум, с осени 1911 г., и уже с 1907 г. в нем бывали отдельные посетители. Неоднократно приходил, например, художник В.А.Серов⁴, которого, по словам И.Э.Грабаря, Музей подвигнул на путешествие по Греции.

Открытия Музея ждали не только в Москве. Весть о нем распространялась в других российских университетских городах. Среди зрителей большинство составляли преподаватели и учащиеся гимназий, Высших женских курсов, Московского археологического института, Народного университета им. А.Л.Шанявского. До конца 1912 г. Музей посетило около 64 тысяч человек, в следующем году эта цифра выросла в 2 с лишним раза. Начинаясь новый этап в жизни Музея.

* * *

Большинство из вошедших в настоящий том цветаевских писем известно лишь в рукописных, им самим заказанных копиях. Они приводятся без какого-либо отбора и купюр. По автографам публикуются все письма Нечаева-Мальцова и письма Цветаева 795 – 806, 864, 867.

Номера книг и листов копий в комментариях не указываются, вместо этого приводится номер, под которым соответствующее письмо числится в описи ОР ГМИИ. Автографы отмечены специально. В едином хронологическом порядке с письмами Цветаева расположены немногие имеющиеся телеграммы и письма Нечаева-Мальцова. Книги рукописных копий и оригинальные письма Цветаева к Нечаеву-Мальцову 1909 и 1910 гг. не сохранились. Отсутствуют и письма Цветаева с середины января 1912 г. Эти пробелы частично заполнены немногими телеграммами и короткими письмами обоих участников переписки, которые нам удалось разыскать в других фондах Отдела рукописей.

Перед текстом каждого письма или телеграммы справа курсивом публикаторами проставлены дата и место написания, иногда установленные косвенным путем; слева воспроизводится дата в авторском написании. Все курсивные даты даны по старому стилю. По старому же стилю выдержаны и даты в комментариях, в том числе применительно к зарубежным событиям до 1918 г.

Публикуемые тексты приведены в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением тех архаических написаний, которые могут отражать реальное произношение соответствующих слов автором («*счастие*», «*рукою*» и т.п.). Иностранные имена и названия даются – за исключением букв, упраздненных орфографической реформой 1918 г., – в принятом в то время написании, например, «Джиованни»; написание же,

утвердившееся в наши дни, используется в примечаниях. Старое написание «Микель-Анджело» всюду заменено фонетически тождественной современной формой «Микеланджело» (читается с мягким «л»).

В письмах, печатающихся по копии, разбивка на абзацы принадлежит публикаторам. Сохранена существовавшая в цветаевское время традиция написания с заглавной буквы титулов царствующих особ и названий высших государственных учреждений Российской империи. Ошибки переписчиков в тех случаях, когда правильное чтение не подлежит сомнению, исправлены без оговорок; оставленные пробелы по возможности восполнены. Сокращенно написанные слова приводятся полностью, – за исключением общепонятных или ясных из контекста. Дополнения публикаторов в тексте писем даны в квадратных скобках.

Подстрочные переводы иноязычных слов и выражений принадлежат публикаторам. В подстрочных примечаниях объясняются, кроме того, малоупотребительные в настоящее время слова, а также цитаты.

Документы, публикуемые или цитируемые в комментарии, воспроизводятся по тем же принципам, что и письма; необходимые краткие пояснения вставлены прямо в текст в квадратных скобках. Купюры внутри цитаты обозначаются многоточием в угловых скобках.

В тех случаях (а их большинство), когда в комментарии не указано место хранения публикуемого или цитируемого документа, подразумевается, что он находится в ОР ГМИИ.

Ряд имен и фактов, упоминаемых в текстах, уже комментировался в предыдущих томах. Для удобства читателей минимальные сведения о них приводятся и в данном томе с пометой, отсылающей к предыдущим томам. В Указателе имен полужирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения.

Публикаторы выражают благодарность заведующей Отделом визуальной информации ГМИИ им. А.С.Пушкина Е.А.Зиничевой за помощь в поиске иллюстративного материала по произведениям искусства для настоящего тома.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. 2, оп. I, ед. хр. 295, л. 74.

² См. комм. 3 к письму 36.

³ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1912 год. М., 1913. С. 25 второй пагинации.

⁴ О неосуществленном проекте участия В.А.Серова в оформлении зала Арханки см. комм. 3 к письму 366.

**ПЕРЕПИСКА
1906 – 1912**

1906

698. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 января 1906 года

17 января 1906, Москва

Утомление декабрьскими днями со всем тем ужасным новым, что они, после всего испытанного Москвою раньше, принесли нам¹, заставило меня продержаться для отдыха в Тарусе² на неделю дольше. Оттуда, перед Новым годом, я писал Вам о своих сердечных благожеланиях для Вас и всей Вашей, дорогой для меня, семьи. Дошло ли до Сергиевской³ это письмо? Почтовая исправность все еще не наладилась окончательно: я здесь 15 числа с[его] м[есяца] получил заказное письмо из Ялты⁴ от 24 декабря! Не вижу я и нескольких писем, посланных мне и из более близких мест⁵.

Отдавши последний долг памяти проф[ессора] Стороженко⁶, которого мы схоронили вчера, я ныне отправился на стройку и нашел ее в таком тихом, как бы замершем состоянии, в каком она не была и в самые тяжелые дни неудач наших с камнем на Урале⁷. Я застал лишь весьма ограниченное число мраморщиков около лестницы да пару штукатуров в Классическом стеклянном дворике⁸. В остальных местах – пустота и безмолвие. Штиль, наведший на меня глубокую грусть и печаль за будущее нашего дорогого дела, унесшего столько лет нашей общей жизни, работ, мечты и увлечений. Помогите, Господи, миновать настоящим тяжелым временам и пошлите Вам здоровья и сил воротиться к этому, имеющему на много веков прославить Ваше имя и поставить его образцом для состоятельных людей следующих поколений, большому просветительному делу. Дело это принадлежит к разряду тех, которые остаются в своем благотворном влиянии неизменными при всяких метаморфозах государственной и социальной жизни. Не вечны формы жизни и быта человечества, не могут быть они таковыми и в нашей стране; но церкви Божии, но храмы науки и искусств будут жить в мире до конца его дней. Какая бы смена правительства, какие бы перевороты государствам ни предстояли, а религия, а науки и искусства пойдут среди всех видоизменений своим царственным путем. Никакие безумства и никакие преступления людские, совершающиеся по временам в жизни всех народов, не в состоянии погубить эти три величайшие силы в мире. Столько лет, столько симпатий и увлечения самого благородного и такие колоссальные средства принесли Вы, глубокочтимый Юрий Степанович, для пользы нашего дела, поставив его тем самым на общеевропейскую высоту и создавши Музею Александра III в Москве одно

из самых первых мест и за границей. Главное, большое, дорогостоящее уже готово. Остается до завершения всего дела в главном уже сравнительно немного: нужны стекла для окон, сравнительно немного оштукатурки, несколько дверей, окраска или обивка материей (в больших залах будет ли это хорошо?) стен⁹, постаменты под скульптуры и несколько шкафов и витрин. Расчлененное на 2 – 3 года, это, после колоссальных трат на мраморы, гранит, камень, на все, что сделало наш Музей исключительным в России, да и не в одной России, зданием *sui generis** по монументальности и красоте, уже не составит больших для каждого сумм ежегодно. Но это увенчает все великое дело; это же завершение сделает навсегда имя Ваше одним из светлых имен в истории русского просвещения и в истории питомцев Московского университета¹⁰. А грехи последнего в наши темные времена заглаятся культурной работой его впоследствии, по минованию бурь и по рассеянию всякого общественного чада. Вечно добро, а не зло, и Московский университет сейчас обуявшее¹¹.

Р[оман] И[ванови]ч за границей¹². У Листа с Кельиным¹³ какие-то крупные нелады. Первый обвиняет последнего в невежливом к нему отношении. Старик Щегляев, по общим отзывам, зорко оберегал имя своего доверителя¹⁴. Кельин моложе и, судя по тому, что я слышу о нем от Клейна, Рерберга¹⁵ и Листа, не в меру заносчив, а в выражениях бестактен. Сам я с ним никаких встреч не имею, характера его по личному опыту не знаю. Но по тому, что слышу, боюсь, как бы эта манера Кельина, человека нового, держать себя не беспокоила Вас. Лист хочет ехать к Вам с жалобой и претензиями. Будьте здоровы и благополучны.

699. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 января

23 января 1906, Москва

Как глубоко рад я узнать о Вашем полном поправлении после декабрьской болезни, столь сильно Вас по наружности и по состоянию духа изменившей! От Листа я слышал, что он нашел Вас в Петербурге бодрым и спокойно настроенным.

Я особенно вспоминал всех вас после обедни в минувшее воскресенье в церкви Румянцевского музея¹, где я встретил одного из насельников** Нечаевской богадельни². Узнавши, что в музейской церкви будет архиерейская служба (служил у нас преосвященный сухумский Серафим Чичагов³ как

* уникальным (*тат.*).

** обитателей (*уст.*).

прежний священник музейского храма), он приехал помолиться и, как он сказал мне, на месте своей прежней службы (он служил в канцелярии музея⁴) возблагодарить Господа за его настоящую судьбу. На мой вопрос, как живет ему, он искренно и с сердечным увлечением ответил: «Да что! Я похристиански верую, что праведным по смерти будет Рай, так вот наша жизнь теперешняя – преддверие Рая...» Старик не мог нахвалиться пищей, уходом, комфортом всей обстановки и характером заведующего врача. Мне хотелось под впечатлением этой неожиданной встречи и этой виденной мною молитвы за создателей богадельни тогда же написать Дмитрию Степановичу⁵, но я не знал, где он теперь. При случае будьте добры сообщить ему об этом.

Оказывается, Вы уже давно сделали распоряжение об уплатах разным лицам, Армбрустеру, Кюнерту и Мормоне⁶. Уплат до сих пор, однако, не производилось за отъездом Р[омана] И[ванови]ча за границу. Только что получено мною письмо от Армбрустера, который плачет чуть ли [не] по поводу осуждения его за неплатеж по нашему заказу⁷. Не имея денег, он снова просит меня представить Вам его бедственное положение. Раз Вы еще 8 января подарили 3000 руб., не будете ли милостивы приказать здешней [Вашей] конторе перевести телеграфом эту сумму в Дрезден, Bergstr[asse], 18, Herrn Armbruster Bildhauer*? В ламентациях подрядчиков всегда уместны сомнения; но жалобам этого бедного художника верить приходится без всякого резерва**. Такое впечатление произвел на меня его симпатичный характер.

Рерберг, неизменно работающий в конторе Музея каждый день и в отсутствие Клейна, сказывал, что Мормоне закидал жалобами и требованиями причитающегося ему остатка платы. Не разрешите ли Рербергу, вместо Клейна, оказать содействие Кельину в вопросе всех этих, разрешенных Вами, денежных переводов, если необходимо вообще какое-нибудь новое участие конторы Музея? Рерберг – сама математическая точность и олицетворение отчетной и бухгалтерской аккуратности. Он исполнит поручение со всею тщательностью. А то ведь Р[оман] И[ванови]ч ранее 3-х недель, может быть и месяца, в Москву не возвратится. Я больше всего болею сердцем за Армбрустера, над которым висит уже судебная кара.

Не знаю, застану ли Вас, но постараюсь быть в «Славянском базаре» ныне.

* Бергштрассе... господину Армбрустеру, скульптору (нем.).

** без оговорок (фр.).

700. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26-го января

26 января 1906, Москва

Как мне было больно вчера видеть Ваше, невиданное мною раньше, столь сильное и столь вредное для Вашего здоровья, возбуждение! Поступок, учиненный с Вами¹, характеризует виновника не как крупного коммерсанта, а лавочника, перебивающегося дневною выручкою и потому готового уронить всякого, имеющего с ним дело, за целковый, на получение которого он тщетно рассчитывал. У людей такого мелкого характера нечего ждать порядочности и выдержки. Не исполнится у них мелкое ожидание, они бегут к адвокату или «жалиться» по начальству к знатым лицам, не способные оценить своего шага, нравственной стороны своего поступка. Взгляните спокойно на эту низость неумного человека и придуманной им меры. Она осуждена, конечно, и тем кругом, в который она так некстати направлена. Кто же, не потерявший разума, не поймет, что в отношении человека, получившего более 1/2 миллиона наличных денег, задержка, на какие-нибудь 3 недели, жалких в сравнении с этою суммою 13 000 руб. должна же иметь в действительности какие-ниб[удь] веские основания? Получивши свыше 1/2 миллиона, не бегают же безумно из такой мелочи по передним знатым людям и не грозят судебным процессом. При таких условиях иск лица, столько получившего и имеющего за другие работы и еще получать, является какою-то прямо неостроумною, глупою буффонадой. Какая могла быть цель этого иска, столь неожиданного и по своему микроскопическому характеру и по образцовой чистоте в платежном отношении того, на имя кого он предъявляется? Ведь Клейн воротится через 2 – 3 недели, прием главного фасада, если бы он был безупречен во всех своих подробностях, мог бы быть оформлен через 3 – 4 дня по его приезде. А что получается при судебном иске? Обязанность уплаты адвокату и судебных издержек, так как в 13 000 руб. несомненно откажут. И это будет еще через 2 – 3 месяца ожидания. Рерберг мне вчера говорил, что эта затея – совершенно глупая и что 13 тыс. руб. как сумму залога за не принятую еще работу раньше составления акта осмотра и приема суд истцу не возвратит. Если этой буффонадой питается надежда поддерживать Вашу кредитоспособность в коммерческом мире, то эта затея и груба и смешна. Я бы понял такую шумиху еще со стороны какого-ниб[удь] Аксерио²: у того и подряд сравнительно небольшой (штукатурные работы одного и многоценные мраморы другого!), и иностранных рабочих он превосходно содержит в отличной квартире (ряд[ом] с Музеем, д[ом] Мазинга³) на получаемые с Музея деньги⁴. Но и тот, разумеется, из-за нескольких

недель и в отсутствие архитектора не сделал бы этого. Успокойтесь и взгляните философски на эту нравственную мелочь.

701. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 февраля

1 февраля 1906, Москва

Нас всех очень поразило известие о внезапном выезде Вашем в Петербург. На прошлой неделе мы имели почти ежедневно удовольствие видеть Вас в нашей среде; Вы неоднократно выражали намерение остаться до годичного поминовения по Велик[ом] Князе¹; на 3-е число назначено было заседание Комитета – и повестки об этом начали уже разносить. Что заставило Вас так неожиданно покинуть Москву? Не случилось ли чего-либо несчастного в Вашем семействе? Я ныне наводил справку в «Славянском базаре», но там мне могли лишь сказать, что Вы выехали. Новый швейцар даже сообщил мне, что Вы дома, и я направился прямо к 33 номеру; только там дали мне сведение о Вашем выезде. Сейчас в Румянцевский музей² приходил Рерберг, – и он был очень удивлен быстротою Вашего неожиданного отъезда. Сейчас рассылаем контрповестки об отмене заседания Комитета. Даст Бог, причина Вашего неперменного пребывания в Петербурге благополучно минует, и Вы снова приедете сюда. Тогда заседание надо устроить неотложно: Кузницкий³, давно не получавший денег за доставку заграничных кладей, настоятельно просит об уплате. Для этого надобно продать ренту, а по сему делу надобно разрешение Комитета⁴. Частицу, тысяч 5 фр[анков], надо послать за границу, откуда тоже пристают с просьбами об уплате за вещи, уже находящиеся у нас в Музее.

Пишу сыну проф[ессора] Захарьина⁵ в Каир, где он находится на излечении, об уплате обещанной им суммы на приобретение памятников искусств. Хотя путь и дальний, но у Захарьина не может быть задержки в деньгах, так как его доходы – с дома на Кузнецком мосту и с бумаг, если и очень понизившихся в цене, то все же дающих %% тыс[ячами]. Должно следовать получение на уплату за приобретения с m-me Подгорецкой, но она с больной матерью⁶ в Палермо. Не знаю, как приступить к наследникам П.М.Третьякова⁷. Он в свое время разрешил мне приобрести отливов со скульптур Рима на 12 тыс. фр. и из этой суммы 3 тыс. фр. уплатил до своей кончины. В свое время о его пожертвовании я докладывал Комитету при его открытии. Об этом было напечатано⁸. Поленовы⁹ советуют написать m-me Боткиной, жене проф[ессора] Боткина¹⁰, дочери Павла Михайловича, которая-де могла [бы] собрать эту сумму с сестер¹¹ в память добрую у нас по их отце. А суммой в 9 тыс. фр. мы уплатили бы в Ecole

des Beaux Arts* в Париже за угол Парфенона (цена его 10 т[ысяч] фр.)¹². Неужели дочка откажут в этой безделице, получивши большое наследство каждая? Попробую на днях же написать. Будьте благополучны.

702. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 февраля

4 февраля 1906, Москва

Ныне мы здесь поминали Велик[ого] Князя – мученика. Собравшихся в Чудовом монастыре¹ было очень много. Церковная служба, совершавшаяся двумя архиереями при длинной линии архимандритов и священников, не оставляла желать ничего лучшего. Если мы во всем другом отстали неизмеримо от Европы, то церковное пение и ритуал – у нас лучшие в мире. Церемониал католичества выродился в театральность и нам представляется часто мелочным и – своими постоянными приседаниями и сложением ладоней – как бы комическим. Пение, если не гнусавый речитатив, исключительно концертного и театрального, оперного характера. О ритуале лютеранства и говорить нечего: там формы и импонирующих на сердце обрядов совсем нет. И в Восточной церкви только Россия сохранила, а может быть, усовершенствовала богослужение Византии. Нынешняя же Греция в своих храмах, даже главных в Афинах, гнусавая, ленивая, до крайности монотонна и прямо небрежна. Я в Троицын день за обедней был в Афинах² в нашей посольской церкви и в греческом соборе: эта обедня в одинаковый праздник совершалась диаметрально противоположным образом. Греческое пение было безнадежным, наводившим тоску; это было какое-то гнусавое завывание после чудного хора, хотя и скромного по числу, нашей церкви. Слушая пение и присутствуя при величавых обрядах заупокойной литургии в Чудовом монастыре, я думал: «Нет, народ, создавший или, скорее, доведший свое богослужение до такого великого совершенства, не пропадет, как бы ни была печальна его судьба по временам, в какие бы грехи ни впадал он; в величии богослужения – залог сохранения и возрождения нашего после разных зол и несчастий; наша церковь должна хранить эту великую силу обрядов и песнопений, так победоносно действующих на сердца молящихся, без различия их классов и положений».

Перед годовщиной кончины Вел[икого] Кн[яз]я слышались по городу разговоры о венках на гроб почившего. Вчера вечером сидел у меня Аничков, нарочно прибывший сюда депутатом от Палестинского православного общ[еств]а для возложения венка³. Венки здесь заготавливал его товарищ по

* Школу изящных искусств (фр.).

званию в О[бщест]ве и двоюродный брат ген[ерал] Степанов⁴. Я, грешный человек, как-то запомнил о необходимости венка от Комитета нашего Музея, а потому только ныне утром решил заказать венок. В 8-м часу я был на Арбате и там, в садоводстве Карпова⁵, установил форму венка из пальм и панно цветов, ценою в 50 руб. В 11 часов очень хорошее исполнение ждало меня в притворе Чудова монастыря. Цветы белые и бледно-лиловые; большая белая лента с серебряной надписью имени учреждения, без шаблонного обозначения, кому. Пальмы большие и красивые. Венок вышел вполне достойным Музея изящн[ых] искусств. Возложили его мы с Дмитриевым⁶; в церкви царил мрак, освещавшийся лишь лампадами пунцового цвета, а потому, обходя гробницу, я наткнулся на солею⁷ и едва не упал. В этом приделе не было никого, кроме двух монахов. Зато большая церковь⁸ к половине литургии заполнилась вся. Было очень много дам. Из Царской семьи и на этот раз приехал один Константин Константинович⁹. Он не боится путешествий и проявления любви к почившему. Увы, это мужество обнаруживает один этот поэт и мечтатель в доме Романовых.

От поэта перехожу к прозаику Дубасову¹⁰. В числе мероприятий к упорядочению Москвы он намного увеличил количество ночных сторожей за счет обывателей. В разряд последних попал и наш Музей. К нему от имени генерал-губернатора предъявлено требование уплаты по 15 руб. в месяц (!) на сторожей. Я попробую отписаться, указавши, что на это здание нет еще казенного бюджета и на такую надобность не существует никаких средств. Не знаю, что выйдет из этого¹¹. Плата, во всяком случае, очень высока сравнительно, наприм[ер], с участком Румянцевского музея и Архива Мин[истерст]ва ин[остранных] дел¹².

Все ли хорошо в Вашей семье? Будьте благополучны.

703. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 февраля

18 февраля 1906, Москва

Это время прошло для Москвы в съездах разных корпораций, политических и научных¹; но какие различия во взглядах и убеждениях ни разделяли бы их членов, собравшихся сюда со всей России, все они сходились на единодушном признании необыкновенных достоинств нового Музея. Целями группами становились приезжие у дома Голофтеева², чтобы любоваться на фасад его. Белоснежный мрамор, благородство и простота гармонии архитектурных линий и обширные размеры здания производили на всех чарующее впечатление. Только давящая высота крыш становилась для всех вопросом. Если бы де скомпоновать в свое время их закрытие по главному

фасаду. Сколько прямо восторженных отзывов приходилось слышать мне и Рербергу за эти дни и с каким удивлением и уважением выслушивалось и называлось Ваше имя как покровителя и главы этого в России небывалого дела! Был я третьего дня в ист[орико]-фил[ологическом] факультете³, и там мои коллеги рассказывали, что и они были в эти дни засыпаны со стороны приезжих теми же вопросами и теми же знаками удивления виденным на нашем Колымажном дворе. Я не мог возвращаться домой ранее шестого часа, вынужденный водить членов и съездов и собравшегося здесь бюро Черниговского археологического конгресса для занятий у графини П.С.Уваровой⁴. Тут были представители почти всех университетов – и каждый из них в удобное для себя время просил: «Покажите да покажите...» А эти доки археологии хотели знать многое подробно, с увлечением лазили и по подвалам и по крышам, и по всем помещениям, расспрашивая о их назначении. Удивлению, похвалам и товарищеской «зависти» не было конца. Не один из этих профессоров истории искусства и классической филологии и археологии, словно по уговору, произносил при этом: «Ах, если бы нам $\frac{1}{10}$ щедрости вашего покровителя послала судьба, как бы мы были счастливы на всю жизнь!» – «Ишь вы чего захотели! $\frac{1}{10}$, да я был бы на седьмом небе, если бы и $\frac{1}{20}$ щедрости здешнего вождя нашел для нашего музея», – возражал ему профессор другого университета⁵. На такие дробы делилась тут в эти дни Ваша щедрость и роль в деле, ставшем на всю Россию славным.

Что это Вы извиняетесь⁶ за отъезд перед заседанием Комитета! Мы успели предупредить его членов. Даст Бог, соберемся в ближайший Ваш приезд. Надо поплатиться с Кузницким, который твердит, что он ведь давно уже уплатил чистыми деньгами за провоз из-за границы. А продать ренту можно только с разрешения Комитета.

Р[оман] И[ванови]ч возвратился из-за границы. Он был в Лондоне, Париже, Берлине, главным образом для иллюминирования* красками потолков в классических залах. В Beaulieu⁷ он поболел.

На стройке работы идут потихоньку. Кое-где мажут штукатурки, именно в Стеклянном дворике налево⁸, и работают мраморщики – на лестнице.

704. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 февраля

25 февраля 1906, Москва

Я телеграфировал Вам¹ о вчерашнем посещении Велик[ой] Кн[яги]ней² Музея. Ее поинтересовали в строительных работах лестница³ и Классиче-

* расдвечивание (от *fr.* illumination).

ский дворик. Подмости на лестнице успели снять, и потому «щеки» с их дивным красным мрамором и зеленым карнизом правой стороны заблестали во всей красе. Ее Высочество, поместившись на первой площадке, долго любовалась этой картиной и сказала, что тут так хорошо – и ей не хотелось бы уходить отсюда. Особенно ей понравился смелый профиль карниза, не говоря уже о красном мраморе, который она и оцупывала, и хвалила сопровождавшей ее фрейлине. Из вестибюля она пожелала пройти в Классический дворик, конструкция которого террасами осталась у нее в памяти от обхода Музея вместе с Вами⁴. С тех пор несколько продвинулись там штукатурные работы, сделан потолок и часть стен разбита в клетку⁵. Великая Княгиня по доскам перешла на камеру отопления⁶, чтобы оттуда осмотреть весь зал. Видя подготовительные работы для постановки угла Парфенона, Ее Высочество попросила Клейна сообщить ей, когда будет этот угол поставлен, чтобы она могла поскорее увидеть его на месте. Р[оман] И[ванови]ч, стесняясь величиной ящиков с частями этого угла, которые занимают так много места и всему мешают, решил оштукатурить раньше других угол Дворика, где Парфенон должен стать, и там его установить, при помощи Гладкова⁷; у[стан]овка не будет затруднительна, так как барабаны колонн перемечены и один с другим скрепляются клиньями. Это – *montage à la romaine**, как называют в Париже. Барабаны при очень больших размерах отличаются легкостью, так как слой гипса, покоясь на марле, не очень густой.

Великая Княгиня говорила, что она нигде в музеях не видала такого устройства стеклянных двориков. У нас эта форма вызвана планом здания, при необходимости дать место большим архитектурным и скульптурным слепкам. Длинный и высокий дворик, вроде *Cour Vitrée*** в *Ecole des Beaux Arts*, был бы для колоссов архитектуры и скульптуры предпочтительнее; но Р[оман] И[ванови]ч вышел счастливо из затруднения. Ее Высочество очень заинтересовалась вопросом о раскраске потолка и просила вместе с Парфеноном показать и уголок раскраски. Затем она осмотрела работы в Антиквари⁸, первой прошлась по только что оконченному настилкой полу Библиотеки; была в Аудитории, в Христианском дворике, спускалась в мраморные мастерские. Спрашивала о Вашем прибытии в Москву и о здоровье. В первых числах мы ждем Вас.

* сборка по-римски, на римский лад (*фр.*).

** Остекленный дворик (*фр.*).

705. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1-го марта

1 марта 1906, Москва

Д[окто]р Остроумов¹, старательно осмотрев меня, успокоил: ничего злоеущего в организме он не нашел и предписал лишь диетическое лечение – больше ходить, спать часик до обеда, избегать многолюдных собраний, относиться ко всему на свете спокойнее, избегать споров, не разбрасываться в занятиях, сосредоточивая силы на одном предмете, есть немного, меньше мяса, да и то предпочтительнее белое, вино пить изредка и лучше белое. А что тонеют* и сохнут ноги – так это действие кануна 60-го года жизни.

Я очень обрадован был отсутствием болезни печени и почек, а равно нормальной деятельностью сердца. Проф[ессор] Остроумов в заключение диагноза сказал: «Какого черта вам еще нужно? До 60-го года дожил, так сохранившись. Да если бы все наши пациенты походили на вас, нам скоро бы умирать с голоду пришлось».

Но довольно о себе. На первой очереди стоит теперь собрание Комитета. Когда Вы разрешите созвать его? В субботу на этой или в понедельник на следующей?² Срок назначьте сами; я готов разослать повестки, когда Вам удобнее. В Петербург я поеду в середине следующей недели. Благово-лите сказать посланному, г. Дмитриеву, на словах день и час (в 3 часа?).

706. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ*2 марта 1906, Москва*

Многоуважаемый Иван Владимирович

Великая Княгиня желает иметь выписку из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия о изображении Христа¹; не имея у себя этой книги здесь, я обещал обратиться к Вам и передать ее Вам желание.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

2 марта 1906 г.

707. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10-го марта

10 марта 1906, Москва

Никогда я не видал Р[омана] И[ванови]ча в таком подавленном состоянии, как вчера, по возвращении его с Рербергом на стройку. Не зная, что они от-правились в «Славянский базар», я пошел посмотреть окончание лестницы, которая будет готова на днях, так как кладут на место уже верхнюю плиту

* делаются тоньше (*уст.*).

зеленого карниза. Господи, что это за монументальность в соединении с красотой! Через 10 дней получит свой белый слой¹ и тот угол Греческого стеклянного дворика, где станут 3 колонны Парфенона. Для них только придется углубить пол этого угла на аршин* после полученных точных размеров отлива. С тремя ступенями основания, как стоит этот отлив в Париже в Ecole des Beaux Arts, он у нас не поместится, а потому мы 2 нижние ступени исключили из отлива с самого начала. Достаточно и одной верхней, потому что высота всех ступеней доходит до моей переносицы, как я это измерил в Париже. Чтобы иметь три ступени, пришлось бы опустить их как бы в колодезь, ибо наш Дворик много ниже, чем в E[cole] d[es] B[eaux] A[rts].

В наилучшем настроении от предположения, где встанут у нас образцы дорического, ионического и коринфского стилей архитектуры, уже приходящие в Музей, и от формы дорического портика², ведущего в этот Дворик и теперь начинающего выясняться в фронтоне, который скоро получит и триглифы и каннелюру первой колонны (их в портике 4), я воротился в контору. Но в каком же положении я встретил Р[омана] И[ванови]ча! Он лежал в своем кабинетике – бледный и с помутившимися глазами. Первая моя мысль была, что ему дурно и нужна помощь врача. Из разговора выяснилось, что он боится начала жалоб на него в Коммерческий суд на этих же днях со стороны поставщиков и подрядчиков, которые не могут ждать. А первая такая жалоба, по его опасению, на другой, на третий день повлечет в суд за собою всех, список которых он Вам доставил. Он в страхе перед первым иском, перед оглаской, которая сейчас же дойдет до Великой Княгини, которая тогда уже не вступит в Комитет³. Бромлей⁴ прекратил работу, и теперь там льет на потолок⁵. Хотя бы, говорит Р[оман] И[ванови]ч, часть уплатить ему из долга в 16 000 руб., а между тем из 10 тысяч, уже распределенных на март и чуть ли и [не] на апрель, он лишен возможности это сделать. Чтобы успокоить Листа, имеющего, по словам Р[омана] И[ванови]ча, получить за лестницу и гранит⁶ до 35 000 руб., надо дать ему 22 000 руб., и чтобы остановить процессы*, потихоньку продолжая работы, ему с Рербергом для постепенных расплат необходимы 15 т[ысяч] руб. в месяц. Он снова просит меня бить Вам челом об этой ему милости в его безвыходном положении. Я докладывал Вам, как глубоко лежит у меня на сердце все величие отношения Вашего к Музею, как ясно и благодарно я сознаю колоссальность назначения 120 000 руб. в год⁷ (кто, кроме покойной В.А.Алексеевой⁸, нам хотя бы раз дал столько?). Просить не смею, лишь докладываю о положении Р[омана] И[ванови]ча.

* 1 аршин = 0,7112 м.

** Зд. судебные процессы.

708. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10-го марта № 2

10 марта 1906, Москва

Ныне я уже писал Вам об отчаянии Р[омана] И[ванови]ча. После я был на Кузнецком мосту, чтобы узнать, чего стоит чек на 300 мар[ок], которые Вам было угодно взять на себя как плату за микенского бычка¹. В конторе Волкова² мне, на прилагаемом бланке, определили эту сумму немецких денег в 141 руб., считая по 47 к[опеек] за марку. Контора сделает чек на Берлин. Если Вам угодно, я при письме, заказном, пошлю этот чек.

709. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11-го марта

11 марта 1906, Москва

Скончался от чахотки мой помощник по секретариату в Комитете Музея Н.Н.Трескин¹, бывший усердным сотрудником в нашем деле с самого начала 90-х годов². Он вел журналы заседаний, писал анонсы и статьи в газетах. Он до последнего времени подготовлял заседания и читал там протоколы их. Его заслуги по Музею вызывают мысль почтить его венком от Комитета. Мне Дмитриев говорит, что за 30 руб. венок будет хороший. Жду Вашего распоряжения. Будьте добры сообщить его Дмитриеву на словах. Еду на панихиду.

710. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 марта

29 марта 1906, Ялта

Через три дня Светлое Христово Воскресение¹, спешу послать Вам и всем Вашим семейным мои сердечные приветы с наилучшими пожеланиями для всех Вас, а скорее и более всего с пожеланием доброго здоровья. Как здоровье Анны Степановны²? В последний раз я нашел ее очень бледной, какую я не видывал никогда прежде.

Желать Вам всем здоровья больше всего заставляет меня и отсутствие этого блага у меня в семье. Моя больная³ с декабря лежит в постели, а кровоизлияния, которых она так боялась, до того ослабили ее, что она едва может подняться посидеть, обложенная подушками. Остановили кровь накладыванием льда на грудь, но зато привили ревматизм сочленений. Оказалось недовольно и этого – доктор констатировал и сухой плеврит, чуть ли уже не десятый по счету. Туберкулез должен быть лечим хорошим питанием, а тут кроме бульона с яйцом да желе долгое время ничего не дают. Прежде поили кефиром, но теперь и это прекратили. Врач в первые дни по моем приезде не знал, какое направление примет недуг после кровоизлияний,

опасаясь, как бы не последовал скоротечный ход его. Он боялся взмахов температуры как показателя этого. Но как будто дело обходится, и является надежда, что усиленного хода в ближайшее время не будет. Если бы миновал недавний случай благополучно, то доктор пошлет мою больную на июнь и июль на кумыс в южных губерниях. Отсюда для кумыса ездят в Железноводск, думаю, впрочем, ради удобства сообщения через Новороссийск, не желая двигаться в самарские и оренбургские края.

Погода здесь уже весенняя. Море тихо, дни солнечные, и большую часть дня настолько тепло, что приходится не надевать даже легкого пальто. Ныне было жарко и тяжело ходить в фётровой* шляпе, появились на улице уже соломенные. Дамы ходят уже в легких, летних костюмах. Съезд пасхальных гостей, говорят, большой; движение по набережной, действительно, большое; много появилось родителей с гимназистами и гимназистками. Гостиницы и меблированные комнаты нарочито на этот сезон вздорожали. Такие повышенные цены будут держаться до 15 апреля.

Находясь возле больной, я пишу отповедь мин[ист]ру финансов и государственному контролеру по поводу уменьшения ими проекта штата Музея на сумму 15 000 руб⁴. В обоих ведомствах посоветовали написать соответствующие бумаги от нашего министерства мне самому, выставив мотивы наших нужд резче и яснее. Меня спрашивал товарищ мин[ист]ра финансов Чистяков⁵, с какого времени нам нужны будут деньги, я ответил, что с следующего, 907 года. «Ну, тогда это будет полегче, а вот в настоящем году было бы совершенно невозможно». Если не всю сумму, то по крайней мере половину надобно бы иметь нам – на отопление зимою 907/8 года, на дворников, человек 7 более ловкой для расстановки предметов прислуги, на вызов заграничного специалиста вроде Kühnert'a** по распределению предметов по залам, так как мне одному с этой задачей не справиться⁶. Это – работа очень сложная; над разрешением этой задачи в Альбертинуме⁷ и недавно в Friedrich Museum⁸ в Берлине трудилась целая комиссия ученых и художников. У нас пожар погубил 250 ящичков со слепками⁹, но, даст Бог, мы их восполним – и тогда наши собрания не оставят залы пустынными уже в день открытия Музея. Но когда придет этот «великий день», как назвал Вам его теперь, увы, покойный Великий Князь?

Сейчас с младшей дочерью вернулись с Аутской улицы¹⁰; там, в одном саду, мы видели траву, зеленую, как изумруд, и в пол-аршина высоты. Море «как зеркало» и чудесного цвета. Кругом так хорошо, если бы не было печали дома. Будьте благополучны. Надеюсь воротиться на Мирноносицкой¹¹.

* Войлочной, фетровой (от *фр.* feutre – войлок).

** Кюнерта (*нем.*).

711. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 9-го апреля

9 апреля 1906, Ялта

По приезде сюда я писал Вам. С тех пор время шло так же однообразно и безнадежно, как и тогда. Даже еще хуже: больная в постели нажила и бронхит, которого она так боялась, зная, по прежним опытам, какой он бывает у нее жестокий и неотвязчивый. Ко всему присоединилось нервное отвращение от всякой пищи. Врач бывает постоянно и меняет, пробует лекарство. Надежда на тепло не оправдалась; оно пришло, но не постоянное; в один и тот же день несколько резких температур и часты ветры, появляющиеся вдруг. Вот и сейчас, ныне: в 10 час. утра было так жарко и море было, словно зеркало, гладкое на всю обозримую даль, поэтому наши соседи по квартире собрались в Алупку, одевшись легко; теперь же, в 5 час., и ветер, и дождь, и даже холод. Таких резких переходов в Нерви¹, принесшем нам столько пользы, нет. Я уговариваю жену, если будет можно, осенью поехать опять туда, но у ней уже нет более веры в свои силы и она не хочет оставлять России в таком состоянии. В конце мая, если хватит сил и если примут, нам хотелось бы отправиться в Воронежскую губ[ернию], в кумысолечебное заведение д[окто]ра Габриловича², близ Хреновского завода³, которое хвалил мне здесь один барин, богатый и привыкший к комфорту, и за кумыс, и за питание, и за благоустройство, и за местность. У него чахоточные дети, с которыми он там прожил прошлое лето и едет туда на это. Только там лежачих больных не принимают.

Ныне получил письмо от кн[язя] Юсупова⁴: обещает около 15 апреля выслать 5000 руб., а остальное (8000 руб.) в мае. Слава Богу, будет теперь чем полатиться с Ecole des Beaux Arts в Париже за выслаемые слепки угла Парфенона и портика кариатид Эрехфейона⁵. А то у меня уже начинало щемить в сердце при мысли об этом долге. Пишет и А.Г.Подгорецкая⁶ из Флоренции о намерении, по возвращении из Италии, внести часть числящихся за ней 5000 руб. Написал я и ее брату в Каир о 6500 руб., им давно обещанных. Даст Бог, с главными долгами по приобретениям коллекций расквитаемся. Останется подумать о потерянном в пожаре. Если встретите кн[язя] Феликса Феликсовича, передайте ему благодарность за добрую память. Будьте здоровы.

P.S. На Мироносицкой возвращаюсь в Москву. Когда Вы собираетесь приехать к нам? Раньше двух недель после Пасхи рабочие едва ли явятся из деревень⁷.

712. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 13-го апреля

13 апреля 1906, Ялта

Тут весна в полном цвету. Цветами покрыты деревья и кустарники, цветами полны клумбы в садах, цветы на улицах на каждом шагу в предложении продавцов. Светит солнце, ласкают глаза и море, и окрестные горы; зеленью покрылись даже пирамидальные тополи, самые поздние из деревьев на этом поле оживления весенней природы. Приехавшие северяне пользуются благами Юга вовсю; на набережной большое стечение гостей, много дам, скучающих и скачущих с нахальными татарами в горы; и утром и вечером играет оркестр в саду; иногда целые флотилии лодок носятся по светлой глади моря. Но всякие красоты развертывающей свои дары природы исчезают, когда в семье горе. Все мое время проходит дома вблизи больной или в побегушках в аптеку, к доктору или за покупками. Я не мог выбраться никуда далее набережной, ни одного места в очаровательных, говорят, здешних окрестностях я не видал. Только раз сходил в санаторий для туберкулезных, сооруженный в память Александра III княгиней Барятинской¹ на 19 десятинах [20,748 га] земли, пожалованной в Массандре Государем вместе с 50 000 руб. для начала дела. Учреждение это устроено для бедных, оттого плата первоначально была по 35 руб. в месяц за всё. Но так как больной обходится по 70 руб., то оказались дефициты, а сейчас явилась, вследствие обеднения кн[ягини] Барятинской, и полная невозможность продолжать дело. Не имея возможности дотянуть до 1 июня, как положено, закрывают учреждение ныне 1 мая и ищут возможности передать его в казну. Один корпус, уже покрытый, с окнами и черными* полами, так и оставлен неоконченным. Платить врачам нечем, оттого на все учреждение лишь один доктор – без имени специалиста. Оттуда я прошел в Нижнюю Массандру: как там теперь хорошо! Что за колоссальные кипарисы и магнолии, какая масса цветущих кустарников!

За время сидения дома я составил отповедь в Мин[истерст]во финансов и Государственный контроль на урезанные 15 000 руб. по разным статьям нашего проекта штата Музея. Некоторые сокращения основаны на простых недоразумениях и неверных предположениях, другие же вытекают исключительно из желания что-нибудь урезать. Приходится отбивать шаг за шагом. Если нам уступят эту ежегодную сумму, то не только теперь, но и в следующие несколько десятилетий, Музей может существовать благополучно. Будет сумма и на пополнение приобретений², хотя и небольшая,

* Зд. черновыми.

до 10 000 руб., вместе с новыми витринами, тумбами и т.д. Отповедь должны подписать Вы, как Вы же подписывали и ходатайство при проекте. Когда Вы будете в Москве? Вероятно, после открытия Думы и реформированного Государственного Совета?»³

Хотя моя больная не в состоянии подниматься с постели, но я должен на следующей неделе выехать в Москву, чтобы там пробыть около месяца.

Привет и низкий поклон Вашим дамам. Дошли ли до Софьи Степановны⁴ сласти, которыми я челобитствовал всем вам перед Праздником? Будьте все здоровы и благополучны.

713. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля

29 апреля 1906, Ялта

Какой величественной картины и какого великого исторического момента Вам довелось быть свидетелем третьего дня!¹ Судя по опубликованному церемониалу, это должно было быть после коронования самое торжественное событие нынешнего царствования, даже со стороны придворных форм. И на какую новую стезю вступила Россия в это великое утро 27 апреля! Еще 2 года назад члены Государственного Совета сонным грезам не поверили бы, что им придется сойти с их служебного пьедестала в столь разношерстную по званию и общественному положению демократическую компанию. Как ни как, а отныне неотвратимо изменят тон самые «важные» и самые напыщенные по манерам сановники нашего Олимпа, которые куда величественнее, в служебных отношениях, Государя и Вел[иких] Кн[язей]. С этого великого 27 апреля всё и все станут проще, яснее, натуральнее и человечнее. Будет менее канцелярской волокиты и канцелярских тайн, а от совершающегося при свете ясного дня люди вправе ждать больше правды и законности. Пошли Господь счастья страждущим и обездоленным прежде всего! Их нужды и печали из самых отдаленных и захолустных уголков будут теперь доходить через Думу до Государя, который до сих пор поставлен был в физическую невозможность знать о ⁹⁵/₁₀₀ этих нужд и горестей, мучивших его подданных даже и в ближайших губерниях к Петербургу. Не даром же сложилось народное изречение: «До Бога высоко, до царя далеко». А сколько деревенских ходатаев, приходивших в Петербург с жалобами на злоупотребления местных, часто грубых, жестоких и невежественных властей, попадали вместо царских палат в тюрьму и были возвращаемы «по этапу» домой... Конечно, быстрого уврачевания народных ран ожидать нельзя, благополучие немецкого крестьянина будет, м[ожет] б[ыть], еще столетие только идеалом для устройства нашего крестьянства. Но улучшение его –

и материальное, и умственное, и моральное – пойдет отныне неизменным шагом. Жаль только, что не сделано этого исторического подвига Государем ранее 1 января 1905 года. Скольких жертв и несчастий было бы избегнуто, какой бы великой славой покрыто имя Николая II ускорением этого акта даже на 1 год 4 месяца. А если бы судьбе было угодно упредить акт 27 апреля 1906 года на 2½ года, Россия не знала бы роковой войны², не видела бы столько злодеяний, столько пролитой крови: все это образовало бы алмазы в венце славы Государя, в верный, должный момент даровавшего народу то, чего требовал закон исторического прогресса. Но что говорить о том, что могло бы быть и что не совершилось! Слава Богу, что оно создано теперь, хотя и с запозданием, которое в общем течении и историческом росте России после покажется лишь небольшим моментом.

На Мироносицкой неделе, в самом ее начале, я должен был выехать в Москву. На 20-е число текущего месяца я поставил доклад в Археологическом о[бщест]ве³ о Гильдесгеймском серебряном кладе⁴; но, увы, положение моей больной стало таким, что я и на час боюсь оставить ее. К другим болезням присоединилась такая слабость сердца, что врач вынужден был прибегнуть к digitalis⁵ в сильной дозе. Теперь наш план: набраться сил встать с постели к 20 мая, когда установится и у нас прочное тепло, и, хотя с остановками, добраться до родных пределов... На кумыс в Воронеж ехать мы не можем, потому что лежачих больных там не принимают. Я переживаю здесь очень тяжелые дни. Что делается теперь в Музее?

714. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21-ое мая, Ялта

21 мая 1906, Ялта

Молим Бога о ниспослании сил нашей многострадальной больной совершить переезд в родные места. Этот подвиг в последние дни осложнен обстоятельствами неожиданной забастовки на пароходах, выходящих из Одессы. Путь до Севастополя мы намерены были сделать морем, а теперь приходится ехать на лошадях. Доктор советует лучше взять курс на Симферополь¹, через Чатыр-Даг, чтобы в Алуште переночевать², так как на пути до Севастополя нет сносной гостиницы, а заезжий дом вблизи Байдарских ворот³ – великое и только нас, россиян, на таком прославленном тракте, достойное убожество... Был на почтовом дворе, законтрактовал 2 ландо и подводу под багаж. Дома идет укладка вещей и книг. Числа 28-го, если все пойдет благополучно, надеемся приехать в Тарусу. Там мой двоюродный брат – врач, старшая дочь и сын⁴ готовят дачу⁵, ремонтируя ее внутренний вид. При вышесказанном условии благополучия 31 мая надеюсь быть в Москве.

Номо proponit, Deus disponit*: выехал я с намерением тотчас же после Пасхи воротиться домой, а на деле вышло, что до сих пор не мог я сделать и шагу в этом направлении. И теперь здоровье больной безнадежно; она слаба в такой мере, что и до экипажа придется нести ее в кресле, не имеет она сил и подняться в вагон; но ехать надобно, так как врач сказал, что дальнейшее пребывание здесь уже бесполезно: не произведут ли де поворота к лучшему перемена места и поселение в родной семье? Больная страдает не одной чахоткой, но и совершенно разбитыми нервами, и астмой, и крайней слабостью сердца; вследствие этого приходится только заботиться об уменьшении этих посторонних чахотке болезней в каждый отдельный момент. Как мы совершим наш длинный путь, ведает только Бог.

На последнем заседании Комитета⁶ Вас поинтересовал вопрос, вышло ли что-нибудь из обещания Е.Н. Самариной⁷ снять несколько копий с образцов древнеримской живописи. На днях я получил письмо из Рима, в котором Е.Н. извещает о ходе своих работ⁸. Оказывается, что она в Лувре сняла 2 больших декоративных панно по белому фону, о которых я писал ей. Это она сделала при помощи художника Киселёва⁹ и, сравнив копию с оригиналами, находящимися там в Collection Campana^{**10}, удостоверила их точность. Сама же она эту зиму работала в Ватиканской библиотеке над знаменитой «Свадьбой Aldobrandini***», уменьшивши копию только на 2 сантиметра против оригинала. Снимать копии в полном масштабе подлинника запрещается правилами Ватикана. Следующую осень и зиму Е.Н. проведет в копиях ландшафтов из Одиссеи, там же, и картин стенной росписи в доме Ливии на Палатине¹¹. Из Рима она после переедет в Неаполь и Помпеи для дальнейших работ. Это для Музея – настоящий клад. Копирует Е.Н. вообще превосходно.

715. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 22-го мая

22 мая 1906, Ялта

Не зная, где в настоящее время находитесь Вы, в Петербурге, Москве или Сторожеве¹, пишу на всякий случай в Петербург. Я должен просить разрешения произвести уплату из 5000 руб., присланных в Москву кн[язем] Юсуповым, некоторых заграничных долгов, о коих уже неоднократно пишут, по миновании всех сроков после исполнения и доставки. Есть 9000 фр[анков] долга управлению Ecole des Beaux Arts за исполненный

* Человек предполагает, Бог располагает (лат.).

** коллекция Кампанан (фр.).

*** Альдобрандини (ит.).

там портик кариатид храма Эрехфейона. Из этой же суммы в 5000 р. придется уплатить около 600 мар[ок] в Мюнхен за копию аугсбургских бронзированных церковных врат XI в. и за несколько изваяний эпохи немецкого Ренессанса². Прибыл в Музей, наконец, и давно ожидавшийся ящик с копией мозаики «Добрый Пастырь» из мавзолея Галлы Плацидии в Равенне³. Эта последняя работа из сделанного там заказа окончена была еще в январе, тогда же и послана была нам большою скоростью. Но еще недавно я писал в Равенну, прося произвести вторичный розыск о местонахождении ящика. Оказалось, что посылка сначала долго пролежала в Эйдкунене⁴, а потом задвинута далеко в сараях московской таможни. Вышла какая-то неисправность и с препроводительными документами, которые не дошли до самого последнего времени до нашего Комитета. Я просил Дмитриева отправиться к Кузницкому в контору и распутать это дело. Теперь посылка уже у нас. «Добрый Пастырь» Равенны считается перлом мозаик V в. Это большая пасторальная сцена, представленная в горной местности. Спаситель – образец юношеской красоты; стадо овец, растительность, особенности горного ландшафта – от всего этого, взятого в целом, веет настоящей поэзией, от которой трудно освободиться. Здесь последние лучи яркого блеска еще классической живописи. В той же Равенне, в следующем веке, все более и более крепнет уже безжизненность византийского характера в изображении лиц и положений. Если Богу будет угодно сохранить наши собрания, то по части мозаик Равенны у нас будет беспримерное богатство, заставившее говорить ученых еще ранее, чем мы выставили их. В Риме, как передавал мне недавно оттуда воротившийся наш студент-филолог⁵, была о наших копиях речь в Немецком археологическом институте; вел ее известный византинист и вообще историк христианского искусства Strzygovsky⁶, возвратившись в Рим из Равенны, где он и видел исполнение наших копий г-ми Azzaroni e Zampera⁷. Эти копии – доселе единственные в мире; только с них снят другой экземпляр для итальянского правительства, согласно тамошнему закону и за наш счет. Вопрос теперь, где разместить впоследствии наши коллекции по античной и древнехристианской живописи? Может быть, было бы целесообразно устроить «капеллы» поперечными стенками в Антикварии или украсить ими стены зал Римского и Средневекового?⁸ Во всяком случае, эти собрания будут и поучительны и эффектны для зрителей. Спасибо Е. Н. Самариной, она много способствует обогащению этого отдела Музея чудесными вещами, которых также нет ни в одном музее. Прибыл к нам и пока хранится в Румянцевском музее и «Серебряный

* Аццарони и Дзампига (*ит.*).

клад» из Гильдесгейма. Это также перл античного искусства. Скоро ли пошлете Вы нам счастье расставлять все эти предметы по местам? Какое это будет поэтическое время!

716. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Музей¹, 10-го июня

10 июня 1906, Москва

В начале 3-го часа я шел по Никольской к Вам, но на дороге мне показалось, что проехали Вы. Остановило меня только сомнение, что лошади были серые, а не обычные у Вас вороные. В «Славянском базаре» я убедился, что Вы только что оттуда отбыли. Так как Вы ехали по направлению к Кремлю, то я подумал, что Ваш путь лежал в Музей, я взял извозчика и поехал сюда. Предположение мое оказалось напрасным.

Здесь с Дмитриевым мы наметили порядок переноски ящиков из кладовых. Собираем пока материал для Средневекового зала и зала XV в. Когда ящики этой категории будут вынесены, в следующий приезд продолжу размещение остальных. Необходимо очистить верхнюю кладовую, так как с осени там начнутся штукатурные работы. Во втором этаже ведь только этот угол не оштукатурен². Если Господь поможет, то к 1 января, может быть, весь верх будет готов к окраске стен. А это было бы великим для нас счастьем. Сердечно жалею, что необходимость выехать в нынешнюю ночь к моей больной заставляет меня сделать это, еще раз не повидавшись с Вами. Надеюсь быть здесь 30-го с[его] м[есяца] и тогда пробыть около недели.

Храни Вас Господь в эти тяжелые дни для Вас аграрных неурядиц. Сейчас получил письмо из Чернского уезда, Смоленск[ой] губ[ернии]³ от одного хранителя Румянцевского музея⁴, совсем не землевладельца, а поехавшего туда лишь к одному деревенскому священнику на дачу. На другой же день по приезде ему заявили от имени крестьян, что «господа» не должны появляться на крестьянской земле. На ближайшем базаре произошли беспорядки, вызвавшие вооруженных стражников и властей. Мой дачник с семьей боятся ходить в соседний лес за ягодами. Берегите Ваше сердце философическими взглядами на все безобразное, что деется в наши дни разнужданности всяких и стольких дурных людей.

717. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 15-го июня

15 июня 1906, Таруса

Сложность дел, накопившихся за время моего отсутствия в обоих музеях, и необходимость кончить их возможно скорее ввиду тяжелого положения

моей больной, вместе с неудачным моим посещением «Славянского базара» в последний день моего пребывания в Москве, лишили меня удовольствия вторичной беседы с Вами. В первое же свидание мы не успели переговорить о многом. Между прочим я не сказал Вам о бесценных достоинствах копии равеннской мозаики «Доброго Пастыря». Давно ожидаемая мною и, по случаю неполучения ее нами, сделавшаяся предметом опасений за ее судьбу для ее авторов, которые возбудили переписку по этому делу с итальянским консулом в Москве, эта копия представляет верх совершенства, особенно при том золоте, какое мы «в творённом виде» на блюдах, под руководством В.М.Васнецова¹, посылали в Равенну. Она является в мире всех музеев впервые, как и остальные четыре мозаики нашего собрания. Равеннский отдел мозаик и скульптур у нас будет совершенно оригинальным, ничего подобного которому не представляет ни один музей Европы и Америки. Надобно теперь позаботиться о сохранении этих обширных полотен². Богоматерь и Ангел из S. Apollinare Nuovo* уже давно заключены у нас под зеркальное стекло и дубовидные рамы. В свое время Вы разрешили Р[оману] И[вановичу] сделать то же для знаменитых мозаик Юстиниана и Феодоры из церкви S. Vitale**. Рамы я видел уже в Музее еще в прошлом году. Доведите Вашу милость к Равенне до конца, указав Клейну заготовить такой же покров и «Доброму Пастырю». Эти пять больших мозаических картин заполнят по стенам целый угол в Средневековом зале, левый при выходе из Римского зала. Их бы хорошо повесить на место поскорее, чтобы не скучивать предметов в складах. Наши копии, сделанные непосредственно по оригиналам, камень в камень, пятно в пятно, останутся единственными навсегда, потому что все дальнейшие копии будут делаться уже со 2-го экземпляра этих мозаик, исполненного за наш счет для итальянского правительства³. Средневековый зал и зал XV в. в Италии станут обставляться предметами искусств у нас раньше других помещений. Вот почему я прошу Вашего распоряжения насчет рамы для «Доброго Пастыря». Так как эта картина имеет полукруглый вид, то придется поставить ее в середине стены наверху. Ниже займут место Юстиниан и Феодора⁴, а на двух продольных стенах длинные полотна Божией Матери и Ангела. На полу можно в этом углу поместить древнехристианские, римские и равеннские, саркофаги.

Успел я познакомиться и с 21 сосудом Гильдесгеймского клада, пришедшим в первой посылке. Исполнение также удивительное по своей отчетливости. И серебряная и золотая поверхность сосудов с их часто мел-

* Сант Аполлинаре Нуово (*ит.*).

** Сан Витале (*ит.*).

кой гравировкой и скульптурной geroussé* переданы чрезвычайно эффектно. 9 сосудов, в том числе и знаменитое блюдо с изображением Афины, еще не пришло; но к осени весь этот клад будет в наших руках⁵. Его можно будет показать и членам Комитета в заседании.

Как Ваше здоровье? Куда направились Вы из Москвы: в Данков⁶ или Петербург? Посылаю это письмо в Ваш петербургский дом. Положение моей больной очень плохо; она все лежит, не имея сил сделать и двух шагов по комнате. От прежнего вида осталась лишь тень.

718. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 18-го июня

18 июня 1906, Таруса

Вы не спите ночей из-за зубной боли. Позвольте Вам горячо рекомендовать средство, если не совсем уничтожающее зубную боль, то совершенно успокаивающее боль на ночь и днем, раз она появится и в это время. Средство это я постоянно испытываю на себе, даже и вот в эти дни и недели. У меня поднимается боль по вечерам, когда надо ложиться или уже ляжешь совсем. При значительном количестве чужих у меня зубов условия болящих корней у нас с Вами совершенно одинаковы. Боюсь я только, что средство мое, и по свойству Вашему – *esprit de contradiction*** – и ради необыкновенной его простоты и доступности, Вами будет забраковано. Но сделайте Вы это, по крайней мере, попробовав его 2 – 3 раза серьезно. Когда у меня защемит в деснах и занюют большие зубы, я встаю с постели и, наливши $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ рюмки спирту, развожу его немного водой. Этот раствор сначала как бы усиливает боль, делая ее острее; но проходит несколько мгновений: боль становится тише и тише – и до сих пор не бывало случая, чтобы я скорехонько не заснул после того. Повторения боли ночью совсем не бывало. Попробуйте это примитивное врачевание и Вы. Отец мой¹, не куривший и не выпивший во всю жизнь ни рюмки водки, утишал боль зубов папироской или трубочкой табаку. Желаю Вам от всей души избавления от муки бессонниц, причиняемых этой нестерпимой болью, силу которой я испытывал на себе, пока мне не подсказали этого средства. Его целебность я получил вчера вечером и даже сейчас, в этот палящий день, когда я было улегся на сквозняке. Защемило так, что боль отдалась в висках, подержал 2 – 3 мин. этот раствор – и боль прекратилась совсем. Под влиянием испытываемого благополучия я и решил написать Вам эти строки. Если раствор окажется слаб, тогда воды налейте настолько мало, чтобы спирт не обжег рта.

* чеканкой (*фр.*).

** дух противоречия (*фр.*).

Не разрешите ли Вы Клейну усилить месяца на 2 – 3 штукатурные работы внутри здания Музея? Аксерิโอ жалуется, что работы его идут крайне медленно, что их у него в этом сезоне крайне мало. Наверху остаются стены нетронутыми оштукатуркой: 1) зал Праксителя, небольшой по размерам, 2) угол с помещениями зал и кабинетов Лисиппа, Ниобид и Венеры Милосской с Лаокооном. В 1-м этаже остаются: 1) главный вестибюль и 2) Ассирийский зал. Это и все, нетронутое Аксерิโอ. В подвале надо пригласить своих, более дешевых штукатуров. Через 3 месяца Аксерิโอ бы окончил и мог отправиться восвояси². Может быть, он согласится получить плату в рассрочку и после отъезда. Ему уплачено и платится ведь много; платежную способность Комитета он знает достаточно. А для дела разноски ящиков по оштукатуренным залам это имело бы огромное значение. После того в тех же помещениях настлали бы пол – и тогда с 1 января приступили бы к окраске или обивке стен парусиной и затем к расстановке предметов.

719. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 29-го июня

29 июня 1906, Таруса

Дмитриев пишет¹, что Вы на днях были в Музее для осмотра цветного фриза, прикрепленного к стене Христианского дворика. В последний раз я видел две сцены из этого фриза Giovanni della Robbia, украшающего фасад Ospedale del Cerro* в Пистойе², уже вынесенными из кладовой, чтобы Р[оман] И[ванови]ч мог определить его высоту. Последняя оказалась больше, чем думал Р[оман] И[ванови]ч, выкладывая для этих скульптур место; пришлось поэтому выдолбить для них ложе настоящей величины. Я выбрал в Париже только эти 2 сцены, «Врачевание страждущих» и «Снабжение одеждою обнаженных», не зная, улеглась ли бы 3-я сцена на предназначенной стене. Мне казалось, для характеристики этого последнего из della Robbia, унесшего с собою в могилу самый секрет изготовления таких фаянсов, совершенно достаточно и этой ленты. В оригинале она при всей большой высоте ее помещения очень эффектна. Наша копия исполнена в Ecole des Beaux Arts по единственной форме, сделанной французами еще когда Пистойя управлялась ими³. Окрашенный по оригиналу слепок находится в одном из садиков Школы, прикрепленный к стене. Копии таксируются** невысоко, по 700 фр. за каждую сцену, кроме окраски эмалевыми красками, так что, если бы для декорации стены нашего Дворика потребовалось

* Джованни делла Роббиа... Оспедале дель Чеппо (*ит.*).

** оцениваются (от *лат.* taxare).

удлинение этой ленты, то приобрести еще сцену не составит большой цены. В Париже меня спрашивали, на какой высоте будет помещен этот фриз у нас, для того, чтобы согласоваться с этим в интенсивности наложения красок. Наша высота не может идти ни в какое сравнение с очень высоким местом оригинала по карнизу того госпиталя. Оттого там и фигуры кажутся мельче и краски не столь яркие. Р[оман] И[ванови]ч остался очень доволен тонами эмали, наложенной на наши гипсы; не знаю, как они высматривают при поднятии их на место и как эта лента понравилась Вам. Дмитриев пишет, что Вы «любовались» этой картиной.

Не имея возможности отойти от моей угасающей больной, которой каждый день приносит новые ухудшения и страдания (сейчас ее мучит общее воспаление легких; больная вынуждена кричать и плакать от невозможности дышать), – я сижу здесь и веду переписку по вопросу о штате нового Музея. Пришлось написать большую отповедь не только нашему министерству, в котором, кроме единственного, да и то второстепенного, чиновника никто ничего не знает о нашем Музее, и всего невиннее в этом отношении министр и его товарищи⁴. Эта преследующая нас смена министров превращает наше ходатайство в сказку про белого бычка: что ни министр, начинай «ходатайствовать» опять сначала... И это который министр с тех пор, как ведется наше дело! Чтобы продвигать дела в министерстве – бывало, говаривал Аничков – надо самим писать бумаги, идущие из министерства в другие ведомства. Так и пришлось сделать в прошлом году с вопросом об 11 200 руб. на отопление Музея. Заготовленную бумагу отправили тогда в Мин[истерст]во финансов и в Государственный контроль живо. То же делаю и теперь: кроме подробного изложения вопроса министру, пишу *mutatis mutandis*^{*}, то же самое от лица министра нар[одного] просвещения мин[ист]ру финансов и государственному контролеру. Не надеясь на отпуск всей штатной суммы Музею в следующем 1907, году, прошу хотя бы о $\frac{2}{3}$ бюджетного назначения. Но дело теперь, с Госуд[арственной] Думой, стало более сложным⁵, так что поставят ли даже на очередь наш вопрос осенью, сказать трудно⁶. Для ускорения дела пошлем ходатайство в печатном виде и копии его разным лицам в Петербурге, которых приходилось просить о том. Эти лица – в Мин[истерст]ве финансов, контроле и Госуд[арственном] Совете; в свое время надо будет заинтересовать нескольких членов Государственной Думы.

Как Ваше здоровье? Долго ли останетесь в Сторожеве? В Москве, быть может, буду через неделю. Рассчитывал ехать завтра, но нет возможности.

* с соответствующими изменениями (*лат.*).

720. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 3-го июля

3 июля 1906, Таруса

Нынешний день я намерен был провести в Москве, чтобы присутствовать от имени Комитета Музея на заупокойном богослужении по К.А.Казначееву¹. Ныне 40-й день, как его не стало. Но не в моих силах теперь оторваться отсюда... Нашей больной все хуже: бессонные ночи, истощение и последних сил, раньше позволявших вставать хотя на 5 – 10 мин. с постели и проводить их в кресле, пока приводят постель в порядок, отвращение от пищи, крайний предел высокой температуры, потеря голоса и бред в забытии. Мы выписали из Об[щи]ны покойной княгини Шаховской² сестру милосердия.

С К.А.Казначеевым сошел в могилу и другой наш член-учредитель, от которых пошло все последующее счастье Музея. Он и покойный М.С.Нагаткин³ принесли Музею 150 000 руб. из средств умершей В.А.Алексеевой, имея полную возможность ограничиться в этом деле какой угодно маленькой суммой: так неопределенно было поручение, здесь данное им лично, и так вольны они были толковать текст духовного завещания, в коем Музей упомянут не был совсем. Большой любитель естественных наук, «ученый инженер-технолог» по званию, Казначеев, имея все права на профессию в Моск[овском] технич[еском] училище и Политехникуме⁴, провел свою скромную жизнь в издательстве книг и газет по технологии. Наше дело он любил, следил и радовался его успехам, сердечно соболезновал, когда его постиг злодейский поджог. Он не только посещал все заседания Комитета, когда они были часты; но и бывал в Строительной комиссии неупустительно, особенно на первых порах, когда дело налаживалось. Большой скептик и пессимист, он зорко присматривался к строительным работам и к отчетности по их ведению – и успокоился, только убедившись в необычайной честности Р[омана] И[ванови]ча и больше, чем в немецкой аккуратности архива Строительной комиссии, управляемого Рербергом. Он не покидал нас и в прошлом году, когда его наружность страшно изменилась: было очевидно, что какой-то злой недуг подтачивает его организм. Умер он от нефрита в Баденвейлере⁵. Считая его неизменным другом нашего дела, я ставил себе долгом помолиться на его могиле в 40-й день; но судьбе не было угодно позволить мне это, как за невольным пребыванием в Крыму я не мог быть на его погребении. Даже о кончине его я узнал, случайно взявши № газеты во время трудного переезда нашего из Севастополя сюда. Дмитриеву я послал надпись для ленты на венке, кото-

рый ныне во время литургии в Скорбященском монастыре⁶ он от имени Комитета должен был прикрепить к надгробному кресту Константина Алексеевича. Мне больно, что этого я не могу сделать сам.

В эти дни присылали сюда из Москвы корректурные листы защиты нашего проекта штатов⁷. Продержал последнюю корректуру, и, если не наврут в исправлениях, придется следующую подписать. Дело теперь только за таблицей с цифрами. Набрать и выправить ее труднее, чем текст. Где Вы теперь? Мне нужно переслать этот документ Вам. Прошу на 1907 г. – половины бюджетного назначения, 29 000 руб. на хозяйственные нужды. Но поступит ли наш вопрос в Госуд[арственную] Думу этой осенью? Надобно, чтобы он был внесен в самом начале осени. Эти же 2 – 3 месяца уйдут на путешествия нашей бумаги по министерствам. Приходится переделывать и всю объяснительную записку к таблице штата. Ее также нужно будет напечатать на правах, конечно, рукописи.

721. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 5-го июля

5 июля 1906, Таруса

Тяжелое семейное горе не дает мне возможности изложить просьбу давнего моего близкого знакомого, прежде товарища председ[ателя] Моск[овского] окруж[ного] суда, а ныне председателя Московск[ой] дворянск[ой] опеки, П.С.Кларка¹, за 90-летнего старца Маурера, ищущего приюта в Дворянской богадельне имени Вашего родителя. Прилагаемое при сем письмо будьте добры прочесть вместе с Дмитрием Степановичем и решить вопрос, возможно ли было бы сделать исключение для 90-летнего просителя из общего правила о назначении Вашей богадельни только для потомственных дворян, тогда как проситель только личный дворянин. Конечно, этим исключением создается прецедент; но 90-летний возраст все объясняет, а, главное, с течением времени Вашей богадельне придется, по необходимости, отказывать за недостатком места, и многому множеству и потомственных, когда не может и возникнуть вопрос о личных дворянах. Это исключение можно было бы допустить только на первых порах. Не смею распространяться долее на эту, в данном случае, субъективную тему.

Дамоклов меч висит над нами. Великое испытание готово поразить нашу семью².

Господь да хранит Вас.

722. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 июля

13 июля 1906, Москва

Считаю сердечным долгом принести Вам искреннейшую признательность за дорогую для меня своею теплотою депешу с соболезнованием в постигшем меня несчастии и со словами утешения. Я сохраню навсегда эту телеграмму как дорогое воспоминание¹. Теперь, когда Марии Александровны уже нет в живых, мне легко сообщить Вам, какой искренней почитательницей была она Вашей личности, никогда Вас не называя, ни устно, ни в письмах по фамилии, но неизменно полным именем и отчеством. Она была до последних дней жизни беззаветной поклонницей Вашего великодушия, столько лет и в такой колоссальной форме проявляемого в деле Музея. А Музей наполнял ее сердце не только по связи этого дела с моим в нем участием, но и как предмет ее личного увлечения задачей предприятия. Когда 15 лет тому назад она стала моею женой², я проходил первые стадии налаживания этого, тогда еще маленького дела. Она была свидетельницей моих мечтаний и хождений по Москве, по кабинетам и конторам богатых ее людей. Разговоры об этом наполняли наши первые годы. Интерес хорошей задачи сообщился ей и ее отцу. Пошли ежедневные беседы по вечерам у покойного А.Д.Мейна³, к которому мы ездили к 9 часам вечера каждый день. Тогда, за чаем, *en trois** мы вырабатывали план и дальнейшие шаги предприятия. В 1894 г. положено начало дару В.А.Алексеевой, весной следующего года он определился в 150 000 руб. и стало делом решенным, что будущий Музей должен получить имя недавно почившего Александра III⁴. Во всех этих радостных предприятиях, в этом неожиданном расширении горизонта моего скромного дела, до того времени не видевшего жертв более 2000 – 2500 руб. из одних рук, М[ария] А[лександровна] принимала самое живое и, как человек, переживавший 23 – 26 г[оды жизни], самое горячее участие. Осенью 1895 г. мы отправились с ней осматривать университетские и государственные музеи (главн[ым] образ[ом], скульптуры) Германии, Франции и Англии (Италию мы проехали еще весною 1892 г.). В этом путешествии, совершённом по специальной программе, мы осмотрели и здания и коллекции изваяний в Берлине, Дрездене, Галле, Гейдельберге, Бонне, Кёльне, Страсбурге, Париже, Лондоне, Кембридже и Оксфорде. М[ария] А[лександровна] была моим секретарем и рисовальщиком на всем этом пути. Она делала кроки** зал, почему-ниб[удь] казавшихся нам тогда интерес-

* втроем (*фр.*).** Кроки (*фр. croquis*) – набросок; чертеж от руки, сделанный с натуры.

ными; она наполняла, под мой диктант, заметками наши записные книжки; она составляла каталоги тех скульптур, приобретение которых в будущем нам казалось тогда желательным. Зная, что в одну осень каталога полного Музея скульптуры не составить, мы ограничились на этот раз только античным, или, точнее, греческим и римским миром, отложив Восток и искусство христианского мира до других путешествий. Этот объезд Западной Европы в непогожие дни ноября и положил начало болезни М[арии] А[лександровны]. Раз она простудилась в Германии, другой раз при переезде в холодную и бурную ночь из Дувра в Остенде. Она вынуждена была лечь в Бонне и потом в Дрездене и пользоваться там медицинскими советами от нажитых плевритов. Но и еще в N^о гостиницы в Дрездене она составляла схему расположения зал будущего Музея, имея идеалом для себя Albertinum*. Директор его Е.Е.Трей⁵ прислал ей с своей женой и дочерью инструменты для черчения. И вот первый план нашего Музея был нарисован в последовательном историческом порядке, начиная с Египта, Марьей Александровной. Он должен храниться в архиве университетского Кабинета изящн[ых] искусств⁶, потому что он служил основой и исходной точкой для з[а]даний архитектурного конкурса нашего Музея при Академии художеств, объявленного вскоре по нашем возвращении из-за границы⁷. Правление Университета диктовало тогда условия проекта здания в том виде, как они были составлены М[арией] А[лександровн]ой и мной. Отличный чертежник и много занимавшаяся живописью, она взялась пламенно за эту задачу, и в этой стадии предприятия она сослужила большую службу Университету и его Правлению, где в то время, кроме Н.А.Зверева⁸, лиц компетентных в художественных и музейских вопросах совсем не было. О роли М[арии] А[лександровн]ы в этом деле того времени я тогда же писал моему другу, проф[ессору] Помяловскому⁹. Обладая выдающейся памятью, она за время наших общих путешествий в 1892 и 1895 гг. частью по оригиналам, частью по гипсовым отливам до такой степени освоилась с античной скульптурой, что служила долгое время для меня источником при справках, где мы увидели в 1-й раз тот или другой отлив, не встречающийся в прочих собраниях. Античному, т.е. собственно греческому и частью римскому, ваянию она принесла такое увлечение, что в следующие годы, когда я должен был собирать материалы для эпохи итальянского и французского Возрождения и когда высказывал восторги перед флорентинцами – скульпторами XV и XVI вв., М[ария] А[лександровна] называла это изменой прежним

* Альбертинум (*лат.*).

идеалам. Из путешествий мы вынесли главное представление о схеме будущего Музея и его главном содержании, пока до конца римской эпохи; в отделе классическом намечены были и места изваяний для каждого зала. Конечно, архитекторы, принявшие участие в конкурсе, располагали эту схему каждый по-своему, но исторический порядок зал и их размеры остались в конкурсных работах те, которые даны были М[арией] А[лександров]ной и мною, в том виде, как нами они были выработаны путем изучения подходящих данных в иностранных музеях. С тех пор протекло 10 лет неустанной работы над исполнением задачи у Р[омана] И[ванови]ча¹⁰, которому дано было в распоряжение и все лучшее, что создано его [най]более даровитыми конкурентами, так как все премированные проекты должны были, согласно условию, поступить в собственность Университета. Эти 10 лет работы талантливого и прилежного архитектора сделали свое: теперь между чертежами М[арии] А[лександровны] и Клейна уже мало общего. Но и теперь магистральная линия зал и их размеры остались неизменными, за очень редкими исключениями. Свою руководящую роль *первая схема*, составленная молодою талантливою женщиной, сохранила и доселе. Впрочем, сама М[ария] А[лександровна] после с улыбкою вспоминала эту «дерзость молодости» и смеясь осведомлялась, вконец ли уничтожил Р[оман] И[ванови]ч «ее замышления». Я совестливо отвечал ей, что детали плана иные, а остов Музея – все тот же, и разные отделы его остались en masse* нетронутыми. Говорить ли мне о том, что, свободно владея английским языком и артистически говоря по-французски и по-немецки, она была для меня в тех путешествиях несравненным переводчиком:¹¹ Оттого первое с ней путешествие по Англии было так легко и плодотворно, оттого так тяжело было мне в Лондоне прошлым летом, когда я был там уже без нее¹², а потому вынужден был, ради языка, жить у итальянцев, а вне квартиры, в музеях, безмолвствовать по целым дням, по незнанию администрацией их каких-либо других языков. Но давно замечено, что особо даровитые русские люди очень часто бывают недолговечны. Плевриты, заполученные во 2-е путешествие, стали у М[арии] А[лександровны] повторяться, а четыре года назад московские врачи объявили мне присутствие у нее туберкулеза и погнали ее из Москвы. Вы тогда нам указали на Nervi** близ Генуи. Необычайная мягкость зимы и защищенность этого городка от ветров оказали такое благодетельное действие на нашу больную, что она стала быстро поправляться. Две зимы, проведенные там, поставили ее совершенно на ноги; ей захо-

* целиком; во многом (*фр.*).

** Нерви (*ит.*).

телось возврата домой, в семейный круг, о котором она тосковала там, живя вторую зиму одна, так как девочек пришлось поместить в Лозанну, в пансион. Но врачи в Москву ее не пустили, указавши на необходимость провести год на юге Германии. Поправление в Нерви было настолько большим, что М[ария] А[лександровна] весной 1904 г. выехала ко мне в Париж и там принимала самое деятельное участие в обозрении музеев и церквей, а равно выезжала со мною в несколько городов для той же цели по северной и центральной Франции, служа при этом по-прежнему, как и 9 лет назад, мне секретарем и советником¹³. Целыми днями мы ходили, ездили, плавали на пароходах. Записные книжки этого времени опять наполнились ее быстро писавшей рукой. При ее содействии делался подбор предметов искусств для приобретения как по античному искусству, так и по Средним векам, по эпохам романской и готической. Представляя для меня «образованную публику» нашего будущего Музея, она не раз удержала меня от приобретения предметов, имевших исключительно археологическое значение и потому мало понятных большой публике. Оставшись верной увлечению античной скульптурой, она с особым увлечением составляла тогда в Лувре список его лучших статуй, бюстов и рельефов греческих и римских. Вместе с нею и делали мы заказы отливов тамошнему формовщику, г. Arondelle¹⁴. После красоты предметов этого порядка естествен был с ее стороны скептицизм в подборе памятников скульптуры средневековых. Из Франции мы вынесли наилучшие впечатления и воспоминания, тогда же заказавши и отлив угла Парфенона в Ecole des Beaux Arts. Последней остановкою во Франции был для нас Дижон¹⁵ с его Puits des Moïse* и гробницами бургундских герцогов. Проведя около этих импозантных памятников скульптуры XIV в. весь день, мы вечер просидели в каком-то народном театре, оказавшемся возле нашей гостиницы. Шла какая-то только во Франции возможная пьеса, La Revue de Dijon**, кажется, никогда мы так шумно и так много не хохотали вместе с остальной публикой и смущались только фактом присутствия здесь родителей с малолетними и подростками детьми... Трудно и вообразить, какой ералаш и какие невозможные ситуации проходили перед зрителями! Из театра мы перешли на ж[елезную] д[орогу] и к утру были в Лозанне. Осенью того же года, поместив девочек в институт*** во Фрейбурге im Breisgau****, мы двинулись в новый объезд Германии, на этот раз для

* Колодцем Моисея (*фр.*).

** «Обозрение Дижона» (*фр.*).

*** пансион, учебное заведение с общежитием (*уст.*).

**** в Брейсгау (*нем.*).

памятников христианского искусства. Штутгарт, Нюрнберг, Бамберг, Наумбург, Дрезден и Берлин были местами наших общих обозрений и подбора всего нужного и желательного для первых времен существования Музея¹⁶. Священники и кустоды кафедралей, директоры и хранители музеев, скульпторы и формовщики были при этом нашими собеседниками и приемщиками заказов и поручений. Но это путешествие и было роковым для М[арии] А[лександровны]. В Бамберге, собор которого высится на холме, она сильно простудилась при сильном ветре и сырости внутри собора. Той же сыростью обдало ее и в соборе Наумбурга. Дрездена она уже не видала, пролежав там все время в гостинице. Возвратилась она из Берлина во Фрейбург с незалеченным плевритом; страшные бури и ветры следующей зимы довершили остальное. Последовал возврат туберкулеза, против которого ничего не могли сделать ни немецкие врачи, ни санаториум в St.-Blasien¹⁷, ни тем менее Крым, с его отвратительным зимою климатом, плохим питанием и, в этом году, убийственными забастовками, совершенно разобщавшими М[арию] А[лександровну] с Москвою. Московское вооруженное восстание добило ее вконец. С тех пор началось решительное и бесповоротное таяние организма. К весне он представлял собою только остов, только костяк. Считая «игру проигранной», жизнь оконченной, М[ария] А[лександровна] еще в Ялте сделала нотариальным порядком свои распоряжения. Ее увлечение Музеем и его дальнейшей судьбою продолжалось до последних дней. Интерес к этому учреждению, начавшийся с той поры, когда она стала моей невестой, и возраставший в ней в течение 15 лет, завершился в дополнение к энергии и личным работам, на преждевременном закате жизни принесением излюбленному Музею $\frac{1}{10}$ части достояния, оставленного ею девочкам. 10 000 руб. она завещала в вечный капитал Музея на составление из %-в отдела библиотеки по истории искусств в память ее отца А.Д.Мейна. При этом она предоставила администрации Музея в размещении книг полную свободу, не желая для этого отдельных шкафов. Одного ей хотелось – чтобы в отчете Музея ежегодно стояла статья по расходованию %-в на указанную цель. В непродолжительном времени окружной суд пришлет Музею или, точнее, Комитету Музея выписку из ее завещания¹⁸.

Я злоупотребляю Вашим временем и вниманием, но что делать? Таков сюжет рассказа: написал я много, а мне кажется, сказал я все-таки очень мало о ее почтении к Вашему имени, о ее скромной, не выдававшейся наружу, но большой любви к нашему с Вами общему делу.

723. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 июля

27 июля 1906, Москва

В эти забастовочные дни в Москве¹, когда на фабриках и на больших стройках часто рабочие бездельничают, работы в Музее не прекращались. Неизменно ведут свое дело и гранитчики, и мраморщики, и стекольщики, и те 4 штукатура, оставленные у нас Аксерю, уведшим остальную команду на другие подряды в Москве. Гранитчики куют камень для наружной лестницы и крыльца по главному фасаду и заготавливают лецадь* для пола в центральном портике. Боковые массивы на главном крыльце уже поставлены на места и будут терпеливо ждать своих египетских львов, которые Р[оман] И[ванови]ч мечтает отлить из меди, полагая, что в этом виде они будут много дешевле вырубленных из гранита². Укладываются уже и нижние ступени лестницы. Установлены боковые части и положены ступени из гранита на боковом крыльце³; остается здесь только выстлать верхнюю площадку. И это крыльцо, при всей скромности рисунка, вышло внушительных размеров и формы. А главный вход будет прямо величавым. Я люблю эти монументальные входы у храмов и музеев; они возвышают настроение у входящих, внутренне поднимают их, заставляя забыть впечатления улицы. Поднимаясь по таким ступеням к храму или музею, становишься серьезнее, стряхиваешь с себя будничную прозу, с ее мелкими заботами и интересами, и вступаешь в область ожидания впереди чего-то большего, значительного, возвышающего, поучительного. Такова миссия этих каменных и величественных входов и порталов. Так всегда они действуют на меня за границей и в России.

Какая дружная ковка гранита и других твердых камней идет на нашей площади и сколько терпенья у этих тверских крестьян в этой медленной, медленной работе! Тукает гранитчик целый день, а результат по количеству сделанного ничтожный. С другой стороны, какой массивной прочности ступени и лецадь пола в колоннаде! Такого пола и таких лестниц не сотрут сапоги посетителей Музея целые столетия. Эта часть здания у нас куда монументальнее лестницы и пола знаменитой шинкелевской галереи Altes Museum⁴ Берлина. Еще далеко-далеко ей до 100-летия, а уже в последние годы ступени ее лестницы должны были там перекаладывать сызнова, заменяя истрескавшийся камень новым.

Приступили и в Христианском дворике к укладке лестницы. Гранит для нее прекраснойковки доставил нам подрядчик на гранитные работы на

* плиты (уст.).

памятнике Александру III⁵. Цвет гранита красновато-серый, в ковке он выглядит скорее серым. Стекольщики работают в задней половине здания и пока вставляют внутренние стекла. Поляки, приехавшие из Варшавы для оправы железных рам⁶, красят железо, чистят и обтягивают положенные по рисунку части медью или бронзой. Работают они дружно и постоянно. Штукатуры копаются около потолков Христианского дворика и на главном фасаде в центральном портике. Мраморщики пилят и полируют цветные мраморы для монументальных наличников в три двери главной площадки на лестнице во 2-м этаже, в двери Центрального зала и боковых зал Олимпии и Пергамского. Готовятся ими и капители и пилястры внизу лестницы. Забастовки в Москве, слава Богу, протекают вяло и имеют частичный характер. Надо думать, скоро это бессмыслие и прекончится.

Будьте благополучны.

724. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31-го июля

31 июля 1906, Москва

Новая родная могила и дела по двум Музеям до сих пор удерживают меня в Москве. Есть своя притягательная сила у кладбищ и близких дорогих могил, которой трудно противостоять в дни несчастий. Бывая в эти недели на Ваганьковском кладбище, я научился многому, и, увы, нелестному для репутации человеческого сердца. Оно забывчиво и неблагодарно; так, по крайней мере, свидетельствуют о нем надгробные памятники, в колоссальном большинстве запущенные, никем не посещаемые, покосившиеся, потерявшие свои украшения и даже составные части. Этой участи не избежали и надгробные монументы лиц, носивших громкие, старые, княжеские титулы, старательно прописанные и высеченные на граните и других твердых камнях теперь забытых и разрушающихся памятников. Другое впечатление, это – крайняя бесполезность проставления в надписях надгробий служебных и общественных титулов почивших. Родные знали и знают эти титулы, а чужим, посторонним людям они совсем неинтересны. На месте последнего покоя – все одинаково «рабы Божьи», без различия званий и положений. Оттого такой грустью веет от этих «Коллежских Ассессоров, Надворных, Статских, Действительных Статских, Тайных и Действительных Тайных Советников», выгравированных когда-то столь старательно по заказу опечаленных близких родных. Потомкам до этих величаний нет никакого интереса; они не поддерживают памятников с такими надписями даже от физического их падения. И потому нередко видишь такие монументы

ты поверженными на земле и своими верхними частями с этими надписями вросшими в могилу, увековечивать которую они были когда-то предназначены. Да и это «когда-то» было сравнительно недавно. На Ваганьковском гранитные и иные из твердых пород камней памятники в таком положении находятся из 30-х и 40-х годов XIX века. По тем же данным можно убеждаться и в том, как недолговечны русские роды и семьи. Страшная запущенность и бесповоротное забвение могил говорит, конечно, и о прекращении потомства и родства лежащих здесь покойников. На днях я встретил близ церкви два памятника старых профессоров Московского университета, профессора русской литературы Мерзлякова¹ и профессора римской словесности Крюкова². Первый памятник – низенький, чугунный, но поэтически задуманный, с урной наверху. Эта урна повлияла и на замысел весьма изящного и монументального памятника Крюкову, воздвигнутого по подписке его сослуживцами, профессорами, а б[ыть] м[ожет,] и учениками. Лица эти в латинской надписи, вероятно, составленной любимым учеником и преемником Крюкова, Леонтьевым³, названы *Commilitones**. Крюков, блистательный, по преданию, лектор и основательный ученый, прошедший немецкую университетскую школу, был красноречивым, говорят, глашатаем в те годы главных идей Нибура⁴ о начальной поре, т[ак] назыв[аемом] Царском периоде Рима. Он умер рано, 35 лет, в 1845 г. Трогательна эта складчина профессоров той поры на пышный и изящный памятник, состоящий из монументальной колонны и укрепленной на ней классической формы урны с покрывалом. А тогда не было ни «академических» союзов, ни автономной коллегии университетов⁵, как ныне. Очевидно, в те времена было на деле больше коллегиальности, тогда как теперь члены Совета Моск[овского] университета очень часто не знают друг друга и по фамилии, не знают и названия их специальности и кафедры. А насчет коллегиального надгробного памятника товарищу за 29 лет здешней службы я и не слыхивал.

Проект штата Музея, наконец, напечатан, готова и бумага насчет урезанных в первом проекте 15 т[ысяч] руб. Требуется к ней приложения техников о стоимости отопления. Они составлены Рербергом и конторой «Залесский и Чаплин»⁶. Чтобы ускорить течение этого дела в Мин[истерстве] нар[одного] просвещ[ения], где эти специальные записки, с разными выкладками и формулами, должны будут переписываться в 2-х экземплярах, для Госуд[арственного] контроля и Мин[истерст]ва финанс[ов], я заготавливаю эти приложения в трех экземплярах. Здесь ныне за ночь перепишут их на машине. Заготовлены для чиновника, ведающего все ученые учреждения, в том

* соратники (*лат.*).

числе и наш Музей, также и проекты бумаг, – объяснений для указанных двух ведомств. Теперь тому чиновнику остается показать эти проекты своему начальству, сделать доклад мин[ист]ру или его товарищу и потом отдать их департаментским барышням в переписку на машинке. Но и при этом упрощении дела течение вопроса все же потребует времени, и потому едва ли ответы из Мин[истерст]ва финансов и Госуд[арственного] контроля получатся раньше октября. Таблицу штатов пришлось, согласно указаниям этих ведомств и собственного опыта Музея, несколько видоизменить в частностях. Общая сумма испрашиваемых средств на все вышла в 57 474 руб., из них 15 400 руб. на содержание личного состава чинов, а остальные 42 074 р. на хозяйственные нужды Музея. При исчислениях приходилось сообразоваться с действующими штатами Румянцевского и Российского Исторического музеев, конечно, выбирая при этом высшие цифры. Как раз наоборот поступают в отношении нашего Музея Мин[истерст]во фин[ансов] и Государств[енный] контроль, указывая нам для существования меньшие ассигнования и нисколько при этом не сообразуясь с действительными потребностями нашего здания. Вот из-за этого-то и привелось повоевать с ними на стальных перьях в посылаемой отписке. Вон мудрецы тех ведомств ничего не дают нам на ремонт здания, ничего и на его стеклянные крыши. Да одна протирка стекол и промазка их в переплетах, составляющих у нас своим протяжением несколько верст, чего будут стоить?

Кстати, о стеклах и вставке их, идущей в настоящее время. Начавшиеся дожди, да еще с ливнями, заставляют Р[омана] И[ванови]ча усилить работу этого рода в окнах. Поляки, приехавшие из Варшавы, приводят в порядок железные рамы и обтягивают их медью или бронзой, а стекольщики от Франка⁷ сейчас же вставляют стекла в готовые переплеты. Сейчас идет деятельная работа по обоим боковым фасадам. Вставляютя и наружные и внутренние стекла. Готовые окна выглядывают и очень изящными и монументальными. Окна Румянцевского музея в сравнении с этими – достойные сожаления бедняжки, окна Исторического музея своими причудливыми деревянными рамами настолько непрочны, что, по словам кн[язя] Щербатова⁸, предстоит большой расход на ремонт их, а протирка их в очень тонких переплетах составляет для него каждое лето предмет заботы и брани по адресу допустивших здесь дерево. Окнами наш Музей убил и кремлевские оба дворца и музеи⁹, и все казенные здания Москвы. Правда, их не так много, как там, потому что у нас эти блестящие и солидные окна только в 1-м этаже.

Одновременно на двух маршах идет укладка гранитных ступеней лестницы Христианского дворика. Отличный вид несокрушимой прочности и

вместе с тем монументальной красоты имеют эти ступени. Они цельные, во всю длину превосходно вытерты* машинным способом в Финляндии. Тверские «египтяне»¹⁰ тихо, монотонно, но прочно куют камни для главного крыльца. Так приятно побыть среди этого стука инструментов и гранита: эти мерные удары громко говорят моему сердцу о благодарности и почтении к Вашему имени в отдаленные годы и у дальних поколений. Да хранит Вас Бог! Музей с его постоянной сменой посетителей живет вечно.

725. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 5-го сентября

5 сентября 1906, Таруса

В последний раз, в конторе Музея, я застал Вас в грустном настроении, наваянном на Ваше сердце документами, которые представил Вам Рерберг¹. 600 000 руб., насчитанные там как сумма, необходимая для окончания Музея, конечно, цифра колоссальная и сама по себе, а как придаток к капиталу, Вами до сих пор на Музей затраченному, она доводит стоимость Вашей жертвы до размеров, которые и вообразить раньше мне было бы невозможно. Ведь это будет свыше 1½ миллиона рублей, l'argent comptant**, что, по нынешним временам, увеличивает их стоимость на 30%. Внутреннее удовлетворение и серьезное утешение возможно здесь только в соображениях высшего порядка. Такие суммы не могут и не должны квалифицироваться как «пожертвование». Под это наименование подходят дары других в нашем Комитете, которые дали денег, кто сколько мог и желал, а затем, в сущности, и забыли Музей, его рост, его радости и печали. Ваши же многолетние траты, из коих ежегодная стоимость равняется целой группе единовременных пожертвований других наших сочленов, и применение Вами Вашей души этому делу, Ваших сердечных забот и интересов, отодвинувших в течение целого ряда лет на задний план Ваши другие дела, – это, конечно, уже не «пожертвование», а беззаветное служение миссии, высоту и великое значение которой создали Вы сами, Ваше великодушие и Ваш навык придавать всякому серьезному делу большие размеры, монументальные вековые формы и редкое в нашей стране изящество. Благодаря этим-то факторам Вашей природы и явились Гусевский храм, который был бы истинным украшением любой столицы мира, миллионное техническое училище в скромном и бедном Владимире, дивная церковь в глухой деревушке Рязан[ской] губ[ернии] и образцовый Хирургический институт в Петербурге²;

* Зд. отшлифованы.

** наличными (фр.).

из того же источника Вашей психики выливается и Музей в своих, нечаянных раньше никем, вековечных материалах и формах, Музей, ставший объектом удивления и восторга не только Москвы, но всей России, бывающей в Москве. Нужно было видеть впечатление этого грандиозного здания после снятия лесов с главного фасада в прошлом году!

Насколько я мог заметить, Вас тогда¹ озадачила не денежная сумма, а количество времени, потребное для внесения ее. Вам показалось, что для этого нужно еще 6 лет. Позднее я сообразил, что Вы ошиблись на целый год, так как даете Вы Р[оману] И[вановичу] на платежи по Музею не 100 000 руб. а по 120 000 руб. в год. 5 лет – это все-таки утешение. Но не будет ли возможности сократить работы в Музее до 3-х лет? Помечтаемте, посчитаемте, подумаемте, что, впрочем, так легко для одного из нас. Если бы увеличить дотирование Музея на 2500 руб. в месяц с 1 января ближайшего года, то сумма в 600 000 руб. была бы выплачена в 4 года. А при такой с Вашей стороны милости Клейн, конечно, найдет возможным окончить все работы в 3 года, с тем, чтобы излишек работ последнего года был оплачен уже в 4-м году. Подрядчики найдутся с обязательством получить плату на таком условии. Весь, таким образом, секрет в этих 2500 руб. месячного увеличения – и, при милости Божией, последнее Ваше многолетнее великое дело, которое запечатлеет навек Ваше почетное имя в истории отечественного просвещения, будет так же блистательно окончено, как и начато. Не любя денег как таковых, ради их самих, взгляните, Юрий Степанович, с обычным Вашим благодушием на эту месячную трату в 2500 руб. и дайте Клейну разрешение усилить темп работ с Нового года. Всякое дело получает свое значение – своим концом.

Да хранит Вас Бог!

P.S. Возможны, вероятно, сокращения самой суммы. Так, в залах Лисиппа, Ниобы, Лаокоона и Венеры Милосской и в Пергамском легко устроить бы *гладкие*, дешевые потолки⁴. Ведь дорический и ионический стили потолков уже показаны в других залах.

726. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 14 сентября

14 сентября 1906, Таруса

Вчера вечером из Румянцевского музея мне протелефонировали Вашу депешу о прибытии Вашем в Москву¹. Не случись непоправимой задержки из-за теплого платья моей младшей девочки, которую я должен взять с собой, я ныне около полудня выехал бы отсюда и вечером был бы в Москве². Но для моей жительницы юга в течение последних 4-х лет надумались

мы сделать здесь шубку, без которой пускаться в путь в такую стужу и ветер нет возможности. Портнихи и в жалкой Тарусе так же неисправны и неверны своему слову, как и в больших городах. Шубка не готова, ныне – большой праздник³, и вот приходится ждать дня 2, по крайней мере. В субботу⁴ надеюсь быть в Москве.

Если не изменяет мне память, Вы на днях должны быть во Владимире, на акте в Вашем Техническом училище?⁵ Дай Бог пройти акту благополучно! Ныне такие обстоятельства, что при пении национального гимна можно ожидать всяких безобразий. К моему брату, директору Московского коммерческого училища⁶, перед актом в минувшем августе, подходили с советом «гимна лучше не исполнять»; брат на это не пошел, и дело, к счастью, на этот раз сошло вполне счастливо. Но вон тот же гимн в другом московском коммерческом училище, т[ак] наз[ываемом] Александровском, повел к позорному скандалу, так что и гимна не окончили: оскорблен директор, наш почтенный математик проф[ессор] Андреев⁷, пользующийся в нашей среде наилучшей репутацией, и, по газетным известиям, нанесен удар законоучителю*. В начале учебного года обсуждался, говорят, и в московских гимназиях вопрос, как быть с гимном... Вот до чего мы дожили.

17-го Вы, вероятно, уже будете лично поздравлять именинницу⁸; если так, то сколько же ночей проведете Вы в дороге?

В Музее очистили лепщики помещение Ассирийского зала⁹, который Р[оман] И[ванови]ч начнет затем штукатурить. Это – единственная комната, остающаяся в 1-м этаже с голыми стенами и без пола. Раз оштукатурят и ее, можно будет ходить кругом по всему этажу. Тогда останутся без штукатурки главный вестибюль и пространство за лестницей. Какой пол разрешите Вы настлать в этом вестибюле? Место это самое боевое, ходьбы и движения тут будет больше всего. По своему положению оно находится между наружной колоннадой с ее гранитным полом и нашей изумительно пышной и изящной лестницей: не позволите ли Вы выстлать и это сравнительно с полом колоннады уже маленькое помещение также гранитной лещадью, хотя бы, ввиду удешевления, самого меньшего размера? Мозаические полы¹⁰ в вестибюлях не годятся; даже в Вашем петербургском доме, где движение в вестибюле, сравнительно с музейским, совсем крошечное, мозаика растрескалась, а делалась она, конечно, отличными мастерами. У нас же тут мозаический пол скорехонько сапожищи простой московской публики испортят: он живо даст трещины и выкрошится. Можно бы настлать здесь метлахские плитки¹¹, но на этом месте бойкого, постоянного, ежедневного

* преподавателю Закона Божьего (уст.).

движения взад и вперед (условие, которого не будут иметь другие помещения Музея за исключением лестницы Христианского дворика, по которой, сберегая главную лестницу, придется пускать ежедневную публику) мелкие плитки скоро повыскакают из своих углублений, и пол потеряет здесь свою монументальность, которой требует его соседство. С улицы поднимаешься гранитной лестницей на гранитный пол портика и галереи, за несколькими шагами вестибюля следуют дивных цветов мраморы лестницы и всей ее пышной клетки: небольшая же полоса красных или иных каких, хотя бы и темных и однотонных, метлахских плиток испортит здесь то впечатление величавого, монументального, «вечного», с которым посетитель будет входить внутрь Музея с беломраморной галереи. И в интересе этого высокого впечатления, независимо от практических соображений, гранитные квадраты, хотя бы небольшого размера, приходят на ум и становятся предметом желания сами собой, особенно, когда гранита у нас уложено уже так много. Можно бы и здесь употребить такой же сорт и такой же машинной обработки, как и на лестнице Христианского дворика, где его ставит общ[ест]во «Гранит», по словам Р[омана] И[ванови]ча, сравнительно «очень дешево». Высказывая это, Юрий Степанович, я, конечно, сознаю, что гранитная лещадь здесь все же будет дороже метлахских плиток; но в сооружении таком, как наше, одно влечет за собою роковым образом другое. Метлах является чудесным полом в залах, как показывает Библиотека, Читальня и другие. Но здесь хочется материала более солидного¹². Куда девался белый камень, употреблявшийся в московских зданиях прежде?

До свидания.

727. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 19-го сентября

19 сентября 1906, Таруса

Пишу Вам не собственной рукой потому, что вот уже четвертый день лежу с компрессами на голове, не смея, по указанию врача, поднимать ее.

Получивши Вашу телеграмму о приезде в Москву, я начал укладываться, намереваясь на другой день выехать; но тогда же случилось со мною несчастье: начались головокружения и тошнота. Тем не менее я с дачи переехал в Тарусу в дом врача, моего двоюродного брата. Здесь через полчаса случился со мною обморок, сопровождавшийся порчею языка и формы рта. Меня уложили в постель и с тех пор держат с компрессами на голове, лечат бромом и йодом. Эта болезнь является повторением моей однородной, но более сильной болезни, бывшей со мною в 1896 году¹. Последний мой случай озабочивает меня тем, что мозговое заболевание подействовало на язык

и форму рта. Неповиновение языка и скошенность рта прошли в первый же день, теперь я в этом отношении совершенно нормален; но этот случай заставляет опасаться за возможность более сильного повторения в будущем и направления параличного состояния в сторону языка и рта. Чтобы не остаться без способности речи, я ныне пишу духовное завещание и делаю семейные распоряжения. А чтобы не поставить [в затруднение] заграничных поставщиков, или приготовивших и доставивших или приготовляющих сделанные им от имени Музея заказы копий предметов искусства, я прошу их прислать счета, желая засвидетельствовать их как подлежащие уплате. Не говоря о мелких счетах в Равенну и Гильдесгейм, меня озабочивает уже оконченная и посланная из Флоренции саптогіа Донателло², исполненная из желтоватой мастики с золотом и инкрустацией; цена ее 9000 фр. Это предмет большой. Далее – уплата за угол Парфенона в Ecole des Beaux Arts в Париже и за памятник Лизикрата³ – там же. Большая часть угла Парфенона уже доставлена в Музей, недостает только завершения его. Почти готов и частью уже доставлен и памятник Лизикрата. Цена за два эти предмета 25 000 фр. Далее заготовлено и запаковано разных слепков из Берлинского музея на 8000 с чем-то марок. Остается недоплаченной некоторая сумма и в Неаполь за несчастные погоревшие у нас бронзы из Помпей и Геркулана⁴. Источники для уплаты – три тысячи рублей с лишком, находящиеся в ресурсах Комитета и Кабинета изящ[ных] искусств; пять тысяч рублей – числящиеся за А.Г.Подгорецкой, ею заявленные и недоплаченные; шесть тысяч пятьсот рубл[ей] заявленные, но неуплаченные С.Г.Захарьиным, сыном покойного профессора; пять тысяч шестьсот рублей в 4% ренте, лежащие в Университете на счету Комитета Музея, еще не разменянные, и восемь тысяч шестьсот пятьдесят рублей, ожидаемые к уплате от князя Юсупова как еще недоплаченные. Для окончательной расплаты с долгами по заказам я не теряю надежды получить какую-ниб[удь] помощь от Бугрова⁵ из Нижнего, потому что мне самому Бугров сказал, когда я нарочно ездил к нему в Нижний, что он нам поможет.

Когда я встану и выйду из темной комнаты и как переправлюсь до Москвы, где мне придется, быть может, лечиться у проф[ессора] нервных болезней Рота⁶, – пока для меня неясно. Но несомненно, что голова моя понемногу оправляется. Спешу отказаться от чтения лекций на Высших женск[их] курсах, где на историческое отделение записалось чуть не четырехста человек. С такую голову мне появляться перед многолюдной аудиторией уже не под силу. Будьте здоровы и благополучны и передайте мой почтительный привет Вашим сестрам.

728. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 сентября

20 сентября 1906, Таруса

Сердечно благодарю участие; лежу, но лучше. Писано Вам Петербург¹.**729. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

Таруса, 27 сентября

27 сентября 1906, Таруса

Мне разрешили немного писать. Спешу выразить Вам глубокую радость и признательность, прослушавши письмо Р[омана] И[ванови]ча, извещающее об идущих у Вас переговорах насчет возможности окончания Музея¹. Каковы бы ни были сокращения со стороны Вашей и В.Ф.Кельина в представленных сметах, самый факт идущих переговоров обещает окончание и открытие Музея в возможном будущем. А это – главное. Кое-что недоделанное окончат потомки. Когда в наше время общего безденежья и общих потерь, а в том числе и Ваших огромных утрат, Вы все-таки ведете расчеты на сотни тыс[яч] рублей для Музея, это волнует меня до слез радости, и потому я не могу сдерживать чувства преклонения перед таким Вашим великодушием. Это свойство Вашей природы мне близко известно давно, но в трудные времена и великодушие поневоле сдерживается благородными натурами.

Мне лучше. Начинаю ходить. Через недельку, б[ыть] м[ожет], перевезут меня в Москву, в клинику нервных болезней проф[ессора] Рота.

Простите, что мажу карандашом – пера мне еще не дают. Будьте благополучны.

730. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ20 октября. Клиника бывш[ая] проф[ессора] Захарьина¹

20 октября 1906, Москва

Неделю назад поместили меня в клинику для лечения ваннами, электричеством, эссендуками № 17, магниезией и cascara sagrada², а главное, покоем и удалением от обычных занятий и интересов. Прошла неделя – и мне стало легче: нет ни головокружений, ни прежней тяжести в голове, ни боязни упасть при хождении. Меня уже второй день как выпускают гулять на улицу. Исследования в разных отношениях показали докторам, что органических повреждений у меня нет никаких, а все дело в переутомлении нервов на психической почве. Покой и целесообразное лечение, говорят мне врачи, в течение месяца меня должны подправить настолько, что я могу возвратиться к своим занятиям. Но последние мне советуют сократить по возможности, до minimum'a, так как повторяемость нервных заболеваний

может сделаться более частой, чем в прежние годы: 60-й год уже не 50-й, когда случилось со мною нервное заболевание впервые. Я уже и подал заявление в фак[ульте]т о желании иметь по преподаванию себе помощника, который как штатный профессор вел бы общие курсы³, а я поведу практические занятия студентов и довершение Музея. Но когда же установится сносный порядок в жизни наших высших учебн[ых] заведений? и когда же наша молодежь примется за учебу?⁴ Молодежь высших школ учится везде, во всех культурных странах, но у нас, вот который уже год, она шумит и бежит от серьезного учения, насилуя свободу и тех, кто хочет работать и учиться.

Накануне поступления моего в клинику в Румянцевском музее навестил меня Р[оман] И[ванови]ч. Я его видел и слушал с грустным убеждением непримиримого разлада, легшего между ним и Вашим главноуправляющим Кельиным. Насколько я знаком с ходом их взаимных отношений – правда не на стороне Кельина. Дело в том, что он напрасно поднял нос с самого первого дня по вступлении в новую должность. Он с самого же начала заявил перед новым для себя человеком, как Клейн, и художником, пользующимся Вашим особым вниманием и доверием, себя настоящим *parvenu** и персоной без образования, я хочу сказать, без воспитания и жизненного такта. Впущенный Вами вчера в управление делами, Кельин начал с насмешек и упреков по Вашему же адресу, чего не позволил себе даже состарившийся на службе Вашей Щегляев. Тогда же Клейн приходил ко мне с жалобами на такое недостойное поведение Кельина. «Да что он, в своем уме и из какого хлева по воспитанию он вышел?» – мог я сказать Р[оману] И[ванови]чу в утешение. Не охотник до ссор и дразг, я в прошлом марте, бывши без Вас в Петербурге, счел возможным сообщить Софье Степановне и Анне Степановне о неуместности шуток и высокопарных насмешек Кельина над своим доверителем – и при том в конторе, при посторонних, как говорили мне и Клейн, и Лист. Это поведение вчера вошедшего в дело человека я считал верхом невоспитанности и бестактности. После он принял по отношению Клейна тон какого-то непрошеного начальства. Это взорвало Р[омана] И[ванови]ча, он дал нахалу, конечно, сдачи. Клейну Музей дорог не 4% гонораром, который он в 1½ или 2-ном количестве всегда нашел бы и находит, при своих связях в купеческом мире, а потому, что Музей занимает его уже с 1896 года, времени архитектурного конкурса, став для него делом чести и привязанности. Клейн готов принять всякое указание от Вас и меня, но не будет выслушивать насмешек и неуместных шуток какого-то

* выскочкой, парвено (*фр.*).

Кельина, для него человека посто[ронне]го, на его деловом пути только прохожего, которого он после волен и в дом к себе не пустить. Теперь, судя по последним словам Р[омана] И[ванови]ча, дело стоит так, что они оба не выносят друг друга и не могут видеться. Посредником является уже Рерберг. Клейн хотел ехать к Вам в Петербург. Не знаю, исполнил ли он это намерение⁵.

Здесь чудная погода. Меня ныне выпускают на улицу 2 раза. Сейчас сделал я первую прогулку возле памятника Пирогова⁶, который народ почему-то называет «памятником Пирожкова». Будьте здоровы. Мой почтительный поклон всем Вашим.

731. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 октября. Университ[етская] клиника

26 октября 1906, Москва

Врачи позволили мне пользоваться правом выхода на улицу для прогулок. Сначала я ограничивался сквером, что разбит между Архивом М[инистерст]ва юстиции и Клиниками¹, а 2 дня назад добрал и до Новодевичьего монастыря². Здесь мне хотелось посмотреть надгробный памятник Вашего дяди И.С.Мальцова³. Какая это изящная простота замысла и выполнения! Вы при мне как-то высказывали полное удовлетворение этим розовым цветом монолита. Действительно, цвет его замечателен и свежестью тона и его однородностью. Русский ли это камень или вывезен из-за границы? Если это – наш, родной, то этот экземпляр является настоящим перлом в классе розовато-красных гранитов. И какая однотонность этого большого куска и однородность его химического состава: только на левом (от зрителя) боку есть пятно, не поддавшееся полировке и оттого сохраняющее свой матовый тон. Той же изящно простой формы и темные, с золотым крестом наверху, памятники на могилах Ваших родителей⁴: один план и одна мысль, его избравшая! Какого университета был магистром философии С.С.Мальцов и какую карьеру он себе избрал?⁵

Так как дом Р[омана] И[ванови]ча от клиники недалеко⁶, то я доходил до него и застал Р[омана] И[ванови]ча дома. Он совсем болен и расстроен, несмотря на то, что строительные дела его и у Мерилиза, и у французской здешней колонии, для которой на средства республиканского правительства [он] воздвигает целый ряд корпусов (школа, богадельня и пр.), рассчитанный на 4 года, и на новом здании банка на Ильинке, и для какого-то пивоваренного товарищества, идут блестяще, как никогда⁷. Он до того вооружен манерой Кельина невежливо держать себя, что не ручается за бездействие своих рук при первом повторении насмешек и поучений с той,

непризванной и Р[оманом] И[вановиче]м непризнанной в роли наставителя, стороны. Хотя эти сборы «дать по роже» я и считаю за доказательства болезненного состояния Р[омана] И[вановича], но чего не может случиться с расстроенным и разобиденным художником? Нельзя ли бы, Юрий Степанович, заблаговременно подобру-поздорову развести эти два лица? Этого можно было бы достичь Вашим распоряжением Вашей московской конторе переводить месячную сумму на Музей в 10 000 руб. в Вашу петербургскую контору, которая и будет уплачивать ее Р[оману] И[вановичу]. Это избавило бы обоих взаимно неприятных людей от непосредственных сношений. Р[оман] И[ванович] говорил со мною о положении дел в Музее: он, по размышлении, находит возможным продолжать, получая ежемесячно по 10 000 руб. и один раз получив сверх сего помощь в 20 000 руб. для расплаты с главными долгами, оштукатурку потолков и стен, что теперь является обязательно нужным, раз здание отапливается на казенный счет «для продолжения и окончания внутренней отделки», как сказано в ходатайстве, подписанном Вами и мною. Ведь и этих работ остается, в сущности, один угол (залы эллинистического периода), да 2 зала у площадки главной лестницы – Пергамский и Олимпия (залы 2-х императриц). Раз этого достигнем к лету, останется штукатурных работ уже мелочь: главный вестибюль и Ассирийский зал (зал Вел[икой] Кн[ягини] Елизаветы Феодоровны⁸). А ведь это главное для размещения гипсов. Полы будет здесь доканчивать Лист по контракту. Помогите, Юрий Степанович, Вашим словом Р[оману] И[вановичу] не держать внутренность здания теперь немою⁹. Я боюсь, что вмешается тут Госуд[арственный] контроль; он уже и в прошлом году донес, что на 700 руб. у Р[омана] И[вановича] осталось несожженного угля, оттого эти 700 руб. исключены м[инистерст]вом из назначенной суммы. Р[оман] И[ванович] сообщил мне, что наше летнее печатное ходатайство о штате прошло через Мин[истерст]во финанс[ов] и Госуд[арственный] контроль и, несколько урезанное там, продвинуто будто бы в... Государств[енный] Совет (не в Совет ли министров). При случае не откажите справиться в новом департаменте народн[ого] просвещ[ения], а не в департам[енте] общих дел¹⁰. Будьте благополучны.

732. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 октября. Университ[етская] клиника

29 октября 1906, Москва

С каким трудом проходит наше ходатайство о штате нового Музея! В последнем письме я просил Вас захватить в деп[артамен]т нар[одного] просвещ[ения],

чтобы справиться, верно ли Р[оман] И[ванови]ч передал мне насчет представления нашего дела в Государств[енный] Совет нашим мин[истерст]вом. Государственный Совет мне, по нынешним временам, казался инстанцией неподходящей; я думал, не нужно ли подразумевать в словах Клейна Совет министров? Не будучи практиком в деле правительственных инстанций, Р[оман] И[ванови]ч, как и следовало ожидать, здесь напутал. Вопрос о нашем штате проходит еще первые стадии своего течения, Госуд[арственный] контроль и Мин[истерст]во финансов. Спешу Вас предупредить об этом, чтобы не беспокоить Вас поездкою в наше мин[истерст]во. Меня извещают, что до представления нашего штата в Совет министров еще далеко. В это учреждение послано лишь наше дело об отпуске средств на отопление текущего зимнего сезона. Сумма назначения уменьшена сравнительно с прежним годом вследствие донесения здешней контрольной палаты о некотором остатке купленного нами угля от прежней зимы. Чиновник фактического контроля палаты зорко следит за тем, что делается Музеем на деньги казенного отопления, и доносит начальству. Надо поэтому опасаться неприятностей запроса, почему встали штукатурные работы и почти не производится никаких других внутри здания при его отоплении на счет казны. Если донесено в Петербург о каком-то остатке угля от прошлого отопительного сезона, то приостановка внутренней отделки в холодное время, разумеется, возбудит сильное внимание контрольных Аргусов¹. Я вчера говорил по телефону с Р[оманом] И[ванови]чем, высказывая опасение донесения здешней палаты. Он сказал мне, что Вы в Петербурге разрешили ему² произвести работ на 50 000 руб. и что он скоро возобновит внутреннюю отделку. Очень бы хотелось, чтобы продолжены были раньше всего штукатурные работы и настилка или наливка полов во 2-м этаже. Там ведь остается один угол, с оштукатуркой которого и при открытии [находящихся в нем залов появится возможность] для хождения по всему этажу. В первом же этаже таких работ уже совсем немного. Штукатурной отделкой и полами этого угла существенная часть была бы продвинута очень значительно, потому что окраска стен и простые тумбы для скульптур не могут же лечь непреодолимым препятствием к выемке и размещению гипсов.

Государственный контроль из 15 000 [руб.], о которых мы просили летом для будущего штата, уступил только 7000, отвергнув остальные 8000. Сокращения его: двоим хранителям по 1500 вместо 2000 руб. содержания, секретарю 1500 р. вм[есто] 1800 руб., как в Историческом музее, смотрителю 800 (!) руб. вм[есто] 1300 руб., как это в Румянцевском музее. В хозяйственной части сокращено 6214 руб., в том числе ни копейки на квартиры прислуге (мы просили на это 2520 руб.). Нельзя никоим образом

1–2. Медаль «В память сооружения в Москве Музея изящных искусств имени императора Александра III». 1912 г.

3. И.В.Цветаев. 1905 – 1909 гг.

4. Ю.С.Нечаев-Мальцов. 1909 – 1910 гг.

5. Р.И.Клейн. *Около 1910 г.*

6. Русские и итальянские рабочие в Греческом дворике.
В центре – письмоводитель Комитета по устройству Музея И.В.Дмитриев.
1906 – 1907 гг.

7. Греческий дворик. Рабочие на фоне слепка с памятника Лисикрата. 1907 г.

8. Сборка слепка угла Парфенона в Греческом дворике.
1907 г.

9. Установка слепка метопы
Парфенона. 1907 г.

10. Установка слепка скульптурной
группы «Фарнезский бык»
в Пергамском зале. Июль 1908 г.

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
при Московскомъ Университетѣ

ЗА П И С К А

Ч И Т А Н Н А Я

ВЪ ГОДИЧНОМЪ СОБРАНІИ КОМИТЕТА МУЗЕЯ

25 января 1908 г.

Проф. И. Цветаевымъ.

МОСКВА,
Тип. В. А. Ждановича, Б. Девяткова, К. Д.
1908.

ПАМЯТИ

МАРЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ЦВѢТАЕВОЙ

"

АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА

М Е Й Н А

Многолѣтнихъ Сотрудниковъ по Музею.

11—12. Записка Цветаева о Музее изящных искусств. 1908 г.
Титульный лист и посвящение

13. Факультетская терапевтическая клиника Московского университета.
Фото начала 1890-х гг. Здесь И.В.Цветаев лечился осенью 1906 г.

ОКОННОЕ СТЕКЛО
Семское, цветное, полублочно.

Хрустальные и эмалевые колпаки для часовъ,
 церковн. предметовъ, букетовъ и пр.

ЗАВОДОВЪ
 Великодворского, Курловскаго, Новосельскаго и Титовскаго.
Оберъ-Гормейстера Высочайшаго Двора

Юрїи Степановича НЕЧАЕВА-МАЛЬЦОВА.

Склады: Калужские улицы, собств. домъ. Телефонъ 21.83.
 Боголюбовскій пер., д. Чижовскихъ. Телефонъ 42.65.
 Магазины: Никольская, д. гр. Шереметова. Телефонъ 113.06.
 Ильинка, средние ряды. Телефонъ 133.71.

ХРУСТАЛЬНАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА
 ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

Хрусталь для ювелировъ. Химическая, хозяйственная и аптекарская посуда
 Ламповыя стекла воѣхъ системъ и величинъ

ЗАВОДОВЪ
 Гусевскаго и Уршельскаго.

Управление заводовъ:
 Гусь-Хрустальный, Владимирской губ.
ТОРГОВЛИ ХРУСТАЛЕМЪ.
 въ МОСКВѢ:
 Мясницкая, домъ Духовной Коллегіи. Телефонъ № 81.52.
 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 Оповый складъ: 1-яя рота Импаторскаго полка, собств. домъ.

Торговля на ярмаркахъ:
НИЖЕГОРОДСКОЙ — Главная линия.
ИРБИТСКОЙ — Противъ Гостиного Двора.

Хрустальный Гусевской заводы
 основаны въ 1756 г. и удостоены на выставкахъ 1849, 1861, 1865, 1870, 1882 и 1896 гг. высшей награды Государственнаго Герба; на Всемирной выставкѣ въ Чикаго, въ Америкѣ, на ряду съ лучшими хрустальными заводами всего міра, высшей наградой: **бронзовой медалью и дипломомъ** и на Всемирной Парижской Выставкѣ 1900 г. высшей наградой **«Grand-Pris»**.

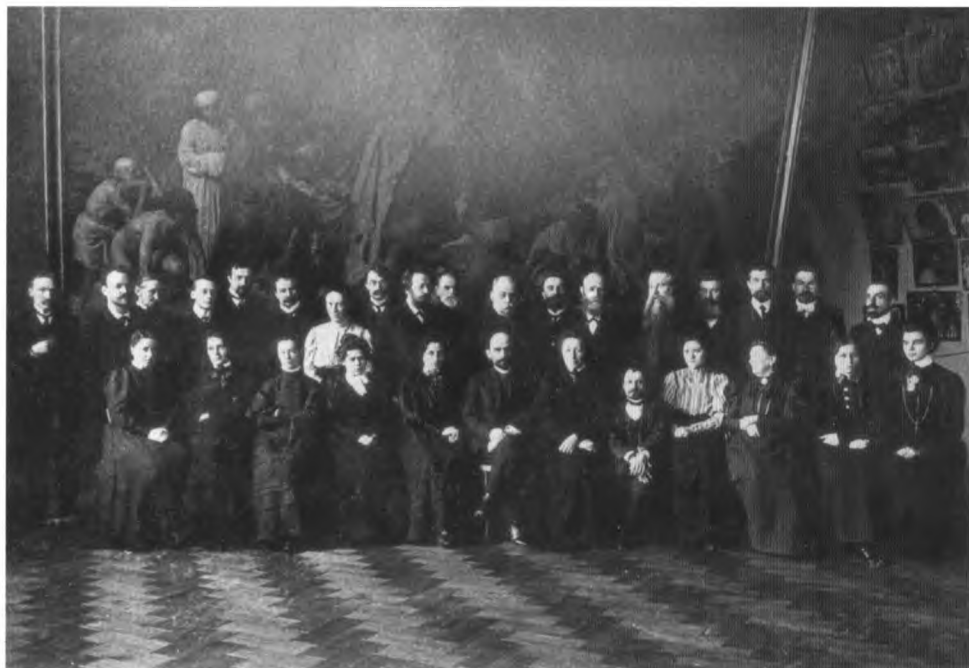
14. Рекламное объявление об изделиях стекольных и хрустальных заводов, принадлежавших Ю.С.Нечаеву-Мальцову. *Не ранее 1907 г.*

15. И.В.Цветаев с сыном Андреем. 1909 г.

16. И.В.Цветаев с дочерью Анастасией. 1909 – 1910 гг.

17. И.В.Цветаев среди сотрудников Румянцевского музея в зале Александра Иванова. 1908 г.

18. И.В.Цветаев. 1912 – 1913 гг.
Портрет из юбилейного издания
«Пятидесятилетие Румянцевского музея
в Москве. 1862–1912. Исторический очерк».
М., 1913.
Подпись – факсимиле автографа Цветаева

19. Храм в Луксоре. *Фото 1890-х гг.* Колонны храма – один из прототипов колонн Египетского зала в Музее изящных искусств

20. Афинский Акрополь. *Фото рубежа XIX – XX вв.*

21–22. Аполлон Птойский. Мрамор.
Около 510 г. до н.э. (Афины, Национальный
археологический музей).
Слепок не был приобретен

23. Так называемая Задумчивая кора.
Мрамор, раскраска. *Около 510 – 500 гг. до н.э.*
(Афины, Музей Акрополя)

24. Рождение Афродиты. Рельеф «Трона Людовизи». Мрамор. 470 – 460 гг. до н.э.
(Рим, Национальный музей Терм)

25. Флейтистка.
Рельеф «Трона Людовизи». Мрамор. 470 – 460 гг. до н.э.
(Рим, Национальный музей Терм)

26. Афина, Геракл и Атлант. Метопы храма Зевса в Олимпии.
Мрамор. 468 – 456 гг. до н.э. (Олимпия, музей). Слепок заказан в 1909 г.

27. Афина из группы «Афина и Марсий». Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Мирона *около 450 г. до н.э.* (Франкфурт-на-Майне, Городская галерея Либигхауз)

28. Марсий из группы «Афина и Марсий». Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Мирона *около 450 г. до н.э.* (Рим, Музеи Ватикана)

29. Дорифор (Копьеносец).
Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала
Поликлета 450 – 440 гг. до н.э.
(Неаполь, Национальный археологический музей)

30. Раненая амазонка. Мрамор.
Римская копия с бронзового оригинала
Поликлета около 540 – 530 гг. до н.э.
(Берлин, Государственные музеи).
Слепок получен московским Музеем
в 1910 г.

31. Парфенон. Афины. *Фото начала XX в.*

32. Эрехтейон. Афины. Портик кариатид после реставрации. *Фото около 1910 г.*

33. Фигура Диониса с восточного фронтона Парфенона. Мрамор. 438 – 431 гг. до н.э.
(Лондон, Британский музей).
Слепок размещен в экспозиции московского Музея в 1910 г.

34. Три богини с восточного фронтона Парфенона. Мрамор. 438 – 431 гг. до н.э.
(Лондон, Британский музей).
Слепки размещены в экспозиции московского Музея в 1910 г.

35. Ника, развязывающая сандалию.
Рельеф балюстрады храма Ники Аптерос. Мрамор.
Около 409 г. до н.э.
(Афины, Музей Акрополя)

36. Керамик, древний некрополь в Афинах. *Фото рубежа XIX – XX вв.*

37. Надгробие юноши с птицей. Мрамор. *Около 430 г. до н.э.* (Афины, Национальный археологический музей). Слепок размещен в экспозиции московского Музея в 1910 г.

38. Надгробная стела Гегесо. Мрамор. *Около 410 г. до н.э.* (Афины, Национальный археологический музей). Слепок размещен в экспозиции московского Музея в 1910 г.

39. Мавсол.
Статуя Галикарнасского мавзолея.
Мрамор. *Середина IV в. до н.э.*
(Лондон, Британский музей).
Слепок получен московским Музеем в 1910 г.

40. Флора Фарнезе.
Мрамор.
Римская копия с эллинистического
оригинала *III – I вв. до н.э.*
(Неаполь, Национальный
археологический музей).
Приобрести слепок И.В.Цветаеву
не удалось

41. «Фарнезский бык».

Мрамор.

Римская копия с греческого оригинала Аполлония и Тавриска *I в. до н.э.*
(Неаполь, Национальный археологический музей).

Верхние части фигур и голова быка – восполнения XVI в.

42. Статуя оратора (Авл Метелл).
Бронза. Около 100 г. до н.э.
(Флоренция, Археологический музей)

43. Альдобрандинская свадьба. Фреска. I в. (Рим, Ватиканская библиотека)

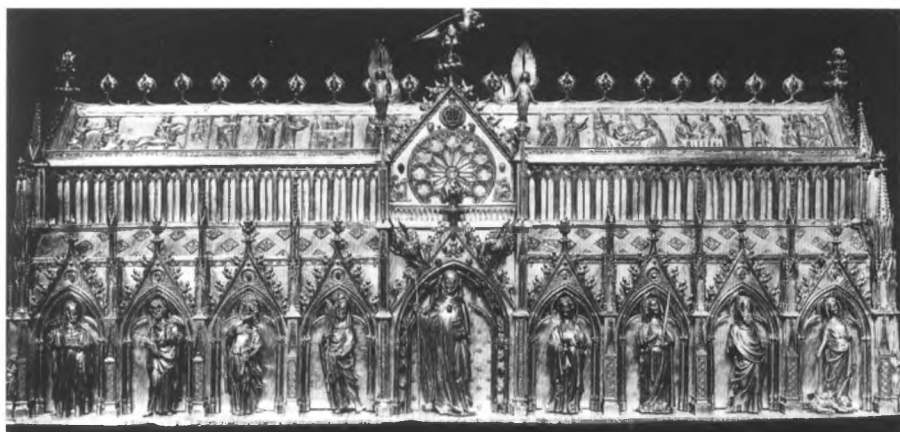
44. Деталь фриза с амурами. Фреска. Середина I в. (Помпеи, дом Веттиев)

45. Античные ворота (Порта Нигра) в Трире. *Фото рубежа XIX – XX вв.*

46. Рельеф из Юи. Льежская купель.
Бронза. 1107 – 1118 гг. (Льеж, церковь Св. Варфоломея).
Слепок заказан в 1908 г.

47–48. Жакмон из Аншена, Никола из Дуэ, Жакмон из Нивеля. Рака св. Гертруды. Серебро, драгоценные камни. 1272 – 1298 гг. (Погибла в 1940 г., ранее – Нивель, церковь Св. Гертруды). Слепок поступил в московский Музей в 1912 г.

49. Донателло. Св. Георгий. Мрамор. 1415 – 1417 гг.
(Флоренция, Национальный музей)

50. Донателло. Благовещение.
Известняк, терракота, позолота.
1430-е гг.
(Флоренция, церковь Санта Кроче).
Слепок размещен в экспозиции
московского Музея в 1910 г.

51. Донателло. Давид. Бронза.
1430-е гг.
(Флоренция, Национальный музей)

52. Донателло. Конная статуя Гаттамелаты (Эразмо ди Нарни).
Бронза. 1447 – 1453 гг. (Падуя, площадь перед собором).
Слепок поступил в московский Музей в 1912 г.

53. Микеланджело. Давид.
Мрамор. 1501 – 1504 гг. (Флоренция, Академия изящных искусств).
Слепок поступил в московский Музей в 1912 г.

54. Мишель Коломб. Св. Георгий, поражающий дракона.
Мрамор. 1508 г. (Париж, Лувр)

55. Жан Гужон. Нимфы источника. Рельефы с Фонтана невинных.
Мрамор. 1547 – 1549 гг. (Париж, Лувр)

соглашаться на нищенское жалование в 800 руб. смотрителю, если мы не желаем иметь или человека, который будет искать совместительства этой службы с какой-ниб[удь] частной, конечно, во вред Музею, или неизбежного вора музейского добра, как топливо и пр. В хозяйственных урезках надо отстаивать квартирные служителям, которых иначе не найдешь на 16 – 18 руб. в месяц. Отзыв Мин[истерст]ва финансов будет в том же духе, так как чиновники его и контроля делают урезки и пишут бумаги вместе.

Мне лучше, но убийственная погода не позволяет выходить.

733. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 ноября. Университ[етская] клиника

6 ноября 1906, Москва

Р[оман] И[ванови]ч имел основание ждать Вас на этих днях сюда; он думал, что Вы, по делам Вашим, будете в Москве уже 4-го числа. Но пока до меня не доходит известия о Вашем приезде: здоровы ли Вы и Ваши семейные? Посетил меня здесь знакомый, присутствовавший на открытии нового Екатерининского женского института¹ и видевший Вас там. Он говорил, что Вы очень спешили отъездом из Москвы, а потому не остались на трапезу, бывшую при этом. Или уже тогда была у Вас домашняя причина для столь скорого возвращения в Петербург?

Третьего дня я, вместо дозволенной мне прогулки, проехался в Музей и нашел там Дмитриева с одним из служителей за работой, ему назначенной. Гниение соломы в ящиках с гипсами и появление большого количества в них мышей, так как солома в некоторых из них клалась плохо обмолоченная и потому пахнувшая зерном, заставило Р[омана] И[ванови]ча и меня прибегнуть к распаковке ящиков и освобождению их от соломы. Эта работа и поручена безответному Дмитриеву, который является сюда утром, до начала службы в канцелярии Румянц[евского] музея, где состоит он письмоводителем. Теперь он вскрывает ящики с *cantoria* Луки дела Роббиа². Все части ее дошли хорошо. Сумеют ли только, в свой черед, собрать их в одно целое, которое должно быть помещено высоко, почти под потолком, по одной из узких стен зала итальянского Ренессанса?

Но едва ли не труднейшую в этом отношении поставит задачу ее *rep-dant**, *cantoria* Донателло, уже оконченная и теперь находящаяся в пути между Флоренцией и Москвой. Она исполнена из светло-желтоватой терракоты и послана в 38 ящиках. Части ее, следовательно, значительно мелки: как собрать, а главное, повесить эту тяжелую и ломкую вещь? В оригинале

* пара, парная к чему-либо вещь (*фр.*).

она имеет 4 больших мраморных кронштейна высокохудожественной работы. Наши кронштейны из терракоты; вероятнее, что пустые, через которые легко будет пропустить рельсы; но ведь железо испортит верхнюю площадку кронштейна. Хорошо, если этой площадки нет и кронштейны придется прикрепить ко дну кантории гипсом. Во всяком случае, на парижской Всемирной выставке 1889 г.³ прикрепление этой репродукции к стене на высоте составило столь трудную задачу, что вынуждены были выписывать мастера из Флоренции. Нам надобно быть очень осторожными с этим делом, так как этот памятник нам стоит 9000 фр. за одну репродукцию, не считая упаковки и провоза, и это второй экземпляр ее в мире музеев (первый куплен после выставки за 16 000 фр. для Ирландии).

Торопит меня Р[оман] И[ванови]ч получением из Дрездена слепка Goldene Pforte⁴ собора во Фрейберге Саксонском. Ему он нужен для установки по стене Христианского стеклянного дворика и для устройства иллюминаторов, в зависимости этого громоздкого памятника, над камерой отопления этого помещения⁵. Наш слепок Вы видели в подвале Albertinum'a несколько лет назад⁶, за него 1/2 цены уже и заплачена; но так как эта кладь очень беспокоила управление того музея, то Kühnert просил разрешения отправить этот слепок в Будапешт⁷, обещая отлить нам другой экземпляр. Я написал недавно просьбу Клейна Трею. Что-то он ответит?⁸

Погода отвратительная, снег стаял, ветры, так что гулять меня не выпускают.

Будьте счастливы.

734. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 ноября

8 ноября 1906, Москва, Университетская клиника

Меня ныне врачи не выпускают на улицу ради сильного ветра. Здоровы ли Вы и все Ваши? Нельзя ли бы нам свидеться у Р[омана] И[ванови]ча, которого я посещаю; и ныне бы мне нужно было повидать его, так как получено мною вчера интересное письмо из мин[истерст]ва¹. Нам денег на 1907 год все-таки дают и на отопление и на другие надобности. Прислали и копию отзыва госуд[арственного] контролера на наше печатное летнее ходатайство. Когда Вы назначите свидание у Р[омана] И[ванови]ча, т.е. завтра или в иное время, я рад буду придти туда. Мне только трудно поехать на Никольскую² с ее адским движением, которое дурно подействует на мой еще не устоявшийся мозг. Очень радуясь Вашему приезду.

735. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 ноября

17 ноября 1906, Москва

Врачи мне запретили писать самому – и я, если бы нынешняя бессонница не обессилила меня, сам бы явился к Вам лично доложить о грустных обстоятельствах нашего дела. Вчера от Вас я поехал в Музей – и нашел там мертвую тишину. Р[оман] И[ванови]ч остановил работы. Моя болезнь, слухи о которой как нервном ударе были преувеличены, взволновала университетскую администрацию неизвестностью относительно положения дел Музея, и потому ректор¹ вызывал Клейна для расспроса по этому поводу, именно по поводу слухов о затрате на отделку Музея. Пошли разговоры о том же, в связи с дорогим для меня Вашим именем, и по городу.

Вчера, встретив брошенные работы и отапливаемое для работ на казенные средства здание, я упал духом по нескольким причинам: 1) без полов, потолков и оштукатурки являются как раз залы двух Государынь Императриц, Велик[ого] Князя Сергея Александровича, Вел[икой] Княгини Елизаветы Феодоровны и Королевы Элинов, тогда как готов зал имени Вашего (Египетский)², когда на все залы Высочайших особ деньги жертвователями внесены в самом начале предприятия; 2) в таком же виде остается помещение зала Праксителя, деньги на который внесены д[окто]ром Скребицким³, меня спрашивающим, «когда же он увидит работы за свои собственные деньги?»; он нарочно из Петербурга приезжал осмотреть внутреннюю отделку здания и, конечно, остался недоволен, внесши 20 000 руб. на этот зал в 1-м или 2-м году существования Комитета; 3) прислал с запросом, что сделано на его 20 000 руб., т.е. какое помещение приготовлено на его пожертвование, г. Пастухов⁴; справлялись от имени покойного Мих[аила] Абр[амовича] Морозова его родственники о том, готовится ли зал Вел[икого] Кн[язя] Сергея Александровича, своевременно оплаченный покойным⁵; 4) приостановка отделки Музея как раз в холодные месяцы, после того, как от имени Комитета Вы и я бумагами испросили казенные деньги, грозит потерей доверия нашим словам в правительственных сферах, до сих пор бывших к Вам и ко мне столь внимательными; это известие о приостановке внутренних работ принесет Музею неисчислимый вред теперь, когда вопрос о штатах Музея, столь благополучно, благодаря Вам и моим писаниям и личным хлопотам в Петербурге,двигающийся, уже вносится в Совет министров и представление готовится в Государственную Думу; ведь и в разных министерских сферах, после наших, т.е. Вашей и моей, подписей под ходатайствами, уверены, что внутренние работы в Музее идут; известие о приостановке их в такую пору года, в силу указанного выше отпуска денег от казны,

произведет там гибельное для всего дела впечатление. Я не знал, что контора Ваша приостановила выдачу Музею обычных 10 000 руб., обратив эту сумму на уплату какому-то банку за Листа⁶. В свое время я всю бы энергию употребил на то, чтобы это перенесение листовских счетов никоим образом не падало на зимние, оплачиваемые в отоплении казною, месяцы. Летом мы свободны, но теперешняя приостановка губит не только дело, но и вредит Вашему и моему имени. Бога ради, уделите внимание этому опасному и грустному обстоятельству и пустите штукатурные работы в оплаченных залах, стоящих на очереди, имени Высочайш[их] особ, к успокоению дарителей.

736. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 декабря

2 декабря 1906, Москва

К упадку сил и слабости в голове в последние недели присоединилось для меня еще и беспокойство по нашему Музею. В течение целого ряда лет, после решения покойного Вел[икого] Кн[яз]я искать место для служителей Музея в казарме Университета¹, которую предположено было еще при Николае Павловиче Боголепове² выстроить на одном из дворов Университета, Комитет Музея привык считать этот вопрос лишь делом будущего, более или менее близкого. В этом смысле велась в течение трех последних лет Вами и мною переписка с Министерством народн[ого] просвещ[ения] по поводу штатов Музея, где мы испрашивали по 2520 руб. в год на служительские квартиры только впредь до выстройки означенного служительского корпуса. На это ассигнование Музею согласились и государственный контролер и министр финансов, как видно из переписки их с министром народн[ого] просвещ[ения], имевшей место в октябре и ноябре сего года. Мы все, близко стоящие к делу Музея, и мысли не допускали о возможности какой-либо неудачи в этом направлении. Но на этих днях случилось нечто необыкновенное. Правление Московского университета, состоящее, между прочим, из ректора Мануйлова³, занимающего эту должность всего 1 год с месяцем, и деканов – филолога Никитского⁴, вошедшего в Правление всего 2 месяца, математика Андреева, сделавшегося деканом всего 3 месяца, медика Зёрнова⁵, деканствующего всего 1 месяц, проректора Гулевича⁶, начальствующего также 2 месяца, и помощника ректора Мензбира⁷, получившего это место лишь полгода, – наотрез отказало Музею в помещении наших служителей в имеющейся строиться казарме на задворках Старого Университета. Сколько я ни объяснялся с членами Правления, все, кто со смехом, кто с потугами на остроумие, громко заявляли, что

музейских служителей Правление на университетскую землю не пустит. Сначала говорили при этом, что на все количество и университетских (18 чел.), и музейских (21 чел.) казна денег не отпустит, а когда приехал министр и, по докладу ректора и университетской Комиссии, обещал 50 000 руб. для помещения собственно университетских служителей, то теперь эти заправилы-младенцы начали утверждать, что Музей для Университета – учреждение чужое и потому Университету незачем давать помещение чужим служащим. Я имел доклад по этому делу у министра, который в конце концов сказал мне, что он исходатайствует и сумму, какая потребуется в добавление к 50 000 руб. при устройстве общих казарм на университетском дворе. Но при этом посоветовал мне «сговориться» с Правлением Университета, которое-де уже высказалось перед ним против притязаний Музея на совместную казарму. Я обещал П.М. фон Кауфману⁸ сделать в этом направлении все возможное, но раньше всего переговорить с архитектором Университета⁹ о том, возможно ли на избранном месте выстроить казарму, достаточную для тех и других служителей, и как велика будет стоимость увеличения уже проектированного им корпуса. Два дня ушло на эту работу, следствием которой было признание архитектором полной возможности такой постройки и определение добавочной суммы лишь в 39 600 руб. Это заключение, вместе с эскизом проекта увеличенного здания, он сообщил мне письменно¹⁰, в форме официальной. С этим документом я пошел вчера в Правление, но и ректор и другие профессора-деканы единогласно мне заявили, чтобы Музей не питал никаких надежд на исполнение своего желания.

Так как у меня было поручение от министра исследовать вопрос, то я, не вступая перед ним ни в какие откровенности относительно отзывов Правления по этому делу, написал от имени Комитета в бумаге, о которой говорится ниже, лишь о физической возможности общей казармы и о стоимости собственно нашей части в 39 600 руб.

У меня после разговоров с правленскими дельцами не осталось никакой надежды на благоприятный исход нашего дела, так как министр прежде всего посоветовал уладить затруднения с Правлением. Правление же, совершенно чуждое познаний истории Музея и не питая никакой к нему симпатии, считает это учреждение почему-то чуждым Университету, хотя я и работал целых 17 лет над созданием этого учреждения именно под флагом Московского университета. Память об Университете призывала на помощь прежних его питомцев и почитателей этого старейшего русского университета в ряды жертвователей и в Комитет Музея.

Юные администраторы, между которыми есть лица, перешедшие недавно из других университетов и потому еще более чуждые так дорого

стоящему нам, дорогому для нас Музею, или ничего этого не знают, или не хотят знать. Они с задором, свойственным новичкам в своем деле, лишь громко кричат: «Не пустим, и баста». А ведь обыкновенно думают, что наука облагораживает людей. Нет, и наука и университет не облагораживают зазнаек по природе: противное «нашему здраву не препятствуй!» – так и слышится в этих выкриках «решения Университета!» не сделать угодное Музею.

Что делать теперь, когда вопрос штатов Музея скоро будет вноситься в Совет министров? Я написал бумагу в Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения] от имени Комитета о совместном рассмотрении представления Университета с нуждами по тому же предмету университетского Музея изящных искусств. Не предупредить Министерство народн[ого] просвещения об этом Комитет не может, писавши о совместной казарме столько раз в последние три года в своих ходатайствах о штатах. Что из этого всего выйдет, сказать ничего нельзя. Бумагу Комитета я пришлю Вам в Петербург. Будьте добры прочесть ее, и, закрепивши Вашу подписью, свезти ее министру народн[ого] просвещ[ения] для личного представления.

При совместной казарме потребуется, как я сказал, всего 39 600 руб. добавочных, а если пришлось бы строить казарму нам, то во-1) на какой же земле, так как позади Музея земли свободной совершенно нет, и во-2) здание стоило бы 65 000 – 75 000 руб.

Подумайте, пожалуйста, и выясните министру безвыходное положение Музея в этом случае. Купить землю вблизи Музея нет никакой возможности. Что делать и как быть?

Простите, пожалуйста, что по докторскому запрещению пишу Вам не собственной рукой. Будьте благополучны. Мой привет Вашим.

737. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 декабря

31 декабря 1906, Москва

Примите для себя и всех Ваших мои сердечнейшие поздравления с грядущим Новым годом. Для всех Вас желаю доброго здоровья и душевного мира. Великое несчастье, доставляемое недостатком этих, ничем не заменимых благ, я знаю и испытываю на себе. Оттого только этого и друзьям и себе [конец письма отсутствует]!

1907

738. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6-ое января

6 января 1907, Москва

Е.Н.Самарина прислала из Рима 2 громадных размеров ящика с 3-мя картинами, скопированными ею в библиотеке Ватикана. Это знаменитые – «Свадьба Альдобрандини» и ландшафты из «Одиссеи»¹. Первая считается перлом римской живописи, вторые интересны как образец ландшафтного изображения в древнеримском искусстве. Копии исполнены в размерах почти оригиналов, с вынужденным ватиканским уставом уменьшением лишь в несколько, на минимальное количество сантиметров². В западноевропейских музеях я видал копии только небольших размеров, но в таком, необычайно большом, масштабе эти, прославленные на весь свет и существующие в маленьких гравюрах во всех более известных руководствах по истории римской живописи, картины являются впервые плодом трудолюбия и искусства Екатерины Николаевны. Какое увлечение и какую изумительную работоспособность она здесь проявила! Беседуя в Москве с нею в первый раз, я никак не думал, чтобы эта добродушная старушка была способна на такой физический подвиг. Я о таком масштабе и не помышлял. Это, повторяю, громадные полотна, которые украсят наш Римский зал³. «Римскую свадьбу» Е[катерина] Н[иколаевна] просит заключить в широкую, вызолоченную по дереву раму и под стекло, как это стоит и в Ватикане. Раму она просит сделать за ее счет, по присланному образцу.

На этих же днях пришла ее же посылка из Парижа, где прошлой зимой частью она сама, частью по ее поручению художник Киселев сняли три копии с образцов помпейской стеной живописи, купленных Лувром в коллекции антиков Самрапа. И этим Е[катерина] Н[иколаевна] не ограничивается: весной она собирается копировать на Палатине, в Casa di Livia*, и позднее в Неаполе, в музее – картины помпейской живописи. Ее необходимо нам почтить званием действительного члена Комитета⁴. Пересылку ящиков, отправленных *grande vitesse*** , она оплатила сама.

Писал я на днях Бугрову в Нижний, очень теперь стесненный уплатою долга в Берлин (4000 мар[ок]), Париж за угол Парфенона и его упаковку (17 000 фр[анков]), Дрезден за die Goldene Pforte (4500 мар[ок]). Высылка

* доме Ливии (*ит.*).

** большой скоростью (*фр.*).

3600 руб. кн[язем] Юсуповым и помощь Бугрова были бы крайне важны. Захарьин и Подгорецкая, за которыми числится 11 500 руб., – в Каире.

В Музее, за исключением 4-х штукатуров, – святочная тишина. Будьте здоровы и благополучны.

739. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 января

17 января 1907, Москва

Правление Университета не удостоивает Комитет Музея ответом насчет служительской казармы. Как, думаете, поступить нам в данном случае? В ходатайстве о смете или, точнее, о штатах нашего Музея говорится об ассигновке 2520 руб. на квартиры служащим только впредь до выстройки университетской казармы. А так как министр обещал Правлению средства на эту постройку, то нашему Комитету нельзя упускать времени и повода ознакомить точнее министерство с положением нашего вопроса о служащих Музея. Ведь самый проект штата разрабатывался с участием членов Правления Университета в комитетской комиссии и даже препровожден был министру ректором Университета. На все это нынешнее Правление, состоящее из новичков в администрации и людей молодых, совсем незнакомых с делами Музея, не обращ[ает] ни малейшего внимания. Молодые администраторы автономного Университета не знают даже правил вежливости, по месяцам не заботясь об официальном ответе Комитету. Это только грубо.

В Музее идет распаковка ящиков со скульптурами Средневековья и эпохи итальянского Возрождения. Вынимается из них солома, стружки, бумага и слепки укладываются на особой каждый раз постели на дне тех же ящиков, которые потом и закрываются. Упаковочный материал после немедленно выносятся.

Рерберг готовится к постановке угла Парфенона в Стеклянном дворике, исполнителем при этом будет Гладков.

Оштукатуриваются стены Христианского стеклянного дворика и потолок в соседней галерее. Мраморные работы на главной лестнице подходят к концу. На лестнице Христианского дворика идет кладка кирпичного парапета. К февралю его закончат. Эта лестница выходит и красивой и монументальной. По ней-то и должна постоянно ходить будет публика: мраморную же она, особенно публика простонародная, и, увы, студенческая с ее нынешними расплевбейскими нравами, живо испортят. Эта дивная лестница должна ждать лучших времен, а пока следует заградить ее решеткою. Ждем Вас в Москву. Будьте здоровы.

740. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 января

24 января 1907, Москва

Вчера, при первом свидании, я не считал удобным доложить Вам о моем большом затруднении с оставшимися платежами по приобретениям скульптур и архитектурных моделей. За вещи, уже полученные, долгу за Музеем числится – в Ecole des Beaux Arts в Париже 21 585 фр[анков], в Берлинский музей 4827 марок, во Флоренцию фирме Manifattura di Terrecotte di Signa* 5945 лир, в Равенну профессору Massarenti 800 лир, в Рим скульптору Gherardi 1000 лир, в Лондон Brucciani** 63 ф[унта] ст[ерлингов]¹ – всего же во франках 21 585, [в] лирах 7745, в марках 9327 (из них 4500 м. – профессору) Трею в Дрезден, в фунтах стерлингов 63². Отовсюду, достаточно ждавши, пишут настоятельные просьбы об уплате. Особенно налегает администрация Ecole de[s] V[eaux] Arts и Берлинского музея, с которых требуют денег и формовщики и emballeurs***, просит и фирма Signa во Флоренции. Пишет и проф[ессор] Трей³ о своих 4500 марках за die Goldene Rforte, которые он теперь же упаковывает в ящики для отсылки, после визита в Albertinum P[омана] И[ванови]ча⁴. Он ссылается на то, что Albertinum уже очень давно затратил свои деньги на отливку этих дверей и что сам музей в последнее время, восстановив римскую группу Pascuino⁵ и отливши несколько памятников романской пластики саксонской школы⁶, вошел в долги, которые гнетут Трея. Все это он выражает в форме высшей степени деликатной, ничего общего не имеющей с тоном писем из Ecole des V[eaux] Arts⁷.

Какие же ресурсы для уплаты? Увы, сейчас никаких. В Комитете есть 5000 руб. рентой, но платится Кузницкий с просьбами о том, чтобы уплатили ему хотя 3500 руб. за доставку. Он работал все время исправно, он внес и условную пошлину в Италии за обратный ввоз испорченных бронз в Неаполь. Ему эта рента и должна бы пойти. Иные источники? 3600 руб. долгу кн[язя] Юсупова, 11 500 р. долгу Захарьиных. Но кн[язю] Юсупову я усердно челобитствовал 2 раза: никакого ответа; Захарьины в Каире. Просил письмом Бугрова о помощи Музею уже который раз: не отвечает. Пропали обещанные деньги за Харитоненко, за Муромцевыми⁸, за Пав[лом] М[ихайловичем] Третьяковым.

Платить за границу надобно. Как быть? Другого средства нет, как, посоветовавшись с Вами и казначеем Колесниковым⁹, попробовать устроить складчину: между прочих буду просить Протопопова, Полякова,

* Фабрика терракот в Синье (ит.).

** Массаренти... Герарди... Бруччани (ит.).

*** упаковщики (фр.).

Шелапутина¹⁰. Тогда бы деньгами Захарьиных покрыли остальное за бронзы в Неаполе. Когда бы устроить совещание у Вас с Колесниковым?

741. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 января

29 января 1907, Москва

От ректора телефонируют, что нельзя будет быть завтра в Комитете ни ему, ни его помощнику, да и зала Правления занята. Не разрешите ли собрать Комитет на 31-е число в 3 часа? Вы мне говорили, что Вас отзывают дела на 2-е число в Петербург. Будьте добры сказать свое решение на словах моему посланному¹.

742. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 февраля

10 февраля 1907, Москва

Как мне жаль, что Вы собрались осмотреть стройку и распаковку коллекций Музея накануне или в день Вашего отъезда из Москвы, когда я, за множеством Ваших дел, уже потерял надежду Вас видеть там в этот приезд. Мне хотелось походить с Вами по отделяваемым залам и световым, или, точнее, стеклянным дворикам, и в помещениях, где распаковываются ящики с вещами, особенно перед Вашим отъездом на отдаленный Corfù¹. Как и всегда, так и теперь трудное дело освобождения ящиков от упаковочного материала ведется чисто домашним образом, потихоньку и без затраты на это денег. Письмоводитель Дмитриев и два служителя² инструментами вскрывают ящики, вынимают солому, бумагу, стружки и поднимают находящиеся там изваяния, чтобы очистить дно, настлат там постель из стружек и после на нее опустить их. В этом виде скульптуры доступны на время их расстановки и не так опасны в пожарном отношении, при отсутствии соломы, сена, бумаги и прочего быстро воспламеняемого материала. Архитектурные вещи, угол Парфенона, памятник Лисикрата и портик кариатид Эрехфейона, разбирает Гладков. Частями этих громоздких вещей заполнены полы двух зал. Р[оман] И[ванович] намерен сначала устраивать угол Парфенона, как занимающий слишком много места. Но я бы, не зная сил Гладкова, сначала бы его попробовал на предмете меньшего размера, именно на памятнике Лисикрата. Его части не громоздки, подходят друг к другу плотно, и корпус его сплошной, цельный. С него бы и начать: пусть справится с ним, а тогда можно бы переходить к портику кариатид.

В зале Возрождения распаковали мы ящик с цветными портретными бюстами итальянцев. Большая часть их делана в Берлине по тамошним

оригиналам. Точны они до иллюзии: по ним как бы видишь самые подлинники. Портретное искусство пластики, XV стол[етия] по преимуществу, будет у нас представлено превосходно и в качественном и количественном отношении. Я думал раньше, что несколько больших статуй Донателло и Якопо дела Кверча у нас сгорели, также думал я и об одном большом надгробном памятнике Луки дела Роббиа³, равно как и о сидящих статуях Медичисов над их надгробными памятниками⁴. Но, слава Богу, все они целы. Разложенные по частям, они в ящиках меньшего размера были подняты в Музее во 2-й этаж и таким образом спасены от огня⁵.

В Афинах повидайте m-r Gilliéron⁶: нет ли у него копий с Крита, так занимающего своими открытиями ученый мир?⁷ Нет ли воспроизведений в красках архаических скульптур с афинского Акрополя?⁸ У нас нет архаических «Аполлонов» с «руками по швам»; подарите нам: 1) Орхоменского, 2) с о. Феры и 3) одного из Беотии, т[ак] наз[ываемого] Птойского, с руками, уже отделившимися от боков, но еще висящими и прикрепленными к туловищу штифтиком⁹. Пример очень интересный для истории эволюции в греческой пластике.

Очень рад, что столовое серебро Гильдесгеймского клада Вам понравилось. Идут к Москве и другие предметы. У нас будет их 38 шт[ук]. Это – по времени первая коллекция такого большого состава. Готовлю доклад о ней для Археологического об[ществ]а.

Желаю счастливого путешествия. Да хранит Вас всех Господь. До свиданья после Пасхи¹⁰. Будьте все здоровы.

743. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 февраля

12 февраля 1907, Москва

С Р[оманом] И[вановиче]м и Рербергом рассуждали мы, как прикрепить к стене зала Возрождения канторию Донателло. Я бы повесил ее возможно выше, так как и в соборе во Флоренции она стояла высоко над головами публики. Ввиду большого расстояния Донателло и придал столь крупный характер крохотным puttì*, которые иначе были бы слишком жирны и возбужденные лица их напрасно были бы вздуты. А на расстоянии они пришлось как раз впору¹. Требований этой перспективы не сообразил Лука дела Роббиа, получивший заказ на другую канторию, и исполнил скульптуры, превосходные только на малом расстоянии. Поднятые же наверх, они в темноватом соборе потеряли свою красу. В этом была его ошибка. Высота

* младенцам, puttì (*ит.*).

нашего зала не так велика, чтобы не поднять кантории – я бы думал, их основание, дно – до карниза. Пусть на узких сторонах помещения они, повешенные vis-à-vis*, закроют значительную часть падуг². Спущенные же ниже, они будут и громоздки для зала, кантория же Донателло будет и крупна по скульптурам и орнаментике. Длина их приблизительно 5½ метров, и 1½ высоты.

Следует ли нам держаться при собирании скульптур и архитектурных частей одного Гладкова? Он и дорог и один едва ли справится с очень обширной задачей. Кн[язь] Н. С. Щербатов рекомендовал нам работающего в Историческом музее молодого скульптора³, окончившего Училище зодчества, ваяния и живописи, а прежде долго, с мальчиков, работавшего у здешнего лепщика Ковыкова⁴. Он был у меня еще в клинике и просил работы именно по сборке скульптур, пришедших в частях. Надо его попробовать.

Часть ящиков с отливами die Goldene Pforte из Дрездена отправлена [в Музей] после визита Р[омана] И[ванови]ча в Albertinum. Ему хочется установить этот громоздкий памятник; для этого им пробито отверстие в стене, отделяющей Христианский дворик от Антиквария. Но белый как снег гипс будет испачкан при работах, если их вести одновременно с оштукатуркою этого помещения. Сейчас там большая пыль и грязь. Пусть сначала оштукатурят весь Дворик и настелют пол, очистят ото всего постороннего: тогда и надо будет приступить к установке этого сложного, разлагающегося на сотни частей, памятника. Я жалею, что допустил разборку больших образцов греческого зодчества в Классическом дворике: неаккуратные рабочие уже захватили и запылили эти модели, пришедшие из Парижа во всей своей белизне. Надобно было настаивать, чтобы Р[оман] И[ванови]ч сначала отделал все помещение; вести же и черные работы и расстановку предметов без вреда делу нельзя.

Работы по постановке косяков и притолок дверей в зале Олимпии и Пергамского, на верхней площадке главной лестницы, окончены. Эти обрамления зеленым мрамором вышли чрезвычайно импозантны. Мрамор привезен из Фессалии. Ее древние карьеры, целые века бывшие в забвении, отысканы одним англичанином в недавнее время. Этот зеленый мрамор с белыми пятнами входит через наш Музей в Россию впервые. Раттенек⁵ получил описание работ того англичанина и обещал мне его прислать. Как бы то ни было, эти мраморные части указанных дверей являются дивным, невиданным в других русских сооружениях (Исаакий и храм Спасителя мною всегда оставляются вне сравнения, потому что на них ушли миллионы и миллионы; к тому же это государственные сооружения на славу России) укра-

* лицом к лицу, визави (*фр.*).

шением. Теперь нужно думать о массивных и прочных черных деревянных дверях – хорошего архитектурного рисунка⁶. Будьте благополучны.

744. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 февраля

17 февраля 1907, Москва

Умер в Риме профессор Модестов¹. Археологическое об[щест]во возложило на меня произнести поминальное слово по почившем члене². Заседание назначено на понедельник, в 7½ часов. Не разрешите ли собрать Комитет во вторник³, [в] 3½ часа? В прошлый раз я позабыл получить Вашу папку с делами и бумагами по Музею за 1906 год. Если возможно, будьте добры передать эту папку моему посланному. Только бы Иван⁴ обернул ее газетой и перевязал. Завтра, в свободный день, папка будет разобрана и после возвращена.

Вчера в таможне освидетельствовали последние 4 ящика с частями угла Парфенона. С будущей недели начнется установка его на место. В тех же ящиках должны быть и недостающие куски памятника Лисикрата. Я говорил Р[оману] И[вановичу] начать установку архитектурных моделей с этого уютного по форме и размерам памятника: он – согласен. С него и начнем.

От Вас вчера я прошел на стройку: потолок в Христианском дворике застеклен совсем. Рабочие теперь перейдут в Классический дворик. Эта работа у ма[сте]ров идет ходко, раз переп[ле]ты готовы. Когда потолок здесь застеклят, останется пол, а если настелют его, – дворик будет совсем готов. Он – первый получает и установку предметов. После перейдем для расстановки назад здания*, в залы Средних веков и Возрождения, которые надо прежде окрасить. Оштукатурка двигается потихоньку. Но чтобы она не стала, надобно производить связанные с нею вспомогательные работы, на которые у Р[омана] И[вановича] на этот год денег уже нет. Помогите ему в этих очередных работах: тогда у нас беспрепятственно покроются оштукатуркою потолки и стены. А это уже приближает нас к желанному концу и выгоняет из здания грязь и пыль. Мы всё более там умываемся.

745. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 февраля

27 февраля 1907, Москва

Этими днями я писал письма к членам Комитета Армандам¹, кн[язю] Юсупову, Вогау² и Бугрову о содействии в расплате с долгами по приобретению

* То есть в его заднюю часть.

предметов искусства. Долги Музея, как выяснилось в последнем собрании Комитета, составляют 47 000 фр[анков] в Дрездене, Париже и Берлине, около 10 – 11 000 руб. Кузницкому и К° за перевозку здесь. Старый долг, сверх сего, за реставрацию испорченных пожаром помпейско-геркуланских бронз и за оставшиеся не полученными бронзы 23 500 фр. в Неаполе. Больше, за исключением кое-каких мелочей во Фрейбурге³, Мюнхене и Нюрнберге тысяч на 5 марок, долгов нет. Это – maximum. Выраженный в рублях, этот долг, сравнительно с затратами на здание и с гибелью памятников искусства в пожаре, гибелью, объясняемой недогадливостью Комитета застраховать это имущество, что возвратило бы нам потерянное в стоимости 40 000 руб. университетского имущества (сгорели слепки главным образом университетского собрания, перенесенные по постановлению Комитета в новое здание Музея), конечно, составит порядочную, но уже не чрезмерную сумму. Не останется же она, после всего издержанного, на памяти Комитета пятном. Все же я питаю надежду на получение 3650 р. от кн[язя] Юсупова⁴ и 11 500 руб. от Захарьиных. А это покрывает уже почти 40 000 фр. На днях из разменянной ренты посылаются Правлением Университета 2000 м[аро]к в Берлин и 2000 м[аро]к в Дрезден, остальное, около 1500 руб., уплачивается Кузницкому. Все остальное таксировано в сумме приблизительно 20 – 25 000 руб. нашего долга. Для меня лично это – сумма огромная и невозможная для уплаты, при 480 руб. месячного содержания (пенсия и Румянц[евский] музей); но поклоны мои Комитету ее, в конце концов, всё же покроют, без кровного ущерба для себя. Хотя, может быть, эти нежданые «добавки» и будут неприятны его состоятельным членам; но нельзя забывать, что вершится дело большой исторической важности, для России единственное. Историк, когда и праха костей дарителей не останется, помянет их теплым и справедливым словом признательности в грядущих поколениях. Этого продолжения их почтенного имени в отдаленных временах, надеемся, более разумных и более счастливых, чем наши, уже, конечно, не создали бы те 2 – 3 т[ысячи] руб., которые уцелели бы у них без этой коллекты*. Не прибавят эти остатки и на волос им благодарности и от наследников. В сущности говоря, что такое эта коллекта единовременная сравнительно с теми колоссальными суммами, которые вносите на это дело Вы, Юрий Степанович, ежегодно? Ваш minimum в 120 000 руб., так озабочивающий Р[омана] И[вановича], превышает единовременные взносы на все дело Музея всех остальных членов Комитета. Музей, по справедливости, остается нечаево-

* складчины (от фр. collecte).

мальцовским созданием. История это скажет непременно и будет совершенно права.

Р[оману] И[ванови]чу больно видеть медленное, как бы сонное и безжизненное туканье в разных углах музейского здания и крайнюю малость результатов этих, как бы замерших работ в настоящее время. Ему больно оправдываться в этом застое перед расспросами в городе, среди делового и богатого люда. Ему бы пламенно хотелось на 120 000 руб. производить работы в год на самом деле, чтобы прежние его передержки приняты были к уплате отдельно от этого ассигнования. Но, видно, этого исполнить, по его желанию, нельзя. Приходится двигаться потихоньку. Р[оман] И[ванови]ч передал мне, что Вы сетуете на меня за сделанные приобретения памятников искусств для Музея. В свое оправдание могу сказать, что разыскивание их по всей Европе стоило мне больших самопожертвований и больших трудов, принесенных мною благу Музея. Бог знает, кто и когда проделал бы этот многолетний путь безвозмездно для нашего учреждения. Я вынес много лишений и всяческих неудобств ради этой высокой цели и нашел для Музея много такого, что долго-долго туда не поступило бы. Без любви, без увлечения, без знания, без стремления к этому специальному знанию в нынешней мере коллекций не собрать бы. Как-нибудь выкарабкаемся из долгов. А приобретенное навсегда будет украшать Музей. В отделе итальянско-немецкого Ренессанса он теперь богаче всех однородных музеев Европы. И это, поверьте, не пустое хвастовство: это действительно так. Ведь эти музеи я все объехал и каталогизировал с моей покойницей. Я их знаю близко.

Где Вы теперь – на пути ли в Сицилию⁹ или в Петербурге еще? Будьте все здоровы. Мой низкий поклон Софье Степановне и Анне Степановне.

746. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 марта

7 марта 1907, Москва

Началась установка в Классическом дворике памятника Лисикрата. Р[оман] И[ванови]ч согласился открыть работу по установке архитектурных памятников с этого, более простого и менее громоздкого предмета. Сейчас приспособляют основание. Этим начинается обмундирование помещений Музея, которое в этом году коснется, кроме указанного Дворика, первого зала эпохи итальянского Возрождения, и, может быть, поставим также и «Золотые двери» Фрейбергского собора в Христианском дворике. Ящики с отливами их идут, часть их уже в кладовой. Для этого памятника Р[оман] И[ванови]ч и сделал брешь в стене, отделяющей

Антиквариий от Дворика; в ней он и намерен укрепить бока портала, иначе бы он невозможно выдвинулся в глубину зала. В Дрездене этот отлив помещен в проходе из одной залы в другую, образовавши величавое украшение двери. У нас такого естественного места ему или не нашлось, или в свое время не подумали об этом при компоновке Средневекового зала. Не знаю, как их высота, но, по-видимому, можно было утилизировать для них одну из дверей последнего помещения¹.

В Христианском дворике потихоньку тянет итальянец в широкополой серой шляпе оштукатурку стен; скоро спустится он до балкона. А когда дойдет до колонн, то работа пойдет у него бойчее. Может быть, к Пасхе окончит и их. Останется тогда лестница, парапет балкона и галерея, огибающая Дворик с двух сторон. К половине лета оба дворика будут окончены, и леса, сор и грязь из них будут вынесены. А это уже будет большим делом ввиду крупных размеров этих помещений.

Приступил мастер [по] проволочным работам к натягиванию потолка² в Ассирийском зале. Он работает один и просидит на своих лесах очень долго. К концу года, может быть, будет готов и этот зал, что дало бы возможность беспрепятственно двигаться уже по всему нижнему этажу Музея. Очищенный от пыли и грязи, он будет ждать в первую очередь только окраски стен и вторую – дверей.

Сложнее работы во втором этаже. Залы Олимпийский и Пергамский, в которых давно загрунтованы только стены, а потолки остаются голыми, очень велики по размерам; а там ждет к себе внимания пока еще и не отапливаемый угол, начиная с зала Праксителя. Но дал бы Бог жизни, как-нибудь дотянем и это. Ах, в эти годы разрушения России и для всех нас за время всяческих потерь все же движется вперед созидательное дело! А когда вспомнишь, что ведет его одна воля и помощь одного человека, то преисполняешься к нему самой горячей признательности и твердой уверенности, что и в дальние времена историк учреждения поймет все величие этого просветительного подвига и помянет его словом благодарности и восторга.

Начал я искание помощи в уплате заграничного долга. Увы, пока встречаю только отказы. Отказали Арманда, ссылаясь на разорение в мамонтовской истории³ и на сборы закрыть свою фабрику совсем. Колесников взялся переслать письмо к Сергею Т.Морозову в Париж, так как он, вступивши в члены-учредители Комитета, не дал еще ничего⁴. Этот ипохондрик и безвольный жуир почему-то надумался прислать на мое совершенно корректное письмо совсем невежливый ответ⁵... Жалуеться на то, зачем я его «вписал» в члены Комитета. А я его совсем не вписывал, а вписал себя он

собственноручно сам. Я ему и не возил проекта Положения, а только послал, как и многим другим, в 1897 году. Так много денег и такая жалкая душа! Будьте благополучны.

747. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 марта

8 марта 1907, Москва

Ныне с утра я был в очень грустном настроении, потому что г. Henry de Sachy¹ из Ecole des Beaux Arts прислал мне несколько писем отчаянного содержания вследствие требований рабочих, исполнявших наши заказы. Сам он – профессор школы, и потому у него была вся надежда на мою платежную способность. А какова эта доблесть у секретаря Комитета в настоящую пору, Вы знаете. Я понимаю безвыходное положение этого chef du moulage*, представлял себе все затруднение, в котором он очутился. Ныне в Музее нашем – новое от него письмо с восклицательными, вопросительными и просительными знаками препинания. Это меня очень опечалило, тем более, что от кн[язя] Ф.Ф.Юсупова не получалось ответа. Чтобы рассеять тоскливое настроение, я пошел на стройку посмотреть подъем барабанов памятника Лисикрата на место. Но и там, как ни интересна была эта картина подъема их блоком с обычными выкриками рабочих, сбжавшихся в Греческий дворик из других помещений на подмогу, печаль, свойственная неисправному должнику, глодала мне сердце и отравляла приятность зрелища. Так с носом, повешенным на квинту**, я и пришел в чертежную вместе с Р[оманом] И[вановичем]. И тут, о радость, на столе я встретил заказное письмо из петербургской конторы кн[язя] Юсупова с переводом на 3650 руб. О, как я обрадовался этому документу, дающему мне возможность завтра перевести в Париж 9000 фр[анков]! Эта сумма г. Henry de Sachy выведет из первого затруднения. А там Бог!***

Р[оман] И[ванович] просил меня заготовить эти 2, прилагаемые здесь, документа для Вас, возымевшего благую весть [мысль?] относительно его и М.К.Геппе[не]ра². Написал, как умел. Охотно подписываюсь под тем, инициатором чего являетесь Вы. Так как Вашими коллегами по подписанью будут Померанцев, Бенуа³ и др[угие] авторитеты архитектуры, то я занял своею подписью лишь нижнее место. Будьте благополучны.

* главы гипсолитейных работ (фр.).

** то есть приуныв (разг., шутив.).

*** То есть: а после – Бог выручит.

748. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 марта

10 марта 1907, Москва

На деньги кн[язя] Юсупова, которому вчера же послал сердечную признательность, купил два перевода: на 9000 фр. для Ecole des Beaux Arts и на 500 фр. долга в Равенну, оставшегося от прежних заказов. Теперь с этой затычкой в 9000 фр. настало некоторое облегчение в отношении Парижа. Другую плату, в 10 000 фр., пообещал на май.

Памятник Лисикрата поставлен без затруднения, так как барабаны его корпуса были скреплены в Париже целой деревянной конструкцией и потому в дороге не попортились. Клинья все пришлось как нельзя лучше. Так как завершение с его постаментом для воображаемого тренажника и чешуйчатой крышей является довольно тяжелым, то пришлось укрепить внутри бревенчатый стоек с крестообразной распоркою внизу. И барабаны и стоек поднимали и спускали при помощи блока. Проработали над этим 4 дня 3 гипсовщика от Гладкова, который и сам бывал при подъеме в первые два дня, пока не наладилось дело.

Помогали и «топорники», делающие леса для постановки угла Парфенона. Какая это небывало для русских музеев большая вещь! Не говорю уже о колоссальных барабанах 3-х колонн, которые загромоздили и галерею и пол Классического двора, и где ты, ходя, затериваешься, но и части архитрава и триглицфного фриза с метопами – как все это массивно. На высоте своих мест это не видно; но когда стоишь подле них, чувствуешь их громадные размеры. Эти вынутые из ящиков и разложенные по полу части заняли у нас два смежные зала – среди них я нередко видал нашего десятника Романова¹, который, очевидно, к ним присматривался и в уме прилаживал их друг к другу. На днях у него уже появился и собственноручно сделанный им рисунок, сработанный им при помощи немецкой книги. Теперь он уверенно говорит: «мы поставим, мы укрепим, мы закажем деревянную конструкцию для нутра колонн». Совсем молодец, а на вид – зеленоватого лица мужичонка, в котором никак бы не предположил такой вдумчивости и серьезного увлечения делом. Он работает у Р[омана] И[ванови]ча десятником на всевозможных постройках уже много лет, получая 600 руб. в год. Он уже присматривается и к портику «карадитов», который будут ставить насупротив памятника Лисикрата, над помещением камеры отопления, как только окончится настилка пола над этой узкой полосой и он высохнет. Тем временем, вероятно, приступят к установке угла Парфенона, кирпичное основание для которого уже выложено на цементе. Боюсь я только, не рано ли приступать к помещению на нем, еще не успевшем высохнуть, барабанов

с обширную деревянную конструкцией: как бы дерево не начало гнить в таком соседстве.

Подымался ныне к потолку в Ассирийском зале, где немецкий рабочий Аксеро и два русские штукатура тянут сетку. Немец становится на работу в 7 час. утра и работает сначала с лампой, в 12 час. идет обедать, на один час, а после работает до 6 часов, итак – ровно 10 часов в день. А наши «народолюбцы» надули в уши рабочим о 8-часовом термине*: это при малой производительности, при способности калякать, курить, привычке чайничать и часто отлучаться от работы! Я спросил десятника, сработал ли бы наш рабочий столько, сколько этот немец; тот засмеялся и – «Куды, разве это нашему брату возможно, наши работать столько не могут...» Да, другого мы теста, иная у нас природа – и никакие свободы нас не исправят и не научат работе. В нашей натуре есть какой-то враг работоспособности; едва ли бы усилила энергию русского рабочего и сдельная плата. При непривычке делать сбережения он для удовлетворения своих непрехотливых потребностей довольствуется малым и работать лучше не станет. А все-таки надо бы пробовать введение, где это возможно, сдельной платы.

Будьте здоровы.

749. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 марта

21 марта 1907, Санкт-Петербург

Приехавши по делам музеев сюда, я в первое же утро снесся телефоном с Вашим домом и, к сожалению, узнал, что Вы уже давно выехали за границу. Не застали Вас здесь и мои последние письма. Приехал я сюда, чтобы понаблюдить течение министерских бумаг о музеях¹, предназначенных для Государственной Думы, и, как оказалось, не напрасно. Уже в напечатанном и ушедшем в Думу представлении министра нар[одного] просвещения открыл смешную опечатку: «на приобретение предметов искусства в год 100 руб.» вместо 10 000 руб. Я обратил на этот курьез внимание департамента: там люди, близко стоящие к делу, очень удивились: «а уже мы читали-читали корректуру; как проскочила эта бессмыслица, и представить трудно; придется теперь частным образом поехать в канцелярию Думы и на тамошнем экземпляре сделать поправку». Это нужно сделать тем скорее, что сметы нашего мин[истерст]ва будут рассматриваться в Думе очень скоро. Содержанье ходатайства мин[истерст]ва по нашему Музею – о 10 000 руб. на расстановку предметов в 1907 году и о 5250 руб. на отопление в первой половине

* пределе, границе (*лит.*).

будущей зимы. Отапливается Музей в текущие месяцы до апреля на суммы мин[истерст]ва, ассигнованные еще в прошлом году.

В понедельник² я был в заседании Академии художеств. Из протокола прежнего заседания видно, что М.П.Боткин³, кажется, Бенуа и еще третье лицо внесли вопрос о звании академика архитектуры для Р[омана] И[ванови]ча. В заседании Михаил Петрович и проф[ессор] Котов⁴ обратились ко мне с просьбой доставить «Записку» о работах Клейна и особенно о Музее Александра III. «Записка» еще из Москвы послана была Вам, и, вероятно, пошла она за Вами следом за границу. Будьте добры, подписавши, переслать ее на имя ректора или секретаря Академии. Не выяснил только я себе время баллотировки; сидевший со мной скульптор Бах⁵ сказал мне, что все баллотировки о степенях будут производиться осенью. Но «Записки» будут печататься теперь – и профессор Котов, товарищ Р[омана] И[ванови]ча и его большой доброжелатель, советовал прислать документы, не откладывая. Думаю, что Вы будете иметь время для удовлетворения этой надобности и дело Р[омана] И[ванови]ча не будет отложено или замедлено.

Ну уже и нравы в заседаниях Академии! Знакомые, узнавши, что я собираюсь идти туда, говорили мне: «Приходите, мы представим вам спектакль». На мое возражение, что, судя по программе, заседание будет очень простым, мне Кондаков⁶ сказал: «У нас простых заседаний не бывает...» И действительно, из-за вопроса об одном стипендиате загорелся между Куинджи и Влад[имиром] Маковским⁷ такой словесный бой, причем Куинджи так неистово ревел, что иногда страшно становилось. Маковский заявил о своем выходе из Академии, за эту декларацию накинулся Куинджи еще пуще. Собрание все встало и начало упрашивать М[аковско]го взять свое решение назад. Разошлись в 12 час., примиренные.

Мой низкий поклон всем Вам.

750. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

СПБ, 24 марта

24 марта 1907, Санкт-Петербург

Окончивши дела, ради которых приезжал сюда, собираюсь домой, где остаются для меня теперь только музеи: Университет, после ужас наводящих мерзостей, учинявшихся грязной ордою студентов, закрыт – до мая. С этого срока начнутся «курсовые» экзамены; но Боже правый, из чего же станут экзаменовать ничему не учившихся студентов? Весеннего семестра ведь, в сущности, не было, а осенний прерывался 3 раза; прошлым летом будто бы «состоялся» семестр, но только с[леп]ой в Москве не видал, что студенты в небольшом лишь числе походили в Университет с месяц¹. Экзамены

дадут права на дипломы, дипломы же дадут права и преимущества на государственную службу. На деле выходит, что Университет фабрикует дипломированных невежд, к тому же, в таком громадном числе – грубого, нахального, отталкивающего нрава.

В кругу Академии художеств мне с негодованием говорили о неприятности, Вам по поводу Клейна причиненной Померанцевым. Его называли при этом прямо полупомешанным: на него-де находят моменты, когда он, погрузившись в свои думы, бормочет себе что-то под нос, – и в такие минуты к нему-де не подходи; непременно оскорбит, наговоривши всяких несообразностей. А после, как ни в чем не бывало, с улыбкой и заискивающим видом он же подойдет к лицу, им обиженному. В тот раз, когда Вы повели речь с ним о Р[омане] И[ванови]че, он, по словам моих академических собеседников, находился именно в таком особенном настроении. Секретарь Академии художеств Лобойков², с которым меня сблизил еще наш архитектурный конкурс в 1897 году, говорил мне, что этот казус не будет иметь никакого значения в деле Клейна, и посоветовал поскорее доставить в Академию «Записку» о заслугах Р[омана] И[ванови]ча, для напечатания. Я скрою от Клейна выходку Померанцева, зная его, Р[омана] И[ванови]ча, большую нервность, то, что он введен покойным Великим Князем в строительную комиссию по памятнику Александра III «для укрощения нашего бедного Померанцева», как говорил Великий Князь самому Клейну³. Со стороны Померанцева нехорош поступок и потому, что они оба, он и Клейн, в одно и то же время строят памятники Александру III, в одном и том же городе и бок о бок друг с другом⁴. Как, при таких обстоятельствах и весьма любезных личных отношениях, возыметь смелость открыто порицать достойного человека, уже во всяком случае достойного степени, о даровании которой ему Вы вопрос подняли? Удивительная эта болезненная нервность и завистливость художников.

Где Вы теперь и как Вы все здоровы? Здесь погода чудная. Мне приходится кататься на парходиках по Фонтанке.

751. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 марта

28 марта 1907, Москва

Возвратившись из Петербурга, я нашел в директорском кабинете Румянцевского музея очень длинный ящик, окованный железом и очень старательно закупоренный. Это – вторая и последняя присылка предметов Гильдесгеймского клада. Сейчас тут идет сильный шум при вскрытии ящика. Работают слесарь и плотник, которые громко, не стесняясь присутствием

грозного директора, выражают удивление заграничному искусству так плотно упаковывать посылки. Пока они тут возятся, я расскажу Вам, что я встретил в новом Музее.

Памятник Лисикрата поставлен и освобожден от подмостков. Р[оман] И[ванови]ч перешел к установке угла Парфенона, части которого загромоздили и Стекланный дворик, и колоннаду, и один из соседних зал. Выложили кирпичное основание, разметили места колонн и прилаживают теперь нижние барабаны 3-х колонн. Дело выходит очень сложное; построены леса какими-то «топорниками». Окончить постановку надеется Р[оман] И[ванови]ч не ранее последних дней Страстной недели¹, поэтому портик каритид придется отложить до мая. Начали понемногу настилать пол на верхней террасе этого Дворика. Цвет его светло-серый, в Христианском же стеклянном дворике предположен темно-красный, который так распространен был в XV в. в итальянском Возрождении. Но до этого пола еще очень далеко, так как оштукатурка стен здесь все еще держится наверху, потому что работают здесь всего двое, итальянец и русский. Также потихоньку идет работа над потолком Ассирийского зала: там тянет проволочную часть, т.е. сетку, немец, и за ним идет русский подмастерье. Забравшись к ним на полати, я любовался на эту работу; немец делает быстро и мастерски, русский плетется медленно, но видимая для меня сторона работ казалась мне совершенно удовлетворительной. Я вспоминал при этом о значении, какое для наших рабочих имеет сооружение Музея: оно, по существу, огромно. Русские рабочие тут научились многим отраслям, которых они не знали или знали их очень плохо. Сколькие из них стали теперь отличными мраморщиками и притом какими тонкими резчиками в каменных породах! Многие из рабочих стали превосходными штукатурами, проработав у Аксеро, этого короля штукатуров всей Европы. Система Рабица² и Монье³ с их проволочными потолками и стенами сделались для целой категории рабочих теперь своими. А наши 6-летние работы в ломках Урала разве не положили начала новой промышленности для будущего тех мест? Историк местного производства после с благодарности запишет Ваше имя как истинного и единственного инициатора мраморной эксплуатации на Урале. Раньше Вас об уральском мраморе знали только геологи, хранившие в кабинетах кусочки тамошних мраморов. Нужды нет, что теперь, в пору безденежья и застоя всякого рода, стали эти работы; придут для России лучшие времена – вспомнят тогда и об открытом Вами для отечественного широкого употребления белоснежном мраморе Урала.

Натягивают сетку потолка и в зале Олимпии, хотя и очень, очень медленно, за недостатком рабочих: Аксеро поставил их пока только ограни-

ченное число, кажется, 16 человек на все работы. Пара их работает в главном вестибюле, пара в задних, за лестницей, помещениях, пара в Христианском дворе. При таком раздроблении результаты работ очень невидны.

Ящик вскрыли. Вынутые вещи прямо увлекательные. Блюдо с изображением Афины – истинный Meisterwerk*! Несомненно, эта лучшая вещь серебряного дела всей классической древности, дошедшая до нас. Превосходный кратер⁴ в форме большого канфара (более 1/2 метра высоты), отлично исполнен и колоссальный бокалице (т. наз. Nuntren**) галльского происхождения; пришли – огромное блюдо для спаржи или рыбы, миски для жидких кушаний, кастрюли и большой канделябр, также серебряный, для triclinium⁵. Всё превосходного исполнения. В каталоге значится, что наш экземпляр – 1-й по времени исполнения после свадебного подарка наследной императорской чете Германии, 2-й исполнен для Metropolitan Museum of Art в New York⁶***. В этом случае сошлись 2 крайности: у нью-йоркского музея колоссальные средства, завещанные ему одним американским миллиардером (7 000 000 долларов)⁶, а в нашей кассе – ни грошика. И я не знаю, что делать с последними платежами за гипсы. Но авось выкарабкаемся.

Будьте благополучны.

752. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 апреля

6 апреля 1907, Москва

Сердечно радуюсь получению от Вас вестей из Палермо¹. И так, Вы исполнили Ваше намерение пожить в этом чудном уголке мира. У меня от этого города остались на всю жизнь наилучшие воспоминания. Я был в нем в августе 1875 г., когда он блестел на солнце, а его Sopra d'Oro² спелили лимоны и апельсины в неисчислимом количестве. К чудным впечатлениям города, окрестностей и моря, тогда лазоревого, присоединяются впечатления всё украшающей молодости. Мне было тогда 28 лет или 28-й год³.

Вы сделали слишком мало изменений в бумаге о Р[омане] И[ванови]че. Я перепишу и pošлю М.П.Боткину. Он и секретарь Академии, а также директор Штиглицевского училища Котов меня торопили доставлением Записки. Я послал им копию Вашей бумаги⁴, теперь, по исправлении, pošлю и эту редакцию. «Средних торговых рядов»⁵ не поставил Р[оман] И[ванови]ч сам; я напоминал ему этот пропуск в составленном им списке своих

* шедевр (нем.).

** большой бокал, чаша (нем.).

*** художественного музея Метрополитен... Нью-Йорк (англ.).

работ, но он ответил, что теперь он видит в них слишком много недостатков и потому не придаст им особой цены. Как-то и от кого-то я слышал, что Р[оман] И[ванови]ч был там только (?) строителем, а план был чей-то чужой. Архитекторы, как и врачи, очень завистливы и потому так откровенно ругают друг друга заочно.

Вчера я был приглашен к Великой Княгине условиться насчет дня и часа приезда ее с племянниками⁶ в Р[умянцевский] м[узей] посмотреть римскую серебряную столовую посуду и копии Е.Н.Самариной⁷. Это будет послезавтра в воскресенье. Завтра вечером будем мыть полы и лестницу в коридорах и натирать полы и обметать стены в залах части здания, выходящей на Знаменку. Великая Княгиня спрашивала, как протекает Ваше путешествие, в Палермо Вы или уже выехали.

В июне, когда окончатся Стеклянные дворики, Е[е] В[ысочество] просит показать их ей, особенно хочется ей видеть угол Парфенона. Этот предмет ставится. На местах уже 3 колонны: сейчас над капителями, в архитраве, укрепляется деревянная конструкция для установки верхней части угла. Пока работают «топорники», Р[оман] И[ванови]ч распорядился переносить на место основание портика кариатид, чтобы гипсовщики не теряли времени. Укрепление Парфенона идет очень медленно: дело выходит очень сложное. И колонны и карниз сзади придется связать железными полосами со стенами, чтобы все сооружение не подалось вперед. Настилка пола в этом Дворике подвигается. Но Христианский дворик еле движется. Там работает один старик-итальянец.

Как здоровье Софьи Степановны и Анны Степановны? Будьте добры передать им мой низкий поклон. Здесь ветры и стужа.

753. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 апреля

10 апреля 1907, Москва

Великая Княгиня с племянниками запросто, без лиц свиты, приехала в музей утром, в воскресенье, до обедни, начинающейся у нее в 11 часов. Предметы Гильдесгеймскогоклада и картины работы Е.Н.Самариной были выставлены в читальном зале. Римская посуда разложена была в трех местах, по категориям: Essgeschirr, Trinkgeschirr* и большие предметы, как 2 кратера, огромный галльский кубок в форме нашей древней стопы, складный столик и высокий, в 1½ метра, канделябр. Картины были расставлены тут же, вблизи столов. Великая Княгиня самым внимательным образом

* посуда для еды, посуда для питья (нем.).

перебрала все предметы, любуясь ими в разных положениях. Чтобы рассмотреть лучше профиль более изящных вещей, она поднимала их выше головы и, восхищаясь красотой линий, старалась по-английски растолковать формы Великим Княжнам. Впечатление было для нее столь неожиданное, что она не скрыла своего сюрприза*. По ее словам, такие предметы следовало бы специально изучать нашим серебряных и золотых дел мастерам и исполнять подражания. Картины работы Е.Н.Самариной ее поразили своими размерами: «Как, в ее годы, m-me Samarine могла вынести столько труда» – и удивилась, узнавши, что Е[катерина] Н[иколаевна] не ограничилась этим, а переезжает в Неаполь и Помпеи для новых работ. Спрашивала, где мы храним эти вещи, и при упоминании о нашем Музее повторила желание быть там «в июне», когда и угол Парфенона и другие большие архитектуры будут выставлены. Спрашивала, где Вы теперь; я ответил, что последнее письмо я, по Вашему указанию, отправил уже в Неаполь. Великая Княгиня пробыла дольше, чем предполагала и могла: кучер ее почему-то отъехал от музея на Арбат так далеко, что когда, окончив обзор вещей и распроставшись с нами, вышла на лестницу и надела шубу, ей наши солдатики¹ доложили, что кареты еще нет... Пришлось стоять на площадке и продолжать беседу. Так как разговор в читальне оборвался на нашем Музее, то В[еликая] К[нягиня] возобновила его здесь, расспрашивая, где и какие идут работы. Я доложил о настилке пола в Греческом дворике, об оштукатурке Христианского и об отделке наличников для двери Главного зала, упомянул о потолках в Ассирийском зале и в Олимпии, обещав, что к июню – июлю значительная часть нижнего этажа уже освободится от грязи и получится возможность ходить по настланным полам. И это, даст Бог, действительно будет, если покончить с оштукатуркой и полами в Ассирийском зале и Христианском дворике с прилегающими к нему двумя галереями. Тогда освободится почти весь 1-й этаж, раз оштукатурят и настелют пол и в главном вестибюле.

Сейчас мне принесли большой пакет от проф[ессора] Трея. Он пишет: «Ich kann mir lebhaft denken, wie ungünstig die schweren Zeiten, die Sie durchmachen, und die kostspieligen Bauten die Geschäftslage Ihrer Sammlung beeinflussen. Die Opferwilligkeit Herrn Netschaieff-Malzoffs ist unter diesen Umständen aller Bewunderung und alles Dankes wert»**². К письму приложены

* Эд. удивления (*фр.* surprise).

** «Могу живо представить, сколь неблагоприятно влияют на материальное положение Вашего Музея постигшие Вас трудные времена и дорогостоящее строительство. При таких обстоятельствах готовность господина Нечаева-Мальцова идти на жертвы достойна всяческого восхищения и благодарности» (*нем.*; пер. Т.Егорова).

3 больших фотографии: 1) общий вид Goldene Pforte с пометками всех кусков присланного нам их отлива, 2 – 3) деревянной конструкции, по которой располагается весь отлив. Часть ее для образца нам прислана. Остальное по этим фотографиям, испещренным цифрами мер и последовательности каждой части, сделает Р[оман] И[ванови]ч здесь. Эта вещь ой какая сложная! Она потребует много соображений, времени и большого труда и «топорников», и формовщиков, и прежде всего внимательного руководства Клейна и Рерберга. Больше месяца уйдет на эту постановку, а после посетители, проходя мимо этого сложного памятника, самое большее скажут: «Как прекрасно сделали!» и пойдут затем дальше, не зная, что стоило добыть этот «гипс» и поставить его на место. Неугомонный Дмитриев, принимая ящички и расставляя их, вынужден прыгать на них, опять изодрал свои штаны и пиджачишко...

Неужели Вы все с дивного теперь Юга едете в отвратительные наши места?³ Грязь у нас и холод.

754. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 апреля

21 апреля 1907, Москва

Христос Воскресе! Прошу Вас и всех Ваших семейных принять мое сердечное поздравление с наилучшими всем Вам пожеланиями. Дай Бог приветствовать мне Вас так много лет. Как бы ни продвигалась жизнь, но конец ее да будет возможно дальше от нас. Так она безмерно коротка сравнительно с тем, что предстоит «по ту сторону»... Поэтому будем же жить, пока живет. Посылаю это письмо в Петербург, не зная Вашего маршрута от Неаполя. Второй Ваш неаполитанский конверт с документами я получил и сделал все, чтобы сведения по нему были своевременно посланы. Источник данных находился у Листа, он заполнил все графы, а я потом казенным пакетом отправил бумагу в Петербург¹.

Дела в Музее тихо, но всё же идут; каждый день делается шаг вперед и, как ни как, всё же мы близимся к выходу. С Клейном и Рербергом радуемся, если видим работу над потолками, полами, стенами и по возведению архитектурных памятников в Классическом дворике. Потолок в Ассирийском зале окончен, в Олимпии сделан на 1/2; нужда явилась окончить цоколь в Классическом дворике, оттого сняли двух рабочих с оштукатурки Христианского. Через неделю, по возобновлении работ после Пасхи, там дело будет окончено – и итальянцы снова воротятся в Христианский дворик. Раньше июля Дворики не будут готовы: Великую Княгиню приглашать ради осмотра их, по неоднократно выраженному ею желанию, я думаю, раньше

не придется. Это сделаем в Ваш июльский приезд в Москву. Установка памятников в Классическом дворике значительно продвинулась. Р[оман] И[ванови]ч начал дело и над портиком кариатид. Балюстрада в своем основании уже стоит на своем месте. Лепщики уже и скрепили или, как они выражаются, сморозили отдельные части. После Пасхи станем ставить на места 6 безносых кариатид, так что к Вашему приезду они будут уже поставлены и, может быть, утвержден над ними карниз.

Впрочем, когда Вы пожалуете в Москву? Если Пасху Вы проводите у себя дома, то на Фоминой² не будете ли здесь? Тогда, благодаря лени сбора рабочих, все в Классическом дворике будет еще грязно и пыльно, не окончен будет, из-за подмостей около угла Парфенона, и пол. Ну что же делать! Лучшую картину найдете в ию[ль]ский приезд. Как много времени около Пасхи теряют наши рабочие! Их нет уже со страстного понедельника, и прогуляют они до конца Фоминой³, а немцы и итальянцы работают до великой пятницы, а со вторника на Пасхе они снова становятся на работу⁴. Что мудреного, когда они воротятся, да еще не зная «понеделников», домой с хорошим заработком, а наша пьяная команда принесет семьям гроши... Такова уже наша несчастная натура.

755. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 мая

9 мая 1907, Москва

Я долго не писал Вам по двум причинам: пасхальные вакации прекратили, на продолжительный срок, течение работ в Музее, а получение добавочных №№ Гильдесгеймского клада заставило меня исполнить обещание, данное гр[афине] П.С.Уваровой, относительно устройства публичного заседания Археол[огическо]го об[ществ]а в Румянцевском музее и моего доклада об этом римском столовом сервизе. Ограничиться писанием одного доклада Об[ществ]у не хотелось, работа увлекла и привлекла к составлению подробного археологического описания всех предметов коллекции. Статья предназначается для «Трудов» Об[ществ]а, где можно ее хорошо напечатать с изображениями самих предметов, чего не сделает ни один журнал¹. Собрание в Румянцевском музее состоялось 2 мая, вышло очень многолюдным и лично для докладчика сошло очень благополучно. И в Об[ществ]е и в посторонней публике слышались признания, что никак не ожидали существования таких красивых предметов, дошедших от Древнего мира. Собрание с 7½ часов затянулось до 11. Графиня Уварова, довольная удачей вечера, щедро одарила музейскую прислугу и, день спустя, прислала мне очень любезное письмо².

Позже всех собрались на работу мраморщики, уходившие на Пасху домой, раньше всех стали на работу итальянцы и немцы, с середины Пасхальной недели, тогда как наши соотечественники явились все только к Мироносицкой. Раньше других принялись формовщики Гладкова. Парфенон, т.е. угол Парфенона, поставлен весь, вчера ставили последние вещи, фигуры Гелиоса и коней его во фронтоне³. Р[оман] И[ванови]ч доволен прочностью деревянной конструкции как внутри колонн, так и в карнизе, который, кроме того, прикреплен железной связью и к стене. Конечно, при такой продолжительной работе постановки гипс страшно загрязнился, теперь его начнут мыть и чистить. После снимут леса и продолжат настилку пола в этой стороне Дворика. Идет работа и над портиком кариатид: все 6 безносых красавиц стоят уже на своих местах, теперь им через голову и шею проводят деревянные устои, а так как их шейки не очень толсты, то пропускают с деревом и пластины таврового железа. Через неделю поставят и портик совсем. Памятник Лисикрата стоит уже на месте. Остается очередь за персидской колонной или, точнее, колоссальной капителью колонны с бычачьими головами. Пока не знаем, где примостить ее, чтобы она не убила нежных архитектурных форм ионики³.

Как довольны Вы путешествием? Почтительный привет Софье Степановне и Анне Степановне.

756. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 мая

12 мая 1907, Москва

Приезжал какой-то господин в Музей, спрашивал, где Вы остановились в Москве. Не получивши удовлетворительного ответа, он прислал на другой день горничную. Когда она не захотела ответить на вопрос о ее хозяине, Р[оман] И[ванови]ч и разговаривать с нею не стал. С тем она и отъехала.

Сановитость незнакомца, искавшего Вас, подала повод к разговору, не один ли это из кандидатов на место Вашего главноуправляющего, так как Кельин еще на Пасхе всем говорил о намерении оставить свое место. В банковских кругах, по словам Р[омана] И[ванови]ча, объясняли его решение двумя версиями: одна говорила, что он с Ваших заводов получил угрожающие письма, другая полагала, что, не бывши коммерческим, а только банковским деятелем, он сознал недостаточность своих сил. Одна госпожа, свой человек у его покойной жены, также еще на Пасхе мне говорила, что потеря ее до того поразила К[ельи]на, что он впал в уныние и бездействие, и что он дома сидит перед портретом покойницы, украшенным венком из цветов, и не может ничего делать. Мне понятно его положение, и не по одному

этому мне жаль его. В последнем году он стал деликатнее с Клейном и бросил неподобающую ему роль бестактного начальника. Их прежде враждебные отношения наладились, и они, молча и не видясь, каждый делал свое дело. Работы в Музее потихоньку двигались, и каждый день продвигал хотя на маленький шаг дело. Если не будет помехи, то к 1908 году можно будет ходить по 1-му и 2-му этажам беспрепятственно. А это будет уже большим успехом.

Сейчас оканчивают потолок в Олимпии, и мастер по натягиванию сетки перешел уже в Пергамский зал. Там я слышал ныне стук по пробивке в стенах гнезд для балок. Но какая масса известки валится на пол при вытягивании этих искусственных потолков! Теперь в Олимпии лежит претолстый слой известки; идя по нему, я ныне весь испачкался. Раствор падает при этом сверху, так что уберечь шляпу и платье нет возможности. В Классическом дворике чистят поставленный угол Парфенона и укрепляют кариатид. Других работ не видать. Рабочие по настилке полов еще не принимались после Пасхи за работу. Впрочем, раз тянут потолки, то им и работать нельзя.

Ныне пришла в Музей весть, что Вы только вчера должны были вернуться в Петербург. Отдохните после длинного пути и, оправившись, жалуйте к нам. Будьте здоровы.

757. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16 мая

16 мая 1907, Москва

Часть рабочих с подмостей угла Парфенона перешла на постановку портика кариатид. Раньше поставленные статуи на парапете без всякого скрепления получили вчера деревянные, подбитые тавровым железом, устои. При отливке кариатид в Париже отверстия в шее угловых статуй сделаны гораздо больше, чтобы возможно было поставить более прочные устои. Ввиду этого Р[оман] И[ванович] распорядился пропустить в угловых кариатидах по две стойки в каждой. Вчера при мне ставили эти стойки. Внизу в парапете укреплены три балки, одна в длину и две поперечные, с боков, для двух кариатид, и в них опускались устои, заостренные на нижнем конце. Я высказал было сомнение в прочности этого ничем железным не скрепленного вставливания стоек, которые, сохнувшись в теплом помещении, окажутся в своих заостренных концах узки для вмещающих их гнезд в балках. Мне казалось, что нужно бы скрепить здесь дерево железом; но мне объяснили, что вся конструкция будет так связана вверху, в карнизе, и внутри парапета, что шипы, о которых здесь речь, не будут ничего значить. Может быть, а все было бы надежнее связать нижнюю балку с вертикальными

деревами железными, толстыми полосами, было бы это во всяком случае не лишнее. Этих же железных полос я хотел и для низа устоев колонн угла Парфенона. Но как филолога меня, разумеется, не послушали, полагаясь «на общую связь деревянной конструкции». Подмости для портика кариатид сделаны в несколько ярусов. На них поднимали рабочие статуи, чтобы поставить устои и потом осторожно надевать на них статуи. Это поднимание кариатид во весь их рост и опускание их на стойки было очень любопытно. Ныне будут налаживать деревянную конструкцию карниза, который и окончат дня в 4.

На угле Парфенона производится чистка загрязненного гипса.

Но за любопытство я поплатился. Вчера день был холодный, на стройке меня продуло. Ныне я сижу дома с флюсом и компрессом против него. С такою убийственно не изящной физиономией показаться в Музей изящных искусств нельзя. Да и знобило всю ночь, хотя я прикрыт был двумя ватными одеялами.

Будьте здоровы.

Мне нужно знать, воротился ли Великий Князь Владимир Александрович¹.

Какого числа и месяца исполнится Ваш 50-летний срок государственной службы? Это будет в июне?²

758. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 мая

20 мая 1907, Москва

Просидевши эти дни, из-за простуды, дома, я ныне был на стройке и убедился, как легко теперь, с прекращением топки, там простудиться. Рабочих не заставишь затворять двери, и оттого там, во многих местах, гуляет сквозной ветер. Там я нажил себе большой флюс.

Постановка портика кариатид совсем окончена, как и угла Парфенона. Теперь формовщиками производится чистка загрязнившихся гипсов и заделка испорченных при установке или при перевозке мест. Подмости на угол Парфенона постепенно понижаются*. В Олимпии потолок подходит к концу, а в Пергамском зале сделана лишь очень небольшая часть сеточных и проволочных балок. Тут работы хватит надолго. Снятые с Христианского дворика два штукатура копаются около низа стен Классического. Через неделю они здесь работу окончат и воротятся на прежнее место, где им двоим хватит работы на целое лето, так как до сих пор, за малочисленностью

* То есть леса около него разбирают.

рабочих, оштукатурка не спустилась ниже верхней $\frac{1}{4}$ стен. А внизу, кроме лестницы и колонн, им придется обработать еще и две галереи. Ранее конца августа им не окончить. Р[оману] И[ванови]чу хотелось бы уставлять здесь портик Фрейбергского собора, но обилие скульптурных и притом, по местам, очень тонких украшений лишает меня возможности согласиться на установку этого памятника в таком крайне теперь пыльном и грязном помещении. Я не дам ящиков для распаковки, пока не отделают Дворика совсем. Формовщиков можно ставить пока на 2 кантории в итальянском Возрождении. Когда Вы пожелаете в Москву?

759. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 мая

21 мая 1907, Москва

Вчера Вы так много интересного рассказывали про Сицилию и Италию, что я и забыл сказать Вам о предположенном отъезде моем, до завтрашнего вечера, к Троице¹. Сын мой перешел в 7-й класс, хочется там с ним помолиться и походить по тем местам: будем у Черниговской Б[ожьей] М[атери]², в скиту³ и в Вифании⁴. Ныне выезжаем в 6 часу утра. Видели ли Вы вчера Р[омана] И[ванови]ча? Он, вероятно, уже на даче, где-то недалеко, кажется, по Курской ж.д., в каком-то имении. До скорого свидания.

760. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 мая

27 мая 1907, Москва

Не могу я застать Вас свободным от других забот. Третьего дня я намерен был спросить об исполнении 50-летия Вашей государственной службы, дне и месяце. Этот вопрос меня интересует в высшей степени. Сейчас я писал личное письмо попечителю Румянцевского музея Вел[икому] Кн[язю] Владимиру Александровичу по поводу Свешниковской картинной галереи и 3-х библиотек, полученных музеем в дар в последнее время¹. Зная, что Великий Князь интересуется ходом дел и нашего Музея, я написал о распадении Комитета, которого, как пособника в материальной стороне дела, в сущности уже нет, и о мало кому известном, но воистину большом патриотическом подвиге ведения дорогого предприятия исключительно Вами, на личные средства, которые одни и двигают Музей к его окончанию. Теперь, с кончиною Вел[икого] Кн[язя] Сергея Александровича, Вел[икий] Кн[язь] Владимир – единственное из числа старших членов царской семьи лицо, стоящее близко к Искусствам. Я рассчитываю получить у него доклад², для которого я изготовляю и небольшую печатную, на правах рукописи,

Записку о нашем Музее для предоставления Великим Князем Его Величеству³. Но для этого нужно избрать нужный момент. Меня с авторитетной стороны известили, что Вел[икий] Кн[язь] Владимир мне верит, статья может, потому что я не знаю придворных форм обращения и докладов. Не знаю, когда бы я мог застать Вас одного, на свободе.

761. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 июня

6 июня 1907, Москва

Насколько опаснее ходить по работам Музея теперь, чем в зимнее время! От царящих там сквозняков и сырости я опять простудился. Болит горло и затянуло весь носоглот. К сожалению, я простудился без пользы для дела.

На очереди стоит установка персидской колоссальной капители в Классическом дворике; для этого нужно вынуть ящики из кладовой, где они заставлены массой кладей. Нужны руки, люди, а их нет. Двое сторожей, Дмитриев и десятник не в состоянии сдвинуть ящиков с места. Формовщики Гладкова, покончивши с греческими архитектурными памятниками и не получая денег, не являются на работу. А не имеют они своей платы, потому что назначенные Министерством финансов и народного пр[освещен]ия 10 000 руб. на расстановку и охранение предметов искусств застряли в Думе, – и когда теперь, с ее роспуском, решится вопрос о их выдаче, как знать?¹ Не виноваты рабочие, но нет вины и на мне с Клейном. Деньги предположены были к израсходованию в 907 году, в этом году мы и ведем работу распаковки и расстановки предметов: как же иначе? Звоним-звоним, зовем-зовем по телефону, нет, увертываются, не идут наши пособники поднимать и распаковывать ящики.

Из других работ утешение приносят только исполняемые Аксерио: получая из Вашей конторы по 3000 р. в месяц, он поставил человек 12 – 14 рабочих, которые успешно продолжают дело. В зале Олимпии постепенно спускаются с потолка по стенам к полу, в Пергамском зале ведут потолок, и есть надежда, что к 1-му июля оба зала ими будут окончены; тогда часть их перейдет оканчивать Римский зал, а другая переселится в зал Праксителя.

С полами пока застой. Надо бы раньше всего окончить в Классическом дворике, пока можно будет приступить к полу в Олимпии, стоящему на очереди.

В Христианском дворике над оштукатуркою стен работает только один-единственный итальянец – старик Гаэтано*, самый деятельный и аккурат-

* Гаэтано (ит.).

ный из всех своих коллег. Он постоянно на месте и всегда за работой. Но Христианский дворик – такая махина; а он – один, оттого количество отделанного им в таком обширном помещении представляется столь незначительным.

Графиня П.С.Уварова ходатайствует пред Государем о покупке библиотеки покойного профессора Модестова, умершего в Риме²; но министр Двора³ поставлен в затруднение, куда *им* девать эту библиотеку. Он запросил графиню; а я в ее ответ* указал на Музей Александра III в Москве и написал сам письмо ген[ералу] Мосолову⁴, запрашивавшему графиню об этом. Может быть, что-нибудь и выйдет.

Обратился я с просьбой подарить нам оплатою 21 000 фр. «угол Парфенона» к С.И.Щукину⁵, брату владельца музея⁶, человеку очень богатому. Какая бы с плеч моих ноша снята была этим! Ecole des Beaux Arts то и дело пишет *просьбы* об уплате, а у нас нечем платить и 35 р. месячного жалованья неутомимому и мастеру на все руки и всякие работы Дмитриеву. Захарыны всё еще за границей.

Будьте все здоровы и благополучны.

762. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 июня

7 июня 1907, Москва

Не уехал я до сих пор в Тарусу из-за персидской колонны, которая пришла в 8 громадной величины ящиках, каковые не могли быть помещены в вагоны, а только на платформах. Привезенные из таможни, они в кладовой были заставлены после другими кладями, особенно 56 – 57 ящиками, тоже очень большими, с отливами «Золотых дверей» Фрейбергского собора. Когда на днях возник вопрос об извлечении их для установки, заговорили о разборке всего склада. А это обуславливало и большие хлопоты, и значительные деньги. Р[оман] И[ванови]ч сказал, что у него средств на это нет, а обещанные миң[истерст]вом 10 000 р. один Аллах ведает, когда придут. Что было делать? Что можно, то нужно распаковывать: в ящиках солома прееет и дает пар, бумага, вата и другой упаковочный материал мокнет. Надо проветрить гипсы, которые при просушке теряют появившиеся на них пятна плесени. На больших архитектурных работах такие пятна затираются и невидимы, как не заметим теперь ничего на тех трех образцах греческого зодчества, которые Вы видели в Классическом дворике. Но плесень иначе как просушкой трудно устранить на

* То есть для ее письменного ответа министру.

скульптурах, особенно с нежными и мелкими очертаниями. Практикуемая нашими формовщиками промывка гипсов разведенным молоком и мелом всегда вредит делу, накладывая посторонний слой на эпидерму, особенно лиц. Мытую скульптуру всегда отличишь и ей всегда предпочтешь хотя бы и запыленную, но ничем не тронутую, потому что в последнем случае остается хорошее средство, теперь употребляемое в западноевропейских музеях, это – чистка посредством клейстера, которым густо забрасывают всю поверхность гипса, пока он не скроется совсем под этой массой. Через 12 часов образуется плотное желе, которое легко снимается, причем вся пыль и загрязненность гипса входит в это желе. Я таким образом вычистил, при помощи маленького маляра¹ Румянцевского музея, мои 4 бюста, вывезенные мною в 1876 г. из Мюнхена (Зевса Otricoli, Афины, Дианы Версальской и Ватиканского Амора)², когда всецело занятый заготовлением атласа fac-similes* осских надписей и писанием докторской диссертации об языке осских надписей, я никак не думал, что некогда придется так уйти в этот мир гипсовых изваяний. Теперь эти большие бюсты, загрязнившиеся в течение 30 лет, стали опять беленькими, какими я купил [их] тогда на сбережения от уроков в доме гр[афа] Бобринского³, которые я давал по греческому языку одному из Писаревых в 1871 г.⁴, когда ныне малоумный граф Боб[ринск]ий⁵, муж теперь знаменитой «товарища Варвары»⁶, был еще мальчиком. Но я с воспоминаниями далеко уехал от персидской колонны.

Ныне утром, в 9 часов, 5 солдатиков Румянцевского музея были на стройке; собрал я еще 3 человек из тамошних – и приступили к расчистке пути для колонны: Дмитриев ходил по ящикам, подыскивал №№ накладной, указывал рабочим, которые брать, которые отставлять или, за теснотой, вытаскивать пока вон. Чего не сделаешь с солдатиками, раз обхождение с ними попадет в точку! В сущности это – золотой народ, только бы не портили его наши непризванные «радетели», доводящие их до позорного расстрела⁷... К обеду 4 колоссальные ящика с бычачьими головами и ногами капители были извлечены. После обеда ящики были разбиты, гипсы вынуты и теперь станут проветриваться в галерее Классического двора. Остальные ящики выкатим и раскроем завтра. И весь расход будет много 10 рублей.

763. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

10 июня 1907, Петербург

Среду¹ буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

* факсимильных копий (лат.).

764. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 29 июня

29 июня 1907, Таруса

Только что, после многих хлопот, я уехал из Москвы и устроились мы с детьми здесь, как прибыли в Москву Вы, судя по Вашей телеграмме, пересланной сюда Дмитриевым в пакете с другими письмами и бумагами. Здесь же было и письмо кн[язя] М.М.Голицына¹, отвечающего мне со слов Вел[ико-го] Кн[язя] Владимира Александровича. Тон письма не просто учтивый, какого и следовало ожидать от знатока придворных приемов.

Живя эти дни в здешних лесах, я был с Вами и с удовольствием прочел известие² о посещении Вашем работ Дмитриева и двух моих кабинетских (по Кабинету изящных искусств Университета) служителей по распаковке ящиков со скульптурами. Переносить их из кладовых настала неизбежная нужда. Я советовался с Р[оманом] И[ванови]чем и Рербергом, как это сделать; те высказали мысль, что «надо сделать смету стоимости». Зная, что сметой, при полном отсутствии денег на это, дела не подвинешь и ящиков не переставишь, решил произвести это дело чрез Дмитриева и названных 2-х служителей. Вы сами видели и эти ящики, их часто очень большие размеры для 3-х человек, из коих Дмитриев к тому же такой тонкий, и хрупкость, и деликатность скульптур, и массу пыли от вынимаемой соломы, большею частью искрошенной зубами мышей. Работа большая, тяжелая, которой без усердия не исполнишь. При Вас переносились и очищались от упаковочного материала 102-й и 103-й ящик. Довольно должны были натрудить себе спины и руки эти три работника, не получающие за всю эту работу пока ни копейки вознаграждения. Где, в каком казенном учреждении, возможен такой, надо правду сказать, подвиг? Дмитриев пишет, что все трое они оборвались, ворочая ящики и имея дело с гвоздями при распаковке. Чтобы поддерживать энергию служителей, одного помогающего им итальянца и двух поденщиков, таскающих вон солому, вынимаемую из ящиков, он просит разрешения дарить каждому из них по бутылке пива в день. И зная, что от юсуповских, кажется, денег осталось на текущем счету у Юнкера³ 81 р., он прислал мне чек на 30 руб. для подписи, чтобы производить из этих денег мелкие уплаты по распаковке и переноске ящиков. Для особенно больших из них придется приглашать солдат из Румянцевского музея, которым я должен был обещать по 50 коп. на брата за утро или за послеобеденное время работы у нас. В верхней кладовой более 300 ящиков. Переваливши их и очистив от упаковочного материала, надо будет, после отдыха, приступить к очистке нижней кладовой из-за ее сырости.

На днях я уезжаю в Москву. Там печатается одна Записка¹, имеющая срочное назначение. Ее составлял я здесь, на свободе, в отдалении от сутолоки московских дел. Первую корректуру должны были прислать мне ныне; но летом везде медлительность и задержка. Во всяком случае, я питаю надежду на изготовление ее, т.е. на выход ее из печати (на правах рукописи) в самых первых числах июля.

Я не знаю имени и отчества мин[ист]ра Императорского Двора. Впрочем, найду здесь «в присутственных местах» какой-нибудь календарь².

Где Вы проведете нынешнее лето? Здесь больше дождей, чем солнца. Вот и ныне льет и льет. Прошу Вас передать мой сердечный привет Софье Степановне и Анне Степановне.

765. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 июля

3 июля 1907, Москва

Вчера я нашел Р[омана] И[ванови]ча в Музее в невиданно грустном настроении. Угнетаемый в долг выстроенным домом¹, заложенным в 80 тыс. руб., он забрал $\frac{3}{4}$ своего гонорара за дом Мюра и Мерилиза²; он рассказал мне, что к 1 октября он, с получением последней $\frac{1}{4}$ и не имея в виду никакой другой работы, не знает, откуда платить ему обычные 3000 р. Рербергу и на [ч]то содержать чертежную. В этой нужде он написал Вам последнее письмо³. Все эти подробности он высказал на предложение мое – составить хотя бы общий план и общую смету необходимой Румянцевскому музею картинной галереи⁴. Не имея денег на эту работу, он отказывается от этого заказа в будущем. Нам нужно большое здание, которое быместило 1500 – 2000 картин и было приспособлено под библиотеку в нижнем этаже⁵. Вместе с тем необходимо схематически разработать план расширения этого корпуса по всему свободному участку земли, имеющемуся в музее, чтобы после не испортили его произвольными постройками. Места свободного не так много, и оно в будущем так нужно. Расширить же площадь своего участка никакими приобретениями здесь не будет возможности. Если откажется Р[оман] И[ванови]ч, придется обратиться к другим большим архитекторам Москвы, а может быть, и Петербурга. Задача тут большая. Идет речь о постройке помещения для публичной библиотеки, растущей каждый месяц, не говоря о картинной галерее. Чтобы поднять значение вопроса, готовлю отношение в Московскую городскую думу, прося ее содействия в обсуждении дела о плане и выборе архитектора, раз музей не имеет средств оплатить конкурса. Московская дума бедна и сама искала занять денег у Петербурга; но делу нашему может помочь самое обсуждение

вопроса в городском управлении. Это участие Думы и предполагаемое обсуждение в печати Москвы и Петербурга сделают наш вопрос государственным, с чем должны будут считаться как Министерства народного просвещения и финансов, так и будущая Государственная Дума с Государственным Советом. Деньги потребуются, говорят, значительные – тысяча 350 – 400, хотя бы разделенные на 3 – 4 годичные срока.

В нашем Музее тише тихого. Почему-то, как вчера, так и ныне, почти нет никаких работ даже в залах Олимпии и Пергама, которые по прежним предположениям должны быть окончены в июле совсем, включая и полы. Теперь тут по всей линии как бы полный штиль. Не отосланы ли музейские рабочие на чьи-нибудь другие работы? Только кое-где делает подмазки один старик-итальянец, неизменно энергичный и благодушный; но один в поле не воин. Да в цокольном этаже идет успешно оштукатурка потолков и стен; но хотелось бы видеть эти же работы в выставочных залах. Это приблизило бы нас к концу. Дня через три совсем опростается весь угол 2-го этажа, занятый кладовой.

Вот кто работает, обливаясь потом, глотая пыль и не покладая рук, – так это Дмитриев и два Университетом оплачиваемые кабинетские служителя. Это чистое подвижничество. Они вскрывают ящики, таскают их и скульптуры в новые склады. Зал Парфенона совсем заполнен, эти дни они занимали места, оставшиеся свободными в залах Средневековом и эпохи Возрождения. Переноска тяжелых ящиков и хрупких предметов производится через несколько больших зал. Видя только троих, из коих он – доброволец, письмоводитель Комитета, исполняющими громадную физическую работу, я припоминал, какую большою артелью исполнялось недавно подобное дело в Friedrichs-Museum в Берлине. Да и в одном ли [Берлине] так получали свое оборудование большие музеи? Везде и всегда участвует в таких случаях государственная казна; есть достаточное количество рабочих, есть опытные техники и надсмотрщики, есть коллегия ученых руководителей. Каждый при этом работает в меру, и дело движется бодро. У нас же эти трое гнут спины с 8 утра до 7 ч. вечера. Особый путь, путь подвижничества и самоотречения сужден окончанию нашего предприятия. Одному Вам доводится оканчивать здание, одному мне суждено ведать коллекции и мучиться невозможностью уплаты 20 – 25 тысяч франков за доставленные нам греческие архитектуры, теперь украшающие Классический дворик. Если Бог их сохранит, то многие поколения будут восторгаться этими перлами, выше которых греческое зодчество ничего не производило. И эти-то в Россию впервые пришедшие красавцы причиняют мне столько горя, боли и стыда перед Ecole des Beaux Arts. Обращался я к Сергею Морозову, к Сергею Щукину,

к Харитоненко – никто не подумал помочь. Нашел, наконец, Захарьина, воротившегося из Каира. Он рассрочил обещанные 12 лет назад 6500 руб. на 3 раза, из коих 1-й в сентябре, а 3-й в феврале 908 г. Спасибо и за это.

766. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 июля

10 июля 1907, Москва

Застывшие работы, выражающиеся лишь полировкой боковых ступеней главной лестницы¹, небольшим лепным узором на потолке залы Олимпии и очень медленным исполнением потолка Пергамского зала, оживятся на днях, так как пришел материал для полов, – и тогда дело появится в нескольких местах 1-го и 2-го этажей. Теперь же везде – застой и тишина, наводящие грусть. Только распаковка ящиков идет прежним ходом. Завтра совсем опрастывается верхняя кладовая. Остается не более 15 – 17 ящиков из Афин. Остальные все, очищенные от упаковочного материала, размещены в других, уже оконченных штукатуркою, залах. При вскрытии ящиков пришлось убедиться, что безукоризненны способы упаковки в Риме и Флоренции, хуже на севере Италии, ниже всякой критики в Неаполе и в Афинах, скульптуры которых пришли почти все в разрушенном состоянии, потому их придется все ремонтировать. К счастью, рабочие-гипсовщики Гладкова исполняют это дело совсем хорошо. Выше всякой похвалы упаковка в Англии и Германии; у французов неодинакового достоинства и безобразно дорога, сравнительно со всеми другими, и отличается полной неопределенностью. В Лувре, за персидскую колонну, быков которой Вы видели, стоящую 1000 фр., за упаковку в 8 ящиках взяли 850 фр., – это цена бессовестная. Прямее поступают англичане, отчисляющие 40% стоимости заказа на ящики и упаковку. Всего дешевле это дело в Германии.

А как в Германии имитируют под старинную бронзу! Все, там исполненное в этом роде, прямо поразительно. И это сходство не умалено даже продолжительным нахождением скульптур в ящиках, что признается для гипсов вообще очень вредным. Р[оман] И[ванови]ч видал, по его словам, на своем веку бронзовых вещей очень много, но и он – в восторге от немецких имитаций. Особенно хороши предметы из Мюнхена, от формовщика Баварского музея Кретмайра². Это – старый мастер, человек тихий, религиозный, глубоко преданный делу. Как он был рад нашему заказу на 2 тысячи марок! Получивши его, он сказал мне: «Ну, теперь у меня весь мир, вся Европа и Америка». Не понявши его замечания, я переспросил его, – и он мне объяснил, что он ведет книгу заказов, в которой у него до сих пор не было Москвы и вообще заказов из России, и это его беспокоило. С нашим заказом

он стал обладателем всего цивилизованного мира... И это говорил седой и с вида чрезвычайно скромный старик совершенно серьезно. Это его – бронзы немецкой и итальянской работы из Инсбрука и Мадрида, где он имел случай работать³. С какой прямо религиозной точностью исполнял он цветное изображение большого Распятия с фигурами Б[ожьей] М[атери] и Иоанна Богослова по сторонам!⁴ Это памятник романского искусства XII в. саксонской школы; [к нему] присылали⁵ для очистки и исправления старый оригинал после какого-то несчастья в храме, где он стоит, – и Кретмайр воспользовался этим случаем снять с него и точную копию даже красок, к сожалению, обновленных в недавнее время.

Двум служителям и Дмитриеву надо дать отдохнуть ранее, чем перейти к нижней кладовой, совсем переполненной ящиками, и притом очень большими и тяжелыми.

Меня постигла неожиданная неприятность. В единственной квартире нашего дома, сдаваемой жильцам, случился пожар, которым частью уничтожена, частью испорчена внутренность всего помещения. Теперь – хлопоты с крючковатым Страховым об[ществом] и ремонт всего флигеля, требующий личного моего участия. Вот и отдых, который мне прописал мой доктор.

Верно ли я запомнил, что 50-летие Вашей государственной службы приходится на 16 августа с.г.? На днях я Вам пришлю маленькое доказательство моей к Вам признательности и нелицемерной преданности. Сделал, что подсказали мне наилучшие к Вам чувства, внушенные 10 годами совместной работы.

Сердечный привет мой Софье Степановне и Анне Степановне.

От имени членов Комитета Музея Записка препровождается в Петербург – в высшие сферы.

767. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 июля

18 июля 1907, Москва

Ныне послал экземпляры Записки в Петербург¹ – Танееву², кн[язю] Юсупову, гр[афу] Шереметеву³, гр[афу] И.И. Толстому⁴, гр[афу] А.А. Мусину-Пушкину⁵, Кобеко⁶, его товарищу по библиотеке проф[ессору] Лихачеву⁷, Кондакову, вице-президенту Акад[емии] наук Никитину⁸, кн[язю] Шервашидзе⁹, гр[афу] Голенищеву-Кутузову¹⁰ (как секретарям Государынь Императриц) при экземплярах для Их Величеств¹¹, в контору двора Е[е] И[мператорского] В[ысочества] принцессы Ольденбургской¹². Посылаю Вам 5 экземпляров для Ваших приятелей и приятельниц¹³. После 2½ недель

здешнего утомления ныне уезжаю ночью в Тарусу. Ремонт после пожара в доме направил. Кончат без меня.

P.S. Экземпляр Государю Императору пойдет через мин[ист]ра народного просвещения.

768. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 24 июля

24 июля 1907, Таруса

Предполагая, что Вы после 9-го дня¹ возвратились в Петербург, пишу Вам туда. Я здесь, в деревенской тиши, немножко «отошел» от московской сутолоки, преследовавшей меня после пожара в доме. Признаки поджога жильцами своего имущества с целью получения страховой премии и плутни сокрытия своего добра в деревянном сарае увеличили заботы по сношениям со Страховым обществом, которое целых 5 раз присылало своих агентов для исследования дела. А там настало время спешного ремонта, нагнавшего ко мне каменщиков, плотников, штукатуров и маляров. Надо флигель восстановить скорее, потому что август – последний срок для сдачи квартиры².

В день моего отъезда должны были поступить из таможни три вагона плиток; один светло-серых, которые Вы видели в Классическом дворике, и два красных для двух зал имени Императриц, Олимпии и Пергамского. Рабочие встанут сразу в двух местах: внизу на галерее, возле Классического дворика, и в зале Олимпии, потолок которой совершенно готов. Подмости из него перенесены в помещение того угла, где прежде находился склад ящиков со скульптурами. Там Аксерио будет грунтовать стены, а к тому времени Р[оман] И[ванови]ч хотел приготовить рисунок потолка. Я просил его оставить продолжение потолков в греческом стиле: довольно их, и дорических, и ионических. Больше число только утомляло бы своим однообразием. Остающийся угол, в котором 3 зала, он хотел обработать более просто, с большей гладью, в итальянском характере. Пространство, подлежащее обработке в этом месте, очень большое; едва ли поэтому окончат работу и в октябре. Жаль, что не двигается дело с мозаическими полами у Листа. Он говорит, что итальянцы напуганы газетными известиями о нашей революции; но так ли это и поэтому ли они не едут к нему на работу? Не вернее ли, что они не больно верят в его платежеспособность? Итальянцы работают в целом свете, и никакими забастовками их не запугаешь. Даже в несчастную зиму 1905 года они у нас работали совершенно спокойно, не прерывая дела ни на один день из-за наших уличных безобразий. Лист уверяет, что в конце августа партия мозаи[чистов] прибудет к нему из Будапешта, где также отделяется музей. Посмотрим.

Из Мин[истерст]ва нар[одного] просвещения получено предложение прислать царский экземпляр Записки¹. У соседа моего Левенсона⁴ сделали 4 скромного вида, без всяких тиснений папки цвета нашего министерства⁵. В них вложены экземпляры для Их Величеств (3 экз.⁶). Министр представит сам.

Отдохните после больших волнений.

769. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 июля

30 июля 1907, Таруса

От Дмитриева я узнал, что Вы были в Музее и там сделали распоряжение о переноске слепков «Золотых дверей» Фрейбергского собора из кладовой (которую теперь очищают для штукатурных работ и настилки там пола) только по освобождении ящиков от упаковочного материала, стружек, соломы, бумаги¹. Я оставил было эти ящики не вскрытыми только из опасения, что мелкие и нежного рисунка скульптуры запылятся и загрязнятся от лежания их на полу, как того хотелось Р[оману] И[ванови]чу, который думает расположить их все по фотографии раньше, чем ставить их на приготовленное место в Христианском дворике. Я бы не решился на эту установку прежде, чем совсем не отделают этого последнего, с его полом и стенами, когда там всё вымоют и вынесут всякий сор. А это будет очень нескоро, потому что и штукатурных работ во Дворике еще очень много для одного или двух итальянцев, которые ведут их, и к полам на галереях, его окружающих, и собственно во Дворике приступят только по настилке полов в Олимпии и зале Пергама, чего нельзя ждать раньше сентября. Боясь, что на полу «Золотые двери» запылятся, я прошу Дмитриева вынимать из ящиков весь упаковочный материал и пока укладывать скульптуры в ящики снова, как это делалось со слепками, разнесенными по залам 2-го этажа. Так они не пылятся, а в свое время вынуть их для установки на место уже не составит труда. А если бы раскладывать их по полу, как предлагал Р[оман] И[ванови]ч, то все это в течение годичного лежания страшно запылилось бы, к большому вреду.

Пишут из Неаполя², что попорченные пожаром бронзы совершенно исправлены, а некоторые заменены новыми, так что все они готовы к отсылке и передаются агенту «Кузницкого и К^о» в Неаполе для отправления в Москву. Будем ждать, что судьба их пощадит теперь, на украшение наших коллекций. Это собрание бронзы будет истинно замечательным и в России беспримерным. Не знаю я только, где ставить бюсты, статуи и статуэтки, в Римском ли зале, куда они принадлежат по эпохе, или всю помпейскую

коллекцию, также и предметы быта, поместить целиком в Антикварию. Резоннее было бы только последние оставить здесь, а из бронзовых скульптур Помпей образовать особое собрание и выставить их по одной из стен Римского зала. Только как бронзовые, так и бронзированные изваяния надо размещать отдельно от гипсов, во избежание пестроты.

Слава Богу, что приступили к полам; это дело у Дюрра и Коса³ пойдет теперь безостановочно; прибыл еще вагон плиток. Неизвестно, вышлют ли из Будапешта Листу мозаистов для окончания мозаичных полов, хотя бы к сентябрю⁴. Тогда бы к 1 января явилась возможность ходить по всему Музею. Осталось бы только: окраска стен, мебель и двери. А с этим мы были бы уже у желанного берега.

Судя по газетам, Государь теперь уже в Петербурге⁵. По письму мин[истерств]а⁶, высланы мин[ист]ру экземпляры Записки для Их Величеств (3 экз.) и 1 экз. для Греческой королевы⁷. Все в синих (нашего мин[истерств]а) папочках. Лицо, которому министром поручено сношение по этому делу, известит меня, когда состоится представление Записки. Но надо думать, что Великая Княгиня это уже сделала раньше, пославши при письме 2-й, свободный, экземпляр Его Величеству.

Будьте благополучны.

770. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2-ое августа

2 августа 1907, Таруса

Графиня П.С.Уварова мне пишет от 29 июля: «Получила и письмо и Записку Вашу и очень сочувствую Вашим хлопотам перед Министром и Великой Княгиней касательно испрошения у Его Величества звания обергофмейстера Юрию Степановичу для дня его 50-летия службы. Это тем желательнее теперь, что он в горе по случаю кончины сестры Софьи, о чем узнала из „Нового времени“. Мысль Ваша так мне понравилась, что я присоединилась к Вашему ходатайству и написала о том же Министру, налегая очень на том, что не будь Юрия Степановича и не закончи он Музей, все дело пойдет прахом, в особенности при настоящем положении наших финансов. Итак, будем надеяться, что наше дело выгорит, а во всяком случае пошлю 18-го телеграмму Юрию Степановичу – но не знаю, где он будет в августе»¹.

Уже очень давно Прасковья Сергеевна стала искреннейшим приверженцем нашего Музея, хотя сначала, на первых порах предприятия, она и разделяла опасения московской знати, что из замысла далеко не все осуществится и что как бы не поставлен был Великий Князь Сергей Александрович

в фальшивое положение... (Недавно был у меня в Румянцевском музее гр[аф] А.[В].Олсуфьев², который сначала также не разделял наших надежд и откровенно сказал, что он поражен судьбою нового Музея. Осенью я обещал показать ему здание.) Но тогда же, руководимый глубокой верой в счастье этого начинания, я писал графине: авось наш Музей будет, с помощью Божьей, закончен счастливее Исторического музея, который ведь и до сих пор находится в залоге в Моск[овском] Зем[ельном] банке и за который казна расплачивается чуть ли не более четверти века весьма значительной суммой денег ежегодно³. Прошло много времени с тех пор сомнений графини – и она давно сделалась искренней и восторженной почитательницей Вашего имени и моим простым и близким советником во всем, что клонится к пользе и прогрессу дела, которое и она называет ей дорогим и «нашим»: «наш Музей», «наша стройка», «наши коллекции». И теперь она приняла участие в переписке с министром *progratio motu** ее наилучших чувств к Вам.

Не знаю, что делать далее по части расстановки коллекций. Переписка мин[истр]ов финансов и народного просвещения, а равно и государств[енного] контролера с нашим министерством установила возможность ассигнования 10 000 руб. на размещение предметов в 1907 году. На основании этого установлены громоздкие архитектурные образцы в Классическом дворе. Теперь самое разумное было бы прикрепить к стенам зала XV в. две кантории, Донателло и дела Роббиа. Но с конфузом Думы всякие ассигнования остановлены. 1907 год уже во 2-й половине; мы работали с февраля – и всё в долг. Бедный Дмитриев оборвался с двумя служителями, а скульптор, посылавший формовщиков, плачется, не получая доселе ни копейки. Как же продолжать работу по разборке и расстановке коллекций? И остановиться нельзя, не замедляя всего дела, и двигаться вперед не на что. Вот положение!

771. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 августа

6 августа 1907, Таруса

В музей заезжал на днях кн[язь] М.М.Голицын и, не заставши меня, оставил следующее письмо¹: «В ответ на письмо ... [имею честь] сообщить, что немедленно по получении Вашего 1-го письма, – с приложением письма на имя В[еликого] Кн[язя] Владимира Александровича и 3-х экземпляров брошюры – о заслугах Ю.С.Нечаева-Мальцова, – я немедленно же передал приложенное письмо по назначению. Его Высочеству благоугодно

* по собственному побуждению (*лат.*).

было приказать мне немедленно же написать от Его имени письмо г[осподи]ну министру Императорского Двора с приложением одного экземпляра Записки о заслугах Ю.С.Нечаева-Мальцова – и с выражением полного сочувствия к тому, – чтобы служба Ю.С. – ко дню его 50-тилетнего юбилея – была бы вознаграждена согласно с Вашим предложением и желанием. Я в тот же день написал В[ашему] п[ревосходительству] короткое письмо – и удивляюсь, что оно до Вас не дошло². Далее следует указание, что сейчас он едет к брату кн[язю] А.М. в Петровское³.

Ныне же почта принесла мне письмо заведующего учеными учреждениями нашего мин[истерст]ва, большого Вашего почитателя и хлопотуна по Музею, Дмитревского⁴. Он, бывший посредником между министром и мною в деле поднесения Записки Их Величествам, извещает, что министр при всеподданнейшем докладе 28 июля поднес экземпляры Государю и Государыне Александре Феодоровне и препроводил их Государыне Марии Феодоровне и Королеве элинов. Затем немедленно министр написал письмо министру Императорского Двора. Слава Богу, дело в высших теперь сферах, и настроение там вполне благосклонное.

Министр предварительно внесения дела о штате Музея затребовал дополнительные цифры городского и иных налогов. Городская дума определила: город[ского] налога 1000 р., при определении доходности Музея в... 10 000 (?!)⁵ руб., земского – 250 руб., канализации – 500 р., водопровод – 300 руб., водосток – 50 р.; кроме того, освещение 3500 (!!) руб. Эти цифры сообщены в мин[истерст]во в дополнение к проекту штата. О деньгах, назначенных условно на распаковку и расстановку коллекций, 10 000 руб., и на отопление первой половины будущей зимы, 5250 руб., было суждение товарищей министра с Дмитревским, которому я писал, что расстановка коллекций уже начата и что мы уже в долгу (у Гладкова и плотника, не говоря о Дмитриеве и сторожах, занимающихся перетаскиванием ящиков), – и дело об этом внесено в Совет министров.

Дмитриев пишет, что работы с Вашим пребыванием в Москве оживились⁶. Буду бить челом Вам помочь мне в расплате за коллекции – Трею, в Берлинский музей и за бронзы в Неаполь. Терпеть им нет более сил. Засыпали меня письмами⁷.

772. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 августа

7 августа 1907, Таруса

Как мне искренно жаль, что добрейшей Софье Степановне столь немногим не довелось дожить до 18 августа и видеть в этот день исполнение

ее заветной мечты и сердечного желания встретить своего обожаемого ею брата достигшим высшего служебного положения и высшей Высочайшей награды. Как мне глубоко жаль! Столько было бы для нее семейной радости.

Только что я вчера опустил в почтовый ящик письмо к Вам, как мне подали заказное письмо из конторы дворца Е[го] В[ысочества] принца Ал. Петр. Ольденбургского¹, где состоящий при Е[е] И[мператорском] В[ысочестве] принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской А.Вути (?)² просит меня, «по встретившейся надобности прислать второй экземпляр той печатной Записки», которая была представлена Ее Императорскому Высочеству. Вместе с сим он извещает, что возбуждено ходатайство о пожаловании Ю.С.Нечаеву-Мальцову чина обер-гофмейстера Двора Его Императорского Величества. Ныне же посылаю заказным имеющийся у меня экземпляр прямо в контору по титулу: «Его превосходительству г[осподину] состоящему» и т.д. У меня нет придворного календаря, да нет и «Всего Петербурга». Вы мне называли фамилию этого лица, но сейчас не могу припомнить.

773. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 августа

28 августа 1907, Москва

Водворившись на зимнее житье в отремонтированном после пожара доме, я нашел у себя письмо Васнецова¹, полное сетования на то, что, живя в деревне и, очевидно, не читая газет, он ничего не знал об 18 августа, в котором ему так бы хотелось принимать личное участие. Чувства почтения его и любви к Вам выражаются им в трогательных словах. Он заканчивает письмо намерением «сейчас же отправиться в „Славянский базар“» узнать, не найдет ли он Вас еще там.

Также и графиня П.С.Уварова пишет, что ей, живущей даже не в Карачарове, но в лесничестве, так бы хотелось быть 18 августа в составе делегации Комитета Музея². Жуковский из Петербурга в длинном письме изъясняет наилучшие к Вам чувства и готовность послужить Музею в деле расстановки предметов эпохи итальянского Возрождения³. Прислали сюда посвященные Вам строки «St.-Petersburger Deutsche Zeitung»⁴ и «Слово»⁵ – с большой статьей. Обращаясь к только что минувшему, приходится сказать, что редко с такою искренностью и единодушием встречались периодической печатью юбилеи наших общественных деятелей, как этот юбилей 18 августа в Москве. Газеты Москвы, Петербурга, Киева отнеслись к моменту с трогательным сочувствием, неся дань неподдельного почтения к великому Вашему делу. Мне хотелось бы собрать вместе все, написанное и сказанное по поводу 18 августа, и издать отдельной брошюрой как исторический материал по Музею⁶.

В этой последней форме хорошие слова и строки дойдут до потомков, тогда как газетные листки гибнут в течение недели. Возвратившись домой через неделю отсутствия из Москвы, я уже не нашел тех двух №№ «Московских ведомостей», где помещен был отчет об этом деле⁷; вынужден был посылать в контору газеты за новыми экземплярами. Известите меня, пожалуйста, разрешите ли Вы это сделать? Если Вы не соберетесь ответить, я спрошу Дмитрия Степановича и Анну Степановну. Будь с нами Софья Степановна, она была бы в данном случае непременно моей союзницей. Дм[итрий] Степ[анович] недавно мне жаловался, что Вы небрежете личным архивом, рвете переписку и пр.; тогда я попрошу совета у них.

Был ныне на стройке: идет настилка плиточных полов, продолжают штукатурить Христианский дворик, разговаривал здесь со стариком-итальянцем, который сообщил при этом, что его с товарищем работа (они штукатурят только двое) окончится в этом месте через два месяца (*fra un paio di mese*). Тогда, следовательно, в ноябре, можно будет настлать тут и плитки. С этим закончатся полы почти во всем первом этаже. Останется лишь главный вестибюль, где пол надобно делать позднее окончания работ штукатурных и других, материал для которых носят со двора этим ходом. Не разрешите ли поднять опять вопрос о выстилке вестибюля гранитной плитой, хотя бы самых мелких размеров? Площадка ведь небольшая. Вестибюль Музея вышел таким недостаточным, что в нем, сказать откровенно, и вешать платья и ставить калоши совсем негде. По всем 4 стенам двери и большие пролеты⁸, а теснота площадки не дает поставить вешалки в отдалении от стен. Р[оман] И[ванови]ч полагает возможным поднимать платье (а грязные калоши?) на особые полати, приспособленные им в стене между вестибюлем и Антикварием с одной стороны, и Египетским залом с другой. Тогда придется, помимо иных неудобств, держать при платье двойное количество прислуги, внизу и на этих полатях. Уже очень необычно. А для каждой пары калош надо завести мешочки. Площадка вестибюля очень невелика, разрешите выстлать ее гранитной лещадью, а не плитками и тем менее лопающейся и крошащейся мозаикой (как глубоко жаль, что в свое время в Строительной комиссии основательно не продумали вопроса о метлахских плитках, которые Р[оман] И[ванови]ч считал очень дорогими, тогда как на деле они оказались с ненадежной и уже сейчас лопающейся мозаикой в одной цене, если не дешевле: что-то около 22 руб. за кв. сажень, когда неважный дубовый паркет стоит 25 – 30 руб.). Пол красной плитки в главном вестибюле будет очень дешевить его после гранитного пола галереи и рядом с цветными мраморами лестницы. Он явится тут, в этом изящном и монументальном соседстве, резко и негармонично бьющим в глаза пятном. Не

будь этого дивного соседства, я бы и звука не произнес против этой, в других местах прекрасной, плитки. Например, для зал Олимпии и Пергамского я как хотел именно плиточного пола, – и теперь настланный в одном из них, он производит импозантное впечатление. А в вестибюле это будет дешевое пятнышко, которое станет портить настроение посетителей. Не разрешите ли снести о стоимости гранитной лещади для этого места?⁹

Начинаем расставлять предметы. Надо подумать о наружных дверях. Их – 3: главная, на правой и на задней стороне. Пора бы Р[оману] И[вановичу] представить их рисунок.

Где Вы теперь, в Петербурге или за границей? Я еще не видал ни Р[омана] И[вановича], ни Рерберга. Последнего надо повидать и потому, что отец его пожелал заняться распланировкой нашего переднего сквера¹⁰. Он – большой любитель садоводства и цветников.

774. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 августа

31 августа 1907, Москва

Ныне я виделся с Д.И.Иловайским¹, который высказал мне искреннее удовольствие по поводу так хорошо вылившейся формы Вашего праздника. «Я не помню, – говорил он, – чтобы газеты разных направлений и даже неприязненных взаимных отношений явились столь согласными в выражении своих симпатий и признания заслуг юбиляра, как в настоящем случае; здесь сошлись и правые, и средние, и левые; приняли участие даже немецкие газеты». Понравились ему и напечатанные адреса и депеши; в них не было-де столь обычной юбилейной безмерной риторики. Получая массу газет как издатель «Кремля», он оказался в курсе газетного отношения к Вашему празднику более, чем кто-либо другой.

Гжельский² говорил Р[оману] И[вановичу], что Великая Княгиня собиралась на этих днях пригласить Вас в Ильинское³, когда Вы уже выехали из Москвы. Но как же было давать Вам неопределенный ответ касательно дня этого зова? Вы и так более 6 недель провели в Москве; дела должны были звать Вас в Петербург. Надобно думать, что напутали что-нибудь здесь посредники и передали Вам слова и намерения Великой Княгини неточно.

По приезде в Тарусу я послал благодарственные телеграммы в Ильинское и Великому Князю Владимиру Александровичу, который в то время еще не уезжал в Болгарию. Министру народного просвещения напишу благодарственное письмо по его возвращении из-за границы. Этим и прикончатся всякие помышления о празднике. Наступает рабочее время; пора за дела и по Музею и по преподаванию.

На нынешний год я избрал курс римских бытовых древностей⁴, по 2 часа в неделю в Университете и на Высш[их] женских курсах. Лекции будут одни и те же. На положении профессора, уже вышедшего из штата, я, памятуя о склонности нервов к заболеваниям, не должен брать чтений больше. Если в Университете число слушателей будет невелико (курс такого рода только для малочисленных классиков – для студентов, слушающих в этом году древнюю всеобщую историю), то на ВЖК в аудитории сидят от 200 человек.

Наплыв на последние в этом году чрезвычайный. Подано до 6000 прошений о приеме, из них 2000 на один медицинский факультет. Приходится, за неимением достаточных помещений, отказать в приеме огромному большинству. Как много девушек погибнет нравственно в этом грязном омуте студенческой жизни на Бронных и Козихах?⁵ Эти шатанья смешанных ватаг по университетам, это братание недавних гимназистов и гимназисток приводит к столь частым студенческим бракам нищих пар, для которых, после непродолжительных новобрачных восторгов, начинается жизнь, полная лишений. В канцеляриях государственных и общественных учреждений нет отбоя от предложений и просьб работы этих замужних и женатых студенток и студентов.

Был я в заседании совета В[ысших] ж[енских] курсов. Оказывается, что разве одну шестую часть толкающихся в двери можно принять: нет ни аудиторий, ни места для семинарий, лабораторий, кабинетов. Устроили было конкурс аттестатов; но нельзя принять всех, даже имеющих круглые 5-ки и медали от гимназий. На словесное отделение, по месту, порешили было ранее принять 300 человек на 1-й курс; но медалисток и обладательниц высших отметок более 600 человек; махнули рукой и постановили принять 500 – и 100 с лишком кандидаток на места, которые откроются.

Что делать с этими аспирантами*, не получающими доступа в высшие школы? В одном Петербурге получают отказ будто бы до 12 000 душ, а с московскими изгнанниками эта цифра становится прямо грозной, вызывающей на тяжкие раздумья. Молодежь, очевидно, не хочет и не может ограничиваться гимназией; быть в высших школах является для нее уже point d'honneur'ом**, – и с этим нужно считаться правительству. Вот чем депутатам в Думе нужно бы заняться, не откладывая рассуждений, а не изводить время на вздорные запросы о злоупотреблениях исправников, станowych и урядников в провинциях. Отвергнутые молодые люди явятся злыми сеятелями всяческой смуты по всем захолустьям России. Как-никак, а придется создавать еще несколько университетов и других высших учебных заведе-

* *Эд.* в значении «желающими» (*лат.*).

** *делом чести (фр.).*

ний. Чрезвычайно жаль, что никто из лиц, пользующихся доверием Государя, не обратит его вниманья на это обстоятельство. Это было бы умиротворительной мерой, если бы царь, по собственной инициативе и не дожидаясь думских потоков красноречия, сам повелел учредить еще университет или два, еще политехникум или какие другие специальные школы высшего типа, идя навстречу надвигающейся потребности. Где, спросят, деньги, где профессора? Денег можно на эту нужду занять, и любая страна нам их даст; а что до преподавательского персонала, то существует теперь большой кадр приват-доцентов, читающих по 4 – 5 лет⁶. Отчего не воспользоваться этими молодыми силами? Для первых пор и за этим дело бы не стало. А какой бы хороший это произвело эффект по всей стране! Правда, говорят, что наши высшие учебные заведения сделались гнездами революционных движений. Кто, кроме слепцов, не видит этого? Но, с другой стороны, отстранение полноправной молодежи от высших школ не исправит существующее студенчество и, без сомнения, создаст новые и новые кадры молодых революционеров, которые станут мстить за свое отвержение. Надо выбирать, что лучше. Учреждение новых университетов и новых специальных высших учебных заведений было бы наилучшей мерой. Не постараться ли бы Вам, Юрий Степанович, убедить А.С.Танеева, как близкое лицо к Государю, изложить это Его Величеству? Чем он рискует? Может быть, добрейший по природе Николай II и согласился бы. Будьте здоровы.

775. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 сентября

5 сентября 1907, Москва

«Пышный» юбилей Ваш отдается эхом по Москве до сих пор. В Го[родск]ой думе он был предметом запроса со стороны гласных управе¹, а в Трехпрудном, перед моим жилищем, тот же юбилей обусловил появление ныне архиерейской кареты и последовавшее затем посещение меня епископом Анастасием², викарием здешней епархии. В заседании Городской думы был поднят вопрос, почему управа ничем не ознаменовала своего участия в недавно минувшем празднике. Между мною и управой была своевременно переписка, что-то такое там обсуждалось, 17-го числа 2 раза телеграфировали мне в Румянцевский музей, просили прислать им экземпляры Записки. Но голова был в Норвегии, заместитель его (фамилия какая-то неизвестная) оказался настолько робким, что не решился в его отсутствие принять какую-нибудь меру. Запрос последовал Гучкову³, который был очень, говорил мне Клейн, этим сконфужен, – и решено каким-то актом неловкость исправить. Это было еще в мое отсутствие; Клейн узнал об этом из газетного отчета

о думском заседании⁴. Появление ко мне епископа Анастасия объясняется тем же юбилеем. Газетные статьи, напечатанные по поводу этого праздника, и отчет «Московских ведомостей» о приветствиях возбудил в здешнем Об[щест]ве чтения лекций для рабочих, председателем которого состоит епископ Анастасий, желание устроить чтение в Историческом музее – о созидании Музея изящных искусств имени Александра III. Его преосвященство и приехал передать просьбу Об[щест]ва и вместе с тем готовность его приготовить все нужное для волшебного фонаря к этому чтению и издать лекцию на свои средства. Дело было изложено так искренно и просто, сам молодой епископ оказался таким и образованным, [и] к тому же давно следящим за нашим делом, что отказать мне было прямо нельзя. Я поблагодарил за внимание, просил только меня не торопить⁵. Надо теперь подумать о форме, которая была бы доступна московским рабочим, и о том материале, который интересно было бы слушателям посмотреть – на экране. Для этого придется кое-что сфотографировать из имеющегося в наших коллекциях, разборка которых идет каждый день. Вообще, надо это дело хорошенько продумать. Прошу Вас принять на себя труд выслать мне Вашу фотографию, которая лучше; она мне нужна будет для диапозитива. Но Вы, конечно, и фотографии не вышлете и ничего не ответите, по обычаю. Тогда я попрошу об этом Дмитрия Степановича.

В Музее на очереди стоят нижние деревянные рамы потолков в прежнем складе⁶; теперь это отделение оштукатуривается и наводятся там потолки. С октября оно будет отапливаться наравне со всеми остальными помещениями. Здесь предстоит настилка полов. Нижние рамы неизбежны, потому что и в прошлом году, в неотапленных комнатах, здесь была капель с верхних стекол, которая заставляла нас передвигать ящики со скульптурами.

Озабочивает Р[омана] И[ванови]ча необходимость окружить все здание асфальтовым тротуаром⁷; иначе портятся от стока воды подвалы; он говорит, что вред от этого зданию – громадный. Какой-то предприниматель, конечно, с иностранной фамилией был на днях в конторе и по плану знакомился с вопросом. Для асфальтовых работ необходим предварительный бетон; Р[омана] И[ванови]ча волновала невозможность получить кирпич, нужный ему для бетона и разных поделок внутри здания. Он обращался к Якунчикову⁸, но там, из-за неполучения с нас двух с чем-то тысяч рублей продолжительное время, отказали и на 200 рублей. Он очень разгневался, так как работу нужно было начинать. Но скоро ему представился случай получить где-то стройку на 2 миллиона кирпичей. Он ухватился за эту оказию – и позвал для этого заказа Якунчикова. Тот прислал доверенное лицо из более крупных; тогда Клейн напустился на фирму за дерзость отказа Музею

Александра III в пустом количестве кирпича, а вот де для этого заказа в 2 000 000 штук не замедлили прилететь. «Да то-де было недоразумение, объясняемое грубым обращением Кельина с кредиторами Музея; а разве мы для вас, Р[оман] И[ванови]ч, с которым мы уложили столько-то миллионов кирпича в Москве...» и пр. Тогда Р[оман] И[ванови]ч выговорил присылку всего нужного количества кирпича и другого материала, который потребуется для бетона. Теперь вопрос налаживается, так как Липгарт⁹ отпускает надобное количество портландского цемента. Приступили уже к земляным работам.

Помогите Р[оману] И[ванови]чу в устройстве деревянных рам и в стеклах. Прежний подрядчик – столяр Кузин¹⁰ – умер; он сосед Клейна и его всегдашний исполнитель заказов; фирма его прекратилась. А другие столяры требуют скорой уплаты, чего Р[оман] И[ванови]ч обещать никоим образом не в состоянии. А рамы в нескольких залах безусловно необходимы.

Гнетут меня, Юрий Степанович, долги по скульптурам. Долее терпеть не в состоянии деликатный и добрейший Трей, с которого требует Альбертинум за «Золотые двери» Фрейбергского собора 4500 марок, каковые мы ему должны несколько лет; этот памятник уже готов у нас к постановке в Христианском дворике. Трей просит об уплате. Другой, такой же тяжелый для правительственных чиновников¹¹, долг наш Берлинскому музею, около 5000 марок. Необходимо послать хотя 5000 фр. в Неаполь за исправленные и прежние бронзы. Оттуда прямо умоляют о высылке хотя этой пока суммы. С Захарьина получил 2500 р. и послал пока 5250 фр. в Ecole des Beaux Arts и 50 фунтов стерлингов в Лондон. Осталось у меня 60 руб. Помогите мне, Юрий Степанович, рассчитаться с долготерпеливым Треем и бедными чинами Берлинского музея = 9500 марок и, за бронзы, пока 5000 фр. Без крайней, без гнетущей нужды, Вы знаете, я не обращаюсь к Вам. Захарьин свои 6500 руб. разбил на 8 м[еся]цев, и уплаты ранее февраля не будет. Этими деньгами я плачусь с Ecole des Beaux Arts. Подгорецкую, за которую я считаю 5000 руб. пожертвования, не могу достать в Африке, где она находится при большом брате.

776. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 сентября

11 сентября 1907, Москва

Рано утром вчера принесли мне из Румянцевского музея Вашу телеграмму о приезде Вашем сюда «завтра»¹. Дешеша послана была, очевидно, в воскресенье, если утром в понедельник она была уже у меня. Около 3-х часов вчера я отправился в «Славянский базар», но там мне сказали, что Вы придете лишь во вторник. Как я просчитался, не знаю.

Вчера же, в хорошую погоду, я приносил к Вам новый подарок Музею – из Флоренции. Там на выставке произвела большую сенсацию работа русской художницы Алисовой², выставившей особенную копию Мадонны Рафаэля (Del Granduca – во Флоренции)³. Один старый итальянец изобрел способ акварельными красками передавать в совершенстве старинные картины. Этот секрет усвоила у него наша соотечественница, которую так прославила художественная критика по поводу выставки. Состоя, как оказывается, большой почитательницей нашего Музея, она через вдову профессора нашего Университета Кожевникова⁴ принесла в дар свое прославленное произведение сюда. Эта вещь настолько художественная, что, хотя у нас, по крайней мере, на нашем веку, и не будет картинной галереи, отказаться от такого дара нет сил. Мы могли бы поместить эту Мадонну вместо образа в зале XVI века или в зале заседаний Совета, директорском кабинете тож. Я хотел вчера показать ее Вам. На днях я съезжу поблагодарить г-жу Кожевникову и расспросить об авторе этой прелестной картины, заключенной под стекло и в вызолоченную раму. Какая милая мысль с ее стороны вспомнить наш Музей! Ах, только бы окончить здание и открыть импозантные залы. Дары понесутся к нему.

В последние дни шла распаковка коллекций, исполненных в Берлинском музее. Какое превосходное исполнение, особенно вещей цветных! Ныне окончили переноску из кладовой больших ящиков со скульптурами Нюрнберга, Veit Stoss'a, Adam Kraft'a, P.Vischer'a*, в том числе прибыл и знаменитый Sebaldus Grab** работы последнего художника⁵. Меня сильно занимает вопрос о степени сохранности копии этого сложного и по мелкой орнаментации хрупкого памятника. В свое время мы получили и железную решетку XV в., окружающую оригинал в Sebaldus-Kirche*** Нюрнберга. Ее воспроизвели для нас со всею точностью. На днях ее собрал Р[оман] И[ванови]ч прежде всего, чтобы определить место этого памятника в Христианском дворике. Прикидывали в разных местах, пока для этого большого и сложного произведения не нашлось вполне подходящее. Гипс окрашен под бронзу цвета оригинала. В тот же раз установили Клейн, Рерберг и я место статуи Коллеоне⁶. Высказываются за его бронзировку, но в России никто хорошо этого не сделает. Если наберется много вещей, которые будет решено отделать под бронзу, то придется выписать немцев⁷. В Берлине, Гильдесгейме, Нюрнберге, Мюнхене, Кёльне бронзировка гипсов – изумительная.

* Фейт Штосс... Адам Крафт... П.Фишер... (нем.).

** гробница св. Зебальда (нем.).

*** церкви Св. Зебальда (нем.).

777. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 сентября 1907 Москва

18 – 19(?)¹ сентября 1907, Москва

Вам угодно было вчера поручить представить Вам полный перечень долгов Музея перед исполнителями гипсов и бронз. Ныне по бумагам я собрал весь материал этого рода. Наши долги выражаются в следующих цифрах:

Германия

Hildesheim (Küsthardt) – 3921 мар[ок] 95 пф[еннигов].

Berlin – Kgl. Museen – 2827 мар. 27 пф.

Köln – Gerber – 1389 мар. 25 пф.

Freiburg – 3450 мар.

Dresden – Albertinum – 4500 мар.

Nürnberg – Rottermundt* – 610 мар.

Франция

Paris – Ecole des Beaux Arts – 17 385 фр[анков].

– Louvre** – 3248 фр. 80 сант[имов].

Англия

London – British Museum (Brucciani)*** – 68 фунт[ов] 60 шил[лингов].

Италия

Roma – Michele Gherardi – 1100 лир.

Firenze – Manifattura di Signa – за канторию Donatello – 3945 лир.

Napoli – Sabatino de Angelis**** – 20 133 лиры.

Итак, долгов исполнителям за границую числится за Музеем марок – [16698, 47], франков и итальянских лир – [45811,8], фунтов стерлингов – [68 и 60 шил.]². Из этой суммы я до 15 февраля 1908 года уплачу 10 400 франков из денег Захарьина в Ecole des Beaux Arts. Неотступная нужда теперь уплатить в Берлин 2827 мар. 27 пф., в Дрезден 4500 мар. и в Неаполь 5000 лир. Остальное – суммами и в сроки, какие будет угодно Вам указать. Эти суммы можно было бы распределять по частям более крупным и долее терпящим кредиторам, но так, чтобы в последний из указанных Вами сроков покрылись все сделанные мною долги Музея по приобретению памятников

* Гильдесгейм (Кюстхардт)... Берлин – Королевские музеи... Кёльн – Гербер... Фрейбург... Дрезден – Альбертинум... Нюрнберг – Роттермундт (нем.).

** Париж – Школа изящных искусств... Лувр (фр.).

*** Лондон – Британский музей (англ.) (Бруччани) (ит.).

**** Рим – Микеле Герарди... Флоренция – Фабрика в Синье... Донателло... Неаполь – Сабатино де Анджелис.

искусств. Во франках все наши долги, за уплатою теперь в Дрезден, Берлин и Неаполь и исключая 10 400 фр. из сумм Захарьина, определяются приблизительно числом 42 135 фр. Будьте добры подумать, когда бы, т.е. в какие сроки, отдельными суммами можно было покрыть этот, тягостный своею продолжительностью и частыми напоминаниями, долг.

После я, с облегченным сердцем, принялся бы за приготовления тумб для статуй и приступил бы к организации размещения гипсов и бронз. Здесь в вопросах эстетики мне обещали свое содействие Жуковский и Поленов. Подготовив какой-либо зал, будем приглашать для консультации Васнецова. Года в 1½ окончится эта работа, если будем живы и здоровы, тем временем подгонит к концу и свое строительное дело Р[оман] И[ванови]ч; получите Вы облегчение от уплаты по этой, сотни тысяч рублей уносящей, части. А там никто, как Бог. Лишь бы сохранил Он жизнь и здоровье.

Возникнет вопрос о возмещении Университету его сгоревших гипсов и некоторых статуй, саркофагов и рельефов, главным образом, деланных в Риме; но в конце дела, когда увидят друг[и]е, что уже готово и какие траты Вами произведены, можно будет еще раз поднять вопрос о складчине на это возмещение. 40 000 рублей будет довольно. Тогда наши коллекции будут достойны здания. Нос est in votis*.

778. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 сентября

19 сентября 1907, Москва

На днях я имел две встречи, в которых мне были поставлены вопросы, касающиеся Вас. Секретарь Великой Княгини спрашивал меня, скоро ли выйдет брошюра о Вашем юбилее, и просил меня о доставлении. Кельин, встретившись со мною в Скорбященском монастыре, на кладбище, просил меня поддержать пред Вами просьбу г-жи Ивановой о взносе платы за ее дочь, обучающуюся в Петербурге в Медицинском женском институте. Приняв за правило не докладывать Вам никаких обращений к Вам через меня за денежными поддержками (этой осенью осаждал меня докуками один редактор газеты упросить Вас принять на себя издание его закрывшегося, без содействия администрации, органа), я ничего не говорил Вам и о г-же Ивановой, получающей в каких-то «Яслях» за ежедневную работу 20 рублей, без содержания**. Дочь ее, учившуюся в гимназии при содействии

* Вот что в [моих] желаниях (лат.). Видоизмененная цитата из «Сатир» Горация (кн. II, сатира 6, стих 1).

** То есть без жилья и питания.

покойного моего тестя Мейна, я также знаю как скромную, трудолюбивую и нетронутую современными революционными веяниями нисколько. Ее одна забота – окончить курс, чтобы иметь честный заработок и кормить чахоточную мать. Мать и ее бедность знает по жене и Кельин. Он просил меня, если бы Вы заговорили со мной об Ивановой, которая в просьбе своей к Вам указала на меня как ее давно знающего (она помогала повивальной бабке при рождении моих девочек)¹, поддержать и его рекомендацию. Это будет действительно целесообразная помощь. Фальшивого попрошайничества со стороны матери здесь нет. Если возможно, поручите Кельину послать в институт 100 рублей.

Разрешите ли собрать вместе появившееся к юбилею? Пока еще можно найти соответственные №№ газет в Петербурге и Москве.

Подвожу, по документам, сумму долгов заграничным исполнителям гипсов и бронз. Выходит около 40 000 марок – фр[анков]. Ныне пришлю подлинный подсчет из Румянцевского музея, где у меня хранятся все бумаги.

779. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 сентября

28 сентября 1907, Москва

Настилка полов пошла успешнее. Ныне заканчивается пол в Пергамском зале и начинают бетонить пол в галерее Христианского дворика. По окончании его перейдут и к срединной части. Очищенный от разного строительного материала, этот Дворик стал неузнаваем: столько в нем света и простора. А когда у него окончится оштукатурка стен и столбов и появится красный плиточный пол, он явится совсем импозантным. Еще месяц – и оштукатурка стен этого помещения будет окончена, за месяц сделают и полы здесь, так что Христианский дворик предстанет пред Вами в своей красе еще до Вашего отъезда за границу¹. Р[оман] И[ванови]ч думает ставить на место деревянную арматуру «Золотых дверей» Фрейбергского собора, всю исполненную в Дрездене и перемеченную №№ для постановки. Место в стене оставлено только оштукатуренным начерно. Р[оману] И[ванови]чу нужно знать, как далеко будут выходить эти двери от стены.

Распаковка предметов идет безостановочно. Вчера освободили от упаковочного материала знаменитую в богословской литературе «Стелу Гаммураби»²: она имитирована под камень оригинала превосходно. Камень черный, покрывающая его халдейская³ надпись – серого цвета. Все это в копии исполнено до иллюзии подлинника. Придется поставить ее и нам под стеклянный колпак с деревянными связями⁴, как это уже сделано с таким же окрашенным гипсом в Британском музее. Превосходно имитированы в Лувре и некоторые

небольшие статуи египетского отдела. Также можно принять их за оригиналы⁵. Р[оман] И[ванович] в великом восхищении от этих «подделок».

Идут своим чередом рамы в потолках последних зал, остающихся не совсем покрытыми. Выходит заминка здесь из-за стекол; прежде Франк доставлял в надежде получить их из Ваших стеклянных запасов. Но теперь ему, видно, не дают без денег. Прикажите, Юрий Степанович, отпустить потребное количество: нуждаются для начала отопления в этих стеклах последние 5 зал. На днях в конторе было обсуждение этого вопроса об исходатайствовании у Вас лично этого стекла.

Жду Вашей помощи в уплате долга Трею, в Берлинский музей и в Неаполь.

Бетон под тротуар настлали по заднему фасаду и по Антиповскому переулку. Готовят щебень для противоположной стены. После Покрова⁶ перейдут и туда. Но успеют ли начать и окончить асфальтовый слой с наступлением октября – сказать трудно. Скорее – нет.

780. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 сентября

29 сентября 1907, Москва

Когда я вчера посылал Вам письмо, я не знал той крайне неприятной истории, которую пришлось услышать от Р[омана] И[ванович]а ныне. Он уже ранее слышал жалобы фирмы Кос и Дюрр на грубое обращение Кельина с лицами, имеющими удостоверенные Клейном счета по Музею. Тешась ругательствами над такими тихими людьми, как Гладков, который всякую гадость выслушает спокойно и потом, видя, что «барский уполномоченный» натешился вдоволь и начинает умолкать, начинает сам тогда тихо жаловаться на судьбу, на невозможность и явиться к своим рабочим без денег и своим смиренным видом в конце достигает своей цели получения, – Кельин позволил себе грубое обхождение и с посланцем фирмы Кос и Дюрр. Тот и слушать не стал зазнавшегося приказчика и, повернув спину, доложил хозяевам. Те передали дело адвокату, который и явился к Р[оману] И[ванович]у с заявлением, что он сначала напишет жалобу мин[ист]ру народ[ного] просв[ещения], а если этот откажется удовлетворить, то на мин[истерст]во же подаст иск в Окружной суд. Иск, что-то в сумме около 2000 руб., за постановку каменной лестницы из Христианского дворика во 2-й этаж. Работа исполнена дивно, и по лестнице ходят около года. Кельин грубым обращением наделает скандала. Обуздайте его, этого «статского советника и кандидата прав»¹, как он себя величает при первом знакомстве. Что мог посоветовать Клейн ухватившемуся за необычное дело адвокату? Он говорил только, чтобы тот оставил в покое мин[истерст]во, а этот твердит, что

так дело будет для него интереснее. Спешу Вам сообщить об этом, лично для меня очень прискорбном инциденте.

Ныне вынули из ящиков микеланджеловские шедевры, «Моисея», «Мадонну с Младенцем» из *Capella dei Medici* и медичейские гробницы². Все это с другими изваяниями займет половину нашего зала XVI века. Все дошло в полной исправности. «Моисей» своею бородой перепугал рабочих, которые прибежали из соседних зал. Теперь остается распаковать лишь 8 – 10 ящиков. Работа пришла к концу. Бедный Дмитриев оборвался, награды ждут и два служителя, которые с ним вместе исполнили всю работу, которая обычным подрядным способом обошлась бы нам в большую сумму. А эти три труженика за несколько месяцев адской возни с целыми складами громоздких кладей до сих пор не получили ничего³.

781. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 октября

3 октября 1907, Москва

В последнем письме я сообщил Вам, со слов Р[омана] И[ванови]ча, что адвокат фирмы Кос и Дюрр собирался подать в Окружной суд иск к Музею на сумму около 2000 руб. за постановку лестницы в Христианском дворике и что он к этому шагу вынужден грубостью будто бы обращения Кельина с представителем этого торгового дома. Вчера Клейн передал мне, что этот иск уже подан. Вот до какого конфуза довел всех нас г. Кельин с своим самомнением и грубостью форм. Сей «статский советник и кандидат прав», надо думать, смотрит на старика Щегляева как на человека низшей породы; но Сергей Иванович берег имя Ваше и никогда, в связи с Музеем и особенно на другой месяц после Вашего юбилея, не допустил бы и тени ничего подобного.

В Музее настилают плиточный пол в Христианском дворике; надо ожидать, что через неделю его выложат. Это даст возможность продолжать установку предметов. Пока здесь укрепили большое, полукруглой формы, «Благовещение» Андреа дела Роббиа в арке над входом и по парапету верхней галереи – того же мастера «Спеленутого ребенка» из медальонов в *Ospedale degli Innocenti*¹ во Флоренции и «Мадонну с Младенцем» школы дела Роббиа². Это очень оживило пустые плоскости. Р[оману] И[ванови]чу хочется исполнения моей давнишней мечты относительно цветных гербов тех городов Западной Европы, где особенно развивались искусства, хотя бы главных, каковы Афины, Рим, Флоренция, Венеция, Нюрнберг, главные города Германии, Франции с их знаменитыми соборами. Это бы очень расцветило Христианский дворик, а такие гербы, исполненные из гипса,

стоили бы небольших денег. Я попробую снести по этому вопросу с нашими иностранными поставщиками¹.

Ящики распаковали все. Ныне вынули гробницу Сципиона Барбата, оригинал которой находится в Ватикане⁴, и статую императора Нервы того же музея. Эта статуя колоссальных размеров и очень импозантна⁵. Завтра начинаем переносить ящики с частями кантории Донателло в зал XVI ст[оле-тия], чтобы там, на просторе, разложить их [и] составить из них целое. Получивши точные размеры, нарисуют ее место на стене XV в. и, определив ее место под потолком, станут укреплять в стене железные балочки. Не знаю, как мы управимся с этим очень тяжелым материалом. Надо будет ставить крепкие подмости.

Будьте благополучны.

782. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 октября

22 октября 1907, Москва

Нагнетания заграничных кредиторов по заготовлению предметов искусств для Музея, ввиду заключения года, достигли последней степени. Чтобы успокоить поднявшиеся протесты и жалобы, неизбежно уплатить: в Дрезден, в Albertinum, 4500 марок, в Берлинский музей около 2400 мар. и в Неаполь за бронзы пока 5000 фр. Касса Комитета пуста, личных средств у меня совсем нет, все мои обращения к Вогау, к Сергею Морозову, к Бугрову, к Арманду, к Журавлеву¹ не привели ни к чему. Мне больно и стыдно перед повинными своею доверчивостью коллегами по музеям Берлина и Дрездена и перед сделавшим и исправление обгоревших бронз неаполитанским ателье. Помогите, Юрий Степанович, эту сумму в этом горе. Я не знаю, что отвечать нашим приятелям, советникам и исполнителям чудных вещей, которые прославят наши коллекции. Мне тяжело докучать Вам, но иного исхода нет. Казенное ассигнование 10 000 руб.² в самом лучшем решении толкования термина «хозяйственных нужд» пойдет на уплату долгов по установке предметов и на специально музейскую мебель, тумбы, рамы, полки, шкафы, но не на приобретение предметов искусства. Помогите.

Я, не имевший в жизни личных долгов, подавлен этою задолженностью.

783. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 октября

24 октября 1907, Москва

Я глубоко тронут Вашими хлопотами по разыскиванию меня в Румянцевском музее и в Трехпрудном для того, чтобы вручить мне сумму денег,

предназначенную для Берлинского музея. Сами испытывая недосуг перед отъездом домой, Вы едете и на Знаменку и в наш дом, когда легко могли протелефонировать мне в Румянцевский музей.

Вчера я был с утра в разгоне. С 9 до 11 читал лекции, от 1 до 2 был на вступительной лекции моего преемника по кафедре, юрьевского профессора Мальмберга¹, читавшего о бронзовых статуях греков и о мраморных их копиях, которых так много в римских и европейских музеях, и награжденного громкими аплодисментами. С 1/2-ны 3-го и до потемок я был на стройке. Там у нас появился новый помощник, г. Горбов, сын известного железнодорожника Горбова, питомец нашего фак[ультета], много занимающийся историей искусства и особенно итальянским Ренессансом². Только что окончивши большое сочинение о Донателло, он предложил свои услуги по классификации ящиков со скульптурами. Вчера до потемок он, Клейн, Рерберг и я ходили по складам и вскрывали ящики, намечая путь предстоящих работ. После перешли в контору пить чай и составлять план разборки огромного материала, лежащего теперь *pêle-mêle**. Пришел я домой через 1 час после Вашего посещения.

Ныне с 2-х часов Горбов и я перебирали ящики, собранные в зале XV в., выделяя Ренессанс в особую группу. Пока определяем мастеров и названия предметов, а один из служителей пишет кистью указываемые ему красные знаки. Все, принадлежащее итальянским мастерам XV ст[олетия], останется здесь, остальные же ящики, получающие другие пометы, будут после вынесены в соответственные залы. При нас два служителя – и работы, требующие аккуратности при вскрытии ящиков, двигаются успешно. Горбов очень счастлив посмотреть на чудесные материалы. Дмитриев годился для распаковки ящиков, но Горбов – превосходный ученый помощник. Итальянцев XV и XVI вв. он знает отлично, у него очень большая и хорошая библиотека. Начитанности он весьма почтенной, работает он в разных областях исторического знания лет 25. Завтра мы продолжаем работу, а затем, когда мне придется поехать в Петербург³, Горбов поведет дело определения памятников по векам, народностям и мастерам и один. Так он рад этому случаю идейной работы.

Примите, Юрий Степанович, сердечнейшую признательность за оставленные в моем доме катеринки⁴. Я ныне перевел их через Юнкера в Берлин, вышло 2371 м[арок] с пфеннигами. Я чрезвычайно рад успокоить моих приятелей в администрации музеев. Получивши свое, она, когда будет в том надобность, к открытию нашего Музея поверит на двойную сумму.

* *вперемешку (фр.)*.

Мне думается, что Вы отдали мне Ваши карманные деньги, не говоря Вашим управляющим. Эта Ваша милая заботливость, это скаканье по Москве в розысках меня, поверьте, глубоко залегло мне в сердце.

Написал о Клейне Поленову⁵ и Мосолову⁶. Цветков⁷ сам поедет на заседание. Фотографии планов и фасадов Гримма⁸ и Клейна готовы.

784. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 ноября

18 ноября 1907, Москва

Вчера я не нашелся достойным образом поблагодарить Вас за новую тысячу рублей, любезно назначенную Вами для покрытия нашего заграничного долга. Вы назвали ее «лишней» в Вашем расходном бюджете; но я продолжаю думать, что как первую, так и вторую тысячу рублей Вы взяли у самих себя, ограничивая личные нужды. Завтра же я отправлю ее Трею в Дрезден¹, куда отныне будем должны около 2350 марок, которые авось уплатятся. 30 ноября пошлю из захарьинских 5200 франков в Париж (Ecole des Beaux Arts) – и здесь долг значительно уменьшится, а с 15 февраля останется не более 5000 фр. Главная забота теперь относительно Неаполя, куда мы за бронзы (считая и возобновленные, которые лежат уже в здешней таможне) должны что-нибудь около 21 000 фр.

После свидания в Петербурге² я продолжал хлопоты по проведению штата Музея. Министр Кауфман сказал мне, чтобы я помогал ему в этом деле, как знаю, ибо Государственный контроль уже два раза отказал приблизительно в 7000 руб., урезав их в разных частях. На проверку оказались урезки меньше, на 2520 руб., которые контроль предложил испрашивать временным ассигнованием впредь до выстройки служительской казармы. Я начал хождение по Государственному контролю снизу, с той канцелярии, где составляются черновые ответов и предположений. В департаменте народного просвещения мне указали на старшего ревизора Кузнецова³ как автора отписок Контроля в наше ми[нистерств]о. Это еще молодой человек, москвич, сын бывшего управляющего здешней казенной палатой. С ним и начал я разговор попросту, напирая более на здравый смысл, а не на форму. Видно было, что надобно кое-что и уступить для получения главных ставок его question*. Уступил 300 руб. из жалованья секретаря (1500 вм[есто] 1800), 1000 руб. из ремонта (2000 вм. 3000); но за то получил согласие на 1300 руб. смотрителю, вм. 800 р., на 2000 руб. хранителям вм. 1500 руб. и, по-видимому, наладил служительские ставки. Контроль не давал более 180 руб. служи-

* вопроса, сомнения (*фр.*); то есть главных пунктов, вызвавших его сомнение.

телю; но, кажется, наши служителя будут разделены на три разряда: старшие – 300 р., ремесленники (2 лепщика, 2 маляра, 2 столяра, 1 садовник) – 300 р. и младшие по 180 руб. Это слава Богу.

После пришлось три раза видеться и сноситься с генерал-контролером департамента гражданской отчетности Маликовым⁴, который оказался человеком очень милым и давно заинтересованным нашим Музеем. Он обещал посвятить в дело государственного контролера и высказал надежду вопрос провести. Бюджет наш будет около 56 000 руб. и 2520 руб. временного назначения. Это в нынешнее время очень счастливая комбинация. Зверев, бывало, не надеялся провести более 30 000 руб⁵. Да и Румянцевский музей 40 лет получал 32 000 руб., из них 4000 р. давали Московская дума и Солдатенков⁶.

Счастливого пути. Сердечный привет Анне Степановне и Дмитрию Степановичу.

785. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 ноября

23 ноября 1907, Москва

Ныне в Музее я виделся с Р[оманом] И[ванови]чем, который на один день ездил в Петербург, будучи вызван туда телеграммой Арсеньева¹. Сначала ему сказано последним, чтобы он изложил в письме к нему вопрос о статуе Александра III²; я ему и сделал это, не думая, однако, чтобы письмо к Арсеньеву могло быть поднесено Государю. Так и вышло: Арсеньев вызвал Р[омана] И[ванови]ча переписать этот документ в виде объективного, краткого изложения безо всякого обращения. Не будучи горазд на литературные дела, Р[оман] И[ванови]ч полетел к Звереву, который и перефасонил мое письмо в форму Записки. В нашем мин[истерст]ве генерал по отделу ученых учреждений, Дмитревский, снабдил Р[омана] И[ванови]ча полагающимся для таких безымянных Записок, идущих к Государю, форматом бумаги, указал переписчику на машинке и дал белый картончик для обложки. Все это было приготовлено в мин[истерст]ве. Р[оман] И[ванови]ч, не зная, все ли верно написано, и не нашедши Вас дома, приехал с ближайшим поездом сюда. Ныне же эта бумага в крепком конверте послана с почтовым поездом в Царское Село³.

Р[оман] И[ванови]ч представлялся и Вел[икой] Кн[ягине] Елизавете Феодоровне, которая также говорила с ним о статуе. Арсеньев говорил, что разговор о ней у Елизаветы Феодоровны будет завтра, в субботу, и что она сама вручит Государю Записку. *Qui vivra, verga**, что из этого выйдет.

* Поживем – увидим (*фр.*).

Вместе с проектом статуи упоминается в Записке и о картине Васнецова на тему: «Народности России, собравшиеся вокруг Державного Вождя», о которой говорил, бывало, Великий Князь⁴. Тогда бы апсида, имеющая на своем потолке колоссальный российский герб, была очень колоритна и как нельзя более украсила бы зал. Абер* дадут ли нам на все это необходимые деньги!

Работы внутри здания идут, главным образом, по настилке полов: приехали из Будапешта мозаичисты и наливают полы. Ах, я продолжаю думать, что эти мозаичные полы – истинная ахиллесова пята нашего чудного здания. Мозаика растрескалась даже в вестибюле Вашего петербургского дома, сделанная, конечно, лучшими в свое время мастерами. А велика ли ходьба у Вас сравнительно с публичным зданием Музея? Не продумали в свою пору вопроса о метлахских полах, которые были бы бесконечно прочнее, а стоимость их, как показали наши последние опыты (залы Олимпии, Пергама и др.), не выше мозаики. Из какого материала прикажете настилать полы Центрального зала? Осуществится ли выстилка его цветными мраморами, как рассуждали при покойном Князе? Откуда брали мраморные плиты для вестибюля Исторического музея? Неужели мозаиковый пол будет и в этом Центральном зале? Ценность его колонн и стен – огромная. Не погубят ли неустранимые трещины такого мозаического пола весь эффект этого импозантнейшего из наших зал?⁵

Деньги Трею я послал; трехмесячных переводов *частным* лицам в московских банках не делают: эта форма существует лишь для торговых домов, как мне сказали у Юнкера.

786. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 декабря

1 декабря 1907, Москва

Мозаичисты налили пол в одной из греческих зал, дойдя таким образом до последнего, лишь доделываемого оштукатуркою, угла во 2-м этаже. Другая партия их работает в Ассирийском зале. Этот зал значительных размеров, и пол его не будет окончен до Вашего приезда. Затем останется единственная комната в 1-м этаже, предоставленная под скульптуру архаического периода Греции. На очереди станут полы Центрального зала и колоннады лестничной клетки. Будем ждать Вашего решения насчет того, из какого материала делать пол первого? Много Вы принесли, Юрий Степанович, мраморов, которые долго-долго в грядущих поколениях и веках будут красно-

* Но (нем.).

речиво говорить о Вашей необыкновенной щедрости и любви к монументальному; завершите этот ряд величественных даров разрешением архитектору на мрамор Центрального зала и гранит для вестибюля. Большого в сфере этих дорогих камней Музей и пожелать не может. А это был бы дивный конец дивно начатого и дивно веденного дела. Тогда бы эти помещения Музея были прямо достойными вдохновителями высоких чувств. На днях я видел Раттенека, который измерил вестибюль и сказал мне, что при условии гранитных плиток небольшого размера пол там не будет дорогим.

Расстановка предметов остановилась, потому что денег на текущий или, вернее, истекающий уже год всё ещё не присылали, а Гладков, ведший установку греческих архитектур, без уплаты ему порядочного долга работать, как человек небогатый, не в состоянии. Но тот же Гладков ведет лепные украшения на потолке Пергамского зала. Христианский дворик почти совсем закончен. Р[оман] И[ванови]ч раскрасил потолок его галереи. Деревянный каркас «Золотых дверей» Фрейбергского собора ждет своих скульптур. Каркас сделан в Дрездене из планок довольно тонких. Неужели он выдержит такие толстые скульптурные и архитектурные части? Р[оман] И[ванови]ч полагает, что каркас тут только показатель мест тех частей и что последние будут держаться сами собой. Может быть, так, а то ведь можно ждать и опускания деревянной конструкции. Полагается Р[оман] И[ванови]ч и на то, что это работа немецкая и притом исполнявшаяся под наблюдением Трея, который такой же каркас поставил и у себя в Albertinum'e.

Ждем Вас.

787. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 декабря

9 декабря 1907, Москва

Прислала большое и акварельными красками расписанное письмо¹ Ек. Ник. Самарина из Рима, где она извещает об отправке большой посылки нашему Музею и описывает свои работы. Осень и зиму она писала, не покладывая рук, на Палатине [и] в Museo delle Terme*, копируя очень большие по размерам фрески Августова века². Ею за это время исполнены картины «Ио и Аргус» в Casa di Livia на Палатине и «Воспитание Вакха» в музее. Первая из них поражает уже размерами: 2,64 met. ширины и 1,62 met. высоты. Она превосходна по рисунку, краскам и сохранности. Здесь в архитектурном окружении и на живописном фоне – три фигуры: Ио, сидящая посредине с рогами коровы, приставленными ей ревнивою Герой, стерегущий ее

* Музей Терм (Диоклетиана) (ит.).

всевидец Аргус и незаметно подкрадывающийся, посланный для его убийства Зевсом Гермес³. И компоновка, и исполнение – прекрасные. Когда в Риме настали зимние дожди, перекочевала в Museo delle Terme и там, по совету директора, принялась за картину «Воспитание Вакха». И здесь картина вставлена в интересную архитектурную раму. На первом плане фронтон здания или как бы большое окно, из которого видны кормилица с ребенком Вакхом, какой-то «мавзолей», наверху которого радующийся счастью Вакха Сатур; и вдали какие-то фигуры в тени, может быть, Ино⁴ или нимфы, которым был отдан Гермесом младенец Вакх на воспитание. Происходит ли это действие у Ино, сказать трудно; но это и неважно. Картина найдена в доме римского патриция Августова века, близ Фарнезины⁵. Кое-что на ней уже погибло после ее открытия, как показывает ее изображение в издании Римского археологического института. Только при помощи его Е[катерина] Н[иколаевна] могла распознать значение некоторых пятен фона. Размеры этой фрески 1,87 мет. × 1 мет. Заслуга Е[катерины] Н[иколаевны] перед Музеем огромна; в ближайшем же заседании Комитета (будет ли оно до окончания Музея, ведомого теперь к финалу только одним Вами? Дал бы только Господь здоровья и подольше счастливой жизни!) необходимо бы поднести ей звание действительного члена и послать ей наш значок. Это признание ее заслуги очень бы ее обрадовало. Она пишет о массивных рамах и их цвете, золотом или темно-красной бронзы. Рамы уполномочивает сделать за ее счет, а «Альдобрандинскую свадьбу» просит заключить под стекло, как она стоит и в Ватиканской библиотеке. Где нам вешать ее большие картины? В Римском зале или на узких стенах Библиотеки? Длинная стена у нас предназначена под общий, двухъярусный шкаф с хорами.

Как Ваше здоровье? Мои сердечные поклоны Анне Степановне и Дмитрию Степановичу.

788. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 декабря

12 декабря 1907, Москва

Вчера я осматривал наливку мозаикою полов. Оканчивается пол в Ассирийском зале, и приступают к полу двух последних помещений, предназначенных для архаической скульптуры Греции. Скоро прекратятся работы и не подойдут надлежащим образом ранее Крещенья¹. Но надо думать, что к февралю весь нижний этаж, за исключением вестибюля, уже будет с полами. Идут, хотя и не бойко, работы по заготовлению потолков в остающемся недоделанным углу второго этажа. Р[омана] И[ванови]ча долго занимал зал Праксителя, но он справился и с ним, а это был уже последний из всех.

Подлинники, поступившие в Музей в 1909 – 1912 гг.

СОБРАНИЕ В.С.ГОЛЕНИЩЕВА

56. Жрец храма Амона Аменхотеп.
Певца бога Амона Раннаи.
Эбеновое дерево, серебрение,
стекловидная паста, гипс.
XVIII династия. 1474 – 1458 гг. до н.э.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

57. Голова богини.
Из Александрии Египетской.
Мрамор. Конец IV – начало III в. до н.э.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

58–60. Комнаты домашнего музея В.С.Голенищева в Петербурге. *Около 1908 г.*

61. В.С.Голеницев

62. Письмо А.И.Мензбира, помощника ректора
 Московского университета, И.В.Цветаеву
 о командировании его в Петербург для участия
 в комиссии по приему Голенищевского собрания.
 26 июня 1909 г. С автографом Цветаева

МИНИСТЕРСТВО
 НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.
 ПРАВЛЕНИЕ
 ИМПЕРАТОРСКОГО
 МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
 Москва.
 1 июля 26 июля 1909 г.
 № 2158

Получено 26 июля. Взято
 вкл с собой коммюнике
 Канд. Изд. Фил. Фил. А. В.
 Заслуженному Ординарию Профессору ИМПЕРАТОРСКОГО
 Московского Университета И. В. Ц в ъ т а е в у .
 Назаровскому 27 сеп. 1909
 Li Ly.

Препроводя при сем, в крпм, предложение Г.
 Попечителя Московского Учебного Округа от 23 числа
 сего-же иясяца, за № 16920, о командированіи въ С.-
 Петербургъ компетентнаго лица для участія въ Коммис-
 сии по приему отъ Статскаго Совѣтника Голенищева при-
 обратнаго съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія въ Государст-
 венную собственность собранія египетскихъ и восточ-
 ныхъ древностей для передачи на храненіе въ Музей
 Имѣнныя Искусства имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
 при Московскомъ Университетѣ. Правленіе Университе-
 та, согласно постановленію своему 25-го іюня сего
 года, имѣетъ честь просить Васъ принять на себя ко-
 мандировку въ С.-Петербургъ для указанной выше цѣ-
 ли, во всегь согласно приведенному выше предложенію
 за № 16920.

Помощникъ Ректора *И. Мензбир*

Секретарь *И. В. Цветаев*

63. Витрина в домашнем музее В.С.Голеницева в Петербурге. *Около 1908 г.*

64. Гвидоччо ди Джованни Коццарелли.
Святой Антоний Падуанский.
Дерево, темпера, позолота.
Сиенская школа. 1450 – 1517 гг.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

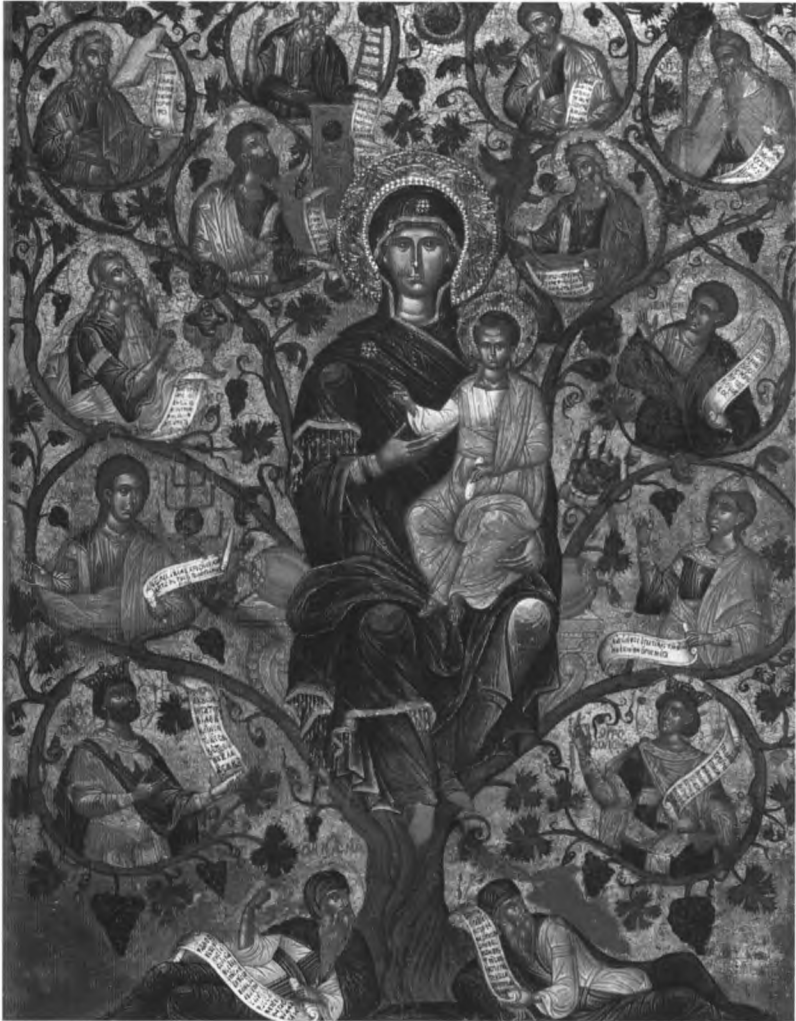

65. Круг Антониаццо Романо.
Иоанн Креститель и святой епископ.
Дерево, темпера, позолота. Римская школа.
Последняя четверть XV в.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

66. Симоне Мартини. Мария Магдалина.
Дерево, темпера, позолота. Сненская школа.
Нагало 1320-х гг.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

67. Школа Андреаса Ридоса. Успение Богоматери. Со святыми Домиником и Франциском.
Дерево, темпера, позолота. Крит. *Конец XV в.*
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

68. Круг Иоанна Апакасса (?). Похвала Богоматери.
Дерево, темпера, позолота, накладные чеканные нимбы. Крит. Около 1600 г.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

ДАР ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ. 1911 Г.

69. Великая княгиня
Елизавета Федоровна. 1910 г.

70. Якопо Сансовино.
Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем.
Бронза. 1540-е гг. (Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

71. Джованни Баттиста Фоджини.
Герцогиня дела Ровере.
Мрамор. 1680-е гг.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

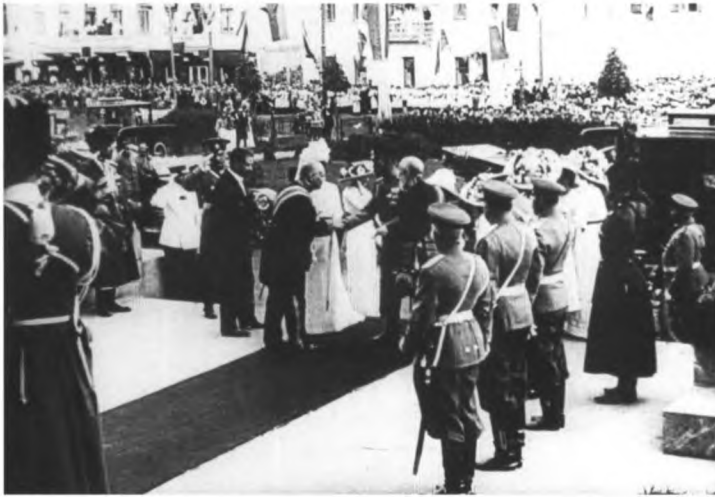
72. Джованни Баттиста Фоджини.
Кардинал Леопольдо Медичи.
Мрамор. 1680-е гг.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

73. Портрет юноши в золотом венке. Фаюм.
Дерево, темпера, энкаустика. II в.
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина)

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ

Кадры из документального фильма фирмы братьев Патэ «Москва, 31 мая 1912 г. Посещение Их Императорскими Величествами нового московского Музея Императора Александра III» (Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов)

74. Р.И.Клейн, И.В.Цветаев и Ю.С.Нечаев-Мальцов встречают на ступенях Музея императора Николая II и его семью

75. Император Николай II в сопровождении Ю.С.Нечаева-Мальцова направляется к входу в Музей

76. Император Николай II в сопровождении И.В.Цветаева выходит из Музея

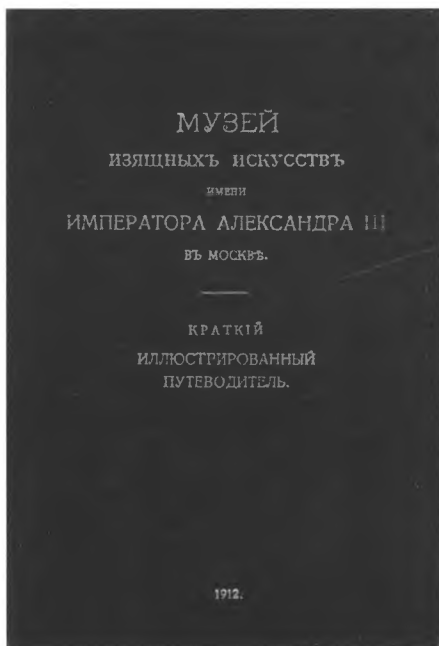
77. Выход царской семьи из Музея.

Фото из «Царского альбома». 31 мая (13 июня) 1912 г.

(Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов)

78. Памятный знак
в честь открытия Музея

79. Обложка 1-й части Путеводителя
по Музею (М., 1912)

80. Ю.С.Нечаев-Мальцов и И.В.Цветаев на ступенях Музея
в момент отъезда царской семьи. Фото из «Царского альбома». 31 мая (13 июня) 1912 г.
(Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов)

81. И.В.Цветаев.
1912 – 1913 гг.
Фототипия того же времени

82. Д.В. и И.В.Цветаевы.
1912 – 1913 гг.

83. Б.А.Тураев

84. В.К.Мальмберг

85. Профессора и молодые историки искусства в Греческом дворике Музея.
1913 г.

Слева направо сидят: А.А.Сидоров, Д.С.Недович, В.К.Мальмберг, И.В.Цветаев;
стоят: А.И.Некрасов, Б.Н. фон Эдинг и Ф.Л. фон Ингерслебен (?)

86. И.В.Цветаев в мундире Почетного опекуна Московского присутствия
Опекунского совета Ведомства императрицы Марии.

1913 г.

87. Обложка книги «Отчет о соединенном заседании Высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III и Совета Императорского Московского университета, посвященном памяти И.В.Цветаева и Ю.С.Нечаева-Мальцова. 15 декабря 1913 г.». М., 1914

88. Похороны И.В.Цветаева. 1 (14) сентября 1913 г.
Из университетской церкви Св. Татианы процессия направляется к Румянцевскому музею и Музею изящных искусств. На тротуаре, недалеко от гроба – В.К.Мальмберг

89. Ю.С.Нечаев-Мальцов в мундире обер-гофмейстера Высочайшего двора.
Около 1912 г.

90. Похороны Ю.С.Нечаева-Мальцова. 10 (23) октября 1913 г.
Заупокойная лития перед Музеем изящных искусств.
В числе присутствующих А.А.Сидоров, Б.А.Тураев, А.В.Назаревский,
Н.А.Щербаков, Р.И.Клейн, С.П.Киприянов

91. Ректор Московского университета, попечитель Московского учебного округа и новые руководители Комитета по устройству Музея с его научным персоналом и внештатными сотрудниками.

15 (28) декабря 1913 г.

Слева направо в первом ряду: А.В.Назаревский, В.К.Мальмберг, попечитель учебного округа А.А.Тихомиров, новый председатель Комитета великий князь Петр Николаевич, товарищ председателя граф А.А.Бобринский, генерал-лейтенант М.П.Степанов, Б.А.Тураев, В.К.Андреева, Т.Н. Бороздина; во втором ряду: Г.Я.Звонкина, Д.С.Недович, Е.В.Балашова, Н.А.Щербаков, Л.Я.Слокк, ректор Московского университета М.К.Любавский, художник-реставратор Музея В.Д.Сухов, С.Д.Шервинский, К.М.Алексеева, В.А.Шамшина, С.П.Киприянов, Е.С.Елагина, А.В.Бундиков

Музей в 1912 году

92. Музей изящных искусств

93. Вестибюль Музея.
На фото – левая сторона вестибюля

94. Парадная лестница Музея

96. Буклет по Египетскому залу.
Из серии буклетов по залам Музея,
выпущенных к его открытию.
1912 г.

95. Египетский зал

I. ЕГИПЕТСКИЙ ЗАЛ.

Созданная на средства Комитета Музея и музея Общедولة-Губернатора Высочайшим Указом Ю. С. ВУЧЕВА-МАЛДИНА. Все произведения принадлежат музею императора В. С. ГОЛУБИЦЫНА.

1. Витрины древностей доисторического периода и эпохи Древнего Царства (V и IV тысячелетия до Р. X.).
2. Барельефы и надписи из гробниц Древнего Царства.
3. Витрина с предметами эпохи Среднего Царства (III и начало II тысячелетия до Р. X.).
4. Надписи эпохи Среднего Царства.
5. Деревянные саркофаги эпохи Среднего Царства.
6. Восток фараона Аменхета III.
7. Витрины с предметами искусства и художественной промышленности Египта, начиная с эпохи Нового Царства (с XVI в. до Р. X.) — Мэри и васы древних Египтян.
8. Барельефы и надписи эпохи Нового Царства.
9. Витрина со статуэтками божеств.
10. Витрина с погребальными статуэтками и ящиками для них.
11. Сосуды для помазок при бальзамировании мумий.
12. Саркофаг эпохи Нового Царства.
13. Фигурки священных животных.
14. Музей священных животных.
15. Статуя и часть, оставшаяся в детстве Савского эпохи (VII—IV в.) — Надпись этой эпохи.
16. Саркофаг современников, называемых эпохой истории Египта.
17. Заупокойные жертвенники.
18. Образцы рукописей на папирусе.
19. Статуя современника греко-римского периода истории Египта.

20. Надпись иероглифическая и демотическая греко-римского времени.
21. Витрина со скарabei.
22. Витрина с амулетами.
23. Расписанные погребальные повязки римского времени.
24. Витрины с памятниками искусства и художественной промышленности Птолемеев и Александров. — Расписаны главы из саркофагов римского времени.
25. Портреты с изображениями мумий римского периода из Фивы.
26. Витрина с золотыми вещами греческой работы из Египта.

ТАБ. I. С. КОЛОДЦЕВЪ.

97—98. Разворот и последняя страница буклета по Египетскому залу

100. Ассирийский зал. С открытки 1912 г.

101. Ассирийский зал

102. Буклет по залу Греческой архаики.
1912 г.

103. Зал Греческой архаики. Копии древнегреческих ваз с Дипилонского кладбища
изготовлены по заказу Ю.С.Нечаева-Мальцова

104. Зал Эгинетов

105. Греческий дворик со слепками угла Парфенона и персидской капители

106. Греческий дворик со слепками портика кариатид и памятника Лисикрата

К Пасхе² он обещает уже вымыть все полы Музея, оставив только окраску стен, которая пойдет параллельно с расстановкою предметов.

Р[оман] И[ванови]ч не может справиться с орнаментальной частью некоторых зал; для этого ему нужно съездить в Берлин, Старый музей (Altes M[useum]) которого подвергался коренной реформе и получил стильную и недорогую орнаментацию. Прежде здесь бывшая картинная галерея перенесена в последние годы во Friedrichs-Museum, а помещение ее целиком пошло под античные коллекции. Р[оману] И[ванови]чу нужно посмотреть и зарисовать образцы греко-римской орнаментации простой, экономной, но стильной, исполненной под руководством старика профессора берлинского университета, Kekulé³, первостепенного авторитета в античном искусстве. Поучения для Р[омана] И[ванови]ча здесь будут полезнее всяких книг, по которым он компилировал бы в своих рисунках. Он хочет зарисовать детали в натуру тамошнего исполнения. В связи с этим он просил меня написать Вам его просьбу помочь ему оплатою лишь путевых расходов его до Берлина и обратно, в сумме, как он сказал мне, 100 рублей. С домом, выстроенным им в кредит и заложенным, а на деле незанятым в двух больших квартирах целый прошлый год, он влопался, и теперь вынужден просить Вас о ста рублях на эту дорогу. Я обещал ему написать Вам и исполнению его просьбу. Поехал бы он на праздниках; ныне за границей Рождество⁴, через 5 – 6 дней в музее Берлина восстановится обычный рабочий период, – и Р[оман] И[ванови]ч может там работать с полным удобством.

Когда Вы будете в Москве? Мы ждем Вас.

789. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 декабря

17 декабря 1907, Москва

Узнавши от одного знакомого, что Вы вчера обедали в «Праге», я ныне был в «Славянском базаре», но мне сказали, что Вы уехали в Новодевичий монастырь. Я оставил у Вас письмо Е.Н.Самариной, украшенное рисунками снятых ею картин в Риме. Какая энергия в немолодой уже женщине, если взять в соображение большие размеры картин и неудобства копирования на Палатине в осеннюю пору!

В Музее я видел Р[омана] И[ванови]ча: из разговора его с Вами о Берлине я заключил, что ему как-то неловко сознаться Вам в желании получить от Вас оплату путевых издержек в количестве 100 руб.; но несомненно ему хочется ознакомиться и на месте зарисовать образцы орнаментации нескольких зал Старого музея (Altes Museum), чтобы воспользоваться этою мастерскою работою, недавно исполненною там под руководством Kekulé,

патриарха между современными классическими археологами в Германии, при отделке греческих зал. Если ему самому неловко получить от Вас екатеринку, я охотно возьму на себя роль почтальона и доставлю Вам расписку Р[омана] И[ванови]ча. Доставьте ему возможность съездить в Берлин. Жену и дочку¹ он повезет туда на свои деньги. Из Берлина они заглянут куда-нибудь и потеплее. Святки у архитекторов свободны. Мой сосед Шехтель² уже давно за границей.

Фишер³ готовит фотографии для альбома к Вашей поездке за границу. Когда Вы собираетесь туда отправиться?

Ныне я был на работах. Христианский дворик совсем темный, т[ак] к[ак] подмости для окраски рам закрыли весь потолок. Теперь там ничего не рассмотришь. В других местах работы идут потихоньку. Мастера из Будапешта руководят мозаичным полом Ассирийского зала, который, однако, не будет окончен к Рождеству⁴, хотя рабочие и оставят Музей лишь 23[-го] числа. Не поставил до сих пор Гладков образца бронзовой капители в колоннаде главной лестницы, хотя я и видел его уже в Музее. Должно быть, Р[оман] И[ванови]ч забраковал его. Наверху гальваноластика не будет так заметна, но на базах и плитах, около пола, гальванопластическое медное нарощение скоро обнаружится и продешевит чудные стволы колонн. Не разрешите ли базы сделать медными? Это будет уже вековечно и красиво. Разница в цвете не будет очень большою. Баз здесь 22 (?)⁵.

790. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 декабря

19 декабря 1907, Москва

Р[оману] И[ванови]чу 100 руб. я передал и расписку его при сем посылаю. Теперь он зарисует интересные детали классического убранства античных зал Старого музея в Берлине, исполненные верно стилю, как нигде в Европе. Это хотя и не тонкая художественная работа, но все же видеть ее лучшее в настоящее время исполнение для Р[омана] И[ванови]ча важно.

Типограф Меньшов¹, печатавший Записку, адрес и бланки с приглашением членам Комитета 18 августа, просит уплатить ему 156 рублей. Печатал он тогда к сроку спешно и красиво. В кассе Комитета – торричеллиева пустота.

Видели ли Вы в сегодняшнем № «Московских ведомостей», в отчете о лекции Пуришкевича² в собрании монархических партий города Москвы, текст телеграммы собрания Столыпину³ и в «Новое время» о Министерстве народного просвещения?⁴ И еще говорят, что у нас нет свободы печати. Это – ужасная депеша.

791. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 декабря

22 декабря 1907, Москва

Вчера Ваш Иван разговаривал со мною по телефону о «доверенности Вашей Р[оману] И[вановичу] по богадельне». Бумага этого рода, данная мне, была послана к Р[оману] И[вановичу] с курьером; только меня останавливало отсутствие под нею Вашей подписи. Или это был только проект задуманного документа? Не проставлено и числа.

На работах Вам побывать, действительно, лучше в январе, когда леса в Христианском дворике снимут, грязь оштукатурки стен вынесут и пол вымоют. Сейчас там и совершенно темно из-за лесов и грязно. Рерберг мне жаловался, что Кельин отказал конторе в обычной 1000 р., выславшейся ранее на хозяйственные надобности – на жалование дворникам, чистку снега, освещение конторы и пр., ссылаясь на то, что, не получивши на это особого распоряжения от Вас, он этого расхода произвести не может, так как и ассигнование 1908 года уже все расписано к уплате за произведенные работы. Рерберг говорил мне, что конторские расходы ведутся экономно, как нельзя более: нет ни одного писца, обязанности которого он [сам] исполняет за счет Р[омана] И[вановича], дворники получают по 15 руб. при своих харчах и молят о прибавке 2 – 3-х рублей в месяц, по вздорожанию припасов. Если возможно, сделайте распоряжение о конторских расходах в прежней мере. Я не знаю годичной суммы, чуть ли не 2300 или 2500 руб.

Нынешние Святки я с детьми, т.е. девочками¹, проводить буду в Москве. Сын, купивши себе в Архангельске через товарища, сына архангельского помещика, самоедские² лыжи, обтянутые оленьей шкурой, сейчас отправился с этими доспехами и ружьем в Тарусу.

792. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 декабря

22 декабря 1907, Москва

Я упустил доложить Вам прилагаемое здесь письмо¹ г. Блуменау, заведывавшего ломками мрамора для Музея на Урале. В настоящее время он – калека, лишившийся здоровья от полученных там ревматизмов. В 1902 году мы с покойной женою видели его энергию на тех трудных работах. Это был человек лет 33-х, очень сильной воли и большой выдержки в физических работах. Всю массу нужного Музею мрамора выломал он, так как Раттенек, ведший все каменное дело Музея, лишь изредка наезжал туда. Я действительно тогда, поддерживая его энергию, пообещал ему внимание Комитета к его заслугам и усердию. С тех пор так много воды

утекло и произошли такие разорительные перемены, что Комитет, в сущности, распался совсем – и Вы один, оставшись верным предпринятой 10 лет назад колоссальной задаче, вправе сказать: «Le comité c'est moi»*. Кому теперь я мог бы доложить о калекке – Блуменау? Никто не подарит и минутой внимания и не пошлет ему и рубля. У Вас, конечно, очень много выдач к праздникам, и мне не хотелось бы подходить с этим бедняком теперь; но те его прежние большие услуги нашему делу и нынешнее его жалкое положение, при детях и жене, которых в 1902 г. у него не было, вынуждают меня на это. Поручаю этого достойного труженика Вашему милосердию. Живет он: Митава², Большая ул., № 63. Карл Блуменау³.

793. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 декабря

27 декабря 1907, Москва

Спешу послать Вам сердечное поздравление к Новому году с наилучшими пожеланиями, исполнение которых только возможно при милости Божией. Долгой, безболезненной жизни, сохранения большой Вашей энергии и всепрощающего оптимизма в воззрениях на жизнь, на ее для иных непонятые стороны и явления. С чувством благодарности провожаю я минувший год, вспоминая все принесенное им для нашего дела. Он не был блестящим и ярко эффектным; но серьезно и непрерывно рабочее значение его в истории Музея не подлежит сомнению: в течение его мы двинулись сильно к ожидаемому концу. Деловой его характер выразился во многих частях здания. Окончены оба стеклянные дворика, Греческий и Христианский; первому не хватает лишь железного или медного перила на верхней площадке и по лесенке. В Христианском дворике, к празднику, сняли уже и подмости, которые служили для расколеровки потолков¹, так что теперь это эффектное помещение совсем готово. В Греческом дворике уже стоят на своих местах угол Парфенона, портик кариатид, памятник Лисикрата и капитель древнеперсидской колонны из Персеполиса; в Христианском ждет установки скульптур деревянный каркас «Золотых дверей» Фрейбергского собора; здесь же будем раньше других памятников собирать и ставить статую Коллеоне. Позднее очередь придет за надгробным памятником св. Зебальда из Нюрнберга. Подумываем, не в этом ли помещении выставить канторию Донателло, так как две кантории для зала XV в. будут, пожалуй, тяжелы. К тому же этот зал будет особенно богато обставлен скульптурами,

* «Комитет – это я» (*фр.*). Перефразированное изречение, приписываемое Людовику XIV: «Государство – это я».

из коих многие значительных размеров. В этом году окончена гранитная лестница, идущая из Христианского двора, – фундаментальное сооружение, ступеней которого не сотрут никакие простонародные сапоги долго. К концу продвинута и наша пышная красавица главная лестница: готовы обшитые мрамором стены ее клетки, готовы наличники дверей в Центральном зале и в зале Олимпии и Пергамском, монументальные и высокохудожественные, какие могли быть созданы только Вашей щедростью и высотой Ваших художественных воззрений. Таких наличников я не могу указать не только в музеях Европы, но и во дворцах. А воспроизведение северной двери Эрехфейона при входе в Центральный зал, я верю, является в мраморе решительно впервые. И эта чудесная, тонкая работа исполнена исключительно нашими мужицкими руками². Барон де Вау³, парижский археолог, недавно бывший у нас, пришел в восторг, увидевши этих рабочих в ситцевых и пестрядных* рубашках за этою тончайшею мраморной резьбой и полировкой. Он сказал мне, что в Париже устроили бы и из этой работы и из оконченной двери выставку и пригласили бы на нее художественный мир... По лестнице укладываются мраморные плитки на ее площадках; для металлических капителей и баз мраморной колоннады сделаны Гладковым первые образцы. Месяца через три вся лестница будет готова. В этом году настланы плиточные полы в целом ряде помещений 1-го и 2-го этажей, а также и внизу; к концу приехавшие из Будапешта итальянцы и наши русские рабочие принялись за наливку мозаических полов. Одновременно с полами шли в других залах штукатурные работы. Окончены потолки и стены зал Олимпии, Пергама и двух других зал эллинистического века. Окончены работы по искусственному мрамору колонн и стен Центрального зала, занявшие два года. Еще три месяца, – и все штукатурные работы в Музее закончатся. Итак, идя тихой, но верной поступью, сделано в 1907 году много существенно важного. Этому году принадлежит и дорогое мне по великодушию решение Ваше дать гранитный пол вестибюлю и мозаиковый из мраморных кусков Центральному залу, c'est le comp[te]?** красоты и монументальности. В этом году начаты уже и тротуары вокруг здания. Слава Богу, в этом году сделано много. Следующему предстоят двери и расколеровка потолков нескольких зал. Р[оман] И[ванови]ч мечтает испросить на последнюю работу у Вас по 250 руб. в месяц: тогда он надеется сделать это и хорошо и много за год. Nos est in votis, к которым и я присоединяюсь всем сердцем. Да хранит Вас Господь!

* Пестрядь – грубая хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток.

** таков уж расчет (фр.).

794. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 декабря

31 декабря 1907, Москва

Я думал, что посланное письмо будет последним в этом году; но Ваша депеша к Р[оману] И[ванови]чу¹ о приезде в Петербург с разрезом Центрального зала, необходимым для Опекушина², и о предварительном разговоре с Великой Княгиней нас заинтересовала до последней степени. Мы полагаем, что «благодетельница», как Вы называете в телеграмме, вручила памятную Записку Государю и что дело о статуе вступило в новую фазу, а упоминание Вами имени Опекушина говорит нам о том, что мысль Ваша остановиться в выборе скульптора на этом художнике уже осуществилась, раз Опекушин пожелал иметь уже размеры зала, где статуя должна быть поставлена. Если все это так, то минующий год, тихий и не особенно заметный в ряду 10 лет нашей постройки, с этим пожалованием Государя получает особое значение. Высоко поднимается и значение самого зала, так долго строившегося и получившего такую удивительную отделку. Понемножку, может быть, осуществится и желание покойного Великого Князя о цели этого большого и пышного помещения, об этой «Палате русской славы в области Наук, Литературы и Искусств». Желания мертвых должны быть исполнены: в этом выражается самая высокая степень почтения к их памяти. У Великого Князя была мысль добыть у Государя грамоту Московскому университету об этой Палате-пантеоне Науки и Искусства к 12 января 1905 года, к его 150-летию; но война и тяжкие времена начала революции не дали покойному исполнить эту мысль, однако им Государю доложенную в присутствии Р[омана] И[ванови]ча и моем еще до закладки Музея³. Как бы то ни было впредь, но дар Его Величества окрыляет наши мечты. С Новым годом!

795. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 3 января 1908 г.

3 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Пока, до возвращения Р[омана] И[ванови]ча из Петербурга, неизвестны подробности относительно статуи, а потому мне трудно решить, не сочтете ли Вы нужным собрать Комитет для объявления о Монаршей Музеею милости¹. Если Комитет соберется, то не надобно ли приготовить сообщение о положении дел Музея к настоящему времени? Если это сочтете Вы нужным, то мне необходимо знать о сем заранее, для приготовления доклада, которого не напишешь и в неделю².

До сих пор главные сведения о заседаниях Комитета печатались в «Московских ведомостях», редактор которых состоял нашим сочленом³; зная нового главу этой газеты со студенческих лет (он меня старше по Петербургскому университету на 3 года), я спросил его, будет ли он давать место нашим сообщениям, – и, конечно, получил самый сочувственный ответ. Как будущему сотруднику, Будилович⁴ стал высылать мне газету с 1-го же числа.

В Музее – святочный застой у наших рабочих; но итальянцы поспраждновали 2 дня, а на третий явились на работу. Иностранцы несомненно уезжают домой всегда со значительным годичным заработком, а наши проедают, прогуливают все свои деньги, едва уплачивая подати и только кое-что посылая домой. Уж больно много у них праздников, понедельников и поспражднств⁵. Замечательное явление приходится наблюдать на стройке. Где подрядчик – иностранец и есть у него хотя пара привезенных с собою рабочих, там и наши даже в текущие Святки стали на работу на 3-й день. Таковы штукатуры, работающие у Аксерио, таковы мозаичисты, нанявшиеся у подрядчика, который прибыл из Будапешта. Я, за 2 часа пред сим, видел наших крестьян, усердно-преусердно полирующих мозаический пол в Ассирийском зале. А там, где и подрядчик и рабочие – наши, теперь полный застой и на работах ни души. Или все разъехались по домам, или гуляют по Москве. И работы не примут обычного хода ранее 12 – 15 числа.

Христианский дворик совсем освобожден от лесов, и на днях вымоют его пол, после чего начнем затягивать миткалем все входы, чтобы избавиться от пыли и начать работы по установке памятников.

Живописец-декоратор, расколоровавший потолки Христианского дворика и его галерей⁶, пишет Р[оману] И[ванови]чу из Будапешта о большом

эффекте и практичности оклейки стен холстом-дерюжкой в тамошнем музее. Замена простой окраски по штукатурке обивкою бумажной материей теперь практикуется во всей Европе и для музеев признается вполне подходящей. И в Москве, на центральной станции Телефонного об[щест]ва в Милютинском пер.⁷, так же отделано несколько комнат: Клейн и Рерберг говорят, что это имеет очень красивый вид. Для нас было бы это очень полезно, при частой потребности вбивать гвозди в стены. Надо бы попробовать хотя в одной зале. Суровая материя окрашивается после масляной краской.

Р[оман] И[ванови]ч ныне выезжает в Петербург.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ

796. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 7 января 1908 г.

7 января 1908, Москва

Глубокопочтимый Юрий Степанович.

На случай заседания Комитета в Ваш ближайший приезд составляя отчет, я вижу, что и в наш траурный трехлетний период сделано для Музея все-таки, слава Богу, много. В момент неожиданной кончины Великого Князя главный фасад в центральной своей части еще был пустым. Ныне стоящий там портик явился позднее. Не было гранитного к нему всхода, не было и гранитной ограды передней площади (кстати, этой зимою уже очищаемой от камня и мусора, чтобы весною начать разбивку сквера и посадить естественную загородь с трех его сторон). А внутренняя отделка здания и оштукатурка задней его половины всецело принадлежит этим трем годам. По отчету картина разнообразных наших работ развертывается очень значительной. А когда, через три месяца, полы и потолки будут окончены, за исключением вестибюля и Главного зала, когда, в настоящий строительный период, появятся наружные двери и хотя бы по паре дверей для обоех этажей здания, из вестибюля и с верхней площадки главной лестницы¹, то на очереди останутся расколеровка потолков, без которой мелкие лепные работы и все свойства разных стилей этих покрытий совсем пропадают, и окраска стен.

Одновременно с нашим строится такое же количество лет Национальный музей в Будапеште. Находящийся сейчас за границей художник-декоратор Невинский², расколеровавший у нас потолок в Антикварии, из Будапешта писал Р[оману] И[ванови]чу, что там обтягиваются стены дерюжкой (цветною материей обтянуты недавно стены в Неаполитанском музее³) и потом окрашиваются. Что это за полотно, можно будет судить по образчику. Р[оман] И[ванови]ч говорит, что это – простой, грубой выработки, холст,

которого можно найти здесь сколько хочешь. Р[оман] И[ванови]ч встретится с Невинским в Берлине⁴ и вместе будет обходить музеи и зарисовывать там нужные детали.

В какой срок собирается Опекушин отлить статую Александра III для памятника? Хорошо было бы для нас, если бы это дело задержалось года на два, тогда мы продвинулись бы в внутренних работах и в расстановке предметов до вожделенного конца. Статуя нашего Музея проще и много меньше; Опекушин ее и вылепит и отольет в эти же два года. Тогда бы открытие Музея могло быть одновременным с освящением памятника. В другой раз Царская фамилия в Москву вся не соберется и для нашего Музея не приедет.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ

797. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 14 января 1908 г.

14 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Ваши молодые, гр[аф] А.А.Игнатъев и его милая жена¹, никак не ожидали встретить того, что они увидели в Музее. Греческий дворик с его дорическим порталом и выставленными там углом Парфенона, портиком кариарид и памятником Лисикрата их прямо очаровал. Молодая графиня оказывается художницей сама, она изучала музеи Флоренции и потому сразу угадала в нашем Христианском дворике отражение дворика Барджелло. Сейчас она припомнила, что лестница там не загибается в нижнем конце так, как это, по недостатку места, повернул ее Р[оман] И[ванови]ч. Любуясь разноцветными мраморами лестничной клетки, они оба сказали, что выезжают из Москвы прямо с чарующими впечатлениями, что под впечатлением Музея они уезжают за границу, в свои новые северные страны, Данию, Швецию и Норвегию.

В Христианском дворике уставляют «Золотые двери» Фрейбергского собора; но хотя и деревянный каркас портала заготовлен в Дрездене, и все части отлива, сделанного на деревянных скрепах, помечены цифрами, и есть большая фотография, вся покрытая номерами, а все же сложность сооружения дает себя чувствовать нашим монтерам, которые то и дело разбирают вновь только что уставленное: не сходятся пазы, не согласуются вертикальные линии даже в более простых и крупных нижних рядах. Лучшее было для собирания и установки материал, доставленный Школой изящных искусств из Парижа. Там пазы были плотно притерты и после скоро подходили друг к другу.

Разбираемся и с Sebaldus-Grabdenkmal*: этот своими бесчисленными деталями доставит еще более затруднений. Но как-нибудь осилим и его. Легче, мне думается, будет поставить конную статую Коллеоне. Другие работы, по оштукатурке последних зал, по настилке полов и на площадках главной лестницы, понемножку приходят в норму после Святки. Как мы ленивы!

Когда для Вас удобнее собрать Комитет? Отчет я окончил. Завтра будет готова и переписка его.

Преданный Вам

И.ЦВЕТАЕВ

798. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 16 января 1908 г.

16 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

В связи с пожалованием статуи Александра III явилось желание генерал-губернатора побывать в Музее. Он назначил для приезда завтрашний день, так как четверг у него выкроился свободным от докладов. Хотел он быть с женою. Ныне я отправился просить его и вручить несколько прежних отчетов. Сергей Константинович¹, происходя из пасторского и профессорского рода, державшегося главным образом Дерпта², отличается благодушием в беседе и простотою обращения. Очевидно, ему кое-что из истории постройки Музея уже известно; интересовали его очень вопросы о ломке нами мрамора на Урале и степень переимчивости наших рабочих у иностранных мастеров.

Жена его куда-то уехала и еще не воротилась в Москву, поэтому он просил отложить посещение Музея до следующего четверга³.

В эти дни я не являлся к Вам, зная, что Вы заняты делами и Вашими управляющими. Тем временем я писал отчет для заседания Комитета и, по-видимому, окончил. Ныне завершена и его переписка. Когда окончатся Ваши дела по Дворянскому собранию? Я хотя также московский дворянин, но так как и на Ваганьковском⁴ себе поземельной собственной не приобрел, то все мое участие в жизни московских дворян выражается уплатой 22 рублей повинностей. Ни на выборы, ни в собрания, ни на балы меня предводитель не приглашает. Каждый ли день московское дворянство будет собираться, и раз начнутся эти собрания, то возможно ли устроить в промежуточный день заседание Комитета? Приспособим для это-

* надгробным памятником (святого) Зебальда (нем.).

го нашу Контору и сделаем там на столе выставку нескольких помпейских бронз.

Как только Вы освободитесь, будьте добры протелефонировать мне в Румянцевский музей, – и я явлюсь условиться. Не найдете ли нужным из заседания послать депешу Великой Княгине?¹ Здоровье ее, говорят, улучшается – и память о ней в нашем собрании будет ей приятна. Русские – очень забывчивы. Мало чем Москва доказывает ей противное.

Преданный

И.ЦВЕТАЕВ

799. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 23 января 1908 г.

23 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Посылаю Вам мою Записку, приготовленную к заседанию 25-го¹. При докладе некоторые части можно будет заменить устным изложением, которое явится короче.

Заседание, после обхода здания, Вы откроете сообщением о Монаршей милости Музею². Телеграмма кн[язю] Оболенскому³. Сообщение о содействии Комитету со стороны Вел[икой] Кн[ягини] Елисаветы Феодоровны. Депеша Ее Высочеству с пожеланием избавления от недуга. Сообщение о хлопотах адмирала Арсеньева в деле о статuae.

Доклад и избрание в члены нашего Комитета Е.Н.Самариной и Арсеньева⁴ (как его имя? и так ли я называю его звание?).

В заключение торжества обед, за Ваш счет, в Белоколонной зале «Эрмитажа»⁵. Позвольте ли эту программу опубликовать в газетах столичных и иных?

Преданный

И.ЦВЕТАЕВ

800. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 23 января 1908 г. № 2

23 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Посылаю Вам только что полученное письмо гр[афини] П.С.Уваровой¹. Вот в каких словах она выражает Вам свои горячие чувства уважения и удивления.

Вам угодно было, чтобы я приехал в Дворянское собрание завтра. Но как я могу войти туда без повестки? Я совсем не знаю порядков. Как тут быть?

Уже больно я в этом мире homo novus* и не знаю, как поступить. Не знаю ни места, ни времени, ни формы. Плохой я Ваш protégé** в этом круге.

Преданный

И.ЦВЕТАЕВ

801. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

23 января 1908, Москва

Пожалуйста завтра к часу ко мне в белых¹. Вместе поедем².

Юрий

802. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 25 января 1908 г.

25 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Вчера из Дворянского собрания я, разоблачившись в Румянцевском музее, прошел на стройку. Там подчищались к нынешнему заседанию. Решили у задних ворот поставить служителя предупреждать прибывающих в заседание, чтобы въезжали или, если нельзя, входили с Волхонки¹. Раттенек хотел снять бумагу² с тех мраморов на лестнице, которые укажет ему Р[оман] И[ванови]ч. В Христианском дворике будут выставлены крупные помпейские и геркуланские бронзы, которые, по тяжести, не могут быть внесены в контору.

Заседание – в 2-м часу; хорошо бы предложить чаю, но не знаю, найдем ли стаканов достаточное число. Все же соберется 20 – 25 человек. Поищу в Румянцевском музее. Купим калачей и лимонов.

Вчера Р[оман] И[ванови]ч находился в большом затруднении, что ему, по обычаю, говорить в заседании о намеченных работах на текущий год³. Нужны раньше всего: *двери*, в том числе 6 – 8 дверей внутри здания, *обивка стен дерюжкой* и *окраска* их и в связи с этим *расколеровка потолков*. Между тем наличных денег для всего этого нет совсем. Для потолков Р[оману] И[ванови]чу достаточно 250 руб. в месяц; дерюжку надо покупать на наличные, маляры также потребуют денег; столяров, за смертью бывшего у нас до сих пор, путных и, главное, могущих ждать плату до следующего года, Р[оман] И[ванови]ч не знает.

Как-нибудь успокойте его. Ему хочется, чтобы Ваша контора, отказавшая ему в 1000 руб. на хозяйственные надобности, заплатила их: он надеется их употребить на потолки, раз можно оплачивать хозяйственные расходы по

* новый человек (*лат.*).

** протеже (*фр.*).

конторе⁴ из сумм, частью присланных министерством, частью имеющих быть присланными. Положение, по словам Р[омана] И[ванови]ча, таково, что через 3 месяца, кроме листовских работ в Главном зале и в вестибюле, делать более *ничего нельзя*, за неимением наличных. Конечно, на практике работы не прекратятся. Успокойте его в его раздумьи и горести. Он – пессимист.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ

803. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 26 января 1908 г.

26 января 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

С радостью я встретил принесенное мне известие, что ночь принесла Вам улучшение здоровья. Ведь Вы вчера за обедом, в сущности, ни до чего не коснулись. Уписывали только учено-художественные гости.

После с Р[оманом] И[ванови]чем мы доехали до храма Спасителя, откуда я тихонько бульварами дошел до Трехпрудного пер.

Деликатно просит своей, давно ожидаемой платы за угол Парфенона, портик кариатид и памятник Лисикрата – 5200 фр. скульптор Sadaune¹, из Ecole des Beaux Arts в Париже. Срок установлен для этой *предпоследней* уплаты – 14 февраля н.ст. Это – формовщик, делавший за свой счет и деревянные каркасы для слепков и ящики; человек он бедный и чрезвычайно милый, своими хлопотами облегчивший нам приобретение этих импозантных предметов, которые произвели такое чарующее впечатление на Комитет вчера.

Поплатившись из министерских денег, большая часть которых ушла на хозяйственные счета и мебель, – в Лондон, Берлин, Нюрнберг, Гильдесгейм и Флоренцию, по заканчиваемым меньшим счетам, я не имею в распоряжении и рубля для покрытия этих 5200 фр., каковую сумму послать *надо*; помогите мне, Юрий Степанович, в этой нравственной туге*.

К 1/2-не [половине] года разрешат, вероятно, кредит на нынешний год; но до того времени и невозможно заставлять ждать бедствующего Sadaune, да из той суммы мне хочется уплатить 1/2-ну долга за помпейско-геркуланские бронзы.

Еще годик нравственных стеснений – и мы будем свободны от долгов по приобретению предметов.

Преданный Вам

И.ЦВЕТАЕВ

А Лукин² уже успел за ночь тиснуть отчет в «Москов[ских] ведомостях» о вчерашнем заседании, вернее о начале его³.

* Туга – печаль, скорбь (В.И.Даль).

804. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 30 января 1908 г.

30 января 1908, Москва

Глубокочитимый Юрий Степанович.

В Годичном заседании мы наметили на будущий год двери, из коих 3 наружных, пол Главного зала и базы с капителями для колонн. Все это необходимо и, конечно, будет стоить денег. Но, если суждено быть открытым нашему Музею одновременно с памятником Александра III, не разрешите ли Р[оману] И[вановичу] расколеровывать потолки, отпустив ему по 250 руб. в месяц, и обивать стены зал дерюжкой? При этих работах отделка зал в один год подвинулась бы очень сильно. В обитой тканью зале можно было бы расставлять скульптуры, оградив их от пыли. И мы бы начали с центра¹, чтобы возможно большее количество зал приготовить к празднику открытия памятника. Эти 250 рублей в месяц двинут вперед наши потолки, а окраска стен по дерюжке уже не задержит. Залы Пергамский, Римский, Средних веков, эпохи Возрождения, Олимпийский, Парфенона и Праксителя, а может быть, и 2 следующие за ним, мы обтянули бы и окрасили. Это был бы весь 2-й этаж, обитый и окрашенный; была бы расколерована видная часть и его потолков.

На первое время разрешите купить дерюжки на пару зал и отделать их в этом смысле. Тогда бы видно было, как идти дальше. Их бы отделали к Вашему возвращению из-за границы. Тем временем кое-что приготовили бы, на министерские деньги, по части мебели.

Насколько я вижу, удовлетворение этих статей (раскраска потолков и обивка стен) сильно продвинуло бы наше дело, не создавая той большой дороговизны, которая гнала бюджет в прежние времена. Эти работы уже маховые, малярные; они и не будут много стоить, и пойдут ходко. А последнее нам очень нужно ввиду возможности открытия Музея летом 1909 года, когда, как думают, может состояться освящение памятника. Если бы нас всех сохранил Господь и памятник дождался 1910 года, то это было бы для Музея выгоднее; можно было бы отделать и нижний (1-й) этаж, т.е. залы Египетский, Ассирийский и Греческой архаики, можно было бы, хотя в долг, приобрести и главные слепки. Но время бежит, стерегут нас недуги²... Лучше торопиться, пока служат силы. Эх, бывало, я не боялся будущего; но после прошлогодней болезни прежняя вера в силы пропала. Надо спешить по мере возможности.

Преданный Вам

И.ЦВЕТАЕВ

805. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 3 февраля 1908 г.

3 февраля 1908, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Каково Ваше здоровье теперь, когда Вы из сутолочной жизни здесь в дни дворянских выборов переселились в тихую домашнюю обстановку? Под конец Вы здесь имели утомленный вид; отлежитесь дома и отдохните. Нужда ведь только в этом.

Вчера проработали дворяне целый день, с 12 до 12-го часа ночи. Выбор Самарина¹, хотя и при значительном количестве черных², встречен был оглушительным шумом. Хоры к тому времени опять наполнились; перед самыми выборами явилась и графиня П.С.Уварова.

Рассматривая, во время скучных мелких дел, ведомость о средствах Московского дворянства, я увидел, что они превышают сумму 2-х миллионов рублей. Только что вошедши в состав его Собраний, я ныне не решился направить Дворянскому собранию предложения оказать участие организации Музея изящных искусств имени Императора Александра III. Дети того же Московского дворянства будут получать новые поучения в этом учреждении, когда-то задуманном княгиней Зинаидой Волконской³, о котором была переписка у московского генерал-губернатора кн[язя] Голицына⁴ и которое пришлось исполнять волею судеб безземельному дворянину от колокольни⁵ Московского уезда. Тут все данные для ассигнования Московским дворянством приличной суммы на коллекции нового художественного музея. Если буду жив, в следующее Губернское собрание я предложение это внесу⁶.

А пока что в следующий Ваш приезд я буду усердно просить 1000 руб. на уплату долга бедному Садону в Париже. Мне сейчас *надобно* послать ему 5200 фр. Помня обещание доставить ему к 15 февраля эту сумму, я пошлю ему завтра 1/2-ну с обязательством в феврале же дослать ему остальное. Он ждет 2 года. Вещи его возбуждают общие восторги в Греческом дворике. Мне бы разделаться с остающимися долгами около 17 000 фр. в Неаполе за бронзы, 1000 фр. в Рим, 2000 марок в Дрезден и, по уплате в феврале, еще 5000 фр. Садону, я перестану выпрашивать по мелочам на коллекции. С 1910 года Музей получит казенные 10 000 руб. на приобретения – и тогда можно будет получать лучшие вещи, не испытывая душевной туги пропитателя, хотя бы и не на собственную бедность, но все же очень тяжелой.

Сердечно преданный

И.ЦВЕТАЕВ

806. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва. 5 февраля 1908 г.

5 февраля 1908, Москва

Глубокоочтимый Юрий Степанович.

Принесли в Румянцевский музей и отдали Дмитриеву телеграмму кн[язя] Оболенского на Ваше имя¹. Дмитриев не хотел принимать, но телеграфист, сказавши, что депеша официальная и спешная, раскрыл ее и прочитал. Тогда Д[митриев] принял и представил ее мне. Не успел я сесть за это письмо, как телеграфист пришел за получением этой депеши. Очевидно, начальство взглянуло на дело иначе и решило протелеграфировать депешу Вам в Петербург. Теперь статуя Александра III, пожалованная нашему Музею, вступила в сферу министерскую и потому может считаться не подлежащей никакому сомнению. Только бы Опекушин не впал опять в бездельное состояние и не отдал бы времени ее получения. Побуждайте его помнить обещание. Как-нибудь пригласите его позавтракать для поддержания его художественной энергии.

Надгробный памятник св. Зебальда поставлен, ящики в Христианском дворике все убраны, пол выметен; памятник собран до мельчайших подробностей. Пришел он во многих ящиках и в *нескольких стах* кусках и мелких кусочках, насаженных на железные скрепы. Вся эта мелочь перемечена знаками – и сбор этого самого сложного памятника прошел очень гладко. Но... эта чисто ажурная мелкая работа быстро покрывается пылью, которую чистить весьма трудно. До приготовления стеклянного покрытия² поставим ныне же 6 деревянных стоек с верхними перекладинами и завтра затянем всё холстом.

К Вашему приезду готова будет установка горельефов Вейта Штосса и Адама Крафта в галерее того же Дворика. Ныне же мы спускаем из 2-го этажа ящики с канторией Донателло, которую попытаемся прикрепить над лестницей здесь же. Эта задача – очень трудная. Придется вбить в стену балки, а главное, вещь эта очень тяжелая и разложенная на много кусков. На Парижской выставке французы не могли ее прикрепить к стене и должны были вызвать мастеров из Флоренции. Справимся ли мы с этим?

Преданный

И.ЦВЕТАЕВ

P.S. Прибыли живописные работы Е.Н.Самариной из Рима. Я расставил их в директорском кабинете Румянцевского музея. Здесь образовалась целая *Самаринская* галерея.

807. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 февраля

14 февраля 1908, Москва

Получил обратно телеграмму кн[язя] Оболенского на Ваше имя. И несколько дней назад, когда она была в моих руках, и ныне она представляется мне слишком сухой и канцелярски задуманной. Она извещает, что министр Двора доложил содержание депеши Комитета с выражением чувства благодарности его Государю за пожалование статуи, – и пунктум*. Что министр исполнил свой долг обычного доклада, об этом и писать, т.е. телеграфировать, ему Вам не следовало бы, ибо уклоняться от такого доклада бар[он] Фредерикс, как министр, не имел ни права, ни повода с нашей стороны. Должно быть, «содержание» нашей депеши было так доложено, что Государь счел нужным отозваться лишь одним молчанием. Das ist schlecht**. Мы не хуже других коллегий, а работаем уже много лет лучше других коллегий.

Сейчас возвратился я со стройки. Ставят леса над лестницей Христианского дворика для кантории Донателло. Завтра заклейт бумагой «Золотые двери» Фрейбергского собора¹ и начнут сверлить стену для железных балок, которых поместят целых 8 штук. Вес кантории около 400 пудов [6552 кг], по исчислению Р[омана] И[ванови]ча. Железной арматуры из Флоренции не прислали, приходится ее заказывать здесь. Скреп требуется много. Соединять массу разрозненных частей будем, по совету исполнителя этой копии, портландским цементом и швы закрасим.

Эта работа потребует времени и не может идти непрерывно. Поэтому с завтрашнего дня начинаем раскладывать по полу зала XV в. [части] двери Гиберти². Думаем поставить ее по узкой стене, близкой к выходу в зал XVI в. Хронологически она приходится как раз к противоположной части помещения; но причины эстетические заставляют здесь поступиться хронологией.

На днях мой доклад последнего заседания Комитета пройдет с некоторыми выпусками через «Московские ведомости»³ (какие они стали ужасно скучные!) и потом полностью напечатается обычной маленькой книжкой.

Когда Вы пожелаете в Москву? Р[оман] И[ванови]ч и я собираемся на Ваши блины.

* точка (лат.).

** Это плохо (нем.).

808. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 февраля

15 февраля 1908, Москва

Только что послал Вам письмо, как получено мною из Академии наук известие¹ следующего содержания: «Как Вы, вероятно, слышали, в настоящее время некоторые мечети Самарканда пострадали от землетрясения и их драгоценные фаянсы падают целыми саженьями². Общество востоковедения³ желает послать его в Самарканд для того, чтобы устроить укрепление этих фаянсов (речь идет о художнике Дудине⁴, «замечательном знатке Средней Азии»). Слово за словом, среди разговора он сказал, что Вам для своего Музея можно было бы за весьма недорогую сумму – он говорил о *тысяче* рублей – сделать гипсовые слепки с некоторых мавзолеев, украшенных скульптурой». В записке Дудина⁵ об этих мавзолеях говорится: «В группе мавзолеев Шах-Зинде⁶ в Самарканде облицованы порталы 2-х мавзолеев рельефными поливными кирпичами. Порталы настолько сохранились, что могут быть восстановлены целиком. Работу отливки по клеевым формам может взять на себя г. Столяров⁷, проживающий в Самарканде и делавший отливки для музея Александра III⁸».

Ах, счастливый этот наш петербургский брат! Музей Александра III в Петербурге невозбранно пользуется казенным сундуком и при Думе, состоя в ведомстве Императорского Двора. И строительные работы, и приобретения в колоссальных размерах ему и на $\frac{1}{100}$ не стоят тех усилий, какие выпали на долю нашего Музея.

У нас есть запасные помещения и в цокольном этаже, и под Центральным залом – для индийского и азиатского искусства⁹, которым, конечно, займется мои преемники. Моему мозгу этой задачи уже не вынести.

Но раз представляется случай счастливый за 1000 рублей приобрести отливы нескольких интереснейших порталов, не примете ли этого дела под Ваше покровительство? Если в Самарканде будет работать и художник Дудин, то было бы хорошо покрыть изваяния гляцевыми красками, как это мы имеем на гипсах многочисленных della Robbia? В красках эти приобретения будут производить больший эффект и послужат хорошим началом Восточного отдела и в нашем Музее¹⁰. Подумайте, Юрий Степанович. Здесь получить помощи не у кого. Колесников отказал мне в 5000 фр. срочной платы в Париж.

P.S. Кто в Москве ведет торговлю с Самаркандом? Я бы направил мои просьбы к этим коммерсантам. Сейчас мне подали Вашу телеграмму: Вы уже теперь здесь¹¹. Как я рад Вашему приезду! У меня в 2 ч. заседание. Приду к $7\frac{1}{2}$ часам.

809. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 февраля

23 февраля 1908, Москва

Во время Вашей поездки на юг Европы не придется ли на обратном пути быть Вам в Брюсселе? Посмотрите там Grand Hall des moulages aux Musée du Cinquantenaire*¹. Мне в Италии не раз приходилось узнавать, что более редкие и дорогие отливы памятников искусства разных эпох заказывались бельгийским королем. Как я жалею, что я раз проехал Брюссель, не остановившись в нем².

В последнее время меня занимает мысль о приобретении бронзированного отлива купели XIII в. с изображениями Крещения Господня и 12 коров, поддерживающих купель. Этот замечательный памятник романской эпохи, принадлежащий [церкви] Св. Варфоломея в Люттихе³, составит в нашем Музее pendant также бронзовой купели Гильдесгеймского собора того же времени, у нас уже существующей⁴. Оба памятника покрыты сценами и латинскими надписями. Они подходят друг к другу и размерами. Написал я письмо к администрации церкви Св. Варфоломея в Люттихе по-немецки, почему-то полагая, что Люттих – в Голландии и что здесь более распространен немецкий язык. К моему стыду, старший священник этой церкви хотя и ответил мне по-немецки⁵, но указал, что с вопросом о слепке мне нужно обратиться в Брюссель в названный выше музей, и что, вероятно, мне от туда и напишут, т.к. мое письмо пересылается туда. И действительно, ныне получил я и письмо от консерватора Музея, и 2 фотографии памятника, и брошюру, посвященную этому памятнику⁶. Предлагают изготовить отлив, отбронзировать его и хорошо упаковать за 525 фр. Как я ни обременен долгами, жестоко гнетущими мое сердце, и хотя меня имущие члены Комитета совсем оставили, но я продолжаю думать и держаться убеждения, что без памятников искусства открывать Музея нельзя, и потому как-нибудь приобрету и эту вещь, над которой будут посетители после непременно останавливаться и [удивляться] здесь искусству XIII в. в этом углу Европы. Их и поставим один против другого. Так размещенными я видел эти бронзированные копии в одном из музеев гор[ода] Гильдесгейма в 1905 году⁷. С этим памятником я приобрету 12 коров, тогда как Вы не имеете возможности завести в Петербурге и одной коровы для собственного питания ее молоком. У нас здесь их будет целое стадо – 12 коров = 12 апостолов, как говорит латинская надпись. Символикой окутаны и все изображения, сплошь покрывающие гильдесгеймскую купель. Надобно будет достать археологическую литературу этих памятников для объяснительного каталога.

* Большой зал слепков в музее Пятидесятилетия (фр.).

810. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 февраля

27 февраля 1908, Москва

Много забот доставляют нам кантория Донателло и Porta del Paradiso* Гиберти. Тот и другой памятник изготовлен для нас во Флоренции двумя соперниками, Bondi¹ и Lelli, но здесь сошедшимися в небрежности. Ни тот, ни другой не приладили частей одну к другой. Поэтому много времени и лишне оплачиваемого труда (формовщики стоят по 3 руб. в день!) уходит на дело, которое должно быть исполнено во Флоренции. Деньги умеют они брать полностью.

Для кантории приобрели железные балки, и завтра их уже вставят в выдолбленные гнезда. Сделали и раму для нее из досок; в ней и будут укладывать ее многочисленные куски. Тяжесть терракоты заставила поставить крепкие подмости. Двери Гиберти разложены на полу зала XV в., и по стене ставится деревянная конструкция для прикрепления этого очень высокого, закрывающего даже и падуго, предмета. Делается для него деревянная подставка с одной ступенью, чтобы публика не хватала руками. Чтобы тяжесть гипса не проломила доски, выкладывают основание из кирпича. Одновременно разобрались и в кантории Луки дела Роббиа. Эта исполнена из гипса и вся хорошо сложена, так что прикрепить ее к противоположной узкой стене не составит большого труда. Надпись – «*Laudate Deum in sanctis Eius*»** и пр. в нашей копии исполнена черной краской и потому выдается на белом фоне очень ясно; шрифт вырезки очень изящной.

Покончивши с этими тремя предметами, что, однако, возьмет около месяца, собираемся продолжать установку сначала больших вещей – статую Коллеоне, кафедру Бенедетто да Майано, двери Гильдесгеймского и Аугсбургского соборов, колонну св. Бернварда из Гильдесгейма² и др. Это освободит нас от многих ящиков.

В полном ходу теперь изготовление пола в Римском зале. Рисунок дан Р[оманом] И[вановиче]м очень изящный, в темных тонах, черном, темно-зеленом и темно-красном или кирпичном³. Идет работа над потолком в последнем зале – Праксителя. К Пасхе грязь вынесена будет совсем. Останутся лишь Главный зал и колоннада лестницы с их полами. Для первого Ратгенек обещает доставить мрамор в июне; но, вероятно, в этих сборах есть сильная доля и тщетных мечтаний этого покладистого доброго мало-

* Райские двери (*ит.*).** «Хвалите Бога во святыне Его...» (*лат.*). Слова из Библии, начало 150-го псалма.

го. Он своим умением уговаривать упрямого Листа во многие трудные минуты принес Музею много пользы. Без Раттенка с Листом Клейн давно бы рассорился – и дело Музея могло бы, за отсутствием других крупных мраморщиков, остановиться. А Раттенок столько лет ведет его безостановочно.

Не знаю, где получится это письмо. Может быть, уже во Флоренции? Как Вы счастливы этой свободой! Для себя я не знал бы лучшего счастья, как провести весну в Италии. Будьте здоровы. Почтительно кланяюсь Анне Степановне.

811. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 февраля

29 февраля 1908, Москва

Вашу посылку я получил и немедленно передал контракт Ваш с Опекушиным на статую Александра III Р[оману] И[ванови]чу, который приобрел его к делам. Если только не посетит дурное расположение духа, то Опекушин к августу 1909 г. статую должен будет представить в Музей. Если бы он прислал ее теперь, то нам, за отсутствием дверей, негде было бы ее и поставить, негде и хранить, что будет особенно, в свое время, нужно. Среди рабочих есть воры, которыми, как орудием, могут воспользоваться [смутьяны] и злонамеренные люди.

Неделю назад случилась у нас покража; украли у Листа из нашего склада около 3 – 4 пудов фасонных полос меди, употребляемых при обрамлениях фигур мозаических полов. Как это случилось в течение одной ночи, никто, конечно, не знает. Урона Листу на 130 – 140 руб.; но главная беда в том, что эти полосы нарезывались по рисунку пола, данному Р[оманом] И[вановиче]м. Теперь произойдет задержка в устройстве пола Римской залы, если только он не весь выложен. Вчера я был там; его держит Р[оман] И[ванови]ч в основном темном тоне. В отделке он, говорят, будет серее; теперь же очень черен. Позднее, когда пол станет трескаться и крошиться, эта черная пыль станет портить нежные гипсы.

С канторией Донателло и Porta del Paradiso двигаемся вперед, хотя и медленно. Для первой вложены балочки и залиты цементом в их печурках* на стене. Теперь около недели пройдет на отвердение цемента, – и только тогда возможно будет укрепление на них сначала массивных кронштейнов, а затем и прочих частей. Для дверей Гиберти поставлена деревянная конструкция и уже на местах стоит обрамление. Так как и здесь из-за гипса

* пещерках, углублениях (*диалект.*).

придется прерывать работу, то одновременно поведем тут же и установку кантории Луки дела Роббиа.

Был вчера у меня один знакомый, с которым мы разговорились о гр[афе] С.Д.Шереметеве¹. Я высказал мысль о приглашении его в наш Комитет. На это мне сказали: «И не обращайтесь; младшие три сына так расточительны, а последний, Сергей, и так неисправим в мрачном пьянстве, что, при многих неудачах в хозяйственных операциях самого Сергея Дмитриевича, состояние его сильно пошатнуто. Масса имений заложена. Дух неудачной предприимчивости преследует С[ергея] Д[митриевича] уже давно: еще при министре внутренних дел Сипягине он вынужден был с радостью уступить Савве Мамонтову свою железную дорожку, которая в постройке стоила 1 000 000, за 250 000 руб. Его убедили построить ее для сплава леса; но когда дело дошло до рубки его, оказалось, что оставалась на месте только приличная опушка, нутро же было воровски вырублено без ведома владельца. Построен был и лесопильный завод, которому стало нечего делать. Да и Савва-то Мамонтов купил ж[елезную] д[орогу] – по соображениям особого свойства, побуждаемый Сипягиным»². Вот что наговорил мне мой гость, лишивший меня великой надежды на участие гр[афа] Сергея Дмитриевича в нашем деле.

То же лицо посоветовало мне привлечь симпатии к Музею гр[афини] Салтыковой-Головкиной³, старой девушки, одинокой, без близких наследников, очень богатой – любительницы искусства. Доступ у меня к ней удобный: она приезжала в Румянцевский музей смотреть римские копии Е.Н.Самариной вместе с кн. Грузинской⁴. Я должен быть у последней завтра.

Есть знакомая у меня старушка Е.Н.Миткова⁵ того же круга. Попробовать можно, хотя измученный неудачами в этом роде я и потерял $\frac{2}{3}$ своей прежней веры в свои успехи. Может быть, Вы слышали, что мне отказал в 1000 руб. для уплаты за доставленные предметы искусства из-за границы даже Ю.С.Нечаев-Мальцов. Кто же после этого придет ко мне на помощь в платежах за чудесные предметы? А после станут столько людей восторгаться ими.

Е.Н.Самарина очень польщена вниманием Комитета; звание действительного члена она сочла для себя очень почетным. Картины уполномочила она заключить в гладкие вызолоченные рамы и покрыть их цельными стеклами. Для «Римской свадьбы» она прислала и рисунки характерной рамы⁶. С Р[оманом] И[вановичем] обратимся к хорошему мастеру.

812. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 марта

5 марта 1908, Москва

Еще в январе П.С.Уварова сообщила мне о намерении предложить Московскому археологическому обществу, в годичном его заседании, выразить Вам знак особого уважения к Вашей просветительной многолетней деятельности избранием Вас в почетные члены Общества. Это намерение она исполнила, предпославши избранию *par acclamation** весьма живое слово о заслугах Ваших перед создаваемым в Москве Музеем. Собрание с живым интересом выслушало эти, проникнутые искренним чувством, слова председателя и единодушно присоединилось к предложению¹. Официальное извещение Вы получите от самого Общества; я же спешу сообщить Вам, по свойственной мне должности Меркурия во всё, что связано с Музеем. Хотел было протестовать против предложения графини только я, доложивши публично о Вашем отказе, в последний Ваш приезд, мне в 1000 руб. на уплату заграничных долгов моих за памятники искусств, но как-то удержался в надежде на Ваше исправление.

Вчера Университет хоронил проф[ессора] Чупрова², в течение многих лет своей службы пользовавшегося общим уважением и серьезной популярностью. Отличный ученый, превосходный лектор, он был и редкой души человеком. Сын сельского священника Калужской губ., он всегда был первой, одинаково всем импонировавшей личностью в целом Университете, при всяких переменах в его жизни и уставах. Ранее сутолоки последних лет он оставил службу и проводил время за границей, убегая от мучившей его астмы. Скончался он вдруг, пришедши навестить одного мюнхенского профессора.

Работа по установке *Porta del Paradiso* движется крайне медленно. Оказывается, что итальянцы ее не собрали и не приладили ее частей. Гипсы покоробились – и вот 2 дня 4 формовщика бьются над сбором только нижней части, не достигнув почти ничего. Монтировка ее обойдется дорого. 24 рубля за эти 2 дня – брошенные деньги. Иду смотреть, как дело движется ныне. На Христианском дворике железные балочки для кантории Донателло вставлены в стену; приступить же к навеске тяжелых терракот будет можно только через неделю.

Печатание моего отчета окончено. От членов Комитета я выслушал желание, чтобы там напечатан был полностью адрес, прочитанный 18 августа в «Славянском базаре». Это желание я исполнил³.

Мой низкий поклон Анне Степановне. Как ее здоровье под флорентинским небом?

* единодушному (*фр.*).

813. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 марта

12 марта 1908, Москва

Р[оман] И[ванович] уже и взял билеты для всей семьи, чтобы ехать в Берлин, как получилось письмо от адмирала Арсеньева с извещением ждать ему на будущей неделе телеграмм о прибытии в Петербург для доклада Государю вопроса о статуе Александра III и о пьедестале. Р[оман] И[ванович] сделал рисунок этого¹ акварелью и повезет его с собою. Вчера я видел лишь чертеж этого рисунка – и он мне показался режущим в глаза очень грузной фигурой Императора. Он взят с портрета, по клейновским словам, писанного ...². Я видел этот портрет у покойного Велик[ого] Кн[язя] Сергея Александровича: на полотне, с большим фоном, эта фигура не производила давящего впечатления, как здесь на пьедестале, очень простом, без карниза. Я выразил свое мнение. Для Государя в этом рисунке не нужно бы налегать на т[у]чность фигуры, поставленной на основание, которому хотелось бы большей ширины и всему рисунку большей стройности, тем более, что в художественных целях Опекушин, может быть, и не будет подчеркивать обилие жира в фигуре Александра III. В лице, а не в туже* других частей тела сущность.

Был вчера в Музее Васнецов, чтобы ознакомиться с местом его будущей картины. Оно оказалось 14 ар[шин] длины [12,8 м]. И он с Вами согласен, что «народности России» тут не пойдут. Списывались мы с ним о возможности развернуть историю русской мысли в области просвещения – науки и искусств³. Виктор Михайлович начинает с Ярослава Мудрого⁴ и Нестора⁵. До Петра⁶ выбирать личности легче, чем после. Чем ближе, тем будет больше разногласия. Приедете, пообсудите. Надо посоветоваться с русскими историками. Из представителей науки русской истории – Карамзин⁷, Соловьев⁸, и в заключительной группе Васнецову хочется посадить оригинальную фигуру Забелина⁹, нынешнего Нестора Летописца. Нашей картиной он займется только по окончании работ для Варшавского собора¹⁰. Говорил он и о своем желании сделать выставку «Страшного суда» и др. картин, около будущей масленицы, в Главном зале Музея¹¹. Мраморный пол-де закроем циновками. Ходить будет публика по гранитной лестнице через Христианский дворик. Если не будет готов пол в вестибюле, пришлось бы постлать дощатый, а то страшно много носится на обуви оттуда грязи в здание.

Porta del Paradiso поставлена. Теперь прикрепляют к стенам кантории Донателло и дела Роббиа. Разбираемся с кафедрой Бенедетто да Майано в церк[ви] S. Croce** Флоренции. Очередь за большими дела Роббиа.

* Тук – жир (*устар.*).** Санта Кроче (*ит.*).

814. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 марта

30 марта 1908, Москва

Я долго не писал Вам, потому что за это время должен был съездить в Петербург и побывать в Тарусе. В Петербурге был на заседании Академии художеств, в котором обсуждался проект нового устава Московского Училища живописи, ваяния и зодчества, предположенного к преобразованию в высшее учебное заведение. От Училища был директор кн[язь] Львов и инспектор¹. Львов произнес длинную, но неумелую речь, допустив сплошь и рядом неудобные для достоинства Академии выражения: «А. не поняла, совет А. ошибается, А. не знает, я не знаю почему, это совершенно неверно, это не целесообразно и т.д.». Речь была томительная, поэтому гг. академики и ворочались на стульях, и ворчали, и бранились много раньше ее окончания. Этот ли недостаток такта в сиятельном госте был причиной, или проект устава страдает действительными недостатками, только и досталось и кн[язю] Львову, и Училищу после того. Вы хорошо знаете, как откровенно они могут выражать свои недобрые чувства. Особенно высек кн[язя] Львова Померанцев, поставивший факт падения Училища в зависимость от того, что оно находится под управлением директора, искусствам совершенно чуждого... Львов было выскочил и решил удалиться, но собрание просило и его дослушать до конца замечания, как оно слушало его. Строги были Маковский, Куинджи и Залеман.

В Тарусу ездил я из-за дачи. Там, как и вообще за Москвою, глубокие снега, Ока еще стоит; о близости весны говорят разве очень испортившиеся дороги.

По возвращении нашел на столе депешу Р[омана] И[ванови]ча из Царского Села: «Сейчас был принят Государем. Все утверждено и приказано заказать. Клейн»². Телеграмма от 28 февраля. Не знаю, писал ли он Вам, что адмирал Д.С.Арсеньев, очень подружившийся с Р[оманом] И[вановиче]м на почве проекта памятника на могиле его жены³, посоветовал ему нарисовать статую Александра III на пьедестале. Р[оман] И[ванови]ч исполнил, Арсенев испросил разрешение Государя представить этот рисунок. Клейн был вызван телеграммой в Царское Село – и вот результат. Надпись на памятнике я придумал краткую:

«Александру III
Державному Покровителю
Наук и Искусств».

Она выписана по камню золотом – и Государь утвердил ее. Перед отъездом Р[оман] И[ванови]ч, на всякий случай, совещался с Раттенком о стоимости пьедестала. Цены я точной не знаю, т.к. вынужден был выехать до

решения этого вопроса. Таким образом, мое Вам предсказание, что Его Величество пожалует нам и постамент статуи, оправдалось. Этим сбережены 6000 – 7000 руб. из Ваших ресурсов. Я этому очень радуюсь, потому что авось из этих неожиданных Вами сбережений 1½ (тысячи руб.) Вы пожалуете на уплату парижского долга за угол Парфенона. Прошли последние сроки для уплат, я проделал всю трудную стезю просьб у членов Комитета помочь в беде; не дал никто – и мне ничего не осталось сделать, как заложить в конторе Юнкера 2000 руб. государ[ственной] ренты из детских денег⁴, чтобы послать в Ecole des Beaux Arts чек на 2500 франков.

Работы по Музею идут без перерыва. Достигают нижнюю площадку на главной лестнице, окончены полы из tegazzo и в Римском и одном из Эллинистических зал. Остаются два последние зала, Праксителя и Лисиппа. Потолки окончены все, кроме Праксительского зала, который затягивается до мая. До Пасхи⁵ не окончат, а после рабочие долго не возвращаются из деревень. Настилка плиточных полов в цокольных помещениях продолжается.

Идет своим медленным шагом и расстановка предметов. Повисли на стенах кантории Донателло и Л[уки] делла Роббиа. Первая явилась очень заметным украшением Христианского дворика, вторая хорошо пришлась к узкой стене зала Итальянского Возрождения XV в. Теперь формовщики приступили к кафедре ц[еркви] S. Сгосе во Флоренции работы Бенедетто да Майано. Она пришла в 56 кусках, но, по-видимому, хорошо сложенных. Делают деревянный каркас, железных балок потребовалось 4, по 2 вверху и внизу. Одновременно приступаем к укреплению на стене панданных горельефов треугольной формы Л. делла Роббиа «Воскресение» и «Вознесение»⁶, находящихся во Флорентинском соборе. Они пришлись по бокам уже поставленной Porta del Paradiso Гиберти. Тут же осталось место для двух небольших статуй⁷. Зал этот будет одним из самых пленительных и полно обставленных наилучшими созданиями Донателло, делла Роббиа, Бенедетто да Майано, Росселлино, Мино да Фиезоле⁸ и других кватрочентистов* в скульптуре! Будьте счастливы.

815. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 апреля

3 апреля 1908, Москва

Эти дни вышли у нас особенные. Я писал Вам, что Клейн телеграфировал мне о приеме его у Государя. Оказывается, что Его Величество заинтересовался Музеем в такой степени, что беседовал с Р[оманом] И[вановичем]М

* представителей XV в. (от *ит.* quattrocento).

³/₄ часа, пригласив его сесть. Сделанное и делаемое так заняли его, что Клейн получил поручение приехать через неделю снова и привезти с собою фотографии фасадов и внутренних помещений. О мраморах лестницы Государь уже слышал и сказал по этому поводу несколько слов удивления Вашей щедрости. «Как много делает для этого музея Юрий Степанович!» – было, между прочим, сказано при этом. Когда Р[оман] И[ванови]ч спросил, как же проникнуть ему с фотографиями во дворец, Государь указал пойти к Арсеньеву и оттуда сообщить ему телефоном о приезде. Время назначено – 3 часа в пятницу, завтра. Р[оман] И[ванови]ч сделал несколько снимков внутри здания и приложил их к тем фотографиям, которые готовились для Германского Императора¹. У Аванцо² изготовили скромную папку для альбома.

Вчера происходило освящение Памятника-Креста на месте убиения Великого Князя Сергея Александровича³. К этому случаю прибыл Вел[икий] Кн[язь] Владимир; но еще в Петербурге, или точнее в Царском Селе, Клейн слышал о его намерении посетить стройку Музея. Поэтому утром в день его приезда я написал два письма, одно кн[язю] М.М.Голицыну и другое Его Высочеству, прося почтить наши работы своим вниманием. Писал я в 9 ч. утра, а в 11 ч. кн[язь] Михаил Михайлович уже был в Румянцевском музее, чтобы сообщить мне о решении Великого Князя быть у нас сейчас же после освящения и завтрака, в 3 часа. Вечером 1-го я получил приглашение на литургию и панихиду по Великом Князе в церковь-усыпальницу, к этому дню окончательно отделанную и освященную⁴. Церковка – маленькая, поэтому подбор приглашенных лиц был какой-то особенный. Чины города отсутствовали, было лишь несколько петербуржцев – Булыгин⁵, Кристи⁶, Тютчев⁷, свита, прибывший из Флоренции гр[аф] А.В.Олсуфьев; генерал-губернатора не было (вероятно, он в Петербурге), а затем группа – Васнецов, Клейн, Степанов⁸, расписывавший церковь, и я. Мужскую половину, вообще очень малочисленную, дополнили 7 – 8 отборных солдат полка, соорудившего Памятник-Крест своему бывшему шефу⁹. Дам было больше; я видел гр[афиню] П.С.Уварову, гр[афиню] Олсуфьеву¹⁰, гр[афиню] Салтыкову-Головкину, Истоминых¹¹. Великая Княгиня, еще очень бледная после болезни, стояла в нише за гробницей Великого Князя и в течение всей службы не могла опуститься на колени, даже при пении «Со святыми упокой» и «Вечная память». Службу совершал один старенький-старенький митрофорный протоиерей¹². Певчих была лишь маленькая группа; но «Да исправится молитва моя»* было исполнено в три голоса отроками прямо дивно. Церковь внимала этому необыкновенному пению как один человек.

* Слова из 140 Псалма. В русском переводе: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое...»

Митрополит, все московские архиереи и масса высшего духовенства, в предшествии хоругвей, двинулась длинной и импозантной процессией из Чудова монастыря к памятнику. Звон колоколов, шпалеры войск, безоблачное небо, яркое солнце. Великая Княгиня с гостями прошли через здание Судебных установлений¹³ прямо к палатке, уже наполненной дамами и высшими чинами. Пока не началась служба и пока шел церковный военный парад¹⁴, героем минуты был В.М.Васнецов, скромно стоявший вблизи Креста, исполненного Немировым-Колодкиным¹⁵ по его проекту. Глаза всех устремлялись на великолепную композицию и на ее скромного-прескромного автора.

Когда после водосвятия служили панихиду, здесь Великая Княгиня не исполнила предписания врачей и опустилась на колена...

Приглашение к завтраку было для меня и Клейна стеснительно ввиду предстоявшего приезда Великого Князя, а потому мы первыми вышли из Кремля и направились на первом извозчике в Музей. Там чистили двор, чтобы можно было подъехать к крыльцу. Это дело было нелегкое, так как и льду и снегу было много. Обошли мы все залы; в Христианском дворике были наполовину раскрыты большие памятники, а кантория Донателло освобождена от подмостей. Составили план, как вести высокого гостя по зданию. Я перед тем, по дороге [побывал] в Румянцевском музее, освободившись от «российских, иностранных и иных орденов»¹⁶ и позументов. Великий Князь через Голицына предупредил, чтобы встреча была самая простая и чтобы кроме архитектора и меня никто не беспокоился быть при этом. В 3¼ прибыли Его Высочество, Арсеньев, Голицын и молодой адъютант Великого Князя. Во время обхода Великий Князь много раз вспоминал Вас, а в Средневековом зале спросил меня, сколько Вы заплатили в Венеции за мозаики¹⁷. Я, конечно, должен был ответить незнанием. Вспоминал он Вас и на лестнице, и в Главном зале, интересуясь, какого рисунка и каких цветов будут мраморы пола. Замечания Великого Князя Р[оману] И[вановичу] относительно разных частей доказывают и вкус, и знания, и зоркий глаз, и много им виденного в Западной Европе. Мою мысль устроить в зале XV в. несколько капелл, наподобие Friedrichs Museum, он забраковал, как и базилику этого музея. «Не делайте из музейской залы церкви и не вводите церковь в музейскую залу» – было его советом, так как де все хорошо на своем месте. Отчет о том, что особенно интересовало в Музее Великого Князя, просили меня набросать из «Московских ведомостей». Я это сделал, дав покормиться этим репортеру. Завтра, 4-го числа, он должен там появиться. Если это будет, то приложу его здесь¹⁸.

Как здоровье Анны Степановны? Письмо это придет к Вам перед Светлым праздником. Тогда уже можно будет сказать: «Христос Воскресе!»

Где Вы – во Флоренции или в Риме – встретите Пасху?¹⁹

816. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 апреля

8 апреля 1908, Москва

Знаки особого внимания Государя к нашему Музею продолжают. Клейн был принят Его Величеством в Царском Селе вторично. Это возбудило вопросы придворных, которые посоветовали ему не очень уж утруждать Государя фотографиями и отклонили было расстановку привезенных Р[оманом] И[вановиче]м больших рисунков на рамах. Но Государь, узнавши, что в соседней комнате находится другое клейновское добро, отворил туда дверь и приказал принести все, что есть. А затем сам начал помогать Р[оману] И[вановичу] в расстановке рам у стульев.

Прежде чем рассматривать, Е[го] В[еличество] сказал, что он уже слышал отличный отзыв о работах и всем сделанном от Великого Князя Владимира Александровича. Статья «Московских ведомостей» об этом посещении уже читалась во дворце, о ней Р[оману] И[вановичу] говорил кн[язь] Оболенский, угощавший нашего архитектора обедом, после того как Государь высказал ему свои впечатления от объяснений Клейна. Государь рассмотрел и все фотографии альбома, заключавшего 40 таблиц, и все рисунки. Повторив свое обещание быть на открытии Музея, он принял мою Записку¹. Представляя ее, Р[оман] И[ванович] должен был доложить Е[го] В[еличеству], что я посылаю книжку не через министра народного просвещения ввиду праздников, когда приема министров не будет. Государь на это заметил: «Пусть Ц[ветаев] и впредь посылает все касающееся Музея прямо мне; формальности здесь не нужны. Поклонитесь ему от меня; я его помню: он ведь был с вами в 1-й раз, когда рассматривали мы планы, и потом он был с моделью в Кремле²». Отпуская Клейна, он благодарил его за вторичный проезд, выразил желание, чтобы периодически, по мере приближения к концу, знакомить его с ходом дел. Р[оман] И[ванович] сказал при этом, что Комитет будет счастлив через Вас делать доклады этого рода. Спросил Е[го] В[еличество] и о картине Васнецова. Р[оман] И[ванович] ответил, что художник занят подбором лиц, которые должны войти в композицию. Действительно, В[аснецов] пишет мне второе письмо по этому вопросу³. Теперь я извещу его об этом осведомлении Государя. Ныне через Е.Ф.Джунковскую⁴ я доставил экземпляр Записки Великой Княжне Марии Павловне и написал Джунковской просьбу – добыть обещание будущей шведской принцессы выслать нам гипсовые отливки некоторых скульптур из стокгольмского музея⁵.

Жаль, что принцесса Ирена⁶ не сдержала своего намерения быть у нас; можно было бы ее просить о ходатайстве перед Вильгельмом II о немецких

скульптурах для нашего Музея. А то мы платим Королевской Gipsabgüßerei* в Берлине, тратя последние гроши. Последнюю посылку денег за границу я сделал, заложив детские билеты ренты; за апрель Дмитриеву осталось 19 руб. вм[есто] следующих ему 25 р. жалованья. Совсем дошли мы до зела**... Будьте благополучны.

817. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 апреля

19 апреля 1908, Москва

Где Вы в настоящее время? Вызвало ли придворное Ваше звание Вас из-за границы в Петербург к свадьбе Великой Княжны Марии Павловны или Вы остаетесь в Италии? Каково здоровье Анны Степановны? Я здесь совсем одинок, так как Клейн давно уже в Германии. Хотел он поработать в музеях Берлина, Нюрнберга и Дрездена главным образом по вопросам отделки зал и расстановки предметов.

Москву и массу других селений и городов поразили ужасы наводнения! Я видел плачущего гимназического учителя, который ночью ворвавшейся водой лишен не только всего имущества, но и тетрадей, где у него годами был собираем материал для изготовлявшейся книги, которая принесла бы ему средства в старости. Он и его две взрослые дочери едва выскочили в лодку, доvezшую их до сухого места. В три часа за полночь они разошлись, без денег, в разные стороны, девицы – в две знакомых семьи, он же в меблированные комнаты. Через два дня он нашел в своей квартире развалившиеся печи, глину и грязь, когда пожарные выкачали воду. Это – одна картинка разрушения благосостояния семьи. А сколько горя в других местах! Как учесть все потери? Каждый уцелевший от беды должен помогать, чем может. Под впечатлением виденного мне в ночь на 2-й день Пасхи не спалось, и в эти часы у меня созрело решение помочь родителям в заботах о детях, обучающихся в школах, низших и средних. Во множестве домов унесло даже книги и тетради учеников. А тут надо готовиться к экзаменам, когда не просохнут даже и квартиры.

Недавно по поводу моей последней книжки о Музее получено было, по поручению Велик[ой] Кн[язны] Марии Павловны написанное, любезное письмо от гофмейстерини Е.Ф. Джунковской². Я надумался изложить положение дел Великой Княжне и просить ее ходатайствовать перед Государем об освобождении низших и средних школ всех городов и селений, пострадавших от наводнения, на этот год от экзаменов с зачетом для оканчиваю-

* гипсолитовой мастерской (нем.).

** до крайности (уст., разг.).

щих и подлежащих переводу в следующие классы годичных баллов, назначив экзамены осенью только особенно слабым ученикам и ученицам. Чтобы Великая Княжна могла пойти к Государю с чем-нибудь определенным, я приложил переписанную ремингтоном³ памятную Записку, составив ее глухо, без обращения, безыменно, с одной сущностью дела, как написана была недавно Записка Его Величеству по вопросу о статуе Александра III для нашего Музея. Другое письмо о том же послал на имя Велик[ой] Кн[ягини] Елисаветы Феодоровны, через ген[ерала] Степанова, как к Великой Княжне через посредство Джунковской. В письме к последней я выразил уверенность, что Его Величество не откажет своей кузине-невесте, как не отказывают в просьбах невестам и в простых семьях. Просьба была принята, очевидно, благосклонно, потому что Джунковская вчера же, в самый день прибытия моих пакетов в Царское Село, прислала мне следующую депешу: «Пакеты передала. Великая Княжна будет просить. Джунковская»⁴. Надобно думать, что телеграмма послана так спешно не без согласия Великой Кн[ягини], получившей однородное мое письмо. Если ожидание сбудется, то подарок Августейшей Невесты школьникам будет большой, большое нравственное облегчение будет и родителям.

Чтобы не показаться действовавшим некорректно, я написал Шварцу⁵, предупредив его на случай, если бы последовало какое-либо движение этого дела. Написать просьбу внимательным ко мне членам Царской семьи я счел возможным, а давать совет министру я не имею права; но сообщить заблаговременно о сделанном шаге я почел долгом⁶.

Будем ждать на этих днях последствий ходатайства Великой Княжны-невесты. Не последует ли решение Государя в день ее свадьбы, т.е. завтра?⁷ Здесь я не буду говорить об этом. Памятная Записка для Государя была переписана не на машинке музея, а на стороне, где не объявлял я своего имени.

818. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 мая

10 мая 1908, Москва

Мы все поджидали Вашего благополучного возвращения из-за границы; но от Вас нет вестей по-прежнему: благополучно ли все у Вас?

Как здоровье Анны Степановны и Ваше?

Прежде можно было получить известия от дорогой для Музея памяти С.И.Щегляева¹, где Вы и что с Вами на чужбине; но до сношений с нынешним управляющим Вашей конторы, по его канцелярской некультурности, Р[оман] И[ванови]ч не охотник. А в эту весну Клейн прервал с ним всякие сношения, когда тот наотрез отказал ему в обычной 1000 руб. на хозяйственные

нужды конторы, напр[имер] на оплату дворников и прислуги, на поденщиков и пр. Казенное пособие еще не рассматривалось в Государственной Думе, и когда оно придет, сказать трудно. На 1907 год оно пришло в январе текущего года и, конечно, в кратчайший срок употреблено на уплату долгов. Теперь контора 5-й месяц сидит опять без малейших средств. Жалованье прислуге и дворникам платят Клейн и Рерберг из своих денег².

Мне необходимо для расстановки починить гипсы, пришедшие после Вашей поездки в Грецию³. Греки деньги брать молодцы, но работать умеют плохо, не идя ни в какое сравнение с другими народами, и послать свои оплаченные работы хорошенько не в силах. Их транспорт слепков пришел в разрушенном состоянии. Необходима их радикальная и тщательная починка.

В Историческом музее освободился формовщик Московский; его мне очень тепло рекомендовал кн[язь] Н.С.Щербатов как отличного специалиста⁴. Я уговорился с ним за плату: ему 2 р. 50 к. и двум его мастерам по 2 руб. в день, таким образом за 6 р. 50 к. всем. И формовщик, и его рабочие – люди бедные. Им надобно платить; другого исхода не было как принять это мне на себя. Иначе работы не двигались бы и время уходило бы бесцельно. Разборка и починка гипсов требуют аккуратности; они могут производиться лишь немногим числом рабочих.

Гладков в расстановке больших вещей оплачивается из суммы, отпущенной на прошлый год и записанной на его имя в кредиторский список.

Установлены на места обе кантории, двери Гиберти, оканчивается установка конной статуи Коллеоне. Перейдем затем к продолжению работ по установке кафедры раб[оты] Бенедетто да Майано в церкви S. Гроссе во Флоренции и к большим дела Роббиа в зале XV в.

Помогите нам, пожалуйста, – распоряжением в контору выдать 1000 руб. на хозяйственные надобности [и] на расстановку предметов. Клейн терпит от своего нового дома, а у Рерберга дела также не блестящи. Содержание дворников их обоих тяготит. Другие работы тянутся потихоньку. Скоро будут делать из terrazzo последний пол. Недели через 3 можно будет вымыть все полы. Последний потолок окончен – и зал Праксителя будет готов скоро. Приходит очередь малярных работ.

819. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 мая

11 мая 1908, Москва

Вчера, идя из Румянцевского музея на стройку, я у дома Долгоруких¹ встретил офицера, который тщетно ходил около ворот нашего заднего за-

бора, отыскивая вход на наш задний дворик. Оказалось, что это Ваш племянник, кн[язь] Енгальчев². В конторе он спросил меня и Клейна. По субботам Клейн и Рерберг уезжают на дачу, в конторе был я один. Мы познакомились и сейчас же отправились на осмотр Музея. Размеры зал поразили гостя, который никак себе не мог представить, чтобы мы превзошли размерами многие из западноевропейских музеев. А Греческий и Христианский дворики привели его в решительный восторг. Поразила его, конечно, и лестница. Он хотел писать Вам о своих впечатлениях.

От него я узнал, что Ваше пребывание в Риме не было благополучно, что Анна Степановна там заболела, причинив Вам тем большое беспокойство. Утешительно было то, что болезнь миновала и что Вы телеграфировали ему уже из Флоренции. Из его же слов стало известно, что к 20 мая Вы будете в Петербурге. Слава Богу, там Вы найдете обычные условия жизни и будете покойны. Лишь бы не оставяло здоровье.

Я Вам писал о Записке относительно экзаменов для учеников, пострадавших от наводнения. По этому поводу получил я 2 депеши от имени Вел[икой] Кн[язьни] Марии Павловны и письмо от секретаря Велик[ой] Кн[язьни] Елисаветы Феодоровны³ – с извещением, что Записка представлена Государю. Из позднейших распоряжений по нашему министерству и по ведомству Императрицы Марии видно, что Его Величество приказал освободить потерпевших от экзаменов переводных и окончательных, приняв в расчет годовые отметки. Лишь слабые должны будут подвергнуться экзамену после каникул.

Но что же делают из этой меры Царского милосердия чиновники! Министерство телеграфировало эту меру попечителям округов, этим указывая на ее спешность. Но здесь только через 6 – 7 дней пришел циркуляр в гимназии, в том числе и в 1-ю, во дворе которой находится квартира и канцелярия попечителя⁴. Когда же придут эти циркуляры в отдаленные школы? При этом предписывается произвести исследования, кто лишился крова при наводнении и... донести в округ, откуда, не ранее Святка, впоследствии разрешение на освобождение от майских испытаний. Народные школы подчинены в том же милосердии губернским дирекциям. Из живого дела, свидетельствующего о лучших свойствах сердца Великих Княгинь, взявшихся за этот вопрос нравственной помощи несчастным, и Государя, устроили розыск, исполняемый со всей неподвижностью канцелярских чиновников и со всем умом канцелярской ограниченности. Нужно бы телеграфом разослать волю Государя и отдать исполнение начальству училищ. К чему эта китайская переписка? В этом виде Царское милосердие пропало для страны.

820. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 мая

17 мая 1908, Москва

Ныне я представил нашу Записку о течении дел за последние три года Великой Княгине. Ее Высочество удержала меня для более продолжительной беседы о делах Музея. На днях должна приехать сюда ее старшая сестра, Виктория¹, о которой мне говорила Е.Ф.Джунковская как об особе очень ученой, проводящей время в книгах и лично занимающейся обучением детей. Она сама приготовила, даже по-гречески и по-латыни, своего сына² в гимназию. Эту любовь к книгам она передала и дочери своей Алисе³, вышедшей замуж в Афины за королевича Андрея⁴. На этой неделе я принимал ее в Румянцевском музее, и все мы были удивлены тем ее особенным интересом к старопечатным книгам, латинским и греческим, немецким и польским, XV и XVI вв., которого я не встречал никогда в дамах за 26 лет моей службы в музее. Не довольствуясь витринами, принцесса Алиса начала ходить около книжных полок и вынимать книги, которые постарее и попыльнее. Так вынула одну – и это оказалась русская книга о Японии 1773 года. Ни мы, ни руководители нашей несчастной войны этой книги не читали... Оказалось из ответа принцессы на мой вопрос, что она ходит в Афинах по букинистам и выискивает там старые книги: «Иногда роешься, роешься там в произведениях новой печати и не всегда найдешь и одну интересную старинную книгу». В этнографическое отделение она приходила два раза; два раза была в Строгановском училище. Удивительно интересная молодая особа (23 лет; она мать двух дочек). Мать ее Виктория Баттенбергская, уже слышавшая от Великой Княгини о новом Музее, заявила заранее желание быть у нас, – и Великая Княгиня мне ныне сообщила, что и она приедет вместе с нею. Она спрашивала о Вас и где Вы. Я мог сообщить, что Вы озабочены были в Риме болезнью Анны Степановны и что скоро должны быть в Петербурге.

В разговоре коснулись мы размещения и приобретения немецких скульптур, отливаемых в Берлине, в *Königliche Gipsabgüßerei*, и [едва я] сообщил ей о пристрастии Императора Вильгельма дарить скульптуры американцам, как Ее Высочество мне сказала: «Вы не покупайте их; доставьте мне список вещей, желательных для Музея, я попрошу принцессу Ирену и моего брата⁵, который очень дружен с Императором, – и Император Вильгельм с удовольствием пришлет их; напечатайте небольшое арагси* Музея⁶, и хорошо было бы доставить Императору несколько фотографий с работ Музея».

* обозрение, беглый обзор (*фр.*).

Далее Великая Княгиня выразила желание передать все художественное достояние Великого Князя двум музеям: предметы западноевропейского искусства нашему Музею⁷, русские живописные портреты Государю для Русского музея Александра III. Теперь составляется, по ее поручению, каталог вещей, которые Великая Княгиня обещала прислать мне. «Великий Князь желал из своих вещей (я слышал, что многие к нему перешли от Императрицы Марии Александровны⁸) сделать отдельный музей и передать его для общего пользования. Я хочу теперь передать скульптуры и картины вашему Музею. Здешние вещи будут в одной комнате в нашем дворце, там их можно будет видеть и отобрать». Вот сколько новостей наскочило на Вас. 3 июня В[еликая] К[нягиня] уезжает на 6 недель в Гапсаль⁹, а потом – в Крым. У Великого Князя были танагры, прекрасные копии итальянских мастеров Возрождения, были и оригиналы той же эпохи. Эти картины можно будет развесить вместе со скульптурами той же эпохи. Наши залы расцветятся. Эти пятна среди гипсов будут красивы.

821. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

25 мая 1908, Москва

Посылая Вам вырезку сообщения «Москов[ских] ведом[остей]»¹ о вчерашнем посещении Виктории, принцессы Баттенбергской с дочерьми² и зятем, греческим королевичем Андреем, спешу сообщить, что и старшая сестра Великой Княгини держит себя очень просто: никаких у ней *grands airs** нет и в самой слабой степени. Не зная ее высокого положения, можно бы ее принять за образованную даму среднего немецкого круга. Одета она была более чем просто, а когда представлялся случай, она смеялась громко и искренно. Чего не видала из предметов итальянского искусства, спрашивала объяснений, не стесняясь. Образование, которым она занималась, по отзывам из придворных кругов, с особенным усердием, сказалось в оценке сделанного в Музее и в том большом интересе, с каким она рассматривала и предметы и помещения, внимательно вникая в названия и назначение последних. Серьезно осмотревши здание, она сказала: «Главное уже сделано, вы подходите к концу; какое это было для Музея счастье иметь такого покровителя, как Нечаев-Мальцов, о котором мне говорила сестра, что он не только помогает средствами, но и сам живо интересуется искусством». Когда мы вошли в Средневековый зал, она в один миг узнала мозаики ц[еркви] Св.Марка и тут же рассказала, зачем они делались в Венеции, и что Вы

* вельможных замашек (*фр.*).

их приобрели и привезли в Москву для Музея. Все это она также слышала от Великой Княгини.

Греческая чета интересовалась особенно Греческим двориком с его афинскими памятниками архитектуры. Королевич спрыгнул прямо к подножию угла Парфенона и вошел в самые колонны, чтобы показать принцессе Алисе, прислонившись к одной из них, как высок ствол и пр. Имея очень длинные ноги, он не захотел возвращаться нижней лесенкой, а прямо одним прыжком очутился между нами. Принцесса Алиса рассказала мне о реставрационных работах в портике кариатид после землетрясения¹. В Христианском дворике, увидевши статую Коллеоне, она со смехом сказала мужу: «Вот бы тебя посадить на этого коня; у тебя ноги такие длинные – ты сидел бы не хуже этого господина». После этого она спросила меня, кто был этот Коллеоне и чем он был известен. Кантории Донателло и Луки дела Роббиа встречены были ими всеми в первый раз; в Opera del Duomo* во Флоренции из них никто не был, а другой полный экземпляр одной первой существует лишь в дублинской копии. До последнего времени других копий архитектурной части этих памятников в Европе не было. Привлекла их особенное внимание кантория Донателло, прекрасно, на должной высоте, прикрепленная у нас к стене Христианского дворика. Захотелось им посмотреть, что лежит у нас в ящиках: мы показали им «Венчание Божией Матери», эту чудесную композицию Андреа дела Роббиа из монастыря Osservanza близ Сиены – в артистической у нас копии². После двух бесед принцессы Алисы я осенью попрошу ее прислать нам слепки с больших погребальных мраморных урн афинского музея³. Для нее сделает Каввадиа⁴ формы. Помните, эти вазы с длинными шеями очень красивы.

Как Вы здоровы?

822. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 мая

31 мая 1908, Москва

Видел я вчера на стройке Вашего племянника гр[афа] Л.Н.Игнатьева с молодой женой¹. Это – очень милая, приветливая и образованная особа. Она много путешествовала и, обладая отличной памятью, быстро определяет, где какой предмет находится. Возник у нас вопрос, напр[имер], о том, на какой высоте висит кафедра Бенедетто да Майано в ц. S. Croce во Флоренции – графиня совершенно верно определила ее положение, тогда как находившиеся здесь мужчины из бывавших там же насчет этого оказались не

* Музее Собора (ит.), букв. Строительном управлении Собора.

тверды. Ту же отчетливость представления она доказала и в своих римских воспоминаниях. Это – человек живой и не попусту ездивший за границу. Теперь Леонид Николаевич знакомится с родными жены здесь, а затем молодые уезжают на Волгу. Медовый месяц они провели в Тироле. Они нас порадовали известием, что здоровье Анны Степановны поправилось совершенно и что она сама писала им из Флоренции; по их соображениям, Вы оба на этих днях должны быть в Петербурге.

Когда отдохнете от продолжительного путешествия, приезжайте взглянуть на здешние работы. Они, правда, очень медленны и невидны, за израсходованием ассигнования этого года уже в прошлом году. Работают Аксеррио, Гладков и Лист. Первый недели через две должен окончить стены зала Праксителя, потолок его уже окончен, сейчас его чистят от лесов и мусора. Раз он будет готов, можно будет вымыть все полы, где нет ящиков со скульптурами, и таким образом очиститься от пыли, теперя очень нас одолевающей. Лист – Раттенок ведет пол в колоннаде лестницы. Гладков готовит капители и базы колонн, да пара его гипсовщиков занята расстановкой и сборкою предметов.

За Ваше отсутствие поставлены: статуя Коллеоне, кантории Донателло и Луки делла Роббиа, двери Гиберти, два пандана «Воскресение» и «Вознесение» Луки делла Роббиа и кафедра Бенедетто да Майано. Вчера вынули из ящиков и примерно собрали: Якопо делла Кверча – Иларио дель Карретто, – этот надгробный памятник мы поставим посредине зала XV в., как он стоит в соборе гор[ода] Лукки²; три запрестольных образа Андреа делла Роббиа из флорентинских церквей и из Osservanza близ Сиены³; вынули и определили место для статуи св. Георгия Донателло, для которой у нас есть и передняя часть ниши⁴. Целый угол у нас займут произведения Я[копо] делла Кверча с портала S.Petronio* в Болонье⁵. Дети мои живут одни в лесу⁶; я должен поехать к ним, поэтому я должен здесь на месяц набрать скульптур для сбора и установки. Все перечисленные памятники в отличном состоянии, соберет и поставит их даже и ученик формовщика. Надо поэтому, раз гладковские рабочие получают по 3 руб. в день, назначить им работу серьезную. Таковых пока две: II Того Farnese⁷ и два олимпийские фронтона храма Зевса⁸. Эту работу они и в месяц не окончат. Иду сейчас выбирать эти ящики из кладовых.

Приезжайте, Юрий Степанович, поскорее и привозите денег гораздо побольше. Мы, в Ваше отсутствие, тут задолжали банкирскому дому «Цветав без К^о». Дело в том, что афинские формовщики, которым Вы, в бытность

* Сан Петронио (*ит.*).

Вашу в Греции, поручили исполнение целого ряда вещей, сделали дело очень недобросовестно. Гипс поставили грязный и 2-го сорта; формовка их возбуждает смех даже в наших формовщиках. Это афинское издание хуже всего, что мы до сих пор получали из-за границы. Но печальнее всего невозможная упаковка тощенькой соломой. Оттого весь транспорт скульптур пришел в мелких кусках. Едва ли нашелся и один ящик целым. Я чуть не плакал, когда увидел это общее разрушение. Долго я откладывал дело склейки разбитого. Но пора эта пришла – и я нанял 3-х формовщиков, специальность которых – «фигуры» *par excellence**. Хозяин их⁹ мне рекомендован кн[язем] Н. С. Щербатовым, имевшим с ним большое дело в Историческом музее. Это – очень скромный молодой человек, пожелавший для себя 2 р. 50 к. в день и для двух своих рабочих по 2 р. на человека. Таким образом, они мне стоят 6 р. 50 к. в день. Платить им надо понедельно. Так как в конторской кассе давно стационарируют** мыши, то я отрезал июньские купоны с детских бумаг и из этого источника произвожу по особой книжке выдачу этой платы. Дело пока идет. №№ 12 они собрали, скрепили и склеили. Надобно будет принять и 4-го формовщика, рекомендованного ген[ералом] Глазовым¹⁰. Это – также молодой человек и опытный формовщик. Платы такой же невысокой. С ним лепил вместе сам Глазов какой-то барельеф.

Записку о Музее для германского Императора я окончил; ее переводит теперь один немец. Во вторник (3 числа) отдам в набор. Авось труд и издержки окупятся хорошим даром Его Величества. Я в это верую.

Передайте мою радость Анне Степановне по случаю ее выздоровления. До скорого свидания. Телеграфируйте, когда намерены быть. Дети боятся жить одни в лесу.

823. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 июня, Таруса

9 июня 1908, Таруса

На май пришлось столько срочной работы, надобно было так много писать по делам обоих музеев, что под конец возобновились мои головкружения; я пошел к моему доктору, который и посоветовал мне «бросить все» и скорее выезжать из Москвы. Указал он мне обливанья и по два стакана вод; из питания почти исключил мясо, назначив молоко, яйца и овощи в вареном виде. Купанье, оставленное мною года четыре, посоветовал уже не возобновлять, ограничиваясь обливаньем от 26 до 20°. Но до 6 числа было выехать нельзя.

* по преимуществу (*фр.*).

** квартируют (от *фр.* *stationner*).

Окончили установку нескольких дела Роббиа, перешли к Адаму Крафту и Вейту Штоссу в галерее Христианского дворика и начали разбор ящиков со скульптурами фронтонов храма Зевса в Олимпии. Последние две композиции очень сложны для нас потому, что гипсы приобретены были мною задолго до нашего общего дела. Тогда отливы готовились в двух местах; части, дошедшие в оригиналах, отливались в Берлине, археологические дополнения к ним – в Дрездене. Все это пришло в разрозненном виде – и нам самим придется соединять их гипсом. Теперь это делается все в Берлине, и оба фронтона высылаются оттуда целиком. Так как эти вещи очень крупные, упаковка берлинского ателье не оставляет желать ничего лучшего, то такой большой транспорт нас бы сейчас нисколько не затруднил. В одну неделю мы вынули бы оба фронтона из ящиков и расставили бы их на полу в том порядке, как он установлен наукой более прочно (варьянтов предложено было много)¹; но теперь не сделаем мы установки на место и в месяц. Тяжесть этих композиций большая, придется укреплять их на балочках основательной толщины. В Дрездене эти фронтонные группы заключены в деревянные рамы; но Р[оман] И[ванович], сначала собиравшийся сделать то же самое и у нас, теперь предлагает сделать из полотна фон треугольников, выкрасить его в темно-красный цвет и скаты их кровли написать на стене красками². Хорошо ли это будет? Такой искусственной декорацией не испортить бы серьезности дела. Какая нужна виртуозность декоратора, чтобы эти скаты оптически хотя несколько покрывали эту и крупную и сложную скульптуру! Нельзя при этом упускать из вида и сравнительной узости зала для таких фронтонов. На близком расстоянии декоративная роспись архитектурной части будет действовать неприятно. Я бы лучше спустил фронтоны до простой возможности пройти под ними в соседние помещения, чтобы иметь деревянные рамы равные дрезденским, чем прибегать к этой рискованной росписи. Или, может быть, практичнее укрепить лишь нижнюю полку фронтонного треугольника и на ней расставить соответственные изваяния, предоставив воссоздать форму рамы воображению посетителей? Есть реставрации этого храма в гравюрах, в красках, а передней и задней стены его даже и в гипсе. Прикрепленные в том же зале, эти воспроизведения облегчат работу представления целого. Опускание нижней полки до выше намеченной мною меры имеет, кроме эстетических неудобств, и тот минус, что под фронтонами, по обоим продольным стенам, ничего уже не поставишь, а без рамы скульптуры будут на такой высоте, что тут поместится целый ряд статуй³. Тут легко расставишь не только современные олимпийским фронтонам изваяния, но и Мирона и Поликлета, для

которых у нас нет места ни в этом зале, ни в следующем, назначенном для парфенонских скульптур⁴.

Идут работы и по исправлению Вашего финского дара. При множестве кусков, на которые разбит он, восстанавливается целое, по мере возможности. Когда будете в Музее, зайдите к этим реставраторам. Двое из них – мастера из Школы живописи, зодчества и ваения, другие два лишь рабочие. Работают они старательно, и плата им по 2 р. 50 к. и 2 р. 25 к. мастерам и по 2 р. в день рабочим; четверым, таким образом, 8 р.75 к.

Как Ваше и Анны Степановны здоровье?

824. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 июня

23 июня 1908, Москва

Краткую Записку о Музее для Вильгельма II напечатали сначала в «Moskauer Deutsche Zeitung»¹, и теперь набирается из этой статьи брошюра более ясным шрифтом. Если бы Император подарил нам желательные нам к открытию Музея слепки из своей Königliche Gipsabgüßerei и относящиеся частью к итальянскому Ренессансу, а главное к средневековому немецкому искусству, тогда значительные пробелы у нас были бы заполнены. Для дарителя, при существовании форм в его же учреждении, это стоит немного; но для Музея, когда пожар унес у него плоды 15-летних исканий и когда нечем оплатить дворников (их содержат Клейн и Рерберг), формовщиков и письмоводителя (Дмитриев последние месяцы служит даром), такой дар для нас был бы истинным благодеянием. Он заполнил бы Средневековый зал, пока еще пустой, и дал бы несколько видных №№ в других местах. Надо попробовать, попытка не убыток. На Комитет нет более надежды; на мои просьбы о помощи в уплате за предметы греческой архитектуры, которыми теперь восхищаются в нашем Греческом дворике не только простые и отечественные, но и царственные иностранные посетители, открыто говоря, что они видят их у нас впервые, и которые останутся во всей своей обаятельной силе и через много-много лет, не отозвался никто из лиц состоятельных; надо, однако, к открытию Музея достичь возможности не представлять пустых зал. Хоть немного, хоть главнейшие предметы в таких бедных залах надо же поставить *coûte que coûte**, хотя бы мне пришлось войти в долги, какие только поверят за границей.

Подумываю о попытке коллекты с наших почетных членов из Императорской фамилии. Ими у нас состоят В[еликие] К[нязья] Владимир и Павел

* во что бы то ни стало (*фр.*).

Александровичи, Константин Константинович, принцесса Ольденбургская Евгения Максимилиановна. Великая Княгиня Елисавета Федоровна, раз она передаст Музею часть художественного достояния Сергея Александровича, здесь в счет не идет. Конечно, коллекта должна быть не деньгами, а желательными предметами – из числа погибших в пожаре. Для этого, не плачась, конечно, на судьбу, надо составить маленькую Записку специально для них и приложить к ней список этих гипсов, с обозначением стоимости каждого из них вместе с упаковкою и доставкой. Последние обыкновенно стоят столько же, что и заготовление гипса, или несколько дороже, так что надбавка 120% здесь вполне достаточна. На каждого почетного члена придется не Бог знает что, а наша потеря в значительной степени восполнилась бы. Я уверен, что если В[еликие] К[нязья] ничего Музею до сих пор не дали, то только потому, что их никто не наводил на эту мысль. Деньги с каждого здесь, право, небольшие. Надо только взять тон Записки, достойный Музея, без тени ненужного низкопоклонства. Самим же В[еликим] К[нязьям] приятно будет, на праздник открытия Музея, сознавать, что и их капля тут меду есть. Мне труднее говорить с Константином Константиновичем, которого я видел лишь один раз в Академии наук; но с Владимиром Александровичем мне легко; я попрошу у него ту или другую группу гипсов прямо, например – статуй с фронтонов Парфенона, стоящих не более 4000 руб., для зала Великого Князя Сергея Александровича. Дар будет видный, большой, который займет всю серединную продольную линию зала². Принцессе Евгении Максимилиановне можно поднести для дара скульптуры Галикарнасского мавзолея³ или что-нибудь подобное, видное, большое, хотя и недорогое.

С Марии Павловны Шведской получим лучшие вещи стокгольмского музея, от принцессы Алисы Греческой некоторые интересные скульптуры Афинского музея, которых Kavnadia не отлил для Вас. Таковы мои мечты. Высокому чину придворного ведомства, как Вам, такие шаги затруднительны, а может быть, и прямо невозможны. А с профессора взятки гладки. Я так привык делиться с Вами всеми своими музейскими помыслами и вождениями, что не могу скрыть и этих мечтаний, которые попробую осуществить, была не была.

825. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 июля

2 июля 1908, Москва

Наше последнее свидание, меж разными делами, было такое короткое, что я не успел сообщить Вам обстоятельно о штате Музея. Мой приезд из

Тарусы пришелся как нельзя более кстати, потому что в первый же день по возвращении, вечером, пришел ко мне пакет на квартиру из Министерства народного просвещения с надписью: «Весьма срочное». Срочность видна была и из того, что он отправлен был из департамента прямо на Николаев[скую] ж. д.¹, а не в почтамт. В конверте оказалось письмо министра² с сообщением о том, что Министерство финансов согласно на введение штата с 1909 года, если окажутся удобоприемлемыми сделанные там сокращения испрашиваемых сумм. Испрашивалось нами, в последней редакции, 55 720 р. + 2500 р. на служительские квартиры. Мин[истерст]во финансов отсекло 5720 руб., согласившись на 50 000 руб.

Лично мне было жаль этой суммы, так как в Государственном контроле, который сокращал бюджет приблизительно на такую же цифру (сокращения делаются небольшими чиновниками, которые для этого сходятся вместе и за стаканом чая хозяйничают с представлениями местных нужд всей России; это изделие столоначальников проходит без изменений весь бюрократический путь через начальника отделения, вице-директора и директора департамента вплоть до министра), мне этой зимой удалось отстоять ее, после чего это учреждение отписало в наше министерство свое на нее согласие. И в Министерстве финансов директор Департамента Государственного казначейства согласился, год тому назад, на мои доводы и посоветовал «в нужное время» напомнить ему. После того это мин[истерст]во долго не занималось нашим штатом, ограничиваясь единовременными пособиями Музею. А когда в декабре, по моей просьбе, наше мин[истерст]во снова запросило его по этому поводу, то оно и тут не принималось за ответ целые $\frac{1}{2}$ года. Этого «нужного времени» я и не мог выследить; я уже полагал, что и на следующий год нам дадут также единовременное пособие, поэтому я и написал министру об исходатайствовании его в размере $\frac{3}{4}$ испрашиваемого штата. Мое письмо было послано 9 июня, а вышеизложенный отзыв мин[ист]ра финансов последовал от 7 числа. Поднимать сказку про белого бычка было уже поздно; пришлось согласиться тем скорее, что министр указал лишь два дня. Принимая во внимание близость введения штата, мною совсем не ожидавшуюся, я ответил согласием на сделанную урезку и переправил соответственные цифры в графах таблицы штата. Он вышел в 50 000 + 2500 р. Теперь ответ наш уже в министерстве и, вероятно, скоро поступит в Совет министров перед внесением в Государств[енную] Думу в осенней сессии.

Конечно, с разных сторон, уже не первый год, поступают просьбы о местах в новом Музее: охотников до казенных окладов так много. А профессор, выписанный нами мне на смену³, прямо мне заявил: «Я обманулся; ведь я думал, что квартира и оклад мне в Музее уже готовы». Я никак не ожидал,

чтобы отличный специалист по классической археологии был так неделекатен. Не обошедши даже всего здания, не заглянувши даже ни в один ящик, не оказавши ни йоты внимания и усердия к делу, он жалуется, что ему не приготовили в новом Музее квартиру и оклад. Это комик какой-то. Квартиру в неоконченном еще здании и оклад – да разве это богадельня со специальным жалованьем для ленивых и непонимающих своих обязанностей профессоров?

Наши обстоятельства таковы, что года два, т.е. все время до открытия Музея, не придется назначать чиновников и надо будет вести все расходы экономнее до последней физической возможности. На Музее долгов около 30 – 33 тысяч франков за границей и тысяч 12 руб. Кузницкому за доставку кладей. Вот куда пойдут казенные деньги. Для этого ни я, как заведующий Музеем, ни кто другой, кроме смотрителя здания, да, может быть, пары писарей, – никто не будет пользоваться казенным содержанием, пока нас к тому не принудят. Кто удобен будет для целей Музея, пусть год-другой поработает даром и поучится новому для него делу. Ведь еще ни одна душа к нему не готова.

Ныне установили место для «Фарнезского быка» в Пергамском зале. В зале XV в. наклеивают дальнейшие картины, – виды Сиены, Орвиетского собора, Флоренции и Рима⁴. Гробницу епископа Federighi из Фьезоле, раб[оты] Луки дела Роббиа, уже прикрепили к стене⁵.

Будьте добры передать мой низкий поклон Анне Степановне.

Умер от нефрита единственный сын Захарьина. Боятся за старушку-мать. Я ныне видел ее, она имеет вид совсем подавленной. Три последние года она разъезжала с больным сыном между Каиром и Москвой, от когда-то полной женщины остался только остов.

826. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 июля

9 июля 1908, Таруса

Суматошливая жизнь в Москве с ее переездами в последние дни в имение Захарьиных¹, неправильное ли питание (раз в жаркий день я увлекся окрошкой со льдом), только не могу я наладить свое здоровье по приезде в Тарусу. Завтра Вы будете в Москве, – как бы я хотел быть в Новодевичьем вместе с Вами и вместе помолиться на могиле незабвенной Софьи Степановны², постоянной в течение многих лет радетельницы нужд и пользы Музея!

Тем живее припоминаю я ее добрейшее сердце теперь, когда Музей подходит к своей цели, делаясь с Нового года уже государственным учреждением, которое не умрет иначе, как вместе с Россией.

Как бы она порадовалась этому событию, живя с нами в это знаменательное время!

Получив Вашу депешу³, я спросил д[окто]ра Добротворского, не поехать ли мне; но он настоятельно сказал мне, чтобы я держался более постели и дал организму покой. О бюджете я отписал Вам в Петербург. Последние дни в Москве я провел для годовщины по Марье Александровне и для Захарьиных. Покойный был благотворителем Музея, внесши в его кассу 6500 руб. Я возложил на его гроб скромный венок из металлических незабудок с надписью: «Сер[гею] Гр[игорьевичу] З[ахарьин]у // Своему благотворителю Музей Императора Александра III». Старушка-мать была тронута этим знаком памяти; венок повесили в каменной часовне над фамильным склепом.

Старушка-мать высказывала мне свое горе, что сыну не пришлось жениться и оставить потомства. Род Захарьиных с ним угас. Состояние, в главном, переходит к сыновьям m-me Навроцкой, рожд. Захарьиной⁴. Зять – гвардейский полковник, человек, говорят в своей же семье, пустой и антипатичный хвостун. Такова судьба состояния, которое с усердием, достойным лучшей доли, собирал Григорий Антонович всю жизнь.

Как здоровье Анны Степановны? Будьте здоровы – и будем работать. Думаю списаться с Бругшем в Каире о повторении погибшего Вашего дара⁵. Для Египетского, 1-го в плане, зала у нас нет ничего...

827. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 июля

19 июля 1908, Москва

Ныне я заехал в «Славянский базар» и, зная, как не нужны и трудны разговоры в минуты острого семейного горя¹, ограничился разносом карточек и новых книжек² всей Вашей семье. Был я у Дмитрия Степановича, гр[афини] Софьи Сергеевны³ и оставил карточку и брошюру у Э.П.Демидова⁴.

У молодых Игнатъевых был на Пречистенке, но не застал их; они где-то у Хотькова монастыря⁵, откуда завтра уезжают прямо в Круподерницу⁶. Графиня Елена Ивановна – моя бывшая слушательница на Высших женских курсах, поэтому я направил к ней обе книжки. Она очень умная и деликатного нрава, резко отличающего ее от многих богатых москвичей и москвичек, перевиданных мною на протяжении 32 лет здешней жизни.

Узнал я о Вашей потере из «Москов[ских] вед[омостей]», за которыми пришел 16-го на тарусскую почту. Это было в 12 ч., а в 3 часа должен был проходить пароход, с ним я и перебрался к 6 час. на ст[анцию] Ока⁷.

Вчера и ныне разбирали ящики со скульптурами, чтобы определить вещи, требующие починки. На этой неделе формовщики окончат починку злополучного афинского транспорта слепков. Деньги греки с Вас взяли, разумеется, хорошие, а прислали лишь черепки. Я писал графине Инне Капнист* об этом, обосновавшей[ся] домом и виллой в Афинах и Фалероне⁹. Она навела справку, по которой выходит, что Каввадия относится к делам поручениям вообще небрежно и что наученные горьким опытом немцы ведут эти дела с частными скульпторами, которые и работают лучше и заботятся об упаковке. В моем представлении греки и неаполитанцы одинаковые поганцы. Хуже их изделий по части нашей нет ничего.

Понемножку готовят место под олимпийские фронтоны. Балочки вбиты и укреплены, по ним у одной стены сделаны сводики и уложен бетон. Остается прокрасить темно-синей краской фон тимпана, и, с конца этой недели, можно будет ставить западный фронтон храма Зевса на место. Недостает у него лишь центральной фигуры Аполлона и рядом с ним стоявшей статуи Фесея¹⁰. Их приготовят в Берлине. Двигается работа и по установке «Фарнезского быка». Ныне этого молодца подняли блоком с полу и поставили на свое место. Дня через 2 – 3 готово будет и все окружение. Останется только «смораживать» части.

Работа для починки слепков определилась, по крайней мере, на месяц; не менее, а то так и более проработают над собранными для установки фронтонами. Могу я уехать на 3 недели в Тарусу спокойно.

828. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 июля, Таруса

25 июля 1908, Таруса

В «Голосе Москвы» второй раз печатают, что Ваши хрустальные заводы не выработали к Нижегородской ярмарке предположенного количества товара, оттого спрос остается без удовлетворения и цены на хрусталь поднялись¹. Посылаю Вам вырезку из газеты. Вот видите, как Вы не правы, полагая, что классические археологи интересуются только тем, что происходило до Ромула, а всё остальное считают уже современным и не стоящим их ученого внимания.

Были ли Вы в Музее и видели ли там поставленного на место «Фарнезского быка»? Фишер пришел с аппаратом, чтобы снять эту группу; рабочие и Дмитриев воспользовались, чтобы увековечить здесь свои лики. На ближайшие 3 недели избрали мы установку олимпийских фронтонов.

Провели ли Вас в зал, где формовщики, починающие Ваши афинские гипсы, устроили себе мастерскую? Они уже исполнили большую часть этих

исправлений. Всё, чем я мог служить им, я заплатил. Больше детских купонов нет. Так как этот лом Ваш, то будьте милостивы передать в кассу конторы рублей 800 для покрытия Вашего долга и для окончания исправлений этого несчастного транспорта. В ближайшую же субботу платить формовщикам будет нечем.

Был у Захарьиных: как только снимут арест с описанного имущества и утвердятся наследницы в своих правах, надеюсь получить 5000 руб., числящиеся за m-те Подгорецкой. Тогда расплачусь с Парижем совсем и частицу пошлю в Неаполь. Просят остаток долга из Нюрнберга и Гильдесгейма. У Захарьиных будет денег много; прошу m-те Подгорецкую оставить легат в пользу Музея². Она сообщила мне, что смерть брата и новые средства заставляют ее написать духовное завещание. На правах приятеля дома прошу ее поставить 30 000 руб. из сотен тысяч, доставшихся ей одной, к тому же ко времени силы духовного завещания ей ведь и ненужных... Этот первенец Григория Антоновича крайне упрям; исполнит ли она просьбу, не знаю, но обещала «подумать». После разговора я написал ей письмо отнести к моей просьбе серьезно. Если покойная Марья Александровна оставила Музею 10 000 руб., то ведь состояние m-те Подгорецкой в 8 раз больше, при отсутствии детей.

Будьте здоровы. Здесь полили дожди, когда надо начинать жнитво.

829. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 августа

15 августа 1908, Таруса

По мере движения в деле расстановки предметов озабочивает меня бедность наших скульптурных коллекций для целого ряда исторических зал. Даст Бог жизни и сил, в 910 году, одновременно с открытием памятника Александра III в Москве, придется открыть и наш Музей. В остающиеся месяцы этого года, в течение следующего и в первую половину 910 года окончены будут малярные работы, навесят двери, поставят по местам решетки и перила, разобьют будущим летом сквер, появится мебель, дорогая только в Библиотеке, Читальне и Антикварию, где необходимы прочные и красивые шкафы и витрины. Эта часть – Р[омана] И[ванови]ча, она на очереди, говорить станет сама за себя и, в свою пору, благодаря Вашей щедрости, все поспеет к открытию. В деле устройства здания все так тесно, так органически вяжется с другим, что, сделавши одно, не остановишься перед другим.

Не то с коллекциями, для которых и здание воздвигается и создается для них такая чудная обстановка – с массой простора и света. Здесь колоссаль-

ную, командующую роль играет и играла случайность. Есть, правда, историческая система в программе; задачей поставлено собрать, к открытию Музея, только главное, только существенное, без чего нельзя понять эпохи и нельзя открывать залы. Но это только идея, желание, мечта. После злополучного пожара образовались в этой исторической последовательности такие огромные бреши, что и не придумаешь, как их заполнить при настоящих условиях, когда Комитет, в сущности, умер, когда его более нет или потому, что действительно многие, прежде столь щедрые, члены умерли, или потому, что другие более нисколько не интересуются Музеем со времени потери Великого Князя. На Комитет в денежном отношении нет более никаких надежд, даже самых слабых. Нет – у меня по крайней мере – никаких надежд и на вступление в Комитет новых состоятельных членов. На нем приходится поставить ×.

А между тем коллекции необходимы, хотя бы в главном, ко дню открытия Музея. Государь подтвердил Клейну этой весной обещание быть с царницей на открытии. С Государем будет вся Царская фамилия, дипломатический корпус, все высшие чины, представители науки и искусств, какие соберутся на открытие памятника Александру III в Москве, как это было при закладке Музея. Придут эти высокие и редкие гости не для пустых зал, каких, после пожара, является у нас целая масса: Египетский, 1-й от входа, Ассирийский, 2-й от входа, Греческой архаики, 3-й от входа, несколько важнейших зал классической поры Греции. Приобретения главного предстоят в Каире и почти во всех столицах Европы. Нужно для изготовления гипсов время, на это уйдут все остающиеся нам 2 года, нужны деньги, тысяч 20 – 25 руб. к тем, которые надеюсь я сэкономить, не определяя никого на службу в Музей вплоть до открытия, за исключением смотрителя, одного помощника мне и письмоводителя.

Неизбежны своевременные заказы.

830. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 августа

21 августа 1908, Москва

Желая быть завтра в Новодевичьем монастыре¹, я приехал минувшей ночью. Уже в Тарусе я получил частное письмо², что представление о 30 000 руб., предназначенных нашему Музею на текущий год, Государственной Думой еще не рассматривалось и что рассмотрение последует в ближайшем будущем. А здесь прочел и официальное письмо от директора департамента³, что представление сделано своевременно, но что Закона, одобренного Госуд[арственной] Думой и Государ[ственным] Советом и утвержденного Государем,

еще нет и т. д. Вопрос весь в том, что «представление еще не рассматривалось Думой», как определенно пишет Дмитриевский, заведующий учеными учреждениями.

Это известие повергло меня в большое горе, потому что нужно около 15 000 руб. уплатить долгов и обеспечить ближайшее содержание Музея. 4500 руб. мы давно должны на отопление. Поставщик⁴ обил ноги, ходивши за деньгами и теперь, поставленный в фальшивое положение перед Горнозаводским обществом на Дону⁵, он не берется продолжать поставку угля этой осенью. Ныне в Музее он чуть не плакал, т[ак] к[ак] давно уверял Об[щест]во, что Музей «со дня на день» ждет денег из Петербурга. Сторожа давно содержатся Р[оманом] И[вановиче]м и Рербергом. Как тут быть? Ныне я говорил с Рербергом, который того мнения, что до Нового года не получить нам 30 000 руб. и что без 15 000 руб. нельзя существовать до того времени. Время наступает для контрактов на топливо, а добросовестнейший поставщик каменного угля Ситников, без уплаты ему 4½ тыс. руб., взять подряда не в состоянии. Р[оман] И[ванович] и я будем просить Вас ссудить Музей 15 000 руб., которые мы уплатим, как только получится разрешение 30 000 руб. Чтобы не фигурировало в документах имя Ваше, ссуда могла бы, может быть, [быть] произведена Кельиным от конторы.

Подумайте, Юрий Степанович, как помочь горю. Ситникова, напрасно ждущего с января, я ныне видел в истинно жалостном положении. Это – человек, по отзыву Р[омана] И[вановича] и Рерберга, не актер.

Как Ваше здоровье?

831. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 августа

26 августа 1908, Москва

Неожиданное обстоятельство, что 30 000 руб., стоящие в смете Министерства народного просвещения на 1908 г. как единовременное пособие нашему Музею под рубрикой «условных кредитов», еще не были предметом обсуждения в Государственной Думе, когда мы полагали, что весь бюджет нашего министерства прошел все законодательные инстанции, поставило нас в невыносимое положение. Расходы на содержание здания и на прислугу производились ведь с 1 января в надежде на эту сумму и в долг. Кредиторы терпели, пока хватило сил; но, с моим возвращением, они меня одолевают. Поставщик топлива, обслуживающий Музей во вторую половину зимы и теснимый теперь своими доверителями на Дону, ходит к нам каждый день и умоляет об уплате ему 4½ тысяч рублей, суммы, которой с него требуют за посланный ему для Музея уголь. Дворников и другую прислугу

Р[оман] И[ванови]ч содержать на свой счет далее отказывается, за неимением лишних средств. С конца сентября надобно начинать отапливать Музей; везде запасаются углем и нефтью. Мы сейчас бессильны что-нибудь предпринять для этого, не уплативши долга за прошлую зиму. А между тем штукатурные и лепные работы требуют тепла. В прошлом октябре, из-за упрямства чиновника Государственного контроля, не пожелавшего подписать условия с Ситниковым из-за $\frac{1}{2}$ коп. в пуде, Музей на месяц остался без топлива и за это время погубил дивный искусственный белый мрамор на всех стенах Центрального зала. Белые, как снег, и блестявшие стены залы через месяц пожелтели и потускнели и стали до невозможности грязны. Пропала работа многих месяцев, пропал материал. В этом нетерпимом виде стены остаются до сих пор, ожидая общей переделки заново. Р[оман] И[ванови]ч ныне находился в таком угнетенном настроении в силу невозможности создавшегося положения, что я счел необходимым снова просить Вашего внимания и помощи. Медлить с топливом нельзя. 30 000 руб. в декабре или январе придут же; но нам теперь нечем помочь горю. Мы ссуду возвратим, не медля и одного дня, как только это пособие придет. Я писал и министру, но оттуда нет ответа, да и что он скажет, когда этот «условный кредит» печатной сметы мин[истерст]ва (я сам на днях читал его там) почему-то не рассматривался до сих пор Думой? А какие ничтожные суммы, 2, 3 тыс. руб. по разным учреждениям прошли, и о них печаталось на всю Россию!

Помогите, Юрий Степанович, нам в этом затруднении, приказавши конторе ссудить нас 15 000 руб. до получения нашего пособия. Это развяжет нам руки.

Эти дни я провел в Музее и видел почти полное отсутствие работ там. Лишь мои формовщики на Ваши 800 руб. (за эту милость приношу Вам низкий-низкий поклон) починают разбитые вещи, да под Центральным залом бетонируют пол. Других работ не производится, оттого в здании пустынно. Я не знаю, почему Аксерио прекратил свои работы в Римском зале, который стоит недоделанным больше года, не возобновляет стен и в Центральном зале. Все это потребует времени. А его, если открытие Музея отнести на лето или начало осени 1910 г. (вместе с открытием памятника Александра III), уже немного, когда вспомнить, что предстоят малярные и живописные работы, предстоят двери и мебель, предстоят разбивка 2-х скверов и устройство ограды и тротуара на Волхонке.

Я спрашивал Р[омана] И[ванови]ча, почему не работает Лист. Он ответил, что нет нужных сортов мрамора. А никакие другие работы не движутся, потому что ежемесячные 10 000 руб. идут на уплату долгов. В распоряжении

Р[омана] И[ванови]ча нет ни копейки. Сейчас в здании полный штиль. По-сылает лепщиков лишь Гладков; они убирают потолки заднего, запасного зала¹.

832. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 августа

30 августа 1908, Москва

Не зная, что делать с уплатою 4500 руб. Ситникову за топливо, нами издержанного с 1 января, и как содержать музейскую прислугу, я обратился в министерство за ссудою 15 000 руб. под 30 000 руб., которые Музей должен получить на текущий год. Платить Ситникову неизбежно и для того, чтобы получить топливо на конец сентября. Вместе с тем я спросил, каким образом, при утверждении сметы Мин[истерст]ва нар[одного] просвещения, наши 30 000 руб. остались неразрешенными. Вот ответ заведующего учеными учреждениями, в том числе и нашим Музеем, Дмитревского на эти оба вопроса¹. 15 000 руб. ссудить министерству нам неоткуда, оказать никакой помощи нельзя, а 30 000 руб. остались в Думе неразрешенными вместе с другими «условными» кредитами по всем ведомствам мин[истерст]ва. При так сложившихся тяжелых обстоятельствах я не знаю, что делать. Р[оман] И[ванови]ч был у Вас, чтобы выяснить Вам всю безысходность положения и доложить, что он и Рерберг содержать дворников, а с началом топки и кочегаров, не в силах. Вам нельзя было принять его; вечером того же дня после Вы выехали. Этим он очень опечален и отказывается обсуждать положение. Он говорил о созыве Комитета и докладе ему безысходности момента. Все запасаются топливом, а мы, при долге, сделать этого не можем, не говоря о мучениях Ситникова, который возбуждает истинную жалость, с наступлением срока уплаты на Дону.

Я не нахожу иного средства, как бить Вам челом о ссуде 15 000 руб., которые, по словам Клейна, необходимы в эту осень.

Приношу Вам сердечную признательность за 800 руб. С лепщиками я расплатился; один из них на радостях так загулял, что был Московским прогнан с работ и не является до сих пор. Будьте благополучны.

Хотел я поговорить по телефону с министром о 15 000 руб. ссуды, но он, по слабости уха, избегает телефона². Вызвать меня в Петербург у мин[истерст]ва денег нет, да, главное, оно не может ничем помочь. Вот его письмо³... Не знаем с Клейном, что делать. Время запасаться топливом.

833. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 сентября

3 сентября 1908, Москва

Понятие о счастье весьма относительно. Что для одного – явление, не вызывающее никакого душевного движения, то самое для другого служит причиной самых возвышенных и глубоких чувств. В эти дни меня сделала истинным счастливецем А.Г.Подгорецкая (Захарьина), уплативши долг Музею в 5000 руб., которые числились за нею. Заграничные долги меня стыдили тем сильнее, что я не видел источника для покрытия их хотя бы частью. Просил в разных местах, никто не хотел помочь. Теперь я совсем разделался с Ecole des Beaux Arts в Париже, пославши туда 7000 фр[анков] с чем-то, разделался с кредитором в Нюрнберге, получивши от него в последнее время превосходный слепок с верхней части надгробного памятника германского императора Генриха II из собора в Бамберге раб[оты] Шенгауера¹ и теперь уплативши ему 1700 мар[ок]. Остаток, составивший 3000 фр., послал в Неаполь за бронзы, как часть остающегося долга, который авось покрою в течение этой зимы частью из 30 000 руб., частью из штатной суммы 1909 года. Этим окончатся мои долги за границей и откроется возможность делать новые заказы. В Берлине, по уплате прежних долгов, я уже заказал сгоревшие 3 статуи олимпийских фронтонов, 2 превосходные ассирийские большие рельефа² и один цветной бюст из эпохи итальянского Ренессанса. Он с 1899 г. увлекал меня³; формы с него нет, я снесся с Боден⁴, и он, отказавши в формовке других 5-ти цветных бюстов за их ветхостью, один – разрешил. Это превосходный портрет Lorenzo Magnifico⁵.

Немцы очень скромны в ценах: 30 марок сделать новый слепок и 20 марок за точную раскраску по оригиналу. Я просил сделать тон несколько светлее, так как краски сделаются темнее сами собой. А то, если подогнать тон совершенно точный современному состоянию подлинника, то после наша копия совсем почернеет. Время само наложит свою печать.

Разобрался я в горельефах Пергамского алтаря⁶. Ныне расчертили стены, где они будут размещаться. Приходится выкладывать цоколь под них и сделать кусочек лестницы. Выходит красиво. В этом же зале, если не в Римском, поставим Hercules'a Фарнезе⁷.

834. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 сентября

13 сентября 1908, Москва

Вопрос о ближайшем заседании Академии художеств разъясняется. Вчера я получил обычное приглашение на 22 число т[екущего] м[есяца].

Выеду в субботу. Только бы, приехавши с воли, не схватить холеры и не погибнуть от нее во цвете лет.

Вчера мы ставили готическое окружение ниши для статуи Вашего патрона¹, раб[оты] Донателло, в зале XV в. и разложили материал к постановке одного большого запрестольного образа раб[оты] Якопо дела Кверча². В Пергамском зале приступили к утверждению балочек для рельефов Пергамского алтаря, давно уже разложенных на полу соседнего зала. С приготовлением к постановке олимпийских фронтонов всё еще копаются. Эта работа идет почему-то крайне медленно. Да и вообще работы движутся этот год черепашим шагом. Если Р[оман] И[ванови]ч их не подгонит, нам не окончить Музей к лету 1910 года, времени открытия памятника Александру III. А это было бы очень грустно. Уходят годы, уменьшаются силы, а из членов-основателей Комитета как немного уже осталось в живых. Идет очередь за нами. Как бы хотелось увидеть дело оконченным и открытым для общего пользования.

С будущего строительного года, в нашем Музее совпадающего с началом гражданского года, Вы намерены были разрешить малярные работы. Здесь, конечно, долго займут потолки. Для ускорения можно было бы не расколоровывать все, а только по одному образцу из однородных: египетский, ассирийский, 1 дорический, 1 ионический, римский, Средних веков и 2 эпохи итальянского Возрождения. Остальные, как повторение, могли бы окончиться и позднее.

Нивинскому, чтобы начать эту работу, нужно пока 1000 руб. Нельзя ли ему теперь помочь, чтобы он приступил к этой медленно исполняемой задаче?

Наступает пора систематического восполнения сгоревших вещей. Из Лондона, Рима, Берлина пишут о необходимости начать это дело теперь, чтобы работать потихоньку и исполнить заказы к первой половине 1910 года. В Петербурге побываю в Государственной Думе и попрошу ускорить рассмотрение наших дел о 30 000 руб. и о штате.

835. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 сентября

15 сентября 1908, Москва

В субботу были в Музее барон де Бай и m[onsieu]r Don de Serian с женою, рожд. княжной Долгорукой¹. Эта чета много путешествовала, как и барон де Бай. Оставались они в Музее долго, обошли его весь, вникали в подробности. По размерам, по материалам, по характеру отделки они признали его одним из первых в Европе. Музея для тождественных целей нет и в ма-

лом похожего во Франции. Ваше имя и участие в этом деле им хорошо известно из беседы с гр. Шереметевым; они произносят Вашу фамилию, для французов, весьма отчетливо. Размеры зал и компоновка Двориков обратили их особенное внимание.

Но, как и следовало ожидать, отдав должное редкому, в практике других западноевропейских музеев этого рода, подбору памятников итальянской пластики в зале XV в., налюбовавшись вдоволь произведениями Jacopo della Quercia, Della Robbia'ми, Ghiberti, Donatello, они не удержались от удивления тому, что картины Степанова «Венеция» и «Вилла д'Эсте» получили место в Музее... «Это невозможные вещи, им места здесь не должно быть, они портят зал...» – говорили оба француза; не нашла ничьего одобрения и картина Флоренции. Я помню хорошо момент, когда Вы увидели степановские картины в 1-й раз на их теперешнем месте: Вы и минуты не смотрели на них, а быстро отвернулись... Бедного Жуковского, взявшего этот зал на себя, обманула излишняя доверчивость. Деньги он взял хорошие; но, по доброте, он раздал их Бог знает кому². Я уже недели две назад написал ему об общем разочаровании этими тремя картинами и просил его самого написать пока Флоренцию... Работает он очень медленно, но художник он хороший. Его «Рим» у нас – интересная вещь. Не знаю, как он поступит в настоящем, досадном для него, казусе; но я бы на его месте написал три картины, заменив непонятную мне «Виллу д'Эсте» совсем другим сюжетом. Считаться ему со Степановым как художником не следует, щепетильность товарищеская здесь неуместна; он может прямо сослаться на Комитет – он-де забраковал, и баста³.

Ныне у меня первая лекция на Высших женских курсах в Политехническом музее⁴.

836. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 сентября

21 сентября 1908, Москва

Неопределенное положение Шварца, созданное последними оргиями университетского брожения, внушило мне мысль отложить поездку в Петербург на месяц.

Левые газеты ежедневно печатают слухи о близкой отставке мин[ист]ра нар[одного] просв[ещения]; верно это или нет, месяц времени выяснит. Шварц, говорят, уже прекратил обычные министерские приемы; в такое тревожное для него время его и не увидишь. Поглощенный университетскими делами, он и не может сейчас быть внимательным к нашим нуждам. Что мини[стерств]о само, личными средствами, помочь Музею в деле отопления

бессильно, Шварц уже писал. Личные переговоры дела тут не изменят. Дать официальное заверение, что мин[истерст]во окажет нам помощь из остаточных сумм текущего года, определяющихся к выдаче лишь в феврале, он также не может при теперешнем положении. Прежде доклад Государю развязывал министру руки, а как это делается в экстренных случаях, я не знаю. Шварц указывал мне снестись с членом бюджетной комиссии Государствен[ной] Думы профессором Капустиным¹ и просить его поскорее рассмотреть кредит о 30 000 руб. Я написал ему два письма и 1 председателю этой комиссии проф[ессору] Алексеенко². Послал им, чтобы задобрить их, и по немецкой брошюре о Музее.

Что, однако, делать с топливом? Я лично верю, что 30 000 руб. мы получим, хотя, благодаря нынешней волоките, и не ранее февраля или даже марта. Но уплатить долг будет чем. Одолжите Вы Музею сначала 5000 руб., потом в ноябре другие 5000 руб. на дальнейшее количество топлива и на неизбежные расходы по содержанию музейской прислуги. Р[оман] И[ванови]ч говорил вчера мне, что у него мерилизовской заработок истощился и платить жалованье сторожам он более не в состоянии. Он скрывал, что он ссужал до сих пор Музей всем, что мог дать, и потому он считает за конторой 1500 руб.

Я раньше просил 15 000 руб. этой ссуды, думая расплатиться с Гладковым за работы по расстановке предметов. Но он, зная наше безвыходное положение, подождет до начальных месяцев будущего года. Но топливо, но прислуга...

Отдайте распоряжение Вашей конторе об этих двух выдачах по 5000 руб. – до марта. Окажите эту милость. Будьте здоровы в Вашем нездоровом городе.

837. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 сентября

22 сентября 1908, Москва

Неоднократно мы говорили о Вашем бюсте и портрете. Но эти разговоры не приводили к исполнению просьбы. То обстоятельство, что Вы, благодаря Бога, теперь чувствуете себя лучше прежнего – и это благосостояние организма отражается и на Вашем лице, – дает мне повод еще и еще просить Вас не пожалеть средств на приглашение лучшего скульптора и портретиста. Это Вы сделаете раз в жизни, эти изображения поступят с течением времени в Музей; там они будут храниться и в такие времена, когда от ныне живущего поколения останется лишь могильная пыль. Надо же сделать их, пока есть силы, пока недуги не наложили печать беспо-

воротного разрушения на организм, на внешний вид. Необходимо помочь Музею иметь Ваше возможно изящное и возможно верное *imago**. Он, само собою разумеется, в будущем раздобудет Ваш бюст, сделавши его по фотографиям; но это, конечно, не будет верным изображением. Такие бюсты обыкновенно безжизненны и всегда слабы. А если мы полагаем все, доступные в нашем положении, усилия к тому, чтобы получить возможно верные копии предметов, наполняющие наш Музей, то как же не искать счастья воспользоваться Вашим, теперь лучше прежнего, физическим состоянием к получению хорошего бюста и первостепенного портрета? Не пожалейте ни денег для выбора художников, ни времени для исполнения ими этой задачи¹.

В зале XV в. для св. Георгия раб[оты] Донателло нишу окончили и завтра станут ставить статую в окончательном виде. Завтра и послезавтра ее скрепят, или «заморозят». Теперь мы заняты обрамлением двери, раб[оты] Бенедетто да Майано, из Palazzo Vecchio во Флоренции². В тамошней, очень высокой, зале del Gigli** она мне показалась сравнительно маленькой, а у нас верх этого обрамления подходит под самый карниз. Приспосабливаем его к двери, ведущей в зал XVI ст[олетия]. Оригинал был вызолочен, может быть, тронем темным матовым золотом этот превосходный слепок и мы. Орнаментация здесь чудесна. Пергамские горельефы понемножку протягиваются по стене.

Ставят дубовую дверь на крыльце заднего фасада³. Поставим ее, чтобы посмотреть и показать Вам, а затем до лета 910 года она будет храниться внутри. Это крыльцо ходовое, дверь ведет в контору; незачем ее трепать раньше времени. Два года прослужит и теперешняя, сколоченная из простых досок.

838. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 сентября

28 сентября 1908, Москва

В полном ходу идет расстановка скульптур Пергамского зала. Часть горельефов алтаря Зевса заняла уже целую продольную стену, левую от входа с главной лестницы. Другие части переносим на заднюю стену и на заднюю часть правой стены.

Для скульптур иных памятников того же города заготавливается и архитектурное окружение. Художественно исполненная балюстрада верхнего

* изображение (*mat.*).

** Палаццо Веккьо... Лилий (*ит.*).

яруса одной галереи обещает быть очень эффектной. Ионические колонны этой галереи, сохранившиеся в нижних своих частях, числом 4, отольет нам Гладков по имеющимся точным рисункам¹. Тогда балюстрадные плиты с их скульптурными изображениями получат смысл и ясность для посетителей.

Медленнее двигаются каменные работы. Мраморного пола в Главном зале Лист еще не начинал, плиты пока в вестибюле привезены в отделке для образца. Недоволен Р[оман] И[ванови]ч и Аксерио, уполномоченный которого присылает слишком мало рабочих. Сам он уехал в Будапешт.

Двери понемножку готовятся; поставили пока косяки и притолоку двери заднего фасада и сейчас же закрыли их тесинами против порчи от дурной погоды. Настилается пол в зале под Главным залом, это – последний из плиточных полов. Когда полы из terrazzo начали трескаться на первых же годах, задолго до открытия Музея, внимательно изучили вопрос о метлахских плитках. Ими застлали невидные помещения: куда было бы надежнее совсем не вносить terrazzo в Музей! Если теперь можно было исправить трещины, пользуясь итальянцами, то после эти поправки, при казенных ремонтах, обратятся в пачкотню, которая погубит и рисунок полов и будет распространять пыль. В свое время Строительная комиссия не отнеслась с должным вниманием к стоимости метлахских плит и напрасно предпочла terrazzo, которое оказалось в одинаковой стоимости с плитками позднейших доставок.

В Университете и на Высших жен[ских] курсах опять забастовка, имеющая целью что-то и кому-то показать. Истинное наше несчастье в этих демонстрациях своеволия неучением. Страна – бедна, нуждается в знании всякого рода, и так – который же год! В других государствах, более богатых, молодежь учится, а мы... бастуем, служа посмешищем для иностранцев.

Не нужно ли бы Вам ответить собственноручно гр[афу] С.Д.Шереметеву на его письмо о присяж[ном] повер[енном] Григ[ории] Ал[ександ]ровиче Рязском?² Как специалист по русской археографии он в нашем Музее не найдет приложения своих познаний. Искусство наше только иностранное.

839. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 октября

3 октября 1908, Москва

Вы слышали, что г. Голенищев, человек богатый, истративший сотни тысяч на свой египетский музей, разорился на каких-то акциях и потому решил продать свое сокровище, над составлением которого он работал целую жизнь¹.

Боязнь, чтобы это сокровище не ушло в Британский музей, уже узнавший о продаже, заставила петербургских историков и филологов поднять хлопоты в газетах, в обществе и в правительственных сферах². Мне говорили, что был доклад об этом и Государю. Мин[истерст]во нар[одного] просвещения, ознакомившись с этою коллекцией, сделало представление о приобретении этого музея в казну – для помещения его в Эрмитаж или в Академию наук или в Музей изящных искусств Александра III в Москве. Теперь мне написали из мин[истерст]ва об этом и советуют принять меры к направлению этого приобретения к нам³. Спрашивают, найдется ли у нас для этого место... Стоимость голенищевского собрания определили в прошлом году в 400 – 500 тысяч руб. Голенищев собирал свои дивные предметы на месте много лет, не щадя никаких средств.

Это – такая коллекция, что и не верится в возможность получения ее нами. Впрочем, чего же робеть? Лишь бы Дума не отклонила это приобретение, а то мы бы употребили все средства склонить милость Государя к нашему Музею. Посмотрите, Юрий Степанович, это собрание каким-нибудь способом. И когда пройдет вопрос в Думе, попросите через мин[ист]ра Двора аудиенцию для себя и для меня у Государя, чтобы просить Его Величество об этой милости. Эрмитаж до того переполнен всяким добром, что там греческие клады лежат в темных кладовых; в Академии наук совсем нет места: потому-то мне еще прошлой зимой писал Кондаков хлопотать о направлении этого собрания к нам⁴.

А какое бы это было чудное начало для нашего Музея!

В бюджетную комиссию Думы я написал о 30 000 руб. Будьте добры сделать распоряжение в контору о выдаче 5000 руб. за уголь. В январе мы Вам ссуду возвратим.

840. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 октября

7 октября 1908, Москва

Получил я из Министерства народ[ного] просвещения одобрение написать некоторым членам Госуд[арственной] Думы о деле направления голенищевского собрания египетских древностей в наш Музей в случае решения приобрести ее в казну. При этом мне сообщили¹, что докладчик бюджетной комиссии по делам народного просвещения, проф[ессор] Капустин, уже был в департаменте нашего министерства для справок о характере голенищевского собрания и там произвел впечатление, что дело приобретения его в бюджетной комиссии проходит благополучно. Тем временем я написал письма и послал немецкую брошюру о Музее бывш[им]

профессорам Капустину, Алексеенко, Анрепу², С[о]зонов[ич]у³, а равно здешним депутатам Шубинскому⁴ и Маклакову⁵. Давно будучи знаком с Д.А.Хомяковым, написал и ему просьбу рекомендовать наше дело своему брату, председателю Думы⁶. Через графиню П.С.Уварову можно будет подействовать на ее сына⁷, одного из видных деятелей партии октябристов⁸. Впрочем, я могу написать ему и прямо, как бывшему слушателю. Это – единственный из детей графини, который прошел Московский университет до конца.

Лишь бы только Дума решила покупку, восставать ей против направления коллекции к нам у нее нет оснований. А в следующей инстанции дело наше пройдет еще глаже. У Вас есть, наверное, немало лиц близких между членами Государственного Совета, которые, будучи предупреждены Вами, нам помогут. В соизволении Государя, при содействии Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, сомнение невозможно. Если бы оказалось нужным, замолвит слово перед Государем и Великий Князь Владимир.

Нет ли у Вас знакомых между членами Думы? Что до меня, то остается один Гучков, также бывший слушатель и жилец доходного дома Румянцевского музея⁹. Напишу и ему. Если бы каждый из получивших письма отнесся благожелательно, то успех в Думе при решении покупки был бы для нас обеспечен. Коллекция включает в себе 4000 предметов¹⁰. Надобно думать, что они у Голенищева содержатся в порядке и имеют соответственную мебель, которая должна будет пойти вместе с коллекцией¹¹. Из мин[истерст]ва мне пишут, что объем ее требует или одного большого зала или двух комнат средней величины. Все это было бы удобоприемлемо, если бы только предположили* коллекцию нашему Музею. Будем ждать, достанется ли нам это счастье.

В Музее прилаживают косяки внешних дверей, делают полы в колоннаде главной лестницы, в вестибюле и в помещении под Большим залом. Продолжается оштукатурка зала Праксителя, на долю которого пришлось последняя очередь. Здесь по проекту ставятся 4 декоративные колонны коринфского стиля, несколько пилястр и 4 полуколонны очень своеобразного соединения в пары. Особая конструкция этого зала обусловила медлительность отделки этого помещения. Но через 3 недели и эта работа будет окончена.

Тогда, с окончанием пола и колоннады, придется вымыть все полы и поочиститься от строительной грязи. Мечтали это сделать еще в июне, но действительность медлительнее мечтаний.

* Предполагать – *зд.* определять, устраивать предварительно, на будущее время (В.И.Даль).

Расстановка ограничивается пока только Пергамским залом. Тяжелые и массивные горельефы требуют большой осторожности и многих соображений, поэтому, при ограниченности числа умелых и надежных формовщиков, работа двигается черепашьям шагом. Раньше 3-х недель и отсюда мы не выберемся. Олимпийские фронтоны всё еще на полу, хотя места для них давно готовы. Р[оман] И[ванови]ч как-то ослабел, не двигает ни этой работы, ни отделки Римского зала. Завел он там одну колонну, начал пилястры – и вот уже более 1½ лет ни с места. Разочаровался он, что ли, в конструкции, другая ли тут какая причина, только Римский зал у него в давнем застое, без ясной для меня причины. Задумал он, при прямых балках всех музейских потолков, для Римского зала устроить сводчатый потолок, и свод вышел мелкий, для Рима нехарактерный, и эффект высоты зала пропал. Именно этот зал, требующий импозантности размеров, вышел какой-то сводчатой палаткой, которая оказалась ниже соседних помещений¹².

Другую неделю я побеждаю упорство бастующих слушательниц Высш[их] жен[ских] курсов. Забастовщицы не только не слушают профессоров, но и срывают гамом врывающейся толпы в аудиторию всякие попытки лекторов. Из филологов одному мне удастся пересиливать этот крик протестанток. Сказавши, что я не покину кафедры, пока не пройдут мои 2 часа, я достигал того, что, истощивши весь запас убеждений, забастовщицы удаляются вон, – и лекции мои проходят благополучно лишь у одного. Объясняю это тем, что девицы прощают это упорство моей старости. Остальные профессора почти все молодые. Оттого они и берут там верх.

841. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 октября

14 октября 1908, Москва

Поездка к Захарьиным в имение была причиной того, что я только ныне ответил Вам на Вашу вчерашнюю депешу¹. А.Г.Подгоревская сделала новый дар Музею, согласившись уплатить 1580 франков за один дивный запрестольный образ Луки дела Роббиа, только что снятый гипсом и расколерованный в монастыре Vergna близ Флоренции², и за большой бюст Niccolo da Uzzano раб[оты] Донателло³, расписанный по оригиналу в музее Bargello* специалистом. Эти два предмета исполнены с совершенством выше всякой похвалы. Они будут украшением и без того очень богатого зала. Хорошего бюста Niccolo da Uzzano мне давно так хотелось. Он да изготавливаемый под руководством Боде расписной бюст Lorenzo Medici в Берлине

* Барджелло (*ит.*).

будут заглавными №№ в большом числе флорентийской знати XV века, представленной изваяниями этого рода в нашем Музее.

Запрестольный образ L'Adorazione della Virgine* – одно из наиболее прославляемых произведений Луки; я заказал его, не имея сил отделаться от очарования, заказал на авось, – и вот Александра Григорьевна помогла в такое время, когда я, только что получивши от нее 5000 руб., давших возможность нам совсем освободиться от долгов парижской Ecole des Beaux Arts, мог надеяться на это всего менее.

У нас дела роббиевских retables** целых четыре, и одно из них лучше другого. Два из них расписаны совершенно артистически. Они у нас занимают небольшую часть длинной стены. Такого изобилия della Robbia, к тому же раскрашенных, не представит ни один музей, однородный с нашим. Уже кого посетители не забудут, так это Луку и Андреа дела Роббиа, о которых в Москве лица, не бывавшие во Флоренции, и представления не имеют.

Вчера Романов прислал мне из Пистойи⁴ образцы раскраски имеющих у нас сцен знаменитого фриза в тамошнем Ospedale del Cerro. Наши сцены отлиты и расписаны в Париже по существующим в Ecole des Beaux Arts образцам. Мне представлялась эта раскраска фальшивой по существу. В воспоминаниях она стояла у меня в нескольких ярких тонах разноцветной глазури. И романовские копии вполне подтвердили мои сомнения. Парижская раскраска – бессовестная мистификация, нимало не отвечающая действительности. Придется переделать эмалевыми красками всю ленту этого фриза, прикрепленную к стене Христианского дворика⁵.

В Петербург двинуться я не могу раньше 24 числа вечером. В Музее холод, рабочие жалуются. Ситников все ходит за уплатой ему долга в 4500 руб. за уголь прошлого сезона. Без этих денег ему не дают нового угля в донецких копиях.

По делу приобретения и направления к нам египетской коллекции Голенищева нужно содействие лидера правых умеренных Балашева⁶: как подойти к нему?

842. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 октября

19 октября 1908, Москва

Из Министерства народного просвещения мне прислали печатную копию представления в Государственную Думу о коллекции Голенищева. Это –

* Поклонение Богородицы Младенцу (*ит.*).

** алтарных картин (*фр.*).

цельный трактат о ее значении в научном отношении, подробный перечень ее предметов и настоятельная просьба о приобретении ее в казну во избежание ухода ее из России. Пока предварительно указаны Эрмитаж, Академия наук и Музей изящных искусств Императора Александра III в Москве как места для хранения этого собрания, смотря по тому, где окажутся наиболее удобные для того залы.

На этих днях я списался с вице-президентом Академии наук насчет того же предмета, желая знать, как там думают на случай покупки коллекций. Ответ таков, что пока Академия считает в высокой степени важным приобретение рукописей и папирусов для ее Азиатского музея и ее библиотеки¹. На такой дележ нашему Музею следовало бы согласиться с низким поклоном². Этот материал составляет лишь крошечную часть собрания. Для нас, конечно, важнее все остальные предметы египетского искусства и культа. Пока я не знаю намерений Эрмитажа. Его помещения переполнены донельзя; но администрация, конечно, не откажется от возможности обогатить свои собрания и при таком, неповторяемом, случае. В Петербурге довести желания до Государя легко, сделает директор Эрмитажа это заблаговременно и даже задолго до решения этого вопроса в Государствен[ной] Думе. Нашему Музею в этом отношении дремать не следует, чтобы не явиться с ходатайством к Государю поздно. Подумайте, Юрий Степанович, как это сделать. Для Эрмитажа такая коллекция – при его иных богатствах – только роскошь; и без этого приобретения он несет свою высоко просветительную миссию. Для нас же это было бы величайшим счастьем и высокою милостью Государя к открытию Музея. Коллекция оценена в 350 000 руб. Министр финансов согласился выплачивать по 24 000 руб. в год пожизненной ренты владельцу, предложившему, между прочим, и этот способ уплаты. Цена коллекции признана очень умеренной. К обсуждению вопроса привлекался берлинский профессор египтолог – Эрман³.

Кельин затребовал от Р[омана] И[ванови]ча полной цифры расходов, необходимых для окончания Музея. Музей не отапливается. Вчера Рерберг высчитал, что неизбежны 13 000 с чем-то руб. на уплаты по отоплению и прислуги до 1 января.

В Петербург надеюсь быть 25-го утром. Мне обещали устроить возможность посмотреть музей Голенищева, который в 11 ч. всегда дома и любезно показывает свои собрания. В вышеназванную цену входит и вся мебель. Радуюсь скорому свиданию с Вами.

843. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 октября

21 октября 1908, Москва

По делам Музея я написал с конца лета профессору Капустину три письма и в двух из них настоятельно просил его как докладчика по бюджету Мин[истерст]ва народ[ного] просвещения двинуть в первых же заседаниях Государственной Думы ассигнование в 30 000 руб. на содержание нашего Музея. Целое письмо посвящено было вопросу о египетском собрании Голенищева и о направлении его, по решению приобретения в казну, к нам.

Не знаю, что будет с последним делом, но кредит в 30 000 руб. любезный Капустин провел в 1-м же своем докладе, по возобновлении сессии Думы, как это для меня ясно из сегодняшнего сообщения «Московских ведомостей» (№ 244) о заседании Думы 20 октября. Капустин сделал свой доклад о Музее Александра III непосредственно вслед за панихидой по Александре III в Думе, в день его кончины¹. Другой докладчик, Алексеев, после него доложил Думе об отпуске Историческому музею, также носящему имя Александра III, 10 000 руб. на приобретение древних памятников. Нашему Капустину комплимент его дипломатическим способностям, и пожелаю ему получить портфель министра иностранных дел. Итак, теперь дело о 30 000 руб. через Думу прошло, остается ему пройти через Государственный Совет и быть поднесенным Государю Императору. На это, конечно, потребуется время, а работать в неотопливаемом здании становится совсем нельзя. Будьте милостивы приказать Вашей конторе выдать Р[оману] И[ванови]чу 5000 руб. на немедленную уплату Ситникову, чтобы он получил кредит у Донецкого о[бщест]ва вновь на доставку угля. Музей, в лице Клейна и моем, ручается, что ссуда будет уплачена конторе Вашей немедленно по получении казенных денег, которые к декабрю уже должны придти. Если можно отпустить сейчас 7000 руб., то будут, хотя в малой степени, удовлетворены лица, производящие расстановку предметов, Гладков и Московский, которые работают даром; поплатимся с прислугой и писарем Дмитриевым. Мы кругом задолжали.

Мне написали из Петербурга, что Балашев – сын брата Вашего приятеля² и что содействие его в вопросе о египетской коллекции важно. Попросите себе в департаменте народ[ного] просвещения печатную копию министерского представления о египетском собрании Голенищева в Государственную Думу; там назван и наш Музей как возможное место для его хранения с покупкой его в государственную собственность. 24-го думаю выехать в Петербург.

844. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 ноября

7 ноября 1908, Москва

Порядочно-таки я устал в Петербурге. Не знаю, успел ли Великий Князь Владимир Александрович поговорить с Государем о направлении голенищевского собрания восточных древностей в наш Музей, когда оно будет приобретено в казну. Отпуская меня в Царском Селе, он сказал, что будет говорить за нас Его Величеству «не только с удовольствием, но и с (полным?)¹ убеждением». Великий Князь нарочно ездил к Голенищеву для ознакомления с его музеем и мне выразил сожаление, что судьба лишает ученого владельца такого сокровища. Последовавшая затем кончина брата должна была отвлечь его внимание в другую сторону. Известие об этой смерти должно было явиться для него неожиданным, так как в тот еще день, когда Вел[икого] Кн[язя] Алексея Александровича уже не было в живых², он имел художественное заседание в Петербурге, после чего Кондакова и некоторых других Великий Князь пригласил на завтрак в Новый клуб³. Телеграмма же из Парижа ожидала его в Царском Селе. Это мне передавал Кондаков.

Из членов Думы я говорил с Анрепом, Гучковым, Капустиным, Маклаковым, Созоновичем, был и у Алексеенко. Все обещали содействие и считали дело исполненным. Академия наук предметами не интересуется, а в Эрмитаже два течения: министр Двора и его товарищ отнеслись отрицательно⁴, администрации же, конечно, хочется получить и это собрание; для этого она готова очистить большой зал от греческих ваз в 1-м этаже. Я был там, – по обычаю темно, в особенности для массы мелких вещей, занимающих у Голенищева светлые места. На месте администрации и я, *soûte que soûte*, желал бы того же.

Перед отъездом в Петербург я написал письмо по этому делу Велик[ой] Кн[ягине] Елисавете Феодоровне, прося ее содействия. Не зная, возвратился ли я из Петербурга и уезжая сама в Петербург, вчера Ее Высочество поручила своему секретарю передать мне по телефону, что мое письмо ею было на другой же день переслано Императрице Александре Феодоровне с просьбою изложить дело Государю. Находясь в Царском, она теперь и сама займется им. Wenn nicht Alles mich betrügt*, при столь благоприятных предзнаменованиях, голенищевское собрание, раз оно будет в казну куплено, будет украшать первые залы, а раньше всего зал Вашего имени, в нашем Музее. Сердечно радуюсь, если это некогда сбудется.

* Если я не совсем обманываюсь (нем.).

И вот какая прекраснейшая мысль мне приходит сейчас по этому поводу. Когда Комитет поднес Вам Египетский зал для присвоения ему на вечные времена Вашего имени⁵, Вы меня после того спросили, во сколько оценена его стоимость. И когда я ответил, что стоит он 30 000 руб., Вы изволили высказать желание внести эту сумму. Ах, как бы я был несказанно счастлив, если бы Вы такое превосходное намерение начали осуществлять, хотя бы небольшими частями! Сколько бы прекрасных вещей накупил я на эти 30 000 руб. за границей! Имея такую сумму, я бы приобрел их на 60 000 руб. – и тогда урон в слепках, причиненный пожаром, весь пополнился бы, да были бы получены новые вещи заглавного значения. Все залы получили бы своих представителей – и ни одну залу мы не вынуждены были, при открытии Музея, представить пустою.

Это было бы для меня райски счастливым выходом. А заказывать вещи пора; делаются они очень медленно, требуя продолжительной просушки. Н.П.Кондаков заявил желание внести в наш Музей свою библиотеку⁶. Это было бы для нас особенно ценным даром, так как библиотека составлялась в течение 45 лет и имеет специально исторический характер. Одних фотографий значительного размера и в альбомах более 20 000. Для занятий историей искусства это – прямое сокровище. Одна 1/2 его книг находится в Ялте, за судьбу их он боится, и потому он готов передать ее нам раньше. Я говорил с ним и лично, и вчера написал ему особое письмо по этому поводу.

Когда Вы будете в Москве? Будьте здоровы.

845. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 ноября

10 ноября 1908, Москва

Сейчас мне прислали из Академии художеств расписание дел на 17 ноября. Как хорошо, что Вы должны были уехать от этого заседания! Оно бы расстроило Вас наверное тем страстным гамом, который подымут господа художники. Причиной разлада явится записка гр[афа] И.И.Толстого о причинах малоуспешности высшего художественного училища, указываемых им в явном нарушении нескольких существенных статей действующего устава Академии. Записка эта им представлена президенту Академии¹ и разделила профессоров на два лагеря. На сторону гр[афа] Толстого встал ректор Беклемишев². Крика теперь будет много. Слава Богу, что это дело не было поставлено на очередь в прошлое заседание. Не охотник я до препирательств и ссор, без которых в этом собрании не обойдётся.

Вчера получил письмо от министра народ[ного] просвещения³ с известием, что 6-го числа он докладывал Государю о голенищевском собрании –

107. Парадная лестница и ее колоннада

108. Центральный зал

109. Центральный зал.
Вид в сторону лестницы

110. Парадная лестница.
Вид от Центрального зала. В глубине – панно А.Я.Головина

111. Зал Олимпии с реконструкцией западного фронтона храма Зевса в Олимпии

112. Зал Олимпии с реконструкцией восточного фронтона храма Зевса в Олимпии

113. Зал Фидия, Парфенон. Общий вид.
В глубине – реконструкция статуи Афины Промехос

114. Зал Фидия, Парфенон. Часть зала с реконструкцией статуи Афины Промахос

115. Зал Фидия, Парфенон.
Часть зала с макетами Акрополя и Парфенона

116. Зал Фидия, Парфенон.
Внизу – слепки скульптур западного фронтона Парфенона

117. Зал Фидия, Парфенон.
Внизу – слепки скульптур восточного фронтона Парфенона

118. Зал греческой скульптуры V в. до н.э.
Слепки надгробия Дексилея, фриза храма Аполлона в Бассах и др.

119. Зал греческой скульптуры V в. до н.э. Слепки ватиканской Цереры,
Аполлона Барберини и др. В перспективе дверного проема – слепок Афины Велетри

120. Зал Праксителя.
В перспективе анфилады видны залы
Лисиппа и Ниобид

121. Буклет по залу Праксителя.
1912 г.

122. Зал Праксителя

123. Зал древнегреческих надгробий. Панно А.Я.Головина «Греческое кладбище».
Панно погибло в 1941 г. при бомбардировке

124. Зал древнегреческих надгробий.
Справа на первом плане слепок надгробия Гегесо

125. Буклет по залу Лисиппа. 1912 г.

126. Часть зала Лисиппа со слепком статуи Мавсола

127. Зал Лисиппа

128. Зал Ниобид

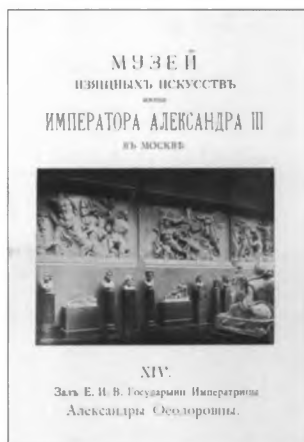
129. Зал Ниобид

130. Буклет по залу Венеры Милосской и Лаокоона.
1912 г.

131. Зал Венеры Милосской и Лаокоона

132. Буклет по Пергамскому залу.
1912 г.

133. Пергамский зал.
В глубине – слепок Ники Самофракийской

134. Пергамский зал.
Вид в сторону сленка «Фарнезского быка»

135. Римский зал.

На первом плане витрина с копиями Гильдесгеймского клада и слепки флорентийского Вепря и Юноны Соспиты; в глубине – уголок римского оружия

136. Римский зал

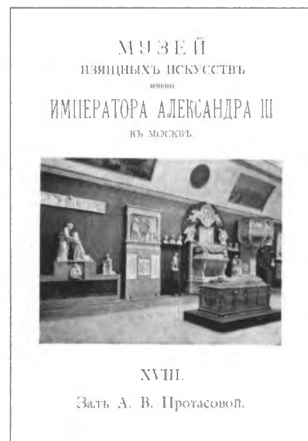
137. Римский зал. На первом плане так называемая Агриппина Младшая

138. Буклет по Средневековому залу.
1912 г.

139. Средневековый зал со слепками пизанской кафедры, гильдесгеймской купели, гильдесгеймской колонны и др.

140. Буклет по залу Итальянского Возрождения XV в.
1912 г.

141. Зал Итальянского Возрождения XV в.
Стена со слепками скульптур падуанского алтаря Донателло

142. Зал Итальянского Возрождения XV в.
В глубине – слепок «Райских дверей» Гиберти

143. Зал Итальянского Возрождения XV в.
В глубине – слепок кантории Луки дела Роббиа

144. Зал Италли XVI в.
Слева под распятием – подлинная скульптура Я.Сансовино

145. Зал Италии XVI в.

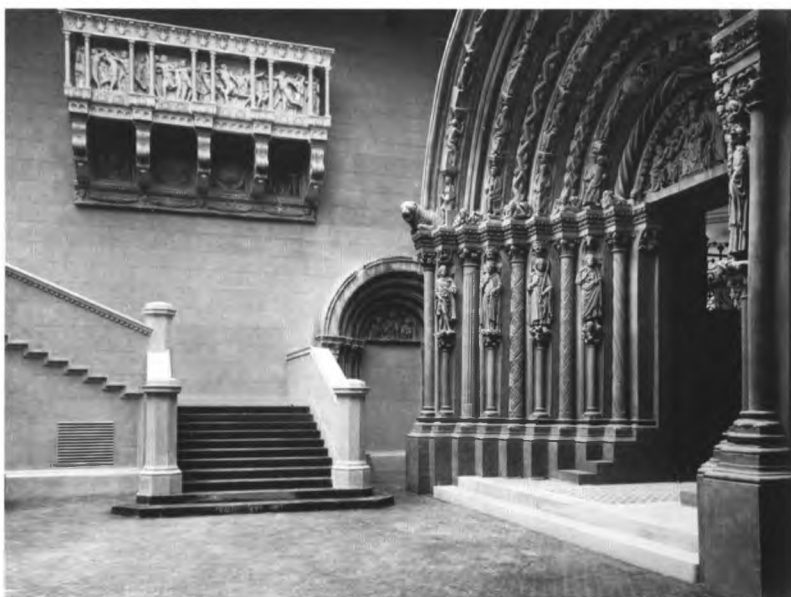

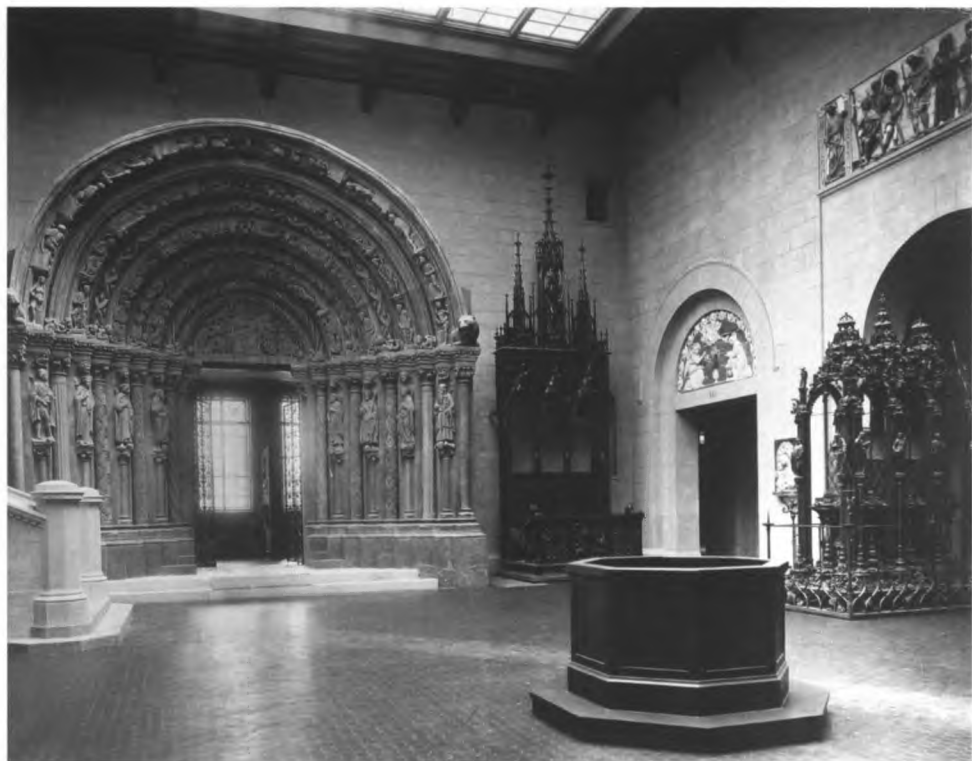
146. Христианский дворик со слепками конных статуй Гатгамелаты и Коллони

147. Слпок статуи Микеланджело «Давид»
в Христианском дворике.
С открытки 1912 г.

148. Христианский дворик со слепками
кантории Донателло и Фрейбергского портала

149. Христианский дворик со слепком епископского места из Ульма

150. Зал Северного Возрождения

151. Читальный зал с копиями античных фресок. *С открытки 1912 г.*

152. Библиотека

153. И.В.Цветаев, Ю.С.Нечаев-Мальцов и научный персонал Музея на ступенях здания. 1912 – 1913 гг.
Во втором ряду слева направо: В.К.Мальмберг, С.П.Киприянов, Н.А.Щербаков, А.В.Назаревский

154. Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.
Фото 1970-х гг.

и Его Величество соизволил на то, чтобы оно, по приобретении, направлено было в наш Музей. Щварц написал мне в тот же вечер об этом. Когда покупка Думою будет решена и дело пройдет через Государственный Совет и будет окончено, что будет иметь место в начале будущего года, может быть, было бы уместно испросить Вам аудиенцию у Государя для принесения благодарности за эту великую милость к созданию Вашей любви и щедрости, занявшему 11 лет Вашей жизни. В этом представлении и я принял бы участие с великой радостью. Государь ясно сказал министру, что в Эрмитаж эта коллекция не поступит, и тем навсегда положил конец стремлениям администрации – как-нибудь порасчистить залы 1-го этажа, чтобы залучить и голенищевские вещи.

Эта воля Государя ставит наш Музей восточным отделением рядом с таковыми же отделениями музеев берлинского, венского и Лувра, хотя бы и последним в славной фаланге египетских музеев Западной Европы. Уже одно обстоятельство, что государство передаст нам на вечное хранение свое дорогое достояние, является великою честью для юного учреждения. Так 46 лет назад император Александр II щедро одарил Московский Публичный музей, по переводе в Москву Румянцевского музея, пожаловавши ему картину Иванова, целую галерею Прянишникова и большую коллекцию картин иностранных школ из Эрмитажа¹. С тех пор московский музей встал на ноги. Голенищевское собрание своею ценностью убивает все наши гипсы, значение которых, впрочем, не в дешевом материале.

Мне ныне Р[оман] И[ванови]ч говорил о Вашем огорчении по поводу моего последнего письма. Неужели, Юрий Степанович, сказанное там о стоимости Египетского зала приняли Вы всерьез? Ведь это такая же мифология, как Ваше пожалование мне к Новому году разных российских, иностранных и иных орденов. Уже то, что Клейн ничего не знал о написанном, свидетельствует о шуточной его природе. Получивши 1½ миллиона, не говорят серьезно о сравнительно малом. Этого не позволяют ни такт, ни совесть. Простите, если я беспокоил Вас невольно.

846. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 ноября

12 ноября 1908, Москва

На днях, 6-го числа, состоялся 50-летний юбилей Д.И.Иловайского¹, состоялся он как-то вдруг. Уже в последние дни почитатели историка решили не слушать его отказа от великого чествования и спешно разослали кое-кому извещения. Я был в то время в Петербурге и, обуреваемый там египетскою заботою, не знал ничего об этой рассылке, хотя в центре этого

кружка и стоял мой младший брат Дмитрий, и потому в Петербурге не мог об этом сообщить Вам.

Уж в самый день «юбилея», от которого Д.И. «удрал в кусты», уехавши в свое лесное имение Звенигородского уезда², я составил приветствие, как нашему сочлену по Комитету, и уже в 5 часов послал его подписать ректору Университета Мануилову. Нисколько не сомневаясь, что он, согласно уставу Комитета, его подпишет «за председателя», я сказал курьеру, чтобы он затем снес в пустой тогда дом юбиляра. Каково же было мое удивление, когда Мануилов через курьера меня известили, что он приветствия г. Иловайскому не подпишет, так как он не согласен с его содержанием... Я просил его об этом, конечно, не как кадета, ораторствующего на Театральной площади с кафедры-бочки..., и до его антипатии к Иловайскому мне не было никакого дела, тем более, что у Д.И. с ним не было никаких личных отношений; ни в литературе, ни в обществе он никогда г. Мануилова не затронул ни единым словом. Откуда эта неуместно выразившаяся ненависть, я определить не в силах. Тогда я послал подписать бумагу «за председателя» Колесникову, ничего ему о Мануилове, конечно, не говоря. Тот подписал, и приветствие в 8 ч. вечера, еще до возвращения юбиляра, было снесено [к] Старому Пимену³.

Полагая, что Вы уже в дороге к Москве, я не успел вовремя известить Вас. Государь прислал поздравление, министр пишет⁴, что Танеев представит Его Величеству доклад о пожаловании юбиляра в тайные советники. Не найдете ли возможным завезти к Старому Пимену карточку или послать депешу? Телеграммой из деревни Д.И. участвовал в скромном празднике [18] августа 1907⁵.

Какое несчастье случилось с М.П.Боткиным! Кто это барон Врангель? Не автор ли иллюстрированного каталога музея Александра III в Петербурге?⁶ От Румянцевского и нашего музеев послано соболезнование бедному Михаилу Петровичу.

847. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 ноября

15 ноября 1908, Москва

Мы получили новый знак Государева благоволения к Музею. Ныне министр известил меня¹, что Государь повелел ему передать благодарность Его Величества за поднесенную ему на доклад брошюру: *Kaizer Alexander III Museum der Schönen Künste zu Moscau*.

На этом же докладе происходила речь о передаче нам голенищевского собрания.

Теперь все дело за Думой; если она не отклонит эту покупку, эта драгоценная коллекция будет наша. Когда это сбудется, надо будет снестись с кн[язем] Юсуповым, который Вам когда-то высказал желание «дать кое-что Музею» из их собраний. Голенищевское собрание вызовет меня в Петербург, в случае его покупки; тогда можно бы сделать визит князю и посмотреть, что княгиня и он решили бы поместить к нам. Присутствие оригиналов, как бы ни было мало число их, возвышает значение и окружающих копий. Каждый из них распространяет какую-то теплоту вокруг себя, вызывая в зрителях особое, приподнятое настроение. Нет ли чего у Юсуповых по античному миру или по итальянскому Ренессансу? У гр[афини] Уваровой есть несколько итальянских бюстов бронзовых и терракотовых из XV в.; попробую, в свое время, попросить их к открытию Музея².

Генерал-губернатор намерен быть в Музее вместе с съездом техников по бетону, цементу и пр., собравшихся здесь³. Прибытие их назначено на 17 число, в 1 ч. 25 м. Жаль, что гости придут в этом темном, совсем не музейском месяце. Ноябрь и декабрь – настоящие враги всяческих музеев. Наш Музей вообще светлый, он несравненно светлее и 1-го этажа Эрмитажа, и здешнего Исторического музея, но давеча, в 3-м часу, когда пришлось водить по залам здания одного старого немца, друга Трея⁴, который просил его побывать и посмотреть работы, было очень темно и грустно.

Пора красить стены, а то этот серый цвет штукатурки наводит также серое настроение.

Сезон этого года в строительном деле у нас оканчивается, как всегда, в ноябре. Очередная работа теперь выступает с окраскою стен. Начать бы с Египта, который потребуется, может быть, раньше всего, а за ним следует зал имени Великой Княгини⁵. Или, не зная, как пойдут у нас эти работы, не лучше ли начать пробу с какого-нибудь невидного зала, например, с помещения греческой архаики? Р[оману] И[ванови]чу надо подыскать хорошего специалиста маляра.

848. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 ноября

22 ноября 1908, Москва

Когда я был у Голенищева, он мне говорил, что, по решению вопроса о покупке его собрания, он будет просить о возможно скором приеме его от него ввиду продажи дома. Если этой коллекции суждено быть у нас, то нам надобно заблаговременно позаботиться о приведении соответственных двух зал (Египетского и Ассирийского) в должный вид раньше всего остального. Необходимы двери (2) из вестибюля и между ассирийской и греческой

архаикой, нужна и окраска стен. При свидании с Р[оманом] И[ванови]чем будьте добры сделать нужные указания. Конечно, в связи с этим необходима возможная изоляция этого помещения от всего остального. Надобно будет запирать вестибюль и с других сторон; таким образом, возникает вопрос о дверях в вестибюле из других помещений.

В свое время, после пожара, и по городу и в министерстве резко порицали Клейна за то, что не устроено было надежное ограждение скульптур [Музея], так легко подожженного, при оставленных открытыми здесь теплопроводах и отдушниках вентиляции и при отсутствии ночной стражи около здания.

Если голенищевское добро мы получим (а это будет к марту), то на нас ляжет и вся тяжесть ответственности за сохранность государственной собственности высокой денежной и научной цены.

Будет или, сверх всякой видимости, нет это собрание нашим, но заблаговременно заграждения названных зал и окраску стен, мне бы казалось, приготовить надобно. Затраты на две двери и на малярную работу не могут быть велики.

Пожалуйста, Юрий Степанович, сделайте Ваше распоряжение заранее ввиду черепашьей медленности московских подрядчиков. Вы разрешили и мраморный пол в Главном зале, и бронзу, и несколько дверей еще в прошлом году, а не сделано ничего... Так пойдет и с этими нарочито нужными дверями и окраской. Какие цвета дать стенам Египетского и Ассирийского зал? Каково Ваше мнение? Вы, Поленов и Клейн видели египетские окраски в натуре. Мне только сдается, что эти залы должны быть светлыми. Не пустить ли в одной из них оранжевый цвет?

В Музее моют полы.

849. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 ноября

28 ноября 1908, Москва

Немецкая брошюра о Музее обратила на себя внимание также и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, как это явствует из официального письма министра народного просвещения¹, который ссылается при этом на письмо к нему секретаря Ее Величества. Брошюра эта – небольшая, говорит она лишь вкратке о свойствах нового Музея. Причина высокого внимания к ней объясняется, надо думать, общим благоволением Их Величеств к этому Музею. После Русского музея Императора Александра III в Петербурге я не знаю другого музея, которому оказано столько непрерывной памяти Государем. Клейн Вам говорил, что Импера-

тор выразил желание пополнять музейский альбом новыми фотографиями с производящихся внутренних работ по отделке здания и по размещению коллекций.

Отделка продолжается в двух-трех местах. Оканчивается оштукатуркой Праксителиевский зал, доделывается внизу последний пол и раскрашивается греческий потолок на главной лестнице. Правду говорит Р[оман] И[ванови]ч, что Нивинский, несмотря на молодость, большой мастер-декоратор. Он долго и бесплатно бился в прошлом году над пробами этой расколорки, пока не напал на надлежащие тона, которые гармонировали бы с цветами окружающих мраморов. Теперь отделанная небольшая доля потолка выходит очень изящной. Потолок будет по своей окраске достоин общего вида лестницы, хотя я и неоднократно высказывал Р[оману] И[ванови]чу несогласие с характером обработки потолка в этом месте Музея. В настоящем виде лестница одного, определенного исторического стиля не имеет. Она в самом начале скомпонована была Р[оманом] И[вановиче]м в строго ионическом стиле лучшей эпохи. Тогда еще не надеялись мы получить для нее цветные мраморные колонны. Их предполагалось вырубить из уральского мрамора и сделать, конечно, каннелированными. Тогда было полное единство композиции. Но раз нам Вами подарены цветные мраморы для колонн и для стен, мы вступили уже в римскую эпоху, так любившую яркие колера мраморов, свозившихся в Рим со всего света. Вместе с цветными колоннами решена была и бронза для капителей и баз. Последнее обстоятельство нас переставило уже в итальянский Ренессанс. По моему убеждению, нужно было перекомпоновать форму карнизов и потолок – по требованиям лучших образцов итальянского Возрождения. Я и говорил Р[оману] И[ванови]чу, и писал об этом; но он настоял на своем и оставил ионическую отделку и карнизов и потолка, при итальянских колоннах. Оттого красивая, эффектная наша лестница для большой публики лишена исторического стиля. Переспорить Р[омана] И[ванови]ча тут не мог. Раз сделавши рисунки ее убранства, он не сдвинулся на другую точку зрения. Это, впрочем, общий недостаток познаний в истории древнего зодчества у наших архитекторов. Они любят работать «под антик, в античном роде», не разбираясь в хронологии. Будьте здоровы.

P.S. Разумеется, у Вас есть приятели в Государственном Совете: попросите их справиться, когда прошел там вопрос о 30 000 руб. нашего Музея. В Думе он окончен был 20 октября.

850. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 ноября

30 ноября 1908, Москва

Вчера, возвратившись из Думы, где Р[оман] И[ванови]ч прошел одним из самых первых кандидатов в гласные или, точнее, избран 4-м в числе прошедших кандидатов¹, раньше проф. Герье² и Кулешова³ и [там,] где забаллотированы вожаки кадетов Щепкин, Пржевальский, Тихомиров (педагог), Столповский⁴, я нашел у себя письмо генерала Степанова⁵, которым он извещает о желании Великой Княгини «повидать» меня и о приглашении, с этою целью, к завтраку на 2 декабря, во вторник. Этот первый случай особого внимания Ее Высочества находится, мне думается, в связи с египетским собранием Голенищева и с немецкой брошюрой о Музее, изданной по ее личному совету. Музеем, с внутренними работами, Великая Княгиня особенно интересуется; еще на днях она присылала дочь адмирала Арсеньева⁶ с какой-то другой барышней для ознакомления с тем, что делается в Музее. О содержании беседы ее со мною я Вам отпишу после вторника.

Посылаю Вам письмо и книжку Трея о промышленно-художественных училищах в Саксонии⁷. Как изящно пишет его секретарь и инспектор Альбертинума!⁸ Административная организация там иная, чем в других местах: директор – ученый, инспектор – художник (он же и секретарь), хранитель и смотритель здания – для большого, большего, чем у нас, учреждения! Отдел оригиналов его оценивается во много сотен тысяч рублей. И машина управления, при этом малом персонале, движется стройно и скоро. Директор в 12 ч. всегда на месте, хранитель и смотритель с 10-ти, с момента открытия учреждения. Живет в музее один Hausmeister*. Служителя, с жалованьем 1200 – 1400 марок, при готовом платьи, – отличные ремесленники по разным частям музейских нужд. Все налажено аккуратно, экономно, чисто, культурно. У нас и внукам наших правнуков не видать этого порядка, этой трудоспособности, этого сознания жизненного долга... Нам труднее жить, чем Трею в его высококультурной среде.

На лето с детьми мне хочется поселиться под Дрезденом⁹. Не знаю, удастся ли по обстоятельствам, а материальная сторона, при наших простых требованиях в путешествиях, не затруднит меня. Будьте благополучны.

P.S. Сейчас получил известие из министерства¹⁰, что 30 000 руб. мы можем расходовать. Наконец-то... Сил у нас с Клейном стало, словно у Самсона.

* смотритель здания (нем.).

851. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 декабря

3 декабря 1908, Москва

Из бумаги товарища мин[ист]ра народного просвещения¹ явствует, что 30 000 руб. отпущены из Государственного казначейства Комитету нашего Музея. Вчера я разговаривал по этому поводу в Правлении Ун[иверсита]та, и мне там сказали, что всю эту сумму должен израсходовать сам Комитет и что Правление не примет здесь никакого участия. Я говорил с Р[оманом] И[вановиче]м и Рербергом, что нам нужно приготовить список уплат к заседанию Комитета, которое теперь является неизбежным в ближайшие же дни. В течение 11 лет Комитет ни разу не собирался иначе, как под Вашим личным председательством, поэтому будьте добры собрать его в следующий Ваш приезд в Москву². Важно, чтобы эта хорошая традиция не нарушалась. Даст Бог, к лету 1910 года Комитет закончит свою роль, и если нам обоим послано будет счастье довершить задачу, то я с особой радостью буду констатировать этот факт неупустительного Вашего личного ведения дел Комитета за все 13 лет его существования. Надобно будет произвести уплаты за уголь, по содержанию дворников и истопников, по чистке улиц и крыш, по налогам, Гладкову за расстановку предметов, часть Кузницкому и за бронзы в Неаполь. Последние два расхода меня особенно тяготят. Пора дать им некоторое погашение. Чтобы покончить с ними к открытию Музея и кое-что приобрести вновь, я откажусь на все это время от 2000 руб., предназначенных по штату заведующему Музеем в год, и не стану принимать на службу никого до открытия Музея, направляя остатки от личного состава на эту цель. Работа двигалась без всяких пятков с 1889 года, пройдет она и эти 1½ года. Надобны будут только смотритель здания да писарь. Необходимость первого сознает и Р[оман] И[ванович]ч, начинающий скучать по поводу хозяйственных забот. Имеются в виду ученый секретарь, которым мне хотелось бы сделать г. Горбова³, знатока многих языков, специалиста по истории искусства итальянского Возрождения; как человек богатый он служил бы без жалованья, которое в количестве 1500 руб. пошло бы на приобретение предметов. Я ему, человеку лет 40, желаю жить и служить 100 лет, чтобы Музей получил 150 000 руб. из этого верного источника. Будьте благополучны.

852. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 декабря

5 декабря 1908, Москва

В понедельник (1 числа) вечером курьер Великой Княгини передал мне, что Ее Высочество, по обстоятельствам, приглашение на завтра должна была перенести на четверг (4 число). Этот день для меня связан с поездкою ранним утром в Алексеевский монастырь, где 18 лет лежит моя Варвара Дмитриевна¹. В 11 часов я был дома, а в час без 10 минут я встретил в гостиной Великой Княгини гр[афиню] Уварову. Из приглашенных была, по-видимому, только она одна, если не считать, что кн[ягиня] Васильчикова² гостит у Великой Княгини. Остальные, сидевшие за столом, были лица ее штата, одна из фрейлин, ген[ерал] Степанов, Корнилов³ и секретарь. Сидели в таком порядке: ближе всех гр[афиня] Уварова и кн[ягиня] Васильчикова, ген[ерал] Степанов и я, обе пары vis-à-vis* и т.д. Из верхних комнат Великая Княгиня переселилась в нижние, найдя бельэтаж слишком пустынным и наводящим еще большую грусть в ее одиночестве⁴. По поводу этой перемены, до выхода Ее Высочества к столу, говорилось о близком переселении ее в совсем скромную обстановку за Москвой-рекой⁵. При этом высказана была мысль, что Великая Княгиня грустит, сознавая отчуждение от общества в своем теперешнем высоком положении, и потому надеется быть ближе к людям, избрать ту долю, которую она себе наметила. Но пока-де трудно набираются ее будущие сотрудницы...

Добрая половина завтрака и почти все время за кофеем прошли в общем разговоре о Музее, и первый вопрос ко мне Великой Княгини был: «Где Юрий Степанович и здоров ли он?» Она тепло вспомнила о Ваших покойниках-сестрах и высказала, какой тяжелой должна была сделаться Ваша жизнь своим одиночеством после них. Кн[ягиня] Васильчикова сообщила при этом, что молодая чета Демидовых внесла полосу света и оживления, переехавши к Вам. М.П.Степанов рассказывал о своем пребывании летом на Гусю, произведшим на него превосходное впечатление устройством быта рабочих, не говоря о Вашей церкви, его прямо очарова[вшей].

Жизнь Дубасова⁶, со стороны обеспечения и большим жалованьем и содержанием по пище, жилищу и чуть ли не одежде, он назвал блаженной. Дамы не поверили ему, что Вы не только роскошно питаете его, даете ему дивную домашнюю обстановку, но еще и одеваете. Кн[ягиня] Васильчикова сочла это невероятным. Великая Княгиня спросила о ее зале в Музее, в каком он положении, как двигаются работы, и обещалась быть в Музее

* визави, лицом к лицу (*фр.*).

«как только управится с делами». «Я не была больше года, много, говорят, там нового, лестница чудная». Я за кофеем представил ей альбом; его она пересмотрела весь и «завтра же» хотела послать своему брату в Дармштадт. Для этого Великая Княгиня посоветовала мне написать ему письмо, чтобы он знал, что этот дар ему – от Музея. Я возразил, что коронованным особам писать мне не приходилось. Но Великая Княгиня настояла – и потому я от нее проехал в Румянцевский музей делать надписи на брошюре принцессам Ирене и Виктории Баттенбергской и исполнить это поручение. Письмо в 1½ страницы неважного французского языка было к 6-му часу готово, и доставлена вся эта посылка в Кремль. Перед Рождеством Великая Княгиня отправляет к брату нарочного, который возьмет и эти книги. Потому она и пожелала получить всё вчера же. Будьте здоровы.

853. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 декабря

8 декабря 1908, Москва

Эти дни проводил в Москве Фон-Анреп, приехавший сюда знакомить октябристов с своим проектом всеобщего обучения в России, рассчитанным на 20 лет для его введения. Другая цель его была – узнать мнение «умеренных» профессоров о проекте нового устава университетов, внесенном в Думу. Как профессор весьма умеренных достоинств, я был приглашен в клуб октябристов на Малую Дмитровку¹ и там провел и субботний вечер и вчера все время с 2½ до 10½ в обществе Анрепа. По взглядам он – человек умеренный, рассудительный; работник в Думе он по вопросам просвещения большой. После серьезных рассуждений человек 8 октябристов пошли пообедать в «Метрополь», где в отдельном кабинете с красношелковой отделкой и съели мы, за 8 р. 50 коп., хороший обед даже с бутылкой шампанского, 1 бут. белого и 1 б. красного вина. Питухов между «умеренными» оказалось мало. Беседа прошла весьма оживленно.

Анреп мне сказывал, даже без моего к нему вопроса об этом, что наш проект штата, а равно и дело о египетской коллекции Голенищева прошли первую комиссию весьма благополучно. Комиссия по народному образованию нашла приобретение собрания в казну желательным, высказалась она и за направление его в наш Музей.

Столь же благоприятно отозвалась она и о проекте штата Музея; только ей показалось, что слишком скромные цифры его по всем статьям заставят нас, года через три, просить других назначений. Это несомненно: нельзя же ограничиваться, напр[имер], 1000 р. в год на ремонт. Одна окраска кровли и поломка стекол на ней чего будет стоить!

Оба наши дела теперь в бюджетной комиссии. Авось в феврале пройдут они в общем собрании Думы².

Прислали приглашение на Международный археологический съезд в Каир, имеющий начаться в 20-х числах апреля³. Хочется мне перед смертью побывать в стране пирамид.

854. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 декабря

14 декабря 1908, Москва

Когда мы, третьего дня, расходились из Комитета, был дорогою поднят вопрос, почему, в течение 11 лет существования учреждения, ни разу, ни в одном заседании не проявилось и тени разногласия и столь обычной в других коллегиях страстности в суждениях, переходящих зачастую во враждебные отношения. И все единогласно отнесли это к Вашему искусству руководить собраниями. При этом указывалось на Ваше неизменное благодушие, которое помогает Вам безоруживать всякую вспышку менее спокойных возражений, и на Ваше правило, избегая мелочей и излишних деталей, держаться существенного и главного в большом деле.

Разошлись мы с одинаковым желанием довершить к лету 1910 г. нашу задачу.

Ах, не знаю, как рельефнее осуществить это на деле. Пора начинать, с января, с последних его дней, по миновании праздников, малярные работы, сначала в решенных теперь Египетском и Ассирийском залах, а затем и в других. Необходимы двери и запоры. Р[оман] И[ванови]ч ждет 400 руб. в месяц для декоратора Нивинского, который теперь работает над раскраскою частей фриза на Ospedale del Серро в Пистойе за плату из сумм правительственного пособия текущего года и, в ожидании 400 руб. из Ваших сумм, над потолком главной лестницы. Р[оман] И[ванови]ч говорит, что, имея эти 400 руб. в месяц, он купит красок и будет оплачивать Нивинского только за труд его самого и его вышколенных рабочих. Человек это – очень бедный, ждать он не может и недели. Отчего я в последнем заседании Комитета и поставил уплату ему, хотя работа им и не окончена. К Рождеству он этот фриз окончит, – и работа дела Роббиа загорится, согласно снятому на месте рисунку.

Я не хотел в общем собрании указывать Р[оману] И[ванови]чу на неправильность предложенной им уплаты из сумм казенного пособия десятнику строительных работ Романову по 65 руб. в месяц. Десятника в служителях Музея нет; это – лицо его штата. Оплата ему всегда производилась из стро-

ительных сумм. Эту статью расхода, т.е. 780 руб., контролер опротестует. Она должна оплачиваться, по-прежнему, из средств, даруемых Вами.

Укажите Р[оману] И[ванови]чу не делать этого.

855. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 декабря

20 декабря 1908, Москва

Ваше разрешение отпустить деньги на краски и ежемесячное жалование художнику Нивинскому причинило последнему истинную радость.

Р[оман] И[ванови]ч тотчас же телефонировал ему, обещая дать ему прежде всего 400 руб. в уплату уже сделанного на потолке лестницы и чтобы он работал и на Святках. У него 4 человека подручных, которые на 5-й день после Рождественского сочельника станут на работу. Да я, из полученных с Женских высших курсов денег, дал ему 100 руб. за раскраску фриза из Пистойи. Он еще не окончен, но уже в значительной степени загорелся; сцены лечения больных и приема странников (сюжет этого фриза – 7 дел христианского милосердия) обозначились ясно со всеми деталями, и потому я мог вчера вразумительно объяснить эту скульптурную ленту П.А.Сабурову¹ и его 3-м знакомым.

Радует систематическому началу росписи потолков и Р[оман] И[ванови]ч. За год Нивинский с 4-мя подручными окончит несколько больших потолков в передних, наиболее видных залах. Как только будет окончен потолок на лестнице, приступят к потолкам Египетского и Ассирийского зал. Р[оман] И[ванови]ч сдал вчера дубовый тамбур на главном подъезде или, вернее, в главном вестибюле. Он получит легкую египетскую орнаментацию, которую выжигать будет сам Р[оман] И[ванови]ч. Предположения начать раскраску потолка в Египетском зале с дисков солнца мы делали вчера в ресторане, куда пошли на радостях позавтракать. У Клейна готовы рисунки в небольшом размере, – разгонять* крылья этих дисков и рисовать соответственных уреусов² по балкам станет Нивинский сам.

Как жаль, что Р[оман] И[ванови]ч еще ранней осенью не просил Вас рассмотреть роспись расходов. Ту же комбинацию Вы указали бы уже тогда, и теперь работы на потолках были бы в полном ходу.

Праздники думаю отдыхать в гостинице Нового Иерусалима. Там, говорят, хорошо. Дети уезжают завтра в Тарусу.

Будьте здоровы.

* Зд. сильно увеличивать (разг.).

856. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 декабря, Таруса

30 декабря 1908, Таруса

Это письмо придет к Вам, когда истекающий год покончит существование и наступит новый. Последние два года были для Вас временем тяжелых семейных потерь; дай Бог, чтобы грядущий миновал спокойнее, при обычном течении здоровья, энергии и дел, составляющих «жизнь». На ближайшие дни, если осуществится план Царских празднеств, когда Вам предстоит обязанности придворной службы в самых первых и потому требующих наибольшего напряжения рядах, желаю Вам сил благополучно исполнить весь служебный труд без вреда для себя. Целодневное ношение мундира и истовое исполнение придворного этикета – дело легкое и приятное для людей молодых.

Наступление Нового года естественно ставит вопрос о наших ближайших задачах. Этот год – последний в ряду других, ушедших на постройку здания. И внутренний голос, и обстоятельства говорят нам, что пора кончать наше дело, что откладывать его завершение и открытие нового учреждения более нельзя. И здоровье, и годы уходят. Мои ближайшие предки не дожили и до 65 лет, долговечность и мне не суждена, особенно я боюсь 63-го и 64 года, которые были для них последними. Две нервные болезни, мною вынесенные, оставили след в скорой утомляемости и в потере энергии, которой в прежние годы было куда несравненно больше. Внутренний голос твердит мне: «Надо кончать».

К этому побуждают и внешние обстоятельства. Летом 1910 г. должен быть открыт памятник Александру III в Москве в присутствии Государя и всей Царской семьи. К этому времени должен быть готов и Музей Александра III. Нам необходимо кончить его в главном.

А для этого предстоит много, много работать. Нужны двери, окраска стен и потолков, нужна мебель для Антиквария в виде витрин и шкафов, шкафы для библиотеки, тумбы, рамы, витрины для выставочных зал¹ под скульптуры, металлические решетки в Греческом дворике и в Главном зале, в верхнем его ярусе²; нужны решетки в обоих скверах³ и устройство этих последних.

Расходы сравнительно с произведенными до сих пор уже невелики, но они значительны сами по себе. Как быть с ними в 1909 году, когда из суммы, на него положенной, осталась только 1/4 часть, т.е. 30 000 руб.² Найдем ли мы исполнителей новых работ, которые бы согласились ждать пла-

ты год и более? Я со своей стороны буду экономить на штат, не касаясь положенного на личный состав и выгадывая на всех, сколько возможно, хозяйственных статьях. Платные будут только смотритель здания и писец; все, кто будет предназначен служить в Музее, должны будут доказать свое усердие и способности даровою работою вплоть до открытия Музея. Этим способом, может быть, я скоплю за 1½ года тысяч 30 – 35. Остальное пойдет на содержание здания и на необходимую прислугу. Но эти деньги составят плату за предметы искусства и будут пересланы за границу. И как мы выйдем из затруднения по вышепоименованным расходам, из коих надобно произвести $\frac{2}{3}$ в 1909 г., я не могу себе представить. Подумайте, Юрий Степанович, и, сколько возможно, помогите. Других пособников уже давно нет.

Будьте здоровы.

1909

857. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

19 февраля 1909, Петербург

Субботу¹ надеюсь быть Москве

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

858. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

4 ноября 1909, Петербург

Лежу в постели Щекин¹ говорит что сносился с Вами о своем собрании прошу сообщить Ваше мнение о пригодности для нашего музея. Щекин едет в Пекин.

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

859. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

6 ноября 1909, Петербург

Вследствие Вашей телеграммы я поручил искренно благодарить от моего имени Щекина и поручил ему о подробностях сговориться с Вами¹ кому присвоен средневековый зал сообщите мне².

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

860. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

21 ноября 1909, Петербург

Согласен

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ¹

861. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

18 декабря 1909, Москва

Поздравляю победа не победа но добрый урок быть осторожнее думаю дело прекращено и не начнется вновь¹.

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

862. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

1909, Петербург

Многоуважаемый Иван Владимирович,

Я просил помощника присяжного поверенного Витольда Сигизмундовича Тычинского заняться делом нашего Музея о взыскании с наследников Л.М.Муромцева подаренных нам денег на зал Ниобеи¹, потому прошу и Вас оказать ему Ваше содействие в этом деле и показать ему все документы до сего относящиеся, а равно и переписку Вашу по сему делу.

Глубоко преданный Нечаев-Мальцов

1910

863. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

8 февраля 1910, Петербург

Пришлите выписку из штатного назначения как поступать с остатками¹.

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

864. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

февраля 10¹

Около 8 – 10 февраля 1910, Москва

Глубокопочтимый Юрий Степанович.

Спешу направить к Вам закон о штате Музея и копию бумаги в Правление Университета, где приведены данные о состоянии кредита на содержание Музея в минувшем году.

Кроме указанных в этой бумаге неуплаченных счетов за 1909 год, Музею следует еще уплатить фирме Ж.Блок² за возовые весы Фэрбэнкса³ около 1000 р. для контроля доставляемого для Музея угля (согласно постановлению о том Строительной комиссии⁴). На эту сумму Блок будет сделан кредитором казны. Примите уверение в искренней моей преданности.

ЦВЕТАЕВ

865. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

12 февраля 1910, Петербург

Жданов¹ не отвечал министерству на вопрос тридцать первого января об остаточных суммах Музея. Поторопите ответом университетского правления о ходатайстве перевода из одной статьи в другую. Ответ через попечителя

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

866. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

15 февраля 1910, Петербург

Вторник¹ буду Москве

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

867. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 ноя 1910.

8 ноября 1910, Москва

М[илостивый] г[осударь]

Юрий Степанович.

Знаменит[ый] греческ[ий] археолог П.Каввадиа впал в немилость Министерства нар[одного] пр[освещения], которое лишило его места Главного директора древностей и профессорск[ой] кафедры. Ученые учреждения и археологи всего света решили подпиской поддержать Каввадиа в его настоящем горестном положении, образовав фонд его имени, чтобы дать ему возможность издать в свет приготовленные труды.

Доволя о сем до сведения Вашего В[ысоко]пр[ево]с[ходительства], почтительнейше прошу, не найдете ли Вы возможным через Вашу московскую контору почтить эту подписку и Вашу лептою.

Примите, Ваше В[ысоко]п[ревосходительст]во, уверение в глубоком моем к Вам уважении и искренней преданности.

И.ЦВЕТАЕВ

1911

868. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 января

1 января 1911, Москва

Сколько раз в последние часы истекавшего или в первые часы Нового года я отдавался благородным воспоминаниям о Вас и Вашей мощной помощи моим мечтам, исполнение которых сделалось задачей жизни 22 лет и которым принесены в жертвы силы, здоровье и прежние научные стремления и работы. И ныне – и вчера, накануне Нового года, и теперь, – отказавшись от выхода к знакомым и от приема поздравителей, я мыслью и сердцем беседую с Вами. В наших общих заботах о Музее протекли 13 лет, которые приходится считать уже в заключительном ряде отмеренного нам судьбою срока. Много было за это время и радостного, и печального, последнего особенно за последние годы. И я, и Вы понесли большие семейные утраты, обоих посещали и тяжкие болезни, каждый понес материальные потери, а в последние 2 года постигло меня это дикое бюрократическое гонение обезумевшего от доставшейся на время власти Ш[вар]ца¹, отнявшее у меня столько спокойствия, возможности деятельной работы над делом, которое в истории просвещения выше всякого 3-летнего министерства. Оно вынудило меня устремлять мысль в канцелярские прения, которые были чужды мне за все 40 лет моей службы науке и преподаванию.

С тяжелыми чувствами Вы провожали минувший год, присутствуя при угасании брата, которое делает Вас одиноким остатком еще недавно значительной численностью и крепкой взаимной братской любовью семьи. Я провожал этот год с книгою судейской «самозащиты»² от властных, но неправых обвинений «уголовного свойства». Бывало, я выпускал латинские и русские книги, за которые Академия наук награждала премиями и почетным званием сочленства, а ученая заграничная критика воздавала похвалы русскому имени. А теперь, в 63 года, я должен был отписываться от канцелярских ударов департамента и от всяких тамошних неумных врак. И на эту работу ушли месяцы...

Но авось это скоро окончится, с тем чтобы не повторяться. Теперь начинает заниматься заря заката музейской работы: сюда нужно устремить теперь все силы и время, чтобы с честью окончить дело. С завтрашнего дня возобновляются работы по окраске потолков и стен и по расстановке памятников искусства. Пришла часть немецких скульптур XV и XVI ст[олетий], приобретенных мною минувшим летом³. Это всё деревянные вещи,

имеющие свою прелесть немецкой наивности и чистосердечия. Они займут $\frac{1}{2}$ большого зала (= прежнего Антиквариария)⁴. Расставляем теперь надгробные памятники Греции V и IV в. до Р.Хр., и особенное помещение их с картиною эллинского кладбища получит особую прелесть и право на внимание каждого посетителя⁵.

Как только отбуду повинность перед Археологическим обществом (реферат о порче дверей S. Giovanni (Battistero)* Гиберти в копии их в петербургском Казанском соборе⁶), примусь за речь и отчет для мартовского заседания Комитета с профессорами Университета и некоторыми другими гостями⁷ mascul[ini] et fem[inini] generis**.

869. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 января

12 января 1911, Москва

Как здоровье Дмитрия Степановича и как Вы переносите это новое семейное несчастье? Столь долгого отсутствия Вашего в «Славянском базаре», как настоящее, я не запомню за все годы нашей общей работы¹.

В Музее дела, после Рождественских праздников, налаживаются снова и вступили в новую фазу. Разрешение министерством употребить хозяйственные остатки от бюджета 1910 года на приобретение музейской мебели дало нам возможность вызвать 3-х лучших столяров, чтобы сдать им изготовление перегородок или щитов для немецк[ого] зал[a]² и тумб под статуи. Решаемся держаться более известных фирм, из коих одна обещает поставить 200 тумб в один месяц. Хочется в марте устроить годичное заседание Комитета в самом Музее, чтобы показать состояние работ университетскому Совету и тем из москвичей, которые то и дело спрашивают, да когда же можно «посмотреть Музей». К тому времени надобно расставить побольше статуй по соответственным залам и окрасить стены последних. Размещение коллекций одновременно идет в двух местах, в быв[шем] Антиквариарии, который пришлось повернуть на зал французской и немецкой скульптуры XV и XVI столетий, и в зале итальянского Возрождения XV ст. У нас ежедневно работают 2 лепщика с подмастерьями – и «смораживание» разрозненных частей в ответственное целое в их опытных руках идет бойко. Если не будет помех со стороны денежной, то к августу главные части Музея будут представлять вид достаточной, на первой раз, полноты. Не наша задача наполнить все залы Музея; это падает, как жизненная роль, и не на одно поко-

* Сан Джованни (Баптистерий) (*ит.*).

** мужского и женского пола (*лат.*).

ление, которые войдут сюда после; но и нам нельзя открывать Музей с пустыми залами. Да этого, насколько можно видеть, и не будет. Каждая зала представит к дню открытия, даже если оно будет и в августе текущего года, главнейшие памятники ваяния соответственной эпохи. И это верно как по отношению к Востоку, так и к миру классическому, и миру христианскому до XVII столетия.

Завтра прибудет таможенный чиновник для вскрытия недавно пришедших ящиков – из Шлезвига³, со скульптурами северонемецкой деревянной скульптуры, и [других] – с образцами исторической мебели из эпохи итальянского Возрождения: присланы пока из Рима рамы и кронштейны⁴. Первые нам нужны для рельефов, последние пойдут под статуэтки и бюсты. Так это делается в берлинском Kaiser Friedrich Museum, служащем во многом для нас образцом. Другая партия рам и иной мебели из Италии XV в. уступается нам этим музеем и придет месяца через 1½. Историческая мебель придает соответственным залам и памятникам какой-то особый характер уюта и теплоты. Насколько позволят денежные средства, придется приобретать эту историческую обстановку в возможно большем числе, и в оригиналах, и в копиях. Последние можно делать и здесь по специальным рисункам и объяснениям. Именно сейчас вышло в Лейпциге большое издание таблиц с томиком текста для каждой серии исторической мебели⁵. Каждая серия таблиц обнимает образцы одной отдельной категории предметов: 1 серия изображает стулья и кресла, 2-я – скамьи и софы, 3-я – лари (Tühen), 4-я – шкафы и т.д. Руководясь этими рисунками, можно понемножку заготавливать наиболее поучительные или любопытные образцы и здесь, чтобы не выписывать подражаний из-за границы. Такую мебель могло бы, по верным образцам, работать и Строгановское училище⁶. Но, вероятно, там откажутся, и потому придется иметь дело с одним или парой лучших здешних мебельщиков.

Расстановка греческих надгробных рельефов окончена. Коллекция этих афинских надгробных памятников вышла и в России небывало полной, и богатой, и очень интересной по своему составу. А при живописной картине древнеэллинского кладбища с кипарисами, беломраморными памятниками и полоскою лазурного моря (7 арш. × 6½ арш. [4, 98 × 4,62 м]) этот уголок Музея обещает быть очень привлекательным. Головин предварительно работы над картиной отправляется в Афины зарисовать Дипилонский некрополь с его памятниками⁷ in situ*.

Да хранит Вас Господь!

* на месте (*lat.*).

870. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 января

21 января 1911, Москва

Не знаю, следует ли писать Вам в такие дни, когда грядущее несет Вам неизбежную семейную потерю; но я так привык письменно беседовать с Вами, что это сделалось уже потребностью, раз в таких беседах прошло 13 с лишком лет.

Работы в Музее после Святков наладились, и теперь они идут полным ходом в разных частях здания. Нивинский все еще корпит со своими мастерами и подмастерьями в Римском и Египетском залах, так что не заказать ли уже и кантату Ипполитову-Иванову на юбилей этого сидения его у потолков этих зал?¹ В Римском зале развели такую роскошь сюжетов, красок, скульптур и позолоты, что, должно быть, подражают плафонам дворцов римских кесарей, и потому переход к дубовому потолку Средневековья является облегчением для зрительных нервов. Разноцветность потолков начинает для меня, бывающего под ними каждый день, становиться скучной. Хочется отдохновения на однотонной глади. Я бы совсем не расписывал, нап[риимер,] потолка зала итальянского Возрождения XV в. с его красочными дела Роббиями, бронзами Гиберти и Донателло, с расписными большими архитектурными вещами Бенедетто да Майано и пр. Чтобы выставить на вид колоритность памятников искусств этого зала, следует дать ему потолок спокойного цвета и однотонный, а не делать из него красочной конкуренции дела Роббиям и К°. Иначе будет уже очень пестро, особенно при неудачных картинах приятелей П.В.Жуковского.

Другие работы идут по расстановке предметов. Лепщики «смораживают» разрозненные части и расставляют скульптуры по местам: один из них со своими подмастерьями работал в Ассирийском зале над установкою рельефов; крылатый лев Лувра уже укреплен у двери и ждет своих панданов – пары крылатых быков из того же музея², которые займут местá vis-à-vis у других дверей. Чтобы Ассирийскому залу быть достаточно готовым к открытию, следует приобрести в Лондоне еще десятка 3 – 4 рельефов маленького размера из Куянджика³. Круглых скульптур ассирийского происхождения дошло до сих времен крайне мало; не дадут ли более материала такого рода раскопки в Халдее и Ассирии, производимые в настоящее время? Пока Ассирийский зал однообразен и оттого скучен; надо бы расцветить его древнеперсидскими маиоликама из Лувра⁴, хотя они и стоят порядочно. Другая партия лепщиков прилаживает к стенам фаянсы дела Роббиев. Назаревский⁵ развешивает итальянские примитивы коллекции Щекина⁶, Киприянов приводит в порядок библиотеку⁷. Редкую неделю не распаковываются новые приобретения, которые потом размещаем по своим залам.

Таким образом, работы двигаются вперед, и, пожалуй, мы будем готовы к открытию Музея в августе этого лета. С долгами, благодаря штатным суммам, понемножку расплачиваемся, а для ускорения открытия можно и еще задолжать малую толику. На казенные деньги мы открыли столярную мастерскую, которая изготавливает нам тумбы под статуи и деревянные перегородки или щиты для развески предметов. Теперь работает у нас 8 своих «крепостных» плотников и столяров, и думаем число их увеличить. Такой порядок изготовления музейской мебели много дешевле.

Будьте здоровы.

871. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 января

24 января 1911, Москва

Здесь открылось Дворянское собрание для выборов. Вам угодно было три года тому назад достать мне избирательные права, и потому на этот раз и мне как «столбовому» Московского уезда дворянину прислали приглашение на сбор дворян у П.А.Базилевского¹. Собрались в 12-м часу: было традиционное шампанское и для желающих завтрак *à la fourchette**. Сбор гостей был в обширном кабинете; когда провозгласили тост за хозяйку, пришла к нам и Александра Владимировна, чокнулась с каждым, обходя всех и каждого сама, и осталась до конца. В 1-м часу дворяне переехали на Поварскую в дом Самариных. Принимал один Александр Дмитриевич; брат его Федор², страдающий глазами, уложен харьковским окулистом, профессором Гиршманом³, в клинику и лечится там. Его на съезде все жалеют, и высказывается сетование, что он отказался, года два тому назад, от поста обер-прокурора Св. Синода, который занял неспособный и несведущий в делах церковных Лукьянов, профессор-медик, будто бы [путающий] на словах (врут, должно быть) «иерархию» с «епархией»⁴.

Самарин дал обильный и тонкий завтрак из холодных и горячих блюд. Много было тостов, много вина, охотники к половине завтрака сияли лицом и сильно повысили голос. А «рыжий Глебов»⁵, заложивший немалую толику и [у] Базилевского, отдал надлежащее почтение самаринскому буфету перед завтраком, был готов и голосил на всю залу. Мой сосед Савелов⁶, как только зазвучали раскаты его смеха, промямлил: «Ну, так и есть: эта рыжая образина уже натрескалась».

Все это происходило вчера. Ныне мы молились в Чудовом монастыре и в усыпальнице Великого Князя Сергея Александровича. Уездных дворян

* а ля фуршет (*фр.*).

собралось столько, что церковь наполнилась, как говорится, битком. К началу панихиды прибыла Великая Княгиня в своем форменном, полумонашеском одеянии⁷, в белом сукне, с таким покрывалом на голове и плечах, что лица было почти не видно. Я стоял во 2-м ряду и потому, когда она остановилась поздороваться с губернским предводителем, стоявшим впереди, я мог рассмотреть, как она исхудала: бледная, цвета белого воска, кости на лице выступили. Вид грустно-строгий, прежней грации доброты не осталось и следа.

Занятия Дворянского съезда начались мирно; относительно кандидатур на должности нет сомнений. И Самарин и Базилевский остаются на своих местах. Базилевские ко мне очень добры. Петр Алек[сандрови]ч согласен выставить ко дню открытия Музея у нас свою коллекцию оружия редкого достоинства; я просил его построить 2 витрины с зеркальными стеклами и надписью своего имени как владельца. Обещал заняться этим весной⁸. Я рад этому началу. По его примеру, может быть, дадут кое-что из оригиналов гр. Уварова, кн. Юсупова, гр. С.Д.Шереметев, с которым я надеюсь поговорить и попросить его об этом теперь на выборах. Как знать, что не наберутся и хорошие вещи?⁹ В Петербурге можно было бы сделать это много легче и лучше, привлекая внимание родовитого круга.

Когда Вас ждать сюда? Меня спрашивали дворяне, будете ли Вы на выборах? Каково положение Вашего страдальца?

Поддержи Вас Господь!

872. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 января

29 января 1911, Москва

Мое деятельное участие в дворянских выборах было очень скромное: съел я ужин у кн[язя] Н.С.Щербатова, устроившего предвыборное собрание дворян Московского уезда, выпил бокал шампанского у Базилевского и завтракал у Самарина. На другой день был на открытии занятий собрания, а с следующего дня и доселе сижу дома из-за простудного состояния. Нажил какой-то несносный бронхит. Кашляю целый день. Сейчас жду проф[ессора] Шервинского¹, который авось поможет своим советом.

Возвратился из-за границы Роман Иванович, он побывал и в северной Италии, в Милане и Генуе. Что-то очень он недоволен Берлином, именно Kaiser Friedrich Museum'ом. Я думаю, что внимательно он не всмотрелся в тамошнюю жизнь. Мне, напротив, там было так хорошо, – и я полагаю, что и через много-много лет нам не достичь той возможности приобретений, какая открыта администрации того музея.

Нам приходится в деле приобретений всячески извертываться, чтобы выступить в день открытия с достаточным количеством материалов по истории искусств. Мы экономим на прислуге, на числе чиновников, чтобы приобрести после пару лишних статуй за год.

Р[оман] И[ванови]ч, по моей просьбе, справился в Комитете по устройству памятника Императору Александру III еще раз о времени открытия этой статуи, – и ему комитетские власти заявили, что это последует в конце августа текущего года и что их праздник совпадает с переездом Государя с семьей в Крым, где строится новый дворец для Ее Величества².

Если это так, то 1) надо торопить Опекушина с нашей статуей и 2) надо сделать несколько приобретений, без коих нельзя показывать Их Величествам некоторые залы. Приобретения нужно сделать в Берлине (статуи немецкого Средневековья) и в Париже, в Trocadéro³ (скульптуры французской готики и 2 – 3 крупные вещи из тамошнего Возрождения).

Сейчас у меня сидел Киприянов; мы беседовали о том, успеем ли быть готовыми к 1 августа – и пришли к мысли, что в главном со стороны коллекций задержки не будет. Сделаем долги, авось после выкарабкаемся как-нибудь. Заказы придется делать на днях.

Р[оман] И[ванови]ч занят окраскою стен пока зал Египетского и Римского. Наша столярная мастерская изготавливает тумбы.

873. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 февраля

8 февраля 1911, Москва

Потолок Римского зала обещает скоро окончиться; часть подмостей уже снята, и живопись предстала нашим глазам. Нельзя отказать во вкусе Р[оману] И[ванови]чу и стараниям Нивинского, который, несмотря на сравнительно молодые годы, является в Москве лучшим декоративным живописцем. Теперь его подмастерья перебираются в Пергамский зал, другая часть их примащивается в вестибюле, намереваясь расколоровать его в египетском стиле. Маляры начинают красить стены в трех, намеченных в ближайшую очередь, залах. Залу для немецкой и французской скульптуры эпохи Возрождения думаем окрасить в сероватый цвет, залу Ниобид в темно-зеленый; для Римского зала пока цвет не выбран. Пунцовый, о котором я думал раньше, говорят, не пойдет в дело, представляя опасность для золота плафона. Не знаю, не остановимся ли на светло-оранжевом колере помпейского характера с небольшими живописными квадратами посредине стен каждого отделения, взятыми из помпейских образцов¹.

После роскоши и блеска этого потолка хочется полной простоты в следующем зале, назначенном для Средневековья. Там, ввиду исключительно церковного характера памятников, сам собою просится простой серый цвет каменного потолка или, если [ему] придать деревянный вид, годится здесь цвет дуба. Позавчера в этом зале получил высшее удовлетворение сын покойного кн[язя] А.А.Щербатова, любитель искусств, хорошо их чувствующий². Его так пленили копии равенских мозаик, что он попросил меня о посредничестве в деле заказа двух картин «Юстиниан и Феодора», в том же размере оригиналов, – для него. Я охотно принял на себя сношение с Равенной по сему поводу. С кн[язем] Щербатовым был секретарь Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, фон Мекк, сын Владимира Карловича Мекка³. Спрашивал и генерал Степанов Р[омана] И[ванови]ча, когда бы он мог с какими-то своими знакомыми посмотреть работы Музея. Но Клейн неохотно пускает посетителей теперь, опасаясь несправедливой критики работ раньше их окончания, поэтому он отговорил Степанова от посещения, впредь до того, когда он сам его попросит. Не раз заявляла желание приехать в Музей вместе со своими знакомыми графиня П.С.Уварова; но все как-то выходило, что там или там малярные работы, и приходилось посему откладывать это посещение. Сейчас красят стены, грязи много; вчера я отписал графине, что мы будем просить ее, как только немножко поочистимся от известки и красок.

Слухи, что Их Величества будут в Москве в августе, заставляют не только на памятнике у храма Спасителя, но и нас возможно спешить с работами. Р[оман] И[ванови]ч на этих днях виделся с Кельным и надеется все существенное окончить к июлю. Он спрашивает, будем ли мы с коллекциями готовы к этому времени? Я не теряю надежды также в главном быть наготове. На остаток от штатных сумм делаем постаменты и прочные щиты и надеемся около 300 тумб сделать своими плотниками и столярами, что обходится много дешевле подрядного способа. Для заготовления стильных рам на рельефы, чтобы придать им вид картин, мы пригласили 2-х столяров: одного рекомендовал Поленов, другого, из учеников можайской школы, окончившего среднее техническое училище, рекомендует гр. Уварова, знающая этого молодого человека с детства⁴.

Так понемножку двигается дело вперед. Если гусей осенью считают, то к осени, быть может, можно будет и показать Музей.

Ничего не знает о Вас Кельин, ничего не слышим о Вас и Дмитрие Степановиче и мы. Как Ваше здоровье? Я теперь рад, что Вы не приезжали в январе: он весь простоял здесь исключительно холодный. Только с 5 февраля стало мягко на улице и в воздухе, и под ногами. А то стоял бесснежный холод.

Будьте благополучны.

874. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 февраля

14 февраля 1911, Москва

Пришли из Лондона слепки фриза храма Аполлона в Бассах (в Аркадии)¹ и раскрашенные под цвет оригиналов копии деревянных скульптур немецких мастеров XV и XVI ст[олетий], исполненные в Вюрцбурге, университетская галерея которого имеет длинный ряд деревянных изваяний южной Германии этой эпохи. На специальное ателье, изготавливающее там прекрасные репродукции деревянных скульптур, указали мне минувшим летом в Дрездене Трей и Кюнерт, сами там приобретшие для Albertinum'a несколько таких раскрашенных копий со скульптур Riemenschneider'a и др[угих] мастеров². Другая партия деревяшек пришла из Фленсбурга³: это копии с композиции Brüggemann'a в Шлезвигском соборе⁴. Эти скульптуры – одноцветные.

Кустарное изготовление деревянных щитов, по которым станем размещать, по образцу Keiser Friedrich Museum'a в Берлине, прежде всего вот эти небольшие по размерам немецкие скульптуры, пока идет успешно. Эти же плотники под командой двух столяров делают и тумбы под статуи. Те и другие обиваются или парусиной или особого рода рогожкой, то сурового, то других цветов. Как, однако, трудно даются в Москве самые обыкновенные вещи! Для щитов нам понадобилась грубая дерюжка, и где спросить – мы не знали. Р[оман] И[ванови]ч припомнил, что он, как-то обедая в одном из кабинетов «Эрмитажа», видел там стены, обитые такой материей. Чтобы навести справку, откуда там ее взяли, Клейн в субботу поехал туда, за мой счет, завтракать и обещал ныне (понедельник) принести нам нужные сведения. А вон в Берлине и Дрездене директора музеев и всякие рогожки и линолеум берут прямо с фабрик; чудесную рогожу Боде для деревянных щитов Kaiser Friedrich Museum'a получает с фабрики из Хемница⁵. А мы из московского «Эрмитажа»...

Готовлю «Речь и отчет» для публичного заседания Комитета, которое, с Вашего разрешения, нужно было бы устроить в конце марта или в начале апреля в одной из готовых зал Музея. Москвичи, начиная с градоначальника⁶ и знати, просят показать музейские работы.

Да хранит Вас Господь!

875. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 февраля

18 февраля 1911, Москва

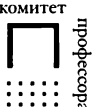
С сердечным прискорбием я вижу, что исправление[м] возложенных на меня обязанностей декана историко-филологического факультета, ввиду вчера экстренно назначенного заседания факультета¹, я лишен возможности поклониться праху чистого сердцем и доброго сердцем Дмитрия Степановича² на Николаевском вокзале. Я был искренним почитателем христианских доблестей почившего. Постараюсь, как только окончится это экстренное служебное заседание, встретить прах его в монастыре. Да хранит Вас Господь!

876. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 февраля

21 февраля 1911, Москва

Лучшее средство отвлечения от тягостных чувств – в интересах и делах иного порядка. Позвольте поэтому просить Вашего внимания, если только позволят Ваши физические силы, к следующему вопросу.

И московскому обществу, и Университету хочется видеть состояние работ в Музее. Не разрешите ли ввиду этого устроить публичное заседание Комитета в одной из приготовленных уже зал, напр[имер,] в Христианском дворике? Человек 200 там разместится легко. Стульев достанем из советского зала¹ Университета, добудем оттуда вешалок для платья и зеленое сукно для столов. Средний стол будет для Комитета, боковые столы «покой»* ^{КОМИТЕТ} пойдут под профессоров, посредине залы поместится приглашенная именными билетами избранная публика.

Предметы собрания: 1) «Речь и отчет», 2) характеристика (Назаревский) живописных даров Щекина и Левченко², 3) архитекторский краткий доклад и 4) обход группами, человек по 20, зал Музея.

Просил посмотреть Музей градоначальник; можно пригласить человек 10 из высшей администрации, считая и кремлевских генералов, почетных опекунов, управление Учебного округа.

Заседание можно будет устроить через месяц или дней 40, как Вы найдете для себя более удобным. Я и Назаревский в Вашем распоряжении. Мой «отчет» готовится и будет набран в типографских гранках к сроку, какой угодно будет Вам указать.

* «Покой» – старое название буквы П.

Ваше мнение мне сообщите. Дней через 35 в Музее многое можно прибрать и многое выставить, зал 5 – 6 окрасить, в добавление к готовым залам.

Вчера ни в «Славянском базаре», ни в монастыре я не счел возможным беспокоить Вас. Сейчас иду в Музей показывать работы Вашим семейным, Элиму Павловичу и Софии Илларионовне³.

877. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 марта

5 марта 1911, Москва

В Академии художеств в последнем заседании (28 февраля) присутствовала Великая Княгиня Мария Павловна¹. Речей сама она не держала, а когда Киттнер и Сюзор² запальчиво начали оспаривать художественный эффект проекта Николаевского вокзала в Петербурге, составленного Померанцевым³, который в ответ тоже за словом в карман не лазал, то Великая Княгиня, шепнув что-то секретарю Лобойкову, сумела охладить разгорячившихся ораторов. Лобойков от имени Президента заявил, что эта сторона дела была обсуждена в прошлом заседании и дальнейшим дебатам не подлежит. Киттнера я увидел в первый раз, – это и знающий себе большую цену, и надменный в обращении со своими коллегами барин. Сюзор – больше многоглаголивый спорщик. После заседания недовольные начали собирать подписи под «особое мнение»; приглашали и меня к подписи, но я не пожелал вступать в ряды протестантов. Но, правда, в Петербурге, на Невском проспекте, желалось бы видеть фасад Николаевского вокзала более импозантный. Этот годится для вокзала 2-го ранга, а не для начала Великого Сибирского пути, столь великого, что Европа и представить себе такого не в состоянии.

В Академии, в архиве, я прочел и списал письмо статского советника Никиты Акинфиевича Демидова⁴ от 1 февраля 1776 года о жертвуемой им «аллебастровой» копии бронзовых дверей флорентийского Баптистерия «древнего и славного художника», называемого «Жан де Булонь»⁵ (на деле эти двери работы Лоренцо Гиберти). Мне не приходилось читать историю рода Демидовых: этот Никита Акинфиевич Демидов был ли богатым человеком? Этим «аллебастровым» слепком он отблагодарил Академию за избрание его в почетные члены. Если принять в соображение, что заработная плата сто тридцать пять лет тому назад в Европе была куда меньше сравнительно с нынешним временем, и если ныне слепок с этих дверей стоит что-то около 4500 лир, – то уверение Демидова, что он не жалеет для своего дара «ни трудов, ни иждивения», нам, избалованным Вашею щедростью на Музей, как-то режет и глаза и ухо. Интересен риторический

тон его препроводительного письма с высокопарными словами по адресу монархини⁶. Все это – отзвуки и блески времени. Любопытно, что во Флоренции ему выдали это произведение Гиберти за работу Giovanni da Bologna.

878. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 марта

15 марта 1911, Москва

Вчера собрались посетить музей графиня П.С.Уварова и граф Хребтович-Бутенев¹. Я и Назаревский сопровождали их и водили по зданию и коллекциям более двух часов. Графиня встретила более, чем ожидала, и осталась очень довольной всем виденным, кроме, конечно, картин Клавдия Степанова, которые, как и других образованных посетителей, и ее не удовлетворили.

Зал Парфенона со скульптурами мастерской Фидия ей показался импозантным; она при этом высказала мнение, что надобно будет, в свое время, просить Великого Князя Павла Александровича приехать на открытие. Из остальных памятников искусства графиню поразили Ваши венецианские мозаики; она слышала о них из рассказов других, но не могла себе представить, чтобы исполнение их имело такой монументальный вид.

И Прасковья Сергеевна слышала в городе о готовящемся открытии памятника Императора Александра III в августе месяце. Советует и нам поспеть с окончанием работ, и нам действительно надобно напрягать все силы к этому. Сейчас малярные работы, только нас и задерживающие, идут в залах Пергамском, Лисиппа и в вестибюле. Недели через две рабочие Нивинского перейдут в Средние века и в залы Возрождения, так что к половине мая или 1 июня всякая окраска должна быть окончена. За тумбами и расстановкою предметов дело не станет. Правда, некоторые залы будут обставлены памятниками бедновато; если бы мы дожили до 1912 года, то пробелы пополнились бы, но и годы и силы уходят, исчезает впечатлительность, слабеет энергия. Видно, пора кончать, что так давно началось. Уж скольких нет из тех, кто был с нами в начале дум, мечтаний, планов и работы!..

Как бы хотелось получить из Берлина один романский портал Трирского собора XIII в.² Мы им перерезали бы длинный Средневековый зал на две части, отделив в особую категорию готическое искусство Франции и Германии. И зал получил бы с дверью в середине портала такой оригинальный вид. Теперь мы решаемся заказать архитектурное обрамление к гробницам Медичей раб[оты] Микеланджело. Оно исполняется из гипса в Кёльне³. Другие, более крупные, заказы, ожидаемые нами: ассирийские крылатые

быки из Лувра, Victoire de Samothrace – оттуда же, «Beau Dieu» портала Амьенского собора – из Trocadéro, скульптуры Галикарнасского мавзолея из Лондона⁴, большая Афина из Мюнхена⁵ и несколько статуй из романских соборов Бамберга, Наумбурга, Страсбурга XIII века⁶, из берлинской Königl[iche] Gipsabgüßerei.

Будьте благополучны.

879. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 марта

17 марта 1911, Москва

Просьбы некоторых профессоров не филологического факультета допустить их на заседание нашего Комитета напоминают мне своим простосердечием сцену, свидетелем которой я был в здешнем Екатерининском институте, когда там училась моя старшая дочь. Маленькие институтки – «приготовишки», гулявшие на дворе института в воскресенье, обступили дворника с такою просьбой: «Иван, пусти ты нас за ворота посмотреть улицу». – «Не могу», – был его ответ. «Ну, хотя на минутку». – «Не могу, барышни», – был его ответ. «Ну, хотя вот до этой тумбочки, здесь же у этих ворот». – «Не могу», – был его ответ.

Ввиду искренности желания нескольких медиков, естественников и юристов мне трудно быть столь твердым, как институтский привратник. Разрешите допустить их.

Эти любители искусств сами усиленно просят к нам, а вот г. Тихомиров, редактор «Московских ведомостей»¹, вчера отказал мне в напечатании обычной речи, которая всегда при покойных редакторах Грингмуте и Будиловиче находила себе место в этой газете, набираемая ранее заседания для того, чтобы я мог ее читать более спокойно и без запинок по корректурным листам.

Отказал – достойный нравственной репутации субъекта, когда-то в кучке эмигрантов подписавшего план убийства императора Александра II, а ныне арендатора казенной газеты, дающей ему десятки тысяч дохода от казенных обязательных объявлений.

Сейчас жду сотрудника этой газеты, Лукина, который по моей рукописи составит свою статью о Музее. Это – человек очень корректный, и доставить ему заработок я готов с большим удовольствием.

Заседание устроим или в Христианском дворике или в Библиотеке.

Будьте благополучны.

880. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ*18 или 19 марта 1911, Москва*

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Я уже неоднократно просил Вас не открывать нашего Музея прежде, чем мы его покажем Государю, поэтому я очень был опечален, узнав из Вашего письма о том, что Вы водили туда гр. Уварову и пустого болтуна Хрептовича, который уже всюду болтает о том, что там был. К[р]оме этого я считаю излишним писать по поводу сегодняшнего письма¹.

Сердечно преданный

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

881. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 марта

19 марта 1911, Москва

Не измучились ли Вы, вчера ходя по нашим лестницам и полам, устланным неровными досками от заграничных ящиков? Сердечно радуемся, если ход работ по отделке зал и расстановке коллекций произвел на Вас доброе впечатление.

Мне было очень жаль прочесть в Вашем письме огорчение моим известием Вам о посещении Музея графиней П.С.Уваровой. Графиня – член-учредитель Комитета, неупустительно бывавшая с самого начала его деятельности в годичных заседаниях у Великого Князя и после. Сначала, до Вашего вступления, она как будто и не верила в счастливый исход дела, ставшего расширяться и расти, памятуя, как организаторы Исторического музея генерал Чепелевский¹ и К^о нагрели казну и поставили покойного Государя, в бытность его наследником, в необходимость признать музей должником Московского кредитного общества (после передавшего этот музей поляковскому банку², должником которого он состоит и доселе). Но по мере возобновления своих дружественных отношений с Вами, которого она в течение многих лет не видела, гр[афиня] Прасковья Сергеевна становилась горячим сторонником нашего предприятия.

Зная о Музее по отчетам и газетным статьям, графиня давно собиралась посмотреть работы; но я как-то отклонял ее и дочерей ее³, по состоянию работ. В последнее время, когда стал видаться конец, графиню начал занимать вопрос, чем же Его Величество мог бы отличить перед Россией Вашу заслугу? Очередной награды, по ее убеждению, здесь было бы недостаточно. Она, отправляясь в Петербург, решила повести речь перед Кассо⁴ и «независимо от Кассо и далее» об андреевской ленте⁵. В этом графиня сошлась,

сама того не зная, с М.П.Боткиным, то же мне говорившим в Петербурге – и обещавшим свои хлопоты, когда настанет черед.

Чтобы действовать под свежим впечатлением, графиня и осмотрела Музей. Такова была цель приезда на наши работы. Мы и принимали ее в рабочем платье: я в серой теплой тужурке, Назаревский в синей блузе.

882. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 марта

22 марта 1911, Москва

Сейчас идет целая полоса заседаний, вчера сидели до 12-го часа ночи в Совете Университета, ныне в 12 часов началось заседание Строительной комиссии в Музее, в 2 часа открывается заседание факультета, где я также должен председательствовать.

Мне дали знать по телефону, чтобы я прибыл к Вам. Я бы рад всей душой это исполнить, но до окончания факультета это мне сделать нет возможности.

Роман Иванович прочел в какой-то здешней газете, что предполагается обзор публикой работ Музея после годичного заседания. Он намерен написать опровержение этого известия, указавши, что ранее полного окончания Музея и его открытия Музей не будет открываем для обзора¹.

По окончании заседания факультета явлюсь к Вам.

883. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 марта

23 марта 1911, Москва

Меня берет сомнение, что будет какая-либо возможность отказать присутствующим на нашем, по закону «публичном», заседании в удовольствии посмотреть залы Музея. Мне казалось бы, трудно прежде всего отказать в этом членам Комитета, которые будут в заседании, нап[ример], генералу Степанову, который должен понести свое впечатление о степени работ Великой Княгине, Попечителю Округа А.А.Тихомирову, который не видал Музея в течение многих лет¹, кн[язю] Н.С.Щербатову с семьей, семье слепца Истомина В.К., семье графини Уваровой, директору Румянцевского музея кн[язю] Голицыну³, относительно которого я должен быть особенно деликатным по понятным соображениям. Будут в собрании профессора историко-филологического факультета, которому Музей юридически принадлежит как его учебно-вспомогательное учреждение, будут члены университетского Правления, еженедельно работающие для Комитета и Строительной комиссии, распределяя наши казенные деньги. Как им

отказать в удовольствии взглянуть на то, что же делается в Музее, счета которого они постоянно уплачивают и в России и за границей?

Подумайте обо всем этом и научите меня. Мне, знающему эту публику, представляется отказ невозможным физически. Ссылка на то, что необходимо раньше всего представить Музей Государю, едва ли членов Комитета и профессоров, работающих в Правлении Университета, удовлетворит. Я искренно боюсь, как бы это не навлекло сетования на Вас и Р[омана] И[ванови]ча.

Времени еще довольно, подумайте и подайте совет.

Я не знаю, когда бы устроить заседание: в будничной день оно неудобно для служащих, а Вербное воскресенье¹, последний срок, не знаю тоже, подходит ли? Может быть, в Вербную субботу, в 1 час?

Жду Ваших указаний, за которыми приду в начале будущей недели.

P.S. Я сужу о трудности отказа властям и членам Комитета в возможности «взглянуть на Музей» и по тому опыту, какой я имел вчера в Строительной комиссии. Первым словом собравшихся было: «Покажите подлинный бюст императора Тита, который вам, говорят, пожертвовали»³. Надо было вынести его из кладовой и выставить его в Библиотеке на столе, где все и любовались им. Так в Москве все из области древнего искусства ново и любопытно.

884. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

23 или 24 марта 1911, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович.

Сороковой день по брату 26 марта, после я тотчас же собираюсь в Петербург; поэтому поторопитесь заседанием, ежели я Вам нужен. Не сделать ли его 27 числа в воскресенье. Члены Комитета остракизму не подлежат, Попечитель по должности у нас член, Градоначальник имеет вход по службе свободный.

Преданный Нечаев-Мальцов

885. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 марта

25 марта 1911, Москва

От Вас вчера я должен был отправиться прямо в заседание Правления Университета, состоящего из деканов, кроме ректора и его помощника. На заседании прочитана была бумага Попечителя, предлагающая командировать в Петербург кого-нибудь из должностных лиц Музея для сопровожде-

ния коллекции Голенищева к нам¹. Спасибо Кассо, он без нашей просьбы испросил у мин[истр]а финансов 1000 руб. на перевоз этой коллекции, что даст нам возможность переправить ее товарно-пассажирским поездом. Я просил Правление командировать туда Назаревского с пособием во 100 руб. Для приема коллекции здесь мин[истерст]во пришлет проф[ессора] Тураева².

Члены Правления, узнав о нашем заседании, выразили желание быть там. Мы подсчитывали в Музее возможное количество присутствующих: бюджет около 25 человек. Надо будет предложить чай, но вот беда: у нас нет ни стаканов, ни блюдечек. Ложки я принесу. Не пришлете ли Вы нам пару дюжин стаканов из Ваших складов? Мы бы стали хранить их для праздников. Если милость будет, пожалуйста нашему музейскому хозяйству и блюдо для калача или печенья³.

Сейчас получено письмо директора Императорского Эрмитажа о высылке (командировании) Назаревского в Петербург для выборки предметов, которые Эрмитаж мог бы уступить нашему Музею. На заседании я доложу эту бумагу гр[афа] Д.И. Толстого⁴. Радуюсь вниманию министра Двора к нашему Музею.

886. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 апреля

4 апреля 1911, Москва

Эрмитаж прислал нам приглашение прибыть для определения предметов, которые можно было бы уступить нашему Музею. С другой стороны, Мин[истерст]во народ[ного] просв[ещения], исходатайствовавши 1000 руб. на перевозку из Петербурга голенищевской коллекции, дало нам возможность приступить к получению ее из Эрмитажа. Для той и другой цели получил командировку в Петербург энергичный, здоровый, полный сил Назаревский. По телефонному его сообщению, отсюда в подмогу ему послан один из наших служителей, прежний кавалерист, человек расторопный и очень толковый. По другому телефону Назаревского (в эти предпасхальные, последние присутственные дни в Эрмитаже надо спешить), голенищевская кладь перевозится ныне из Эрмитажа преображенцами* до Николаевско-го вокзала, и в полночь Назаревский со служителем садятся в товарно-пассажирский поезд, который через 2 ночи и день (ныне – понедельник, поезд прибудет сюда в среду ранним утром) привезет кладь и их в Москву. 224 ящика¹ весят свыше 1300 пудов [более 21 тонны]; стоимость железнодорожной перевозки ок. 1600 руб.

* То есть солдатами Преображенского полка.

Ныне здесь готовили место для распаковки ящиков и переставляли голенищевские витрины для размещения всех предметов в их прежнем порядке, как они приняты комиссией 1909 года в Петербурге. После, когда придется ставить витрины в Египетском зале, надо будет приготовить несколько новых витрин, чтобы дать распорядок предметам более ясный. У Голенищева, по недостатку места, предметы были очень скучены.

Не решиться ли нам на следующую меру, чтобы не зависеть от старческой неподвижности Опекушина, который не только ничего для нас не делает, но даже и не отвечает на письма, к нему нами направляемые? Если он не доставит своей работы в Комитет по памятнику Императору Александру III, то всякие разговоры и чаяния касательно августа тек[ущего] года явятся пустым звуком. Не продолжать ли нам наших подготовительных работ *quand même**, так чтобы к концу августа, напр[имер] к 31 числу, приспособить открытие Музея?

Не знаю, как показалась бы Вам мысль – об открытии Музея лишь в присутствии представителя Государева, напр[имер], Августейшего Президента Импер[аторской] Академии художеств или Августейших Попечителей московских музеев Исторического (Велик[ий] Князь Михаил Александрович²) и Румянцевского (Велик[ий] Кн[язь] Николай Михайлович³)? Само собою разумеется, должен быть ми[ни]стр народного просвещения. В таком представительстве одного Велик[ого] Князя Сергея Александровича, тогда еще молодого человека, был открыт музей Исторический. Такая мысль сама собою напрашивается при соображении того, что самому Государю для одного нашего Музея едва ли будет возможно останавливаться в Москве в августе при проезде в Крым? Мы все были бы счастливы, если бы Их Величества почтили Музей посещением в неприменный приезд их будущим, 1912 года, летом⁴. Конечно, может в придворных сферах возникнуть вопрос, почему бы не подождать открытия до 1912 года, на это можно бы отвечать, что Музей готов, Университет и Москва стремятся пользоваться им.

Вам, по близости и от Двора, и от министерских властей, этот вопрос обсудить легче. Обсудите этот вопрос и дайте мне весточку.

У Вас и у меня уходит жизнь, убывает здоровье; пора кончать многолетние заботы о строительстве и о всех делах, с ним связанных.

Простите, что пишу все эти соображения на блокнотах^{**}: теперь полночь, а другой бумаги не оказалось на моем столе.

* даже в этом случае (*фр.*).

** Зд. на листках из блокнота.

Наши работы так налажены у Р[омана] И[ванови]ча и у декоратора Нивинского, ожидать новых предметов из-за границы приходится уже так мало, что если бы Вы решили открыть Музей и в ближайшем августе, мне ничто не помешало бы съездить на 1½ месяца в Дрезден для лечения в одном из санаториев. Хвалят там две методы лечения – в санатории Ламана и в санатории Dr. Möller'a (Loschwitz bei Dresden). Я бы поступил в отделение излечения «Magen und Darmkrankheiten, mancher Herzkrankheiten, Hämorrhoiden und dergleichen*»⁵. 4 мая мне стукнет 64 года, а на 7-м десятке лет происходят в хозяйстве всякие неприятные сюрпризы... Пожито, покушано, пора и усы утирать.

887. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 апреля

9 апреля 1911, Москва

Примите мой сердечный привет со Светлым праздником¹ и наилучшие Вам пожелания. Судя по ослепительной Страстной неделе, когда солнце блистало и каждый, и целый день, мы ждем солнечно-светлого и завтрашнего дня. Назаревский привез из Петербурга известие, что не такова была погода у Вас.

225 ящичков голенищевской коллекции прибыли сюда благополучно. В пути эта кладь пробыла только 28 часов; сопровождавшему ее Назаревскому вместе с музейским служителем дали вагон IV класса; они устроили две постели и проследовали из одной столицы в другую важно.

Эрмитажные власти были очень рады тому, что мы взяли от них эту кладь, потому что предстоит после Пасхи ремонт того помещения, где голенищевское собрание доселе хранилось.

Те же власти свое обещание поделиться с нами избытком своих сокровищ исполнили: они показали Назаревскому целый ряд предметов, которые ими уступаются «в вечное владенье» нашему Музею. При этом нам отдается около 100 греческих ваз разных эпох и разных типов².

Примеру Эрмитажа готова последовать также Императорская Археологическая комиссия, выразившая желание поставить наш Музей как место направления новых археологических находок на Юге России, на месте греческих колоний, первым после Эрмитажа. Для этого нужно только ходатайство Музея, посланное по всей форме, через Университет. Это дело я начну на Фоминой неделе³ через историко-филологический факультет. В мае этот вопрос будет окончен⁴.

* доктора Мёллера (Ловшиц под Дрезденом)... «желудочных и кишечных болезней, многих сердечных болезней, геморроев и тому подобного» (нем.).

Из Эрмитажа идут к нам для французско-немецкого зала 4 рыцарских вооружения, 2 конных и 2 пеших⁵. Вместе с этим идет ассортимент средневекового и эпохи Возрождения оружия: алебарды, мечи, копья, а равно некоторые доспехи – шлемы, латы, щиты. Устроим несколько панно* по стенам. Это – в зале направо от вестибюля, где посредине теперь стоит Puits de Moïse⁶ из Дижона. Этим даром Эрмитажа указанный зал очень заполнится.

Прибыла кладь в 11 ящиков из Рима со слепками разных статуй тамошних музеев. Это вторичное приобретение вещей, у нас бывших, купленных на средства П.М.Третьякова и Л.С.Полякова и потом у нас сгоревших⁷.

Заказываем в Академии художеств слепок Ercole Farnese⁸ Неаполитанского музея также вместо экземпляра, приобретенного мною в начале 90-х годов на средства И.А.Баранова⁹ и также погибшего в том злополучном пожаре 1904 года.

Пора одеваться к заутрене, которую я встречаю более 30 лет в церкви глазной больницы на Тверской улице¹⁰.

Храни Вас Господь!

888. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 апреля

15 апреля 1911, Москва

Нет, на Пасху мне надобно было куда-нибудь уехать из Москвы, потому что все это время уходит на пустыки, которые в конце концов очень утомляют. Экскурсанты, питомцы различных учебных заведений, прибывши в Москву, везут с собой от попечителей округов просьбы «показать Музей»¹. Музей занимает всё большие и большие круги, распространяющиеся и за границу. В Светлый день пришли в Музей к Назаревскому его профессор в Мюнхене проф[ессор] Фоль² и историк венецианской школы живописи Лионелло Вентури³ с просьбой провести их «ныне же» по Музею ввиду их отъезда из Москвы ближайшей ночью. Эти историки искусства откровенно высказывали наилучшие впечатления от монументальности здания и дороговизны коллекций. Когда вышли они в Греческий дворик, то проф[ессор] Фоль воскликнул: «Donner-Wetter! Aber wo haben Sie so viel Geld geborgt?»** – обращаясь к Назаревскому. Этих памятников нет ни в одном университетском музее Германии. Да и в городских и государственных музеях Германии нет ни угла Парфенона, ни памятни-

* Зд. обрамленных плоскостей (в качестве фона для экспонатов).

** «Черт возьми! Но где вы насобирали столько денег?» (нем.).

ка Лисикрата, да и крыльца кариатид Эрехфейона я не встречал в Германии пока нигде.

Вчера приехал ко мне быв[ший] товарищ мин[ист]ра иностранных дел Губастов⁴ со своим коллегой, служащим в нашем посольстве в Вене (фамилию забыл), с тою же просьбой. С Губастовым мы делали вместе путешествие по Египту⁵, он – нумизмат, владелец коллекции отличных экземпляров римских монет. Он предложил ее в дар Музею⁶ – с одним условием – на витрине выставить его имя на память следующим поколениям. Условие столь естественное. Обходя залы Музея, эти дипломаты также отдавали справедливость подбору коллекций, вкусу декоратора, не говоря о конструкции здания. Губастову я обещал быть у него в Петербурге и принять его коллекцию монет. Живет он на Конюшенной.

Сейчас телефонирует Поленов, оправившийся от болезни и желающий с семьей ныне осмотреть Музей. Едут с ним и два гостящие в Москве итальянские офицеры⁷. Поленов наш сочлен и тарусский мой сосед; надо пойти к указанным 2½ часам. К этому надо прибавить визиты и ежедневные приглашения «на чашку чая вечером». Так и пропало все время праздников. Практичнее поступил мой брат, уехавши отдыхать в Новый Иерусалим; на Рождественские праздники он уезжал к Черниговской Б[ожьей] М[атери], возле Троицы.

На Фоминой неделе ждем проф[ессора] Тураева, чтобы вместе вскрывать ящики голенищевской коллекции и размещать ее по шкафам и витринам. Мне продолжает сдаваться, что мы успеем все главное приготовить в августе этого года. Как находите Вы мысль об открытии Музея этим летом в представительстве от имени Государя? Если с Вашей стороны препятствия не будет, то можно бы просить Великую Княгиню доложить это дело Его Величеству. Тогда работы закипели бы – и к августу все было бы готово.

889. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 апреля

18 апреля 1911, Москва

Графиня Уварова П.С., после годичного заседания нашего Комитета и обзора собранных коллекций, того мнения, что «пора открывать Музей» и что надо сделать это до наступления осени, так в августе месяце. С другой стороны, стало будто бы наверно известным, что Государь в этом году в Москву не приедет: открытие же Музея можно бы, исходатайствовав на то Высочайшее соизволение, сделать лишь в представительстве Государя тем членом Царствующей фамилии, которому Его Величество это поручит.

Говорил я с ней о том, какой порядок существует для Высочайшего награждения дам-благотворительниц, – графиня, подумавши, сказала: «Я думаю, что здесь возможна только форма „Высочайшей благодарности“, а при посещении Музея Их Величествами в будущем году необходимо представить дам-жертвователей особо». Там же, где дама и ее муж – участники пожертвования, лучше отнести сумму жертв на мужа, который и может получить подобающий ему знак высочайшей награды. У нас 2 таких случая: кн[ягиня] и кн[язь] Юсуповы и супруги Колесниковы¹. Первые внесли 46 000 с сотнями, вторые 35 000 р[уб].

Что бы в ближайшем августе ни случилось, мы – музейцы, станем усиленно обставлять залы всем нужным, т.е. памятниками искусства и поста-ментами к ним. Завтра Назаревский оканчивает свой магистерский экзамен² и с вечера получает свободу; поэтому он станет хлопотать над этим делом с особенным усердием. К открытию надо испросить ему орден, во всяком случае, не выше Св. Анны 3 ст[епени]³.

Доклад, сделанный в последнем заседании Комитета, просят напечатать для рассылки нашим сочленам, а ввиду полноты представленной картины состояния коллекции советуют напечатать его с изображениями главных памятников⁴. Я узнаю, чего будут стоить политипажи⁵ хорошего исполнения, и сообщу Вам. При политипажах эту книжку можно представить как отчет о содержании Музея; другая книжка будет составлена совместно с Клейном о сооружении здания, с планами и видом фасадов⁶.

Относительно каталога к открытию достаточно систематического перечня предметов, без описания их, которое будет составляться постепенно и осторожно. Если мне дано будет для того достаточно веку, я сочту это за особое счастье и за особую милость Божию.

890. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 апреля

19 апреля 1911, Москва

Ныне я получил следующий ответ от А.М.Опекушина на письмо мое насчет заказанной ему статуи императора Александра III: «Сегодня возвратился из Варшавы и прочел Ваше милое письмо, глубокоуважаемый Иван Владимирович, и спешу ответить: Вы, вероятно, помните, при личном нашем свидании в Академии художеств я дал Вам категорическое обещание, что статуя Александра III для Вашего музея *к августу сего года* будет мною изготовлена. Повторяя обещание, прошу верить в искренность моего желания сделать Вам приятное.

Глубоко уважающий и искренно преданный Вам А.Опекушин»¹.

Всякий другой после такого заверения свое намерение исполнил бы. Что скажет действительность в данном случае, покажет недалекое время. Когда Опекушина

Позовет к себе на службу Аполлон*,

он, говорят, работает с непостижимой быстротой и не зная усталости. Может быть, эти дни художественного вдохновения придут к нему и для нашей статуи. Дай Бог! Можно бы ко дню открытия Музея помириться и на бронзированном гипсовом слепке, который в течение зимы, конечно, должен быть заменен бронзовым отливом. То дело будет уже в других руках, доступных юридическим обязательствам и потому более аккуратных относительно сроков.

Рабочие в Музее с понедельника² стали на работу в значительном числе, и раньше всех явились плотники и столяры нашей мастерской. Сплоховал только один, но и тот приходил вчера заявить, что с нынешнего дня и он начнет работать. Явились и принялись за дело лепщики, которым у меня есть предположение дать воспроизведение из гипса нескольких исторических рам и кронштейнов, образцы которых вывезены из Италии и из берлинского Kaiser Friedrich-Museum. Я было мечтал воспроизводить их из ореха; но первые опыты оказались очень дороги, а потому явилась мысль о гипсовых рамах, которые можно искусно окрашивать. Такие обрамления рельефов небольших размеров, особенно повешенные высоко, будут производить должный эффект, возвышая оптическое значение рельефных картин, а стоить будут куда дешевле. На днях сделаем первые пробы для зала XV в. в Италии, где уже вывешено несколько деревянных рам, исполненных нашими столярами.

Умер Н.А.Бугров – я послал его главному управляющему от Музея телеграмму. Бугров, вопреки обещанию («я маненько помогу»), лично мне данному в Нижнем Новгороде, для Музея не сделал ничего. Один из всех членов Комитета, в который был записан по его же письменному желанию... Понять не могу. Не сделает ли что его душеприказчик Ассонов³ (главноуправляющий и один из 3-х наследников)?

891. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 апреля

26 апреля 1911, Москва

Получил я письмецо от кн[язя] Ф.Ф.Юсупова, извещающего, что он уже с января страдает мучительной подагрой и писать едва в состоянии¹.

* Намек на слова из стихотворения А.С.Пушкина «Поэт» (1827): «...Требуется поэта / К священной жертве Аполлон...»

Я его просил о временной выставке предметов искусств юсуповского собрания в нашем Музее ко дню его открытия. Обещает выставить «что-нибудь итальянское» и особенно одну «ценную вещь» раб[оты] Jean de Bologne. Того же мастера прекрасную бронзу получим от Н.С.Мосолова², к которому недавно приезжал один парижский антиквар и, увидевши статуэтку (ок. 1 ар[шина] [ок. 71 см] высоты), лениво-сонным голосом промолвил: «Он бы де дал за нее 4000 руб.». Мосолов, с юности вращавшийся на европейских художественных аукционах, хорошо понял значение этой сонливой аффектации торгаша и ответил, что он все собрание завещал одному из московских музеев. Надо будет попросить графиню П.С.Уварову об имеющихся у нее в городе нескольких бюстах XV в., два из них, мне думается, Fr. Laurana³.

Кн[язь] Юсупов, живущий теперь в Царском, прислал мне carte postale* с видом своей пышной «дачи»⁴ и пригласил меня, в первый же приезд в Петербург, на завтрак, указавши, что выехать в Царское нужно ровно в 12 часов.

Навестите болящего и как-нибудь узнайте (хотя бы от сослуживцев по его полку), какой последний его орден. Мне почему-то думается, что станиславской звезды у него нет. Теперь, когда приходится составлять список жертвователей Музея, неизбежно знать это относительно кн[язя] Юсупова⁵. Число награждаемых по нашему Комитету будет очень невелико: большая часть жертвователей за 14 лет действий Комитета умерли. Экстренных наград нужно ждать для вице-председателя и Р[омана] И[ванови]ча, которому было бы целесообразно исходатайствовать чин д[ействительного] с[татского] сов[етника]. Но как это сделать? Решится ли испрашивать эту награду Кассо, который, как и Шварц, ни разу не поинтересовался нашим Музеем и не заглянул в него? Гр[афиня] Уварова говорила об одной «чрезвычайной» награде с ним, а он указал, что он, как министр, может просить у Государя лишь очередную награду, Владимира I ст[епени]. Но графиня (это сообщила мне она по секрету) этим недовольна и 30 апр[еля] будет иметь специальную беседу с Великой Княгиней, прося ее об исходатайствовании у Их Величеств голубой ленты⁶. М[ожет] б[ыть], я напишу графине заодно просить и для Р[омана] И[ванови]ча превосходительного титула⁷.

892. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля

29 апреля 1911, Москва

Ныне я прочел в газетах о назначении Элима Павловича в советники нашего посольства в Париже. Радуюсь его служебному повышению, за кото-

* открытка, почтовая карточка (фр.).

рым следует пост резидента и полномочного министра при одном из иностранных дворов¹, и вместе с тем грущу, что молодая чета, вносившая струю молодой жизни в Вашу одинокую жизнь, теперь от Вас уедет. При свидании, будьте добры, передать Элиму Павловичу и княгине мое сердечное поздравление.

В Музее идут работы, хотя еще и не полным, но уже заметным шагом. Поджидаем возвращения Нивинского из Италии, который должен усилить темп декоративной росписи 2 – 3 последних потолков и заняться окраскою стен, чтобы к 1/2-не [половине] июля окончить все работы по окраске помещений Музея. Определенной системе следует расстановка предметов; на этих днях распределяются статуи и рельефы архаической поры Греции в двух отведенных им залах. Довезли недостававшие двери, которые получают свои места. На будущей неделе будут ставить тамбур при главном входе. Эффектной выходит дверь в Главный зал, потолок которого в верхнем ярусе разукрашается кассетонами с голубым дном. При ярком освещении юго-западной стороны эти кассетоны придают жизнерадостный вид всему залу². Меж колоннами 2-го яруса ставится решетка для безопасности публики. Р[оман] И[ванови]ч употребляет усилия к тому, чтобы эта решетка не выходила в Белом зале слишком тяжелой. Впрочем, нужно сказать, что Р[оман] И[ванови]ч не сделает ничего безвкусного; скорее он поступится исторической строгостью и точностью, но и это чаще бывало прежде, чем под конец работ. Не далее как 3 дня назад начал было он роспись потолка зала Средних веков в стиле одного дворца в Риме из эпохи XV в. (так назыв. Palazzo di Venezia)³. Эффект получился на пробном образце красивый; но когда на вопрос об источнике этой росписи он должен был показать фотографии плафонов этого Palazzo di Venezia, он убедился, что выбор его был неудачен ни хронологически, ни этнографически, так как Италия велика в истории архитектуры и скульптуры не созданиями Средневековья; Р[оман] И[ванови]ч согласился и заменил образчик французским из XIII ст[олетия]. Для Средних веков, действительно, лучшие представители – Франция и Германия. Будьте благополучны.

893. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 мая

6 мая 1911, Москва

В последние дни возбуждено мною ходатайство перед Академией художеств о слепках с колоссальных статуй неаполитанского музея Ercole Farnese и Flora Farnese, а равно и о 3-х других античных статуях, стоящих около главной лестницы Академии¹. Слепки эти будут одни из редчайших в практике

европейских университетских музеев, так как форм с этих статуй ни в Неаполе, ни в других местах не существует, а потому и слепков с них не делают нигде. Лишь с Ercole Farnese была прежде форма в неаполитанском музее, но очень плохая, старая. В начале 90-х годов нам подарил отлив этой статуи мануфактурист Баранов, прежний питомец Московского университета; пришла она к нам грубо неаполитанскими рабочими разломанная на куски. Она, за недостатком высокого помещения в Университете, лежала годы в ящиках, пока не сгорела в пожаре 1904 года. После, раз, ходивши с Беклемишевым по Академии, я увидел гипсовый отлив этой статуи и тогда надумался, в свой черед, просить Академию о повторении ее для нас. Написал и письма Беклемишеву и Лобойкову и бумагу в Академию об отливах этих 5 больших статуй. Пока, к открытию Музея, хотелось бы получить Геркулеса и Флору как наиболее эффектные и прославленные статуи из крупных по размерам.

На этой неделе налаживается, сначала на полу, к постановке на высоту эгинский фронтон. Зал, в котором он хронологически должен быть поставлен, немного уже Эгинского храма, поэтому скульптурную композицию придется несколько сжать. Это и будет сделано, причем в объяснительном каталоге на это обстоятельство будет указано².

Хорошо вырисовывается расстановка памятников в Римском зале. Отличную службу служат здесь геркуланские и помпейские бронзы. Приготовлена расстановка скульптур греческой архаики.

Да хранит Вас Господь!

P.S. Вчера вступил во второй день 65-го года. Это меня радует, потому что, я замечал, кто из нашего брата не умирал 59 – 63 лет, тот после жил долго. Хотелось бы поставить на ноги детей и наладить жизнь Музея...

894. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 мая

10 мая 1911, Москва

Графиня П.С.Уварова, Ваша искренняя поклонница, по секрету мне пишет¹, что она 30 апреля имела беседу с Великой Княгиней о делах Музея, времени его открытия и о главнейших наградах по президиуму Комитета. Великая Княгиня ей сообщила, что «много говорят и много заняты вопросом об одновременном открытии памятника и Музея, может быть, в присутствии Велик[ого] Кн[язя] Михаила Александровича». Великая Княгиня приняла «Записку» от графини о Музее (характера этой «Записки» я не знаю, не выдавши ее и не принимавши никакого участия в ее составлении), чтобы взять ее с собою в Петербург, куда она намерена скоро поехать, и обещала

«обо всем и всех» переговорить с Государем и мнение его привезти с собою. На какие праздники (м[ожет] б[ыть], на день коронации²) Ее Высочество отправится в Петербург, – из письма графини неясно. Но для меня не подлежит сомнению, что ни о какой иной ленте, кроме голубой, она не могла вести речь с Великой Княгиней. Об Андрее Первозванном графиня заговорила со мной – первая и *ergo motu*. Делает она все это в секрете, который я вероломно Вам передаю, не имея от Вас никаких секретов.

Присутствие генер[ала] М.П.Степанова в годичном заседании Комитета и эта беседа с графиней Уваровой, несомненно, подогрели расположение Ее Высочества к Музею, потому что ныне получено Музеем ее письмо, в котором она извещает о серии итальянских картин, принадлежавших Великому Кн[язю] Сергею Александровичу, которые она приносит в дар Музею. Письмо подписано собственноручно³. Считаю долгом сообщить Вам об этом немедленно, потому что, естественно, только Вам следовало бы принести своевременно Ее Высочеству благодарность, письмом или телеграммою, как Вы заблагорассудите. Очень может быть, что, когда Вы получите это письмо, Великая Княгиня будет уже в Царском или в Сергиевском дворце⁴: т[е]м скорее и удобнее направить Вашу благодарность.

Графиня Уварова пишет мне из Можайска и выражает надежду, что все вопросы ее собственноручно составленной «Записки» разъяснятся к первым числам июня, когда она надеется возвратиться в Москву с экзаменов ее женской можайской гимназии. Письмо ее, как результат беседы с Великой Княгиней, написано в жизнерадостном настроении и с надеждой на успех ее соображений.

Возвратился из Италии Нивинский; этот обыкновенно бледный человек, за месяц жизни под итальянским солнцем (он проехал до Пестума⁵), совсем ожил, порозовел. Он в восторге от «ретроспективной» художественной выставки в Риме⁶, удивительно, говорит он, размещенной в Museo delle Terme*. Памятники искусств для этой «ретроспективной» выставки свезены со всей Европы; оттого, например, там Тициана⁷ можно видеть всего или в таком количестве его произведений, как нигде. Целые залы – одних портретов знаменитых людей Италии, писанных великими художниками, так что смотря на них, закрывающих все стены избранного помещения, живешь-де среди этих творцов былой истории этой страны.

Клейн принес из Комитета по памятнику известие, что там проектируется открытие памятника или 16 – 17 августа или в сентябре⁸. В сообщении графини Уваровой о том, что открывать памятник будут в представительстве

* Музее Терм (*ит.*).

Вел[икого] Кн[язя] Михаила Александровича, есть что-то странное, если сопоставить с этим другой, циркулировавший в Москве, слух, будто весной 1912 года будет первый приезд Их Величеств в Москву именно для этого открытия, так как Государыне Марии Феодоровне нежелательно соединение этого события с осенними юбилейными праздниками.

Будьте здоровы.

P.S. Только что окончил это письмо, как принесли от заведующего двором Великой Княгини Корнилова бумагу о том, чтобы «пожертвованные Их Высочествами Елисаветой Феодоровной и Марией Павловной, принцессой Шведской, герцогиней Зюдерманландской, 18 картин принять в Николаевском дворце⁹...».

895. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 мая

17 мая 1911, Москва

Вчера мы втроем принимали в Университете до сих пор там хранившиеся вещи Кабинета изящных искусств, Ваш дар гальванопластик с шлимановского клада из Микен, монеты, медали, терракоты, вазы, бронзочки. Все сохранилось отлично: витрины и шкафы были зашиты тёмсом, покрытым после обоями. Я опасался, не потускнели ли гальванопластики от этого лежания там в течение многих лет, но сухой воздух их спас: золото и серебро блестит, как и прежде.

Мы привели с собою человек 6 музейских рабочих, привезли ящиков, чемоданы, корзины: во все это укладывались вещи после досчета их Назаревским и Киприяновым, и после они были перевезены в Музей. Более хрупкие предметы перенесены на руках. Главная доля труда по руководству работами досталась здесь этим молодым ревностным моим пособникам. Работать пришлось в порядочной пыли, так как было необходимо вырубить из стен 2 несгораемые шкафа.

Смущало меня до сих пор опасение за целостность этой части прежнего университетского антиквария; ибо все эти годы она находилась во владении минералогов¹ с их, нам неизвестной, прислугой. Но нет, все осталось неприкосновенным. Университетские служители обыкновенно сживаются с учебно-вспомогательными учреждениями и их имущество берегут как свое. Они обыкновенно стареются и умирают на своих местах, считая, скольких профессоров они пережили, и являясь живой летописью лабораторий и кабинетов. И история Университета не знает примеров, чтобы служителя обокрали свои учреждения. Дай Бог нам воспитать в Музее такое же отношение служителей к хранимому ими научному имуществу.

Поленов, по болезни не бывший в годичном заседании Комитета, после приходил в Музей 3 раза, а вчера за тем, чтобы определить место для картин, которые он собирается писать в дар Музею². Для этого он через 2 недели отправляется в путешествие по Греции, желая побывать в Дельфах, в Олимпии и в Афинах. Хочется ему дать картину или 2 и для Египетского зала по имеющимся у него этюдам. Что выйдет из этого, сказать трудно, принимая в расчет, что ему уже много лет. И чем сильнее размах его сборов, тем сомнительнее успех этих планов.

Головин получил первую плату с А.Гр.Подгорецкой за картину древне-эллинского кладбища и теперь находится в пути в Грецию. Ни Поленов, ни Головин не боятся греческой жары в июне и июле.

Послезавтра принимаем картины Великой Княгини (она на 14 мая уехала в Царское) в Николаевском дворце. Вдруг повезло нам на живопись.

Да хранит Вас Господь!

896. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 мая

20 мая 1911, Москва

Возвратилась из Петербурга Великая Княгиня и, надо думать, привезла с собою решение Государем вопроса о времени открытия Музея. Графиня П.С.Уварова должна возвратиться из Смоленской губернии 28 числа и вскоре будет у Великой Княгини за известиями. Числу к 3 – 5 июня мы должны иметь надежные сведения, что нам делать этим летом. Если согласие на открытие в конце августа или в начале сентября последовало, то напряжем все силы, чтобы быть готовыми к предстоящему празднику. Ее Высочество сообщит и то, кто может быть посланцем Государевым на открытии. Раньше графиня Уварова писала мне, что в Царской семье имелся в виду на этот случай Великий Князь Михаил Александрович. Я не понимаю и до сих пор, каким образом только в представительстве брата Государя имелось будто открыть и памятник Императору Александру III будущей весной. Ходил одновременно с этим известием графини Уваровой мне по Москве слух, что Государь и Государыня будут здесь к осени [1912 г.] на юбилейные торжества и что Императрица Мария Феодоровна желает открытия памятника весной, дабы не смешивать эти события с юбилейными праздниками. Выставлялось при этом на вид, что приезжать в Москву 2 раза одним летом Государю нет возможности. Что тут правда и что плод фантазии, – сказать трудно.

Теперь для нас особая забота прикончить роспись потолков, которая мешает расстановке предметов и окраске стен. Веду переговоры с Р[оманом]

И[ванови]чем о простой, однотонной окраске плафона в Средневековом зале¹. Глазу после потолка в Римском зале хочется отдохнуть, да и вся скульптура Средних веков так крупна и грубовата, что гармонировала бы только с простым, или штукатурным церковным, или дубовым, потолком. Никакой пестроты на балках потолка бы не хотелось. Но у Р[омана] И[ванови]ча какая-то предилекция* к росписи, сложной, цветистой и пестрой. В других залах скульптура изящная, как в греческих, Римском или в итальянском Ренессансе; но ставить статуи средневековых церквей, да еще с их фасадов, под изящно и пестро расписанный потолок, – это не согласуется ни с эстетикой, ни с историей. Грубоватые, а подчас и некрасивые изваяния Средневековья просят обстановки простой и даже суровой. Так думается после объезда Германии и Франции с церквями XII – XIV ст[олетий].

Получил я из Петербурга письмо от брата обер-прокурора I департамента Сената, быв[шего] начальника Нижегородской и Курской ж.д., моего хорошего знакомого², который извещает, что мое дело в Сенате будет рассматриваться 26 мая и чтобы, по словам сенатора и обер-прокурора Добровольского³, я об исходе этого дела не беспокоился. И дело это, с уходом Шварца, потеряло-де остроту, да и стало ясно, что оно исключительно муссировано Шварцем, которому-де не сочувствовало совершенно в этом само М[инистерст]во нар[одного] просвещения. Посмотрим, что решат в I департаменте Сената 26 числа. Пора кончать эти прения. Всего Вам хорошего!

897. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 мая

26 мая 1911, Москва

М[инистерст]во нар[одного] просвещения командировало к нам для приема голенищевской коллекции профессора Тураева; мы его поселили в квартире хранителя Мальмберга и приступили к вскрытию ящиков. Пока нас 5 человек¹, но дня через 2 придет ученик Тураева по египтологии², тогда мы поделемся на 3 группы для ускорения работ и проверки друг друга. Пока принимает участие в выемке предметов, регистрации и расстановке по шкапам и витринам и Р[оман] И[ванови]ч, сильно увлекающийся этой работой. Но у него по горло своего дела, и приезжать в Музей он может только во 2-м часу, тогда как мы становимся на работу в 8¹/₂ часов. В три пары работа будет спориться, и недели в 3 мы ее окончим, тем более, что Тураеву нужно везти свою большую жену на Кавказ. Торопится на Балтийское море и Мальмберг. Пока мы лишь вносим материал в шкафы и витрины так,

* предрасположенность, склонность (от фр. predilection).

чтобы все вещи проверить и поставить приблизительно таким образом, как стояли они у Голенищева. Если успеем, к открытию Музея, может быть, расставим и разложим по другой, более ясной для публики, системе, держась предметного порядка: напр[имер], все погребальные статуэтки, все маски покойников, все стекло, все скарабеи и т.д. В каждой категории следует сохранить деление египетской хронологии, по возможности. Для этой работы Тураев готов приехать в другой раз, может быть, прибудет для этого и сам Голенищев, который будет проводить лето с июля в Петербурге. Тогда бы можно было пригласить его и на открытие Музея для объяснения предметов Их Величеств³, на случай, если бы они поинтересовались, что едва ли подлежит сомнению. Государыне он мог бы делать объяснения по-французски.

Булыгин⁴ на этих днях был в Комитете по памятнику Императору Александру III и привез, по словам бывшего в заседании Р[омана] И[ванови]ча, следующее известие. Государь заграничную поездку отсрочил, и потому у Их Величеств выпадет в августе свободное время между 17 – 30 числами, которым Комитет памятника и рассчитывает воспользоваться для открытия. Опекушин воспрянул от бездействия и голову статуи окончил. Напишите ему напоминание о нашей статуе: может быть, он вылепит ее и нам. Хотя бы приготовил к открытию в гипсе (бронзированным), если не успеет отлить ее из бронзы. Работает он, говорят, необыкновенно быстро, раз идея у него созреет и настроение явится.

Список лиц, представляемых Вами к наградам, составлен, и дня через 2 я пришлю его Вам.

Да хранит Вас Бог!

898. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 июня

4 июня 1911, Москва

Вот уже миновала неделя, как телеграммы газет распубликовали определение Сената от 26 мая – дело, возбужденное против меня Шварцем, «прекратить». Шварц не удовольствовался тем, что Сенат в его обвинительных рапортах достаточных оснований для судебного производства не нашел еще 17 декабря 1909 года; он повел дело тогда дальше – и теперь, сам нося сенаторский титул, получил более категорический «отказ». Бог с ним! В этом решении Сената сыграла подобающую роль моя печатная апология, написанная в объяснение на предоставленные мне Сенатом обвинительные документы Шварца, до невероятия небрежно или злостно (решить не умею) составленные для него в министерских канцеляриях. Хороши же там юрисконсульт мин[истерст]ва и присылавшиеся ко мне ревизоры, которые

строчили один рапорт в Сенат за другим! В Сенате я видел их целых 3, и с главных бумаг я получил копии для ответа. Прочитавши эту книгу, обер-прокурор еще к Рождеству прислал мне совет «не беспокоиться об исходе этого дела»¹; новое подтверждение этого взгляда «прокурорского стола» я получил 16 мая², за 10 дней до форменного решения, последовавшего 26 числа.

В дни обсуждения этого дела Сенатом и последовавших 27 числа, по опубликовании газет, поздравительных телеграмм и писем, летевших на пространстве от Финляндии до Балаклавы, я спокойно сидел в Музее за работою над приемом коллекции Голенищева. Работало нас 6 человек, тремя группами, по 2 человека в каждой. 225 ящичков, больших, средних и малых, заполнили запасный зал. При распаковке было много стука и пыли от упаковочного материала – ваты, бумаги и стружек. Всего этого накопились целые горы, которые, как опасный горючий материал, нужно было скорее вывезти из Музея. Ныне копну стружек продали какому-то матраснику по 1½ рубля за воз. Цена смешная, но и она была для нас неожиданна, потому что мы отдали бы эти стружки даром, лишь бы немедленно увезли их с заднего двора Музея, где рабочие отводят душу за папиросками... С месяц назад один из таких курильщиков бросил папироску к деревянному забору в мусор. Дул ветер, который создал пламя; сухой забор загорелся, и произошел пожар, искусно, впрочем, потушенный. Этот урок заставил нас ныне спешить с уборкою сухих стружек со двора. Пособляла и погода: лил целый день дождь, который вот и сейчас, в этот полуночный час, льет и стучит в ставни моего дома.

Коллекция, в количестве свыше 6000 предметов всяких размеров и разного рода, пришла к нам вся и вся нами принята по описи. Завтра проредктируем донесение Министерству, а послезавтра профессора Тураев и Мальмберг уезжают из Москвы.

Завтра, в субботу, возвращается из Петербурга, со свадьбы племянницы, княжны Щербатовой³, графиня Уварова; думаю, что завтра же, перед отъездом в Муром, она мне сообщит слышанное от Великой Княгини насчет времени открытия Музея.

В Музее идут работы над сбором частей колоссального епископского (готического стиля) сиденья (XV в.) из Ульма⁴ и над окраскою постаментов, стен и потолков. Работа кипит.

Ныне выехали Клейны в Петербург на свадьбу дочери, выходящей за молодого, только что окончившего курс, инженера Сенявина⁵. Р[оман] И[ванович] хотел быть у Вас.

Будьте здоровы.

899. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 июня

5 июня 1911, Москва

Сейчас я возвратился от графини П.С.Уваровой, которая передала мне, со слов Великой Княгини, следующее. Ее Высочество имела разговор с Государем о времени открытия Музея – Государь высказал намерение открыть его одновременно с памятником в 1912 году. Этим летом Их Величества будут плавать в шхерах¹, Государыня будет принимать там все время наугэймские ванны²; из шхер они проедут в Данию, а в конце лета проедут, не московским путем, в Киев и Крым. Прежний разговор о том, что на открытии памятника будет представителем Государя Великий Князь Михаил Александрович, объясняется тем, что Великий Князь будет этим летом на закладке памятника, которой до сих пор не было (!)³. Отсюда и пошли неверные рассказы.

Итак, при помощи Божией, Музей наш откроется самим Государем, при торжественной обстановке, блеск которой можно себе наперед представить по аналогии с нашей закладкой.

Будем просить Бога сохранить нам жизнь. Да хранит Вас Господь!

Ныне составленный вчера протокол о приеме голенищевской коллекции отправили по назначению. Тураев и Мальмберг уехали.

Раз открытие Музея отнесено на следующий год, мне нет резона оставаться на все лето здесь. Дней через 10 я выеду в Германию и сначала помещусь в санаторий около Дрездена, чтобы полечить желудок и отдохнуть от тяжелых впечатлений, преследовавших меня в течение 2-х последних лет по милости нелепого Шварца. В Музее останутся Назаревский и Киприянов, которые стоят совершенно в курсе организационных работ по размещению предметов, заготовлению постаментов и деревянных щитов и окраске их. Хочется мне посмотреть музеи в Ахене, в Бонне и Майнце⁴.

Будьте здоровы.

900. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 июня

22 июня 1911, Москва

Р[оман] И[ванови]ч со слов Кельина мне сказывал, что Вы возвратились в Петербург и скоро будете в Москве. Это очень порадовало нас обоих как доказательство Вашего доброго здоровья. Храни Вас Господь!

Известие из Царского или Петергофа о том, что предположено совместное открытие памятника и Музея императора Александра III весной 1912 (почему-то говорят о приезде Государя в Москву на Пасхе¹), не ослабило работ

в Музее. Р[оман] И[ванови]ч бывает там каждый день; малярам остаются 2 – 3 потолка, они приступили уже к стенам, подготавливая грунт их окраски. Наша плотничная мастерская работает безостановочно над тумбами для статуй, поставляя их десятками в залы. 4 лепщика ведут дело сбора разрозненных предметов и ставят их на места. Установка высокого, в несколько саженей, готического *Bischofs-stuhl** из ульмского собора, как предмета очень хрупкого в своих ажурных частях и разделенного на 200 кусков, идет своим, по необходимости, медленным шагом; но лепщики уже перебрались в верхнюю его часть. Этот гипс, скрепленный изнутри железными полосами и прикрепляемый к стене рельсами и тавриками и хорошо окрашенный под дерево, будет производить импозантное впечатление уже своими размерами. Он становится в Христианском дворике рядом с романским порталом в Фрейберге (*die Goldene Pforte*) и по высоте своей далеко оставляет его за собою. Но я радуюсь, что открытие не состоялось в августе, потому что тогда пришлось бы спешить, чтобы успеть к сроку, а теперь все делается потихоньку и более солидно.

Вы, Юрий Степанович, меня спросили как-то, будет ли у Клейна поддержка сравнительно с его последней, года 1½ поданной им, сметой остающихся расходов? Я сам никаких денежных дел не знаю, и потому как-то я спросил Р[омана] И[ванови]ча на этот счет. Он мне дал решительный ответ, что «перерасхода не будет», но прибавил, что он и сам объяснить себе не может, как он в той смете забыл про ограждение заднего дворика Музея. Там, по проекту, должна быть высокая решетка с пиками на солидном кирпичном цоколе. И это обрамление в последней смете он совсем упустил из вида и его не написал там. Чтобы выкарабкаться из затруднения, он проектирует теперь цоколь низкий, так чтобы и вся изгородь была невысокая, аршина 2½ – 3 [1,78 – 2,13 м]. Сначала же здесь предполагались солидные размеры. Переулок там, за счет теперешнего нашего двора, значительно расширяется², если возможно, хотелось бы иметь здесь решетку внушительную, с пиками, вверху «вызолоченными». Не разрешите ли Вы это Р[оману] И[ванови]чу словесным приказанием? Высокий цоколь и пики значительных размеров, так чтобы высота обрамления была аршин в 6 [4,27 м], придали бы этому дворiku вид монументальности. Низкая же загородь не принесет ли убыли впечатлению?³

* епископского места, трона (*нем.*).

901. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 июня

26 июня 1911, Москва

Готический высокий епископский трон собора в Ульме причиняет нам немало забот своей архитектурной формой. Высота его в несколько сажень и очень тонкая верхняя часть его создали большие затруднения для монтера наших сложных слепков, приходящих из-за границы в частях. Он устал скоро нижнюю часть и стал было прилаживать к ней части верхней половины; но Р[оман] И[ванови]ч увидал, что архитектурные линии обеих половин разошлись до невозможности продолжать работу дальше. Пришлось разбирать уже уставленное. Таким образом, пропали и труд, и деньги прежней работы. Теперь связывают нутро сооружения железными полосами, и вся работа по сбору 200 частей, в которых этот сложный памятник дошел до Москвы, поведется под непосредственным контролем Клейна. И когда встанет этот трон на свое место, – сказать трудно. Высотой он далеко превосходит die Goldene Pforte Фрейбергского собора. Ульмский памятник ставится с этим порталом рядом.

Другой лепщик наш «тянет» из гипса кронштейны и рамы. Оригиналом для этих повторений служат образцы, приобретенные мною в прошлом году у Боден¹ в Kaiser Friedrich Museum. По образцу наш лепщик делает из дерева шаблон и потом «тянет» избранные части кронштейна или рамы из гипса; соединяет их и делает целое. Эти гипсовые копии будут окрашиваться и расписываться золотом и красками по тому экземпляру, который куплен в Берлине. Таким образом, мы получаем формы подставок и обрамлений, очень близко знакомящие посетителей Музея с тем, что представляют оригиналы. Такая мебель вводит во вкус той эпохи, к которой относится укрепляемый на стене и обрамленный памятник. Цена этих предметов выходит невелика, равняясь поденной плате лепщика и его помощника (2¼ руб. мастеру и 2 руб. помощнику) за работу с 8 ч. утра до 5 ч. пополудни. Работают лепщики очень усердно.

Новую заботу доставил хранителю А.В.Назаревскому появившийся налет плесени на предметах коллекции Голенищева. Вентиляция в большем, запасном зале, где она хранится временно², действует весьма слабо; в летнюю пору воздух здесь какой-то исключительно густой и влажный. Как тут быть, чтобы помочь горю, – совсем не знаю. Вся коллекция Голенищева находится в двух обширных и хорошо запираемых залах, находящихся в стороне. В смысле охраны эти помещения имеют исключительные преимущества, зато воздух в них очевидно сырее, чем в собственном Египетском зале, который не так защищен во время работ.

Вчера были у нас 2 Попечителя Учебных округов, Тихомиров и Деревницкий (Казанского округа, быв[ший] ректор Одесского университета)³. Ходили и смотрели до усталости. Последнее обстоятельство возбудило вопрос о том, что ко дню открытия Музея, чтобы не утомлять Их Величеств, надобно установить программу, что показывать и куда водить Государя. Весь материал очень велик, и обозрение его, особенно после церковной службы⁴, будет утомительно. Египетскую коллекцию хорошо было бы показать Их Величествам самому Голенищеву, который готов прибыть в Москву для расстановки предметов по витринам и ко дню открытия. Для Государыни он мог бы говорить на каком угодно языке – французском, немецком и английском.

Будьте здоровы.

902. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Dresden, 8/22¹ июля

9 (?) июля 1911, Дрезден

В Дрезден я приехал новым, более коротким, путем – *via** Варшава – Калиш, через пограничную таможенную «Скальмерджицы»². Этот путь – прямой из России средней полосы в центральную Германию, сквозные поезда здесь установлены недавно.

Здесь я ознакомился с *Albertinum*'ом «вчистую»**, перед открытием нашего Музея стараясь установить главнейшие предметы для каждого нашего зала, без которых открывать их столь торжественно казалось бы невозможным или, по крайней мере, нежелательным. Все настоятельно желательное занесу в записную книжку, чтобы вечером отписать об этом хранителю Назаревскому и Киприянову – с поручением рассортировать эти записи по местам приобретения гипсов соответственных предметов. К моему возвращению таким образом составятся отдельные списки, что нужно будет еще заказать, напр[имер], в Риме, Неаполе, Мадриде, Мюнхене, Париже, Лондоне, Берлине, Стокгольме и др[угих] местах. Надобно постараться представить хотя бы главное во всех залах. Но, конечно, не обойдешься без того, что в одном месте будет густо, а в другом пусто. Случайности подбора и субъективности собирателя никак не избежать, как не избегли этого и западноевропейские музеи. Здесь зачастую видишь, что материал отвечал личным увлечениям составителей музеев. Занимала директора одна тема – и на нее он собирал весь интересный ему материал. Этих следов увлечения и односторонности окажется довольно и у нас.

* дорога (лат.).

** Зд. сплошняком.

Здесь я познакомился в Albertinum'e с молодым ученым архитектором, который строит из белого мрамора – что бы Вы думали? – не менее, как второй Парфенон. Это – человек богатый и энтузиаст греческой архитектуры. Штудирует он вопрос с немецкой Genauigkeit*. Конечно, его постройка относится к оригиналу как 1:100. Зачем же строить модель из мрамора? Но это уже дань увлечения молодого энтузиаста³. Счастлив народ, что имеет таких энтузиастов чистого знания! Если постройка удастся, я куплю модель ее из гипса. Этот архитектор хочет посвятить себя устройству моделей и других сооружений греческой архитектуры. Мысль счастливая и для богатого человека исполнимая. При успехе это предприятие доставит ему археологическую славу.

Да хранит Вас Господь!

903. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Дрезден, 26 (нов. ст.) июля

13(?) июля 1911, Дрезден

Все, что нужно было усвоить в Albertinum'e и в Historisches Museum¹, я окончил. Нового, после прошлогодних изучений, в Albertinum'e я нашел очень немного. Важно было перед расстановкой предметов у нас повторить** порядок этого музея, считающегося по справедливости, в этом характере, именно как музей гипсовых слепков, первым в мире, вне конкуренции дающим тон и Европе и Америке. Хотя, конечно, в деле группировки памятников греко-римского искусства среди ученых существует сильное разногласие, – и это относительно славнейших произведений, Аполлона Бельведерского, Венеры Милосской, Лаокоона и пр. Здесь каждый ученый авторитет имеет свои зоны, оттого они и лишены абсолютной силы. Важно, однако, в наиболее затруднительных вопросах иметь пример предшественников.

В Historisches Museum Дрездена меня и на этот раз интересовало вооружение Средних веков и Возрождения. Здешнее собрание удивительной ясности и порядка. Хотелось ознакомиться с этой стороной ввиду предстоящего получения нами образцов рыцарского вооружения из Императорского Эрмитажа, о чем шла переписка между Министерством Двора и народного просвещения еще весною. Директор Эрмитажа гр[аф] Толстой высказал согласие уступить нам несколько образцов конного и пешего металлического вооружения как целых фигур, так и отдельных частей его. Части здесь расположены очень картинно. Я просил директора выслать нам фотографии этого распорядка.

* Дотошностью (нем.).

** Зд. возобновить в памяти, заново пройти.

Поезд в ближайший мой путь, на Лейпциг и Кассель, отходит отсюда в 5 часов утра, но я, по обычаю, перед сборами не мог спать ночь. В 3-м часу поднялся, уложил свою небольшую ручную корзинку, составляющую весь мой багаж, и в 4 часа пил кофе здесь на вокзале. Как здесь, по мере развития образования, заботятся об улучшении быта низших классов! Какие рестораны здесь для 3 и 4 класса пассажиров! Помещение светлое, чистое. Бедному ремесленнику кофе и пиво подает кельнер во фраке. И такие формы обращения облагораживают самую вопиющую бедноту. Из Лейпцига поеду сначала в Кассель.

904. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Франкфурт на Майне, 27 июля

14(?) июля 1911, Франкфурт-на-Майне

Пока я жил в Дрездене, жара стояла хотя и очень большая, но по мере моего приближения к Рейну, она становится все исключительнее. В Касселе я должен был искать следов одной издательской фирмы, которая по Древнему миру опубликовала прекрасные Wandtafeln* для средних и высших школ; потом ввиду этого успеха ею предпринято было изготовление моделей сооружений Греции и Рима¹. Эти модели ею делались из терракоты и отличались прочностью. Их художественное значение наравне с научным было признано и Треем, который приобрел для Albertinum² всю коллекцию. Следуя его примеру, я, еще в 1895 году, приобрел ее для Московского университета; но пожар Музея уничтожил эти модели без следа².

Когда я решился купить 2-й экземпляр их, мне дали знать, что этой издательской фирмы не существует более и что все ее имущество рассеялось по всем 4 ветрам. Я прибыл в Кассель, чтобы узнать, нет ли сведений о распродаже этого имущества более определенных. Здесь я надумался обойти книжные магазины и навести справки. В главном из них я узнал, что тот издатель разорился, «попал в конкурс**» и умер, а нужные мне формы моделей надобно искать в Лейпциге у книгопродавца Köhler'a***, который все Lehrmitteln**** купил на аукционе. Любезный хозяин магазина дал мне и точный адрес этого Köhler'a на каком-то Taubenweg*****. Ну вот, я вчера и был в Лейпциге, а найти там сведений об этих моделях не мог.

* настенные таблицы (нем.).

** т.е. над его фирмой кредиторы назначили своего директора (так называемое конкурсное управление).

*** Кёлер (нем.).

**** учебные пособия (нем.).

***** Таубенвег, букв. Голубиный путь (нем.).

Теперь я надеюсь дойти до корня этого дела. Поселившись на Рейне, я напишу этому Köhler'у.

Во Франкфурте я разыскиваю статую Афины ваятеля V в. до Р.Хр. Мирона. Афины греки называли изобретательницей флейты. Вырезавши из тростника 2 дудочки, Афина устроила лады и на этом новом инструменте раз играла с таким искусством, что пробежавший поблизости ее сатир Марсий заслушался и, когда Афина, заметивши в отражении источника, как во время игры безобразно раздуваются ее щеки, в женском негодовании бросила на землю свой инструмент, то Марсий решился было схватить его. Но Афина своим грозным видом отстранила его. Вот этот скоропреходящий момент двух противоположных настроений и изобразил Мирон в бронзовой группе «Афина и Марсий»³. Она получила славу; ее римляне копировали в мраморе. Копия статуи Марсия есть в Латеране, а статуя Афины этой группы оказалась во Франкфурте. За ее копией я и приехал сюда. Мы ее получим и выставим в зале Олимпии.

Видел я здесь прославленную данеккеровскую Ариадну⁴. Греческого в ней мало, это – немка возлегла на зверя.

В Касселе я около 4 часов провел на Wilhelmshöhe⁵, вспоминал там, в связи с пленничеством там Наполеона III, о превратности судьбы человеческой... Как в ней все непрочно! Отсюда еду в Mainz.

905. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Майнц, 29 июля

16 июля 1911, Майнц

Государственное раздробление Германии создало по всей ее земле целый ряд высококультурных центров – с библиотеками, картинными галереями, университетами и множеством школ. И заботою правителей тех многочисленных «государств» было превзойти соседей покровительством и украшением своей столицы, своей Residenzstadt. Новые времена смели с лица Германии эти крошечные государства и лишили маленьких государей их тронов, титулов и почестей; но все признаки былой культурности остались не только в прежних столицах, но стремление отличить, возвысить собственное значение в деле просвещения разлилось по другим городам. Если соревновали, бывало, в этом взаимно правители и носители трудно и передаваемых на наш язык титулов, то эту заботу об учебных, ученых, художественных институтах взяло на себя само население городов и их областей. Одним из существенных инструментов народного просвещения явились городские музеи, развивающиеся в Германии, как ни в какой другой стране Европы. Для упорядочения этого особенно интенсивного дела издается

особый журнал «Die Museumkunde»*. Городские музеи тесно связываются с местной историей, с ее давно минувшими судьбами. Это сообщает каждому городскому музею свой, лично ему принадлежащий характер. И люди богатые, и местные ученые силы соревнуют перед соседними городами в том, чтобы придать своему музею особый интерес. Для этого или строятся новые здания, или обращаются под галереи и музеи дворцы прежних правителей. Начинаясь доисторическими находками местности, городские музеи собирают материалы из всех эпох исторической жизни города и его области и заканчиваются местными произведениями современного искусства и промышленности. Это – основная программа городских художественных музеев Германии; везде в них встречаешь соединение отдаленного, доисторического с созданиями детей этой местности наших дней. Так население в музеях изучает своего города, своей, часто маленькой, области, округа «минувшие судьбы» и отличие художественной деятельности настоящего времени.

Иного характера создан музей в Майнце. Серединное положение города в венке римских колоний, разместившихся по западной Германии, явилось основанием для ученых археологов создать здесь Römisch-Germanisches Zentral-Museum in Mainz im ehemaligen Kurfürstlichen Schloss**. Такого собрания римских древностей из времени первых столетий нашей эры, найденных на почве Германии, нет нигде. Предметы здесь собираются как в оригиналах, так и – для полноты картины римского быта – в гипсовых слепках, окрашенных под цвета оригиналов. Оттого систематичность и богатство количественное здесь удивительные. В[о] главе учреждения стоят ученые специалисты, которые увлечены делом реставрации предметов, дошедших не в полном виде. Оригиналы при этом остаются нетронутыми, реставрации делаются из окрашенного гипса. Попыты восстановления подвергаются ученой критике, видоизменяются, совершенствуются. Так восстановлены предметы римского вооружения, шлемы, латы, поножи, обувь, копья, мечи, щиты, столы и пр.; великолепны штандарты легионов, когорт, манипул¹. Создан манекен римского воина в полном вооружении. Эти реставрации не вызывают более сомнений, будучи основаны на археологических данных. Хочется приобрести их для наших студентов, гимназистов, публики.

Жары стоят здесь исключительные, пожелтели липы и кустарники; жалобы по городам на недостаток воды...

Истинная мука и бедствие.

Сейчас получил известие из Москвы о благополучном путешествии Вашем по Италии. Храни Вас Господь!

* «Музееведение» (нем.).

** Римско-германский центральный музей в Майнце в бывшем замке курфюрстов (нем.).

906. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Вис-Баден, 1 августа (нов. ст.)

19 июля 1911, Висбаден

В последнем письме я сообщил Вам о реставрациях майнцского музея в области римского вооружения первых веков нашего счисления. Ознакомившись, по собранным здесь подлинникам, насколько осторожно и верно поступают здешние археологи в своих реставрациях, я заказал Музею несколько таких предметов, которые и придут к нам в феврале 1912 года. Эти предметы, шлемы, щиты, латы, ордена офицеров (*phalerae*), копья, мечи, кинжалы, пояса для их прикрепления, плащ и рубашки (*tunica*), военные штандарты; у римлян они носили общее наименование *signa*, без различия частей войска, когорты, манипула, легиона, хотя и были различны по форме. Я не знаю, существуют ли у нас свои отличительные *signa* для роты, эскадрона, полка. Полковые флаги у нас называются, кажется, знамёнами. Эти *signa*, числом 6, исполняются здешним музеем особенно искусно и эффектно из железа, золота, дерева – и даже флажки из пунцового шелка с золотой бахромой. Статую легионера, раскрашенную в разных тонах, я взял в белом гипсе, опасаясь, что она раскрашенными оголенными частями (ноги, руки, шея) произвела бы дисгармонию в особливо пышном зале римской эпохи нашего Музея. В белом же гипсе она подойдет к другим статуям этого помещения; около нее разместим предметы вооружения в раскрашенном виде и в материалах подлинников; тут же расставим и изящные *signa*. Можно будет дать этому особый угол залы¹. Он будет интересен для учащейся и остальной публики, и его не будут проходить мимо.

По совету директора майнцского музея² я обратил особое внимание на собрание стеклянной посуды римлян. Число собранных образцов очень велико; посуда замечательно разнообразна по формам, по назначению и по окраске. Цвета здесь зеленые разных оттенков, желтый, вишнево-красный, не считая серого и белого. Нашелся в Майнце специалист, обладатель стеклянного завода, который занялся воспроизведением этого стекла; его репродукции получили одобрение археологов, и теперь коллекция выставлена для сравнения с оригиналами. Мы приобретем образцы и выставим их в следующем годичном собрании Комитета. Любопытны крошечные вазочки римских женщин для 1 или 2 цветков = бутоньерки³ нынешнего времени. Ничто не ново под луной... Приехал я сюда, в Вис-Баден, взглянуть на этот курорт – русской* *par excellence*. Попробую здешних вод.

* Архаическое написание (и произношение) слова «русский».

907. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Гейдельберг, 4 августа (нов. ст.)

22 июля 1911, Гейдельберг

Свое последнее письмо к Вам я закончил сообщением, что кроме репродукций римского вооружения в майнцском Zentral röm.-germ. Museum я нашел там очень большую коллекцию римской стеклянной посуды и ее точные, под наблюдением музейской администрации делаемые, воспроизведения. Число последних, считая типы, доходит до 100 разновидностей. Размеры посуды и большие, каковы две урны, принадлежавшие погребальному культу, и кончая бутоньерками для 1 – 2 цветков. Всю коллекцию с ее 100 разновидностями приобрести, может быть, и не стоит; но наиболее интересные экземпляры по формам и оттенкам красок, казалось бы, выставить как образцы римского быта следовало. Это будет интересовать посетителей как вещи более понятные¹.

Интересно будет узнать, сделают ли на Гусю повторения, положим, бутоньерки, точные по цвету и по формам. Здесь 1 экз. ценится в 1 – 1½ марки. Раз Майнц воспроизводит образцы музея, то почему не сделают их на Гусю? В день ли открытия нашего Музея или в последнем годичном заседании Комитета мы могли бы поднести по цветочку в таких римско-гусевских бутоньерках дамам и тем из кавалеров, которые пожелали бы ими украсить свои доблестные груди. К осени эти бутоньерки из Майнца придут в Москву.

Исключительная, угнетающая жара во Франкфурте помешала мне ознакомиться с только что начинающейся Städtische Gallerie*, посвященной скульптуре; в Майнце меня взяло сожаление, поэтому я снова приехал во Франкфурт, нашел там среди вилл Schaumain-Kai также виллу Liebig**, познакомился там с составом нового музея³, закупающего на средства благотворителей из местных купцов только подлинники скульптуры, начиная с Египта и кончая эпохой госоко***, и теперь отдыхаю в милом мне с молодости Гейдельберге. Сейчас 7 часов утра, полезу к Шлоссу с его дивной панорамой. Отсюда ворочусь на Рейн, чтобы плыть к Бонну и Кельну. Будьте благополучны.

908. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Trier, 9 августа (н.с.)

27 июля 1911, Трир

Трир лежит в долине Мозеля, в стороне от больших дорог Германии, оттого редко кто из русских бывает здесь. После величавых впечатлений от плавания по Рейну редко кто захочет из Кобленца свернуть в сторону

* городской галереей (нем.).

** набережной Шаумайн... Либиг (нем.).

*** рококо (фр.).

маловодного Мозеля, по которому не плавают в это, исключительно жаркое, лето и барки. О пароходстве тут и думать было бы странно. Виды мозельских холмов, часто до самых верхушек застланных виноградниками, относятся к рейнским картинам так же, как жизнь тихого провинциального города к шумной и пышной столице.

Но для классического археолога и всякого, кто способен чувствовать обаяние величественных руин римской древности¹, этот город Германии – совершенно *sui generis*, которому в ней нет равного. Руины здешнего императорского дворца, амфитеатра, городских ворот (*Porta Nigra**), базилики, терм до того колоссальны, что, не преувеличивая, среди них забываешь, что ты не в Италии, не среди развалин Рима. Исключительные размеры здешних римских сооружений объясняются тем, что Август, создавая этот римский город, имел целью поставить этим твердый оплот для империи на северо-востоке против нападений на нее варваров. С конца III века нашей эры Трир стал 3-й столицей империи наравне с Римом и Византией. В IV веке возникли эти колоссальные сооружения, из коих *Porta Nigra* удивительно сохранилась и доселе. Кто из русских классических археологов не может быть в Италии, для того полезно бы бывать и заниматься здесь, как среди этих чарующих развалин, так и в *Provinzial-museum* Трира, богатом памятниками если не художественной скульптуры, то предметами бытовых древностей этого провинциального римского края. Здесь хранятся замечательные по сюжетам мозаики, рельефы (любопытно развитие виноделия и суконное производство), цитруемые** в главнейших трудах и первыми учеными по римской древности. Мозаики – с портретами греческих и римских поэтов и прозаиков с надписями на них: Гомер, Гесиод, Арат², Энный³, Вергилий, Цицерон, Тит Ливий и др. Надгробные памятники изображают главные занятия покойников – виноделов, крупных землевладельцев, отдававших свои угодья в аренду, суконщиков, учителей с их школами и т.д. Несколько наиболее интересных рельефов я приобрел для нашего Музея⁴. Вчера, при луне, сидел против *Porta Nigra* за стаканом *Moselwein*'а*** и думал: «На месте производства едва ли держат лучшие сорта вина. Хороший *Moselwein* легче найти в погребе в Петербурге, на Сергиевской № 30»⁵. Желаю Вам сохранения в Италии восстановленных сил. Буду писать из Брюсселя. Через 2 часа еду отсюда в Кёльн.

* Черные ворота (*лат.*). В латинском языке слово «ворота» – женского рода.

** приводимые, упоминаемые (*устар.*, от *лат.* *citere*).

*** мозельского вина (*нем.*).

909. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 августа (н.с.), Брюссель

2 августа 1911, Брюссель

Я достиг последнего, на этот раз, предела в западном направлении путешествия по Европе. Последним этапом я поставил Брюссель, зная, что только здесь можно получить отлив кафедры пизанского баптистерия раб[оты] Никколо Пизано¹. Этому художнику в скульптуре суждено было начать эпоху Возрождения в Италии. Не иметь этого кардинального в истории искусств памятника нашему Музею как-то прямо нельзя, особенно теперь, после нежданной чести, сделанной нам в последнее время. Я не имел еще возможности сообщить Вам о следующем.

Император Вильгельм, в бытность на острове Корфу², занялся там раскопками на месте архаического греческого храма и имел счастье открыть колоссальный фронтон его, длиною более 15 метров, стиля архаических селинунтских храмов Сицилии³. Слепок с находки он прислал в Берлин; но там для него не оказалось места ни в одном из музеев. Тогда было решено строить новый музей для всех слепков, рассеянных по тамошним музеям, для чего и найдена земля по соседству или недалеко от Museum Insel*. Организация нового музея поручена профессору Лёшке⁴, вызванному на кафедру в Берлинский университет вместо умершего Kekulé von Stradonitz. Ввиду трудности устройства исключительно большого собрания слепков берлинских музеев наш Музей «как один из самых больших и богатых материалом музеев этого рода» получил просьбу сообщить в Берлин план нашего здания. Я видел профессора Лёшке, и он сказал мне, что вести о размерах нашего здания, его богатстве и монументальности материалов, из коих оно строится, и о том, что по коллекциям наш Музей стал одним из самых больших в Европе, что эти вести ходят по Германии. Надо думать, что мюнхенский и туринский (?) профессора⁵, бывшие у нас на Пасхе, разнесли эти известия. В Ахене мне назвали немца из остзейцев⁶, который им в Städtisches Museum доставил сведения об особых достоинствах нашего Музея.

Музей слепков в Брюсселе – очень большой, из которого нам можно позаимствоваться многим, особенно по фламандской скульптуре Средневековья XIII – XVI вв.; есть у фламандцев превосходные вещи. Все фламандское недорого; оно доступно музейским средствам. Но кафедру Никколо Пизано надо формировать. Заготовление копии для нас таксирруется в 10 000 фр. Тогда это будет 3-й экземпляр в Европе.

* Музейный остров (нем.).

Я еще Брюсселя не видел, т[ак] к[ак] живу у самого парка и музея du Cinquantenaire, в фобуре* Etteerbeek**. К вечеру так устаешь, что ноги просят покоя.

910. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Брюссель, 18 августа (н.с.)

5 августа 1911, Брюссель

Ныне было совещание администрации Musée du Cinquantenaire со мною относительно доставления слепков нашему Музею. По античной скульптуре тут нечем позаимствоваться, так как наши коллекции и достаточно богаты, и здешние собрания не выходят в подборе материала из обычных, давно установившихся, норм. Можно взять лишь несколько №№ по декоративной архитектуре (м[ожет] б[ыть], вернее сказать: по архитектурной декорации) греков и римлян; но эти №№ такой малой денежной ценности, что уплата за них не составит затруднения для казенного бюджета Музея. Богатство форм здесь относится к скульптуре и архитектуре Средних веков и к эпохе Ренессанса. Материал этого рода весьма разнообразен, поучителен, интересен и для нас в очень многом нов. Есть, например, вещи фламандской архитектуры времен готики, перед которыми невольно останавливаешься, чтобы отдать дань почтения и удивления. Тут стоит под стеклом la Châsse*** св. Гертруды¹ готического стиля XIII в. невиданной красоты. Это – перл готики, получившей столь изящные формы в Северной Франции и во Фландрии. Она может служить как модель готического строительства его расцвета. Размер ее что-нибудь около 2-х метров длины и ок. метра, или несколько менее, высоты. Тонкость резьбы изумительная; над слепком, который слагается из сотен частей, работы много, и стоит он 3000 фр. Это – очаровательная вещь, на которую залюбуется всякий посетитель, но из фламандских памятников она из наиболее дорогих. Чудесные статуи из дерева или камня эпохи XV и XVI вв. таксируются не свыше 200 фр.

Главный вопрос, конечно, в кафедре пизанского баптистерия. Меньше 10 000 фр. лепщик здешних музеев не берет. Чтобы понизить цену, я предложил управлению их снестись с американскими и венгерским музеями слепков, приглашая их присоединиться к заказу, подобно тому как музей в Чикаго предлагает нам подписаться на снятие формы с знаменитого саркофага, древнехристианской поры, Юния Басса² (в нижней церкви храма

* в пригороде (фр.).

** Эттербек (фламандск.).

*** рака (фр.).

Св.Петра, в le Grotte Vaticane*). Может быть, этим путем можно понизить стоимость работы над формовкою пизанской кафедры. Своим умом, без Вашего совета, я этого вопроса решить не в состоянии. Жары сменились такой свежестью, что я пишу сейчас хотя и у открытого окна, но в пальто и фуражке. Отсюда через 3 дня – Дюссельдорф. Стану двигаться к дому.

911. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Düsseldorf, 23 августа

10 августа 1911, Дюссельдорф

Я знаю, Вы не любите немецкой скульптуры, поэтому я не буду говорить о коллекции форм с произведений немецких скульпторов севера и запада Германии за Средние века и эпоху Возрождения, которые собраны в Дюссельдорфе, в Kunstgewerbe-Museum**. Если бы Вас это поинтересовало, то, по возвращении, я с удовольствием представлю Вам прекрасный альбом фототипий каталога этих слепков. Их здесь собрано до 3000 форм. Больших вещей мало, но архитектурных деталей романского искусства и готики, а равно статуэток, б[ольшей] ч[астью] религиозного характера, и предметов художественной промышленности огромное и очень разнообразное по своему составу количество.

В Kunstgewerbe-Museum я встретил в директоре энтузиаста своего дела и, что не часто встречается, богатого человека, который тратит большие деньги на волюминозные*** издания атласов более замечательных образцов своего учреждения. Атласы издаются в красках с точным подражанием подлинникам. Ткани, напр[имер], с их цветами и течением ниток выходят удивительные. Я спросил, куда же расходятся его, дорого, сотнями марок, оцениваемые издания? «На фабрики», – был ответ. «Современная промышленность Германии, – сказал он, – берет образцы в прошлом не только своего, но и других народов, оттого мои издания, в красках и при их точности, не залеживаются». Сейчас он готовит атлас с изображениями часов всех эпох и народов. Есть в его коллекции и оригинальные русские карманные часы, глухие, часы, покрытые разных цветов эмалью из XVIII в. Такого-де образца он не встречал нигде и потому издает в своем атласе. Он был в Архангельске и в Коле¹; в будущем году, на Пасхе, собирается в Петербург, Москву и Киев посмотреть исключительно русские предметы художественной промышленности. Человеку под 70 лет, но живости и энергии в работе удивительной². Он отдал мне 1/2 [дня] и повел завтракать в лучший рес-

* Ватиканских гротах (*ит.*).

** художественно-промышленный музей, музей прикладного искусства (*нем.*).

*** объемистые (*фр.*).

торан. Угощал прекрасным Moselwein'ом, который они тут пьют с зельтерской водой.

Еще ранее этого завтрака я пришел к заключению, что в Düsseldorf'е немецкий город достиг возможного совершенства: улицы светлые, широкие, чистоты удивительной, масса прудов, садов, чудеснейшие Promenaden*, манеры жителей мягкие, характер приятный, обязательная уступливость. Школы всяких наименований, художественный элемент образования. Дешевизна и изящные формы жизни. Влияние Франции, Бельгии, Голландии сказалось здесь очень выгодно.

Мой путь лежит теперь в Брауншвейг, где мне, между прочим, нужно взять одного специалиста по бронзированию гипсов и окраске их под дерево. Белые гипсы с бронзовых и деревянных оригиналов в Германии отживают свой век; загрязненные копотью и сажей от угольного отопления, прежде белые гипсы производят отталкивающее впечатление. Пока повсюду идет их бронзирование и окраска под дерево подлинников. Немецкие профессора – музейеры указали мне на особого специалиста этого рода в Брауншвейге, работающего для тамошнего музея¹. Может быть, можно бы его на 1/2 года пригласить в Москву отбронзировать конные статуи Colleoni и Gattamelata⁴ и освежить другие статуи. Советуют это сделать. Из Брауншвейга – в Берлин и Дрезден. Вчера пронеслась гроза, и лил целую ночь дождь.

912. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Берлин

Ок. 15 августа 1911, Берлин

Вижу, что пора остановиться в деле объезда городов и музеев; на 6-й неделе этого чередования все новых и новых впечатлений энергия пошла на сильную убыль, так что ныне, в столь бывало увлекательном Kaiser Friedrich-Museum, я проходил все предобеденное время как-то уже очень тихо и безучастно. Произошло ли это оттого, что по отделу скульптуры нами, за многие годы сношений со здешней Gipsformerei**, приобретено почти все существенное и важное, или потому, что напряжение нервов в течение 6 недель, говорят, небывало жаркого сезона, отразилось общею усталостью, не знаю. Виделся в музее с Exzellenz*** Vode, энергию которого не умаляют ни большие ревматизмом ноги, ни завистливое к нему отношение отечественных ученых и музейеров. Сколько ни бьют его в печати, он все такой же бодрый, смелый, деятельный. На завтра назначил он мне особое совещание. Новых

* места для прогулок (нем.).

** формовочной, гипсолитейной мастерской (нем.).

*** его превосходительством (нем.).

приобретений, кроме 3 – 4 статуй, делать не придется. Хотелось бы для эпохи итальянского Возрождения и для Средних веков 5 – 6 предметов мебели тех времен, чтобы придать характер исторической уютности тем залам. Так теперь поступают во всех новых музеях, поступившись роскошью внутреннего убранства зданий этого рода былых времен.

Пишу Р[оману] И[вановичу] просьбу остановиться в росписи потолков, которой не нужно более¹. Я и Средневековый зал проектировал с «дубовым» потолком; исторические плафоны требуют и основательных познаний и научно-художественного исполнения мастерами особенного сорта. Пусть будет в залах XV и XVI вв. соблюдена особенная простота и однотонность. От этого памятники наши только выиграют. Даже здесь, в K[aiser] F[riedrich] Museum, итальянские залы Ренессанса – с однотонными потолками цвета дуба или ореха.

Отсюда в Дрезден, где я и посоветуюсь с врачами, по указанию Трея. Храни Вас Господь!

913. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Strehlen bei Dresden, 3 сентября (н.с.)

21 августа 1911, Штрелен

Пишу Вам, под конец моих музейских исканий, из клиники, куда поместил меня лучший дрезденский врач Prof. Rostoski¹, к которому направил меня Трей как к здешнему «Захарьину» по диагнозу болезней. После продолжительного обследования с разных сторон он сказал мне: «Ваше сердце, коллега, слабо; его надо укреплять; сначала в клинику, какую я вам укажу и где я сам бываю каждый день, а потом на отдых в глухую, бесшумную деревеньку в Саксонской Швейцарии». Сейчас же прописал мне какие-то черные горькие-прегорькие капли (по 30 капель в день), а потом перешел на Digitalis*, запретив мне переходы из комнаты по лестнице в сад и предписав оставаться в одном этаже.

Что делать! 64 года суть 64 года, – возраст, в котором в такую исключительную в Германии жару, должно быть, нельзя было нести столько хлопот, какие выпали мне здесь в течение 8 недель постоянных передвижений и забот. Вон, теперь не позволяют спуститься из одного этажа в другой, а я из 4 и 5-тых этажей иначе и сходить и подняться к ним не мог, как только по лестницам. Уходил я из дому рано утром, возвращался только к ночи, не зная, что ходить много мне вредно. Я обратил в Дрездене только внимание, что явилась потребность при ходьбе держаться стен и останав-

* дигиталис (лат.)

ливаться, чтобы посидеть или постоять из опасения, как бы не упасть. Только тогда я и обратился к врачу.

Заказал я в Лувре (вон какая там совершилась кража!²⁾ большую статую «Мельпомень»³ для Пергамского зала, где собираются все колоссальные скульптуры: «Il Toro Farnese», «Hercules Farnese», Victoire de Samothrace Лувра, пергамские горельефы и эта Мельпомена. Ну, что же? Пергамский зал рядом с лестницей – пусть эти исполины античного ваяния и импонируют публике своим величием. Этот зал носит имя государыни Александры Феодоровны.

Не умереть бы, не сказавши Вам следующего. Великий князь Сергей Александрович высказал мне желание, чтобы наименования зал сделаны были «не казенно», а хорошо подобранными металлическими буквами. Теперь наступает пора подумать и об этом.

Не умеют у нас бронзировать гипсов, чем особенно заняты теперь германские музеи. Я познакомился в Брауншвейге с рекомендованным мне в Бонне Decorations Maler Kostmann*; его условия работы у нас очень легки. Коли тут не умру, м[ожет] б[ыть], я привезу его в Москву.

Будьте здоровы⁴.

914. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

3 октября

3 октября 1911, Москва

Следуя совету дрезденского «Захарьина», я лечился сначала в клинике, а потом отлеживался и потихоньку гулял по ровному берегу Эльбы в Саксонской Швейцарии. Лечение и этот Nachkur** продолжались более 4-х недель и, благодарение Богу, меня поправили. Я теперь могу ходить без одышки, и сердцу возвращен его обычный пульс. Мне предписано легкое питание, с одним кусочком белого мяса в сутки, более растительное и рыбное. Я уже в последние годы сам приучил себя к этому, так что для меня тут уже не было ничего нового. Предписан возможно тихий образ жизни, с уклонением от волнений. Последние не зависят от нас; но, даст Бог, не вечно же будут обижать меня надменные и сами ленивые Шварццы, так что со стороны служебной, авось, особых неприятных сюрпризов не будет. Буду жить и спокойненько работать над очередной задачей, каковою является составление описей и каталогов наших музейских собраний. Эта работа требует точности и простоты изложения; торопиться с нею не следует. По летам стану отдыхать или в скромных условиях заграничной жизни или в подмосковной

* живописцем-декоратором Костманом (нем.).

** дополнительный курс лечения (нем.), зд. отдых после больницы.

деревеньке, выбрать которую надо с осторожностью и умением. Выбравши подходящее место, всего бы лучше старую барскую усадьбу, в окрестностях Москвы в расстоянии не более часа езды по ж.д., я думал бы перевезти туда наш дом, выстроенный из чудной, теперь в таком объеме уже не встречающейся сосны, и там его поставить, изменив несколько внутреннее расположение комнат соответственно семейным потребностям. Наес sunt in votis*, а что принесет действительность, как это знать? Только землю в Трехпрудном придется продать: старшие дочь и сын стали совершеннолетними и каждый нуждается в своей доле ее стоимости. Свою часть я отдаю дочери-учительнице, которой, по закону, достается $\frac{1}{8}$ часть = чему-нибудь около 2000 руб. Моя $\frac{1}{4}$ и пойдет ей в придачу¹. Наш дом, прежде такой светлый в солнечные дни, этим летом лишен этой выгоды после выстройки напротив его 7-этажного дома, который затемнил наше помещение. Но давно пора кончать эту прозаическую речь.

Перехожу к Музею. Приобретения этого лета в Бельгии и Германии были и многочисленны, и интересны. По греческому и римскому искусству приобретены такие редкие статуи, на получение которых у меня уже не было надежды. Одна из них этрусская статуя², другая представляет Августа в широкой и прекрасно уложенной тоге³, третья – колоссальных размеров – Геркулеса Фарнезского из неаполитанского музея. Последняя статуя была предметом моих особенных исканий в нашей Императорской Академии художеств, в Неаполе. Из Петербурга официально ответили, что надо ждать 2 года и будет это стоить около 1000 руб.; из Неаполя запросили 1000 лир [ок. 374 руб.], а в Брюсселе обещают отлить ту же статую, в том же размере, за 350 фр. [ок. 131 руб.]. И мы, конечно, приобретем эту колоссальную статую, без которой нельзя обойтись, за последнюю цену⁴. Для Средневекового зала войдет целым отделом фламандская скульптура в виде статуй и архитектурных деталей романского стиля и готики; значительно пополняется фламандцами и эпоха Возрождения⁵.

Остается нерешенным вопрос о пизанской кафедре Никколо Пизано, которую так было бы важно приобрести для завершения Средних веков и для начала Возрождения. Стоимость ее – 10 000 франков в Брюсселе. Наименьший срок для ее отлива – 3 месяца, как сообщил мне хранитель брюссельского Musée du Cinquantenaire.

Ныне прибыли в Музей две дочери М.Н.Каткова⁶, графиня Толстая, вдова сына министра народного просвещения Д.А.Толстого⁷, и баронесса Энгельгардт, с княжной Четвертинской⁸ попросить меня показать им зда-

* Вот что в желаниях (*лат.*). Видоизмененная цитата из «Сатиры» Горация (кн. II, сатира 6, стих 1).

ние и коллекции. Я отговаривался и тем, что красятся потолки в разных залах, и тем, что расставленные предметы все закрыты бумагой от пыли, так что и видеть их нет никакой возможности. Но, разумеется, дамам всегда уступишь. Сопровождал их директор Румянцевского музея кн[язь] Голицын. Пришлось показать египетскую коллекцию, Ассирийский зал и некоторые верхние залы. Сколько ни публикуй о закрытии Музея из-за работ, ничто не помогает. Приходит, видно, пора открывать Музей.

915. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва, 19 октября

19 октября 1911, Москва

Три заботы меня занимают в последнее время. Первая – долги по приобретению памятников для Музея. Заботясь, как бы пустою зал не произвести впечатления скуки на Их Величества и на других гостей в день открытия Музея, я всегда, по мере сил, старался о заблаговременном приобретении предметов в разных странах Европы. Мне, как профессору Московского университета, верили исполнение слепков и других репродукций в долг, надеясь на своевременную и аккуратную уплату. Я и вытягивался все эти годы, стараясь платить, не роняя авторитета нашего Музея. Случалось не раз, что бесплодно искавши помощи в Комитете и вне его, я нес %% [процентные] бумаги детей к Юнкеру, закладывал их, чтобы в срок выслать тысячи две три франков или марок за границу по назначению. И до сих пор я не возвратил этих денег детям, пользуясь их несовершеннолетием. Когда Музею дарован был штат с назначением 2000 руб. заведующему или директору, я до сих пор не получаю этого вознаграждения, как ни трудно мне это с потерей места в Румянцевском музее, дававшем мне 4000 руб.; здешнее содержание, со времени утверждения штата, в количестве 3000 руб. (за 1/2-ну 1909 года 1000 руб., за 1910 – 2000 руб.¹), пошло на приобретение предметов. С декабря нужно будет платить за приобретения минувшего лета во многих местах Бельгии и Германии (в Майнце – древнеримские вещи, в Трире – то же). На очереди стоит приобретение эффектной и важной кафедры Никколо Пизано из пизанского баптистерия, которая бы так украсила наш Средневековый зал... Она стоит в Брюсселе 10 000 франков².

Налаживается, по-видимому, дело устройства 2 фонтанов перед главным фасадом Музея, по бокам центральной дорожки сквера. Этот вопрос я поднял перед Московским городским головою, находясь в Саксонской Швейцарии. Гучкову понравилась эта мысль, и он ответил мне, что, по его соображениям, город мог бы взять на себя устройство подведения воды для фонтанов и для стока воды, но не надеется на согласие Думы устроить самые

фонтаны за недостатком в Думе денег. С Р[оманом] И[ванови]чем мы обсуждали форму фонтанных сооружений и остановились на простых 2-х круглых чашах 2-гаженного диаметра, сделанных из бетона. Стоимость таких чаш с постановкою на место определяется в 1000 руб., итого за две чаши 2000 руб.³

Мне бы казалось, что на все вышесказанные потребности нужно было бы 30 000 руб. Тогда бы Музей открывался без копейки долга, с кафедрой Никколо Пизано и с 2 фонтанами в музейском сквере. Вы, Юрий Степанович, избаловали нас Вашими щедротами: не нашли ли бы возможным ежемесячное дотирование Музея, с окончанием клейновского срока, продолжить, под мои счета Вашей здешней конторе, еще на 3 месяца? Эта просьба с моей стороны – последняя; никакой дальнейшей доуки от Музея уже не будет. Помогите, Юрий Степанович.

Эти дни гостят у нас Голенищев и профессор-египтолог Тураев. Они приехали указывать, как расставлять египетскую коллекцию. Тураев и Голенищев боятся, что с открытием Музея немцы-египтологи явятся для фотографирования лучшего в коллекции и первые издадут в свет. Чтобы этого не случилось к стыду русской науки, Тураев и петербургские профессора предлагают услуги к изданию таблиц с краткими объяснениями на русском и французском языках. Где же и на какие средства приготовить 1-й том этого издания нашего Музея? Прошу графиню Уварову дать место в трудах Восточного отделения здешнего Археологического общества, чтобы, по издании 1-го тома к открытию Музея, просить, лет на 5, у правительства особых ассигнований на продолжение этого издания⁴.

916. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 октября

22 октября 1911, Москва

Объезжая германские города и осматривая их музеи, я имел возможность видеть, какие средства употребляются против запыления и загрязнения гипсовых слепков. После разных опытов и в Берлине, и в Дрездене пришли к решению окрашивать их под цвет оригиналов. Нашелся и особенный специалист этого дела, с которым мне боннский профессор посоветовал познакомиться, отправившись в Брауншвейг. Здесь я встретил все гипсы Герцогского музея¹ уже тонированными этим специалистом. Ради этих работ он был вызываем в Данию и Голландию, не говоря о нескольких германских музеях. Директор музея вызвал его по телефону; мы познакомились и условились увидеться вечером, чтобы поговорить серьезнее. Это вечернее свидание у него дома повело к тому, что он согласился поехать к нам, взявши с собою, в качестве подмас-

терья, и сына², юношу 17 – 18 лет. В Дрезден он выслал цены окраски известнейших гипсов; эти цены оказались настолько низкими, что я нашел их по существу невозможными для практического применения их в Москве. Выходило, что эти художники проживут все то, что они получат.

Полагая, что контракт написать правильнее будет в Москве, когда эти немцы устроятся здесь и узнают неизбежные траты недели или месяца, я пригласил их поехать, как лиц, совсем не знающих русского языка, вместе со мною. Так и было сделано. Они в назначенное время прибыли в Дрезден; мы встретились в Albertinum^е, я посоветовал отцу съездить в Freiberg, чтобы ознакомиться с цветом камня die Goldene Pforte. После мы вместе сделали переезд до Москвы; сначала они, для немецкого языка, жили в гостинице «Берлин» на Рождественке³, а потом мы нашли им большую и светлую комнату рядом с нашим Музеем, в д[оме] Мазинга (быв[шем] д[оме] кн. Четвертинской), и указали им на Волхонке колбасную, содержащую немцем. Сами они обрели на Петровке пивной ресторан Трёхгорного товарищества и очень довольны обедом за 50 коп. и пивом, которое старик находит, к большому изумлению, «ganz gut*». Прилежные родитель и сын работают «от зари до зари» и уже изготовили несколько вещей, в том числе бронзировали конную статую Colleoni; ныне, выпросившись работать в праздничный день, они приступают к грунтовке die Goldene Pforte. Усердие немцев удивляет наших служителей и рабочих. Немцы и свой 12-часовой Mittagessen** отменили, ограничиваясь варкою себе 2-х чашек бульона, хлебом и колбасой. «Здесь-де свет очень короток, в 5 часов уже темно; поэтому мы будем [обедать⁴] в 6-м часу».

Мне приятно будет показать Вам их имитации оригиналам. Пока они работали над бронзированием гипсов. По-моему, эти имитации хороши, и окрашенные вещи получают от этого промасливания и полировки особую прочность.

Будьте здоровы.

917. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 октября

29 октября 1911, Москва

Вчера приезжал в Музей, прочитавши последнюю «Записку» о Музее¹, генерал М.П.Степанов. Под впечатлением виденного он поехал к обеду Великой Княгини и там, как он написал мне и говорил ныне лично, очень много хорошего рассказывал о Музее, вследствие чего Великая Княгиня,

* «довольно хорошим» (нем.).

** обед (нем.).

пожелавши иметь экземпляр «Записки», поручила ему спросить меня, не примет ли Музей у нее имеющуюся бронзовую группу Божией Матери с Младенцем и Иоанном Крестителем². Эту скульптуру, итальянскую или французскую, генерал Степанов держит теперь у себя. По-моему, вещь прекрасная; на днях займусь ею, чтобы определить, какого она мастера и времени. Эту бронзу перевезут к нам, и Великая Княгиня будет рада, если она подойдет к коллекциям Музея. Это ее собственная, наследственная вещь³.

Великая княгиня приказала пересмотреть шкафы Великого Князя, чтобы найти 4 подлинные Танагры и одну бронзовую, купленную за 1000 франков, статуэтку танцующего сатира. Танагры были предметом моего доклада в Археологическом обществе⁴ в присутствии Великого Князя, и 2 лучшие изданы в моем Атласе греческой скульптуры⁵. Я просил поискать эти оригиналы, – и не далее как завтра ген[ерал] Степанов распорядился отворить кладовую с вещами Великого Князя в Малом Николаевском дворце. Если только найдут, то эти вещи поступят к нам.

О том же вопросе, где служить молебен в день открытия Музея и как освободить митрополита от обхода галерей, по словам ген[ерала] Степанова, рассуждают и у Великой Княгини. Рассуждают-де так: «Молебствие совершать в «Зале славы», а после митрополиту-де окропить Музей св. водой на лестнице на все 4 стороны – и потом он-де оставит Музей. Власти его должны проводить до двери портика или до его кареты. Обход зал будет проходить в его отсутствие». Степанов говорит, что Музеем очень заняты и много говорят об его коллекциях и внутреннем убранстве. Государь-де выразил желание говеть в Москве на Страстной; но гофмаршальская часть намерена просить Его Величество перенести приезд на конец мая.

Благодарю Вас от всего сердца за чудесный завтрак; только зачем такое тонкое вино? Для меня это – дело непонятное. И для меня дорого платить ни за питье, ни за еду совсем не стоит: не в коня корм.

Будьте благополучны. Р[омана] И[ванови]ча по телеграфу вызвали в Петербург.

918. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 ноября

5 ноября 1911, Москва

Список испрашиваемых наград изготовлен и переписывается¹. Но здесь случилась беда с пишущей машинкой. Наша испортилась, а новая, избранного нами образца, с 2-мя шрифтами, русским и иностранным, придет из-за границы только через неделю. Чтобы не ждать, я попрошу переписать список на стороне.

Р[оман] И[ванови]ч узнал, что представлять рисунок медали² надобно [в] два раза увеличенном размере. Он поэтому засел за другой рисунок. Сейчас он мне в Музее говорит, что пошлет Вам свой рисунок через неделю.

Я не знаю, следует ли в списке, мною изготовленном, который Вы лично представите министру народного просвещения, ставить имя Товарища Председателя Комитета? Не сделать ли так, что представление о нем пойдет особо отсюда к попечителю Округа, и попечитель сам пошлет ходатайство к министру?

Список заключает 4 графы: 1 – имя, 2 – заслуги, 3 – последняя полученная награда, 4 – испрашиваемая награда.

Заслуги Товарища Председателя я бы считал нужным напечатать на отдельном листе, который можно было бы представить Великой Княгине Елисавете Феодоровне и, через М.П.Боткина, принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской.

В свое время в Комитете забыли поднять вопрос о почетном членстве Президента Академии художеств Великой Княгини Марии Павловны. Она бы приехала в Москву для ознакомления с Музеем и ранее праздника его открытия. Возможно ли было бы это исправить? Собрать Комитет для этого едва ли было бы легко. Не послать ли циркулярное предложение по Москве членам Комитета – своею подписью решить этот вопрос?³ Официальное донесение о состоявшемся постановлении Комитета по сему делу, может быть, Вы благоволили бы поднести Великой Княгине. А то как-то вышло, что Президент Академии художеств словно забыт нами. Мне говорят, что это было бы приятно Марии Павловне и что она была бы полезна Музею своим значением у Государя.

Если бы мысль о циркулярном собрании голосов, путем моего письма к членам Комитета, встретила Ваше сочувствие, не пришлете ли телеграммку? Будьте благополучны.

919. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 ноября

10 ноября 1911, Москва

Составление списка испрашиваемых наград по Комитету повлекло за собою собирание сведений о том, кто, из имеющих право быть представленным, чем владеет в этом роде. Все ответили немедленно, причем оказалось, что некоторые лица имеют уже столь высокие ордена, что им, в порядке постепенности, следует чин действительного статского советника. В этом положении оказывается С.А.Протопопов, имеющий орден Св. Владимира IV ст[епени]. Он у нас устроил зал Ассирийский, имени Велик[ой] Кн[ягини]

Елисаветы Феодоровны. Отставной полковник-инженер Рерберг, работавший у нас примерно-усердным образом 12 лет, желал бы получить чин действительного статского советника; в орденах он остановился на Св. Анне 3 ст., и потому получение ближайших орденов Станислава II и Анны II он, по своим годам, времени и качеству службы у нас, считает нежелательным¹. Как тут быть, я прошу Вас рассудить. Получению чина д[ействительного] ст[атского] сов[етника] им, может быть, помог бы его дядя, генерал Рерберг², член Государственного Совета, хорошо знающий наш Музей и лично выдавший по летам работы племянника над зданием.

Как медленно работают наши, русские, канцелярии! Устав Музея пролежал в мин[истерств]е до сих пор с весны 1910 года, несмотря на многократные мои просьбы двинуть это дело. Кассо утвердил несколько его статей; более недели [как] здешний попечитель в телефон прочитал мне министерскую бумагу на этот счет – и с тех пор бумага покоится в его канцелярии; в Университете о ней и не слышали.

Вчера портретист Серов³ просил показать ему работы привезенного из Брауншвейга декоратора. Назаревский обошел с ним те вещи, тонирование которых им окончено. Он признал в этом немце большого специалиста такого особенного дела, как окраска гипсов под цвет оригиналов. Colleoni, им бронзированный, он нашел прекрасным, равно как и окраску под колер песчаника XIII в. «Золотых врат» Фрейбергского собора – дающей надлежащую иллюзию. Теперь переходим к Парфенону. Окрашенные временем камушки из Парфенона нашлись у Поленова⁴ и у Р[омана] И[ванови]ча, по этим данным Kostmann и станет наводить желтоватую патину на колонны Парфенона. Другие камни послужат ему образцом для тонировки статуй фронтонов Парфенона. Особенно он искусен в бронзировании гипсов. В его бронзировке и не узнаешь гипсов. Он, при необычайной скромности и даже как бы забитости (зависит этот вид, м[ожет] б[ыть], от его глухоты), однако мне сообщил, что колонны Римского зала, долженствующие изображать цветной, красноватый мрамор, вышли у Нивинского какими-то деревянными, словно из красного дерева. Это впечатление я проверил на себе, на Мальмберге, Назаревском и Серове, – и все признали, что Нивинскому эти «красномраморные» колонны не задались; как только он окончит работу и уйдет, мы передадим переделать их Kostmann'у.

Нивинский же, в общем хороший декоратор-живописец, испортил окраску готического епископского стула из Ульмского собора. Когда лепщики собирали и ставили его на место в Христианском дворике, то образовались белые пазы при склейке частей; Нивинский взялся летом, без меня, эти пазы закрасить; но подогнать краску их под общий тон заграничной окраски

под дерево не сумел; он навел на весь памятник ненужный лак и весь его этим странно модернизировал. А памятник – раб[оты] Йорга Сирлина XV в. Надо переработать Kostmann'у и это снова.

Будьте благополучны. Собираетесь ли в Москву? До нынешнего дня здесь было и солнечно и тепло; но с ночи наступила ужасная погода: стужа, ветер, падают крупа и дождь.

920. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 ноября

14 ноября 1911, Москва

Пользуясь Вашим указанием, спешу препроводить прилагаемый при сем экземпляр «Записки»¹, будьте добры дать ей надлежащее движение. Я не знаю, как это сделать.

Наградной список готов и посылается Вам почтою. Вероятно, к следующему Вашему приезду в Москву все декоративные работы в Музее будут окончены, – и расстановка предметов вступит в свою последнюю фазу. Готовим ходатайство в мин[истерст]во об устройстве Аудитории и Читальной залы. Хочется получить дубовую мебель, чтобы «казенной» мебелировкой не производить диссонанса с другими залами.

Новая забота – об уравнивании штата нашего Музея с Румянцевским и Историческим музеями. Там проходят через Думу ассигнования вдвое больше наших. При таких условиях иметь нам хороших хранителей и чинов будет нельзя, так как работы у нас, с устройством учреждения из ничего, несравненно больше и она тяжелее, чем там. Долг справедливости требовал бы уравнивания нашего нового учреждения с теми². Но беда в том, что Кассо нашего Музея не видал и, как юрист, и понятия он не имеет о его коллекциях, собранных со всего света. Будьте здоровы.

921. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 ноября

19 ноября 1911, Москва

Фишер старательно сфотографировал фасад Музея и en face*, и с левого угла. Сделал он последние отпечатки в 2-х тонах, более светлом и темном. Фасовый снимок Вам едва ли пригодится, так как на перспективном снимке видна часть и бокового фасада, имеющего свою красоту. Образ Музея на медали будет яснее и полнее. И проект медали, сделанный Малышевым¹, дает перспективный вид.

* анфас (фр.).

Теперь остается желать только того, чтобы Малышев успел к весне доставить готовые медали. Сколько экземпляров Вы намерены готовить? И где Вы будете подносить их членам Императорской фамилии? Число их определить наперед будет трудно. Могут прибыть в Москву на открытие памятника Императору Александру III также взрослые Великие Княжны и Великие Князья – подростки. Если подносить на праздник открытия, то может оказаться недостаток в экземплярах совершенно неожиданно. Будут посланники при русском дворе, члены Государственного Совета, Ваши приятели, которые также и тут же будут ждать своих подарков. Предугадать число медалей при раздаче их в Музее в день праздника прямо нельзя. Вам придется составить список тех членов Императорской фамилии, которым Вы желаете поднести золотые медали. Раз чекан и рисунок медали будут интересны, то желающих получить ее в высших кругах будет много, очень много. Может быть, ограничитесь на торжестве поднесением лишь Их Величествам, обещав доставить на дом остальным?

Мы условились с Фишером фотографировать памятники искусств для «открытых писем»². Желательно сделать снимки главнейших зал в их общих видах. Большинство могут выдти очень эффектными.

Но так как ноябрь и декабрь – месяцы совсем не музейские по их недостатку света, то фотографирование начнется в январе.

В декабре ожидаем новых предметов из Майнца, Трира, Брюсселя, что в значительной степени пополнит наши залы. Заказал я и пизанскую кафедру раб[оты] Никколо Пизано. Как-нибудь выкарабкаемся с платежами. Иметь эту важную вещь так хочется, что риск не кажется страшным. Бывали и не в таких денежных тисках в деле приобретения памятников и притом в такие годы, когда до просвета конца дела было, как до звезды небесной, далеко. А теперь, когда заря окончания уже разливается ярким пламенем, смелости больше.

Не погибнем же мы из-за 10 000 фр. ее стоимости в Брюсселе? Это будет 3-й экземпляр в мире, кроме оригинала в Пизе, 1-я копия в Кенсингтонском музее (Лондон)³, 2-я в Брюсселе и 3-я у нас. Она придаст Средневековому ли залу или залу итальянского Возрождения⁴ особый отпечаток серьезности. Незамеченной она не останется. Это – коронная вещь.

Какое очарование производят залы, обставленные памятниками и ныне, когда многого еще нет! Пойдешь для справки к одному предмету, затем невольно остановишься на 2, 3, 4, 5 и т.д., уйдешь «взглянуть» на другую залу, застрянешь там, да так, забывши первоначальную цель, и пойдешь бродить по всему этажу, погрузившись мыслью и чувством в глубь художественных и исторических впечатлений. Счастливого пути! Теперь, вероятно, уже до января.

922. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 ноября

22 ноября 1911, Москва

Не вышло бы какого недоразумения. Назаревский, доставлявший список лиц, представляемых к Высочайшим наградам по Комитету, передал его Вашему Сорокину¹ и сделал по существу документа какие-то указания.

Во избежание неясностей спешу сообщить. Это – памятная записка для Вас, на случай, если Вы будете беседовать с министром нар[одного] просвещения: кто и к какой награде представляется. Форменное представление пойдет чрез попечителя, сопровождаемое целым багажом документов: 1) бумагами из различных ведомств о неимении препятствий к представлению, 2) копиями с формуляров лиц, состоящих на государственной службе. К 1/2-не декабря все эти документы соберутся и чрез попечителя и ректора Университета будут пересланы в министерство. Так как число безвозмездных работников, за 14 лет стройки здания и его убранства, было немаленькое, то этот наградной документ будет порядочный том.

Немцы-декораторы стесняются обилием наших праздников и потому просили разрешения работать за исключением воскресений. Ныне я навещил их и узнал, что вчера они, запершись в Музее, одни с увлечением работали целый день, с 8 часов утра до темной ночи. Им купили особенно понравившиеся лампы, которые они и зажигают с 4 часов до окончания работ. Они времени не теряют и за 1 1/2 месяца сделали очень много. Теперь ждем из Афин камешков колонн Парфенона и от других зданий, чтобы по их цвету придать тон нашим афинским памятникам архитектуры, углу Парфенона, портику кариатид, памятнику Лисикрата и портику, сделанному в стиле Фесейона². А то эти гипсовые слепки ярко белого цвета на еще более ярко-белом фоне стен Стеклянного дворика очень много теряют в отчетливости своих деталей. Будьте здоровы.

Вы спрашивали, бывали ли случаи назначения профессоров в Сенат? Из Петербургского университета назначены были профессора моего там студенчества – Фойницкий³, Таганцев⁴ и еще один, недавно умерший в Сенате в глубокой старости, вспомнил – Пахман⁵.

Управление ученым учреждением, состоя сенатором, вел в Москве Н.В.Калачев⁶, директор Архива Мин[истерст]ва юстиции, куда теперь назначен мой младший брат. Он для ведений дел приезжал сюда и в здании Архива квартиры не имел, ограничиваясь одним служебным кабинетом.

923. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 ноября

24 ноября 1911, Москва

Возвратившись из Музея, я стал очень жалеть происшедшего недоразумения. Полагая, что Вы, не останавливаясь на пути из Владимира, проехали в Петербург, я писал Вам туда и послал два письма. А на деле оказалось, что Вы уже несколько дней проводите здесь и в ожидании моего прихода для обычных бесед по Музею «соскучились без меня», как Вы любезно сказали мне ныне в Музее.

Фишер Вам должен был доставить несколько экземпляров фасада Музея для медали. Я уверен, что в Петербурге поинтересуются этими фотографиями и не на одном Монетном дворе, где будет исполняться Ваша медаль, но и лица, интересующиеся искусством, и прежде всех тот беспокойный, вечно нервничающий и хлопотливый сенатор, который сидит с Вами рядом в собраниях Академии художеств, собиратель гравюр, да, вспомнил – Рейтерн¹. Я послезавтра или в воскресенье завезу такую же фотографию председателю Совета министров В.Н.Коковцеву² в ответ на его любезное письмо ко мне о нашем Музее и о сборах его быть на открытии. Он просит только заблаговременно «известить его о дне празднования».

Вчера, поздно вечером, принесли мне телеграмму из Мин[истерст]ва нар[одного] пр[освещения] с извещением, что «министр может принять меня в любой день»³. Эта депеша послана вследствие моего письма о желательности для меня пробыть, ввиду спешных работ по Музею, возможно меньшее число дней в Петербурге, причем я просил министра, если возможно, принять меня ранее пятницы, чтобы не терять целой недели. Теперь я попробую спросить его по телефону в Петербурге, какой день для него удобнее. Есть несколько вопросов по Музею, решение которых надо бы ускорить в виду праздника открытия.

а) Надобно ок. 20 000 руб. на оборудование Аудитории и Читального зала; б) надо выписать беспрошленно 3000 погонных аршин [21 33,6 м] линолеума прямо с заграничной фабрики – для настилки дорожек по залам и главной лестнице⁴; в) надобно достичь сложения пошлины в 125 руб. с немца-декоратора Kostmann'a, которые с него взяли за принадлежности его мастерства – ведерки для красок, кисти, особые краски, которые он купил в Берлине. Здешняя таможня не хотела слушать моего заступничества и требовала с него эту сумму, а так как у него этих денег не было, то я, не имея права брать на уплату пошлины казенные деньги, заплатил из своих средств⁵.

Никак не организуешь нашего Музея без обхода требований закона. Вот нам для Ассирийского зала необходимы два крылатые быка Луврского

музея. Они заказаны, но тамошний лепщик написал мне, что он не может приняться за работу, если ему не уплатим долга в 1100 с чем-то франков. Бюджет этого года весь исчерпан, деньги будущего года придут только в феврале. А так как получить этих быков безусловно нужно, то я и решил уплатить эту сумму сам, чтобы заставить в Лувре приняться за быков и за колоссальную статую того же Лувра «Мельпомену» сейчас же. Нечем платить и паре Kostmann'ов, вперед до бюджета нового года. Но так как немцам надо прежде всего платить за комнату 40 руб. и за еду около 45 руб. в месяц, то я из своих плачу им по 100 руб. в месяц, – и дело их движается. Идут из Трира славные, интересные в бытовом отношении для истории римлян I – V ст[олетий] на Мозеле и Рейне вещи; они уже движаются к Москве; тамошний лепщик просит свои приблизительно 1500 – 1600 марок. Надо будет заплатить, чтобы не ронять нашего авторитета в глазах бедных тружеников. Давно писали нам из Майнца, что посланы нам 2 манекена римских воинов и несколько репродукций в металле принадлежностей походной жизни римлян. Это будет стоить тысячи 3 марок. Из Брюсселя извещают о готовности к отсылке греческих и римских, там заказанных, вещей, а также чудной, готического стиля, раки св. Гертруды (XIII в., фламандской работы). Этот заказ около 4000 фр. Надо будет уплатить для начала хотя 2500 фр., чтобы заставить терпеливо ждать остальную сумму до конца февраля.

Когда все это придет и станет на свои места, то соответствующие залы приобретут много привлекательности; но приобрести эти предметы было бы никак нельзя, если бы, как говорит закон, приобретать только по мере имеющихся средств. Если бы не рисковать, то пришлось бы наши залы открывать на 1/2-ну пустыми. До сих пор Бог хранит, никакого провала с этими приобретениями вперед и без соблюдения соответствующих §§ закона не было. Вот найти бы теперь средства для уплаты в марте 10 000 фр. за кафедру Никколо Пизано в Брюсселе. Тогда наши коллекции должны произвести подобающее впечатление на посетителей и между ними на тех, кто до последнего времени сетовал и острил на наш счет за Музей каких-то гипсов... «Уж если-де и приобретать копии, так бы, по крайней мере, мраморные». Вот, подите, вразумите таких умников, почему в музеях не ставят мраморных других Аполлонов Бельведерских, Диан Версальских, Венер Милосских, Гермесов Праксителя и т.д., хотя мраморные копии греческих и римских статуй и групп и наполняют версальские сады и иные сады.

Что наши коллекции произведут вразумляющее действие, можно судить по имеющимся опытам. Только случайно кое-кто видал наши залы – и уже приходилось слышать признания в своих прежних заблуждениях на

наш счет. «Я-де была, я-де был до сих пор против этого Музея, а вот теперь выхожу вашим сторонником».

Будьте благополучны. Завтра вечером выезжаю в Петербург.

924. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 декабря

1 декабря 1911, Москва

При свидании я сообщил Вам о письме ко мне председателя Совета министров Коковцева, который так внимательно отнесся к «Записке» о нашем Музее. Как бы в ответ на это письмо я оставил в его квартире фотографию фасада Музея. Не смея беспокоить его, я не искал приемного дня и ограничился лишь росписью в его книге. Меня попросили оставить и свой адрес. Возвращаясь на другой день домой, я нашел его ответную карточку, с двумя или даже с тремя титулами¹. Швейцар 3-й мужской гимназии (на Гагаринской ул.), где я остановился в квартире директора, моего университетского приятеля², с некоторым смущением от почтения к моей важности произнес, передавая эту карточку: «Это от председателя Совета министров г-на Коковцева».

Ныне утром я приехал в Москву и нашел здесь тот же колесный путь, какой и оставил. Санок все еще нет. В Музее я нашел письмо от секретаря Государыни Императрицы Александры Феодоровны с изъявлением благодарности Ее Величества «за поднесение» экземпляра «Записки о Музее»³. Следуя повелению Государя, переданному мне в последний раз Клейном, посылать отчеты о Музее в Царское Село прямо, я и эту «Записку» послал Его Величеству непосредственно в Ливадию, а Государыне, которая могла поинтересоваться Музеем, как сама художница, через ее секретаря. Вот происхождение и результат посылки нашей книжки. Ее я переплел в тот же синий коленкор, как и экземпляр, мною Вам доставленный для принцессы Евгении Максимилиановны, другой любительницы искусств в нашей Царской семье. Переплет приличный, стоящий 45 копеек. Переплетами там не удивишь. Один мой приятель истратил десятки рублей на какой-то диковинный (жена его говорила даже о 100 руб.) мраморно-кожаный переплет своего поднесенного экземпляра. И каково же было его огорчение, когда он из Государевой канцелярии получил письмо с обозначением заглавия какого-то казенного издания, с которым сочинение моего издержавшегося приятеля не имело и отдаленного сходства! Уже и трунила же над ним его экономная и благоразумная жена!

Вчера перед отъездом я зашел к Н. А. Звереву и получил от него приглашение прибыть в Петербург на 15-е число этого месяца для участия в совещании по делам университетов. Собрание приглашенных будет происходить под его председательством. Он мне говорил, что этот съезд профессоров уст-

раивается с ведома председателя Совета министров и при участии министра народного просвещения. Николай Андреевич просил меня сообщить об этом собрании более надежным коллегам по факультету и советовать помочь съезду своим знанием университетских дел. Он занят этим и придает занятиям этого собрания особое значение. Я отговаривался от поездки, ссылаясь, что все мои помыслы и заботы последних двух десятилетий сосредоточивались на Музее и что вне этого мои познания весьма ограничены, и потому мои мнения об устройстве дел наших университетов не могут быть авторитетны. Я больше знаю жизнь, права и быт профессоров и студентов Древней Греции, Рима, Византии и Средних веков. В Византии заслуженных профессоров почитали более, чем это делал Шварц, потащивши попусту одного мне знакомого заслуженного профессора на судилище египетское. Там их возводили даже в графское сословие. Не явиться ли с проектом этого рода для поднятия престижа категории старых профессоров? Это были бы графы от наук и искусств. Что это было так, это можно доказать текстами римского права.

Возвращаясь к вопросу о наградных знаках для дам Комитета нашего Музея. Не лучше ли, Юрий Степанович, возвратиться к форме эмблемы или шифра с инициалами наименования нашего Музея на розетке александровской ленты? Эмблемой могла быть Афина из тоненькой пластинки золота (не литой, а характера *geroussé**) с веткой или веночком в руке. Гений с венком в руке уже существует на медалях, выдаваемых Университетом студентам. Розетку из александровской ленты сделать бы круглую, сборчатую. Конечно, возможно было бы покрытие эмблемы или шифра из букв М + $\frac{A}{III}$ + $\frac{B}{M}$ (в Москве), поставленных вертикально, также и синей эмалью⁴.

Сдается, что пришелся бы по сердцу наших дам оригинальный знак, а не медаль, у многих дам существующая и на нескольких лентах (есть, думаю, у кн[ягини] З.Н.Юсуповой, несколько таких я видел у гр[афини] П.С.Уваровой, m-me Колесниковой, видел на анненской ленте у m-me Подгорецкой, получившей за пожертвование на церковно-приходскую школу в захарьинском имени). Жаль, что в Петербурге нет княгини Юсуповой: она бы Вам была авторитетной советницей в этом вопросе. Судя по слухам, что Государыня останется на всю зиму в Ливадии, полагают, что и Юсуповы пробудут в Крыму до лета.

Видел я Романа Ивановича в Музее. Он толковал с представителями двух фирм об устройстве электрического освещения в Музее. Кассо согласился на устройство Аудитории и Читальни. Составляется смета хорошего оборудования их. Будьте здоровы.

* штамповки (*фр.*).

925. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 декабря

5 декабря 1911, Москва

Я писал Вам о даре Музею, присланном через генерала Степанова от Великой Княгини Елисаветы Феодоровны – в виде бронзовой группы Б[ожьей] М[атери] с Младенцем и Иоанном Крестителем. Сама Великая Княгиня не знала ничего об этой группе кроме того, что она привезла ее из Дармштадта и что она – ее наследственная собственность. Мне поручено было определить ее значение в том смысле, следует ли ее принимать в Музей. Не будучи знатоком в оригиналах, я лишь осторожно написал ген[ералу] Степанову, что эту вещь хотелось бы отнести к итальянскому Возрождению, к XVI веку и в нем к Ясоро Sansovino или к его мастерской. Исключалась мысль о XVII и XVIII вв., но считалось возможным видеть здесь подражание старому итальянскому мастеру и в начале XIX в. Желая получить здесь мнение Боде, я послал ему 3 фишеровских фотографии этой группы с 3-х сторон и просил его сказать свое слово. При этом со своим мнением я, конечно, не совался.

Ныне получено из Берлина письмо¹, в котором Боде высказывает, не обинюясь, взгляд, что это «ein charakteristisches Werk des Jacopo Sansovino» и что «ein Replik desselben in Metropolitan-Museum von New York vorhanden ist»*.

Таким подлинником обогатился наш Музей. Я отписал об этом генералу Степанову для доклада Великой Княгине. На днях будут готовы 4 фотографии зала Парфенона, сооруженного в память Вел[икой] Кн[ягини] Александры Георгиевны. Пробные листы я нахожу отличными. Когда они будут готовы, можно будет представить их Ее Высочеству вместе с благодарностью за ее прекрасный дар.

Прошу Вас принять для Вашей библиотеки препровождаемую при сем брошюру, написанную и напечатанную мною за границей минувшим летом². А.Н.Шварц отрицал перед Вами «солидность ученого имени» у лица, им преследуемого. Уделите 10 минут времени, чтобы пробежать стр. 21 – 24 этой брошюры, где в большом примечании перепечатаны отзывы французских академиков о диалектологических изданиях русского ученого и указаны ученые учреждения, свои и иностранные, говорящие иначе, чем высокомерный Шварц, которого и имени за границей, как ученого автора, никто не слышал. Ну, да Бог с ним.

Ныне же посылаю по экземпляру министру и его очень симпатичному товарищу Шевякову (Владимир Тимофеевич)³, ведающему музеи.

* «типичная работа Якопо Сансовино... такая же реплика имеется в Нью-Йорке в музее Метрополитен» (нем.).

926. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 декабря

7 декабря 1911, Москва

Брошюру, Вам препровожденную, прочел генерал М.П.Степанов, и вот что написал он по ее поводу¹. Тут он вспомнил и Ваши заботы о моем благе. Сердечно благодарю Вас. Не знаю, как возместят мне обиду, причиненную мне Шварцем. Этого хочется мне в первую очередь, чтобы не покрывали ее анненской лентой² за новый Музей, как указал на нее, в воздаяние за труды по нему, министр народного просвещения, сам о том заговоривший со мною. Брошюру я послал ему и его товарищу Шевякову, прося их ее прочесть и, обсудив положение, препроводить ее экземпляром Его Величеству – с ходатайством об увеличении моей пенсии взамен содержания по Румянцевскому музею, отнятому у меня Шварцем. Вот письмо М.П.Степанова, самостоятельно пришедшего к той же мысли. Это – новое доказательство того, что придворная служба не сделала его черствым. Тон его письма такой сердечный. Я посылаю его в подлиннике, частным письмом, министру. Хотелось бы думать, что это мнение разделяет и Великая Княгиня.

Московским дамам нашего Комитета хотелось бы значка на александровской ленте (круглая сборчатая розетка) лучше, чем у всех уже имеющейся медали. Если Вы согласитесь, то не разрешите ли Р[оману] И[вановичу] нарисовать шифр из вертикальных букв $M + \frac{A}{II} + \frac{B}{M}$ (в Москве), или фигурку Афины с венчиком в руке? Как прикажете исполнить это изображение: синей эмалью или розочками, как высказалась дама за завтраком у Вас при мне в последний раз? Всех значков пришлось бы приготовить 6 – 7. Министр на хлопоты об утверждении значка для наших дам свое согласие словесно мне дал. То же он повторит, конечно, и Вам. Но если к марту должны быть мы все готовы, то надо готовить документы награждаемых, медаль³ и это дамское украшение заблаговременно, зная медлительность русских работ.

927. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 декабря

9 декабря 1911, Москва

Примите мою сердечную признательность за доставку телеграммы принцессы Евгении Максимилиановны¹. Сделанная в ней квалификация моей брошюры указывает на то, что Ее Высочество ее прочитала. На свободе далеких Гагр, может быть, по свойственной принцессе художественной любезности [любезнательности?], брошюра о новом историко-художественном

институте Москвы и могла представить некоторый интерес. Официальная благодарность получена от Императрицы Александры Феодоровны. Экземпляр этот бых направлен в Ливадию на имя секретаря Ее Величества гр[афа] Ростовцева².

Лица, читавшие на этих днях мое «Дело», высказывают пожелание, чтобы эта брошюра была представлена Государыне в Ливадии: на свободе, мол, она могла бы быть там просмотрена и, м[ожет] б[ыть], могла бы возбудить к себе внимание. Не знаю. Пока ограничиваюсь сообщением ее здесь моим знакомым. На днях (15 – 16 числа) я должен быть в Петербурге и там узнаю взгляд на это изложение министра и его товарища Шевякова. Разрешите навестить Вас.

928. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 декабря

10 декабря 1911, Москва

Получено письмо от адмирала Дм.С.Арсеньева из Ниццы¹, куда он уехал на всю зиму (у него, как говорили здесь, болеет дочь). Судя по нескольким визитам его в Музей в последние два года, а равно и по выражениям его только что полученного мною письма, должно быть, это – очень добрый человек, понимающий силу работы других. Он очень радуется успехам Музея, признавая его огромное значение в деле художественного развития будущих его посетителей. Зная, как дорого Вам каждое сочувственное слово авторитетных морально или научно лиц, произносимое о нашем Музее, посылаю Вам это письмо Дмитрия Сергеевича перестуканным на машинке.

Наш брауншвейгский декоратор уехал на Святки на родину; в гости-нец семье он повез московских сластей от Абрикосова², чтобы показать, какие хорошие вещи могут делать в России. Сын его, 18-летний малый, остался здесь и работает и без отца с неизменным старанием над вещами, указанными ему отцом. Желание кончить тонировку гипсов, хотя бы в первых залах II этажа, по которым непременно пойдет Государь в день открытия Музея, заставляет его привезти с собою другого подмастерья. Подмастерья можно было бы ему найти, конечно, и в Москве, но нет между этим классом ни одного, владеющего хотя бы несколькими словами по-немецки. Мой брауншвейгец говорит, что он бессилен передать указания, сам не зная ни одного русского слова. Но как-никак, а русского подмастерья ему нужно подыскать, чтобы русские научились окрашивать под бронзу, под дерево и под камни. Этого в Москве совсем не умеют и делают, например, бронзировку гипсов просто жалостно. Музей во время стройки мно-

гому научил наших рабочих; он должен научить и этому маленькому, но нужному мастерству.

Находится в пути от Берлина конная статуя Гаттамелаты раб[оты] Донателло. Место для нее выбрано в Христианском дворике. Как только уставим ее, то Костманн также отбронзирует и этот гипс, как он это сделал с Коллеони Вероккио. Бронзировка его понравилась покойному Серову, бывшему у нас чуть не накануне своей неожиданной смерти. Так двигаемся понемногу вперед. Будьте благополучны.

929. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 декабря

21 декабря 1911, Москва

Долго не возвращался Вам проект медали потому, что Роман Иванович все это время болел и не мог быть у Великой Княгини. В конце было решено Ее Высочеством, чтобы рисунки были ей посланы через А.П.Гельского, управляющего Ее двором. Вот Ее мнение о достоинстве этого эскиза медали¹.

Р[оман] И[ванови]ч, страдавший кровоизлиянием горла, выехал с дочерью и зятем в Берлин, чтобы там посоветоваться с врачами, куда бы ему лучше поехать полечиться... Правду говорят: «Беда не приходит одна». Свою беду он должен был скрывать от дочери, которая также больна какой-то странной неврастенией: не проходило дня без того, чтобы не мучили ее продолжительные обмороки. Я думал, что это результат грядущего материнства; но Р[оман] И[ванови]ч решительно отвергает ее беременность, приписывая эти обмороки тоске по матери, которую она исключительно любила и была с нею в самых дружественных отношениях². Р[оман] И[ванови]ч, боясь за ее жизнь, составил свое духовное завещание в том смысле, что дочь пожизненно пользуется всем его достоянием лишь в % с него и, на случай ее бездетности, чтобы дома и деньги поступили городу Москве на устройство приюта для детей-сирот. Он очень исхудал, потерял энергию и изменился наружно.

Да, пора открывать нам Музей: в течение 15-летней его стройки и организации сколько тяжелых испытаний пережили Вы, Роман Иванович и я! Скольких лишился наш Комитет! Из его членов, бывших на закладке, как немногие будут на его открытии и как изменился их внешний вид! Все мы подурнели и постарели, продвинувшись к последнему жизненному пределу.

Р[оман] И[ванови]ч навел справку насчет камня: камень будет и пьедестал появится вовремя, также бронзовая, вызолоченная надпись:

ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ III (крупнее)
ДЕРЖАВНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ
НАУК И ИСКУССТВ
1912

Теперь весь секрет в Опекушине: не оставит ли он Государев постамент, в день открытия Музея, без статуи? Погоняйте его, насколько возможно гнать престарелого художника.

О наградах. В.Д.Поленов совершил минувшим летом путешествие по Греции на свой счет и там написал этюды для картин: А. Виды Дельф – 1) Парнас и соседние горы, 2) храм Аполлона, 3) здание дорического стиля – «Сокровищница афинян», – восстановленное французами после раскопок и 4) ущелье Кастальского источника; В. Виды Афин: 1) общий вид Акрополя, 2) Пропилеи, 3) угол Парфенона, 4) Эрехфейон. По этим этюдам он написал 8 картин, которые и принес в дар нашему Музею³. Поленову уже под 70 лет; он – член-основатель нашего Комитета: не было ли бы возможным ходатайствовать ему о титуле превосходительства?⁴ Из поставщиков были бы достойны наград Аксерио⁵ (шейной золотой медали), главный его помощник Колино⁶ (золотая медаль грудная), экспедитор Кузницкий⁷, доставляющий все время заграничные клади в долг. Мы бывали ему годами должны по 10 – 12 тысяч рублей, не имея чем заплатить. И сейчас мы у него в долгу. Фотографу Фишеру⁸ хочется получить придворного фотографа. Как обстоит вопрос о форме дамской награды?

Примите, Юрий Степанович, сердечный привет к праздникам и Новому году. Уезжаю на 8 дней в Тарусу.

*P.S.*⁹ Год на медали MDCCCCXII нарисовал Р[оман] И[ванови]ч.

930. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 января 1912 г., Таруса

1 января 1912, Таруса

Примите сердечнейшее поздравление с Новым годом и пожелание Вам доброго здоровья на тот срок жизни, который назначен Вам Богом. Иного чего пожелать Вам не умел бы. Одно должно придти само собой как справедливая награда за столько лет чистого увлечения для блага родины; многое другое невозможно по своей природе и времени.

Если за долгое время нашего общего дела были годы испытаний, особой трудности и потерь, то на минувший 1911 год было бы грешно пожаловаться. В течение его наши работы двигались к своему концу неизменно ровным и правильным шагом – декоративные, и хозяйственные, и по устройству коллекций. Р[оман] И[ванови]ч не вышел из сметы, как и обещал, хотя и испытывает нужду в лишней тысяче рублей на устройство железных заграждений из подвального этажа в 1-й¹, где они безусловно нужны, так как проникнуть вор в подвальный этаж может несколькими туда входами, не говоря уже о низко заложённых окнах. Темнота и присутствие многих углов там дают возможность вору скрыться от всякого дозора, чтобы остаться на ночь. Кроме второстепенных проходов из подвала зияет широкое отверстие под парадной лестницей, где проедешь чуть не на тройке; тут железное заграждение должно быть неминуемо². В конце открылись и другие места, во 2-м этаже, где должны быть железные с пиками наверху двери³ в преграждение вора и злодеям. Не знаю, как справится Р[оман] И[ванови]ч и с бронзовой решеткой на главной лестнице, против зала Праксителя, где стоит доселе пустой, большой и опасный для публики, пролет на большой высоте⁴.

С не меньшим успехом двигалось за минувший год и дело приобретения и размещения коллекций. Ко дню открытия не будет ни одного зала, в котором не были бы выставлены главные памятники представляемой им эпохи, а несколько зал могут выдержать даже и очень строгую критику в отношении полноты уже на 1-х порах. Бывали у нас ученые посетители, которые искренно дивились этой полноте памятников и смелости подбора самых дорогих, больших и в западноевропейской музейской практике редких вещей.

Правда, далеко не все они оплачены, даже и при щедром дотировании Музея моим банком; чтобы не показывать Государю этих красивых и замечательных памятников взятыми в долг, за поручительством моих музейских

коллег и приятелей за границей, придется бить Вам низко челом о продолжении Вашего более ощутительного, чем мое, дотирования Музея на 3 месяца. Тогда мы при открытии Музея можем чувствовать себя спокойными и радостными.

Послезавтра уезжаю в Москву – к делу.

Видели ли Вы министра народного просвещения? В конце ноября он сам заговорил об анненской ленте для меня к открытию Музея и высказал мысль, что «если Юрий Степанович после открытия, в случае благоприятного впечатления на Государя, возбудит ходатайство об уравнивании нового Музея по окладам служащих с Румянцевским и Историческим музеями (там проходят теперь новые штаты), то он, министр, не будет делать препятствий». Для меня, после обиды Шварцем, вопрос материальный, конечно, важнее новой ленты.

Будьте благополучны.

931. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 января

6 января 1912, Москва

По возвращении сюда я прочел Вашу телеграмму¹ о высылке моего последнего отчета по Музею². Книжку Назаревский послал Вам немедленно, но экземпляры были все непереpletенные. Кто это поинтересовался степенью готовности нашего Музея?

Музеем начинают интересоваться московские и петербургские власти. Ныне я видел у моего брата градоначальника А.А.Адрианова³; он спрашивал, когда бы можно было ему посмотреть Музей внутри. Я указал на апрель, когда будет все стоять на своих местах и все залы получают надлежащий вид. Эти дни проводит здесь директор департамента Вильев⁴; ныне он осматривал Музей и ушел, как он сказал, прощаясь, «пораженным от встреченного тут», «в министерстве-де и слабого представления не имеется обо всем этом». Это очень скромный, дельный и любезный в обращении человек. Я говорил с ним о поднимаемом мною ходатайстве насчет беспошлинного получения из-за границы 3000 аршин линолеума для настилки дорожек по залам Музея. Он обещал пустить это дело незамедлительно. А дорожки нам нужны, чтобы не падали посетители на светлых, как зеркало, и скользких полах. К тому же по хорошему линолеуму и ходить мягче и приятнее.

Приехавший сюда профессор Тураев с увлечением принялся за дело расстановки коллекций Голенищева по витринам. К февралю он надеется расстановку окончить, чтобы затем заняться составлением краткого путеводителя по Египетскому залу – к весне⁵. Для путеводителя по Ассирийскому

залу я думал бы пригласить ассириолога Никольского⁶. Он очень постарел, но эту работу он исполнит. Придется уплатить ему рублей 100. Описание зал мира греческого и римского я возьму в свои руки⁷. Христианские залы опишет Назаревский⁸. Хотелось бы путеводители снабдить в тексте иллюстрациями главнейших предметов.

Оканчивается покраска последнего зала (XVI в.), и через две недели произведения Микеланджело будут расставлены по местам.

Работы в эти четыре месяца пойдут усиленным темпом. Брауншвейгский немец воротился с другим подмастерьем⁹. Тонировку гипсов они ведут теперь втроем. Завтра приступаем к установке конной статуи Гаттамелаты раб[оты] Донателло. Ее станут красить под бронзу. Будьте благополучны. Вчера прочел в «Московских ведомостях» о производстве Виктора Кельина в действ[ительные] стат[ские] советники.

932. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 января

8 января 1912, Москва

Получена благодарность Королевы эллинов за присланный ей прошлогодний отчет Музея и за написанное мною «приглашение» на открытие Музея. Весною Королева эллинов обыкновенно приезжает в Россию, надо думать, она прибудет на открытие памятника Александра III в Москву¹. Книжка и письмо адресованы были на имя нашего посланника в Афинах.

Получена благодарность за тот же отчет от Государыни Императрицы Александры Феодоровны². Как-то вышло, что Комитет никогда не представлял своих отчетов Императрице Марии Феодоровне. Очень возможно, что Музей, выливающийся в такой изящной форме и в России небывалый, раз он носит имя императора Александра III, поинтересовал бы Ее Величество. Если бы Вы пожелали и дали мне знать, я прислал бы Вам экземпляр для доставления в Гатчину³. Секретарем Государыни состоит граф Голенищев-Кутузов, сам поэт и искусствам не чуждый.

Расстановка предметов египетского собрания Голенищева продолжается и по праздникам, для сбережения времени профессора Тураева. Витрины заполнятся все, какие получены от Голенищева; но так как наша расстановка более красива, при больших друг от друга расстояниях, то придется делать новые витрины, также с зеркальными стеклами.

В Петербурге столярное дело стоит куда лучше, чем в Москве с уничтожением фабрики Шмита. Отец умер, а сын замешался в повстанье 1905 года; дело, хорошо, было, налаженное, пало⁴. Надлежащего преемника старику Шмиту нет. Мы сделали 2 неудачные опыта со столярами, которых нам

рекомендовали. Один из них так плохо окрасил дубовые шкафы Библиотеки, замалевав их темно-красноватой краской, что можно подумать их сделанными «под дуб». Тут Р[оман] И[ванови]ч, занятый домашним горем, это дело просмотрел. Другому столяру заказаны были витрины под черное дерево, – и опыт оказался весьма неудачен, хотя заказ был на 1000 руб. Здесь Москва стоит ниже Петербурга. А витрин надобно делать много для разных зал.

В последнем письме я говорил о необходимости выписать из-за границы около 1000 сажень (3000 аршин) линолеума двойной ширины. Кн[язь] Н. С. Щербатов вчера мне подал совет выписать его из Остзейского края, с фабрики. Как быть? Заграничный, думается, был бы лучше, как метлахские плитки настоящие лучше тех, которые выделываются в Риге. Я думал бы: и здесь «будет не тот коленкор». Из-за границы мы получили бы его беспешинно.

Желаю Вам доброго здоровья.

933. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 января

10 января 1912, Москва

По отправлении моего письма к Вам пришли от Д. А. Хомякова 2 пожертвованные им Музею бюста – кардинала Medici¹, основателя Uffizi во Флоренции, и его племянницы. По исключительной неразборчивости почерка дарителя я сообщил в канцелярию Музея, что должны прибыть два терракотовые бюста. А потому когда распаковали два ящика, то хранители устремили свои руки, чтобы «снять бумагу с этих терракот». И велико было их изумление, когда белая бумага оказалась холодной, как лед, после уличного мороза, и не снималась с терракотовых бюстов. Дело было под вечер, видно было плохо; тем не менее пришлось убедиться, что эти бюсты сделаны из прекрасного белого мрамора.

. Исполнение превосходное, размеры в натуру; укреплены они на мраморных подставках серого цвета. Это не копии в другом месте хранящихся оригиналов, но – сами оригиналы, хранившиеся в семье Хомяковых как драгоценность, вывезенная из Италии.

Этот дар – исключительной ценности, не только художественной, но и материальной. Спасибо Дмитрию Алексеевичу за то, что он избрал наш Музей местом хранения хомяковской драгоценности. Он давно болеет, и, «не считая себя жильцом сей планеты», он пристроил эти бюсты в нашем Музее. Я писал Вам об ожидаемых нами терракотах², а получились превосходные мраморы.

Будьте здоровы³.

**934. ЦВЕТАЕВ, КЛЕЙН, МАЛЬМБЕРГ, НАЗАРОВСКИЙ,
КИПРИЯНОВ, ЩЕРБАКОВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ**

23 апреля 1912, Москва

Музей Императора Александра III приносит сердечно поздравление с Ангелом, искренне желает Вам доброго здоровья и всего лучшего. Все мы ожидаем Вашего прибытия на Музейский праздник¹.

ЦВЕТАЕВ, КЛЕЙН, МАЛЬМБЕРГ, НАЗАРОВСКИЙ,
КИПРИЯНОВ, ЩЕРБАКОВ.

935. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – в Музей изящных искусств

24 апреля 1912, Петербург

Благодарю всех поздравлявших Опекушин лежит Собираюсь¹ быть около пятого

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

936. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

С.Пб., 25 октября 1912 г.

25 октября 1912, Петербург

Добрейший Иван Владимирович,

Искренно благодарю Вас за возбуждение памяти счастлив[ых] дней, особенно для меня ценно[е] в нынешнем моем заточении, вот уже более месяца доктора меня держат в заключении под предлогом катара в бронхах, особенно затяжного и неотвязчи[во]го в это время года. Если меня выпустят, я не премину тотчас же исполнить Ваше поручение у Чернышева моста¹.

Преданный без лести

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ.

КОММЕНТАРИИ

Принятые условные сокращения

АН СССР – Академия наук СССР

Б. – большой (-ая)

библ. – библейский

ВЖК – Высшие женские курсы

ГМИИ – Государственный музей

изобразительных искусств

им. А.С.Пушкина

губ. – губерния

ед. хр. – единица хранения

ИМАО – Императорское Московское

археологическое общество

колл. – коллекция

л. – лист

МГУ – Московский государственный

университет

миф. – мифологический

об. – оборот (листа)

оп. – опись

ОР ГМИИ – Отдел рукописей

Государственного музея изобразительных

искусств им. А.С.Пушкина

ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной

Третьяковской галереи

РАН – Российская Академия наук

РГАЛИ – Российский государственный архив

литературы и искусства

РГБ – Российская государственная библиотека

РГИА – Российский государственный

исторический архив

с. – село

стб. – столбец

св. – святой (-ая)

СПб. – Санкт-Петербург

Учебный художественный музей

им. И.В.Цветаева – отдел ГМИИ

им. А.С.Пушкина «Учебный

художественный музей им. И.В.Цветаева»

(на территории РГГУ)

ф. – фонд

ц. – церковь

ЦИАМ – Центральный исторический архив

г. Москвы

Комитет МИИ 1908 – Музей изящных искусств

имени Императора Александра III при

Московском университете. Записка,

читанная в годичном собрании Комитета

Музея 25 января 1908 г. проф. И.Цветаевым. М., 1908

Комитет МИИ 1911 – Музей изящных искусств

имени Императора Александра III при

Московском университете. Записка,

читанная в годичном собрании Комитета

Музея 27 марта 1911 г. проф. И.Цветаевым. СПб., 1911

Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев –

Выдающийся русский востоковед

В.С.Голенищев и история приобретения

его коллекций в Музей изящных искусств

(1909–1912). Из Архива ГМИИ.

Вып. 3/Сост.: А.А.Демская, С.И.Ходжаш,

О.Д.Берлев, Г.И.Качалина, Е.М.Яковлева. М., 1987

Цветаев – Клейн. История создания музея –

История создания музея в переписке

профессора И.В.Цветаева с архитектором

Р.И.Клейном и других документах

(1896–1912)/Авт.-сост.: А.А.Демская,

Л.М.Смирнова. Из Архива ГМИИ. Т. 1, 2. М., 1977

Цветаев – Трей. – ... In Moskau ein kleines

Albertinum erbauen. Iwan Zwetajew und

Georg Treu im Briefwechsel.

(1881–1913)/... Устроить в Москве

маленький Альбертинум. Переписка

Ивана Цветаева и Георга Трея (1881–1913)/

Под ред. Э.Хексельшнейдера, А.Баранова

и Т.Бурга. Вступ. статьи Л.Акимовой,

Э.Хексельшнейдера и К.Кноль.

Комментарии Э.Хексельшнейдера,

К.Кноль, А.Баранова, М.Аксененко

и Л.Акимовой. Köln, 2006.

С параллельными текстами на нем.

и рус. языках

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5275.

¹ Речь идет о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве. Подробнее см. т. 3, письма 693 – 695 и комм. к ним.

² С 1893 г. Таруса и ее окрестности были излюбленным местом отдыха Цветаева и его семьи. На зимние каникулы Цветаев приезжал в тарусский дом Сусанны Давыдовны Мейн, вдовы своего второго тестя. См. об этом доме т. 2, письмо 532.

³ В Петербурге на Сергиевской ул. (ныне ул. Чайковского), д. 30, находился особняк Нечаева-Мальцова. Упомянуто письмо 697 (см. т. 3).

⁴ В Ялте с осени 1905 г. находилась на лечении жена Цветаева *Мария Александровна* (1868–1906). Там же были и его младшие дети *Марина* (1892–1941) и *Анастасия* (1894–1993).

⁵ Плохая работа почты была следствием ее перегруженности из-за происходивших во 2-й половине 1905 г. забастовок российских железнодорожных и почтовых служащих.

⁶ *Стороженко Николай Ильич* (1836–1906), литературовед, профессор Московского университета по кафедре всеобщей литературы с 1872 г., в 1893 – 1902 гг. также библиотекарь (то есть заведующий библиотекой) Румянцевского музея; писатель; первый российский шекспировед, пользовавшийся признанием в Англии.

⁷ О затруднениях с добычей и поставкой уральского мрамора на стройку Музея изящных искусств см. т. 1 и 2, по Указателю.

⁸ Классический дворик – то же, что Греческий дворик. Здесь и далее названия залов Музея поясняются только в тех случаях, когда они отличаются от приведенных на плане 1912 г. (см. т. 1, илл. 74 и 75).

⁹ От идеи обивки стен в залах Музея материей в дальнейшем отказались.

¹⁰ Ю.С.Нечаев-Мальцов (в те годы – Нечаев) окончил юридический факультет Московского университета в 1857 г. Уже с конца 1897 – начала 1898 г. Нечаев-Мальцов являлся крупнейшим жертвователем Музея изящных искусств, а с исчерпанием кассы Комитета по устройству Музея, произошедшим в 1904 г., единолично оплачивал все строительные работы и приобретение многих экспонатов.

¹¹ В течение 1905-го календарного года весь учебный процесс в Московском университете был сорван. Университет стал ареной политических сходов и митингов – не только студенческих, но и многолюдных собраний фабричных рабочих и др. Студенты с 1 февраля до конца учебного года бастовали. В сентябре – октябре снова шли митинги. С 22 сентября ректор С.Н. Трубецкой был

вынужден закрыть Университет. Избранный после внезапной смерти Трубецкого новый ректор А.А.Мануйлов открыл Университет в начале следующего месяца, но уже 15 октября вновь закрыл до начала 2-го семестра. Это повлекло за собой 2 захвата университетских зданий радикально настроенной молодежью с участием вооруженной «боевой дружины»: 15 – 16 октября они более суток удерживали так называемое Новое здание Университета (нынешний факультет журналистики с прилегающими постройками); а с вечера 20 октября по 22-е – все университетские корпуса и дворы по другую сторону Б.Никитской улицы, по традиции именовавшиеся Старым зданием; входы на эту территорию были перекрыты баррикадами. 22 октября 1905 г. по решению Совета (то есть общего собрания профессоров) ректор просил войска взять здания и другое имущество Университета под охрану. Эта охрана не прекращалась и в последующие месяцы, однако – о чем Цветаев едва ли знал – не смогла помешать подпольному изготовлению в университетских лабораториях бомб для участников Декабрьского вооруженного восстания. С началом нового семестра (15 января 1906 г.) Университет не был открыт. Это произошло только 17 апреля 1906 г.

¹² *Роман Иванович – Клейн* (1858–1924), архитектор, строитель Музея. Подробнее о нем см. т. 1. Клейн находился в поездке по делам Музея, он изучал в музеях Лондона, Парижа и Берлина оформление потолков в залах античного искусства.

¹³ *Лист Георгий Адольфович* (?–1909), главный подрядчик по добыче и доставке мрамора и других ценных пород камня и по выполнению мраморных работ на строительстве Музея; весной 1905 г. получил также подряд на изготовление полов. Подробнее о Листе см. т. 1.

Кельин Виктор Федорович (1856 – ок. 1920), новый управляющий московской конторой Нечаева-Мальцова; в дальнейшем также попечитель Мазуринского детского приюта на Девичьем поле, основатель одного из первых в Москве детских садов (1910 г., ул. Б. Пироговская, 9А). Отец известного испаниста 1930 – 1960-х гг. *Федора Викторовича Кельина* (1893–1965). У переписчиков фамилия «Кельин» всюду написана без мягкого знака; было ли так у самого Цветаева, мы не знаем (напоминаем, что большинство его писем к Нечаеву-Мальцову сохранилось только в копиях, специально заказанных Цветаевым, но не сверенных им). В РГАЛИ, ф. 2555, оп. 1, ед. хр. 708 имеется письмо Цветаева к В.Ф.Кельину 1912 г., с приглашением на открытие Музея. Ответ Кельина от 14 июня 1912 г. с поздравлениями и извинениями, что не был на открытии по болезни, хранится в ОР ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1402.

¹⁴ *Щегляев Сергей Иванович* (?–1905), прежний управляющий московской конторой Нечаева-Мальцова.

Оберегал имя своего доверителя – то есть заботился о репутации хозяина; иными словами, не допускал споров, отказов и задержек с выплатами по обязательствам Нечаева-Мальцова.

¹⁵ *Рерберг Иван Иванович* (1869–1932), инженер, помощник строителя Музея; в дальнейшем известный московский архитектор. Подробнее см. т. 1.

699

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5276.

¹ Цветаев, параллельно с Университетом, служил с 1882 г. в Румянцевском музее и в 1901 – 1910 гг. являлся его директором. О домово́й церкви Румянцевского музея см. т. 3, с. 381.

² Богадельня для неимущих дворян Московской губернии им. С.Д.Нечаева на Шаболовке (архитектор Р.И.Клейн). Сооружена на средства брата Нечаева-Мальцова, *Дмитрия Степановича Нечаева* (1836–1911).

³ *Серафим Чигагов*, в миру *Чигагов Леонид Михайлович* (1856–1937), полковник в отставке (1890), автор трудов по военной и церковной истории, по лечению лекарственными растениями, публикатор мемуаров адмирала П.В.Чигагова. Священник с 1893 г.; в 1896 – 1898 гг. служил в церкви при Румянцевском музее (Николая Чудотворца в Старом Ваганькове), которую отреставрировал на свои средства. В 1898 г. принял монашеский постриг под именем Серафима. Был одним из инициаторов и главных организаторов канонизации Серафима Саровского в 1903 г. и настоятелем последовательно нескольких крупных монастырей. В 1905 – начале 1906 г. – епископ Сухумский, затем – Орловский и Севский, Кишиневский и Хотинский и т.д. Последний его церковный сан – митрополит Ленинградский и Гдовский (1928–1933). В 1997 г. причислен к лику святых как новомученик.

⁴ О ком из бывших служащих канцелярии Румянцевского музея идет речь, не установлено.

⁵ См. комм. 2.

⁶ *Армбрустер Леопольд Антон Иоганн* (1862–1938), дрезденский скульптор, исполнивший в 1902 – 1905 гг. мраморный фриз для наружной колоннады московского Музея изящных искусств, сделанный по мотивам рельефов Парфенона. Подробнее см. т. 2 и 3.

Кюнерт Макс Флоренц (1862–1939), инспектор коллекции античных памятников и слепков и заведующий гипсолитейной мастерской дрезденских Художественных собраний; один из авторов общей композиции названного фриза и научный консультант при работе Армбрустера над ним. Подробнее о Кюнерте см. т. 2 и 3 и Цветаев – Трей.

Мормоне (в рукописи – «Мармоне») *Иосиф Иванович*, одесский скульптор-мраморщик, переведший в мрамор в 1903 – 1905 гг. гипсовые рельефы *Г.Р.Залемана* «Олимпийские игры» для фриза на аттике центрального ризалита Музея. Подробнее см. т. 2 и 3.

⁷ В ОР ГМИИ (ф. 2, оп. I, ед. хр. 252) имеется целый ряд писем от Армбрустера подобного содержания, однако нет письма близкого по дате, т.е. около 1 – 2 февраля н.ст. 1906 г. Судебная кара грозила Армбрустеру из-за невозможности своевременно расплатиться с подмастерьями.

700

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5277.

¹ Речь явно идет об угрозе Листа подать в суд на Нечаева-Мальцова за невозвращение строительного залога в сумме 13 тыс. руб. По законам Российской империи со строительных подрядчиков взимался при заключении контракта залог, составлявший определенный процент от общей стоимости работ по подряду и остававшийся до их завершения у заказчика (им в случае с Листом был Нечаев-Мальцов). Лист считал, что работы по одному из его главных подрядов – отделке главного фасада Музея – уже завершены, между тем официально они еще не были приняты Строительной комиссией Музея и не могли быть приняты до возвращения из заграничной поездки архитектора-строителя. Действовать же без согласия этой комиссии Нечаев-Мальцов полагал неправильным, поскольку оплачивал работы не для себя лично, а для Музея.

Упомянутые ниже полмиллиона – примерная сумма выплат, уже полученных Листом от Нечаева-Мальцова за выполненные ранее части работ.

² *Аксерио Антон Петрович*, глава московско-берлинской фирмы «Братья Аксерио», выполнявшей в Музее штукатурные работы. Подробнее о нем см. т. 2.

³ Доходный дом Мазинга – один из ближайших к Музею домов, на углу Малого Знаменского и Антиповского (ныне Колымажного) переулков; построен в 1899 – 1900 гг. (архитектор П.М.Самарин), снесен в 2002 г. под предлогом аварийного состояния и заменен другим зданием.

Мазинг Карл Карлович (1849–1926), известный педагог, основатель одного из лучших в Москве реальных училищ, находившегося по соседству (ныне в его здании средняя школа № 57).

⁴ Аксерио оплачивал из своей выручки жилье для выписанных из-за границы штукатуров, тогда как Лист подобных расходов не имел: его иностранные рабочие проживали непосредственно в строящемся здании Музея.

701

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5278.

¹ *Сергей Александрович* (1857–1905), великий князь, председатель Комитета по устройству Музея изящных искусств, сын Александра II, дядя Николая II; московский генерал-губернатор в 1891 – 1904 гг. Убит террористом 4 февраля 1905 г. Подробнее о нем см. предыдущие тома.

² То есть к Цветаеву на службу.

³ «С.Кузницкий и К^о» – транспортная фирма, услугами которой Музей пользовался для перевозки экспонатов из-за рубежа с весны 1904 г.

⁴ Денежные средства Комитета по устройству Музея изящных искусств хранились у казначея Университета в виде билетов государственной 4% ренты и обращались в наличные (путем продажи в банк) лишь с разрешения Комитета и под контролем университетского Правления. На счету Комитета числилось в это время около 18,3 тыс. руб., из которых 13 тыс. поступили в 1905 г. от

Юсуповых (см. Отчет Императорского Московского университета за 1905 г., М., 1906. С. 164 сл.)

⁵ *Захарьин Григорий Антонович* (1829–1897), знаменитый терапевт. Его сын *Сергей Григорьевич* (ок. 1875–1908) внес обещанные деньги на приобретение слепков в 1907 г. Подробнее о Захарьиных см. т. 1.

⁶ *Подгорецкая Александра Григорьевна* – старшая дочь Г.А.Захарьина, жертвовальница на слепки скульптур итальянского Возрождения, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Ее мать, *Захарьина Екатерина Петровна* (? – 1910), также жертвовала средства на экспонаты Музея. Подробнее см. т. 1.

⁷ *Третьяков Павел Михайлович* (1832–1898), промышленник-мануфактурист, меценат, основатель Третьяковской галереи. Подробнее см. т. 1.

⁸ См., например, газетные статьи 1890-х гг., перепечатанные в т. 1, Приложение 1. Ср. «Пояснение к записке профессора И.В.Цветаева» от 6 марта 1896 г., где о Третьякове сказано: «Уполномочил на пять тысяч (5000) [рублей] купить гипсов в Риме и выразил желание уплатить за упаковку и провоз. Перевод на три тысячи (3000) франков получен от него...» (ф. 1, оп. II, ед. хр. 150, л. 1).

⁹ Имеются в виду *Поленов Василий Дмитриевич* (1844–1927), академик живописи, член-учредитель Комитета по устройству Музея и один из трех официальных консультантов по художественной части здания, и его жена *Наталья Васильевна*, урожденная Якунчикова (1858–1931). Подробнее о Поленове см. т. 1–3.

¹⁰ *Боткина Александра Павловна* (1867–1959), вторая дочь П.М.Третьякова; жена профессора Военно-медицинской академии и действительного члена Академии художеств, коллекционера *Сергея Сергеевича Боткина* (1859–1910). Александра Павловна была членом совета Третьяковской галереи. Какие-либо письма к Цветаеву ее самой, ее мужа или сестер нам неизвестны; в точности неизвестно и то, было ли написано письмо Цветаева к ней.

¹¹ Подразумеваются *Зилоти Вера Павловна* (1866–1940), *Гриценко-Бакст Любовь Павловна* (1870–1928), *Боткина Мария Павловна* (1875–1952). Две дочери П.М.Третьякова были замужем за братьями Боткиными.

¹² О Школе изящных искусств в Париже и о сделанном в ней заказе на слепок угла Парфенона см. т. 3.

702

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5279.

¹ Чудов монастырь в Кремле, один из самых древних в Москве, место погребения великого князя Сергея Александровича. Ныне не существует. Подробнее см. т. 3.

² Цветаев был в Афинах в 1889 г.

³ *Анисков Николай Милюевич* (1844–1916), сенатор и член Государственного Совета, в прошлом директор Департамента Министерства народного просвещения. Товарищ Цветаева по Петербургскому университету. Подробнее о нем

см. т. 3. В качестве члена совета Православного Палестинского общества Аничков занимался его медицинскими и школьными учреждениями в Сирии и Палестине.

Императорское Православное Палестинское общество было основано великим князем Сергеем Александровичем в 1882 г. с двойной целью обеспечения нужд православных паломников в Святую Землю и научного исследования христианских древностей. Председателем Общества после смерти его основателя стала вдова Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна.

⁴ *Степанов Михаил Петрович* (1853–1917), член-учредитель Комитета по устройству Музея, одно из главных лиц в свите великого князя, а затем его вдовы, (подробнее см. т. 1), был вице-председателем Палестинского общества.

⁵ Магазин цветов, принадлежавший Дмитрию Михайловичу Карпову, находился на углу Арбата (д. 16) и Серебряного переулка.

⁶ *Дмитриев Иван Владимирович*, чиновник канцелярии Румянцевского музея и письмоводитель Комитета по устройству Музея изящных искусств в 1903–1910 гг. Подробнее см. т. 3.

⁷ Солея – возвышение пола перед иконостасом; ее центральная часть называется амвоном, а боковые – клиросами.

⁸ Имеется в виду основное помещение церкви Святителя Алексия; великий князь был похоронен в ее подклете.

⁹ *Константин Константинович* (1858–1915), великий князь, поэт, печатавший под инициалами К.Р., президент Академии наук. Подробнее см. т. 1 и 3.

¹⁰ *Дубасов Федор Васильевич* (1845–1912), московский генерал-губернатор с ноября 1905 г. по июль 1906 г., генерал-адъютант, в дальнейшем адмирал и член Государственного Совета. Бывший командующий Тихоокеанской эскадрой (1897–1899), председатель Морского технического комитета (1901–1905). В 1905 г. Дубасов руководил подавлением крестьянских восстаний в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях и Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

¹¹ Чем дело кончилось, остается неизвестным: соответствующей переписки между канцелярией генерал-губернатора и Комитетом Музея в нашем распоряжении нет.

¹² Московский Главный архив Министерства иностранных дел занимал территорию между Воздвиженкой и Румянцевским музеем (подробнее см. т. 1, комм. 1 к письму 89). Соединенный участок этих двух учреждений охватывал весь Ваганьковский холм от Знаменки до Воздвиженки, что в несколько раз больше участка, на котором сооружался Музей изящных искусств.

703

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5280.

¹ Среди этих съездов были 1-й съезд Всероссийского союза торгового-

мышленной партии (5 – 6 февраля 1906 г.) и 1-й съезд Союза 17 октября (8 – 12 февраля 1906 г.).

² *Голофтеев Николай Кононович* (1846–?), крупный торговец тканями и модной одеждой, владелец усадьбы Люблино и инспектор Северного страхового общества. Ему принадлежали все дома по Волхонке напротив строящегося Музея, от Ленивки до Всехсвятского пер. До 1898 г. они числились домами Войковой.

³ Подразумевается, очевидно, заседание факультета, то есть собрание его профессорско-преподавательского состава. Напомним, что занятия со студентами не возобновлялись в Университете до 17 апреля 1906 г.

⁴ Имеется в виду Московский Предварительный комитет по организации XIV Археологического съезда в Чернигове (съезд проходил 1–15 августа 1908 г.). Первое заседание Комитета состоялось 7 февраля 1906 г. в доме Императорского Московского Археологического общества на Берсеневке.

Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924), графиня; председатель Императорского Московского Археологического общества, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее о ней см. т. 1.

⁵ Согласно Уставу российских университетов при каждом из них еще с 1830-х гг. полагался учебно-вспомогательный Музей (Кабинет) изящных искусств и древностей, однако финансировались эти музеи очень незначительной суммой.

⁶ Эти слова указывают, по-видимому, на существование какого-то недошедшего до нас письма или телеграммы Нечаева-Мальцова.

⁷ Бьюли (*англ.*) – поселок на южном побережье Великобритании к юго-западу от Саутгемптона, около 80 км от Лондона. Зачем Клейн оказался в этой местности, нам неизвестно.

⁸ То есть в Дворике налево от входа, Греческом.

704

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5281.

¹ Текст упоминаемой телеграммы Цветаева нам неизвестен.

² *Елизавета Федоровна* (1864–1918), великая княгиня, вдова великого князя Сергея Александровича; почетный член Комитета по устройству Музея с 1898 г. Подробнее о ней см. т. 1.

³ Имеется в виду внутренняя парадная лестница Музея.

⁴ Великая княгиня осматривала строительство Музея вместе с Нечаевым-Мальцовым и Клейном в сентябре 1905 г.; Цветаева в это время не было в Москве.

⁵ Штукатурка кирпичных стен Греческого дворика имитирует кладку из квадров (глыб в виде правильных параллелепипедов) камня.

⁶ Подразумевается возвышение вдоль стены Греческого дворика, на котором в настоящее время стоит слепок портика кариатид.

⁷ Речь идет о московской скульптурной мастерской «Преемники А.С.Козлова В.Л.Гладков и В.А.Козлов». Подробнее см. т. 1 и 2.

⁸ Антикварий – предназначавшийся для мелких предметов и подлинников зал возле Христианского дворика; к моменту открытия Музея был отведен под слепки и назывался залом Северного Возрождения.

705

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5282.

¹ *Остроумов Алексей Александрович* (1844–1908), профессор терапевтической клиники Московского университета с 1880 г.

Очевидно, Цветаев уже ранее сообщил Нечаеву-Мальцову о своем нездоровье; возможно, это было сделано в несохранившейся записке, переданной, как и комментируемое письмо, с посылным.

² Ближайшая суббота была 4 марта, понедельник – 6-го. Единственное в 1906 г. заседание Комитета состоялось 4 марта.

706

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2415.

¹ *Иосиф Флавий* (ок. 37 – ок. 100), древнееврейский историк, писавший на греческом языке; первоначально – еврейский военачальник, участвовавший в восстании против римлян, затем римский пленник, вольноотпущенник и римский гражданин. Небольшой отрывок о Христе и его последователях в тексте «Иудейских древностей» (кн. XVIII, гл. 3, 3) большинством историков и филологов уже с XIX в. считается позднейшей вставкой, сделанной христианским переписчиком ок. 300 г. Об «изображении» Христа нигде в «Иудейских древностях» не говорится. Возможно, здесь описка Нечаева-Мальцова: «о изображении» вместо «с изображением» Христа (то есть с рассказом о нем).

707

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5283.

¹ Речь идет, очевидно, о штукатурке стен.

² См. фотографии этого портика в т. 3, илл. 99, и в т. 1, илл. 93.

³ Хотя еще в марте 1905 г. великая княгиня Елизавета Федоровна через генерала М.П.Степанова уведомила Комитет по устройству Музея о том, что не сможет стать председателем Комитета вместо своего погибшего мужа (см. т. 3, письмо 212 и комм.), Цветаев, Нечаев-Мальцов и Клейн, по-видимому, еще и весной 1906 г. продолжали надеяться на ее согласие.

⁴ «Общество механических заводов братьев Бромлей» (подробнее см. т. 1 и 2) с 1900 г. изготовляло для Музея и устанавливало металлические балки, стропила, фермы, рамы для стеклянных крыш и потолков, а также металлический каркас для колонн Центрального (Белого) зала. Окончив все перечисленное в 1905 г., Общество бр. Бромлей приступило также к устройству снеготаялки –

однако, не получая денег за последнюю часть выполненного ранее, прекратило работу (см. ф. 3, оп. I, ед. хр. 49). Судя по сохранившемуся табелю (там же, ед. хр. 203), на стройке оставались лишь трое рабочих от Бромлеев, счищавшие снег с кровель, но, очевидно, их усилий было недостаточно.

⁵ Там льет на потолки – то есть там, где работы были брошены, вода (от тающего снега) заливает потолки.

⁶ Основные гранитные работы для Музея выполняла фирма Брусова. Фирмой Листа по гранитной части до 1906 г. было сделано немного. Во-первых, это доставка, обработка и установка двух гранитных дорических колонн в центральном портике (работа, законченная в 1903 г. и оплаченная тогда же). Во-вторых, укладка перед служебными входами в двух внутренних дворах Музея нескольких ступеней из донского гранита (см. ф. 3, оп. I, ед. хр. 297, с. 255). За них Листу причиталось всего 54 руб. из общей суммы долга.

Несколько дней спустя Нечаев-Мальцов сообщил Клейну по поводу этого долга:

«Милостивый государь
Роман Иванович.

Я сделал распоряжение, чтобы Георгию Листу было уплачено в декабре сего года 22 632 р. 328 к. из сумм, ассигнованных мною на постройку Музея, по десяти тысяч в месяц, для сего эти деньги будут удержаны из ноябрьской, декабрьской и январской выдач.

Готовый к услугам
Нечаев-Мальцов.

Москва,
14 марта 1906 г.» (ф. 3, оп. I, ед. хр. 213, л. 20. Публикуется впервые).

⁷ Во 2-й половине 1904 г. Нечаев-Мальцов, сверх сумм, которые он оплачивал для Музея по контрактам, заключенным от его собственного имени, давал анонимно на строительные нужды еще по 25 тыс. руб. ежемесячно (см. т. 3, с. 245). В следующем, 1905 г. его пожертвования на строительство составили около 140 тыс. руб., из них около 50 тыс. – сверх его обязательств по контрактам (см. таблицу расходов в Отчете ИМУ за 1905 г., с. 161 сл., без указания имени жертвователя). На 1906 г. Нечаев-Мальцов находил необходимым ограничиться 120 тыс. (по 10 тыс. в месяц), не считая уже произведенной дополнительной выплаты Армбрустеру, упомянутой в письме 699.

⁸ Вдова крупного часторговца *Варвара Андреевна Алексеева* (1823–1894) пожертвовала 1 тыс. руб. на слепки для Музея и намеревалась дать деньги на строительство его здания. После исполнения всех статей ее письменного завещания, касавшихся распределения около 3 млн. руб., душеприказчики, в соответствии с ее устной последней волей, передали на сооружение Музея остаток состояния Алексеевой, который определился в сумме 150 тыс. руб. Подробнее см. т. 1.

708

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5283^а.

¹ Подразумевается гальванокония найденного при микенских раскопках Г.Шлимана серебряного ритона в виде головы бычка. См. письмо 681 в т. 3.

² Банкирская контора «Гавриил Волков и сыновья» находилась на углу Петровки и Кузнецкого моста, в одном из доходных домов А.С.Хомякова (1900 г., архитектор И.А.Иванов-Шиц).

709

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5284.

¹ *Трескин Николай Николаевич* (1872–1906), хранитель университетского Кабинета изящных искусств и древностей с 1896 г.; со дня основания Комитета по устройству Музея в 1898 г. – также член-соревнователь Комитета и первый помощник секретаря. Подробнее см. т. 1–3. В дальнейшем Цветаев написал некролог Трескина, который рассчитывал поместить в годичном отчете Университета, но, узнав, что это невозможно из-за сравнительно невысокой должности умершего, напечатал отдельной брошюрой: *Проф. И.Цветаев. Памяти Н.Н.Трескина*. М., Университетская типография, 1907.

² Цветаев проявил здесь забывчивость. До 1896 г. его активным помощником был не Трескин, а тогдашний хранитель Кабинета *Чичагов Константин Дмитриевич* (1867–1920), перешедший затем на службу в Государственный контроль в Петербурге. См. упоминания о нем в т. 1. По сведениям Н.А.Бессоновой (Самара), Чичагов с конца 1890-х гг. преподавал в Петербурге историю искусств (в Центральном училище технического рисования барона А.Штиглица, Высшем художественном училище Академии художеств, Петербургском университете); был также библиотекарем Императорских театров и известным библиофилом; свою библиотеку по искусству завещал основанному в 1919 г. Самарскому университету.

710

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5285.

¹ Православная Пасха 1906 г. была 2 апреля.

² *Негаева Анна Степановна* (? – 1908), одна из двух старших сестер Нечаева-Мальцова.

³ *Моя больная* – жена, Мария Александровна.

⁴ Обсуждавшийся в начале 1906 г. проект штата не сохранился; в конце июля 1906 г. Цветаев просил о годовой сумме в 57,5 тыс. руб. (см. письмо 724). Штат Музея был утвержден законом от 10 мая 1909 г. и вступил в силу 1 июля того же года; годовые ассигнования на Музей составили по закону 50 тыс. руб. (два варианта проекта штата Музея, отпечатанные типографским способом «на правах рукописи», хранятся в ф. 2, оп. I, ед. хр. 271^а и ед. хр. 315.)

⁵ *Чистяков Михаил Васильевич*, тайный советник. (Благодарим за это указание Ю.Г.Волхонского из Петербурга.)

⁶ Непосредственно в создании экспозиции московского Музея М.Ф.Кюнерт или какой-либо иной приглашенный иностранный специалист участия не принимал.

⁷ Альбертинум – здание в Дрездене, где располагалось Королевское скульптурное собрание; Цветаев обычно называл Альбертинумом сам этот музей. Экспозиция слепков открыта в 1891-м, подлинников – в 1894 г. Подробнее см. т. 1 и Цветаев – Трей.

⁸ Кайзер-Фридрих-музеум (Музей им. императора Фридриха III) на Музейном острове в Берлине – один из корпусов Берлинских королевских музеев, предназначенный преимущественно для произведений христианской эпохи. Построен в 1898 – 1904 гг. В настоящее время – Музей Боде. Цветаев был отчасти свидетелем работ по созданию его экспозиции. См. т. 3.

⁹ О пожаре, произошедшем в строящемся здании Музея в ночь на 20 декабря 1904 г., см. т. 3. Полные списки погибшего не сохранились; в доступных на сегодняшний день говорится о гибели 193 или 196 ящиков со слепками. Называет ли Цветаев в данном письме действительную полную цифру или его подводит память – неясно.

¹⁰ Аутская улица (сейчас ул. Кирова), одна из главных улиц Ялты; образовалась в 1880-е гг. в результате строительства дач вдоль проселочной дороги к деревне Аутка (ныне поселок Чехово).

¹¹ Мироносицкая (3-я неделя после Пасхи) в 1906 г. приходилась на 17–23 апреля.

711

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5286.

¹ Нерви – курортный город в Италии, в 12 км к юго-востоку от Генуи. М.А.Цветаева находилась на лечении в окрестностях Нерви с конца октября 1902 г. до начала мая 1904 г. Подробнее см. т. 2 и 3.

² Противотуберкулезный санаторий, основанный в 1897 г. в с. Хреновое Бобровского уезда Воронежской губ. военным врачом Дмитрием (по другим данным – Иосифом) Габриловичем.

³ Имеется в виду Хреновский конный завод, на котором выведена знаменитая порода орловских рысаков. Основан графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским в 1770-е гг., с середины XIX в. принадлежал казне. Действует по сей день.

⁴ Князь Юсупов Феликс Феликсович старший (1856–1928), граф Сумароков-Эльстон; владелец имения Архангельское. В 1904 – 1908 гг. командир Кавалергардского полка. Как и его жена, Зинаида Николаевна (1861–1939), член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1. Его письмо Цветаеву из Петербурга от 31 марта 1906 г. сохранилось: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5655. Речь идет о высылке денег по данному Юсуповыми в 1898 г. обязательству оплатить стоимость сооружения Римского зала.

⁵ Обстоятельства, при которых летом 1905 г. стало возможным заказать в парижской Школе изящных искусств слепок-реконструкцию афинского портика кариатид, описаны в письме 668 (т. 3).

⁶ Соответствующее письмо А.Г.Подгорецкой нам неизвестно.

⁷ Большинство русских рабочих на стройке Музея были крестьянами, приходившими в город на заработки (что очень типично для той эпохи); по праздникам они возвращались в деревни, к своим семьям.

712

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5287.

¹ *Барятинская Мария Владимировна* (1851–1937), княгиня, председательница Ялтинского отделения Общества Красного Креста. Санаторий был основан по ее инициативе в 1899 г. преимущественно на деньги, собиравшиеся по подписке; первый корпус открыт в январе 1901 г.

² Слова «пополнение приобретений» вряд ли представляют собой описку вместо «приобретение пополнений»: «приобретениями» здесь, видимо, назван не процесс собирания экспонатов, а его результат, то есть сами коллекции.

Указанная Цветаевым сумма была утверждена и поступала в Музей из государственного бюджета начиная с 1909 г. – правда, обычно с задержками на много месяцев.

³ I Государственная Дума открылась 27 апреля 1906 г. (просуществовала менее 3 месяцев, по 8 июля). Государственный Совет, существовавший как законосовещательный орган еще с 1810 г., был преобразован Манифестом от 20 февраля 1906 г. во вторую законодательную палату с правом вето на решения Думы.

⁴ *Негаева Софья Степановна* (? – 1907), одна из двух сестер Нечаева-Мальцова.

713

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5288.

¹ Речь идет об открытии I Государственной Думы.

² Подразумевается Русско-японская война 1904 – 1905 гг.

³ Цветаев состоял действительным членом Московского Археологического общества с декабря 1878 г. и неоднократно выступал на его заседаниях.

⁴ Клад I в., найденный в Гильдесгейме в 1868 г., и состоявший из 70 серебряных и позолоченных изделий, преимущественно римской посуды. О заказе Цветаевым гальваноконий с основных предметов этогоклада см. т. 3. Доклад состоялся год спустя, 2 мая 1907 г., и сопровождался демонстрацией этих копий.

⁵ *Дигиталис* (*лат.* наперстянка) – лекарственное растение, препараты из которого применяются при сердечных болезнях.

714

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5289.

¹ Одесса упоминается не как пункт маршрута Цветаевых, а лишь как порт

приписки пассажирских кораблей, обслуживавших Ялту. Железнодорожного сообщения между Ялтой и Москвой никогда не существовало; железная дорога из Крыма в Москву, действующая с 1875 г., начинается от Севастополя и проходит также через Симферополь.

² Самое высокое место на трассе Ялта – Алушта – Симферополь находится в седловине между горными массивами Чатыр-Даг и Демерджи. Это Ангарский перевал (высота 752 м над уровнем моря).

³ Байдарские ворота – перевал на высоте 503 м над уровнем моря в 46 км к западу от Ялты, через который проходит проложенное в 1837 – 1848 гг. по инициативе генерал-губернатора Новороссийского края М.С.Воронцова шоссе из Ялты в Севастополь. Название перевала происходит от ближайшего татарского селения Байдары и от выстроенных на перевале в год завершения шоссе ворот-пропилеев (архитектор К.И.Эшлиман).

⁴ Речь идет о тарусском земском враче *Иване Зиновьевиче Добротворском* (1856–1919), муже двоюродной сестры Цветаева, *Елены Александровны* (1857–1939), а также о *Валерии Ивановне* (1883–1966) и *Андрее Ивановиче* (1890–1933) *Цветаевых*.

⁵ Согласно «Воспоминаниям» А.И.Цветаевой, это была та же дача в Песочном под Тарусой, которую Цветаевы арендовали в прошлые годы, еще до отъезда М.А.Цветаевой с детьми за границу (1902).

⁶ Речь идет о заседании Комитета, состоявшемся 4 марта 1906 г.

⁷ *Самарина Екатерина Николаевна* (1854–1922), урожденная Рахманова; вдова камергера, художница-любительница. В мае 1905 г. вызвалась собрать для Музея коллекцию копий с наиболее известных античных фресок и в дальнейшем составила ее из собственных работ и из копий, заказанных ею другим живописцам. Подробнее см. т. 3, комм. к письму 661.

⁸ Цветаев пересказывает письмо Самариной от 24 апреля (без указания года): ф. 2, оп. I, ед. хр. 245, л. 22–24 об.

⁹ «В Париже у меня готовы для Вас два белые из collection *Campana* панно, которые я заказала для Вас художнику Киселеву и которые он исполнил весьма удовлетворительно», – сообщала Самарина в том же письме (23–23 об.). Ни Цветаев, ни Самарина не указывают имени или инициалов художника, но, возможно, подразумевают *Киселёва Александра Александровича* (1838–1911), художника-передвижника, академика живописи и профессора пейзажного класса в Высшем художественном училище Академии художеств, с 1902 г. проживавшего в Туапсе. В настоящее время в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева экспонируются упомянутые копии двух вертикальных фресок с растительным орнаментом на белом фоне, происходящих из Золотого дома Нерона и хранящихся в Лувре. Обе копии подписаны «А.Киселевъ». Подписи напоминают автографы пейзажиста на его работах в Третьяковской галерее.

¹⁰ О бывшей коллекции маркиза Кампана см. т. 3, комм. 1 к письму 669.

¹¹ О перечисленных памятниках античной стеной живописи см. т. 3, комм. к письму 661.

715

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5290.

¹ Сторожево – имение Нечаева-Мальцова в Рязанской губернии.

² Речь идет о слепках, выполненных для Музея *Йозефом Крейттмайром* (ум. до 1911), формовщиком Баварского Национального музея в Мюнхене. См. о нем т. 2 и 3. Двери Аугсбургского собора (не позже 1065 г.; см. т. 3, илл. 23), конечно же, в оригинале бронзовые; «бронзированным» является их слепок.

³ Упомянутый «Добрый Пастырь» (ок. 440) – одна из наиболее известных мозаик V в. Приобретение ее копии для московского Музея было тем более важно, что в оформлении одного из залов Исторического музея в Москве имеется чрезвычайно далекая от оригинала вариация на тему того же произведения. О мавзолее Галлы Плацидии см. т. 2.

⁴ Правильно – Эйдткунен, железнодорожная станция в Восточной Пруссии, на немецкой стороне российско-германской границы. Ныне – поселок Чернышевское Калининградской обл.

⁵ О ком из студентов-филологов идет речь – не установлено.

⁶ *Стржиговский Йозеф* (1862–1941), австрийский историк средневекового искусства, византинист и востоковед, по национальности поляк (Стжиговски). В то время профессор в Граце (с 1892 г.); в дальнейшем, с 1909 по 1933 г. – в Венском университете. О Немецком археологическом институте в Риме см. т. 2.

⁷ *Аццарони Алессандро* и *Дзампига Джузеппе* – художники Управления памятников Равенны. О встрече Цветаева с ними см. т. 2, с. 290; о копиях других равеннских мозаик, выполненных ими для Музея, см. т. 2 и 3.

⁸ Копии античных фресок в итоге были размещены на стенах Читального зала, равеннских мозаик – в Средневековом зале. Ни этот зал, ни Римский не были разделены поперечными стенками. Зал, предназначавшийся под Антикварий, к открытию Музея был отдан под слепки со скульптуры Северного Возрождения.

716

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5291.

¹ Письмо написано на стройке Музея изящных искусств.

² Судя по письму 718, этот неоштукатуренный угол, занятый ящиками с экспонатами, составляли залы Лисиппа, Ниобид, Афродиты Милосской и Лаокона (XI – XIII по нумерации 1912 г.).

³ Здесь, очевидно, ошибка памяти Цветаева: Чернский уезд находился не в Смоленской губ., а на юго-западе Тульской, в соседстве с Мценским уездом Орловской губ.

⁴ Найти в ОР ГМИИ близкое по дате и содержанию письмо кого-либо из хранителей Румянцевского музея не удалось.

717

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5292.

¹ *Васнецов Виктор Михайлович* (1848–1926), академик живописи, действительный член Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее о нем см. предыдущие тома. О его участии в посылке равенским копиистам твореного золота см. т. 3, с. 309 сл.

² Цветаев употребляет слово «полотна» в смысле «картины». В действительности копии выполнены на бумаге.

³ На рубеже XIX – XX вв. обязательным условием изготовления слепков и копий известных памятников искусства в Италии было наличие идентичного слепка или копии в итальянских государственных коллекциях; поэтому, если копия или слепок делались впервые, на заказчика, естественно, ложилась стоимость второго экземпляра.

⁴ Расположения копий мозаик в два яруса удалось избежать.

⁵ В действительности из 70 предметов, составлявших клад, в гальванокопиях были представлены 38 (см. ф. 2, оп. I, ед. хр. 218). Первая 21 копия была получена 29 апреля 1906 г., ящик с предметами временно хранился в директорском кабинете в Румянцевском музее.

⁶ Данков – уездный город в Рязанской губ.; в Данковском уезде находилось имение Нечаева-Мальцова Сторожево.

718

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5293.

¹ *Цветаев Владимир Васильевич* (ок. 1818–1884), священник в с. Дрбздово, а с 1853 г. – в с. Николо-Талицы Шуйского уезда Владимирской губ. (ныне пригород г. Иваново). (Благодарим Е.И.Лубянникову за подробную консультацию о дате рождения В.В.Цветаева.)

² Завершить штукатурные работы в столь краткие сроки не удалось. В действительности работы Аксерио продолжались в Музее еще не один год.

719

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5294.

¹ Письмо И.В.Дмитриева от 27 июня 1906 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 931).

² *Джованни делла Роббиа* (1469 – после 1529), последний представитель династии флорентийских скульпторов. Большой майоликовый фриз «Семь дел милосердия» на портике больницы в Пистойе (Оспедале дель Чеппо), выполненный в 1514 – 1525 гг., является его наиболее известным произведением.

³ Французское владычество в Пистойе относится к 1796 – 1814 гг., то есть к периоду Наполеоновских войн.

⁴ С апреля 1906 г. министром народного просвещения был назначен П.М.Кауфман, ранее от музеев и учебных заведений весьма далекий (см. комм. 8 к письму 736). Его предшественником был в октябре 1905 – апреле 1906 г. вице-президент

Академии художеств И.И.Толстой. Товарищем министра при них обоим был назначенный по рекомендации московского губернского предводителя дворянства П.Н.Трубецкого *Герасимов Осип Петрович* (1863–1920), филолог, в прошлом воспитатель детей Л.Н.Толстого, учитель в московских гимназиях и личный секретарь П.Н.Трубецкого. Параллельно с Герасимовым товарищем министра при Кауфмане был также действительный статский советник *Белюстин Вячеслав Вячеславович*. (Благодарим за это указание Ю.Г.Волхонского из Петербурга.)

⁵ С появлением Государственной Думы в деле о финансировании Музея появилась еще одна и совсем не быстрая инстанция, поскольку все статьи государственного бюджета должны были проходить через Думу с ее комиссиями и дебатами. (В дальнейшем мы будем часто встречаться с сетованиями Цветаева на то, что год подходит к концу, а бюджет для Музея на этот истекающий год Думой еще не утвержден. Характерный пример: бюджетные средства на содержание здания Музея в январе – декабре 1908 г. не могли быть использованы ранее января следующего года. И это потому, что закон об их ассигновании утвержден лишь 14 ноября, кредит в банке открыт 15 декабря, а сообщение о том послано в Музей уже совсем под Новый год, 30 декабря! См. ф. 2, оп. I, ед. хр. 302, л. 7.)

⁶ Осенняя сессия Государственной Думы в 1906 г. не состоится: I Дума будет распущена 9 июля. Выборы во II Думу пройдут в январе 1907 г., и ее заседания начнутся 20 февраля.

720

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5295.

¹ *Казнагеев Константин Алексеевич* (1859–1906), член-учредитель и неперменный член Комитета по устройству Музея изящных искусств и член Строительной комиссии Музея, один из душеприказчиков В.А.Алексеевой. Подробнее о нем см. т. 1.

² *Шаховская Наталья Борисовна* (1825–1906), княгиня, благотворительница и сестра милосердия, основатель двух общин сестер милосердия и нескольких больниц и церквей. Здесь подразумевается община сестер милосердия «Утоли моя печали», основанная в 1871 г. в Лефортове и в начале XX в. насчитывавшая около 400 сестер.

³ *Нагаткин Михаил Степанович* (? – 1903), второй душеприказчик В.А.Алексеевой, с 1898 г. – член-учредитель и неперменный член Комитета по устройству Музея.

⁴ Императорское Московское высшее техническое училище – ныне Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана. Какое учебное заведение Москвы или Петербурга Цветаев называет здесь (очевидно, по аналогии с западными странами) Политехникумом, неясно.

⁵ Баденвейлер – курорт в Шварцвальде.

⁶ Основанный в 1890 г. монастырь Всех Скорбящих Радости. Находился на Новослободской ул. у Бутырской заставы, уничтожен в советское время вместе с бывшим при нем кладбищем.

⁷ Для удобства пользования Цветаев предпочитал представлять наиболее важные документы отпечатанными в одном или нескольких экземплярах в типографии (такая нетиражная продукция существовала «на правах рукописи»).

721

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5296.

¹ Речь идет о *Кларке Петре Степановиче* (годы жизни неизвестны); в ОР ГМИИ нет его писем, имеются только две визитных карточки. О человеке, за которого он просил, и о результатах просьбы узнать что-либо не удалось.

² Вторая жена Цветаева, Мария Александровна, скончалась в тот же день, утром которого написано это письмо. В газете было помещено следующее траурное объявление: «Мария Александровна Цветаева, после продолжительной и тяжелой болезни, волею Божиею скончалась 5-го сего июля в Тарусе, Калужской губернии. Погребение в воскресенье, 9-го числа, на Ваганьковском кладбище» (Московские ведомости. 1906. 7 и 8 июля. С. 1).

722

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5297.

¹ О смерти жены Цветаев, по-видимому, сообщил Нечаеву-Мальцову телеграммой, текст которой нам неизвестен. Ответная телеграмма с соболезнованиями также не сохранилась.

² Венчание И.В.Цветаева с М.А.Мейн состоялось 22 мая 1891 г.

³ *Мейн Александр Данилович* (1836–1899), отец М.А.Цветаевой; член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее о нем см. т. 1.

⁴ Император Александр III скончался 20 октября 1894 г. По заявлению душеприказчиков В.А.Алексеевой, умершей 17 ноября того же года, присвоение его имени будущему Музею было ее предсмертным пожеланием, если не прямо условием пожертвования средств на Музей.

⁵ *Трей Георг (Егор Егорович)* (1843–1922), немецкий антиковед и музейный деятель, директор Скульптурного собрания Дрезденских королевских музеев в 1882 – 1915 гг. Подробнее см. предыдущие тома. Многолетнюю переписку Цветаева и Трея и историю их взаимоотношений см. в книге Цветаев – Трей.

⁶ Очевидно, имеется в виду план, опубликованный в т. 1 настоящего издания, илл. 62–63.

⁷ Некоторое преувеличение: конкурс был объявлен Академией художеств в сентябре 1896 г., то есть почти через год после заграничной поездки Цветаевых.

⁸ *Зверев Николай Андреевич* (1850–1917), юрист, в то время профессор и помощник ректора Московского университета. Подробнее о нем см. т. 1.

⁹ *Помяловский Иван Васильевич* (1845–1906), филолог-антиковед, специалист по эпиграфике и христианским древностям; постоянный корреспондент Цветаева в 1872 – 1904 гг. Соответствующее письмо Цветаева к нему не сохранилось. По сведениям, полученным нами от Ю.Г.Волхонского, среди многочисленных писем Цветаева в личном фонде Помяловского в РНБ, ф. 608, нет ни одного, написанного в период от 7 января 1895 г. до 15 ноября 1896 г.

¹⁰ Десять лет – считая с последними месяцами 1896 г., когда Клейн еще только участвовал в конкурсе на проект здания Музея.

¹¹ Среди прочего М.А.Цветаева являлась переводчиком научной литературы, в том числе докладов Международного Антропологического конгресса, посвященного проблемам первобытного общества (Москва, 1892), и 12-го Международного съезда врачей (Москва, 1897).

¹² О пребывании Цветаева в Лондоне в 1905 г. см. т. 3, письма 670–672.

¹³ О поездке Цветаевых по Франции в 1904 г. см. т. 3, письма 556–580.

¹⁴ *Аррондель Э.*, скульптор, участник 4 выставок в Салоне 1880 – 1890-х гг., формовщик муляжных мастерских Лувра.

¹⁵ В Дижоне Цветаевы находились 5 – 6 (18 – 19) июня 1904 г. и, очевидно, утром 7 (20) июня прибыли в Лозанну. О дижонских памятниках искусства, в том числе «Колодце Моисея», см. т. 3, письма 579, 580 и комм. к ним, а также по указателю, и илл. 63–64 в том же томе.

¹⁶ О поездке по перечисленным городам Германии см. т. 3, письма 603–611.

¹⁷ Санкт-Блазиен (*нем.*) – горный курорт в Шварцвальде; с начала 1905 г. до конца лета М.А. Цветаева лечилась там в туберкулезном санатории.

¹⁸ Документы, связанные с этой статьей завещания М.А.Цветаевой, хранятся в ф. 6, оп. III, ед. хр. 10, л. 1–6, и ф. 2, оп. I, ед. хр. 277.

723

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5298.

¹ 24 – 28 июля 1906 г. революционные силы пытались организовать в Москве всеобщую забастовку.

² Еще летом 1897 г. Клейн проектировал поместить у входных ступеней Музея подражания египетским сфинксам (см. т. 1, илл. 66). Трей (Цветаев – Трей. С. 172) посоветовал поместить вместо этого копии знаменитых ватиканских статуй лежащих львов IV в. до н.э. с именем фараона Нектанеба II (подробнее о них см. т. 1, с. 491; т. 2, с. 332 и илл. 13; их изображение в проекте Клейна – т. 1, илл. 68). Мысль сделать копии медными, вместо ранее предполагавшихся гранитных, до 1906 г. не высказывалась. Однако в итоге не было сделано ни гранитных, ни медных.

³ Неясно, называет ли здесь Цветаев «боковым крыльцом» гранитные ступени перед входом в Аудиторию – в Кольмажном (Антипьевском) пер., напротив церкви Св. Антипия, – или же один из двух боковых маршей гранитной лестницы, ведущей к центральному входу Музея.

⁴ Подразумевается наружная колоннада Старого музея в Берлине (1824–1830, архитектор Карл Шинкель).

⁵ Этим поставщиком являлось акционерное общество «Гранит» (преемники М.Д.Кутырина) с фабрикой мраморных и гранитных изделий на Б.Садовой ул. в Москве. По данным на 1909 г., правление общества находилось в Финляндии, в г. Гельсингфорс (Хельсинки). (Благодарим за сведения Ю.Г.Волхонского.) Памятник Александру III в Москве (скульптор А.М.Опекушин, архитектор А.Н.Померанцев) сооружался возле храма Христа Спасителя.

⁶ Металлические оконные рамы Музея изготовляло и устанавливало варшавское акционерное общество фабрики железных изделий «Гостынский и К^о». Здесь, по-видимому, речь идет о работах по исправлению рам, пострадавших при пожаре 1904 г.

724

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5299.

¹ *Мерзляков Алексей Федорович* (1778–1830), поэт, переводчик, критик, профессор русского красноречия и поэзии в Московском университете с 1804 г. до конца жизни, в 1817 – 1818 гг. также декан словесного отделения.

² *Крюков Дмитрий Львович* (1809–1845), профессор римской словесности в Московском университете с 1835 г.

³ *Леонтьев Павел Михайлович* (1822–1874) занимал кафедру римской словесности в Московском университете в 1847 – 1872 гг. Подробнее о нем см. т. 1.

⁴ *Нибур Бартольд Георг* (1776–1831), выдающийся немецкий историк античности.

⁵ Академический союз, иначе Союз деятелей науки и просвещения, – всероссийский профессионально-политический союз, образовавшийся в конце 1904 – начале 1905 г. (1-й съезд проходил в марте 1905 г.). Объединял около 3/4 профессорско-преподавательского состава высших школ. Большинство его участников стали основателями и членами возникшей в октябре 1905 г. кадетской партии.

«Коллегия» – коллектив профессоров и преподавателей того или иного университета. Указом от 27 августа 1905 г. были введены «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», по которым университеты получили значительную автономию, соответствовавшую традиционным правам университетов на Западе (выборность ректоров и деканов, самостоятельное руководство учебным процессом, поддержание законности и порядка на своей территории, изымавшейся тем самым из сферы действия полиции, и др.). «Временные правила» действовали до января 1911 г., когда они были фактически упразднены нарушающим их постановлением Совета министров.

⁶ О торговом доме «В.Залесский и В.Чаплин», устраивавшем отопительную систему Музея, подробнее см. т. 1.

⁷ Торговый дом «Франк М. и К°». Комиссионеры Северного стекольно-промышленного общества. Петербург, Москва и Одесса.

⁸ *Щербатов Николай Сергеевич* (1853–1929), чиновник для особых поручений при председателе Исторического музея, впоследствии его директор. Младший брат П.С.Уваровой; член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1.

⁹ «Оба кремлевских дворца» – это Большой Кремлевский дворец и ныне уже не существующий Николаевский. Тогдашние музеи на территории Кремля – Оружейная палата и Синодальная (бывшая Патриаршая) ризница. Не исключено, впрочем, что Цветаев говорил не о музеях Кремля, а вообще о «музеях и всех казенных зданиях Москвы», но ошибочно поставленная запятая исказила смысл фразы.

¹⁰ «Египтянами» Цветаев прозвал рабочих-гранитчиков, имея в виду сравнимую с пирамидами прочность их изделий.

725

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5300.

¹ Упомянутая здесь встреча Цветаева с Нечаевым-Мальцовым в конторе строительства Музея произошла, очевидно, в середине августа, но более точная дата не установлена. Как известно из письма Цветаева Клейну от 4 сентября 1906 г., Нечаев-Мальцов грустно пошутил тогда, «что Музея ему не окончить, так как ему еще 6 лет не прожить», но подробного разговора не состоялось, поскольку Цветаев спешил: в тот же день он отвозил дочь Марину в пансион при женской гимназии им. В.П. фон Дервиз на Старой Басманной улице (см. Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 213). Учебный год в России до 1918 г. начинался в ближайшие дни после праздника Успения, отмечавшегося 15 августа ст.ст.

² Перечислены сооруженные на средства Нечаева-Мальцова Георгиевский собор в Гусе-Хрустальном, ремесленное училище им. И.С.Мальцова во Владимире, церковь Св. великомученика Димитрия в с. Березовка Данковского уезда Владимирской губ., хирургический барак в составе Мариинских барачков Общества Красного Креста на Полюстровской набережной в Петербурге. Подробнее об этих сооружениях см. т. 1.

³ Неудачно поставленное слово «тогда» подразумевает все-таки не «прошлый год», как могло бы показаться по предыдущей фразе, а последнюю встречу Цветаева с Нечаевым-Мальцовым, о которой говорится в начале письма.

⁴ Подобных удешевленных потолков сделано не было.

726

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5301.

¹ Упомянутая телеграмма Нечаева-Мальцова нам неизвестна.

² Десятью днями раньше, в уже цитировавшемся письме Клейну от 4 сен-

тября 1906 г., Цветаев писал: «Я остался здесь [на даче под Тарусой] совершенно один, чтобы отдохнуть в безмолвии окружения. Старшие дети в Москве, младшая девочка [11-летняя Анастасия, которой предстояло поступать в гимназию только через год] в городе [Тарусе], в семье моей кузины, жены здешнего врача, одна из девочек в пансионе. В [полови]не этого месяца жду воспитательницу для младшей дочки из Ялты, будем к тому времени и сами уже дома» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 215).

³ 14 сентября ст.ст. празднуется Воздвижение Креста Господня.

⁴ Ближайшей субботой было 16 сентября 1906 г. Приехать Цветаеву не удастся из-за болезни.

⁵ Память здесь подвела Цветаева: ежегодное актовое заседание в годовщину основания училища им. И.С.Мальцова происходило 14 ноября.

⁶ *Цветаев Дмитрий Владимирович* (1852–1920), доктор всеобщей истории, специалист по Смутному времени; в 1887 – 1906 гг. преподавал в Императорском Варшавском университете. Выйдя на пенсию, переехал в Москву и в 1906 – 1911 гг. являлся директором Императорского высшего коммерческого училища на Остоженке. Подробнее см. т. 3.

⁷ *Андреев Константин Алексеевич* (1848–1921), заслуженный ординарный профессор физико-математического факультета Московского университета по кафедре чистой математики, в 1905 – 1913 гг. – декан факультета; параллельно являлся профессором чистой математики в Высшем техническом училище (с 1899 г.) и директором двух средних специальных учебных заведений в Москве: Александровского коммерческого училища (1898–1907) и Николаевского женского коммерческого (1904–1908).

⁸ Именинница – Софья Степановна Нечаева (17 сентября ст.ст. – день памяти мучениц ок. 137 г. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии).

⁹ О каких «лепщиках» идет речь и какие именно лепные работы они выполняли в Ассирийском зале, прежде чем покинуть это помещение, выяснить не удалось. Ясно лишь, что эти работы делались не для самого Ассирийского зала.

¹⁰ «Мозаические полы» в данном случае – отнюдь не полы с наборной художественной мозаикой, а то же самое, что террасцо: наливные полы из цемента с мраморной крошкой. См. об этом тождестве терминов: Отчет Императорского Московского университета за 1905 год. С. 161 (соответствующее место нами приведено в т. 3, с. 400).

¹¹ Метлахские плитки – керамические плитки для облицовки стен и настилки полов; называются по местности Метлах в Германии, где они первоначально производились.

¹² В вестибюле Музея был сделан гранитный пол. Работы выполнила, по видимому, фирма Листа (см. счет от 31 марта 1909 г. – ф. 3, оп. I, ед. хр. 213, л. 136).

727

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5302.

¹ О событиях, приведших к нервному заболеванию Цветаева в 1896 г., см. т. 2, комм. 3 к письму 358.

² О певческой кафедре 1433 – 1439 гг. работы Донателло (ок. 1386–1466) и ее терракотовой копии, изготовленной для московского Музея фабрикой в Синья близ Флоренции, подробнее см. т. 2 и илл. 31 там же.

³ Афинский памятник 335 – 334 гг. до н.э. в ознаменование победы на дионисийских празднествах хора мальчиков, руководимого Лисикратом, является одним из самых ранних образцов применения коринфского ордера. Обстоятельства, при которых летом 1905 г. стало возможным заказать в парижской Школе изящных искусств слепок-реконструкцию этого памятника, описаны в письме 668 (т. 3).

⁴ Имеются в виду изготовленные неаполитанской фирмой Сабаттино де Анджелис бронзовые отливки с античных бронз Неаполитанского музея. Часть этих копий пострадала при пожаре Музея в 1904 г. и реставрировалась фирмой-изготовителем.

⁵ Бугров Николай Александрович (1838–1911), нижегородский миллионер, владелец крупнейших в России мукомольных предприятий; подробнее см. т. 1. В 1898 г. вступил в число действительных членов Комитета по устройству Музея, но до конца своей жизни не оказал ему никакого содействия. Личная встреча Цветаева с Бугровым состоялась в Нижнем Новгороде в сентябре 1903 г. (см. т. 2, письмо 509).

⁶ Рот Владимир Карлович (1848–1916), профессор, директор клиники нервных болезней Московского университета в 1899 – 1911 гг. В середине октября 1906 г. Цветаев был перевезен из Тарусы не к нему, а в другую клинику Московского университета. См. письмо 730.

728

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5303. В рукописной книге копий переписчиком после даты помечено: «Телеграмма».

¹ Цветаев отвечает на несохранившуюся телеграмму Нечаева-Мальцова. Тот, очевидно, находился в Москве и узнал о болезни Цветаева – но не из его письма 727, которое было «писано <...> в Петербург», а, скорее всего, от Клейна, извещенного телеграммой и письмом от 18 сентября (см.: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 217–218).

729

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5304.

¹ Упомянутое письмо Клейна приводим полностью:
«Сентября 23-го дня 1906 года.

Глубокоуважаемый

Иван Владимирович!

С глубоким огорчением прочитал я о Вашей болезни и утешил себя мыслью, что и на этот раз, как десять лет тому назад, Вы поправитесь скоро, и болезнь пройдет бесследно. В письме Вашем Вы жалуетесь на худобу ног; у нашего хорошего знакомого Н.П.Лукашевского было совершенно подобное явление, которое было устранено массажем в течение месяца. Юрий Степанович очень обеспокоился, узнав причину Вашего отсутствия, и был очень рад, получив известие, что Вы поправляетесь.

Все эти дни мы были очень заняты разрешением финансовых вопросов Музея, причем в первый раз эти разговоры ведутся совместно с В.Ф.Кельиным и потому приняли совершенно деловой характер. От нас потребовали точные сведения о сумме долгов за произведенные и производимые работы, а также предположения о работах, которые необходимо произвести для окончания и открытия Музея. Мы писали и изводили много бумаги, а сумму всё сокращали. Общая сумма доплаты при самых скромных требованиях достигла 600 000 руб., с которых Кельин хочет сбавить 100 000 рублей, но я решил не уступать. Момент серьезный! Разговоры по этому предмету продолжатся, вероятно, еще несколько дней, и когда кончатся, я сообщу Вам результаты нашей борьбы.

С нетерпением буду ждать от Вас известия. Бог даст, день нашего свидания наступит очень скоро, и мы Вас встретим совершенно здоровым для дальнейшей работы по нашему общему делу, которое надеемся продолжать хотя медленными, но верными шагами. Иван Иванович и я шлем Вам низкий поклон и желаем скорейшего выздоровления.

В ожидании от Вас весточки остаюсь уважающий и любящий Вас

Р.Клейн.

Наталья Андреевна и Катя просят передать Вам сердечный привет и пожелание всего лучшего» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1503. Публикуется впервые).

730

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5305.

¹ Речь идет о факультетской терапевтической клинике Московского университета, которой в 1864 – 1896 гг. заведовал Г.А.Захарьин; с осени 1890 г. она размещалась в одном из новых зданий университетских клиник на Б.Царицынской (ныне Б. Пироговской) ул.

² Каскара-саграда – лекарство, применяемое при гипертонии.

³ 5 ноября 1900 г., в связи с выслугой 30-летнего срока, Цветаев вышел на пенсию и был исключен из числа штатных профессоров, то есть перестал получать жалование от Университета. Однако до осени 1906 г. он продолжал занимать университетскую кафедру и читать по ней основные лекционные курсы, на что ему давало право звание заслуженного профессора. Только с момента его заявления

о прекращении чтения лекций факультет получал возможность официально пригласить в штат другого человека на должность ординарного профессора (им стал с осени 1907 г. В.К.Мальмберг). Цветаев, однако, оставил за собой проведение семинарских занятий и заведование университетским Музеем изящных искусств. В связи с этим за ним сохранялось и звание ординарного профессора, каковых на кафедре становилось поэтому двое. Довольно скоро он вернулся и к чтению обязательных лекционных курсов, общее число которых по кафедре увеличилось.

⁴ Напомним, что учебных занятий в Университете практически не было в течение всего 1905 г. и первых трех с половиной месяцев 1906 г. Когда они возобновились, то до самых летних каникул и почти сразу же после них опять продолжались студенческие сходки. Поэтому Университет был вновь закрыт с 18 по 30 октября 1906 г. (Затем он откроется лишь на месяц с небольшим: забастовка студентов 7 – 8 декабря в память годовщины Московского вооруженного восстания вызовет новое закрытие Университета – до середины января 1907 г. Следующая политическая забастовка студентов начнется 17 марта 1907 г., а с 22 марта Университет будет закрыт до нового учебного года.)

⁵ Излагаемый Цветаевым разговор с Клейном происходил около 12 октября 1906 г. Вероятно, к этому же дню относится следующее письмо Клейна Нечаеву-Мальцову:

«Глубокоуважаемый Юрий Степанович!

После переговоров с Виктором Федоровичем Кельным я пришел, с душевным прискорбием, к заключению, что иного выхода нет, как постепенная ликвидация дела постройки Музея.

Вы, Ваше Превосходительство, можете себе представить, как мне тяжело и грустно об этом говорить, – одно сознание, что после нашего общего десятилетнего труда по созиданию этой постройки мы будем видеть теперь постепенное разрушение ее; сознание это приводит меня в полное уныние, но другого выхода из настоящего положения, как предлагаемая мною мера, я не усматриваю.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сообщить, когда Вы можете быть в Москве, чтобы собрать Комитет и Строительную комиссию для обсуждения тех мер, которые можно принять для сохранения здания Музея в его настоящем виде, и вопроса о передаче Музея и его имущества Министерству народного просвещения.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в глубоком уважении и искренней преданности Вашего, до глубины души огорченного, покорного слуги. *Р.Клейн.*

При сем прилагаю копию письма, отправленного мною Виктору Федоровичу Кельну» (ф. 3, оп. I, ед. хр. 211, л. 12–12 об. Публикуется впервые).

Упомянутое письмо Кельну датировано 12 октября 1906 г. и содержит более подробное и аргументированное изложение того же самого (Там же, л. 10–11 об.).

Черновики обоих писем Клейна имеют дату 4 октября. Неизвестно, были ли отосланы их сохранившиеся беловые варианты, однако между 12 и 28 октября 1906 г. (более точная дата не установлена) Клейн побывал у Нечаева-Мальцова в Петербурге и получил от него указание продолжать строительные работы (см. письмо 732).

⁶ *Пирогов Николай Иванович* (1810–1881), выдающийся хирург, анатом, педагог, общественный деятель. Памятник ему (по проекту В.И.Шервуда) стоит перед клиникой, где лечился Цветаев; был открыт летом 1897 г.

731

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5306.

¹ Имеется в виду сквер Девичьего поля, находящийся между Б.Царицынской (ныне Б.Пироговской) и Клинической ул. (ныне ул. Еланского).

² Это расстояние – ок. 1200 м.

³ *Мальцов Иван Сергеевич* (1807–1880), единственный уцелевший участник дипломатической миссии А.С.Грибоедова в Тегеране (1829); дядя Нечаева-Мальцова по матери, завещавший ему свои фабрики и капиталы с обязательством присоединить к фамилии Нечаев вторую фамилию – Мальцов. Подробнее см. т. 1. Его могила, как и другие могилы Мальцовых и Нечаевых на Новодевичьем кладбище, до настоящего времени не сохранилась.

⁴ Родители Ю.С.Нечаева-Мальцова: *Негаев Степан Дмитриевич* (1792–1860), обер-прокурор Святейшего Синода в 1833 – 1836 гг., сенатор (подробнее о нем см. т. 1); и *Негаева Софья Сергеевна*, урожденная *Мальцова* (? – 1833), умершая при родах четвертого ребенка, когда Юрию Степановичу было 2 года.

⁵ *Мальцов Сергей Сергеевич* (1813–1838), младший брат И.С.Мальцова, после защиты в Московском университете магистерской диссертации по филологии (дисциплине, которую в 1826 – 1835 гг. в России было запрещено даже преподавать) едва ли успел заняться чем-либо еще, так как умер в возрасте 25 лет.

⁶ Особняк Клейна находится в Олсуфьевском пер., 6.

⁷ В 1906 г. Клейн строил для торгового дома «Мюр и Мерилиз» универсальный магазин в соседстве с Большим и Малым театрами (открыт в 1908 г.), а также фабричные корпуса, склады и выставочное здание мебельной фабрики в Малых Грузинах (Охотничий, ныне Расторгуевский, пер., 3). Для французской колонии – богадельню Св. Доротен, мужское реальное училище Св. Филиппа Нери и женскую гимназию Св. Екатерины при католической церкви Св. Людовика на Лубянке (Милютинский пер., 7). Для «Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве» Клейн спроектировал около 1904 – 1906 гг. фасад одного из заводских корпусов у Дорогомиловской заставы. Строительство нового банка на Ильинке, по-видимому, не состоялось. Единственное банковское здание работы Клейна на этой улице (Ильинка, 12) относится к более раннему времени: 1889 – 1891 гг.

⁸ Зал в честь великой княгини был сооружен на средства С.А.Протопопова.

⁹ «Немою» – то есть молчащей, не оглашаемой шумом работ.

¹⁰ С 31 мая 1904 г. прежний основной рабочий орган Министерства народного просвещения, Департамент, был разделен на два новых: департамент народного просвещения и департамент общих дел.

732

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5307.

¹ Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан; в переносном смысле – неусыпный страж.

² См. комм. 5 к письму 730.

733

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5308.

¹ *Екатерининский институт* – основанное в 1802 г. среднее учебное заведение-интернат для девочек дворянского происхождения в Москве (см. т. 1). «Новым Екатерининским институтом» Цветаев называет только что открывшееся аналогичное учебное заведение: Институт московского дворянства для девиц благородного звания имени Александра III в память Екатерины II. Оно разместилось в Запасном дворце у Красных ворот (здание перестроено в 1920-е гг. в стиле конструктивизма для Наркомата путей сообщения). Торжественное открытие института состоялось 24 октября 1906 г. (Московские ведомости. 1906. 25 октября. С. 4. Стб. 2).

² О певческой кафедре 1431 – 1438 гг. работы Луки дела Роббиа (1399 или 1400–1482) и ее слепке, заказанном у Лелли во Флоренции, подробнее см. т. 2 (илл. 33 там же).

³ Полное воспроизведение донателловской кантории едва ли могло существовать в 1889 г., так как с XVII в. и до 1890 г. она лежала в разобранном виде. Более вероятно, что речь должна идти о другой Всемирной выставке в Париже – 1900 г.

⁴ «Золотые врата» (*нем.*) Фрейбергского собора – образец немецкой монументальной пластики романского стиля (ок. 1235–1240). Подробнее см. т. 2 и 3 (в том числе илл. 30 в т. 3).

⁵ В непосредственной близости от слепка Фрейбергского портала в полу Христианского (Итальянского) дворика устроено несколько застекленных прочным многослойным стеклом световых проемов, освещавших технические помещения цокольного этажа. Один из этих проемов сделан прямо в верхней ступени портала.

⁶ Нечаев-Мальцов мог видеть этот слепок (заказанный летом 1902 г.) как в феврале 1903-го, так и в апреле 1904 г., когда он приезжал в дрезденский Альбертинум по делам московского Музея.

⁷ Подразумевается создававшийся в это время Музей изящных искусств в Будапеште. Известно, что Цветаев ответил разрешением. Однако соответствующие письма Кюнерта и Цветаева не сохранились или не разысканы.

⁸ На вопрос, заданный Цветаевым в письме от 3 ноября 1906 г., Трей отвечал в самом конце того же месяца (13 декабря н.ст.), что слепок может быть выслан в любое время. См.: Цветаев – Трей. С. 234–239.

734

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5309.

¹ Имеется в виду письмо Цветаеву И.И. Дмитревского, чиновника Министерства народного просвещения, от 4 ноября 1906 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 802).

² На Никольской улице в гостинице «Славянский базар» останавливался Нечаев-Мальцов.

735

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5310.

¹ Ректор – А.А. Мануйлов. См. комм. 3 к след. письму.

² Перечислены следующие залы (нумерация 1912 г.): XIV. Пергамский имени царствующей императрицы Александры Федоровны; VI. Олимпийский имени императрицы-матери Марии Федоровны (оба сооружены на средства Ивана Михайловича Рукавишников из Нижнего Новгорода); XIII. зал Афродиты Милосской и Лаокоона имени великого князя Сергея Александровича (сооружен на средства Михаила Абрамовича Морозова); II. Ассирийский имени великой княгини Елизаветы Федоровны (сооружен на средства Степана Алексеевича Протопопова); XI. зал Лисиппа имени королевы эллинов Ольги Константиновны (сооружен на средства Павла Григорьевича Шелапутина); I. Египетский (сооружен на общие средства Комитета). Имена членов царской семьи были присвоены залам по желанию жертвователей и с разрешения императора в 1898 – 1900 гг.; имя Нечаева-Мальцова было присвоено Египетскому залу решением Комитета по устройству Музея от 16 марта 1899 г. (см. т. 1, с. 403–404).

³ *Скребицкий Александр Иванович* (1827–1915), известный врач-окулист и историк, вдовец *Марии Семеновны Скребицкой*, урожденной Юрьевич (1843–1900), члена-учредителя Комитета по устройству Музея, оплатившей стоимость сооружения зала Праксителя (№ IX). Подробнее о Скребицких см. т. 1.

⁴ *Пастухов Николай Иванович* (1831–1911), писатель, репортер, издатель газеты «Московский листок» (основана в 1881 г.), автор романа «Разбойник Чуркин»; виднейший представитель литературы и журналистики, ориентированной на читателей мещанско-приказничьего круга и пользовавшейся у них большим успехом; к концу жизни – миллионер. В июне 1898 г. внес 20 340 руб. на сооружение зала в Музее изящных искусств, получившего в дальнейшем назначение зала античных надгробий (№ X). В Комитет Музея не вошел.

⁵ *Морозов Михаил Абрамович* (1870–1903), член-учредитель Комитета по устройству Музея, совладелец «Товарищества Тверской мануфактуры», казначей Московской консерватории, коллекционер современного искусства. Подробнее о нем см. т. 1.

⁶ Эта выплата «за Листа» (возможно, оплата каких-либо крупных его расходов) по сути была выплатой части долга ему самому и соответствовала распоряжению Нечаева-Мальцова, сделанному еще 14 марта 1906 г. (см. комм. 6 к письму 707).

736

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5311.

¹ Казарму, то есть общежитие, для служителей Университета предполагалось построить в Шереметевском переулке на том самом участке университетской земли, который первоначально, в 1894 г., был отведен под новое здание Музея изящных искусств. Нам неизвестно, была ли она в итоге построена, но Закон от 10 мая 1909 г. о штатах Музея предусматривал вплоть до ее постройки специальную сумму для найма жилья служителям. С 27 августа 1910 г. по 27 августа 1911 г. Университет нанимал для них у княгини Евгении Федоровны Шаховской-Глебовой-Стрешневой за 1000 руб. в год 5-комнатную квартиру на 3-м этаже по адресу: Б. Никитская ул., 19, кв. 5; сохранился список проживавших в ней на 18 ноября 1910 г. лиц: Сергей Тихонов, Семен Шестопалов, Емельян Корчагин, Трофим Мартынов, Степан Марков, Иван Мушкаров, Василий Лазарев, Иван Громов, Андрей Лебабин – всего 9 человек (ф. 2, оп. I, ед. хр. 375). На следующие 3 года были наняты для музейных служителей уже две 5-комнатные квартиры общей стоимостью 1320 руб. в год в полуподвальном этаже у купца Алексея Григорьевича Талдыкина, на Якиманке, по адресу: Бабьегородский пер., 19, кв. 25 и 39 (Там же, ед. хр. 436).

² О *Боголепове Николае Павловиче* (1846–1901) подробнее см. т. 1. Цветаев говорит, по-видимому, о 1895 – 1898 гг., когда Боголепов был попечителем Московского учебного округа.

³ *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861–1929), экономист, ректор Московского университета в 1905 – 1911 гг. Один из руководителей конституционно-демократической партии; в 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства.

⁴ *Никитский Александр Васильевич* (1859–1921), филолог, специалист по греческой эпиграфике; профессор Московского университета с 1902 г., ранее преподавал в Одессе и Юрьеве. Декан историко-филологического факультета в 1906 – 1908 гг. Впоследствии попечитель Оренбургского учебного округа; академик (1917).

⁵ *Зёрнов Дмитрий Николаевич* (1843–1917), профессор анатомии, был деканом медицинского факультета с 1906 по 1914 г. Цветаев, очевидно, забыл, что в 1898 – 1899 гг. Зёрнов был ректором Университета и, по должности, председателем Строительной комиссии Музея (впрочем, в этом качестве он не провел ни одного заседания: его постоянно замещал помощник ректора А.А.Тихомиров; подробнее см. т. 1).

⁶ *Гулевич Владимир Сергеевич* (1867–1933), биохимик, профессор медицинской химии на медицинском факультете Московского университета с 1901 г., параллельно преподавал на Высших женских курсах и в Высшем коммерческом учи-

лице. Являлся проректором Университета в 1906 – 1908 гг. (должность проректора, избираемого из числа профессоров, учреждена 14 сентября 1906 г. вместо упраздненной должности инспектора студентов).

⁷ *Мензбир Михаил Александрович* (1855–1935), орнитолог и зоогеограф, профессор Московского университета по кафедре зоологии и сравнительной анатомии. Помощник ректора в 1906 – 1911 гг.

⁸ *Кауфман Петр Михайлович* (1857–1926), министр народного просвещения с 25 апреля 1906 по 1 января 1908 г.; сенатор (с 1898 г.), член Государственного Совета. В прошлом – помощник статс-секретаря (с 1886 г.), управляющий собственной канцелярией Ее Величества по ведомству императрицы Марии (с 1892 г.), в 1896 – 1903 гг. товарищ главноуправляющего этим ведомством и одновременно член главного управления Российского Общества Красного Креста.

Кауфман посетил Московский университет и принял с докладом Цветаева во время своего двухдневного визита в Москву 28 – 29 ноября 1906 г.

⁹ В 1906 г. в должности 2-го архитектора Московского университета одновременно состояли *Стерлигов Дмитрий Владимирович* (1874–1919) и *Тулаев Иван Николаевич* (1863–?), в прошлом участник конкурса на проект Музея (см.: Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма. Иллюстрированный биографический словарь. М., 1998. С. 229, 242). Первым архитектором не назван никто. Однако сообщается, что *Иванов Зиновий Иванович* (1863–1942), бывший с 1893 или 1895 г. младшим архитектором Университета, являлся в 1906 г. «строителем университетских зданий» (Там же. С. 115). К кому из названных трех архитекторов обращался Цветаев по вопросу о служительской казарме, установить не удалось.

¹⁰ Этим документом мы не располагаем.

737

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5311^а.

¹ Утрачены 2 страницы большого формата с текстом.

1907

738

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5312.

¹ Сохранилось недатированное письмо Самариной о посылке этих копий: ф. 2, оп. I, ед. хр. 245, л. 6–9 об. В последующие годы от Самариной поступили еще 4 копии со сценами из «Одиссеи», выполненные на этот раз не ею самой, а неизвестным художником по ее заказу. В письме к Цветаеву от 14 сентября 1909 г. она пишет о намерении заказать их, «если не буду в силах сделать сама»; 3 (16) ноября сообщает: «Я заказала для Музея горный пейзаж из Одиссея [так!] одному мне известному хорошему живописцу, который, я надеюсь,

вполне удовлетворит нашим художественным запросам»; 15 (28) февраля 1910 г. – упоминает заказанные ею 4 пейзажа; и, наконец, 24 марта 1910 г.: «Отправляю Вам скорым поездом из Рима 6 моих [очевидно, в смысле собственности, а не авторства] копий, из коих 4 пейзажа *Одиссеи...*» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3557, 3560, 3562, 3565). Публикуется впервые).

² Высота копии «Альдобрандинской свадьбы» – около 0,9 м, длина – почти 2,4 м. Размеры наибольшей копии из серии 6 пейзажей со сценами «Одиссеи», в общем близких по размерам, – 1,65 × 2,25 м.

³ К открытию Музея в Римском зале не оказалось свободного места для копий фресок. Они были развешаны (в рамах и под стеклом) в Читальном зале Музея (ныне один из экспозиционных залов первого этажа).

⁴ Избрание Самариной в действительные члены Комитета состоялось 25 января 1908 г.

739

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5313.

740

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5314.

¹ О мануфактуре Синья, равеннском скульпторе Алессандро Массаренти и мастерской Герарди в Риме см. т. 2; о лондонской муляжной мастерской Бруччани (в Цветаевской транскрипции – Бруччиани) см. т. 3.

² Слова «в фунтах стерлингов 63» у переписчика ошибочно вписаны внутри скобок, после слов «из них». Вероятно, в оригинале какая-то часть фразы была вписана над строкой, а пометка, куда она вставляется, не сделана или же сделана нечетко.

³ См. письмо Трея от 13 декабря н.ст. 1906 г. (Цветаев – Трей. С. 237–239). Упоминаемые ниже 4500 марок – лишь половина стоимости слепка. Столько же было выплачено в задаток в конце 1902 г. (Там же. С. 203, 206).

⁴ Слова об упаковке и отправке слепка – либо сообщение со слов Клейна, либо простая догадка. В самом письме Трея еще нет упоминания об этом и о визите Клейна, так как оно было написано на месяц раньше визита: 26 декабря 1906 г. (8 января 1907 г. н.ст.) Клейн еще только собирался в заграничную поездку (см. Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 222–223). Однако, судя по остальным подробностям, Цветаев пересказывает именно это письмо Трея, а не какое-либо иное.

⁵ Речь идет о реконструкции эллинистической скульптурной группы «Менелай, выносящий из боя тело убитого Патрокла» с использованием римского торса, именуемого «Пасквино» (Рим, на углу палатцо Браччи близ площади Навона). Кем был человек XV века, имя которого стало народным названием этой статуи, в точности неизвестно; в старину на ней вывешивали сатирические листки на злобу дня – отсюда произошло слово «пасквиль».

⁶ Имеются в виду проповедническая кафедра из монастырской церкви в Вексельбурге и надгробие основателя монастыря графа Дедо фон Гройча и его жены Мехтхильды. Слепок кафедры в дальнейшем был отлит в Дрездене и для московского Музея, экспонируется в зале искусства Средних веков.

⁷ Письма из парижской Школы изящных искусств хранятся в ф. 2, оп. I, ед. хр. 215.

⁸ *Харитоненко Павел Иванович* (1852–1914), крупный сахарозаводчик, меценат и благотворитель, оплативший, в частности, сооружение памятника Богдану Хмельницкому в Киеве. Жил в Москве, в собственном доме на Софийской набережной. В начале 1894 г. через художника Н.С. Мосолова пообещал 3000 руб. (см. ф. 1, оп. II, ед. хр. 150) на приобретение слепков античных памятников из Флоренции, о чем Цветаев не один раз упоминал в печати (см. т. 1). Денег не внес. Более чем два с половиной года спустя после комментируемых строк, 29 сентября 1909 г., Цветаев с грустной иронией писал о нем Клейну: «Озабочивал меня отказ бедного человека, живущего во дворце на Софийской набережной, Харитоненки, в данном обещании заплатить за группу Ниобы и Ниобид, которая должна была наполнить небольшой зал. В последнее время вызвалась сделать это старушка Е.П. Захарына. Таким образом, эта забота долой с плеч» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 277. Цитируем с исправлением опечаток по оригиналу – ф. 8, оп. III, ед. хр. 341.)

Супруги *Муромцевы – Леонид Матвеевич* (1826–1899) и *Екатерина Николаевна* (ум. 1900) – скончались, не успев внести деньги на сооружение выбранного ими в Музее зала Ниобы. Подробнее см. т. 1.

⁹ *Колесников Иван Андреевич*, с 1870 г. бухгалтер, а с 1886 г. один из директоров Никольской мануфактуры «М.Ф. Морозова с сыновьями»; член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств, казначей Комитета с 1903 г. Подробнее см. т. 1–3.

¹⁰ *Протопопов Степан Алексеевич* (1846–1916), председатель правления Северного страхового общества, основатель акционерного общества химических заводов в Сосновицах.

Поляков Лазарь Соломонович (1842–1914), банкир, глава московской иудейской общины.

Шелапутин Павел Григорьевич (1850–1914), промышленник, совладелец Балашихинской мануфактуры.

Все трое – члены-учредители Комитета по устройству Музея, известные благотворители. Подробнее о них см. т. 1.

741

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5315.

¹ Единственное в 1907 г. заседание Комитета состоялось 20 февраля.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5316.

¹ Корфу (*ит.*; по-гречески – Керкира), крупнейший из Ионийских островов в Греции, к западу от Коринфского залива. Нечаев-Мальцов собирался туда на отдых.

² Подразумеваются служители университетского Кабинета изящных искусств. Их имена: Сергей Тихонов и Семен Шестопалов.

³ Затруднительно сказать, слепки каких именно статуй *Донателло* (ок. 1386–1466) Цветаев считал погибшими при пожаре Музея в 1904 г.: его творчество представлено в Музее довольно широко. Из слепков с произведений *Яконо делла Кверга* (1371–1438) определенно подразумевается «Богоматерь с Младенцем» с портала собора Сан Петронио в Болонье. Из слепков с работ *Луки делла Роббиа* (1399/1400–1482) – отличающийся сложной тонировкой слепок гробницы епископа Федериги. Подробнее об этих памятниках и слепках см. т. 2 и 3.

⁴ Речь идет об изготовленных во флорентийской мастерской Лелли в 1903 г. слепках статуй Лоренцо и Джулиано из микеланджеловской капеллы Медичи (1520–1534). См. т. 2.

«Медичисы» – часто встречавшееся в старой русской литературе неправильное написание фамилии Медичи.

⁵ Понятно, что размещение многочисленных экспонатов, если они хранятся в упакованном виде, чрезвычайно трудно держать в памяти, если не консультироваться постоянно с топографическими списками. При переноске слепков в Музей летом и осенью 1904 г. их по возможности распределяли по этажам, но самые тяжелые временно оставляли внизу. Так как пожар произошел именно на первом этаже, естественно было думать, что наиболее крупные экспонаты погибли. Однако этого не случилось, поскольку как раз такие слепки пересылались и хранились в разобранном виде, по частям, так что ящики были сравнительно нетяжелы.

⁶ *Жильерон Луи Эмиль* (1851–1924) – художник, участник шлимановских раскопок Микен в 1886 г., владелец фирмы «Э. Жильерон и сын» (Афины и Гейслинген), выпускавшей гальваноконии с произведений микенского искусства. Ряд их был приобретен у Жильерона для Музея, в основном на средства Нечаева-Мальцова (см. т. 1 и 3).

⁷ Цветаев постоянно заботился о том, чтобы коллекции Музея по возможности отражали наиболее значительные археологические открытия и научные атрибуции последних лет. В данном случае он упоминает раскопки английского археолога Артура Эванса на о. Крит, начатые в 1900 г., которые открыли неизвестную дотоле высокоразвитую островную культуру, получившую название минойской (подробнее см. т. 1, комм. 2 к письму 195). Образцы ее искусства были показаны в экспозиции 1912 г. в витрине, стоявшей в зале греческой архаики, небольшими слепками с воспроизведением росписи оригиналов. Таковы слепки с нескольких мелких фаянсовых вотивных (принесенных в дар божееству) предметов из Кносского дворца, в том числе с двух фигурок богинь со зме-

ями и с рельефных пластинок, изображавших животных (начало XVI в. до н.э.); здесь же был представлен, согласно Путеводителю (Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. I. Изд. 4. [Сост. Тураев Б.А., Мальмберг В.К., Щербаков Н.А.] М., 1913. С. 57), «первый в Европе равносторонний крест» (III тыс. до н.э.), а также слепок черного стеатитового сосуда с рельефным изображением процессии, связанной с земледельческим обрядом (вторая половина XVI в. до н.э.), найденного в 1900-е гг. итальянскими археологами на юге Крита, в Агия Триаде (оригиналы – в Археологическом музее, Гераклион).

Вместе с копиями ритуальных троянских сосудов, открытых Шлиманом в 1870-х гг., и несколькими кикладскими идолами (III тыс. до н.э.), три из которых, подаренные В.Д.Поленовым, были подлинными, эти предметы представлены в экспозиции Музея древнейший период средиземноморской культуры.

⁸ Упоминаются результаты экспедиции, проводившейся на территории Акрополя в 1885 – 1891 гг. под руководством Директора древностей и археологических раскопок Греции Панайотиса Каввадиаса и при участии архитектора Георга Каверау. Среди прочих находок было несколько десятков votивных женских статуй (кор), стоявших некогда на высоких базах на территории Акрополя (ныне – в Музее Акрополя). Цветаеву удалось приобрести для зала Эгинетов слепок лишь с одной из этих статуй, известной под названием «Задумчивая кора» (ок. 510 г. до н.э.), ныне – в экспозиции Музея. Следы яркой раскраски этой скульптуры тщательно воспроизведены в слепке.

⁹ Эта фраза по содержанию и даже по выражениям совпадает с аналогичной просьбой в письме 224 от 26 февраля 1901 г.: «Троечку или пяточек иметь нужно: 1) Орхоменского, 2) Ферского, 3) из Фив, с руками уже несколько отставленными от боков, но скрепленными еще штифтиками...» (т. 1, с. 243). Оба раза Цветаев перечисляет одни и те же памятники, хотя третий из них именуется по-разному («Птойский» является также «Фиванским» и «Беотийским», поскольку Птоос – это гора в Беотии, области вокруг древнегреческого города Фивы). Слепок этой третьей фигуры приобретен не был, вместо него в коллекцию поступило воспроизведение архаической мужской головы, найденной там же, недалеко от храма Аполлона Птойского; сейчас этот слепок – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

В экспозиции 1912 г. были представлены слепки четырех архаических «Аполлонов» VI в. до н.э.: трех из Афинского национального музея – Орхоменского (см. т. 1, илл. 105), с о. Фера и Мелосского, а также Тенейского из Мюнхенской глиптотеки (см. т. 1, илл. 101). Слепки Орхоменского и Ферского «Аполлонов» в основной экспозиции Музея в настоящее время отсутствуют, они переданы на временное хранение в Российскую Академию художеств в Москве и демонстрируются в ее музейно-выставочном комплексе «Галерея искусств Зураба Церетели» (Пречистенка, 19).

¹⁰ Православная Пасха в 1907 г. приходилась на 22 апреля (ст.ст.).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5317.

¹ В итоге копия кантории Донателло была размещена в другом, более высоком зале – Христианском дворике – на довольно значительной высоте над нижней площадкой Гранитной лестницы.

² Как и предполагал здесь Цветаев, слепок кантории Л. делла Роббиа был помещен на торцовой стене зала итальянского Возрождения XV в., но ниже – так, что не возвышается над карнизом зала.

³ Речь идет об *Александре Матвеевиче Московском*, который в дальнейшем действительно выполнял названные работы. Сохранились его счета от 1908 – 1911 гг. и расписки в получении денег: ф. 3, оп. I, ед. хр. 251; ф. 2, оп. I, ед. хр. 435, л. 44 об.– 50.

Щербатов рекомендовал его Цветаеву «для раскупорки и установки слепков» письмом от 24 августа 1906 г., где, в частности, говорится: «Имея в виду, что Московский – в свое время – уже работал у Вас от лица его бывшего хозяина Ковыкова [очевидно, в начале 1890-х гг.] и что Вы им были довольны тогда, а с тех пор Московский (имеющий теперь самостоятельное дело) учился в Школе живописи и ваяния, я и решаюсь взять на себя рекомендовать Вам его. Я лично знаю его работу, его любовь к делу, трезвость совершенную и такую же честность» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 5591. Публикуется впервые).

⁴ В ежегодном справочнике «Вся Москва» в списке скульпторов упоминается *Ковыков Григорий Васильевич*.

⁵ *Раттнек Иван Петрович*, инженер в фирме Г.А.Листа. Подробнее см. т. 1–3.

⁶ Судя по контексту, речь идет о дверях, ведущих с верхней площадки парадной лестницы в Олимпийский и Пергамский залы. Еще в письме к Клейну от 26 декабря 1906 г. Цветаев писал: «С осени надо думать о простых, хорошего архитектурного рисунка и черного цвета или темно-зеленого цвета *массивных* дверях для некоторых зал»; а 15 февраля 1907 г.: «Они должны быть массивны, солидного архитектурного рисунка и лишены всякой лепной ornamentации. <...> Едва ли не одной дверью на главном фасаде придется ограничиться, где потребуется бронзовая оковка» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 223, 225). Однако в итоге двери названных нами двух залов были сделаны из металла, при этом ажурными и с богатой ornamentацией в античном стиле. Двустворчатая дверь Центрального (Белого) зала сделана двухслойной: деревянной со стороны зала и металлической снаружи.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5318.

¹ *Модестов Василий Иванович* (1839–1907), филолог-антиковед. Подробнее о нем см. т. 2.

² Это поминальное слово опубликовано: *Цветаев И.В.* Памяти профессора В.И.Модестова//Древности. Труды МАО. Т. XXII. Вып. 1. М., 1909. С. 81–90.

³ Понедельник приходился на 19-е, вторник – на 20 февраля 1907 г.; оба заседания – Археологического общества и Комитета по устройству Музея – в указанные дни состоялись.

⁴ Подразумевается слуга Нечаева-Мальцова.

745

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5318^a.

¹ Братья *Арманды – Адольф* (1843–1913?), *Эмиль* (1848 – после 1913) и *Евгений* (1841 – после 1913) *Евгеньевичи* – владельцы фабрики шерстяных изделий в подмосковном Пушкине; пожертвовали 30 375 руб. на сооружение зала Антиквария. См. т. 1.

² *Возану Гуго Максимович*, один из руководителей крупной международной торговой фирмы, вместе с двумя родственниками пожертвовал в 1899 г. на строительство Музея 10 тыс. руб. См. т. 1.

³ Документы о поступлении каких-либо экспонатов, изготовленных во Фрейбурге-в-Брейсгау, нам неизвестны. Цветаев заказал там в 1904 г. слепки с нескольких статуй собора вместе с частями их архитектурного окружения, но в 1905 г. узнал, что заказ не выполняется из-за сомнений изготовителей в платежеспособности Музея (см. т. 3, а также илл. 56 там же). По-видимому, Цветаев надеялся, что ему удалось переубедить исполнителей и поэтому вскоре придется вносить плату за готовые слепки. Однако заказ так и остался невыполненным.

⁴ В письме 727 говорилось о долге Юсупова в «восемь тысяч шестьсот пятьдесят рублей», но из них 5 тыс. с тех пор уже были выплачены. См. Отчет о действиях Императорского Московского университета за 1907 год. Ч. 1. С. 126, где числятся 2 поступления от Юсупова: вначале 5 тыс. руб., а затем 3650. Второе пришло 8 марта и упомянуто Цветаевым в письме 747.

⁵ Планы отдыха Нечаева-Мальцова, очевидно, изменились: вместо Корфу теперь идет речь о Сицилии, куда он и направился. Из Петербурга он и его сестры выехали 2 марта (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 227).

746

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5319.

¹ Слепок не мог быть приспособлен к дверным проемам Средневекового зала не только из-за своей высоты: один из них неудобен для этого, так как находится почти в углу стены, а другой является входом из Римского зала в Средневековый (стилистический и тематический контраст оказался бы при этом слишком резок).

² Речь идет о применении так называемой сетки рабица (см. комм. 2 к письму 751) в качестве основы для штукатурки и лепнины потолка.

³ *Мамонтов Савва Иванович* (1841–1918), крупный акционер железнодорожных и промышленных обществ, меценат Абрамцевского кружка, владелец частной

оперы. В 1899 г. разорился в связи с возведенным на него обвинением в растрате; его банкротство отразилось и на акционерах связанных с ним компаний.

⁴ *Морозов Сергей Тимофеевич* (1863–1944), один из директоров Никольской мануфактуры, основатель Кустарного музея в Москве, член Московского художественного общества. В начале апреля 1897 г., то есть за год с лишним до образования Комитета по устройству Музея, оплатил через своего содиректора по Никольской мануфактуре И.А. Колесникова счет за слепки фронтонов храма Зевса в Олимпии на 7410 марок 38 пфеннигов, что составляло ок. 3 тыс. руб. Об этом пожертвовании имеются собственноручные тогдашние записи Цветаева (ф. 1, оп. II, ед. хр. 100, л. 10; ед. хр. 117, л. 10, 12–12 об.), сообщалось в газетах 1897 г. (см. т. 1, с. 566), а также в музейных буклетах и путеводителе 1912 г. Очевидно, слова Цветаева «вступивши в члены-учредители Комитета, не дал еще ничего» означают лишь то, что после вступления в Комитет Морозов уже не делал новых пожертвований.

⁵ Упомянутое письмо Серг. Т. Морозова в настоящее время неизвестно. Машинописная копия письма Цветаева к нему от 21 февраля 1907 г. сохранилась среди бумаг Комитета: ф. 2, оп. I, ед. хр. 279.

747

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5320.

¹ *Саши, Анри де*, сменил прежнего руководителя муляжной мастерской Школы изящных искусств, Э. Садона, с которым Цветаев имел дело во время своих приездов в Париж в 1904 и 1905 гг. Биографических сведений о нем найти не удалось. Письма А. де Саши в ф. 2 оп. I, ед. хр. 215 весьма многочисленны, но подходящим по дате является только одно от 23 февраля н.ст. 1907 г. (л. 59). Прилагавшийся к нему счет см. там же, л. 67.

² Речь идет о документах по выдвижению на звание академика архитектуры кандидатур Клейна и штатного архитектора московского городского правления *Геппенера Максима Карловича* (1848–1924), бывшего, среди прочего, членом-техником Строительной комиссии Музея (подробнее о нем см. т. I). Один из этих документов – составленный Цветаевым текст Записки о заслугах Р.И. Клейна; составил ли Цветаев также и аналогичную Записку о Геппенере или вторым документом было что-то иное, нам в настоящее время неизвестно. Кандидатура Геппенера в Академии не была включена в списки для голосования.

³ *Померанцев Александр Никанорович* (1848/49–1918), архитектор, академик архитектуры (1887), действительный член Академии художеств и профессор с 1892 г., в 1899 – 1900 гг. – ректор Высшего художественного училища при Академии художеств.

Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928), архитектор, академик архитектуры (1883), действительный член Академии художеств с 1893 г., профессор с 1892 г., в 1903 – 1906 и 1911 – 1917 гг. – ректор Высшего художественного училища при

Академии. Автор проекта Георгиевского собора в Гусе-Хрустальном, выстроенного по заказу Нечаева-Мальцова.

748

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5321.

¹ *Романов Петр Филиппович*, казенный десятник по постройке Музея, крестьянин деревни Рукава Одерихинской волости Владимирского уезда Владимирской губ. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 351 л. 43 и 113).

749

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5322.

¹ Параллельно с рассмотрением проекта штатов Музея изящных искусств предполагался пересмотр штатов Румянцевского музея.

² *Понедельник* – 19 марта 1907 г.

³ *Боткин Михаил Петрович* (1839–1914), гравер, академик исторической живописи (1863), коллекционер и меценат, директор музея Общества поощрения художеств (с 1896 г.), автор книги об Александре Иванове (1880). Брат писателя и критика *Боткина Василия Петровича* (1811/12–1869), завещавшего Московскому университету денежный капитал на приобретение слепков (подробнее см. т. 1), а также терапевта *Боткина Сергея Петровича* (1832–1889).

⁴ *Котов Григорий Иванович* (1859–1942), архитектор, академик архитектуры с 1887 г., действительный член и член Совета Академии художеств с 1893 г. Профессор Высшего художественного училища Академии художеств. Директор Центрального училища технического рисования барона Штиглица с 1896 г. Известен также как реставратор древнерусской архитектуры.

⁵ *Бах Роберт Романович (Робертович)* (1859–1933), скульптор, автор памятников М.И.Глинке в Петербурге и Пушкину-лицейсту в Царском Селе. Действительный член Академии художеств с 1893 г.

⁶ *Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, академик Императорской Академии наук (с 1898 г.), действительный член Академии художеств (1893). О различных контактах Цветаева и Кондакова, в том числе о посещении Кондаковым строительства Музея, см. т. 1.

⁷ *Кунджи Архип Иванович* (1841–1910), пейзажист; действительный член Академии художеств с 1893 г., профессор в 1892 – 1897 гг.

Маковский Владимир Егорович (1846–1920), живописец, передвижник; академик и профессор Высшего художественного училища Академии художеств в 1894 – 1918 гг., ректор в 1894 – 1896 гг.

750

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5323.

¹ См. также комм. 11 к письму 698 и комм. 4 к письму 730. На этот раз Московский университет был закрыт с 22 марта 1907 г.

² *Лобойков Валериан Порфирьевич* (1861–1932), секретарь Академии художеств с 1894 г. В ф. 6, оп. I, ед. хр. 1785–1814 сохранилось 30 его писем и телеграмм Цветаеву за 1896 – 1913 гг.

³ Проект архитектурной части памятника Александру III в Москве, возле храма Христа Спасителя, принадлежал А.Н.Померанцеву. Клейн был назначен членом строительной комиссии по сооружению памятника 16 августа 1902 г.

⁴ Вторым памятником Александру III Цветаев называет здесь Музей изящных искусств, поскольку он носил имя этого императора. В этом качестве Музей рассматривался и в царской семье, о чем свидетельствует присутствие многих ее представителей и самого Николая II как на закладке здания в 1898 г., так и на торжественном открытии Музея в 1912 г., состоявшемся на другой день после открытия памятника.

751

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5324.

¹ То есть до 20 – 21 апреля.

² *Рабиц Карл* (1823–1891), немецкий каменщик и штукатур, изобретатель проволочной сетки, которую стали в первую очередь применять вместо набивавшейся на стены и потолки деревянной драпки в качестве основы для штукатурки и лепнины (патент 1878 г.).

³ *Монье Жозеф* (1823–1906), французский садовник, изобретатель железобетона, который и назывался долгое время «системой Монье».

⁴ См. т. 3, илл. 90 (блюдо с изображением Афины), илл. 91 (кратер).

⁵ Триклиний, триклиний (*лат.*) – столовая комната в римском доме.

⁶ В 1901 г. Джейкоб С. Роджерс завещал музею Метрополитен 4,5 миллиона долларов на приобретение произведений искусства и пополнение библиотеки. Примеру Роджерса стали следовать и другие мультимиллионеры.

752

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5325.

¹ Соответствующее письмо Нечаева-Мальцова не сохранилось. Очевидно, вместе с ним был прислан упоминаемый ниже текст цветаевской Записки о Клейне с некоторыми замечаниями Нечаева-Мальцова.

² Конка д'Оро (*ит.*, буквально «Золотая чаша» или «Золотая раковина»), равнина близ Палермо.

³ На Сицилии Цветаев побывал во время своей первой зарубежной командировки, когда готовил докторскую диссертацию. Он съездил туда из Неаполя на Палермский научный конгресс, где сделал доклад об осских надписях Кампанского музея. Впечатления от этой поездки изложены в его книге «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.» (М., 1883) в главе IV, «Сорренто и Сицилия». Летом 1875 г. ему шел 29-й год.

⁴ Подразумевается не какой-либо документ, составленный самим Нечаевым-Мальцовым, а копия посланной ему Цветаевской рукописи о Клейне.

⁵ Средние торговые ряды для оптовой торговли, расположенные между улицами Варварка и Ильинка, напротив храма Василия Блаженного и рядом с построенными Померанцевым на Красной площади Верхними торговыми рядами, сооружены Клейном в 1891 – 1892 гг. В свое время, пока они использовались по назначению, это было одно из наиболее известных зданий Москвы.

⁶ Великая княгиня Елизавета Федоровна воспитывала детей рано овдовевшего любимого брата великого князя Сергея Александровича, Павла Александровича (1860–1919), и Александры Георгиевны Греческой (1870–1891): великую княжну Марию Павловну Младшую (1890–1958), двоюродную сестру Николая II, и ее брата Дмитрия (1891–1942). Румянцевский музей вместе с великой княгиней посетили, по словам Цветаева в следующем письме, «великие княжны». Одна из них была, очевидно, Мария Павловна Младшая; кто из их родственников гостил у них в это время в Москве, установить не удалось.

⁷ Копии предметов Гильдесгеймскогоклада и античной живописи не экспонировались в Румянцевском музее, а лишь временно хранились в директорском кабинете Цветаева.

753

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5326.

¹ *Солдатики* – зд. служители, сторожа или дворники.

В прежних томах настоящего издания уже упоминались «солдаты» Румянцевского музея (обычно – в качестве лиц, привлекаемых для переноски тяжестей), и мы полагали, что речь идет о солдатах действительной службы, нанявшихся в музей на поденную работу. Такой порядок действительно существовал: вследствие недостаточного финансирования царской армии около половины рядового состава частей постоянно рассылалось командирами на заработки, выручка от которых шла в общий котел. (См. *Редизгер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 499–500.) Но, внимательно изучив употребление слова «солдат» в письмах к Цветаеву служащих Румянцевского музея, и в первую очередь И.В.Дмитриева, мы убедились, что «солдатами» в этом музее обычно именовались постоянно работающие смотрители, дворники и сторожа.

Как показывает литература 1900 – 1910-х гг., в том числе рассказы и повести И.А.Бунина, «солдатами» в России этого времени продолжали называть и тех, кто уже отслужил в армии свой пятилетний срок (независимо от того, как давно этот срок окончился).

² Цитируется письмо Трея от 16 апреля (н.ст.) 1907 г. См. Цветаев – Трей. С. 243; перевод, приводимый нами в подстрочном примечании, заимствован отсюда же. Упомянутые Цветаевым приложения к письму Трея не сохранились.

³ Об отъезде Нечаева-Мальцова с сестрами в Неаполь и далее в Россию, по-видимому, сообщалось в «вестях из Палермо», упомянутых в письме 752.

754

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5327.

¹ Неясно, прислал ли Нечаев-Мальцов два пакета именно из Неаполя или здесь пропущена запятая («Второй Ваш, неаполитанский конверт...»), так что первым был упоминавшийся уже пакет с бумагами и «вестями из Палермо». Неизвестно также, о каких документах и сведениях говорится на этот раз.

² Фомина неделя – вторая после Пасхи.

³ Эти гуляния продолжались, таким образом, три недели, приходившиеся в 1907 г. на числа с 16-го (а фактически с воскресенья, 15-го) апреля по 6 мая.

⁴ Перерыв в работе из-за православной Пасхи составлял, следовательно, 4 дня (в 1907 г. – с 20 по 23 апреля). При этом мы не знаем в точности, как отмечали занятые на стройке Музея иностранные рабочие католическую или протестантскую Пасху, которая чаще всего не совпадает с православной. Отсутствие специальных упоминаний об этом в письмах Цветаева наводит на мысль, что в праздничные для их собственной конфессии дни они продолжали, за исключением воскресенья, трудиться.

755

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5328.

¹ Статья не была опубликована.

² Упомянутое Цветаевым письмо, очевидно, не сохранилось. Имеющееся коротенькое письмо П.С.Уваровой от 4 мая 1907 г. содержит только рекомендацию знакомому и прощальную фразу: «Очень кланяюсь и еще раз благодарю за интересное сообщение» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4201. Публикуется впервые).

³ Слепок-реконструкция воспроизводит юго-восточный угол Парфенона вместе с его скульптурными украшениями, то есть с рельефами метоп и сохранившимися частями фигур в угловой части восточного фронтона. В его левом углу был изображен словно поднимающийся из-за нижнего обрамления, как из-за горизонта, солнечный бог Гелиос с упряжкой коней: Гелиос был виден по пояс, от коней – только шеи и головы.

⁴ Об этой персидской капители см. т. 3, с. 322 (комм. 26 к письму 556) и илл. 16 в том же томе.

Упоминание о «нежных формах ионики» относится к портику кариатид. Слепок гигантской персидской капители смонтирован в дальнем от этого портика углу Греческого дворика с таким расчетом, чтобы целиком ее можно было видеть только с нижней площадки зала.

756

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5329.

757

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5330.

¹ Великий князь *Владимир Александрович* (1847–1909), третий сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного Совета с 1872 г.; президент Академии художеств (с 1876 г.) и почетный попечитель Румянцевского музея.

² 50-летие государственной службы Нечаева-Мальцова отмечалось 18 августа 1907 г.

758

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5331.

759

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5332.

¹Троица – здесь: Троице-Сергиева Лавра с окружающим ее Сергиевым Посадом. Возможно, Цветаев подразумевает и конкретно главную чудотворную икону тогдашней Лавры – «Троицу» Андрея Рублева.

² Икона Черниговской Богоматери в подземной церкви Пещерного отделения Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры с конца 1860-х гг. пользовалась славой чудотворной.

³ Очевидно, имеется в виду собственно Гефсиманский скит. Основан в 1840-е гг. в 3 км к северо-востоку от Лавры на берегу Корбушинского, иначе Скитского, пруда. (Пещерное отделение скита было основано в 1851 г. на другом берегу того же пруда.)

⁴ Вифания – место близ Иерусалима, где, по Евангелию, Иисус Христос совершил воскрешение Лазаря. В память этого чуда получили название основанный в конце XVIII в. в Сергиевом Посаде Спасо-Вифанский мужской монастырь и состоявшая при нем Вифанская духовная семинария, а затем и окружающая их местность – Вифания (первоначально – Корбуха).

760

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5333.

¹ *Свешников Иван Петрович* (1834–1910), проживавший в Москве купец I гильдии из Переяславля-Залесского, совладелец торгово-промышленного товарищества «Петра Свешникова сыновья», продававшего лесные строительные материалы и меха. В 1907 г. подарил Румянцевскому музею свою художественную коллекцию, которая из-за недостатка в музее места временно оставалась на хранении у самого Свешникова. Свешниковское собрание (343 номера) состояло из живописи и рисунков преимущественно русских художников. Оно было перевезено в Румянцевский музей уже после его смерти, 23 июля 1910 г. Подробнее о коллекции см.: *Игнатович Т.Н.* Картины из собрания И.П.Свешникова в истории московского Румянцевского музея и других музеев России/Румянцевские чтения – 2010. М., 2010. Ч. 1. С. 160–165.

Крупнейшими книжными собраниями, поступившими в Румянцевский музей в 1907 г., были библиотека генерал-майора *Успенского*, пожертвованная его вдовой (около 3,5 тыс. томов), и библиотека по искусству художника *Стрекалова Степана Степановича*, автора книги «Русские исторические одежды от X до XIII века» (СПб., 1877), тоже переданная вдовой. В том же году поступила небольшая, но уникальная библиотека по оккультным наукам *Елены Петровны Блаватской* (1831–1891), принесенная в дар ее племянницей.

В связи с этими новыми поступлениями *Цветаев*, по-видимому, писал великому князю Владимиру Александровичу о переполненности зданий Румянцевского музея и необходимости изыскания средств на их расширение и постройку новых. Этот вопрос регулярно поднимался *Цветаевым* с 1902 г. См., в частности, Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1907 год. М., 1908. С. 1–8.

² Этот доклад, по-видимому, не состоялся.

³ Имеется в виду брошюра: Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. 1907 г. Записка заслуженного профессора тайного советника *Цветаева* о заслугах гофмейстера *Нечаева-Мальцова* по Музею изящных искусств императора Александра III в Москве (К 50-летию его государственной службы). М., 1907. Брошюра была передана императору и членам его семьи не через великого князя, а через министра народного просвещения. Со своей стороны, великий князь переслал ее (с соответствующими рекомендациями) министру Двора.

Ближайшей целью написания и подачи Записки было добиться для *Нечаева-Мальцова*, в качестве награды к юбилею, высшего придворного чина: обер-гофмейстера. Эта цель была достигнута. Движимый искренней симпатией и благодарностью к *Нечаеву-Мальцову* и опасаясь, что тот может и не дожить до открытия Музея, *Цветаев* спешил порадовать его заслуженными почестями. В то же время Записка была призвана вновь привлечь внимание высших кругов к Музею (что было важно для получения нужных ассигнований) и еще более привязать к нему самого *Нечаева-Мальцова*.

761

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5334.

¹ II Государственная Дума просуществовала только одну сессию – с 20 февраля по 2 июня 1907 г. 3 июня Думу распустили, и был опубликован новый избирательный закон, а накануне ночью арестовали и в дальнейшем предали суду ее социал-демократическую фракцию, составлявшую более $\frac{1}{10}$ от общего числа депутатов. Следующая, III Дума откроет свою первую сессию 1 ноября 1907 г. и просуществует до 9 июня 1912 г.

Что касается бюджетных ассигнований на Музей, то они поступят, по-видимому, лишь в самом конце года. 8 декабря 1907 г. *Цветаев* писал о них *Клейну*: «Деньги придут, но это будет уже в Святочные вакации, когда все оста-

навливается...» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 241). 10 тыс. руб. были ассигнованы на расстановку экспонатов и 5475 руб. на отопление здания в зимнее время; вопрос об их выделении из казны был решен Советом министров еще в начале осени, до выборов III Думы.

² За неимением у Московского Археологического общества и Московского университета средств для приобретения библиотеки В.И.Модестова Уварова хлопотала о приобретении ее в царскую собственность для передачи в дар какому-либо научному учреждению. Покупка не состоялась. 4 августа 1907 г. Уварова сообщила Цветаеву: «Наше дело не выгорело, и в приобретении библиотеки Модестова Его Величеством отказано» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4204).

³ Министром Двора в 1897 – 1917 гг. был *Фредерикс Владимир Борисович* (1838–1927), барон, генерал-адъютант.

⁴ *Мосолов Александр Александрович* (1854–1939), генерал-лейтенант лейб-гвардии конного полка, в 1900 – 1917 гг. начальник канцелярии Министерства императорского Двора и Уделов; в дальнейшем – автор мемуаров «При дворе последнего российского императора».

⁵ *Щукин Сергей Иванович* (1854–1936), купец, знаменитый собиратель новейшего французского искусства. С 1948 г. около половины его коллекции находится в ГМИИ им. А.С.Пушкина, другая часть – в Государственном Эрмитаже. Его ответа Цветаеву в ОР ГМИИ не имеется, известно, однако, что денег от Щукина не поступало.

⁶ Имеется в виду частный Щукинский музей, созданный собирателем русских и восточных древностей *Щукиным Петром Ивановичем* (1857–1912) на Малой Грузинской ул. в Москве (архитектор Б.В.Фрейденберг). Был открыт для посетителей с 1892 г.; с 1905 г. здания музея вместе с основной частью коллекций были переданы владельцем в дар Историческому музею в качестве его филиала; содержание филиала и его научного штата в 7 человек оплачивал вплоть до своей смерти сам коллекционер. В дальнейшем коллекции, превышавшие по числу предметов собрание собственно Исторического музея, были перевезены в его здание на Красной площади и распределены по разным разделам; отдельные вещи были переданы затем в Оружейную палату, восточная часть коллекции хранится в Государственном музее Востока (Москва). В бывших зданиях Щукинского музея сейчас находится Государственный биологический музей им. К.А.Тимирязева.

762

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5335.

¹ *Маленький маляр* – лицо неустановленное.

² Речь идет о слепках, принадлежавших лично Цветаеву и находившихся в его доме в Трехпрудном переулке. По «Воспоминаниям» А.И.Цветаевой, бюсты стояли в одной из комнат на постаментах: «В углах на белых круглых колоннах-постаментах – бюсты греческих богов» (М., 2008. Т. 1. С. 72).

О Зевсе Отриколи (Музеи Ватикана) – вероятно, самом популярном в XVIII – XIX вв. античном произведении, – см. т. 2 и т. 1, илл. 23.

Установить, о каком именно изображении Афины идет речь, затруднительно.

О Диане Версальской (Париж, Лувр) – см. т. 3.

Амор – римский бог любви, имя которого более известно у нас во французской форме «Амур». «Ватиканским Амором», а также «Ватиканским Гением» и «Амором из Ченточелле» (по месту находки недалеко от Рима) называлась античная скульптура, впоследствии определенная как изображение бога смерти Танатоса.

³ Речь идет о петербургском доме графа *Бобринского Алексея Павловича* (1826–1894), правнука Екатерины II, генерал-лейтенанта, помещика Тульской губ. и сахарозаводчика, в 1871 г. товарища министра, а затем и министра путей сообщения (по 1874 г.); позднее А.П.Бобринский вместе с женой *Александрой Алексеевной*, урожденной Писаревой (1843–1905), был в числе виднейших деятелей секты евангельских христиан, так называемых пашковцев, и Общества поощрения духовно-нравственного чтения (1876–1884), после запрета которого эмигрировал из России.

⁴ Кому именно из Писаревых, племянников А.А.Бобринской, преподавал древнегреческий язык молодой Цветаев, установить не удалось.

⁵ Подразумевается граф *Бобринский Алексей Алексеевич* (1864–1909).

⁶ *Бобринская Варвара Николаевна* (урожденная Львова; 1864–1940), графиня, московская благотворительница и общественная деятельница, создавшая первый в России Женский рабочий клуб (1901); инициатор и председатель Городского попечительства о бедных Хитрова рынка; один из организаторов I-го Крестьянского съезда (1905), проходившего в ее доме; активная сторонница конституционно-демократической партии. В дальнейшем, в 1908 – 1909 гг., издавала журнал «Северное сияние», литературным редактором которого был И.А.Бунин; с 1909 г. организовывала систематические (около 1000 чел. в год) заграничные экскурсии для народных учителей и других представителей демократической интеллигенции. Разнообразную общественную деятельность вела также в годы Гражданской войны и в эмиграции.

⁷ Цветаев говорит здесь уже не о служащих Румянцевского музея, а о простом народе в целом, имея в виду многочисленные крестьянские и солдатские восстания 1905 – 1907 гг.

763

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2416, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ Ближайшей средой было 13 июня 1907 г.

764

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5336.

¹ *Голицын Михаил Михайлович*, князь, генерал-лейтенант, гофмейстер при дво-

ре великого князя Владимира Александровича. Упомянутое его письмо в ОР ГМИИ не выявлено.

² Соответствующее письмо И.В.Дмитриева не сохранилось.

³ Существовавший с первой половины XIX в. банкирский дом «И.В.Юнкер и К^о» (Москва – Петербург); контора в Москве, на Кузнецком мосту.

⁴ См. комм. 3 к письму 760.

⁵ Имеется в виду так называемый адрес-календарь, официальный справочник с указанием учреждений и личного состава служащих.

765

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5337.

¹ Возможно, подразумевается принадлежавший самому Клейну доходный дом рядом с его особняком в Олсуфьевском пер.

² Речь идет о гонораре за постройку главного магазина фирмы, находящегося рядом с Малым театром и открытого лишь на Рождество 1908 г. Так как остаток гонорара выдавался архитекторам не ранее полного завершения строительных работ, следует, по-видимому, думать, что Клейн предполагал завершить постройку магазина на год с лишним раньше, в октябре 1907 г.

³ Упомянутое письмо Клейна к Нечаеву-Мальцову в настоящее время неизвестно. Однако ясно, что финансовые трудности вновь, как осенью 1906 г. (см. комм. 5 к письму 730), заставляли архитектора думать о прекращении строительства. См. его письмо Нечаеву-Мальцову от 1 августа 1907 г. в Приложении.

⁴ Цветаеву так и не удастся за время своего директорства в Румянцевском музее (до середины 1910 г.) осуществить постройку Картинной галереи. Даже проведенный при нем архитектурный конкурс не даст удовлетворительных результатов. Новое здание (архитектор Н.Л.Шевяков) появится только при следующем директоре, в 1912 – 1913 гг.; но необходимо признать, что почву для этого подготовил именно Цветаев.

⁵ Картинная галерея Румянцевского музея задумывалась Цветаевым с запасом, однако не очень большим: на 1907 г. в музее уже было почти 1200 картин, а с прибавлением коллекции Свешникова стало бы около 1500. Библиотечный этаж предназначался, по-видимому, специально для библиотеки Отделения изящных искусств: основная библиотека Румянцевского музея получала бы расширение за счет вывода из Пашкова дома Картинной галереи.

766

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5338.

¹ Речь идет о ступенях, ведущих на нижнюю площадку лестницы из Греческого и Христианского дворики.

² О *Йозефе Крейттмайре* см. также т. 2 и 3.

³ Подразумеваются тонированные под бронзу слепки московского Музея, сделанные с таких оригиналов, как статуи Теодориха и Артура мастерской Петера

Фишера Старшего, украшающие памятник Максимилиана I в дворцовой церкви в Инсбруке (см. т. 3, комм. 2 к письму 604), или бюст Карла V работы Леоне Леоне в Прадо (слепок сейчас в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

⁴ Речь идет о Распятии из Вексельбурга. См. т. 3: илл. 29 и комм. 2 к письму 551.

⁵ В рукописи: «ему его присылали» (?!).

767

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5339.

¹ Слова «ныне послал экземпляры Записки в Петербург», по-видимому, не вполне соответствуют действительности: Цветаев перед отъездом в Тарусу успел только поручить эту рассылку Дмитриеву.

² *Танеев Александр Сергеевич* (1850–1918), управляющий Собственной его императорского величества канцелярией в 1897 – 1917 гг.

³ *Шереметев Сергей Дмитриевич* (1844–1918), граф, историк, благотворитель. Обер-егермейстер, член Государственного Совета с 1900 г., председатель Императорской Археографической комиссии (1900–1917), председатель Комитета попечительства о русской иконописи (с 1901 г.).

⁴ *Толстой Иван Иванович* (1856–1916), вице-президент Академии художеств, в конце 1905 – начале 1906 г. министр народного просвещения; в дальнейшем, в 1910-е гг., – петербургский городской голова. Именно он в свое время посоветовал Цветаеву привлечь Нечаева-Мальцова к созданию Музея.

⁵ *Мусин-Пушкин Александр Алексеевич* (1855–1918) ответил Цветаеву в октябре 1907 г. из Одессы, где он являлся в 1905 – 1908 гг. попечителем учебного округа (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2082). Цветаев, по-видимому, упустил из виду его пребывание в Одессе: по прежним годам Мусин-Пушкин был известен ему как член Совета министра народного просвещения, потомственный почетный попечитель Историко-филологического института им. кн. А.А.Безбородко в Нежине и один из петербургских соседей Нечаева-Мальцова. (Оба проживали в особняках на Сергиевской ул., через 4 дома друг от друга.) В 1908 – 1913 гг. Мусин-Пушкин был попечителем Петербургского учебного округа.

⁶ *Кобеко Дмитрий Фомич* (1837–1918), библиограф, директор Публичной библиотеки в Петербурге с 1902 г., член Государственного Совета с 1901 г.

⁷ *Лихагев Николай Петрович* (1862–1936), историк, коллекционер; профессор петербургского Археологического института; член-корреспондент Академии наук с 1901 г.; в 1902 – 1914 гг. помощник директора Публичной библиотеки.

⁸ *Никитин Петр Васильевич* (1849–1916), филолог-классик, специалист по древнегреческой и византийской литературе, вице-президент Академии наук в 1900 – 1916 гг.

⁹ *Шервашидзе Георгий Дмитриевич* (1847–1918), князь, гофмейстер, бывший тифлисский губернатор (1889–1897), с 1899 г. – заведующий двором вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

¹⁰ *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич* (1848–1913), граф, поэт, почетный академик Академии наук по разряду российской словесности; гофмейстер, заведующий личной канцелярией императрицы Марии Федоровны и ее секретарь.

¹¹ Вероятно, здесь недоразумение со стороны Цветаева: справочники на 1907 и 1908 гг. не называют ни Голенищева-Кутузова, ни Шервашидзе секретарем императрицы Александры Федоровны. Пакеты к Шервашидзе и Голенищеву-Кутузову, видимо, не были отправлены. 21 – 22 июля 1907 г. Дмитриев сообщил Цветаеву в Тарусу о получении письма из министерства с предложением выслать брошюры о Нечаеве-Мальцове «Господину Министру для поднесения Вашей записки Их Величествам Государю и Государыням». При этом Дмитриев сомневался в необходимости посылать их также «Секретарям Государынь»: «Если мы пойдем окольным путем, помимо Министра, то он может остаться недовольным, а ведь он является нашим Начальником» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 963, машинописный текст. Публикуется впервые).

¹² *Евгения Максимилиановна*, принцесса *Ольденбургская*, урожденная графиня *Лейхтенбергская* (1845–1925), племянница Александра II, председатель Общества поощрения художеств с 1878 г.

¹³ Брошюры и письмо были, по-видимому, переданы Нечаеву-Мальцову с посылным: Нечаев-Мальцов находился в это время в Москве по случаю похорон одной из сестер, Софьи Степановны. (Из деликатности Цветаев не затрагивает этой темы.)

768

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5340.

¹ Имеется в виду девятый день после смерти Софьи Степановны Нечаевой, скончавшейся 12 июля 1907 г. и похороненной на семейном участке Новодевичьего кладбища в Москве. Сохранился набросок краткого поминального слова о ней, которое Цветаев явно рассчитывал включить в свою речь на ближайшем отчетном заседании Комитета по устройству Музея, однако в печатное издание речи отрывок не вошел (возможно, по просьбе Нечаева-Мальцова):

«В скорбный синодик наших лишений за отчетное время нравственный долг заставляет меня внести еще имя одного лица, хотя официально не принадлежавшего нашему Обществу, но неизменно и с большою любовью служившего успехам Музея в наиболее изящных, монументальных и дорогих его частях. С живым интересом этот невидимый и другими незнаемый пособник наш следил за течением симпатичного ему дела и горячо ждал его блистательного окончания. Невидимо для других это лицо посещало постройку здания, когда оно не представляло еще тех пленительных форм, которые явились здесь позднее. Оно горячо и искренно откликалось на успех собраний памятников искусства во время наших заграничных поисков. Имевши счастье быть близким свидетелем этой симпатии, я питаю глубокую уверенность, что это лицо

имело большое влияние на исключительные успехи создаваемого дела. Имя его оставалось неизвестным даже и в нашей среде. Но смерть снимает покровы с человеческих тайн. Этим, невидимым ранее, пособником нового Музея была в течение 11 лет – Софья Степановна Нечаева, мирно скончавшаяся 12 июля т[екущего] г[ода] и погребенная здесь, в Новодевичьем монастыре» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4711. Публикуется впервые).

² Обычно квартиры снимали заранее на зимний сезон. Новым жильцом во флигеле у Цветаева стал потомственный почетный гражданин Аркадий Павлович Алексеевский, плативший за квартиру 780 руб. в год (ф. 6, оп. I, ед. хр. 974). Цена эта невысока, так как район стал пользоваться дурной репутацией. «Главное то неудобство, – писал Цветаеву Дмитриев 25 июля 1907 г., – что в этой местности теперь поселились сплошь “девицы легкого поведения”, которые, как только стемнеет, не дают никому прохода. В праздники идет все время драка и творятся невероятные безобразия. Развелось так много жулья, что, ей-Богу, опасно ходить по улицам, того гляди, зарежут или ограбят с ног до головы» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 964. Публикуется впервые).

³ По-видимому, подразумевается письмо И.И.Дмитревского (см. комм. 4 к письму 771) от 18 июля 1907 г., где, в частности, говорится: «Относительно поднесения Вашей статьи Государю и Государыням обращайтесь прямо к Министру. Его это нисколько не стеснит, а письмо попадет в мои руки, значит, будет исполнено. Относительно папок для статьи, сделайте, как делали прежде. Мне ужасно хотелось бы провести дело о Музее [о штатах] как можно скорее, а то, неровен час, с Юрием Степановичем случится что-нибудь, как с его сестрой Софьей Степ[ановной]. Тогда мы пропали» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 810. Публикуется впервые).

⁴ Скоропечатня А.А.Левенсона, находившаяся в Трехпрудном пер. почти напротив цветаевского дома.

⁵ Подразумевается цвет форменных мундиров, которые носили служащие в учреждениях Министерства народного просвещения – синий.

⁶ Кому предназначался четвертый экземпляр, ясно из следующего письма.

769

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5341.

¹ Согласно письму Дмитриева от 28 июля 1907 г. его разговор с Нечаевым-Мальцовым имел место в Музее около 12 часов того же дня.

² Письмо мастерской «Сабатино де Анджелис и сын» от 30 июля (н.ст.) 1907 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 165, л. 42).

³ Торговый дом «Кос и Дюрр. Москва. Строительные материалы: представитель заводов Виллерау и Бох в Метлахе, Мерциге и Дрездене». С этой фирмой был заключен контракт на изготовление полов примерно в половине музейных залов из метлахской плитки. В других залах устройством наливных полов занимался Г.А.Лист.

⁴ Нанятые Листом итальянские мастера по наливке «мозаичных» полов прибыли из Будапешта и приступили к работе лишь во второй половине ноября (упоминаются в письме 785).

⁵ Несколькими днями раньше царь совершил плавание на своей яхте «Штандарт» в Свинаямюнде (ныне г. Свиноуйсьце на крайнем северо-западе Польши), где 21 – 24 июля (3 – 6 августа) 1907 г. встречался с германским императором Вильгельмом II.

⁶ Подразумевается письмо Дмитревского, указанное в комм. 3 к письму 768.

⁷ *Ольга Константиновна*, греческая королева (1851–1926), внучка Николая I, жена короля Греции Георга I. Почетный член Комитета Музея. Подробнее см. т. 1.

770

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5341^а.

¹ Цитируется с сокращениями письмо Уваровой к Цветаеву от 29 июля 1907 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4203).

² В рукописи указаны инициалы «А.А.». Скорее всего, это ошибка переписчика, и речь идет о графе *Олсуфьеве Алексее Васильевиче* (1831–1915), генерале от кавалерии, почетном опекуне Московского присутствия Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны и известном филологе (подробнее о нем см. т. 1).

³ О долгах Исторического музея, основанного покойным мужем Уваровой *Алексеем Сергеевичем Уваровым* (1825–1884), см. т. 1, комм. 5 к письму 22.

771

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5342.

¹ Цитируется письмо М.М.Голицына без даты – ф. 6, оп. I, ед. хр. 579. В начале цитаты Цветаев опустил несколько слов, из которых явствует, что Голицын отвечает на его вопрос от 25 июля 1907 г.

² Из письма Цветаеву управляющего конторой двора великого князя Владимира Александровича, полковника Абаковского, от 3 августа 1907 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 24, л. 36) известно, что документы о Нечаеве-Мальцове от Цветаева были получены Голицыным 12 июля и 16-го пересланы министру Двора. Очевидно, 16-го же и было написано затерявшееся на почте письмо Голицына Цветаеву.

³ Имеется в виду село Петровское недалеко от ст. Одинцово Московско-Брестской ж.д. Его владельцем был князь *Александр Михайлович Голицын* (1838–1919), в 1875 – 1887 гг. звенигородский уездный предводитель дворянства.

⁴ *Дмитревский Иван Иванович*, в 1906 – 1912 гг. статский советник и делопроизводитель 6-го класса в Департаменте народного просвещения. (Благодарим за эти сведения Ю.Г.Волхонского.) В ф. 6, оп. I, ед. хр. 790–833 хранятся 44 его письма Цветаеву с 1901 по 1912 г. Упомянуто письмо от 31 июля 1907 г. (Там же, ед. хр. 811).

⁵ Вычисления «доходности» Музея действительно странны, так как всегда предполагалось, что он будет работать для посетителей бесплатно; так это и было после его открытия в 1912 г.

⁶ Дмитриев в письме от 4 августа 1907 г. писал: «По моему мнению, если мы так будем продолжать работу, то обязательно окончим Музей в 2 года» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 968. Публикуется впервые).

⁷ Близкого по дате письма Трея мы не знаем. Последнее на тот момент письмо из Берлина датировано 6 апреля н.ст. 1907 г., в нем подтверждается получение Берлинскими музеями 2 тыс. марок и выражается просьба выплатить в течение 1907 г. остальные 2827 марок 27 пфеннигов (ф. 2, оп. I, ед. хр. 68, л. 74). Следующим по дате документом явилась квитанция о получении 2371 марки 95 пфеннигов 9 ноября н.ст. 1907 г. (Там же, л. 69).

772

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5343.

¹ Принц *Ольденбургский Александр Петрович (Ольденбург Александр-Фридрих-Константин)* (1844–1932), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета; муж Евгении Максимилиановны.

² Подразумевается *Вуич Александр Иванович* (1870–1929), статский советник, состоявший в звании камергера при дворе Александра Петровича и Евгении Максимилиановны Ольденбургских. (Благодарим за справку Ю.Г.Волхонского. Петербург.)

Вопросительный знак при неправильно разобранный фамилии принадлежал, очевидно, самому Цветаеву. Цитируемое письмо Вуича в ОР ГМИИ не выявлено.

773

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5344.

¹ Соответствующее письмо В.М.Васнецова к Цветаеву, по-видимому, не сохранилось.

² Письмо Уваровой Цветаеву от 20 августа 1907 г. даже начинается словами: «Итак наш юбилей удался вполне!!» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4205).

Карачарово – усадьба Уваровых на р. Оке под Муромом, родина легендарного Ильи Муромца; ныне микрорайон г. Муром. Лесничество (управление лесных владений) Уваровых находилось по другую сторону Оки.

³ *Жуковский Павел Васильевич* (1845–1912), художник, член-учредитель Комитета по устройству Музея. Подробнее о нем см. т. 1. Письмо Жуковского указанного Цветаевым содержания нам неизвестно. Его письмо из Петербурга от 19 августа 1907 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 11134) содержит, главным образом, сетования на свою болезнь и слова благодарности Клейну за сотрудничество в создании усыпальницы великого князя Сергея Александровича. Впрочем, в начале Жуковский благодарит Цветаева «за сообщение [письмом от 13 августа] о юби-

лее Юрия Степановича, о котором ничего не знал. Я ему отправил 17 авг[уста] поздравительную телеграмму в “Славянский базар” и прочел Вашу прекрасную статью в “Новом времени”. Относительно же Музея в этом письме Жуковского говорится следующее: «Напрасно Вы тоже думаете, что я забыл о Музее. Разве это возможно? Я с радостью думаю в се[н]тябре вместе с Вами его видеть и буду счастлив, если Вам пригожусь для чего-нибудь». (Публикуется впервые.)

Упомянутое Жуковским «Новое время» – одна из крупнейших русских газет, издавалась в Петербурге – Петрограде в 1868 – 1917 гг.; ее издателем в 1876 – 1912 гг. был А.С.Суворин. Статью Цветаева «Музей изящных искусств Императора Александра III в Москве и Ю.С.Нечаев-Мальцов», напечатанную в газете 18 августа 1907 г., см. в Приложении. В ней, между прочим, Цветаев впервые широко разгласил, что строительство Музея уже несколько лет продолжается исключительно на средства Нечаева-Мальцова. (Хотя имя жертвователя, выплачивавшего по 120 000 руб. в год, было названо уже в Отчете Университета за 1906 г., там эта информация мало кому попадалась на глаза; тогда как теперь она приводилась в самой многотиражной газете Российской империи.)

⁴ «Санкт-Петербургская немецкая газета» – одна из старейших в России; выходила с 1829 г.

⁵ «Слово» – ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1903 – 1909 гг.

⁶ Такая брошюра, насколько нам известно, напечатана не была.

⁷ «Московские ведомости» 18 августа 1907 г. (с. 4, стб. 1–3) поместили статью за подписью «М.Л.», названную «Музей изящных искусств Императора Александра III в Москве и Ю.С.Нечаев-Мальцов». На следующий день в той же газете (с. 2, стб. 6) появилась заметка «Юбилей Ю.С.Нечаева-Мальцова», которую мы приводим здесь, чтобы дать представление о масштабе оказанных юбиляру почестей:

«Ввиду семейного траура Ю.С.Нечаев-Мальцов отклонил публичное чествование по поводу исполнившегося 50-летия его государственной службы. Прием приветствий начался в первом часу дня в помещении “Славянского базара” совершенно запросто, без всякой официальности. Юбиляра посетили: и[справляющий] д[олжность] московского губернатора флигель-адъютант В.Ф.Джунковский, депутаты от московского и владимирского дворянств, от Комитета по сооружению Музея изящных искусств имени Императора Александра III (с адресом), от Румянцевского музея, от Архива Министерства юстиции и Московского археологического института (все три учреждения поднесли адреса) и от Нечаевского дворянского приюта. От Императорского Московского Коммерческого училища прислан был приветственный адрес.

Ю.С.Нечаев-Мальцов получил множество приветственных телеграмм и в числе их: от Их Императорских Высочеств Великой Княгини Елисаветы Федоровны и принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, от министра Императорского Двора, извещавшего о пожаловании юбиляру звания обер-гофмейстера Высочайшего Двора, от Императорского Лицея в память

Цесаревича Николая, от Императорского Общества поощрения художников, от московских гимназий и других столичных московских учебных заведений». Заметка завершалась обещанием более подробных сведений в ближайшем номере газеты.

Этот более подробный репортаж под названием «Пятидесятилетний юбилей Ю.С.Нечаева-Мальцова» был помещен в номерах от 23 августа (с. 4, стб. 4–6) и 24 августа (с. 2, стб. 6–7), и именно о нем говорит Цветаев в своем письме. В репортаже, кроме ранее перечисленных, упомянуты также поздравительные телеграммы: от министра иностранных дел, от Министерства народного просвещения, Московского учебного округа, протопресвитера армии и флота А.А.Желобовского, епископа Дмитровского Трифона, графов Игнатьевых, гр. Уваровой, кн. Трубецкой, князей Щербатовых, Бутурлиных и других аристократических семей, от членов Комитета Музея, находившихся вне Москвы, и от Строгановского художественно-промышленного училища. Полностью напечатаны: приветственный адрес Комитета по устройству Музея изящных искусств, зачитанный ректором Университета; адрес от появившегося в 1907 г. Московского археологического института, готовившего специалистов и по истории искусства; телеграмма от 1-й московской гимназии, где когда-то учился Нечаев-Мальцов; приветствие педагогического совета московской гимназии им. Григория Шелапутина.

Характерной особенностью всех перечисленных нами газетных материалов было то, что Нечаев-Мальцов чествовался в них исключительно в связи с его деятельностью по созданию Музея; другие его заслуги лишь подразумевались, но не назывались – как общеизвестные. Репортаж от 23 – 24 августа начинался словами «Чествование товарища председателя Комитета Музея изящных искусств...» и завершался фразой: «В 2 часа юбилей кончился, а на другой день рано утром юбиляр со всею семьей должен был справлять молитвенное поминовение в Новодевичьем монастыре по своей сестре Софии Степановне Нечаевой, большой до конца своей жизни радательнице нового московского Музея». Все напечатанные адреса и телеграммы также посвящены были теме Музея. Приведем для примера полный текст телеграммы 1-й гимназии: «В знаменательный день полувекового Вашего юбилея московская 1-я гимназия вменяет себе в нравственный долг этими приветственными строками принять участие в чествовании Вас, ее питомца выпуска пятьдесят третьего года, ныне великого радателя отечественного просвещения, трудящегося в ближайшем с первою гимназией соседстве над созданием будущей гордости Москвы – Музея, призванного эстетически воспитывать учащуюся молодежь. Да сохранит Всевышний дни Ваши на радость видеть скорее завершение Вашего великого дела, и да будут обильны и ценны для Родины плоды Ваших щедрых жертв. Директор Грунау».

За этими особенностями празднования и его освещения в печати чувствуется хорошо продуманная талантливая режиссура Цветаева.

⁸ В верхнем вестибюле Музея слева и справа от входа находились двери двух залов – Египетского и Северного Возрождения. Напротив входа, кроме центрального пролета, открывающего мраморную лестницу, были еще два, поменьше, соединенные с галереями Греческого и Христианского двориков. В 1944 г., в связи с устройством существующих ныне лестниц в цокольный этаж для сообщения с переведенным туда гардеробом, оба меньших пролета были заложены.

⁹ Как уже сказано в комм. 13 к письму 726, пол в вестибюле был выложен из гранита. Вопрос решился под конец года. 18 декабря 1907 г. Цветаев писал Клейну: «Ю.С-ч ныне пришедшему Кельину при мне сказал: “Придется в вестибюле положить *гранитный* пол, а в Центральном сделать его из *недорогого* мрамора”. Заговорил Кельин о трудности уплат, но в конце высказался за то, что всякие заказы могут делаться лишь при условии уплаты в *1909 году*. Надо нам Листа и Раттенка теперь уговорить рассрочить платежи на эти два вековечных пола» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 242).

¹⁰ Об отце Рерберга, *Иване Федоровиче* (1831–1917), известном инженере, см. т. 1.

Планировку сквера выполнил в 1910 г. *Георгий Германович Тресне* (1868–1941), главный садовник университетского Ботанического сада, при участии Якова Андреевича Михеева, подрядчика земляных и садовых работ, и Василия Яковлевича Яковлева, владельца цветочного магазина на Арбате.

774

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5345.

¹ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920), историк, первый тесть И.В.Цветаева. Издатель газеты «Кремль», выходившей по 1 – 2 номера в год. Подробнее см. т. 1–3.

² *Гжельский Александр Павлович*, секретарь великой княгини Елизаветы Федоровны, позднее – управляющий конторой ее двора. Подробнее о нем см. т. 1.

³ Ильинское – подмосковное имение великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны, неподалеку от Архангельского.

⁴ Чтение курса лекций о быте древних римлян, разумеется, не входило в программу кафедры теории и истории искусств. Оно предпринималось Цветаевым в помощь профессорам истории и латинской филологии. Напомним, что осенью предыдущего, 1906 г. Цветаев официально отказался по состоянию здоровья от чтения лекций по истории искусств, и теперь он, по-видимому, не считал еще нужным и удобным возобновить их, так как на эту кафедру как раз к осени 1907 г. Университет пригласил рекомендованного Цветаевым нового профессора, В.К.Мальмберга. Ему же, зная о его многочисленной семье и необходимости дополнительного заработка, Цветаев оставил и чтение античного искусства на Высших женских курсах. (Указание в учебных планах на 1907/08 г., помещенных в Отчете Императорского Московского университета за 1907 г. М., 1908. Ч. 2. С. 144, будто Цветаев читал или намеревался читать по 2 часа в неделю античное искусство, по-видимому, является результатом недосмотра.)

Ранее Цветаев читал лекции по римским древностям в 1884–1888 гг., когда занимал кафедру латинской филологии. Его лекционные курсы того времени сохранились в виде литографических записок, имеющихся в РГБ, ГПИБ, Библиотеке МГУ, ОР ГМИИ и особенно в фонде С.И.Соболевского в Архиве РАН. Среди них есть и несколько разных курсов по римским бытовым древностям.

⁵ Козихой называли в цветаевское время весь район Бронных улиц с переулками: Богословским, Сытинским, Палашевским, Большим и Малым Козихинским и Патриаршими прудами. Здесь преимущественно селились и развлекались московские студенты. Название происходит от существовавшей здесь в XVII в. Козьей слободы.

⁶ Приват-доцентами – то есть преподавателями высших учебных заведений без жалования, на частных основаниях – обычно являлись люди со степенью магистра или даже доктора наук. Они не занимали штатных профессорских должностей лишь по отсутствию вакансий. (При этом приват-доцентам, если только они не были из богатых семей, приходилось ради заработка служить также в других учреждениях.)

Начинающими приват-доцентами могли быть, правда, и магистранты – то есть лица, готовящие магистерскую диссертацию, – если они уже сдали магистерские экзамены, были близки к завершению диссертации и успешно прочитали две пробные лекции. Но Цветаев определенно говорит не о начинающих, а о приват-доцентах со стажем. Их в тогдашней России было в несколько раз больше, чем экстраординарных и ординарных профессоров; известны лица, в том числе вошедшие своими заслугами в историю науки, которые оставались в положении приват-доцентов по 20 и более лет.

775

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5346.

¹ Гласные – депутаты (*уст.*). Городская управа – исполнительный орган городского самоуправления, избиравшийся городской думой; в него входили городской голова, его товарищ и нескольких членов.

² Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) (1873–1965), в 1906–1914 гг. епископ Серпуховской, один из четырех викариев Московской епархии; заведовал Комиссией чтений для рабочих и издательством этой комиссии. Впоследствии (1936–1964) первоиерарх Русской православной церкви за границей.

³ Гусков Николай Иванович (1860–1935), московский городской голова с ноября 1905 по декабрь 1912 г. Брат лидера партии октябристов Александра Ивановича Гучкова.

⁴ Какую из московских газет читал Клейн, нам неизвестно. В «Московских ведомостях», к примеру, сообщалось лишь то, что на первом после летних каникул заседании 21 августа «Дума поручила городскому голове выразить приветствие обер-гофмейстеру Ю.С.Нечаеву-Мальцову по поводу исполнившегося пятидесятилетия его государственной службы» (1907. 22 августа. С. 3. Стб. 5).

⁵ Сведений о том, состоялась ли подобная лекция Цветаева для московских рабочих, в настоящее время не имеется.

⁶ Подразумеваются рамы застекленных проемов в потолках трех залов второго этажа: Лисиппа, Ниобид, Венеры Милосской и Лаокоона.

⁷ Летом 2011 г. асфальтовый тротуар возле Музея заменен плиточным.

⁸ Так как глава семьи *Якунчиков Василий Иванович* скончался 6 апреля 1907 г., фирму по производству кирпича возглавлял его сын, *Николай Васильевич* (1873–1931), состоявший на службе в Министерстве иностранных дел, владелец подмосковных Черемушек (в т. 1 ошибочно назван Никитой).

⁹ «Товарищество Эмиль Липгарт и К°». Подробнее см. т. 1.

¹⁰ *Кузин Иван Тимофеевич* (? – 1907), проживавший в Москве, в собственном доме на Девичьем поле, крестьянин деревни Малеевой Троицкой волости Тарусского уезда Калужской губ. Выполнял столярные работы для Музея в 1902 – 1907 гг. См. ф. 3, оп. I, ед. хр. 122.

¹¹ Под «правительственными чиновниками» Цветаев подразумевает состоявших на государственной службе руководителей немецких музеев.

776

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5347.

¹ Упомянутая телеграмма Нечаева-Мальцова не сохранилась.

² *Алисова Любовь* (Aimée Alisoff), по сведениям, сообщенным Цветаеву Н.Е.Кожевниковой (см. ниже), юная художница-акварелистка, ученица Антонио Фальды. (Как и ее учитель, Л.Алисова в справочниках не упоминается, однако в Интернете встречаются сведения о продажах с аукциона их акварелей.) В кн.: Отчет Императорского Московского университета за 1907 год. Ч. 1. М., 1908. С. 99, неверно названа Лидией. В издании: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 2. С. 138, Алисова по неизвестным нам причинам ошибочно отождествлена с Е.Н.Самариной.

³ «Мадонна дель Грандука» Рафаэля (Флоренция, галерея Питти) создана в 1504 или 1505 г. во Флоренции. Ее название (Мадонна великого герцога, *ит.*) связано с тем, что великий герцог Тосканы Фердинанд III Лотарингский (1769–1824), при котором она была приобретена, держал ее в своей спальне, а также возил с собой в эмиграцию в период наполеоновских войн.

Сведений об экспонировании в Музее копии, сделанной Алисовой, не найдено; когда и куда она выбыла из Музея, также неизвестно. Можно лишь предположить, что уже в советское время ее выдали в какое-либо художественное учебное заведение, как были, например, в конце 1930-х гг. переданы в музей Строгановского училища копии с произведений живописи эпохи Возрождения, выполненные Н.Н.Лоховым.

⁴ Имеется в виду *Кожевникова Надежда Егоровна*, вдова *Кожевникова Алексея Яковлевича* (1836–1902), невропатолога, профессора Московского университета, основателя университетской клиники нервных болезней. Сохранились два ее письма Цветаеву (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1525 и 1526).

⁵ О скульпторах *Фейте Штоссе* (1438 или 1447–1533), *Адаме Крафте* (ок. 1460–1508/9) и *Петере Фишере Старшем* (ок. 1460–1529) и о слепках с их произведений см. т. 2, а также илл. 102 там же и илл. 65–67 в т. 3. Эти слепки по сей день экспонируются в Христианском дворике и его галереях. Слепки с оригиналов, находящихся в Нюрнберге, изготовлены формовщиком Якобом Роттермундтом.

⁶ О венецианском конном памятнике полководцу Бартоломмео Коллеони работы *А.Верроккио* (1435 или 1435–1488) и изготовленном в Берлине слепке с него см. т. 1 и 2, а также илл. 47, 48 в т. 2.

⁷ Осенью 1911 г. Цветаев привез с собой из поездки в Германию живописца-декоратора *Карла Костмана* из Брауншвейга и его 18-летнего сына, которым была поручена тонировка большого ряда слепков. Свою работу в Москве они начали как раз с бронзирования слепка «Коллеони». См.: Цветаев – Трей. С. 288–289.

777

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5348.

¹ Данное письмо, судя по последним строчкам следующего (778), было закончено и отослано, а возможно, даже и начато после него.

² В копийной рукописи вместо сумм в этой фразе оставлены пробелы. Вероятно, эти цифры были проставлены Цветаевым в беловом экземпляре письма, но не повторены в оставленном у себя черновике, с которого изготовлялась сохранившаяся копия.

778

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5349.

¹ А.И.Цветаева пишет в своих «Воспоминаниях» об *Ивановой Марии Васильевне*, «акушерке, помогавшей при нашем рождении <... > Каждый месяц мама давала ей блестящий золотой десятирублевик» (М., 2008. Т. 1. С. 123–124). Там же упоминается о дочери Ивановой, *Лизе*. В своем завещании М.А.Цветаева просила продолжать выдачу ежемесячного пособия нескольким ее подопечным, в том числе 120 руб. в месяц Ивановой. В ОР ГМИИ сохранились квитанции на передачу и пересылку ей денег за 1903 – 1908 гг., а также прошение Цветаева в Московский Окружной суд об утверждении к исполнению духовного завещания М.А.Цветаевой (ф. 6, оп. III, ед. хр. 7, л. 2 –51; ед. хр. 10, л. 1).

779

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5350.

¹ О какой-либо зарубежной поездке Нечаева-Мальцова в конце 1907 г. или о ее планах нам ничего не известно. По-видимому, она была отложена, так как еще 17 декабря Цветаев спрашивал: «Когда Вы собираетесь туда отправиться?»² (см. письмо 789), – и Новый год Нечаев-Мальцов встречал в Петербурге.

² О луврской стеле с законами вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) см. т. 3 и илл. 17 там же. Благодаря ее открытию в 1902 г. стало известно, что многие древнееврейские законы, сохранившиеся в тексте Ветхого Завета, были близки к вавилонским. Это и вызывало большой интерес богословов к стеле Хаммурапи. Ее слепок в настоящее время экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

³ *Халдейская* – то есть написанная на языке вавилонян (халдеи – библейское название вавилонян).

⁴ Стекланный колпак для слепка изготовлен не был.

⁵ Ср. в письме к Клейну от того же числа: «Вчера, после Вас, я рассматривал распакованные вещи Луврского музея. Какова окраска гипсов под цвет черного и других цветных камней! Это – прямо художественные произведения» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 239). Похвалы Цветаева, очевидно, относятся к тонировке слепков с таких произведений из Лувра, как бюст вельможи саисской эпохи или позднеегипетская статуэтка солнечного бога Гора в виде сокола. Эти слепки экспонируются сейчас в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

⁶ Праздник Покрова Пресвятой Богородицы – 1 октября ст.ст.

780

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5351.

¹ Статский советник – чин довольно высокого, 5-го класса (по сравнению с армейскими чинами – выше полковника, хотя и ниже генерала); в виде исключения мог присваиваться и лицам, не состоявшим на государственной службе – за крупные благотворения или дары государству. Кандидат прав – лицо, окончившее юридический факультет университета и успешно защитившее дипломную («кандидатскую») работу. После введения университетского устава 1884 г. ученая степень кандидата в университетах больше не присваивалась.

² Слепки микеланджеловского «Моисея» (1515–1516, Рим, ц. Сан Пьетро ин Винколи), «Мадонны Медичи» (1531–1534) и 4-х фигур «Времен дня» (1520–1534) с надгробий в Капелле Медичи (Флоренция, ц. Сан Лоренцо) были заказаны Цветаевым в 1904 г. в парижской Школе изящных искусств, незадолго до того изготовившей свежие формы с оригиналов.

³ 21 декабря 1907 года Дмитриев писал Нечаеву-Мальцову:

«Ваше Высокопревосходительство Юрий Степанович.

Месяца два тому назад И.В.Цветаев сообщил мне о Вашем милостивом намерении пожаловать мне награду в воздаяние трудов моих, которые я нес все лето каждый день по делу вскрытия и переноски ящиков с памятниками искусства, пришедшими в разное время в числе свыше тысячи из-за границы. Я всю эту работу исполнил только с 2-мя служителями Музея Сергеем Тихоновым и Семеном Шестопаловым. Никаких других рабочих не было для этого

нимаемо. Только иногда, в случае громадной тяжести ящика (до 50 – 60 пуд.), мы приглашали помочь нам рабочих в Музее.

Я уже в свое время писал Ивану Владимировичу, что работа по вскрытию ящиков и по выемке оттуда упаковочного материала лишила меня всего моего платья.

Простите, Ваше Высокопревосходительство, что я, основываясь на сказанном мне еще в сентябре месяце, осмеливаюсь беспокоить Вас просьбою о милостивой помощи.

Письмоводитель Комитета Музея

Ив. Дмитриев»

(Колл. XXI, разд. I, ед. хр. 31. Публикуется впервые).

Вознаграждение Дмитриеву и служителям за эту работу, проводившуюся с 5 февраля по 1 октября 1907 г., по-видимому, не было дано, – по крайней мере, до 17 января 1908 г., когда Цветаев поставил вопрос об этой оплате уже на заседании Строительной комиссии (ф. 3, оп. I, ед. хр. 249, л. 1).

781

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5352.

¹ Оспедале дельи Инноченти (Госпиталь невинных, *ит.*) – Воспитательный дом, то есть сиротский приют, во Флоренции; постройка была начата в 1419 г. *Филиппо Брунеллески* (1377–1446); Андреа дела Роббиа выполнил рельефы для этого здания, в том числе упомянутое «Благовещение», в 1460-е гг.

² На парапете верхней площадки гранитной лестницы кроме тондо с Младенцем находится также слепок тондо «Поклонение Богоматери Младенцу» из Национального музея во Флоренции.

³ Замысел не был осуществлен. В таком виде Христианский дворик Музея еще больше напоминал бы двор палаццо Барджелло во Флоренции, украшенный скульптурными гербами лиц, возглавлявших в XIII – XIV вв. правительство Флорентийской республики.

⁴ О саркофаге римского консула Сципиона Барбата (III в. до н.э.), интересном своим архитектурным декором и стихотворной надписью, см. т. 2.

⁵ О статуе Нервы, римского императора 96 – 98 гг., см. т. 2 и илл. 75 там же.

782

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5353.

¹ *Журавлёв Михаил Николаевич* (1840–1917), миллионер из Рыбинска, владелец пароходов и производитель кумача; действительный член Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1.

² Речь идет о тех же деньгах, о которых говорится в письме 761; решение об их выдаче Музею было уже принято, но сами деньги пришли только в январе 1908 г.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5354.

¹ *Мальмберг Владимир Константинович* (1860–1921), специалист по древнегреческому искусству; директор Музея изящных искусств после смерти Цветаева. Подробнее о нем см. т. 1.

Мальмберг так поздно приступил к чтению курса лекций, потому что из-за канцелярских затруднений не смог вовремя выехать из Юрьева (ныне Тарту). Об этом рассказано в его письме к Цветаеву от 20 сентября 1907 г.: «На днях получена бумага о моем перемещении в Москву. Так как бумага пришла до 20-го [день выплаты жалованья] и в ней сказано, что я перевожусь с 2 сентября, то мне сегодня выдали жалованья за *один* день. На такие средства выехать нельзя, а потому я вчера послал доверенность А.В.Никитскому [московскому декану]. Как только получу деньги из Москвы, выеду» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1971. Публикуется впервые).

² *Горбов Николай Михайлович* (1859–1921), помещик, общественный деятель, меценат и литератор. Подробнее о нем см. т. 2. Его книга о Донателло, упомянутая ниже Цветаевым, вышла лишь через пять лет, в 1912 г. Его отец – *Горбов Михаил Акимович* (?–1894), потомственный почетный гражданин, мануфактурист, крупный подрядчик на строительстве железных дорог, один из учредителей Московского купеческого общества взаимного кредита и страхового общества «Якорь», член Совета Московской практической академии коммерческих наук. В конце жизни переводил и комментировал Данте (книга издана его сыном в 1898 г.).

³ Будучи с 1903 г. действительным членом Академии художеств, Цветаев готовился выехать в Петербург на ее собрание, на котором баллотировался в академики архитектуры Клейн. Избрание Клейна пройдет успешно, и Цветаев, много способствовавший этому, если не вообще инициировавший, с удовлетворением напишет 19 ноября 1907 г. Трею: «Моего главного пособника мне удалось возвысить до звания Ober-Hofmeister'a Двора Его Величества, а Клейна провести в академики архитектуры. Выше этих званий для того и другого нет на земле, а небесных почестей я раздавать не могу» (Цветаев – Трей. С. 245.)

⁴ Катеринки (*разг.*) – сторублевые ассигнации; именовались так по изображению на них Екатерины II. Нечаев-Мальцов привез Цветаеву 1000 руб. При переводе в Берлин это составляло после вычета комиссионного сбора 2143,5 марки. «Теперь я остаюсь Берлину должным только 500 марок», – писал Цветаев Трею месяц с небольшим спустя, 28 ноября 1907 г. (Цветаев – Трей. С. 247.)

⁵ Упомянутое письмо Цветаева Поленову сохранилось:

«24 октября 1907 г.

Дорогой

Василий Дмитриевич.

Ю.С.Нечаев-Мальцов занят делом проведения Клейна в академики архитектуры. Он вместе с Бенуа, Маковским и Боткиным возбудил вопрос еще весною.

Академия обратилась ко мне с предложением написать представление о Музее, что я и исполнил. Мой доклад теперь напечатан и разослан Членам Академии.

Юрий Степанович и я бьем Вам челом написать *немедленно* Секретарю Академии (Господину Секретарю ИАХ) *казачьим письмом* бумагу с заявлением Вашего голоса. Баллотирование назначено на 29 сего октября. Пожалуйста. Нет ли между Членами Академии у Вас друзей? Черкните к ним.

Я обещал написать Вам, свой голос везу сам. Из Академии на этих неделях приезжало несколько профессоров в Москву, были в Музее и на стройке дома Мерилиза, производимой Клейном. Говорят, что занял враждебную позицию весною Померанцев, с начала дела обиженный, что не ему отдали Музей; но ведь я писал ему о помощи еще в 1895–96 годах. Он же не удостоил меня даже ответом в 2 строчки. Юрий Степанович с ним, говорят, поборился в Академии. Когда Вы в Москву?

Сердечно жму Вашу руку. Успеха в работе.

Преданный Вам

И. Цветаев

Полное имя кандидата:

Архитектор Роман Иванович Клейн» (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6130. Публикуется впервые).

Осмотр академиками строящегося универсального магазина торгового дома «Мюр и Мерилиз» был связан с тем, что это – первое в России крупное здание из железобетона, отличавшееся, к тому же, и многочисленными новшествами по части оборудования (упоминаемые всеми пишущими об этом здании два электрических лифта для посетителей были даже не главной, а лишь наиболее запоминающейся новинкой).

⁶ *Мосолов Николай Семенович* (1847–1914), член Академии художеств; художник-офортист и давний жертвователь Румянцевского музея и университетского Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1.

⁷ *Цветков Иван Евменьевич* (1845–1917), действительный член Академии художеств (с 1903 г.); меценат и коллекционер. Обещал Цветаеву передать в создаваемый им Музей свою коллекцию русской живописи (см. т. 1). В 1909 г. изменил решение и завещал ее вместе со специально выстроенным зданием картинной галереи городу Москве.

⁸ *Гримм Герман Давидович* (1865–1942), академик архитектуры с 1895 г.; являлся в 1897 г. победителем проводившегося Академией художеств конкурса на проект здания Музея изящных искусств. Поскольку именно это здание являлось главным поводом для выдвижения кандидатуры Клейна на звание академика, сравнение фотографий, очевидно, должно было показать самостоятельность его работы.

784

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5355.

¹ 19 ноября 1907 г. Цветаев сообщил Трею о посылке из средств Нечаева-Маль-

цова 1000 рублей (2143,5 марки) – «для уменьшения долга» перед Альбертиным – и такой же суммы Берлинскому музею (Цветаев – Трей. С. 244).

² Цветаев и Нечаев-Мальцов виделись в Петербурге 29 октября на заседании Академии художеств. Их следующая встреча в Москве, 17 ноября (см. начало письма), очевидно, была такой короткой, что Цветаев не успел рассказать, чем окончилась его тогдашняя поездка. 18-го Нечаев-Мальцов вновь уезжал в Петербург, по-видимому, направляясь туда из Владимира (14 ноября он обычно присутствовал в качестве почетного попечителя на актовом заседании во Владимирском ремесленном училище им. И.С.Мальцова).

³ Из двух Кузнецовых, служивших в то время в Департаменте гражданской отчетности Государственного контроля, подразумевается, по-видимому, *Кузнецов Николай Николаевич*. Сохранилось подписанное «Н.Кузнецов» письмо к Цветаеву от 25 октября 1912 г. с благодарностью за присылку Путеводителя по Музею изящных искусств (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1698). Ср. также следующий комментарий.

⁴ *Маликов Александр Иванович*, действительный статский советник, генерал-контролер Департамента гражданской отчетности Государственного контроля; имеется его письмо к Цветаеву от 23 октября 1912 г. с благодарностью за присылку Путеводителя (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1957). В 1912 г. он еще сохранял ту же должность; в 1917 г. уволен Временным правительством с поста товарища государственного контролера. (Благодарим Ю.Г.Волхонского за наведение справки о чиновниках Государственного контроля по состоянию на 1907 г.)

⁵ Цветаев вспоминает о временах, когда Н.А.Зверев был товарищем министра народного просвещения (1898–1901).

⁶ *Солдатёнков Козьма Терентьевич* (1818–1901), предприниматель, благотворитель и меценат; с 1862 г. ежегодно перечислял Румянцевскому музею 1000 руб. Подробнее о нем см. т. 1.

785

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5355^а.

¹ *Арсеньев Дмитрий Степанович* (1832–1915), генерал-адъютант, адмирал, член Государственного Совета в 1901 – 1906 и 1909 – 1915 гг. В прошлом участник Среднеазиатских военных походов (1859–1860), Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и многих морских плаваний; начальник Николаевской морской академии в Петербурге (1882–1896) и директор Морского училища. Мемуарист.

Как бывший воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровича адмирал Арсеньев оставался близким человеком для великой княгини Елизаветы Федоровны и, вероятно, поэтому был привлечен ею к делам, касающимся Музея.

² В качестве главной принадлежности Центрального зала статуя Александра III, имя которого носил Музей, была предусмотрена еще в проекте здания, утвержденном императором Николаем II весной 1898 г. (см. т. 1, с. 88). Царь

просил показать ему в свое время эскиз и готов был оплатить исполнение статуи к открытию Музея. В итоге, однако, весьма уже пожилой скульптор А.М.Опекушин, взявший заказ, не нашел сил и времени выполнить его.

³ С 1904 г. постоянной резиденцией Николая II был Александровский дворец в Царском Селе, а не Зимний дворец в Петербурге.

⁴ Об этом неосуществленном замысле говорится, под немного иным названием («Предстояние России вблизи своего особо чтимого и любимого царя»), в т. 2, письмо 518.

⁵ Мраморный пол Центрального зала был уже обещан Нечаевым-Мальцовым в ноябре 1904 г. (см. т. 3, письмо 627 и комм. 1 к нему). Последующие финансовые трудности поставили под вопрос выполнение этого обещания; 18 декабря 1907 г. Нечаев-Мальцов вновь решил на соответствующие расходы (см. комм. 9 к письму 773).

786

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5356.

787

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5357.

¹ Письмо Е.Н.Самариной от 1 декабря 1907 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 245, л. 43–44 об.)

² Время правления римского императора *Октавиана Августа* – 27 г. до н.э. – 14 г. н.э.

³ Речь идет об известном греческом мифе: опасаясь гнева своей жены Геры, Зевс превратил свою возлюбленную Ио, дочь аргосского царя Инаха, в белоснежную телку. Однако Гера потребовала ее себе и приставила к ней сторожем многоглазого великана Аргуса. Посланный Зевсом вестник богов Гермес, усыпив Аргуса игрой на свирели, убил его.

⁴ *Ино* – сестра матери Вакха.

⁵ Фарнезина – построенная в начале XVI в. вилла папского банкира Агостино Киджи, знаменитая фресками Рафаэля и его мастерской; свое название получила в конце XVI в., когда принадлежала кардиналу Алессандро Фарнезе. Находится в западной части старого Рима, между Яникульским холмом и Тибром.

788

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5358.

¹ Крещение – 6 января ст.ст.

² Православная Пасха в 1908 г. была 13 апреля ст.ст.

³ *Кекуле фон Страдолиц Рейнхард* (1839–1911), заведующий отделением древностей Берлинских музеев с 1889 г. и профессор Берлинского университета с 1890 г.

⁴ *За границей Рождество* – то есть 25 декабря н.ст.

789

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5359.

¹ Первая жена Клейна – *Наталья Андреевна*, урожденная Бек (1864–1911); дочь – *Екатерина Романовна* (1885–1919), в замужестве – Сенявина.

² *Шехтель Федор (Франц) Осипович* (1859–1926), академик архитектуры, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств; жил на углу Трёхпрудного и Ермолаевского переулков.

³ *Фишер Карл Андреевич* (1859 – после 1923), фотограф, сотрудничавший с Цветаевым с начала 1890-х гг. Подробнее о нем см. т. I. О каком альбоме идет здесь речь, достоверно неизвестно. Возможно, о фотографиях Музея, предназначенных для ознакомления высокопоставленных лиц, которых Нечаев-Мальцов надеялся посетить за границей с целью исклопотать какие-либо льготы при заказе слепков или дары.

⁴ Здесь подразумевается православное Рождество: 25 декабря ст.ст.

⁵ Вопросительный знак в скобках после числа «22» принадлежит Цветаеву. В действительности в колоннаде центральной лестницы Музея 34 металлические базы – у 8 пилонов, 20 колонн и 6 пилястров.

790

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5360.

¹ Типограф *Меньшов Козьма Леонтьевич* ранее несколько раз печатал отчеты Румянцевского музея. Его типография, неоднократно переезжавшая, в 1907 г. находилась по адресу: Арбат, Никольский пер., 31.

² *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920), один из лидеров монархического «Союза русского народа», впоследствии основатель «Союза Михаила Архангела», в 1916 г. участник убийства Г.Е.Распутина; политик крайне правого толка; депутат II, а затем III и IV Государственных Дум; славился эпатажными выходками и чрезвычайно быстрой речью. Его лекция 17 декабря 1907 г. называлась «О современном русском университете и его "героях"».

³ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911), министр внутренних дел с апреля 1906 г. до конца жизни, с июля 1906 г. также председатель Совета министров; в прошлом гродненский (1902–1903) и саратовский (1903–1906) губернатор.

⁴ Телеграмма участников монархического собрания была написана в поддержку статьи ведущего публициста газеты «Новое время» *Михаила Осиповича Меньшикова* (1859–1918) «Чем быть школе», содержавшей резкую критику деятельности Министерства народного просвещения и особенно товарища министра, О.П.Герасимова. В телеграмме, в частности, говорилось: «Сил нет больше терпеть издевательства Герасимова, опутавшего Кауфмана и обратившего министерство в осиное кадетское гнездо, сплоченное единством борьбы с Царем и Правительством. <... > Каждый день существования нашего министерства вызывает в нас только изумление и недоумение. <... > Это не просвещение, а разврат народа посредством школы» (Московские ведомости. 1907. 19 декабря).

С. 3. Стб. 4). Телеграмма не осталась без последствий: 1 января 1908 г. руководители Министерства народного просвещения были отправлены в отставку.

791

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5361.

¹ Речь, по-видимому, только о Марине и Анастасии. Валерия Ивановна с августа 1907 г. жила в Козлове, где служила учительницей женской гимназии.

² «Самоедами» прежде называли ненцев и родственные им народности Севера; название, по-видимому, происходит от слова «саами», которым в действительности именуется себя другой северный народ – лопари (лапландцы), проживающий западнее: на севере Норвегии и Финляндии и на Кольском полуострове. Похоже, что Цветаев подразумевает именно лапландцев.

792

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5362.

¹ Письмо в ОР ГМИИ не выявлено.

² Митава – ныне г. Елгава в Латвии.

³ Более подробными сведениями о горном инженере *Карле Блуменау*, служившем в фирме Г.А.Листа и руководившем добычей мрамора для Музея на Урале, мы не располагаем. Упоминания о нем см. в т. 1–3.

793

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5363.

¹ Большую часть потолка Христианского дворика занимает огромный стеклянный плафон; лишь сравнительно небольшая зона вдоль стен имитирует своей формой средневековые и раннеренессансные деревянные потолки. На стадии проекта это вызвало недоумение Цветаева: «Статуя Коллеоне под деревянным потолком? – писал он Клейну 18 мая 1907 г. – Или портал собора под деревянным потолком? Будет пестро и для такого огромного помещения негармонично» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 230). Но его опасения оказались напрасны.

² Речь идет, разумеется, о наличнике двери; сама дверь в Эрехтейоне не сохранилась. Как раз в связи с воспроизведением в Музее этого ионического обрамления двери по соседству с колоннами римского типа Цветаев высказал Клейну летом 1907 г. большие сомнения, предложив ряд переделок в оформлении лестничной клетки в целом. «Сейчас же выходит колоссальный греко-римско-итальянский винегрет, которого Вам перед научную критикой никак не отстоять. <...> У Вас в Вашем мире много врагов. Вы должны быть осторожны. Повторяю дружески, не делайте крошки из разных стилей...» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 234). Ответ Клейна приводим полностью, поскольку он важен для понимания его творческого метода и стиля.

«Июня 21 дня 1907 года.

Дорогой Иван Владимирович!

Очень Вам благодарен за участливое письмо и дружеские советы. Но перед тем, чтобы приступить к ломке моего произведения, я еще раз строго обдумал Вашу критику и пришел к убеждению, что ее выводы не вполне основательны.

Когда я приступил к компоновке здания Музея, то с первого дня в моем воображении рисовалось римское здание с греческими деталями, и поныне не могу представить себе другого приема. Соответственно наружному виду и проектировалась внутренняя лестница и залы. Лестница тоже по приему римская с греческими деталями. Цветной материал колонн существенного значения не имеет, так как всякому материалу можно придать желательный стиль и характер. Когда нас учили компоновать в каком-либо стиле, то профессора никогда не указывали, что нужно целиком хватать памятник или часть его и переносить на бумагу, с тем чтобы потом назвать его своим произведением. Учили нас разбираться в пропорциях, в духе зодчего и эпохе для того, чтобы при компоновке пользоваться характерными чертами памятника. Например, Шинкель выстроил в Берлине музей и театр, обработав их тоже в греческом стиле, хотя не существует ни одного греческого многоэтажного здания в древнем мире. Прием как музея, так и театра римские, а детали греческие; у музея карниз даже из Эрехтейона, только совершенно переработан, хотя концепция *совершенно* греческая. И я твердо убежден, что лестница Музея создана архитектурно правильно; может быть, есть недостатки, связанные со вкусом, это дело спорное, тут я не судья.

Что же касается грамотности и гармонии, то я очень огорчен, что после 10-летней совместной работы у Вас вселилось недоверие ко мне в этом отношении.

На лестнице, кроме деталей Эрехтейона, не встречается никакой примеси другого стиля, а винегрет и окрошка бесконечно разнообразны по составу и концепции, как это у всякого из нас свежо в памяти по случаю летней поры.

Вы сами знаете, что чем у человека круг деятельности шире, тем более у него недоброжелателей, которых я не боюсь и считаться с ними [не] привык. Если мои враги усмотрят в результате моих трудов винегрет или окрошку, то это указывает на болезненное отклонение в их зрительных и вкусовых ощущениях, в чем я никоим образом не могу считать себя виновным.

Пожелав Вам доброго здоровья,
остаюсь всегда преданный

Р.Клейн».

(Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1504 а. Публикуется впервые.) Дата проставлена в письме явно по описке: вместо «21» должно быть «24» или «27», поскольку Клейн отвечает на Цветаевское письмо от 23 июня.

³ Барон *de Бай Амур-Огюст-Жозе-Бертелло* (1853–1931), французский историк, специалист по археологии Кавказа, Урала и Сибири; начиная с 1890 г. ежегодно

проводил в России несколько месяцев (а впоследствии прожил в ней непрерывно с 1914 по 1921 г.).

⁴ Имеются в виду зал Венеры Милосской и Лаокоона и зал Ниобид.

794

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5364.

¹ Упомянутая телеграмма нам неизвестна. Сохранился ответ Клейна на нее, посланный по телеграфу в Петербург 27 декабря 1907 г.: «Когда прикажете приехать. Клейн» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1504. Публикуется впервые).

² *Опекушин Александр Михайлович* (1838–1923), автор памятников Пушкину в Москве (1880), Лермонтову в Пятигорске (1889) и др.; в это время работал над статуей Александра III для памятника рядом с храмом Христа Спасителя в Москве.

³ Об этом неосуществленном замысле см. т. 1.

1908

795

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4695, автограф на бланке Музея. Это и последующие письма Цветаева по 5 февраля 1908 г. включительно сохранились в оригиналах и по неизвестной причине не были внесены переписчиками в соответствующую книгу копий.

¹ Имеется в виду дарование Николаем II Музею стоимости статуи Александра III. Письмом от 3 января 1908 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 250, л. 11) управляющий кабинетом царя действительно уведомил Нечаева-Мальцова об этом даре. В письме устанавливались стоимость в 15 тыс. руб. и исполнитель – Опекушин. Говорилось также, что покойный император должен быть изображен с непокрытой головой, спокойно стоящим, заложив палец за борт сюртука, и что эскиз надо представить царю на утверждение. Контракт Комитета по устройству Музея с Опекушиным от 25 февраля 1908 г. см. там же, л. 1–6.

² Заседание Комитета состоится 25 января 1908 г. Это будет его первое отчетное собрание за три года после гибели председателя Комитета, великого князя Сергея Александровича.

³ Речь идет об умершем 28 октября 1907 г. члене-учредителе Комитета по устройству Музея *В.А. Грингмуте* (1845–1907). Подробней о нем см. т. 2.

⁴ *Будилович Антон Семенович* (1846–1908), редактор «Московских ведомостей» с 1 января 1908 г., ученый-славист. Был деканом историко-филологического факультета Варшавского университета (1881–1892) и ректором Юрьевского университета (1892–1901). Публицист славянофильского и монархистского направления.

⁵ Попрасиднством (*церк.-слав.*) называются в церкви дни (обычно от 1 до 8, после Пасхи же – 39 дней), служащие в богослужебном отношении продолжением праздника.

⁶ Подразумевается *И.И. Нивинский*. См. о нем комм. 2 к следующему письму.

⁷ Центральная городская телефонная станция в Милютинском пер. (архитектор Адольф Эрихсон); ее первая очередь открылась в 1902 г. *Телефонное общество* – Шведско-датско-русское акционерное общество, получившее с конца 1900 г., сроком на 18 лет, концессию на эксплуатацию и расширение московской телефонной сети, созданной за предшествовавшие 18 лет международной компанией Белла.

796

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4696, автограф на бланке Музея.

¹ Цветаев, по-видимому, говорит о дверях, ведущих из вестибюля в залы налево и направо (Египетский и Антикварий) и с верхней площадки лестницы в Пергамский и Олимпийский залы.

² *Нивинский* – правильно: *Нивинский Игнатий Игнатьевич* (1880/81–1933). Выпускник (1898) и преподаватель (1898–1905) Строгановского училища. В 1905–1912 гг. работал над декоративной росписью интерьеров Музея. Сохранились его счета (ф. 3, оп. I, ед. хр. 212). После 1912 г. Нивинский известен своими оформками и оформлением театральных спектаклей, среди которых – вахтанговская «Принцесса Турандот» (1922).

³ Цветаев сам был в Неаполе, когда там производилась эта обивка стен – см. т. 2, с. 244 и 252.

⁴ Задержавшаяся поездка Клейна в музеи Германии состоится лишь в середине апреля, на православную Пасху.

797

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4697, автограф на бланке Музея.

¹ *Игнатьев Алексей Алексеевич* (1877–1954), родственник Нечаева-Мальцова с материнской стороны. Участник Русско-японской войны, полковник; с января 1908 г. назначен военным агентом (атташе) в Дании, Швеции и Норвегии. С 1912 г. военный агент во Франции. Автор популярных в советское время мемуаров «50 лет в строю». Первым браком был женат на *Охотниковой Елене Владимировне* (1888–1975).

798

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4698, автограф на бланке Музея.

¹ *Гершельман Сергей Константинович* (1854–1910), участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. Командующий Московским военным округом с января 1906 г., московский генерал-губернатор с середины 1906-го до весны 1909 г. В дальнейшем командующий Виленским военным округом. Его жена – *Александра Васильевна*, урожденная Познанская (1861–1936).

² Дерпт (*нем.* Дорпат) – старое, до 1890-х гг. название Юрьева; ныне г. Тарту.

³ Следующий четверг был 24 января. Визит Гершельмана в строящийся Музей в этот день также не состоялся.

⁴ Подразумевается Ваганьковское кладбище в Москве. Участок, на котором были похоронены М.А.Цветаева и ее отец А.Д.Мейн, был приобретен А.Д.Мейном для погребения его рано умершей первой жены *Марии Лукинишни*, урожденной *Бернацкой* (1840–1868), матери М.А.Цветаевой. Права на эту землю после его смерти перешли к его второй жене, С.Д.Мейн. Впоследствии сам Цветаев был похоронен на этом же участке.

⁵ Телеграмма великой княгине Елизавете Федоровне с пожеланием выздоровления была послана.

799

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4700, автограф на бланке Музея.

¹ Неизвестно, в каком виде послал Цветаев Нечаеву-Мальцову свою Записку: перепечатанной на машинке или уже в корректурных листах типографского набора. Позже она вышла под заглавием: Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января проф. И.Цветаевым. М., 1908.

² В связи с этим объявлением о даровании царем стоимости статуи Александра III на заседании присутствовал и скульптор Опекушин, а в абсиде Центрального зала был установлен деревянный «манекен», обозначающий место и примерные размеры будущей скульптуры (Комитет МИИ 1908. С. VII первой пагинации).

³ *Оболенский Николай Дмитриевич* (1860–1912), генерал-адъютант, управляющий Кабинетом Его Величества, фактически исполнявший также обязанности товарища министра Двора и Уделов. Как явствует из документов, телеграмма благодарности в действительности предназначалась царю, Оболенский лишь должен был передать ее.

⁴ Избрание новых членов не отражено в печатных отчетах о заседании, но отмечено в протоколе как состоявшееся (ф. 2, оп. I, ед. хр. 295).

⁵ «Эрмитаж» – ресторан на Трубной пл. (с 1989 г. – здание театра «Школа современной пьесы»), белоколонный зал которого служил местом проведения наиболее роскошных юбилейных банкетов. Обед для участников заседания состоялся, см. письмо 803. Соответствующих объявлений в газетах не было.

800

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4699, автограф на бланке Музея.

¹ Упомянутое письмо Уваровой нам неизвестно. По-видимому, она предупредила, что не сможет быть на заседании Комитета. В протоколе нет ее имени в списке присутствовавших.

801

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2418а, телеграмма. Адресована в дом Цветаева в Трёхпрудном пер. Карандашный текст обведен чернилами (Цветаевым?), в подписи едва читались только буквы Ю и Й.

¹ ...в белых – подразумевается, по-видимому – перчатках.

² Примечание Цветаева: «На дворянские выборы».

802

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4701, автограф на бланке Музея.

¹ В разосланных заранее повестках было указано: «Подъезд с задн[его] фасада Музея» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 295, л. 2).

² Для предотвращения загрязнений и царапин дорогие мраморы лестничной клетки укрывали до окончания работ бумагой.

³ Согласно протоколу, вместо Клейна с сообщением по этому вопросу на заседании выступил Нечаев-Мальцов. Смысл его выступления передан Цветаевым в начале письма 804.

⁴ Речь идет о хозяйственных расходах по содержанию конторы стройки.

803

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4702, автограф на бланке Музея.

¹ Э. Садоп с 1906 г. уже не заведовал формовочной мастерской парижской Школы изящных искусств, а жил на покое в г. Компьень. Но, так как его расчеты со Школой не могли завершиться, пока московский Музей не расплатится за выполненные Садопом заказы крупных слепков, он в течение 1907 – 1908 гг. тоже, помимо нового заведующего мастерской, не раз торопил Цветаева письмами (см. ф. 2, оп. I, ед. хр. 215, л. 58, 53 и 55, 54, 77, 76 – перечисляем в хронологическом порядке).

² Лукин – репортер газеты «Московские ведомости»; упоминания о нем см. также в т. I; биографических сведений не найдено.

³ Московские ведомости. 1908. 26 января. С. 4. Стб. 1–2. Тот же текст, с исправлением нескольких неточностей и добавлением 3 новых абзацев в конце, использован в качестве предисловия к брошюре Цветаева, указанной в комм. I к письму 799.

804

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4703, автограф на бланке Музея.

¹ Цветаев подразумевает, что надо в первую очередь расставить экспонаты в ближайших к Центральному залу и парадной лестнице помещениях, тогда как более удаленные залы в крайнем случае можно было бы на торжественном открытии и не показывать.

² Здесь, очевидно, стихотворная цитата, однако ее источник установить не удалось.

805

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4704, автограф на бланке Музея.

¹ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), один из сыновей покойного члена-

учредителя Комитета по устройству Музея Д.Ф.Самарина. Московский губернский предводитель дворянства в 1908 – 1915 гг., в дальнейшем – обер-прокурор Святейшего Синода (1915).

² Подразумеваются «черные шары», то есть голоса, поданные против.

³ *Волконская Зинаида Александровна* (1792–1862). Подробнее о ней и подписанном ею проекте Эстетического музея при Московском университете (издан в 1831 г.) см. т. 1, а также: *Баранов А.Н.* «Забывтая кафедра». О преподавании истории искусств в Московском университете в первой половине XIX в. // *Тропининский вестник*. Вып. III. М., 2005. С.139 – 154. Автором проекта в действительности был *Шевырёв Степан Петрович* (1806–1864).

⁴ *Голицын Дмитрий Владимирович* (1771–1844), князь, московский военный генерал-губернатор в 1820 – 1841 гг. Согласно известным Цветаеву публикациям историка Н.П.Барсукова, шевырёвский проект музея еще до того, как он был подписан Волконской, широко обсуждался в московских гостиных и в частном порядке докладывался генерал-губернатору.

⁵ «Дворянами от колокольни» иронически называли дослужившихся до дворянского звания выходцев из духовного сословия.

⁶ Дворянством Московской губернии было подарено Музею воспроизведение полного вооружения римского легионера.

806

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4705, автограф на бланке Музея.

¹ Телеграмма Н.Д.Оболенского известна нам только по цветаевскому пересказу в следующем письме.

² Стекланного покрытия, то есть витрины, для слепка раки св. Зебальда сделано не было.

807

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5365. С этого места начинается нынешняя 13-я книга изготовленных по заказу Цветаева копий его писем к Нечаеву-Мальцову. Судя по старой нумерации листов, первоначально она была едина с книгой 11, содержащей копии писем за 1906 г., и отделялась от них только внутренним титульным листом с заголовком «Письма 1908 года». Письма же за 1907 год были вписаны иным почерком в другую, отдельную книгу.

¹ *Заклеят бумагой* – для предохранения от пыли и другого строительного мусора.

² О слепке «Райских дверей» *Лоренцо Гиберти* (ок. 1381–1455) см. т. 2 и илл. 29 там же.

³ *Проф. И.Цветаев*. Музей изящных искусств имени Императора Александра III. (Из Записки, читанной в годичном заседании Комитета Музея 25 января)//*Московские ведомости*. 1908. 14 марта. С. 2–3; 19 марта. С. 2–3.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5366.

¹ Найти цитируемое Цветаевым письмо и установить его автора не удалось.

² Подразумевается 8-бальное землетрясение в Самарканде 9 октября 1907 г. *Фаянсы* – облицовка глазурованными кирпичами.

³ Общество востоковедения (с 1910 г. – императорское), основано в Петербурге в феврале 1900 г. переводчицей-востоковедом *Лебедевой Ольгой Сергеевной* (1854 – после 1909), имело отделения в Ташкенте, Хабаровске и др.

⁴ *Дудин Самуил Мартинович* (1863–1929), живописец и график, ученик Репина. В юности – революционер-народоволец; затем – художник и фотограф этнографических экспедиций в Средней Азии и Казахстане; один из основателей Этнографического отдела Русского музея в Петербурге (в настоящее время – Российский этнографический музей).

⁵ Неясно, приводятся ли дальше адресованные прямо Цветаеву строки Дудина об изготовлении слепков для московского Музея или же, скорее, цитируется его официальная записка, касающаяся реставрации самаркандских памятников.

⁶ Шах-Зинде (Шах-и-Зинда) – выдающийся комплекс мавзолеев XIV – XV вв. и других культовых построек на северо-востоке Самарканда, сформировавшийся вокруг почитавшейся святыни – мавзолея одного из родичей пророка Мухаммеда, Кусам-ибн-Аббаса (мавзолей известен с XI в., перестроен в XIV – XV вв.).

⁷ *Столяров Михаил Васильевич*, художник-реставратор и коллекционер; после 1917 г. – один из дарителей нового московского музея «Ars Asiatica» (в настоящее время – Государственный музей Востока).

⁸ Музей Александра III – ныне Государственный Русский музей. Под «отливками» подразумеваются, очевидно, слепки, изготовленные для его Этнографического отдела.

⁹ О «трехнефном зале, предназначенном служить резервом на будущие времена для индийского искусства» упоминается в цветаевской брошюре 1907 г. к юбилею Нечаева-Мальцова (см. комм. 3 к письму 760), на с. 8, и в его же статье к этому юбилею в «Новом времени» (см. Приложение). Не будучи сам знатоком восточных культур, Цветаев хорошо понимал необходимость коллекционирования азиатского искусства и его представления русской публике; по возможности он побуждал к деятельности в этом направлении людей со средствами (см. т. 1, комм. 19 к письму 1). Однако, за исключением отдела искусства Древней Передней Азии, Цветаев вполне справедливо не считал первоочередной задачей ни для Москвы, ни для себя лично создание отдела (и тем более целого музея) азиатских культур. Лишь в 1913 г., уже после открытия Музея, приобретением коллекции среднеазиатской керамики XII – XV вв. и армянской орнаментированной рукописи в нем было положено начало отделению христианского и мусульманского Востока. Экспонаты этого отделения в советское

время были переданы в Музей Востока. Индийская же скульптура появилась в ГМИИ им. А.С.Пушкина в 1960-е гг. благодаря дару индийской правительственной делегации.

¹⁰ Слепки самаркандских порталов для московского Музея заказаны не были.

¹¹ Упомянутая телеграмма Нечаева-Мальцова нам неизвестна.

809

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5367.

¹ Подразумевается Королевский музей монументального искусства в составе созданного по случаю юбилея бельгийского государства Музея Пятидесятилетия в Брюсселе. (Бельгия существует как независимое государство с 1830 г.) В дальнейшем Цветаев посетил этот музей летом 1911 г. и, пораженный богатством гипсолитейных форм, имевшихся в его мастерских, заказал сразу же 150 слепков. В Брюсселе был, в частности, приобретен и слепок пизанской кафедры Никколо Пизано – экспонат, который Цветаев считал одним из самых необходимых для московского Музея.

² По письму 722 можно установить, что Цветаев проезжал через Бельгию (в частности, через порт Остенде) в 1895 г., на обратном пути из Англии.

³ Люттих – принятое в русской литературе XIX – начале XX в. немецкое название Льежа, одного из крупнейших бельгийских городов. Находящаяся в романской церкви Св. Варфоломея (XII в.) бронзовая крестильная купель отлита ювелиром Ренье из Юи между 1107 и 1118 гг. для другой льежской церкви, Нотр-Дам-о-Фон. Пять рельефов с пояснительными надписями расположены на цилиндрической наружной поверхности купели как бы сплошным фризом, не разделенные какими-либо орнаментами или обрамлениями. Сюжеты таковы: Крещение Христа, Проповедь Иоанна Предтечи, Крещение им мытарей, Крещение Иоанном Евангелистом философа Кратона, Крещение Петром сотника Корнелия. Купель опиралась на фигурки 12 быков, большей частью утраченные. Слепок с выполнением этих деталей экспонируется в Средневековом зале московского Музея.

⁴ О Гильдесгеймской купели (ок. 1240–1250) и ее слепке см. т. 3 и илл. 27 там же.

⁵ Соответствующее письмо в ОР ГМИИ не выявлено.

⁶ Письмо хранителя Королевских музеев, секретаря Бельгийской королевской комиссии по иностранным связям Анри Руссо от 2 марта (н.ст.) 1908 г. сохранилось (ф. 2, оп. I, ед. хр. 303, л. 1). Брошюра – *Rousseau H. Les Fonts baptismaux de Saint-Barthélemy á Liege. Court-Saint-Etienne, 1905.*

⁷ О посещении Цветаевым Гильдесгейма и двух местных музеев см. т. 3, письмо 665. Согласно старым путеводителям, слепки с некоторых произведений скульптуры имелись в находившемся недалеко от собора Рёмеровском музее, более известном, впрочем, своими геологическими и палеонтологическими экспонатами.

810

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5368.

¹ Братья Бонди – владельцы фабрики в Синье, изготовившей копию донателловской кантории. См. о них т. 2.

² О перечисленных слепках см. т. 2 и 3, в том числе т. 2 – илл. 47, 46 и 39, т. 3 – илл. 24 и 25, 23, 26. Слепок конной статуи Коллеони установлен в Христианском дворике, упомянутой кафедры *Бенедетто да Майано* (1442–1497) – в зале итальянского Возрождения XV в., остальные слепки – в Средневековом зале.

³ Пол Римского зала – наливной из терраццо, но напоминает своим крупным простым рисунком античные полы из цветного мрамора.

811

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5369.

¹ Сергею Дмитриевичу Шереметеву принадлежали имения в 11 губерниях, в том числе подмосковные Останкино, Кусково, Остафьево. Членом Комитета Шереметев не стал. В 1910 г. Цветаев надеялся получить для Музея что-либо из его коллекций (см. ф. 14, оп. III, ед. хр. 208), но это не состоялось.

Ниже упоминаются трое из шести сыновей Шереметева: *Борис* (1872–1946 или 1952), *Петр* (1876–1914) и *Сергей* (1878–1942).

² Здесь в рассказе неизвестного нам цветаевского собеседника явная путаница, так как *Дмитрий Сергеевич Сипягин* (1853–1902) был министром внутренних дел в 1900 – 1902 гг., а Савва Иванович Мамонтов как раз в эти годы находился под судом, будучи банкротом с 1899 г. Это, кстати, помешало ему, одному из членов-учредителей Комитета по устройству Музея изящных искусств, оказать Музею какую-либо материальную поддержку.

³ *Салтыкова-Головкина* – возможно, княжна *Екатерина Алексеевна*, владелица дома 5 по Пречистенке (1901); упоминается в письмах С.А. Толстой к Л.Н. Толстому (М., 1936. С. 477, 478, 482).

⁴ *Грузинская*, княжна или княгиня. О ком идет речь, установить не удалось.

⁵ *Миткова Евгения Николаевна* (ок. 1830/35–?), в первом браке *Калайдович*, благотворительница, член Общества по распространению полезных книг; младшая дочь известного издателя, типографа и литератора *Селивановского Николая Семеновича* (1806–1852).

В настоящее время известна, главным образом, в связи со следующим обстоятельством: после смерти матери (1896) Миткова короткое время владела родительской дачей возле Симонова монастыря, в беседке которой, по преданию, в 1792 г. Н.М. Карамзин написал повесть «Бедная Лиза»; однако она продала эту дачу Бельгийскому акционерному обществу, выстроившему здесь в 1899 г. электромеханический завод (впоследствии – «Динамо»).

⁶ Среди сохранившихся писем Самариной данного письма не имеется.

812

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5370.

¹ Согласно протоколу, 3 марта 1908 г. Нечаев-Мальцов был «единогласно признан почетным членом» Общества. См.: Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 22. М., 1909. С. 295, пункт 4.

² *Чуров Александр Иванович* (1842–1908), организатор Общества распространения технических знаний (1869); профессор политэкономии и статистики в Московском университете в 1878 – 1899 гг., один из основоположников российской статистики, член-корреспондент Академии наук (1887). Публицист либерально-народнического направления.

³ Имеется в виду поздравительный адрес Комитета Нечаеву-Мальцову в день юбилея его государственной службы. См. Комитет МИИ 1908. С. I–V третьей пагинации.

813

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5371.

¹ То есть статуи вместе с пьедесталом.

² В рукописи оставлен пробел для фамилии художника.

³ Соответствующие письма Цветаева и Васнецова нам неизвестны. Излагаемый далее замысел живописного панно для апсиды Центрального зала Музея не осуществился.

⁴ *Ярослав Мудрый* (ок. 978–1054), великий князь Киевский в 1016 – 1018 и 1019 – 1054 гг.; с его именем связывают начало составления древнерусского правового кодекса – Русской Правды.

⁵ *Нестор* Летописец (кон. XI – нач. XII вв.), монах Киево-Печерского монастыря, считающийся одним из авторов начальной русской летописи – «Повесть временных лет».

⁶ *Петр I* (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый император всероссийский (с 1721 г.).

⁷ *Карамзин Николай Михайлович* (1766–1826), поэт и писатель-сентименталист, автор «Истории государства Российского» в 12 томах.

⁸ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879), профессор и в 1871 – 1877 гг. ректор Московского университета, академик, автор «Истории России» в 29 томах.

⁹ *Забелин Иван Егорович* (1820–1908/9), товарищ председателя Исторического музея, почетный академик, автор исследований «Домашний быт русских царей в XVI – XVII вв.», «Домашний быт русских цариц в XVI – XVII вв.», «История города Москва» и др.

¹⁰ В.М.Васнецов работал над живописью несохранившегося Александроневского собора в Варшаве с 1900 по 1912 г.

¹¹ Масленица в 1909 г. приходилась на 9 – 15 февраля ст.ст.

Выставка религиозной живописи Васнецова в Музее изящных искусств не состоялась, она проходила в Историческом музее в феврале 1910 г. Экспониро-

вались эскизы для собора в Варшаве и для церкви в Гусе-Хрустальном. См. *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России 1900 – 1910-х годов. М., 1988. С. 244.

814

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5372.

¹ Князь *Львов Алексей Евгеньевич* (1850–1937), директор Московского училища живописи, ваяния и зодчества в 1896 – 1917 гг.

Инспектором Училища (заместителем директора) был историк искусства *Владимир Егорович Гиацинтов* (1858–1933), являвшийся также с 1900 г. (с перерывами) приват-доцентом Московского университета по кафедре теории и истории искусств; в начале 1920-х гг. Гиацинтов был и.о. директора Музея изящных искусств.

² Телеграмма Клейна от 28 февраля 1908 г. не сохранилась.

³ Жена адмирала *Д.С.Арсеньева – Варвара Владимировна*, урожденная Скарятина (1844–1906).

⁴ М.А.Цветаева завещала своим детям, Марине и Анастасии, около 100 тыс. руб. (см. письмо 722). Цветаев распорядился этими суммами на правах опекуна дочерей, обязанного представлять регулярные отчеты о расходовании в Московскую дворянскую опеку.

По поводу своих вынужденных заимствований из «детских денег» Цветаев писал Трею 6 июля 1908 г.:

«На дела монументальной роскоши Нечаев-Мальцов не скупится, охотно выплачивая по 120 000 руб. в год на *строительные* нужды; но, при всех приятельских отношениях, было бы напрасной мечтой получить у него 3000 руб. на предметы искусства. Я бывал в очень стеснительных условиях, неизбежно было платить ничем не повинным кредиторам за гипсы за границей, просил пары тысячи рублей – и получал отказ... после чудесного завтрака или обеда. Я тогда должен был нести %-ные бумаги детей, закладывая их в банке, чтобы быть верным слову об уплате...

Что делать! “У всякого барона своя фантазия”, а у богатого барона в особенности. Слава всем Олимпийцам, что щедроты его не оскудевают на самое дорогое. Он платит второй миллион рублей и, если будет жив, дойдет до 2 000 000» (Цветаев – Трей. С. 251–252).

⁵ Православная Пасха 1908 г. – 13 апреля ст.ст.

⁶ Об этих рельефах см. т. 2 и илл. 30 там же.

⁷ Под слепками названных композиций Луки делла Роббиа в дальнейшем на стене разместили более десятка слепков небольших рельефов и статуэток, относящихся также к 1-й половине XV в. (Гиберти, Брунеллески, Донателло, Якопо делла Кверча и др.). Каких-либо скульптур на высоте, на одном уровне с «Воскресением» и «Вознесением», на этой стене не было.

⁸ Об *Антонио Росселлино* (1427–1478), *Мино да Фьезоле* (1431–1484) и приобретенных Цветаевым слепках с их произведений см. т. 2 и илл. 41 там же.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5373.

¹ Альбом фотографий Музея готовился для германского императора еще с 1905 г., в надежде заинтересовать его и получить какие-либо дары или льготы в приобретении слепков из Германии. См. т. 3, письмо 676.

² *Аванцо Б.А.*, владелец магазина художественных принадлежностей и писчебумажных товаров на Кузнецком мосту.

³ Памятник в Кремле на месте убийства террористами великого князя Сергея Александровича был сооружен по эскизам В.М.Васнецова; уничтожен в 1918 г. Это был бронзовый 8-конечный крест на черном гранитном постаменте, украшенный эмалью и рельефами. На лицевой стороне, обращенной в сторону Никольских ворот, находились изображения Распятия (с надписью под ним «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят»), Скорбящей Богородицы и херувимов; на оборотной – изображения Нерукотворного Спаса, св. Сергия Радонежского и двух херувимов. Памятник был обнесен металлической решеткой с фонарем, внутри которого находилась неугасимая лампада. Средства на возведение памятника – 16 тысяч рублей – были пожертвованы в основном солдатами и офицерами 5-го гренадерского Киевского полка, шефом которого был при жизни великий князь, а с 1905 г. – его вдова.

⁴ Дата «1-го» обозначает время, когда получено приглашение, панихида же состоялась 2 апреля, в один день с освящением памятника. Часовня-усыпальница великого князя (архитекторы Р.И.Клейн и П.В.Жуковский, автор живописи К.П.Степанов) находилась у самых ворот Чудова монастыря; уничтожена. См. о ней также т. 3 и илл. 93 и 94 там же.

⁵ *Булыгин Александр Григорьевич* (1851–1919), член Государственного Совета, бывший московский губернатор и (в январе – октябре 1905 г.) министр внутренних дел.

⁶ *Кристи Григорий Иванович* (1856–1911), сенатор, московский губернатор в 1902 – 1905 гг.

⁷ *Тютчев Иван Федорович* (1846–1909), младший сын поэта от второго брака, юрист, член Государственного Совета с 1907 г.

⁸ *Степанов Клавдий Петрович* (1854–1910), художник и писатель-публицист. Участвовал в оформлении живописью Музея изящных искусств. Подробнее о нем см. т. 1.

⁹ См. выше, комм. 3.

¹⁰ Подразумевается, очевидно, жена Алексея Васильевича *Олсуфьева, Александра Андреевна* (?–1929), урожденная Миклашевская, – гофмейстерина великой княгини Елизаветы Федоровны.

¹¹ Речь идет, очевидно, о детской писательнице *Наталье Александровне Истоминой* (?–1927), урожденной Реми, – жене члена Комитета Музея, гофмейстера *Владимира Константиновича Истомина* (1847–1914), бывшего управляющего генерал-губернаторской канцелярией великого князя Сергея Александровича, –

и о ком-либо из его родственников. О самом Истоминоне, почти слепом в это время, подробнее см. т. 1. (Следует отметить, что в существующих изданиях дневников С.А.Толстой комментаторы называют женой В.К.Истомина другую женщину, которая на самом деле была замужем за его сыном, крестником Л.Н.Толстого.)

¹² Митрофорный протоиерей – заслуженный, награжденный правом ношения митры, старший священник.

¹³ Здание Судебных установлений – название Сенатского дворца в Кремле в 1856 – 1917 гг.

¹⁴ Согласно газетам, церемония открытия памятника была «церковным парадом», то есть сочетала в себе военный парад и церковные ритуалы. Солдаты-«киевцы» несли иконы и хоругви во время крестного хода; «по Сенатской площади крестный ход следовал под звуки военной музыки; войска взяли “на караул”» и т.д. (Московские ведомости. 1908. 3 апреля. С. 3).

¹⁵ Подразумевается фабрика торгово-промышленного Товарищества премников Н.В.Немирова-Колодкина (Москва), производившая золотые и серебряные изделия и церковную утварь.

¹⁶ Как явствует из письма 845, Цветаев цитирует шуточное пожелание из несохранившейся до наших дней новогодней телеграммы Нечаева-Мальцова; никаких «иных» орденов, кроме российских и иностранных, разумеется, не бывало. На 1908 г. Цветаев имел следующие ордена: российские – Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава всех 3 степеней; иностранные – Кавалерский крест ордена Итальянской короны, орден Прусской короны 2-й степени.

¹⁷ Речь идет о самом первом приобретении Нечаева-Мальцова для Музея, сделанном в 1897 г., – мозаичных копиях 1850 – 1860-х гг. с мозаик 1270-х гг. с 12 эпизодами жития евангелиста Марка из собора Сан Марко в Венеции. Копии были монтированы на стене зала искусства Средних веков уже в 1904 г., став самыми первыми экспонатами, занявшими свое место в экспозиции нового Музея. См. подробнее т. 1 и 3.

¹⁸ Музей изящных искусств //Московские ведомости. 1908. 4 апреля. С. 3. Стб. 2–3. Без подписи. См. этот текст в Приложении.

¹⁹ Вслед за этим письмом в рукописи помещена копия письма Цветаева к брату Нечаева-Мальцова, Д.С.Нечаеву, от 6 апреля 1908 г. Упомянутая в нем «книжка» – Комитет МИИ 1908.

«Глубокоуважаемый Дмитрий Степанович. Позвольте представить Вам книжку, заключающую акт признательности Вашему несравненному брату, напечатанный здесь на память потомкам. Пусть они, – конечно, гордые успехами и доблестями их времени и их трудов, – знают, что творил, на их пользу, Юрий Степанович на переломе двух столетий, XIX и XX, которые, может быть, после будут казаться грядущим поколениям маленькими...

Я счастлив тем, что, поставленный судьбою в большом деле Юрия Степановича столь близко к нему, имею возможность в достойной литературной форме, не имеющей ничего общего с лестью или рекламой, поведать о Вашем брате и современникам и потомству.

На днях был в Музее Великий Князь Владимир Александрович; он горячо говорил о великодушии Юрия Степановича.

На этих же днях в Царском Селе два раза нарочно вызванный архитектор Музея Клейн делал по фотографиям и рисункам доклад Его Величеству. Государь не однажды выразил удивление щедрости Юрия Степановича. Он усадил Клейна, беседовал $\frac{3}{4}$ часа и потом пригласил его приехать через неделю опять и привезти фотографии. Клейн теперь в Царском Селе.

Какие вести от Ю[рия] С[тепанови]ча из Италии? Как здоровье Анны Степановны? Мне кн[язь] Мих[аил] Мих[айлович] Голицын, бывший в Музее вместе с Великим Князем, сказал, что выехала из Петербурга Анна С[тепанов]на в болезненном состоянии. Дай Бог, чтобы благодатный Юг принес ей полное выздоровление.

Радостной Вам встречи Светлого праздника!» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 5374. Публикуется впервые).

816

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5375.

¹ Запиской названа здесь брошюра Комитет МИИ 1908.

² Проект Музея был рассмотрен и утвержден Николаем II в петербургском Зимнем дворце 12 марта 1898 г., модель здания была представлена императору в Московском Кремле в Страстную пятницу, 7 апреля 1900 г. (см. т. 1, письмо 12 и комм. к письму 142).

³ Упомянутое письмо В.М.Васнецова неизвестно.

⁴ *Джунковская Евдокия Федоровна* (1856–1935), фрейлина императриц, с 1908 г. состоявшая при великой княжне Марии Павловне Младшей, сестра московского губернатора В.Ф.Джунковского.

⁵ Свадьба великой княжны Марии Павловны Младшей и принца *Вильгельма Шведского* (1884–1965), герцога Сёдерманландского, состоялась через 12 дней, 20 апреля 1908 г. В 1914 г. они развелись.

В Музее имеется слепок хранящейся в Национальном музее Швеции (до 1916 г. – Музей изящных искусств) древнеримской декоративной мраморной вазы в виде ритона с головой кабана (экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева), но был ли он подарен этой четой – неизвестно.

⁶ *Ирена*, принцесса Прусская (1866–1953), урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская; сестра великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны. Ее муж, принц *Генрих Прусский* (1862–1929), был младшим братом немецкого императора Вильгельма II.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5376.

¹ Наводнение, вызванное небывалым весенним разливом Москвы-реки, продолжалось с 9 до 14 апреля 1908 г., достигнув наибольшей высоты в Страстную пятницу, 11 апреля. Пострадало около 500 населенных пунктов Московской губернии. В Москве были затоплены Дорогомилово вместе с Брянским (ныне Киевским) вокзалом и все Замоскворечье; наполнились водой подвалы Третьяковской галереи, затопило многие торговые склады, включая крупнейшие из них – в Кокоревском подворье; залило Александровский сад, а на Кремлевской набережной вода стояла на сажень высотой (2,133 м), почти задевая фонари на столбах. При ледоходе пострадали некоторые мосты, в том числе обрушились фермы одного из них. Вода затопила котельные московских электростанций; трамваи – там, где они еще могли ходить на высоких местах – двигались на лошадиной тяге. А для откачивания воды из домов и подвалов на весь город имелось в распоряжении пожарных всего 4 паровых помпы. (Сводка составлена по материалам «Московских ведомостей» за 11, 12 и 16 апреля 1908 г.)

Подвалы Музея изящных искусств, как кажется, не были затронуты наводнением.

² Письмо Е.Ф.Джунковской от 8 апреля 1908 г. сохранилось: ф. 6., оп. I, ед. хр. 787.

³ Так называлась первая марка печатных машинок, выпускавшаяся в 1870-е гг. фирмой «Э.Ремингтон и сыновья».

⁴ Упомянутая телеграмма нам неизвестна.

⁵ *Шварц Александр Николаевич* (1848–1915), заслуженный профессор, сенатор и член Государственного Совета, в 1908 – 1910 гг. – министр народного просвещения. Ранее попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905) и Московского (сентябрь – ноябрь 1905 г.) учебных округов. С 1875-го по начало 1900 г. преподавал греческую словесность в Московском университете (ординарный профессор – с 1892 г.); параллельно директорствовал в различных московских гимназиях и прогимназиях, а с 1897 г. был директором Константиновского межевого института в Москве. В 1870-е гг. Шварц также читал историю античного искусства на Высших женских курсах, а в 1884 – 1889 гг. был экстраординарным профессором истории искусств и заведующим Кабинетом изящных искусств Московского университета.

⁶ Это письмо Цветаева к Шварцу сохранилось:

«17 апреля 1908.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вид учителя средних учебных заведений, плакавшего от потери в наводнении всего своего имущества, в том числе и учебно-литературных материалов, собранных для книги в течение многих лет, меня совершенно расстроил. Потерпевшего спешно разбудили в 2 часа ночи, когда вода через пол его квартиры

«была уже фонтаном». Он и его две взрослые дочери спаслись как могли в соседний этаж, откуда через окно спустились на подоспевшую, но дырявую лодку, чтобы высадиться на первом сухом месте. Там, «без гроша денег», они разделились. Дочери пошли к разным знакомым, а отец – в меблированные комнаты. Вода в свой черед сошла, из квартиры ее выкачала пожарная команда. Но какая картина! Печи развалились, давши массу глины, мебель потеряла фанеры, бумаги и книги унесло или изгадило до неузнаваемости.

Это – потеря учителя ведомства Императрицы Марии. А сколько нищеты принесло наводнение более бедному люду не в одной Москве, а во всем ее районе? Какие ужасающие вести идут теперь из уездов или из Калуги, из Тарусы, где, в Светлый день, служба совершалась на открытом воздухе, т[ак] к[ак] церковь оказалась в воде...

Возник вопрос о помощи. Ко мне обратились с просьбою написать в Петербург письмо Вел[икой] Кн[ягине] Елисавете Федоровне о содействии в вопросе об экзаменах в деревнях и городах, настигнутых несчастьем, т.е. об отмене их здесь, на этот год, удовлетворившись годичными отметками. Мотивом для этого выставлялось разорение, моральное потрясение, потеря даже книг и тетрадей.

Каждый теперь помогает, чем может. Обратившиеся знают внимание ко мне Семьи Великой Княгини, основанное на успехах нового Музея. Я написал два письма, Елисавете Федоровне и Невесте, бывшей с братом на стройке недавно и обещавшей мне гипсовые слепки лучших вещей Стокгольмского музея.

Что выйдет из этих писем, я не знаю. Может быть, просьбу о такого рода помощи найдут неудобоприемлемой.

Но как бы то ни было, считаю долгом написать Вам об этом неожиданном для меня вмешательстве в дела ведомств не моего ведения. Написал и С[ергею] В[асильевичу] Оливу [главному управляющему Ведомством учреждений императрицы Марии], с которым познакомился я давно здесь, в доме его школьного приятеля. Есть пострадавшие ученики и других ведомств, но их глав я не знаю.

Повторяю, может быть, из этого ничего не выйдет; но, на всякий случай, предупредить Вас о содеянном я положил для себя надобным. Если бы Невеста решилась просить Государя, то приложена краткая, «в третьем лице», безымянная записка, напечатанная ремингтоном, вроде недавно поданной нами (Н[иколай] А[ндреевич] Зверев, архитектор и я) Е[го] Вел[ичест]ву о бронзовой статуе Александра III для Музея и удостоившейся, полагаю, внимания.

Будьте здоровы. Когда же приедете в Москву?

Преданный Вам И.ЦВЕТАЕВ»

(РГИА, ф. 1672, оп. 2, ед. хр. 676. л. 9–10.

Публикация Ю.Г.Волхонского, Петербург).

Написание письма было, по-видимому, неосторожностью со стороны Цветаева: Шварц был ревнив и обидчив, а к тому же, как явствует из его переписки с другими лицами, еще с 1888 – 1893 гг. был раздражен против Цветаева.

⁷ Изложенную Цветаевым просьбу император удовлетворил. Царское распоряжение, однако, было при исполнении искажено и обесмыслено чиновниками, о чем см. в письме 819.

818

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5377.

¹ Подразумевается: от Щегляева, память которого дорога для Музея («дорогой памяти Щегляев»).

² Эти деньги фактически давались в долг, возвращаясь к Клейну и Рербергу, когда, наконец, приходили казенные ассигнования. Но суммы выплачивались заметные для их личных бюджетов, и их возврат затягивался на неопределенные сроки, вплоть до года, а далее все повторялось. Так, в течение предшествующего, 1907 г. Рерберг выдал в счет жалованья 4 дворникам, 4 истопникам и 3 рабочим, убравшим снег с крыши Музея, 1066 руб. из своих личных средств (ф. 3, оп. I, ед. хр. 273, л. 9–10 и ед. хр. 276). Получив же деньги обратно в январе 1908 г., Рерберг вынужден был почти тотчас снова их тратить на те же цели.

³ Имеются в виду слепки, заказанные Нечаевым-Мальцовым во время поездки 1900 г.

⁴ См. комм. 3 к письму 743.

819

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5378.

¹ Имеется в виду городская усадьба Вяземских – Долгоруковых на углу Антиповского (Колымажного) и М.Знаменского переулков, напротив заднего фасада Музея.

² По-видимому, князь *Енгалыгов Павел Николаевич* (1864–1944), генерал-майор свиты, бывший командир лейб-гвардии Гусарского полка (1902–1905).

³ Упомянутые телеграммы и письмо не сохранились. Секретарь великой княгини Елизаветы Федоровны – *Гжельский Александр Павлович* (1860–1913).

⁴ Первая мужская гимназия и попечительство Московского округа находилась недалеко от Музея, в домах, ныне числящихся по адресу: Волхонка, 16/2.

820

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5379.

¹ *Виктория*, принцесса *Баттенберг* (1863–1950), урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (подробнее см. т. 1).

² Подразумевается младший из двух сыновей Виктории Баттенбергской, *Людвиг (Луис)* (1900–1979).

³ *Алиса* (1885–1969), принцесса Греческая, урожденная Баттенберг; старшая дочь Виктории Баттенбергской. Замужем с 1903 г.; впоследствии – свекровь английской королевы Елизаветы II. Была глухой от рождения, о чем Цветаева, описывая ниже общение с нею, не упоминает, по-видимому, из деликатности.

⁴ *Андрей, принц Греческий* (1882–1944), четвертый из сыновей греческого короля Георга I и Ольги Константиновны.

⁵ Скорее всего, имеется в виду не родной брат великой княгини Елизаветы Федоровны – *Эрнст-Людвиг* (1868–1937), в 1892 – 1918 гг. великий герцог Гессен-Дармштадтский, – а муж ее сестры Ирены, младший брат немецкого императора (см. комм. 6 к письму 816).

⁶ В ближайшие дни Цветаевым была написана статья, изданная затем в виде брошюры: *Kaiser Alexander III Museum der Schönen Künste zu Moskau von Prof. Iwan Zvetaieff. M., 1908*. Предварительно она была опубликована в газете «*Moskauer Deutsche Zeitung*». 1908. № 127. S. 2–3.

⁷ См. комм. к письму 895.

⁸ Императрица *Мария Александровна* (1824–1880), супруга Александра II, мать Александра III и его братьев, в том числе великого князя Сергея Александровича.

⁹ Гапсаль (с 1918 г. – Хаапсалу) – уездный город на западе Эстонии (в то время – Эстляндской губ.); славился своими морскими купаниями и лечебными грязями. Основан в XIII в.

821

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5380.

¹ См. это газетное сообщение в Приложении.

² Вторую дочь Виктории Баттенбергской звали *Луиза* (1889–1965); с 1950 г. она была шведской королевой.

³ В 1902 – 1909 гг. Эрехтейон был реставрирован инженером Н.Баланосом после землетрясения 1894 г.

⁴ Об этом большом рельефе, его слепке, тонированном глухонемым живописцем Э.Нанничини, и о посещении Цветаевым монастыря Оссерванца см. т. 2 и 3.

⁵ В Музее имеются слепки трех мраморных надгробных ваз (лекифов) V в. до н.э. из Афинского Национального археологического музея, два из них – лекиф Миррины и лекиф с изображением воинов – представлены в экспозиции Учебного художественного музея им. И.В.Цветаева.

⁶ *Каввадиа* (*Каввадиас*) *Панайотис*, греческий археолог, директор древностей и археологических раскопок Греции (подробнее см. т. 1).

822

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5381.

¹ *Игнатъев Леонид Николаевич* (1865–1943) – полковник, командир 18-го Донского казачьего полка; в дальнейшем, с 1913 г., генерал-майор; в прошлом адъютант командующего Московским военным округом великого князя Сергея Александровича. (Упоминается в т. 1.) Его жена – *Елена Ивановна* (?–1920), урожденная Матвеева, дочь потомственного дворянина, была ранее слушательницей Цветаева на Высших женских курсах (см. письмо 827).

² О гробнице Иларины дель Карретто см. т. 2 и илл. 21 там же.

³ Имеются в виду следующие рельефы Андреа дель Роббиа: «Венчание Богоматери в небесах» из монастыря Оссерванца, «Мадонна со святыми» из капеллы Медичи в ц. Санта Кроче во Флоренции, «Благовещение» и «Поклонение Младенцу» из горного монастыря Ла Верна в 55 км к востоку от Флоренции (см. подробнее т. 2). Эти экспонаты были укреплены в стенах зала италянского Возрождения XV в. и находятся там в настоящее время.

⁴ О «Св. Георгии» Донателло см. т. 2.

⁵ Слепки статуи Мадонны с Младенцем работы Якопо дельа Кверча и нескольких его рельефов с того же портала, со сценами из истории Адама и жизни Христа, расположились по вертикали в углу, находящемся рядом со слепком кантории Луки дельа Роббиа, а также по горизонтали под нею.

⁶ *Дети* – Андрей, Марина и Анастасия; *в лесу* – поскольку дача, традиционно арендуемая Цветаевым, находилась за пределами Тарусы.

⁷ «Фарнезский бык» (*ит.*). Об этой скульптурной группе см. т. 2.

⁸ Скульптуры западного и восточного фронтонов храма Зевса в Олимпии (460-е гг. до н.э.), найденные в 1870-х гг., относятся к завершающему этапу развития искусства ранней классики. Оригиналы их хранятся в музее Олимпии (см. т. 1, илл. 61).

⁹ Речь идет об А.М.Московском.

¹⁰ *Глазов Владимир Гаврилович* (1848 – ок. 1920), министр народного просвещения в 1904 – 1905 гг., в 1905 – 1909 гг. – помощник командующего Московским военным округом. Письмом от 4 апреля 1908 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 555) Глазов рекомендовал Цветаеву лепщика *Свирина Алексея Павловича* (1881–?). Согласно сохранившимся документам, Свирин работал в Музее по 1936 г., а в 1944 г. реставрировал слепки Ассирийского зала (ф. 5, оп. IV, ед. хр. 61-с). Об оплате его работ в 1908 – 1912 гг. см. ф. 3, оп. I, ед. хр. 251.

823

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5382.

¹ Для показа скульптурных групп с фронтонов храма Зевса в Олимпии Цветаевым был выбран вариант размещения фигур, предложенный в 1882 – 1896 гг. Треем, одним из руководителей раскопок в Олимпии в 1870-е гг. Дополнения несохранившихся частей скульптур также были сделаны Треем. В аналогичном виде эти фронтоны уже экспонировались в одном из залов дрезденского Альбертинума.

² Поле каждого фронтона было обозначено на стене не только цветом, но и легкой лепной рамкой.

³ В цветаяевской экспозиции под фронтонами были размещены около 20 скульптур и бюстов, среди них: «Дискобол» и группа «Афина и Марсий» Мирона, «Раненая амазонка», «Дорифор» и «Диадумен» Поликлета, а также «Дельфийский возничий».

⁴ В условиях архитектурного конкурса на здание Музея (1896) Цветаев отводил отдельный зал для скульптур Мирона и Поликлета, однако по совету Трея в дальнейшем от этого отказался, расширив за счет него площадь зала Парфенона (Цветаев – Трей. С. 173.)

Мирон из Элевтер (ок. 460 – 430 до н. э.), аттический скульптор, создававший бронзовые статуи. Представитель ранней классики.

Поликлет из Аргоса (2-я пол. V в. до н.э.), древнегреческий скульптор и теоретик искусства, один из ведущих представителей высокой классики.

824

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5383.

¹ «Немецкая московская газета» (*нем.*), выходила с 1870 по 1914 г. О статье Цветаева см. комм. 6 к письму 820.

² Сведений о пожертвованиях Музею со стороны великого князя Владимира Александровича не имеется. Чтобы заинтересовать его, Цветаев хотел предложить ему приобрести слепки с одного из самых известных памятников искусства. В действительности существовала давняя договоренность, что слепки скульптур с фронтонов Парфенона оплатит С.Г.Захарьин (см. т. 1, с. 371); деньги он уже внес, хотя Цветаев был вынужден расплатиться ими за другие экспонаты. Позднее в изданиях Музея указывалось, что слепки скульптур Парфенона – дар Захарьина и Нечаева-Мальцова. В июне же 1908 г. Цветаев, видимо, надеялся при необходимости уговорить Захарьина проявить уступчивость в интересах Музея, согласившись связать свое имя с какими-либо иными экспонатами.

³ О Галикарнасском мавзолее см. т. 3. Из скульптур мавзолея в московском Музее были представлены в слепках рельефы фриза, статуя Мавзола и фрагмент большой конной фигуры (последний в настоящее время не экспонируется). На чьи средства приобретены слепки – установить не удалось.

825

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5384.

¹ На Николаевскую ж. д. – то есть прямо на поезд Петербург – Москва.

² Письмо министра А.Н.Шварца в ОР ГМИИ не выявлено.

³ Цветаев говорит о В.К.Мальмберге. Впрочем, разочарование Мальмберга можно до некоторой степени понять: у него была большая семья (Цветаев сам же упоминает об этом в письме 196, см. т. 1, с. 223). Между тем квартира в Музее, на которую он рассчитывал, с 1904 г. была временно занята экспонатами и библиотекой университетского Кабинета изящных искусств, при которых проживал ассистент А.А.Пэрк, в другой же ее части размещалась контора строительства.

⁴ Речь идет о картинах в падугах потолка зала. Авторами являлись П.В.Жуковский, К.П.Степанов, С.Н.Южанин и А.И.Алексеев.

⁵ О гробнице епископа Федериги и ее слепке, тонированном Э.Нанничини, см. т. 2 и 3 и илл. 38 в т. 2. Гробница находилась во Фьезоле лишь первоначально, в цвтаевское же время и теперь – в ц. Санта Тринита во Флоренции.

826

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5385.

¹ Имение Захарьиных – Куркино (в настоящее время район Москвы за МКАД, между Химками и районами Митино и Северное Тушино). Рядом с ц. Владимирской Божьей Матери (1670-е гг., перестроена в XVIII в.) находится семейный склеп-часовня Захарьиных (1900, архитектор Ф.О.Шехтель) с мозаикой «Распятие» по эскизу В.М.Васнецова.

² Годовщина смерти Софьи Степановны Нечаевой была 12 июля.

³ Упомянутая телеграмма Нечаева-Мальцова нам неизвестна.

⁴ Документальных данных о *Навроцкой* и ее муже нами не найдено. Звали ее *Екатерина Григорьевна*. См.: Комитет МИИ 1911.

⁵ *Бругш Эмиль* (1842–1930), египтолог, хранитель Каирского музея. В конце 1897 – начале 1898 г. помог Нечаеву-Мальцову составить коллекцию слепков, копий, фотографий и отдельных оригиналов древнеегипетского искусства для московского Музея.

827

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5386.

¹ 14 июля 1908 г. в Петербурге умерла вторая сестра Нечаева-Мальцова, Анна Степановна Нечаева. Погребена 18 июля на Новодевичьем кладбище в Москве. (Траурное извещение и объявление о похоронах – Московские ведомости. 1908. 15 июля. С. 1; 16 июля. С. 1.)

² Карточки – визитные, новые книжки – брошюра с речью Цвтаева 25 января 1908 г. и его немецкая статья о Музее.

³ *Игнатъева Софья Сергеевна* (1850–1944), урожденная княжна Мещерская, графиня, вдова убитого террористом члена Государственного Совета *Алексея Павловича Игнатъева* (1842–1906), мать Алексея Алексеевича и Павла Алексеевича Игнатъевых.

⁴ *Демидов, князь Сан-Дonato Элим Павлович* (1868–1943), троюродный племянник Нечаева-Мальцова, унаследовавший вместе с *Павлом Николаевичем Игнатъевым* (1870–1945) его имущество в 1913 г. Дипломат, в 1905 – 1908 гг. первый секретарь русского посольства в Вене. Был женат на *Софье Илларионовне*, урожденной Воронцовой-Дашковой (1870–1953).

⁵ Женский Покровский Хотьков монастырь – в Хотькове, 11 км к юго-западу от Троице-Сергиевой лавры, недалеко от Абрамцева и Радонежа; известен с 1308 г., когда он был смешанным (исключительно женским стал с первой половины XVI в.).

⁶ Круподерница (иначе Круподеринцы) – имение Игнатъевых в Казатинском уезде Киевской губ. (в настоящее время Погребиченский район Винницкой

обл.); меньше чем за месяц до написания комментируемого письма, 20 июня, там умер отец Л.Н.Игнатьева, известный дипломат *Николай Павлович Игнатьев* (1832–1908).

⁷ То есть к поезду на Москву.

⁸ Графиня *Капнист Ина Петровна* (1864–?), литератор; дочь и издательница сочинений графа *Петра Ивановича Капниста* (1830–1898), поэта, журналиста, цензора и чиновника Министерства внутренних дел; на его стихи были написаны несколько известных в 1900 – 1910-е гг. романсов. И.П.Капнист интересовалась археологией и историей искусств, была знакома с многими русскими и зарубежными учеными в этой области знаний и подчас сообщала Цветаеву ценную информацию, в том числе переводя ее с родного для нее греческого языка. Их знакомство с Цветаевым состоялось через жившую в Риме госпожу Ребеккини, по-видимому, около 1900 г. Сохранился ряд интереснейших писем И.П.Капнист к Цветаеву (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1382–1392); Цветаев ссылается на ее письмо от 8 июля [1908 г.] (там же, ед. хр. 1391). Имеются также письма к Цветаеву ее сестры, Евгении Петровны (1867–?), и матери, Екатерины Евгеньевны, урожденной Мандерштерн (там же, ед. хр. 1375–1377 и 1378–1381). К сожалению, в письмах всех троих, как правило, не указан год написания, и датировать их приходится по содержанию. Ина Петровна и Екатерина Петровна упоминаются Цветаевым как «две сестры, графини Капнист, обе поэтессы и энтузиастки, живущие в Афинах» в письме 528 (см. т. 2, с. 305).

⁹ Фалерон, или Фалер – одно из предместий Афин, с гаванью.

¹⁰ Фесей (Тесей) – мифический герой, царь и покровитель Аттики. Фронтоном изображал битву племени лапифов с кентаврами, случившуюся во время свадьбы друга Тесея, царя лапифов Пирифоя.

828

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5387.

¹ «Голос Москвы» – газета октябристского направления. Отличалась большим числом статей и заметок по экономике.

Приводим соответствующий отрывок из информации «Нижегородская ярмарка (От нашего корреспондента)»: «Со стеклянной посудой и стеклом начались уже сделки и, как я говорил, спрос предъявляется усиленный, благодаря тому, что фирма “Нечаев-Мальцов” к началу ярмарки не успела выработать необходимого и потребного количества; нормальный привоз (запас) будет определен в начале августа. Цены на стекло и стеклянную посуду уже успели выясниться.

Цены на стекло почти что без изменения. <... >» (Голос Москвы. 1908. 23 июля. С. 4. Стб. 2).

Несколькими днями раньше газета сообщала в заметке с тем же названием: «Оконного стекла привезено более, чем в прошлом году, так как в нем к концу

ярмарки ощущался недостаток. Стекло в текущую ярмарку пройдет с повышением процентов на 5.

Хрустальная и стеклянная посуда привезено прошлогоднее количество, цены остаются пока те же. Персидские купцы – обычные покупатели – прибыли и предъявили нормальные требования» (Голос Москвы. 1908. 19 июля. С. 3. Стб. 6–7).

² Легат (*лат. legatus*) – завещательный отказ; поручение наследнику передать определенному лицу или организации часть наследства или определенную сумму денег. Был ли внесен соответствующий пункт в завещание А.Г.Подгоречкой, неизвестно.

829

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5388.

830

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5389.

¹ 22 августа 1908 г. исполнялся 40-й день по смерти Анны Степановны Нечаевой.

² Упомянуто, как ясно из дальнейшего текста, письмо И.И.Дмитревского. Оригинал его не выявлен.

³ Письмо от 14 августа 1908 г., подписанное директором департамента М.Андреевым (ф. 2, оп. I, ед. хр. 302, л. 1).

⁴ По-видимому, речь идет о *Матвее Евстафьевиче Ситникове*, проживавшем на Краснопрудной ул., 31.

⁵ Вероятно, «Продуголь. Общество для торговли минеральным сырьем Донецкого бассейна», в ноябре 1907 г. открывшее свое отделение в Москве (Кузнецкий мост, 17).

831

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5390.

¹ Из двух запасных залов, обозначенных на плане Музея 1912 г., здесь речь идет, по-видимому не о XXIII (под Центральным залом), а о двухчастном XXIV, расположенном на 1-м этаже в задней части левой половины здания. (С конца 1920-х гг. он разделен на два отдельных зала.)

832

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5391.

¹ Упомянутое письмо Дмитревского нами не выявлено.

² О попытке разговора с министерством по телефону Цветаев так писал Шварцу 3 сентября 1908 г.:

«Многоуважаемый Александр Николаевич.

Сноситься по телефону с Министерством посоветовал мне, для ускорения дела, быв[ший] министр Кауфман. Советом мне не пришлось воспользоваться

до последнего случая, который показал мне все неудобства, с этим связанные. Телеграмма [о предстоящем разговоре] была в Департамент отсюда, телеграмма оттуда. Чтобы не терять указанного срока, я приехал на телефонную станцию заранее; там мне сказали, что моя очередь – шестая. Пришлось потерять $\frac{3}{4}$ часа. Начали говорить: я ли оказался глух, Дмитриевский ли говорил невнятно, только я сначала ничего не разобрал. Приставили к другому уху особый аппарат, и оттого дело не было лучше. Впрочем, усилив, по указанию чиновника, голоса, мы докричались до взаимного понимания насчет приезда в Петербург.

Лучше было списаться с Департаментом, было бы и дешевле и спокойнее». (РГИА, ф. 1672, оп. 2, ед. хр. 676. л. 13–13 об. Публикация Ю.Г.Волхонского, Петербург.)

³ Письмо министра Шварца Цветаеву от 28 августа 1908 г. содержит отказ в выдаче 15 000 руб. ссуды Музею за неимением средств (ф. 2, оп. I, ед. хр. 302, л. 2). Как уже сказано в комм. 5 к письму 790, казенные ассигнования на 1908 г. были получены Музеем лишь в январе 1909 г.

833

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5392.

¹ О надгробном памятнике Генриха II и Кунигунды работы Тильмана Рименшнейдера (имя «Шенгауер» – случайная обмолвка Цветаева) и о слепках с него см. т. 3.

² Слепок одного из этих рельефов экспонируется на стене Ассирийского зала (крайний справа в нижнем ряду), второго – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

³ О поездке Цветаева в Берлин летом 1899 г. см. т. 1, письма 71–74.

⁴ *Бодде Вильгельм* (1845–1929), историк искусства и музейный деятель, с 1906 г. генеральный директор берлинских Королевских музеев.

⁵ *Лоренцо Великолепный* (ит.) из рода Медичи (1449–1492), не занимавший официальных постов фактический глава Флорентийской республики. Его полихромный портретный бюст из Берлина в настоящее время признается большинством специалистов произведением следующего, XVI в.

⁶ О большом Пергамском алтаре Зевса и слепках его частей см. т. 1–3, а также т. 1, илл. 38 и 41, и т. 3, илл. 86–89.

⁷ О Геркулесе Фарнезе см. т. 2 и илл. 94 там же. Слепок этой колоссальной статуи, погибший в 1904 г., Цветаеву так и не удалось заново приобрести.

834

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5393.

¹ Речь идет о статуе св. Георгия, по-русски именуемого также Юрием.

² Подразумевается алтарь семьи Трента в ц. Сан Фреддиано в Лукке (1416–1422) с изображением Богоматери с Младенцем, 4 святых и житийными релье-

ефами на предделе (цокольной части обрамления). Этот алтарь, воспроизводящий в камне формы готического полиптиха, дает наилучшее представление о готических влияниях в творчестве Якопо дела Кверча.

835

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5394.

¹ Найти сведения об этой супружеской паре не удалось, хотя упоминание о их контактах с бароном де Баем и С.Д.Шереметевым говорит, по-видимому, об исторических и археологических интересах мужа. В генеалогических списках Долгоруковых в Интернете лишь упоминаются *Дон де Сепиан Камиль-Эдмунд* и его жена с 1878 г. *Варвара Алексеевна*, урожденная княжна Долгорукова.

² Контракт на живопись для этого зала был заключен с П.В.Жуковским; он распределял работу между другими художниками по своему усмотрению и под свою ответственность.

³ Ответное письмо Жуковского нам неизвестно. Картины К.П.Степанова не были заменены какими-либо иными.

⁴ Занятия проходили в Политехническом музее, поскольку собственные здания Высших женских курсов на Девичьем поле только еще строились начиная с 1907 г.

836

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5395.

¹ *Капустин Михаил Яковлевич* (1847–1920), врач, профессор Казанского университета по кафедре гигиены в 1887 – 1908 гг., член 2 и 3-й Госдумы, октябрист; в 1910 – 1912 гг. товарищ председателя Думы.

² *Алексеев Михаил Мартынович* (1847–1917), юрист, профессор финансового права в Харьковском университете (в 1890 – 1897 гг. его ректор), депутат III и IV Госдумы, председатель ее бюджетной комиссии с 1907 по 1917 г.

837

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5396.

¹ Портрет, о котором просит Цветаев, не был сделан. В Музее имеется лишь скромный живописный портрет Нечаева-Мальцова, написанный в 1885 г. И.Н.Крамским (см. илл. 10 в т. 1).

² Об этом обрамлении двери и его слепке см. т. 2 и илл. 40 там же.

³ Имеется в виду крыльцо директорской квартиры (уже много десятилетий не используемой по этому назначению).

838

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5397.

¹ Речь идет об имитации части двухъярусного портика II в. до н.э., окружавшего с трех сторон площадь перед святилищем Афины Никифоры в Пергаме.

Нижний ярус был дорическим, верхний – ионическим, с балюстрадой, украшенной изображениями оружия и военной техники того времени. Замысел не был осуществлен. Слепки 5 плит с рельефами балюстрады (оригиналы – в Берлине) экспонировались в Пергамском зале Музея.

² Письмо С.Д.Шереметева разыскать не удалось.

Ряжский Григорий Александрович (1872 – после 1920), юрист, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. В Гражданскую войну – член Совета министра юстиции Российского правительства в Омске.

839

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5398.

¹ *Голенищев Владимир Семенович* (1856–1947), лингвист-египтолог, ассириолог, семитолог, коллекционер. С 1881 г. регулярно посещал Египет с научными целями. Коллекция, собиравшаяся Голенищевым около 30 лет, включала древневосточные памятники, в основном – искусства и культуры Древнего Египта от энеолита до арабского завоевания Египта в VII в., а также античные предметы эллинистического и римского периодов с территории Египта. Мировой известностью пользуются в науке ряд рукописей голенищевского собрания. Голенищевым были открыты, опубликованы и переведены некоторые произведения древнеегипетской литературы, он автор свыше пятидесяти монографий, статей и публикаций эпиграфического характера. В 1875 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета; ученик В.Р.Розена. В 1880 – 1899 гг. служил в Эрмитаже, с 1886 г. в должности хранителя отделения египетских древностей. В 1899 – 1916 гг. причислен к Министерству Двора для занятий в Эрмитаже. В 1904 – 1911 гг. Голенищев был одним из директоров Средне-Уральского золотопромышленного акционерного общества. В результате краха этого Общества и неудачных финансовых операций, проводимых мужем сестры Голенищева без его ведома, ученый оказался на грани разорения и вынужден был продать свою коллекцию и дом, в котором она размещалась. С 1920-х гг. Голенищев – профессор Каирского университета, основал кафедру египтологии, воспитал первое поколение национальных кадров египтологов. Подробнее о Голенищеве и его коллекции см.: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев и история приобретения его коллекций в Музей изящных искусств (1909–1912). Из Архива ГМИИ. Вып. 3/ Сост.: А.А.Демская, С.И.Ходжаш, О.Д.Берлев, Г.И.Качалина, Е.М.Яковлева. М., 1987.

² 9 февраля 1908 г. на заседании общего собрания Академии наук выступили востоковеды Б.А.Тураев, П.К.Коковцов, византолог Н.П.Кондаков. Из выступления Тураева: «Считаю долгом обратить внимание Императорской Академии наук на необходимость предотвращения тяжелой потери, угрожающей нашим немногочисленным и небогатым древневосточными памят-

никами археологическим собраниям. Всемирно известная коллекция нашего знаменитого египтолога Владимира Семеновича Голенищева не может быть удержана им и предназначена к продаже. Ученый собиратель старается делать все от него зависящее, чтобы его коллекция осталась в России и, увеличив собою имеющиеся собрания, приблизила их к уровню больших европейских музеев, но есть все основания опасаться, что эти старания не достигнут цели и коллекция Голенищева, бывшая до сих пор гордостью русской науки, попадет в руки американского миллиардера или пойдет с молотка в одном из европейских центров» (Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев. С. 26).

На собрании Русского археологического общества была принята резолюция: «Императорское Русское археологическое общество, собравшись в экстренном заседании 24 февраля 1908 г., заслушав доклад Б.А. Тураева о коллекции В.С.Голенищева и осмотрев самую коллекцию, принимая во внимание единодушный отзыв членов общества – специалистов по поводу научного значения коллекции, полагает: присоединяясь всецело к положениям доклада Б.А.Тураева и находя, что коллекция В.С.Голенищева и по своей научной важности, и по своему художественному и воспитательному значению занимает исключительное положение среди всех известных археологических собраний, происходящих из Египта, высказывает свое горячее желание, чтобы собранная выдающимся русским ученым с огромной любовью и знанием дела коллекция сделалась достоянием всего русского культурного общества, войдя в состав одного из публичных археологических собраний России» (Там же. С. 44).

³ Речь идет, видимо, о письме Дмитревского от 25 сентября 1908 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 820).

⁴ Это письмо Кондакова к Цветаеву не обнаружено. Выступление Кондакова о коллекции Голенищева на заседании Академии наук 9 февраля 1908 г. см.: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев. С. 31.

840

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5399.

¹ Письмо Дмитревского от 3 октября 1908 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 821).

² *Фон-Анреп Василий Константинович* (1852–1927), профессор медицины, бывший попечитель Харьковского и Петербургского учебных округов. Упоминается в т. I. В 1907 – 1912 гг. – в составе фракции октябристов III Государственной Думы от Петербурга, председатель комиссии по народному образованию.

³ *Созонович Иван Петрович* (1855–1923), профессор всеобщей литературы в Варшавском университете, член правой фракции II и III Государственной Думы, черносотенец, секретарь III Государственной Думы. В рукописи стоит

«Сазонов», но это, видимо, описка переписчика: депутат *Сазонов Николай Дмитриевич* (1858–1913) профессором не был. Ср. также с письмом 844.

⁴ *Шубинский Николай Петрович* (1853–1921), известный московский присяжный поверенный, юрист и адвокат. Депутат 3 и 4-й Государственной Думы в составе фракции октябристов.

⁵ *Маклаков Василий Алексеевич* (1869–1957), адвокат, политический деятель. Член II, III и IV Государственной Думы. Один из лидеров кадетской партии.

⁶ *Хомяков Дмитрий Алексеевич* (1841–1919), член-учредитель Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1.

Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), один из лидеров «октябристов», депутат II, III и IV Государственной Думы. В 1907—1910 гг. председатель III Думы. На этом посту объявил себя беспартийным и последовательно придерживался этой позиции.

⁷ Имеется в виду граф *Уваров Алексей Алексеевич* (1859–1913), депутат III Государственной Думы от Саратовской губ.; осенью 1909 г. покинул партию «октябристов». Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1885 г.

⁸ «Союз 17 октября» («октябристы») – политическая партия чиновников, помещиков и крупной торговой промышленной буржуазии России, существовавшая в 1905 – 1917 гг. Представляла правое крыло российского либерализма, придерживаясь умеренно конституционных взглядов. В III Государственной Думе имела самую большую за всю историю Думы фракцию – 154 человека.

⁹ *Гучков Александр Иванович* (1862–1936), организатор «Союза 17 октября», депутат III и IV Государственной Думы от Москвы. Впоследствии – председатель III Государственной Думы (1910–1911), член Государственного Совета (с 1915 г.), министр Временного правительства. А.И.Гучков окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1886 г. О доходном доме Румянцевского музея, где квартировал какое-то время Гучков, см. т. 1, комм. 1 к письму 152.

¹⁰ Согласно Акту о приеме в государственную собственность собрания В.С.Голенищева от 8 июля 1909 г., оно насчитывало не 4000, а 5423 предмета (текст Акта опубликован: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев. С. 90–91).

¹¹ Витрины и стеклянные шкафы, в которых коллекция хранилась в доме Голенищева, действительно были переданы в Музей и находились в экспозиции Египетского зала до конца 1960-х гг., ныне – в запасниках отдела Древнего Востока.

¹² В окончательном варианте в Римском зале по каждой из двух продольных стен устроены три декоративные арки, поддерживающие пологий свод плафона. Арки опираются на 4 колонны, поставленные вплотную к стенам. Пилястры отсутствуют. Середину плафона, как и во всех залах второго этажа, занимает световой проем. Потолок Римского зала – его конструкция и роспись – выполнен по книге немецкого ученого К.Рончевского о сводах римских потолков

в древности (*Ronczewski K. Gewölbeschmuck im römischen Altertum. Studien und Aufnahmen vom Verfasser. Berlin, 1903*).

841

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5400.

¹ Телеграмма Нечаева-Мальцова нам неизвестна.

² Упоминаемый здесь алтарный рельеф «Поклонение Богоматери Младенцу» в настоящее время считается работой Андреа делла Роббиа.

³ О *Никколо да Уццано* и его бюсте, приписывавшемся (вероятно, ошибочно) Донателло, см. т. 2.

⁴ *Романов Николай Ильич* (1867–1948), историк искусства, ученик Цветаева (подробнее см. т. 1). С 1 июня 1908 по 1 января 1909 г. Романов находился в заграничной командировке для работы над диссертацией (ЦИАМ, ф. 418, оп. 69, д. 181, л. 57). В Пистойе Романов выполнил просьбу, выраженную Цветаевым в письме от 7 сентября 1908 г.: выслать точные образцы расцветки фриза (ф. 14, оп. III, ед. хр. 206).

⁵ Сохранилась расписка о получении 100 руб. за эту работу И.И.Нивинским (ф. 3, оп. I, ед. хр. 249, л. 18).

⁶ *Балашев (Балашов) Петр Николаевич* (1871 – после 1939), обер-егермейстер Двора, депутат III и IV Государственной Думы, один из лидеров Всероссийского национального союза.

842

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5401.

¹ Вице-президентом Академии наук с 1900 г. являлся П.В.Никитин. Среди его сохранившихся писем к Цветаеву 1893 – 1912 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2455 и 2458–2476) упомянутого письма нет.

² Коллекция поступила в Музей изящных искусств целиком.

³ *Эрман Адольф* (1854–1937), крупнейший немецкий египтолог первой трети XX в.

843

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5402.

¹ В газетном репортаже говорится: «Заседание возобновляется, после совершения панихиды по Императоре Александре III, в 2 часа 41 мин. По докладам Капустина без прений принимаются семь законопроектов об отпуске средств» на научные издания и т.п. «и на содержание нового здания Музея изящных искусств имени Императора Александра III» (Государственная Дума. Заседание 20 октября//Московские ведомости. 1908. 21 октября. С. 2. Стб. 5). Следующим докладчиком в газете назван, как и у Цветаева, Алексеев, что, по-видимому, является опечаткой – вместо «Алексеевко».

² Отец депутата П.Н.Балашева, *Николай Петрович* (1840–1931), член Государственного Совета, был братом *Ивана Петровича Балашева* (1842–1924), обер-

егермейстера и в прошлом – деятеля Общества Красного Креста и вице-президента Общества поощрения художеств.

844

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5403.

¹ Неясно, означают ли здесь скобки и вопросительный знак сомнение самого Цветаева, или же неуверенность переписчика, это ли слово стоит в оригинале.

² Великий князь *Алексей Александрович* (1850–1908), 4-й сын Александра II, адмирал, в 1881 – 1905 гг. Главный начальник флота и морского ведомства. Умер в Париже 1 (14) ноября 1908 г.

³ Новый клуб находился в Петербурге на Дворцовой наб., 14.

⁴ До 1917 г. Эрмитаж вместе со своими экспонатами являлся личной собственностью царя и потому находился в ведении Министерства Двора и Уделов.

⁵ См. конец комм. 2 к письму 735.

⁶ Это намерение Н.П.Кондакова не осуществилось.

845

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5404.

¹ Президент Академии художеств – великий князь Владимир Александрович.

² *Беклемишев Владимир Александрович* (1861–1920), скульптор, ректор Высшего художественного училища Академии художеств в 1900 – 1902 и 1906 – 1911 гг.

³ Письмо Шварца Цветаеву от 6 ноября 1908 г. не обнаружено.

⁴ О Румянцевском музее см. подробнее во вступительной статье к т. I. Его официальное название с 1861 г. – Московский Публичный и Румянцевский музей.

Цветаев соединяет разновременные дары Александра II.

Картина Иванова – «Явление Христа народу»; поступила в 1861 г. *Прянишников Федор Иванович* (1793–1867), директор Почтового департамента, член Государственного Совета, меценат, с 1840 г. – вице-председатель Общества поощрения художников. Собрал галерею произведений главным образом русских художников со времени учреждения Императорской Академии художеств и по первую половину XIX в. (172 картины 84 авторов). В 1865 г. его собрание было приобретено в казну. После смерти владельца в 1867 г. последовало высочайшее предписание о передаче прянишниковской коллекции в новый московский музей, где она положила основу русской части его картинной галереи. Около 200 картин из Эрмитажа переданы в 1862 г.

846

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5405.

¹ Отмечалось 50-летие ученой деятельности Д.И.Иловайского – в 1858 г. вышла его книга «История Рязанского княжества», за которую он получил степень магистра и Уваровскую премию Академии наук.

² Вероятно, имелась в виду дача Иловайского возле ст. Крюково Николаевской ж.д. Крюково находилось у границы со Звенигородским уездом, но на территории Московского уезда.

³ Иловайский жил в собственном доме в Пименовском (ныне – Старопименовский) переулке между Тверской и Малой Дмитровкой. Переулок назывался по церкви Преподобного Пимена в Старых Воротниках (известна с XV в., разрушена в 1932 г.). Поскольку в Москве была еще одна церковь Преподобного Пимена, XVII в., которая именовалась храмом Пимена Нового, церковь в Пименовском пер. называли Старым Пименом.

⁴ Очевидно, говорится о письме к Иловайскому Шварца.

⁵ Цветаев имеет в виду юбилей Нечаева-Мальцова. В рукописи по ошибке памяти Цветаева или по рассеянности переписчика указано 27 августа вместо 18-го.

⁶ 8 ноября 1908 г., в день открытия в залах Общества поощрения художеств выставки «Старинные картины», комиссар выставки барон *Николай Николаевич Врангель* (1880–1915) ударил по лицу академика живописи М.П.Боткина, подошедшего к нему сообщить, что пожарная охрана не разрешает открытия. Врангель был наказан 2 месяцами тюрьмы и принужден к увольнению из Эрмитажа, где служил с 1906 г. Как и предполагал Цветаев, автором двухтомного издания: *Врангель Н. Русский музей императора Александра III: Живопись и скульптура*. СПб., 1904 – являлся именно этот человек.

847

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5406.

¹ Письмо Шварца нами не выявлено.

² Сведений о даре Музею подлинников Юсуповыми или Уваровой не имеется.

³ Имеется в виду открывшийся 14 ноября 1908 г. XII Съезд русских техников и заводчиков по цементному делу, собравший около 300 участников под председательством Н.А.Белелюбского. На съезде впервые было решено рассматривать также вопросы, связанные с бетоном и железобетоном. Напомним, что Клейн был в России одним из пионеров применения железобетона. Участникам съезда наверняка показывали бетонные своды подвалов Музея.

Сведений о том, что генерал-губернатор С.К.Гершельман осуществил намерение присоединиться к экскурсии участников съезда на стройку Музея, нет.

⁴ О каком друге Трея идет речь, не установлено.

⁵ Подразумевается Ассирийский зал.

848

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5407.

849

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5408.

¹ Это письмо нами не выявлено.

850

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5409.

¹ Речь идет об избрании Клейна в гласные (депутаты) Московской городской думы на 1909 – 1912 гг., состоявшемся 29 ноября 1908 г.

Выборы проходили на разных избирательных участках не одновременно, а в свой особый день, результаты их оглашались тут же и назавтра публиковались в печати – с указанием числа голосов за и против каждого кандидата; права избирателей были у 500 – 600 человек на весь участок. Цветаев пишет о результатах выборов на 3-м участке, в его состав входили Арбатская, Пречистенская и Хамовническая части Москвы.

² *Герье Владимир Иванович* (1837–1919), историк, профессор Московского университета в 1868 – 1904 гг. и основатель Высших женских курсов в Москве, с 1906 г. – член Государственного Совета. Был гласным Городской думы более двух десятилетий. Подробнее о нем см. т. 1.

³ *Кулешов Павел Николаевич* (1854–1936), ученый-зоотехник, в 1889 – 1894 гг. профессор Петровской земледельческой и лесной академии в Москве.

⁴ *Щепкин Николай Николаевич* (1854–1919), товарищ московского городского головы в 1894 – 1897 гг., депутат III и IV Государственной Думы; «Московские ведомости» (1908. 28 ноября. С. 3. Стб. 6) называли его «одним из лидеров оппозиции». Далее упоминают: *Пржевальский Владимир Владимирович*, специалист по уголовному праву; *Тихомиров Дмитрий Иванович* (1844–1915), известный московский педагог, организатор начального и среднего обучения; *Столповский Петр Адамович*, присяжный поверенный. Все четверо были гласными Городской думы в 1905 – 1908 гг. Однако на выборах в Московскую думу на четырехлетие 1909 – 1912 гг. кадеты проиграли октябристам.

⁵ Письмо генерала Степанова не сохранилось.

⁶ *Арсеньева Надежда Дмитриевна* (1885–1937).

⁷ Данное издание обнаружить не удалось. Не значит ли оно и в библиографии Трея, помещенной в: *Das Albertinum vor 100 Jahren – die Skulpturensammlung Georges Treus. Dresden. 1994.* Упомянутое письмо Трея также неизвестно.

⁸ Речь идет о М.Кюнерте и его почерке: он нередко писал под диктовку письма Трея.

⁹ Летом 1909 г. это желание Цветаева не осуществилось; Марина и Анастасия отдыхали под Дрезденом и совершили с отцом пешее путешествие по Саксонской Швейцарии в 1910 г. Подробнее см.: *Хексельштейндер Э.* Семья Цветаевых и Дрезден//Семья Цветаевых в истории и культуре России. XV Международная научно-тематическая конференция 8 – 11 октября 2007. Сборник докладов. М., 2008. С. 13–31.

¹⁰ Этот документ не сохранился.

851

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5410.

¹ Товарищ министра народного просвещения в 1907 – 1911 гг. – *Ульянов Григорий Константинович* (1859–1912), языковед, профессор (с 1888 г.), ректор (1899–1904) Варшавского университета. Речь идет о том же документе, что и в конце предыдущего письма.

² Заседание Комитета было проведено Нечаевым-Мальцовым 12 декабря 1908 г.

³ Ученым секретарем Музея Н.М.Горбов не стал.

852

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5411.

¹ Алексеевский женский монастырь был расположен на ул. Красносельской. Перенесен сюда в 1837 г. в связи со строительством храма Христа Спасителя. На кладбище при монастыре были похоронены многие члены семьи Иловайских, в том числе и первая жена Цветаева, *Иловайская Варвара Дмитриевна* (1858–1890). В 1926 г. монастырь был уничтожен, кладбище ныне не существует. 4 декабря ст.ст. – день памяти великомученицы Варвары.

² *Васильгикова Мария Александровна* (1859–1934), княгиня, с 1880 г. фрейлина.

³ *Корнилов Аркадий Петрович*, гофмейстер, состоящий при великой княгине Елизавете Федоровне.

⁴ Имеются в виду покои Малого Николаевского дворца в Кремле.

⁵ Речь идет об устройстве Марфо-Мариинской обители милосердия на Б.Ордынке, которую организовывала великая княгиня и настоятельница которой была в 1909 – 1917 гг.

⁶ *Дубасов* – лицо неустановленное; вероятно, подразумевается управляющий гусевских фабрик Нечаева-Мальцова. При этом не исключено, что фамилия неверно прочитана переписчиком.

853

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5412.

¹ Политический клуб «Союза 17 октября» был открыт в доме Каткова (д. 27 по нынешней нумерации) на Малой Дмитровке в конце сентября 1907 г.

² Вопрос о приобретении в государственную собственность голенищевской коллекции будет рассматриваться на заседании III Государственной Думы 10 апреля 1909 г. (см.: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев. С. 70–71). Штат Музея изящных искусств был утвержден законом 10 (23) мая 1909 г.

³ II Международный конгресс классической археологии в Александрии – Каире (7 – 15 апреля (н.ст.) 1909 г.). Цветаев выступил там 13 апреля с докладом об отделах восточного искусства в археологических музеях университетов Европы (резюме в: *Comptes rendus du Congrès international d'archéologie classique. 2me session. Le Caire. 1909//Le Caire: Imprimerie Nationale, 1909. P. 265–267; полный текст – в греч. переводе в каирской газете «Хронос»*).

854

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5413.

855

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5414.

¹ *Сабуров Петр Александрович* (1835 – 1918), русский дипломат и государственный деятель, коллекционер. О нем см. в т. 2.

² Подразумевается изображение древнеегипетского солнечного бога Гора в виде крылатого солнечного диска с широко раскрытыми крыльями. По сторонам диска изображались два урея.

Уреус, или урей – стилизованное изображение богини-кобры Уаджит – покровительницы Нижнего Египта. Являлось принадлежностью головного убора фараонов. Согласно описанию, сделанному Б.А. Тураевым в Путеводителе по восточному разделу экспозиции, в окончательном виде потолок Египетского зала был «расписан орнаментами различных эпох, преимущественно из фиванских храмов и гробниц времени Нового царства. Середину занимает полоса с изображениями коршуна богини Нехбет, покровительницы царства и династии Верхнего Египта. По сторонам – образцы геометрического и растительного орнаментов, звездное небо; на карнизах – орнаменты в виде кистей ковров, на архитравах – в виде лиц богини Хатор» (Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. Сост.: Б.А. Тураев, В.К.Мальмберг, Н.А.Щербаков. М., 1913. С. 8). Эта роспись сохраняется и поныне.

856

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5415.

¹ Цветаев называет выставочными залы постоянной экспозиции. В Музее не планировались специальные помещения для сменных выставок.

² Под металлическими решетками Греческого дворика подразумеваются ограждения верхней и средней площадок и лестницы, ведущей на нижнюю площадку зала. В Центральном зале это были ограждения между колоннами так называемых хоров.

³ На территории Музея было два зеленых участка – парадный сквер перед главным фасадом и небольшая полоска земли позади Музея, со стороны М.Знаменского пер., откуда был вход в директорскую квартиру и во внутренние дворы Музея.

⁴ Мы не знаем, как объяснить эту фразу Цветаева. Возможно, имеется в виду, что вместо прежних 120 тыс. в год, поступавших от Нечаева-Мальцова, он готов выделить в 1909 г. только 30 тыс.

1909

Книги рукописных копий и оригинальные письма Цветаева Нечаеву-Мальцову 1909 и 1910 гг. не сохранились. Здесь мы публикуем телеграммы и короткие письма обоих участников переписки за этот период, которые удалось разыскать в других фондах Отдела рукописей.

857

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2417, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей. Карандашная дата, проставленная телеграфистом, – «19.1.» – переправлена чернилами на «19.2».

¹ Суббота – 21 февраля 1909 г.

858

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2419а, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей. Текст обведен Цветаевым чернилами.

¹ *Щекин Михаил Сергеевич* (1871–1920), дипломат, коллекционер. В 1908 г. – российский консул в Триесте, в 1909 – 1912 гг. – первый секретарь российского посольства в Китае, в 1913 – 1916 гг. – советник посольства в Японии. Щекин подарил Музею собранную им коллекцию произведений итальянских художников XIV – XV вв. и итало-греческих икон XVI – XVII вв., а также три картины немецких авторов XV – XVI вв. и два образца мебели – поставец и ларь итальянской работы XV в. «Опись собрания итальянских и итало-греческих художественных памятников, принесенного М.С.Щекиным в дар Музею изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете» подписана Цветаевым и Щекиным 25 ноября 1909 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 320, л. 2). См. также Приложение к настоящему тому, с. 438. Переданную в Музей коллекцию Щекин продолжал пополнять вплоть до 1914 г. (см. Отчет Императорского Московского университета за 1912 г. М., 1913. С. 25, и ф. 2, оп. I, ед. хр. 319). В советские годы ее значительная часть была передана в другие музеи.

Музей изящных искусств имени Александра III при Московском университете был рекомендован М.С.Щекину помощником директора Публичной библиотеки Н.П.Лихачевым. Он же первым сообщил Цветаеву о желании коллекционера пожертвовать свое собрание. Вот фрагмент из этого письма от 28 октября 1909 г.: «В течение больше чем двадцати лет М.С. занимается историей старейшей итальянской живописи – *“итальянскими примитивистами”*. При этом он, не жалея средств, при удобных случаях приобретал подлинные образцы. В настоящее время коллекция состоит из 96 №№, среди коих имеются *первоклассные* вещи. Есть громадные кресты XIV века, есть картины и фрагменты, *подписанные*. Принимая во внимание, что Императорский Эрмитаж

пропустил удобное время и не имеет почти совершенно памятников итальянской живописи самого раннего времени, собрание Щекина является весьма ценным и не только по материальной стоимости затрат.

М.С.Щекин, уезжая на Восток, желает пристроить свое собрание в какой-нибудь русский музей.

Он желал бы все свои картины пожертвовать с тем, чтобы они были помещены в отдельную комнату *его имени*. Если это невозможно, то чтобы на стене над картинами была помещена надпись «Собрание М.С.Щекина».

Я указал М.С.Щекину на создаваемый Вами Музей изящных искусств, как раз посвященный *истории искусства*. Из коллекции Щекина плюс дальнейшие пожертвования (в Москве могут найтись и подражатели Щекина) возможно было бы составить недурной зал примитивистов XIV – XV вв. хотя бы где-нибудь на задворках и в верхнем этаже.

Щекин готов взять на себя и расходы по перевозке картин в Москву.

Прошу Вас черкнуть мне несколько слов по этому поводу – возьмете ли вы картины или нет? Щекин не решается обратиться к Вам лично, не узнав Вашего мнения».

(Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1784а. Публикуется впервые.)

859

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2420а, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ Щекин прислал Цветаеву следующее письмо:

«Петербург, 4/17 ноября 1909 г.

Милостивый государь

Иван Владимирович,

Ознакомившись с любезным ответом Вашего Превосходительства Н.П.Лихачеву по поводу моего намерения принести в дар Музею изящных искусств в Москве мою коллекцию примитивной итальянской и итало-греческой живописи, я позволил себе ввиду спешности дела – в СПб. я остаюсь примерно до 17 ноября, затем пробуду неделю в Москве и должен оттуда опять по месту служения в Пекин – заручиться принципиальным согласием также Ю.С.Нечаева-Мальцова, которое, по болезни последнего и от его имени, было мною сегодня получено в форме письма его племянника и моего сослуживца князя Е.П.Демидова Сан-Дonato.

Разрешите мне теперь перейти к сути дела. Я желал бы принести в дар Музею мою коллекцию *как целое, под моим именем* и с просьбой сохранить для нее в указанном Вами зале некоторое запасное место, так как свои многолетние связи с Италией я удержал в полной мере и надеюсь, если Бог даст мне жизни, постепенно пополнять собрание уже намеченными мною экземплярами поскольку позволят силы и средства. О подробностях как по сему поводу, так и в остальных отношениях пришлось бы, конечно, условиться с Вашим Превосходительством при личном свидании.

Коллекция состоит из около 100 №№ (пишу около, ибо некоторые №№, быть может, Дирекция Музея пожелает выделить), распадающихся примерно на две равные (по числу) группы. Первая – итальянские примитивы, главным образом XIV в., с образчиками почти всех школ и достаточным числом несомненных оригиналов крупных мастеров; особенно полны венецианская и сиенская школы.

Из числа оригиналов упомяну особенно Simone Martini, Lorenzetti, Segna di Bonaventura, Lippo Memmi и проч., вплоть до Giovanni di Pietro и Matteo di Giovanni; Lorenzo Veneziano (из коллекции Ongania, описанный и изданный в книге Venturi), есть одна вещь – епископальный крест (имеется и другой, подписной сиенской школы) из какой-либо bottega [мастерской (*ит.*)] Джиотто, над которым несомненно поработал и сам великий мастер, Taddeo Gaddi, Jacopo Avanzi (первоклассный) и т.д. Одна вещь приписывается с достаточной уверенностью Fra Beato Angelico. Из крайних редкостей упомяну две североитальянские пределлы не позднее 1250 г. (уники) и большая подписная вещь такого редкого и типичного мастера, как Niccolo da Bologna. Некоторые вещи крупных размеров. Фрагментов 4 – 5 штук, но все для истории живописи интересные.

Итало-греческий отдел, о значении которого мне кажется ныне никто уже не спорит, представлен исключительно типическими образцами (особенно полно Богоматерь), из коих некоторые представляют значительный интерес.

Кроме этих двух главных отделов в коллекцию входят а) два испанских подражания итальянским примитивам, я их включил как типичные образцы, т.к. этими вещами, которые фабриковались вплоть до XVIII в., теперь наводняют Италию, вводя многих в заблуждение, и думал бы, что их важно сохранить в коллекции; в) небольшой чеканный серебряный образок (своего рода уникам) и резной деревянный небольшой крест XV в. – если признано будет неудобным их вывесить, то, быть может, их следовало бы поместить в какую-либо витрину – и с) две немецкие картины, одна конца XIV или начала XV в. (ценные) – буде Дирекция Музея сочла бы их неподходящими для коллекции, я мог бы оставить их у родственников в Москве.

Упаковку и отправку вещей в Москву я, конечно, приму на свой счет, тем более, что ящики и пр. готовы.

В связи со всем вышележащим возникают некоторые вопросы, на которые, ввиду краткости срока и извиняясь за это беспокойство, покорнейше прошу Вас почтить меня ответом как только Вы найдете возможным в скорейшем времени, а именно:

1) достаточно ли настоящего письма для принятия моей коллекции, или же я должен написать какое-либо другое заявление и тогда в какой форме и на чье имя?

2) во время моего ближайшего приезда в Москву не пожелает ли Дирекция, чтобы я хотя бы на листе бумаги расчертил расположение картин по школам с указанием запасного места в связи с проектируемыми мною новыми приобретениями в будущем для пополнения коллекции?

3) сложен вопрос об отправке. В настоящую минуту перед отъездом я завален буквально работой, и для меня лично было бы очень удобно, если бы доверенное лицо от Музея здесь в СПб. помогло бы мне последить за упаковкой и приняло бы от меня вещи по описи. Если это невозможно сделать скоро, то прошу Вашего согласия поступить так: упаковать вещи, выслать ящики большой скоростью в Москву и затем, по приезде моем, уже с доверенным от Музея вскрыть ящики и на месте составить опись и чертеж расположения картин сообразно месту, которое для них предположено будет отвести.

4) не все картины в рамах; ввиду трудности заготавливать готические рамы не согласится ли Дирекция оставить их в таком виде, повесив их на деревянных шипах. Лишь для одной картины мог бы понадобиться расход, именно для той, которая приписывается Фра Беато Анжелико: так как на обратной стороне доски имеется эскиз Мадонны в лугах, то ввиду исторического значения этой детали было бы желательно сделать легкую железную вращающуюся рамку, чтобы картину можно было отворачивать от стены.

Все вещи исключительно на дереве.

Как москвич родом и почитатель громадного созданного Вашим Превосходительством для искусства дела я был бы душевно рад помещению моей коллекции в Музее.

В ожидании ответа покорнейше прошу Вас принять уверение в искреннейшем моем почтении и отличной преданности

М.С.Щекин

Адрес:

1) СПб, Морская, гостиница «Франция»

или

2) СПб, I Департамент Мин-ва иностранных дел

Мих. Серг. Щекину

Для личных переговоров вернее всего днем в Мин-ве иностранных дел от 1 – 6 час.».

(Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5730. Полностью публикуется впервые.)

² Зал Искусства древнехристианского и Средних веков, построенный на средства И.А. и Кс.Ф.Колесниковых, носил в 1912 – начале 1917 г. имя наследника-цесаревича Алексея Николаевича. Но из-за неполной сохранности документов мы не знаем, когда именно это было решено. Не исключено, что вопрос был задан Нечаевым-Мальцовым как раз в связи с появившейся у него мыслью о таком наименовании какого-либо зала в Музее.

860

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2419, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей. Текст обведен Цветаевым чернилами.

¹ На телеграмме – помета Цветаева: «Вопрос о назначении 1-м директором профессора Цветаева и 1-го старш[его] хранит[еля] в Музей Александра III». Старшим хранителем был назначен В.К.Мальмберг.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2420, телеграмма. Адресована на домашний адрес Цветаева в Трёхпрудном пер. Рукой Цветаева проставлена дата «18 декабря 1909».

¹ В 1908 г. одним из постоянных посетителей Румянцевского музея была совершена кража гравюр, которую обнаружили в январе 1909 г. Гравюры сбывались через московские антикварные магазины. Цветаев быстро установил личность похитителя, и большую часть украденного удалось вернуть. 11 ноября 1909 г. Московский Окружной суд признал факт совершения кражи этим лицом, однако вердиктом присяжных заседателей вор (как писали газеты – потомственный почетный гражданин, сын богатых родителей) был оправдан в связи с тем, что его якобы вынудили к краже стесненные личные обстоятельства – разорение компании, где он служил и куда вложил капитал, тяжелая болезнь матери и т. д. Это решение было встречено аплодисментами зала.

Происшествие, однако, стало поводом для травли Цветаева со стороны его бывшего коллеги по Московскому университету министра народного просвещения А.Н.Шварца. В течение года в Румянцевский музей было прислано 5 реvizий; в газетах регулярно появлялись заметки, порочащие деятельность Цветаева; министр обратился в Сенат с предложением уволить Цветаева от должности и назначить над ним судебное следствие. Постановлением Сената от 17 декабря 1909 г. Шварцу было в этом отказано по недостаточной обоснованности обвинений (обвинения против чиновников высокого ранга рассматривались Сенатом).

Высказанная в телеграмме Нечаева-Мальцова надежда, что дело прекращено, не оправдалась. Шварц еще дважды подавал в Сенат обвинительные рапорты, и, не дожидаясь сенатского решения по последнему из них, на личном докладе у царя в обход Сената добился увольнения Цветаева с поста директора Румянцевского музея высочайшим указом от 13 июня 1910 г. якобы «за бездействие власти и служебное нерадение» без пенсии за 28-летнюю службу в этом учреждении.

Сенатским указом от 15 марта 1910 г. и постановлением Сената от 26 мая 1911 г. обвинения против Цветаева были признаны несостоятельными. Деятельность Цветаева на посту директора Румянцевского музея была высоко оценена в юбилейном сборнике «Пятидесятилетие Румянцевского музея» (М., 1913), где помещен также его портрет. Тогда же Цветаев был избран почетным членом Румянцевского музея.

Приводим два отрывка из репортажа газеты «Русское слово» от 4 апреля 1913 г. об этом юбилее: «Первую речь произнес попечитель учебного округа А.А.Тихомиров, подчеркнувший значение музея как национального русского просветительного учреждения. Академик Ф.Е.Корш приветствовал музей от имени Императорской академии наук. Проф. И.В.Цветаев прочел адрес от Академии художеств и принес поздравление “старшему брату” от имени

“малютки” – Музея изящных искусств памяти Александра III. Затем следовали депутатии от московского городского самоуправления. <...> Совет Румянцевского музея избрал в почетные члены музея председателя Совета министров В.Н.Коковцова, председателя Государственного Совета М.Г.Акимова, председателя Государственной Думы М.В.Родзянко, директора Эрмитажа гр. Д.И.Толстого, кн. Н.С.Щербатова, засл. проф. И.В.Цветаева, директора Императорской публичной библиотеки В.В.Радлова, сенатора П.П.Семенова-Тян-Шанского, гр. С.Д.Шереметева, гр. А.А.Бобринского, академика Ф.Е.Корша, академика И.А.Шляпкина...».

862

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2421. Датируется 1909 годом по делопроизводственной помете «№ 3/328 СПб. 1909».

¹ Попытки получить деньги, завещанные Музею Муромцевыми, окончились неудачей, так как прямые наследники и душеприказчики уже скончались, а претензии к следующим наследникам суд счел неправомочными.

1910

863

Ф. 2, оп. I, ед. хр. 343, л. 5, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ Хотя текст закона о штатах Музея содержал специальный пункт о том, что неизрасходованные суммы по какой-либо из статей сметы переводятся на другие нужды Музея, на практике это требовало специальной переписки по инстанциям и бюрократических согласований.

864

Ф. 2, оп. I, ед. хр. 343, л. 6. Машинописный экземпляр с делопроизводственным № 480.

¹ Число не проставлено.

² Торговый дом Ж.Блок (Москва) поставлял бытовые механизмы американских, английских и немецких заводов, в том числе американские весы.

³ Возовые весы – весы для взвешивания груженых возов; чугунные весы системы Фербенкса считались наиболее прочными.

⁴ Протокол Строительной комиссии от 23 января 1910 г. (ф. 3, оп. I, ед. хр. 265, л. 3).

865

Ф. 2, оп. I, ед. хр. 343, л. 4, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ *Жданов Александр Маркелович* (1858–1914), попечитель Московского учебного округа в 1906 – 1911 гг. Астроном и геодезист, ректор Петербургского уни-

верситета в 1903 – 1905 гг. С 1911 г. – управляющий отделом промышленных училищ Министерства народного просвещения.

866

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2438, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей. На телеграмме приписка рукой Цветаева: «15 февраля 910».

¹ Вторник – 16 февраля.

867

Колл. XXI, ед. хр. 34. Делопроизводственная писарская копия с сокращениями слов, подпись Цветаева собственноручная.

¹ 12/25 июля 1910 г. исполнилось 25 лет службы Панайотиса Каввадиаса (Каввадиа) в должности генерального эфора древностей Греции. В июле 1910 г. Фонд Каввадиаса подготовил открытое письмо к мировому ученому сообществу, подписанное пятьюдесятью учеными, которое в сентябре поступило в Комитет по устройству Музея. Письмо было переслано Цветаеву за границу, где он тогда находился; на полях Цветаев написал: «Усердный поклон [зд. в значении «просьба»] В.К.Мальмбергу составить краткую, на 7 – 10 минут, записку или устный доклад Комитету Музея к его заседанию в декабре. Там после доклада В[ладимира] К[онстантиновича] предложим подписку членам в честь Каввадии. 4 окт. (нов. ст.) 1910. Дрезден. И.Ц.» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4655а. Публикуется впервые).

1911

868

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5416.

¹ См. комм. к телеграмме 861.

² Цветаев готовил к печати и издал сборник материалов «Московский Публичный и Румянцевский музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты И.Цветаева, быв. директора сих музеев, заслуженного профессора Московского университета» (Москва; Дрезден, 1910), состоящий из ответов на обвинения Шварца и присланных им ревизоров; книга вышла на правах рукописи. Она представляет собой конволют – соединение под одной обложкой нескольких брошюр и книг, первоначально существовавших отдельно и изданных в разных типографиях; известные нам экземпляры несколько различаются по составу.

³ С 5 июля до 20-х чисел октября 1910 г. Цветаев находился в заграничной поездке и побывал в Берлине, Магдебурге, Виттенберге, Дрездене и его окрестностях. Имеющиеся данные о маршруте и сроках поездки проанализированы в статье: *Хексельшнейдер Э.* Семья Цветаевых и Дрезден. С. 23–27 и примеч. к ним на с. 30–31.

⁴ Если в 1895 г. Цветаев отводил всей скульптуре христианского времени, включая «новую и русскую», три зала (см. т. 1, илл. 62), а в 1896 – начале 1898 г. даже меньше – два (т. 1, илл. 25 и с. 556 и 572), то теперь, после детализации замысла, средневековой и ренессансной скульптуре оказались посвящены уже четыре больших зала, один кабинет, «капелла» и Христианский дворик (т. 1, илл. 74 и 75).

⁵ Экспозиция этого зала, пострадавшая во время Великой Отечественной войны, была демонтирована в 1945 – 1946 гг. Отдельные слепки были перемещены на площадку между Греческим и Итальянским двориками (так называемый Белый пол). Значительная часть бывших экспонатов зала выставлена с 1997 г. в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева. О картине см. комм. 7 к следующему письму.

⁶ Доклад Цветаева «“Райские двери” Лоренцо Гиберти во Флоренции и повторение их в Петербурге» был опубликован посмертно (Древности. Труды ИМАО. Т. XXIV. М., 1914. С. 17–39).

В северном портике Казанского собора в Петербурге (1801–1811, архитектор А.Н.Воронихин) установлены двери, отлитые по слепку с «Райских врат» Гиберти. Слепок этот был подарен Петербургской Академии художеств Н.А.Демидовым в 1774 г. в награду за принятие его в почетные члены Академии. При установке рельефов в соборе порядок их был перепутан и не изменен по сей день.

⁷ Годичное заседание Комитета состоялось 27 марта 1911 г. в здании Музея. От Совета Университета присутствовали: исполняющий должность ректора Университета граф Л.А.Камаровский и деканы историко-филологического, физико-математического и медицинского факультетов. В качестве гостей были приглашены: попечитель Московского учебного округа А.А.Тихомиров, московский городской голова Н.И.Гучков, московский губернский предводитель дворянства А.Д.Самарин, московский уездный предводитель дворянства П.А.Базилевский с супругой и другие. См.: Комитет МИИ 1911.

869

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5417.

¹ Точные сроки отсутствия Нечаева-Мальцова нам неизвестны. В настоящее время о них можно судить лишь по следующим данным: единственное заседание Комитета по устройству Музея в 1910 г. состоялось под его председательством 26 марта (предыдущее было 18 сентября 1909 г.). В повестке было избрание действительными членами Комитета Голенищева и Щекина и предоставление полномочий В.С.Тычинскому по взысканию денег с наследников Муромцевых (ф. 2, оп. I, ед. хр. 340). Между тем в течение 1910 г. состоялись 18 заседаний Строительной комиссии, и на них зачастую решались вопросы, входившие именно в компетенцию Комитета; ни на одном из них Нечаев-Мальцов не присутствовал (ф. 3, оп. I, ед. хр. 265). Для характеристики этого периода отметим, что на 15 из этих заседаний председательствовал Цветаев; ректор Университета, формально являвшийся председателем Строительной комиссии

Музея, в ней обычно не появлялся – он руководил заседаниями только 3 раза в июле – сентябре, во время зарубежной поездки Цветаева. Характерно и то, что преемник Цветаева по кафедре, а затем и по Музею, В.К.Мальмберг, присутствовал лишь на одном заседании.

² Подразумевается зал Северного Возрождения. В действительности он был не только «немецким», но также французским и нидерландским. В нем у окон были поставлены щиты для экспонирования мелких скульптур.

³ Шлезвиг – город в северной Германии. Главной достопримечательностью Шлезвигского собора является перенесенный сюда в 1666 г. из упраздненного монастыря в Бордесхольме резной алтарь почти 13-метровой высоты с 392 скульптурными фигурами, выполненный в 1514 – 1521 гг. по заказу датского короля Фредерика I нюрнбергским скульптором *Гансом Брюггеманом*. Цветаев, естественно, заказал слепки лишь отдельных фрагментов алтаря.

⁴ Эти предметы приобретались в Риме при посредничестве Вильгельма Боде.

⁵ *Meyer A.G., Graul R. Tafeln zur Geschichte der Möbelformen. Ser. 1–12. Leipzig, 1904–1911.*

⁶ Московское Строгановское центральное художественно-промышленное училище в таких работах для Музея участия не приняло.

⁷ Дипилонский некрополь – более древняя часть древнего Афинского некрополя Керамик, находившаяся у городских ворот, называемых Дипилон (*др.-греч.* «двойные ворота»). В 1910 г. Цветаев обратился к Поленову с просьбой взять на себя исполнение живописного панно с изображением античного некрополя (по мотивам афинского Керамика) для зала Древнегреческих надгробий V – IV вв. до н.э., однако Поленов рекомендовал своего ученика, главного декоратора Императорских театров *Головина Александра Яковлевича* (1863–1930). Панно, занимавшее всю середину продольной стены зала, помимо познавательного назначения, должно было играть и роль театрального задника, замыкавшего собой перспективу колоннады центральной лестницы. «Эта картина займет такое декоративное положение, что на нее станут обращать все внимание. Оттого хотелось бы достичь здесь возможной иллюзии глубины аллей», – писал Цветаев Поленову 9 декабря 1910 г. (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6133). Однако панно, написанное Головиным, не во всем отвечало мечтам Цветаева – композиция его не продолжала линию центральной колоннады двумя рядами кипарисов, кипарисов на ней не было вовсе. Она носила, сколько можно судить по воспроизведениям, кулисный характер, скорее подчеркивая плоскость стены. Панно было установлено в зале в апреле 1912 г. Осенью 1941 г. при пожаре, возникшем от попадания зажигательных бомб в зал Музея, оно погибло. Подробнее см.: *Аксененко М.Б. Живопись в московском Музее изящных искусств: элемент оформления интерьера или экспонат?* // Дом Бурганова. Пространство культуры. М., 2009. № 2. С. 59–77.

Стоимость исполнения панно оплатила А.Г.Подгорецкая. В мемуарах Головина о его поездке в Грецию не упоминается.

870

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5418.

¹ Эта же шутка, но по поводу одного только Римского зала, встречается в письме Цветаева Клейну от 26 ноября 1910 г. (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 300).

Ипполитов-Иванов (наст. фам. Ива́нов) *Михаил Михайлович* (1859–1935), композитор и дирижер, с 1905 по 1918 г. – ректор (в дальнейшем, по 1922 г., директор) Московской консерватории. На церемонии открытия Музея 31 мая 1912 г., согласно газетным сообщениям, дирижировал соединенным хором учащихся московских учебных заведений, исполнивших, среди прочего, кантату его сочинения.

² О слепках крылатого льва и крылатых быков из дворца Саргона II см. т. 3.

³ Куюнджик – холм на месте ассирийской столицы Ниневии. Подразумеваются рельефы из находившихся там дворцов царей Синаххериба и Ашшурбанапала (VII в. до н.э.). Имеющиеся в ГМИИ несколько слепков оттуда (см. т. 3, илл. 72, 73) экспонируются в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева. Они не были заказаны в 1911 или 1912 г., а поступили в 1920-е гг. из бывшего Румянцевского музея. На обороте одного из них – надпись лондонского формовщика с датой «1862».

⁴ См. о рельефе с лучниками из дворца Артаксеркса II в Сузах и керамических копиях двух фигур с него т. 3 и т. 1, илл. 102.

⁵ *Назаревский Александр Владимирович* (1876 – после 1919), филолог, приват-доцент Московского университета. С 1909 г. – и.о. хранителя, с 1911 – и.о. учебного секретаря, в 1913 – 1916 гг. – старший хранитель Музея изящных искусств.

⁶ Где была развешана в это время коллекция Щекина, не установлено. В дальнейшем она находилась на первом этаже, в запасном зале В (см. план в т. 1).

⁷ *Киприянов (Киприанов) Сергей Павлович* (1875–1932), окончил юридический факультет Московского университета. С 1909 г. – смотритель здания Музея изящных искусств, с 1910 г. также библиотекарь Музея и делопроизводитель его Строительной комиссии. Работал в Музее до ноября 1916 г., когда был призван на действительную военную службу.

871

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5419.

¹ *Базилевский Петр Александрович* (1855–1920), камергер, предводитель дворянства Московского уезда в 1905 – 1914 гг., в дальнейшем московский губернский предводитель дворянства. Ниже Цветаевым упомянута его жена *Александра Владимировна*, урожденная Переслени.

² *Самарин Федор Дмитриевич* (1858–1916), общественный деятель, публицист славянофильского направления.

³ *Гиришман Леонард Леопольдович* (1839–1921), окулист, основатель глазной клиники Харьковского университета (1871), бывший его профессор (в отставке

с 1905 г.). В 1908 г. харьковчане по подписке построили больницу его имени, в которой Гиршман работал до конца жизни.

⁴ Лукьянов *Сергей Михайлович* (1855–1935), обер-прокурор Святейшего Синода в 1908 – 1911 гг. См. о нем подробнее в т. 2.

⁵ «Рыжий Глебов» – лицо неустановленное.

⁶ Подразумевается, по-видимому, *Савёлов Леонид Михайлович* (1868–1947), историк российского дворянства, автор многочисленных работ по генеалогии; камергер и действительный статский советник. Савёлов был первым председателем Историко-родословного общества в Москве (с 1904 г.), одним из организаторов музея Отечественной войны 1812 г., заведующим Московским архивом Министерства Императорского Двора (с 1908 г.), профессором Археологического института; коллекционером, в 1910 г. пожертвовавшим свои коллекции Историческому музею. (В последние годы Исторический музей регулярно проводит в его память «Савёловские чтения».)

⁷ Речь идет об одянии настоятельницы Марфо-Мариинской обители милосердия (на Ордынке в Москве.)

⁸ Была ли выставлена в Музее коллекция восточного оружия П.А.Базилевского, установить не удалось. В отчетах Музея это не отражено.

⁹ Надежды Цветаева получить к открытию Музея какие-либо оригиналы от представителей московской знати оправдались лишь в очень малой степени (см. далее, в письме 933, о даре Д.А.Хомякова).

872

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5420.

¹ *Шервинский Василий Дмитриевич* (1849/50–1941), доктор медицины, профессор Московского университета в 1884 – 1911 гг., директор университетской общей клинической амбулатории им. В.А.Алексеевой в 1896 – 1899 гг., в 1899 – 1907 гг. директор факультетской терапевтической клиники, где Цветаев лечился осенью 1906 г.

² В 1908 – 1911 гг. в царском имении Ливадия в Крыму на месте старого Большого дворца был построен новый Большой, или Белый, дворец, сохранившийся по настоящее время (архитектор Н.П.Краснов). Имеются сведения, что в его отделке применялся уральский мрамор из каменоломен, впервые разработанных для московского Музея изящных искусств.

³ О парижском Музее сравнительной скульптуры во дворце Трокадеро и его мастерской слепков подробнее см. т. 1 и 3.

873

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5421.

¹ Такая выкраска стен Римского зала не была осуществлена.

² Князь *Щербатов Сергей Александрович* (1875–1962), меценат, коллекционер, художник. Впоследствии автор книги «Художник в ушедшей России». О его

отце, князе *Щербатове Александре Алексеевиче* (1829–1902), члене-учредителе Комитета по устройству Музея изящных искусств и бывшем московском городском голове, см. т. I. Заказ С.А.Щербатовым для своего дома повторения музейных копий равнинских мозаик и несколько аналогичных случаев с заказами слепков другими гостями Музея Цветаев особо отметил в своей отчетной речи 27 марта 1911 г. «как начало благотворного влияния нового Музея на Москву и московское общество» (Комитет МИИ 1911. С. 49).

³ Имеются в виду *Владимир Владимирович фон Мекк* (1877 – ?) и его отец *Владимир Карлович* (1852–1893), старший сын известного строителя железных дорог *Карла Федоровича фон Мекка* (1821–1876) и его жены *Надежды Филаретовны* (1831–1894), меценатки и друга П.И.Чайковского.

⁴ В Можайском уезде Московской губ. находилась усадьба Уваровых Поречье. Уже в 1866 г. П.С.Уварова была избрана председателем Можайского благотворительного общества, много занималась организацией школ в Можайске и уезде и, в частности, впервые в России привлекла к преподаванию в них женский персонал.

874

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5422.

¹ Об этих слепках см. т. 3 и илл. 76, 77 там же.

² Вюрцбург в особенности богат скульптурами *Тильмана Рименшнейдера* (ок. 1460–1531). В настоящее время большая часть его вюрцбургских работ находится в Музее Восточной Франконии, расположенном над городом в замке Мариенберг. Из имеющихся в московском Музее слепков с произведений Рименшнейдера некоторые экспонируются теперь в проходе между Средневековым залом и залом Итальянского искусства XV в., другие – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева, многие находятся в запасниках.

³ Фленсбург – город к северу от Шлезвига, у нынешней границы с Данией.

⁴ См. комм. 3 к письму 869.

⁵ Хемниц (Кемниц) – город в Саксонии.

⁶ Градоначальник – должностное лицо с правами губернатора, управляющее градоначальством (городом с прилегающими землями), выделенным из губернского подчинения в отдельную административную единицу. В Москве градоначальство учреждено с 1 января 1905 г. В 1908 – 1915 гг. московским градоначальником был А.А.Адрианов. См. о нем комм. 3 к письму 931.

875

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5423.

¹ Временное исполнение Цветаевым обязанностей декана в феврале – марте 1911 г. вызвано было следующими событиями.

В январе 1911 г., во время студенческих беспорядков, в Университет без со-

гласования с его администрацией была введена полиция. Расценив это как фактическое отстранение ректора от руководства внутренней жизнью Университета, ректор профессор А.А.Мануйлов и два его помощника – профессора М.А.Мензбир и П.А.Минаков – с одобрения Совета Университета подали в отставку. 2 февраля министр народного просвещения Л.А.Кассо не только освободил их от должности, но и уволил из Университета как профессоров. В знак протеста Университет покинули 108 человек, в том числе 25 профессоров и 74 приват-доцента.

В этой обстановке декан (а в дальнейшем – ректор) М.К.Любавский стал исполнять обязанности помощника при временном ректоре, а Цветаеву пришлось согласиться на хлопотные обязанности временного декана. Экстренные заседания были связаны с необходимостью перераспределить преподавательские нагрузки.

² Брат Нечаева-Мальцова, Дмитрий Степанович Нечаев, скончался 15 февраля 1911 г. в Петербурге и был похоронен 18 февраля в московском Новодевичьем монастыре, рядом с сестрами. На этом же участке кладбища в 1913 г. был погребен сам Нечаев-Мальцов. Могилы скрыты в 1930-е гг.

876

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5424.

¹ Имеется в виду зал Университетского Совета.

² Речь идет о 16 копиях, сделанных русской художницей, почетным членом Академии художеств баронессой *Еленой Оттокарвной фон Лаудон* с фресок флорентийского художника XVI в. Андреа дель Сарто в монастыре Скальцо. Копии были приобретены и принесены в дар Музею владимирскими дворянками *Татьяной Владимировной* и *Анной Александровной Левченко* (ф. 2, оп. I, ед. хр. 346 и 345, л. 1).

³ Цветаев подразумевает Демидовых Сан-Донато.

877

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5425.

¹ Великая княгиня *Мария Павловна* (1854–1923), урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская, президент Академии художеств, вдова великого князя Владимира Александровича.

² *Китнер Иероним Севастьянович* (1839–1929) и граф *Сюзор Павел Юрьевич* (1844–1919), академики архитектуры.

³ Николаевский (Московский) вокзал в Петербурге, построенный в 1844 – 1851 гг. по проекту К.А.Тона, в начале XX в. нуждался в расширении и перестройке. После неудачи архитектурного конкурса 1906 – 1907 гг. проект был заказан летом 1909 г. Померанцеву, в задание входило сохранить тоновский фасад. Составленный Померанцевым проект вызвал в декабре 1910 г. критическую статью А.Н.Бенуа. Китнер, Сюзор и еще три академика также высказались

против сохранения тоновской постройки. В итоге обсуждений проект был забракован в ноябре 1911 г. Первая реконструкция вокзала произошла только в 1951 г. Первоначальный фасад здания сохраняется по сей день.

⁴ *Демидов Никита Акинфиевич* (1724–1789), богатейший промышленник и меценат.

⁵ *Жан де Булонь*, иначе *Джованни да Болонья* (1529–1608), итальянский скульптор французского происхождения.

⁶ Имеется в виду Екатерина II.

878

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5426.

¹ *Бутенёв Константин Аполлинарьевич* (*Аполлонович*) (1848–1933), с 1899 г. граф *Хребтович* (*Хрептович*), член Совета Московского художественного общества, в дальнейшем (1914) его председатель. В 1860 – 1870-е гг. морской офицер. Автор книги «Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV в.» (М., 1909), исследования об Аристотеле Фиораванти и др. В 1911 г. предоставил свой дом на Поварской ул. для только что созданного музея Льва Толстого.

Сохранилась записка Уваровой от 14 марта 1911 г. с просьбой разрешить ей «сегодня» присоединиться к гр. Хребтовичу и приехать в Музей (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4226).

² Слепок не был получен.

³ Этот заказ, по-видимому, все же не был сделан. Более того, в экспозиции 1912 г. слепки микеланджеловских гробниц Медичи вообще не передавали существующее в оригинале соотношение их скульптур со стеной (верхние фигуры – наполовину в нишах, нижние – диагонально на крышках саркофагов, стоящих параллельно стене). Наоборот, они демонстративно были поставлены по углам зала. Тем самым умышленно утрировалась протобарочная динамичность микеланджеловских скульптур. (Вообще, большинство историков искусства последней четверти XIX – первой трети XX в., включая Макса Дворжака с его хрестоматийным описанием фрески «Страшный суд», были излишне восприимчивы к текучести микеланджеловской формы и почти нечувствительны к одновременному наличию в ней противоположного полюса – жесткой структурированности.) Расстановка этих слепков была изменена лишь несколько десятилетий спустя.

⁴ О Виктории (Нике) Самофракийской см. т. 3 и илл. 109 в т. 1. О статуе благословляющего Христа, именуемой «Добрый (или Прекрасный) Бог Амьена», см. т. 3 и илл. 37 там же. О Галикарнасском мавзолее см. т. 3 и илл. 83 и 84 там же.

⁵ Речь идет о заказанном в музее Мюнхенского университета слепке Афины Промахос Фидия в реконструкции Вальтера Амелунга. См. илл. 113–115.

⁶ О скульптурах Бамберга, Наумбурга и Страсбурга XIII в. см. т. 3 и илл. 49–54, 57–62 и 44–47 там же.

879

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5427.

¹ *Тихомиров Лев Александрович* (1852–1923), редактор «Московских ведомостей» в 1909 – 1913 гг., штатный сотрудник этой газеты с 1890 г. В молодости участвовал в революционном движении, был террористом, членом Исполнительного комитета партии «Народная воля»; в 1882 – 1888 гг. жил в эмиграции. В 1888 г. выпустил в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером» и просил Александра III о помиловании, которое и было ему дано.

880

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2430. Автограф.

¹ Определение даты этого письма Нечаева-Мальцова, не проставленной самим отправителем, затруднительно. С одной стороны, цветаевское письмо от 15 марта названо в нем «сегодняшним». С другой – Цветаев, вероятнее всего, получил его только 19-го, когда и написал ответ (письмо 881). В такой ситуации нам кажется правдоподобнее предположить, что именно Цветаев почему-то замешкался с отправкой своего письма от 15-го числа, а не Нечаев-Мальцов – с гневной реакцией на него.

881

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5428.

¹ *Чепелевский Николай Ильич* (1836–1886), генерал-майор, артиллерист, писатель. Одним из первых в России стал читать лекции с использованием «туманных картин» (диапозитивов); в том числе выступал в 1860-е гг. с этим новшеством в Академии художеств и в царской семье. В 1871 г. был назначен товарищем председателя Исторического музея и фактически руководил материальной стороной дела.

² *Покойный Государь* – Александр III. О его отношении к Историческому музею, о долгах этого музея и о банкире Л.С.Полякове (члене-учредителе Комитета по устройству Музея изящных искусств) см. т. 1.

³ У П.С.Уваровой было 4 сына и 2 дочери, из которых одна умерла в младенчестве. Приходится поэтому предположить, что «дочерьми» Цветаев называет также ее невесток.

⁴ *Кассо Лев Аристович* (1865–1914), министр народного просвещения в 1910 – 1914 гг. Юрист, в прошлом профессор Харьковского и Московского университетов и директор Лицея имени цесаревича Николая в Москве в 1908 – 1910 гг.

⁵ Подразумевается награждение Нечаева-Мальцова старейшим и высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного.

В письме от 15 марта 1911 г. Уварова писала Цветаеву: «Кассо я во всяком случае в Петербурге увижу и буду говорить о Юрии Степановиче и, смотря на то, как он отнесется к этому вопросу, думаю действовать и далее...» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4227. Публикуется впервые).

31 мая 1912 г. Нечаев-Мальцов был награжден другим орденом – Владимира 1-й степени.

882

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5429.

¹ Письмо Клейна в редакцию напечатано в газете «Русское слово» 25 марта 1911 г.

883

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5430.

¹ Новый попечитель Московского учебного округа, зоолог *Тихомиров Александр Андреевич* (1851–1931) в 1898 – 1904 гг., будучи сначала помощником ректора, а затем ректором Московского университета, председательствовал на заседаниях Строительной комиссии Музея. См. т. I.

² *Голицын Василий Дмитриевич* (1857–1926), князь, шталмейстер Высочайшего Двора. 19 июля 1910 г. был назначен директором Румянцевского музея. См. о нем: *Коваль Л.М.* Князь В.Д.Голицын и Румянцевский музей. М., 2007.

³ Вербное воскресенье – 3 апреля 1911 г. Заседание состоялось 27 марта.

⁴ Бюст поступил в Музей в 1911 г. от московского педагога Марии Константиновны Бот (ф. 2, оп. I, ед. хр. 405, л. 3). Об этом даре было упомянуто в газете «Русское слово» как раз 22 марта 1911 г.

884

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2431. Автограф.

885

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5431.

¹ Коллекция Голенищева уже летом 1909 г. была принята на государственное хранение комиссией, в которую входил в качестве представителя от Московского университета Цветаев. Однако московский Музей, куда ее решено было направить, был еще без дверей и замков и не мог обеспечить надежной сохранности коллекции, поэтому временно ее поместили в упакованном виде в Эрмитаж.

² *Тураев Борис Александрович* (1868–1920), востоковед, доктор всеобщей истории, профессор Петербургского университета. Один из инициаторов приобретения коллекции Голенищева государством. В 1909–1911 гг. – член комиссии по приему древневосточной коллекции Голенищева в Музей изящных искусств; в 1912 – 1920 гг. – заведующий отделом Востока Музея; в 1912 – 1914 гг. занимался созданием и совершенствованием первой научной экспозиции Египетского и Азиатского залов.

³ 5 апреля 1911 г. Цветаев писал Поленову, отсутствовавшему на заседании 27 марта по болезни: «Годичное заседание Комитета прошло благополучно; сидели мы в зале Библиотеки. Доклад мой прослушался легко – за стаканом чаю»

с баранками. После обошли всем собором работы. По общему мнению, можно бы малярную часть и расстановку предметов окончить к осени» (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6138. Публикуется впервые).

⁴ Граф *Толстой Дмитрий Иванович* (1860–1941), нумизмат, директор Императорского Эрмитажа с 1909 г., ранее товарищ управляющего Русским музеем (с 1901 г.).

886

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5432.

¹ Цифра 224 неверна, правильное число – 225. Еще один, 226-й ящик, содержащий папирусы, не мог быть перевезен в холодное время года и был оставлен в Эрмитаже до лета.

² Великий князь *Михаил Александрович* (1878–1918), младший брат Николая II.

³ Великий князь *Николай Михайлович* (1859–1919), старший сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I.

⁴ Приезд царской семьи в Москву в августе 1912 г. представлялся неременным в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны 1812 г.

⁴ Физиатрический санаторий *Генриха Ламана* в деревне Вайссер Хирш возле Лошвица пользовался международной известностью; о лошвицком докторе *Мёллере* Цветаев, возможно, и знал только потому, что в этих местах отдыхали летом 1910 г. Марина и Анастасия Цветаевы – и Цветаев их там навещал. Осенью же 1911 г. он лечился в другом месте под Дрезденом – в клинике *Отто Ростоского* (1872–1962) в Штрелене (сейчас – часть Дрездена).

887

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5433.

¹ Православная Пасха в 1911 г. приходилась на 10 апреля.

² Эти ожидания не оправдались. В Музей из Эрмитажа в 1912 г. были переданы около 30 античных ваз не лучшего качества.

³ Фомина неделя – 18 – 24 апреля 1911 г.

⁴ Ходатайство Цветаева было удовлетворено лишь в небольшой степени. В 1913 – 1914 гг. Императорская Археологическая комиссия передала Музею 126 археологических предметов. Среди них был подлинно значительным Бородинский (Кишиневский) клад, найденный в с. Бородино Аккерманского уезда Бессарабской губ. Он состоял из 18 предметов, аналогичных находкам Г.Шлимана в Трое (с 1923 г. – в Государственном Историческом музее). Клад привезли в Музей 15 декабря 1913 г., в день траурного заседания, посвященного памяти И.В.Цветаева и Ю.С.Нечаева-Мальцова.

⁵ Эти полные комплекты доспехов вместе с манекенами и конями в Музей не поступили, присланы были 5 щитов и один шлем (экспонировались в названном Цветаевым зале).

⁶ О «Колодце Моисея» (ок. 1395–1406) работы К.Слютера и К.де Верве и о его слепке см. т. 3 и илл. 64 там же.

⁷ О приобретениях на средства П.М.Третьякова и Л.С.Полякова см. т. 1 и, в частности, илл. 46–50 там же.

⁸ О Геркулесе Фарнезском, считающемся копией с оригинала Лисиппа, см. т. 2 и илл. 94 там же. Вторично приобрести его слепок взамен погибшего Музею не удалось.

⁹ О фабриканте кумача и благотворителе *Баранове Иване Александровиче* (1863–1920-е) см. т. 1. Весной 1912 г. Баранов сделал новое пожертвование Музею – 2500 руб. на приобретение слепков (ф. 6, оп. I, ед. хр. 189).

¹⁰ Речь идет о старейшей в мире Московской глазной больнице (ныне – Московская офтальмологическая клиническая больница). Основана в 1826 г.; с 1830 г. по сей день размещается в здании XVIII в., стоявшем на углу Тверской ул. и Мамоновского пер.; в 1939 – 1940 гг. здание было отодвинуто от Тверской вглубь квартала и развернуто фасадом в переулок, его нынешний адрес – Мамоновский пер., 7. Домовая церковь Христа Спасителя при больнице была построена в 1845 г., это одна из ближайших к дому Цветаева церквей.

888

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5434.

¹ Одна из экскурсий состоялась, в частности, утром 11 апреля 1911 г. Музей посетила группа из 48 болгарских гимназистов и преподавателей. Гостей встречали Цветаев и Клейн, экскурсию вел Назаревский. По ее окончании А.Г.Подгорецкая предложила экскурсантам пасхальное угощение (см. «Утро России» и «Московские ведомости». 1911. 13 апреля).

² *Фольк Карл* (1867–1919), мюнхенский профессор, историк искусства, его переведенные в 1916 г. на русский язык «Опыты сравнительного изучения картин» по сей день остаются классической книгой для воспитания искусствоведов. Когда занимался у него Назаревский, не выяснено.

³ *Вентури Лионелло* (1885–1961), итальянский историк искусства, сын Адольфо Вентури, автора многотомной «Истории итальянского искусства»; пользовался известностью уже в цветаевские годы, хотя его основные труды по искусству Возрождения и Новейшего времени были написаны позже.

⁴ *Губастов Константин Аркадьевич* (1845–1919), дипломат, историк, автор работ по генеалогии; посланник в Сербии (1904–1906), товарищ министра иностранных дел в 1906 – 1908 гг., затем в отставке. Сохранилось несколько его писем к Цветаеву: ф. 6, оп. I, ед. хр. 729–731.

⁵ Вместе с командированными от Московского университета И.В.Цветаевым и В.К.Мальмбергом К.А.Губастов был в числе 29 русских участников II Международного археологического конгресса, проходившего в Александрии и Каире весной 1909 г. По окончании заседаний для его участников была организована 11-дневная поездка в Верхний Египет (15 – 26 апреля н.ст.) с осмотром важнейших памятников древности в Луксоре, Карнаке, Абидосе, Ком-Омбо, Эдфу, Эснаэ, Дендера, Асуане и на о. Филе. Подробнее о маршруте этой экскурсии см. брошюру: *Фармаковский Б.В.* Второй Международный конгресс

классической археологии в Каире. (Из «Журнала Министерства народного просвещения»). СПб., 1910. С. 24–25.

На обратном пути из Египта Цветаев посетил также Грецию, где до этого был только в 1889 г.

⁶ 6 января 1912 г. от Губастова поступили в Музей «древнеримских монет 431, медалей пап 63, медалей кардиналов 12, медалей времени *sede vacante* [промежуток между смертью папы и вступлением на престол его преемника] 5, итальянских имитаций римских медалей 12, поддельных медалей 22. Итого 545. Кроме сего принят принесенный в дар тем же дарителем мраморный бюст неизвестного римлянина» (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 451, л. 2. Публикуется впервые. Списки – л. 3–5.) Дар Губастова экспонировался в двух витринах – в Римском зале и Христианском дворике.

⁷ Об итальянских офицерах, гостивших у В.Д.Поленова, сведений не найдено.

889

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5435.

¹ Супруга И.А.Колесникова – *Ксения Федоровна*. Подробнее о ней см. т. 1. Переписка о награждении Колесникова продолжалась еще и полгода спустя после открытия Музея; однако найти в сохранившихся документах итог этой переписки не удалось. Приведенные Цветаевым суммы пожертвований Юсуповых и Колесниковых неполны.

² Имеется в виду экзамен по специальности, предшествовавший написанию магистерской диссертации. Написал ли Назаревский в итоге диссертацию и какова была ее тема, нам неизвестно.

³ Указанный орден Назаревский получил. Менее высокую награду – Станислава 3-й степени – получил Киприянов (ф. 2, оп. I, ед. хр. 351, л. 156).

⁴ Доклад был издан без иллюстраций и рассылался начиная с октября 1911 г. К открытию Музея были подготовлены другие печатные материалы.

⁵ Словом «политипаж» в настоящее время называют печатные формы (заставки, концовки и т.п.), многократно используемые как типовые украшения в книгах и других изданиях. Цветаев употребляет его в другом значении, ныне устаревшем, но отмеченном в нескольких словарях его времени: иллюстрации или клише для них.

⁶ Книга о сооружении Музея составлена Цветаевым совместно с Клейном не была.

890

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5435^a.

¹ Недатированное письмо А.М.Опекушина (примерно от 16 – 17 апреля 1911 г.) сохранилось: ф. 6, оп. I, ед. хр. 2554.

² С 18 апреля.

³ *Ассонов Ф.В.*, главноуправляющий «Товарищества паровых мельниц Н.А.Бугрова». Пожертвований от него на Музей не поступило.

891

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5436.

¹ Письмо князя Ф.Ф.Юсупова не сохранилось.

² Сведений о скульптурах Джованни да Болонья в коллекциях Ф.Ф.Юсупова и Н.С.Мосолова и о последующей судьбе этих произведений нами не найдено. В Музее они не выставлялись.

³ *Лаурана Франгеско* (ок. 1430–1502), итальянский скульптор раннего Возрождения, родом из Далмации. Судьба упомянутых Цветаевым бюстов нам неизвестна, в Музее они не выставлялись.

⁴ Дача Юсуповых в Царском Селе построена в барочном стиле архитектором И.А.Мониетти в 1856 – 1859 гг.

⁵ Жертвователи Музея получили к открытию Музея не ордена, а только «высочайшую благодарность» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 351, л. 159).

⁶ Голубой была лента ордена Андрея Первозванного.

⁷ Титулование «ваше превосходительство» соответствовало чину 4-го класса (действительный статский советник, генерал-майор, контр-адмирал). Чин действительного статского советника Р.И.Клейну к открытию Музея был пожалован (ф. 2, оп. I, ед. хр. 351, л. 156). Того же чина был удостоен к этому дню В.К.Мальмберг.

892

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5437.

¹ Резидент – полномочный представитель страны в ранге ниже посланника; полномочный министр – высшее звание российского посла при чужом дворе. Прогноз Цветаева до некоторой степени оправдался. Уже в 1912 г. Э.П.Демидов Сан-Дonato был назначен российским посланником в Греции; в этой должности он пребывал по 1917 г.

² Как раз следующим днем после написания этого цветаевского письма датирована найденная в 1966 г. при ремонтных работах в Белом зале надпись, тайно замурованная подмастерьями И.И.Нивинского в одном из упомянутых касетонов. Она сделана черными чернилами или тушью на деревянной доске изогнутой формы размером 5,6 × 70,8 × 1,5 см. Воспроизводим текст, сохраняя особенности орфографии подлинника:

«Друзьям 200 лет вперет 1911 г. 30 апреля сию доску положили живописци. Робочие время 9 часов плата от 2 руб. до 3-х руб. Условия жизни: очень трудные. Дали свободу, опять взяли обратно Гордеев. Митюхин. Знаев старший Св[е]рчков» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 486. Публикуется впервые).

Заметим, что плата 2 – 3 руб. за рабочий день, то есть около 600 – 900 руб. в год, была не слишком мала. Столько же зарабатывали в Музее лепщики. Оплата труда фабричных рабочих и низших чиновников в тогдашней России была заметно ниже. Письмоводитель И.В.Дмитриев получал в Румянцевском музее около 340 руб. в год. 3000 руб. составляло годовое жалованье ординарного профессора.

³ Палаццо ди Венеция, или дворец Венеции, долгое время служивший резиденцией представительства Венецианской республики в папском Риме, находится рядом с Капитолийским холмом. Он сооружен в 1455 г. и, хотя включает в себя более ранние постройки, считается одним из первых ренессансных зданий в этом городе.

893

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5438.

¹ Флора Фарнезе («Большая Флора») Неаполитанского музея – римская вариация статуй эллинистического типа, созданного, в свою очередь, под влиянием «Афродиты в садах» (V в. до н.э.). Статуя считалась парной к Геркулесу Фарнезе и найденной в римских термах Каракаллы вместе с ним. В действительности происходит из какого-то иного места и была известна еще в 1530-е гг., то есть лет за 10 до того, как был обнаружен Геркулес Фарнезе.

Другие 3 слепка античных статуй, стоявшие около главной лестницы Академии, это «Аполлон Кифаред», «Раненый воин» и «Дионис, опирающийся на Эрота».

В сентябре 1911 г. из Академии художеств был получен отрицательный ответ в том смысле, что Академия и не имеет свободных средств на изготовление новых форм со своих старых гипсов, и не возьмется за такое изготовление, опасаясь повредить особо ценные слепки, которые больше уже негде вновь заказать (ф. 2, оп. I, ед. хр. 411).

² Об эгинских фронтонах см. т. 1 и 2 и илл. 43, 44 в т. 2. Восточный фронтон сохранился слишком фрагментарно, чтобы общая его композиция могла быть воссоздана. Цветаев говорит о западном. В путеводителе не было указано, что в оригинале фронтон шире, чем в Музее.

894

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5439.

¹ Пересказывается письмо П.С.Уваровой из Можайска от 5 мая 1911 г. (ф. 6, оп. I, 4236).

² День коронации Николая II – 14 мая 1896 г.; в 1911 г. исполнялась ее 15-я годовщина.

³ Дарственное письмо от 9 мая 1911 г. с собственноручной подписью «Елисавета» сохранилось: ф. 2, оп. I, ед. хр. 405, л. 16. Из списка в 18 номеров (там же, л. 17) видно, что речь идет – за единственным, может быть, исключением – об акварелях; 15 номеров обозначены как «копии». Три акварели представляли собой оригиналы *А.М.Браиловского*, *Эрнесто Бенса* и некоего *Алессандри*.

⁴ Сергиевским дворцом называлась петербургская резиденция великого князя Сергея Александровича – дворец возле Аничкова моста (архитектор А.И.Штакеншнейдер, 1840-е гг.). После гибели великого князя дворец оставался во владении его вдовы.

⁵ Пестум – местечко примерно в 80 км к юго-востоку от Неаполя и в 35 км от Салерно, со знаменитыми остатками храмов древнегреческого города Посей-

дония, основанного ок. 600 г. до н.э. Нынешнее название город получил от племени луканов, занявших его на два века позднее. Разрушен сарацинами в IX в.

⁶ Речь идет о художественной выставке, посвященной 50-летию объединения Италии.

⁷ *Тициан Вегеллио* (ок. 1480/1490–1576), итальянский живописец.

⁸ Памятник был открыт 30 мая 1912 г., Музей – на следующий день.

⁹ Имеется в виду последнее место жительства великого князя Сергея Александровича – не существующий ныне Малый Николаевский дворец в Кремле, рядом с Чудовым монастырем.

895

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5440.

¹ Кабинет изящных искусств был перевезен в здание Музея в 1904 г., но та часть его имущества, которая могла бы представлять особый соблазн для похитителей (монеты, мелкие вещи), была оставлена до завершения строительства Музея на старом месте, где замурована в стены. Помещение с тех пор занимал Минералогический кабинет, которым заведовал профессор В.И.Вернадский. Выемка и прием экспонатов 16 мая 1911 г. производились в присутствии ассистента Вернадского А.Е.Ферсмана (ф. 2, оп. I, ед. хр. 402).

² Об этом даре см. письмо 929.

896

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5441.

¹ Далее Цветаев пересказывает содержание написанного им в тот же день письма к Клейну (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 303 сл. См. аналогичные мысли в более ранних письмах: Там же. С. 291, 294 сл.). В итоге кронштейны и балки на потолке Средневекового зала, по сторонам его стеклянного плафона, все же получили разноцветную орнаментацию. Впрочем, условие «грубоватости» в этой росписи, как нам кажется, соблюдено.

² *Добровольский В. (?) Александрович*, инженер (упоминается как начальник Нижегородской, Курской и Муромской железных дорог в апреле 1910 г.). Его письма Цветаеву нам неизвестны.

³ *Добровольский Николай Александрович* (1854–1918), обер-прокурор 1-го департамента Сената в 1900 – 1916 гг., в дальнейшем, в конце 1916 – начале 1917 г., министр юстиции и генерал-прокурор Сената.

897

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5442.

¹ В комиссию по приему коллекции Голенищева официально были назначены Б.А.Тураев, И.В.Цветаев и В.К.Мальмберг; в качестве помощников Цветаев привлек также А.В.Назаревского и С.П.Киприянова (см.: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев. С. 118).

² Кто был этот ученик Тураева, не установлено; но, судя по всему, он действительно приехал: «Работало нас 6 человек», – сказано в письме 898. Предпола-

гаем, что это мог быть заканчивавший в то время Петербургский университет *Василий Васильевич Струве* (1889–1965).

³ Голенищев приезжал в Музей вместе с Тураевым в октябре 1911 г., чтобы обсудить будущую расстановку предметов коллекции в экспозиции (см. письмо 915). На открытие Музея он не присутствовал.

⁴ А.Г.Булыгин являлся председателем Комитета по сооружению памятника Александру III.

898

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5443.

¹ Это письмо обер-прокурора Н.А.Добровольского или его брата к Цветаеву, написанное «к Рождеству», не сохранилось.

² 16 мая, очевидно, было получено сообщение В.А.Добровольского, упомянутое в письме 896.

³ Выяснить, о какой из княжон Щербатовых идет речь, не удалось.

⁴ Имеется в виду слепок деревянного «епископского места» (1469), оригинал которого, работы немецкого скульптора *Йорга Сирлина Старшего* (ок. 1425–1491), находится в Ульмском соборе. Оно представляет собой трон с тремя сиденьями и подобием парты перед ним, увенчанный высоким готическим балдахином со статуей Христа. Слепок был заказан для Музея ульмскому мастеру Р.Лоренцу (ф. 2, оп. I, ед. хр. 360) как пример декоративного искусства поздней готики.

⁵ *Сенявин Лев Владимирович*, гражданский инженер.

899

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5444.

¹ Плаванье на яхте среди шхер и островов Балтийского моря было любимым летним отдыхом Николая II и его семьи.

² Наугеймские ванны – углекислые ванны для лечения кардиологических и нервных болезней и ревматизма; по названию курорта с минеральными источниками недалеко от Франкфурта-на-Майне.

³ Как ни странно, памятник Александру III был начат в свое время без церемонии закладки.

⁴ В мае 1905 г. Цветаев осматривал в Ахене только собор (см. т. 3, с. 56); с музеем слепков Боннского университета он был знаком еще с середины 1870-х гг. и вновь осматривал его в 1895 г., но неизвестно, смотрел ли он тогда римские и средневековые памятники в Провинциальном музее Бонна. В 1911 г. он посетил названные им города, но о пребывании в Ахене и Бонне в сохранившихся письмах упоминает лишь вскользь. О музее в Майнце см. письма 905–907.

900

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5445.

¹ Православная Пасха 1912 г. приходилась на 25 марта (ст.ст.). Приезд царской семьи в Москву состоялся на два месяца позже.

² Фразу Цветаева не следует понимать буквально. Очевидно, на время строительства забор позади Музея охватывал не принадлежащую ему часть переулочка, и теперь переулок надлежало освободить. Размеры же земельного участка, подаренного Московской городской думой под здание Музея и скверы при нем, конечно, не менялись и не могли быть изменены без специального юридического акта.

³ Высота изгороди была лишь слегка увеличена по сравнению с запроектированной Клейном: до 2,2 – 2,4 м.

901

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5446.

¹ 8 сентября н.ст. 1910 г. Цветаев сообщал из Германии Н.И.Романову о том, что Боде уступает Музею несколько старинных, видимо итальянских, рам, купленных им для Музея императора Фридриха, но не подходящих по размерам под их картины. Что касается кронштейнов, то их, под наблюдением Боде, изготовил по итальянскому образцу немецкий столяр (ф. 14, оп. III, ед. хр. 208). Имя этого столяра *Теодор Йост* (ф. 2, оп. I, ед. хр. 370).

² Речь идет о запасном зале В; «большой» он по отношению к Египетскому. Этот запасный зал состоял, по сути, из двух помещений, хотя и не до конца разделенных стеной. Поэтому Цветаев чуть ниже и называет его «двумя залами».

³ *Деревицкий Алексей Николаевич* (1859–1953), антиковед, профессор Харьковского и Новороссийского (Одесского) университетов, ректор Новороссийского университета в 1903 – 1905 гг., попечитель Казанского (1905–1911), а затем Киевского учебных округов.

⁴ При открытии Музея предполагался торжественный молебен.

902

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5447.

¹ Цветаев ошибся при пересчете из одного календарного стиля в другой: разница должна составлять 13, а не 14 дней. Неизвестно при этом, отсчитывал ли он назад от стоявшей в немецком календаре даты «22 июля» (в этом случае по старому стилю было 9-е), или, наоборот, твердо знал – например, посетив русскую церковь в Дрездене, – что в России сегодня 8-е, а дату нового стиля высчитывал.

² Калиш – город возле тогдашней российско-германской границы, примерно в 200 км к западу от Варшавы. Поселок Скальмежице-Старе (Скальмерджицы) находится примерно в 8 км к юго-западу от Калиша.

³ Имя этого энтузиаста выяснить не удалось.

903

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5448. О дате см. комм. к письму 904.

¹ В дрезденском Историческом музее верхний этаж занимала коллекция фарфора, а нижний – почти исключительно коллекция оружия.

904

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5449. Верность датировки Цветаевым этого и предыдущего письма вызывает сомнение. Маловероятно, чтобы Цветаев после бессонной ночи мог провести больше 4 часов на ногах в Касселе, затем, по-видимому, столько же в Лейпциге и совершить за те же сутки три переезда длиной в общей сложности более 800 км. Можно предположить, что он нечаянно пометил дрезденское письмо завтрашним числом или франкфуртское – вчерашним.

¹ О каком кассельском издательстве идет речь – неизвестно.

² См. об этих моделях т. 1, комм. 16 к письму 1. Однако поступили они, согласно документам, в 1896 г., и не из Касселя, а от А.Мюллера в Дрездене.

³ Описанная бронзовая группа Мирона создана ок. 450 г. до н.э. Мраморная римская копия фигуры Марсия находится, после упразднения Латеранского музея в середине XX в., в музеях Ватикана; копия фигуры Афины – в Городской галерее Либигхауз во Франкфурте-на-Майне. Оба слепка, тонированные под бронзу, экспонируются вместе в Олимпийском зале московского Музея. Есть также слепок головы Афины в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

⁴ Имеется в виду мраморная скульптура немецкого скульптора *Иоганна Генриха фон Данеккера* (1758–1841) «Ариадна на пантере» (1815; Франкфурт-на-Майне, Либигхауз).

⁵ Вильгельмсхёе – загородный дворец XVIII в. под Касселем, с большим парком, требовавшим около 4 часов для осмотра. *Наполеон III* (1808–1873), французский император 1852 – 1870 гг., жил в этом дворце в сентябре 1870 – марте 1871 г. после того, как сдался немецким войскам в битве под Седаном.

905

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5450.

¹ Легион – римское войсковое подразделение в 4200 – 6000 пехотинцев и 300 всадников. Когорта – десятая часть легиона, состоящая из 3 манипул (манипулов) или 6 центурий («сотен»).

906

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5450 б.

¹ Эти реконструкции уже много лет находятся в запасниках ГМИИ. Но в цветаевской экспозиции такой «угол» был.

² Директором майнцского музея был профессор *К.Шумахер*. (См. переписку с этим музеем в ф. 2, оп. I, ед. хр. 356.)

³ Бутоньерками называются не только букетики, вдеваемые в петлицу или прикальываемые к платью, но и прикрепляемые к одежде миниатюрные сосуды для цветов, наподобие пробирки.

907

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5451.

¹ Поступили ли в Музей эти воспроизведения древнеримских изделий из стекла и были ли они выставлены – неизвестно.

² Сведений о существовании подобных «римско-гусевских» бутоньерок не имеется.

³ Бывший дом текстильного фабриканта барона *Генриха фон Либига* (1839–1904) во Франкфурте-на-Майне был приобретен городом в 1908 г. специально для создания скульптурной галереи. Переписку с этим музеем см. в ф. 2, оп. I, ед. хр. 427.

908

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5452.

¹ После слов «римских древностей» нами опущены три слова, нарушающие связность предложения: «тот найдет, что». Возможно, они были вычеркнуты и у самого Цветаева, но переписчик не заметил этого из-за цветаевской манеры зачеркивать каждую букву отдельным почти горизонтальным штришком: такое как бы пунктирное зачеркивание не сразу бросается в глаза, поскольку слова продолжают ясно читаться.

² *Арат* из Сол (ок. 315–240 до н.э.), греческий дидактический поэт. Арату принадлежат астрономическая поэма «Явления» и поэма «Признаки погоды», часто объединяемые под общим названием «Явлений».

³ *Квинт Эний* (239–169 до н.э.), древнеримский поэт, грек по происхождению. Автор «Анналов», поэмы, посвященной событиям второй Пунической войны. Писал также сатиры и эпиграммы.

⁴ В Трире Цветаев заказал слепки с пяти рельефов. В настоящее время два из них – с надгробных рельефов конца II в. из Неумагена (Трир, Музей земли Рейнланд-Пфальц) – экспонируются в Римском зале ГМИИ. Переписку с Трирским музеем см. в ф. 2, оп. I, ед. хр. 428.

⁵ Сергиевская, 30 – петербургский адрес Нечаева-Мальцова.

909

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5453.

¹ О кафедре работы Никколо Пизано из пизанского баптистерия и цветаевских хлопотах по приобретению слепка с нее см. т. 2 и 3, а также илл. 22 в т. 2.

² Император Вильгельм II любил отдыхать на Корфу и в 1907 г. приобрел там для себя бывший дворец австрийской императрицы Елизаветы.

³ Речь идет о фронтоне архаического храма Артемиды с изображением Горгоны (ныне в Археологическом музее в г. Корфу). Фронтон раскопан в 1911 г. в Палайополисе Вильгельмом II и археологом *Вильгельмом Дёртфельдом* (1853–1940). Говоря о стилевом сходстве, Цветаев, по-видимому, вспоминал селинунтскую метопу с изображением Афины и Тесея, обезглавливающего Горгону. В Селинунте на юге Сицилии сохранились развалины 7 архаических древнегреческих храмов; слепки нескольких метоп храма С, хранящихся в Археологическом музее в Палермо, имеются в московском Музее.

⁴ *Лёшке Георг* (1852–1915), немецкий ученый, с 1889 г. – профессор классической археологии в Боннском, затем в Берлинском университете. В 1875/76 академическом году Цветаев присутствовал на его защите в Боннском универси-

тете. Задуманный в 1911 г. новый музей слепков в Берлине не был построен – возможно, из-за начала Первой мировой войны.

⁵ Имеются в виду К.Фолль и Л.Вентури.

⁶ Остзейский край – нынешняя Эстония, а также северная и западная части Латвии.

910

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5454.

¹ Рака св. Гертруды (серебро, драгоценные камни; 1272–1298), произведение фламандских мастеров Никола из Дуэ и Жакемона из Нивеля по проекту Жакемона из Аншена. Выполнена в форме готического храма. До 1940 г. находилась в церкви Сент-Гертруд в Нивеле; погибла во время Второй мировой войны. Слепок экспонируется в Средневековом зале московского Музея. В Брюсселе Цветаев видел, естественно, тоже только слепок.

² Юний Басс (ум. 359), городской префект Рима, перед смертью перешедший в христианство (его имя и год смерти высечены на крышке саркофага). Мраморный саркофаг Юния Басса, хранящийся в крипте собора Св. Петра, признан наиболее значительным памятником раннехристианской рельефной скульптуры. Передняя сторона саркофага украшена 10 библейскими сценами из Ветхого и Нового Завета, расположенными в два ряда. Каждая группа, помещенная в нише, отделена от другой колоннами. Горельефы саркофага запечатлели период, когда древнеримская художественная традиция сосуществовала с зарождающимся христианским искусством. Слепки для Музея были сделаны с четырех нижних сцен и выставлены в зале Древнехристианского и средневекового искусства. В 1920-е гг. они были сильно повреждены и выбыли из экспозиции. Полный слепок саркофага имелся в Историческом музее.

911

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5455.

¹ Кола – поселок на Кольском полуострове, недалеко от Мурманска.

² Художественно-промышленным музеем в Дюссельдорфе, как кажется, руководил директор дюссельдорфского Центрального промышленного общества Г.Франбергер (ф. 2, оп. I, ед. хр. 358).

³ Речь идет о Карле Костмане. См. комм. 7 к письму 776.

⁴ О падуанской конной статуе полководца Гатгамелаты работы Донателло см. т. 1 и 2. Слепок был заказан в Берлине.

912

Ф. 6, оп. I, ед. хр., 5455 а.

¹ Упоминаемое письмо Цветаева к Клейну не сохранилось. Но еще за год до того, в письме из Дрездена от 18 августа (н.ст.) 1910 г., Цветаев, опасаясь пестроты потолков в залах Средних веков и XV в., делился с архитектором следующими размышлениями:

«Как у нас до всего надо доходить самому, не имея у себя дома надлежащих образцов, руководителей с авторитетом и проделанного другими опыта! А самому до всего доходить своим опытом никому никак не следует ввиду сложности задачи и ответственности перед критикой разума, опыта, науки, которой если нет или недостаточно ее теперь, то она непременно придет со временем. Эта критика последующего времени называется критикой истории, самой строгой и справедливой, которая считается не с лицами, которые давно умерли, а с делом рук, ума и знания тех, давно умерших людей.

Эти мысли засели мне в голову и эти чувства залегли мне в сердце при ознакомлении с музеями, которые изучаешь теперь, когда сам много лет провел в музейской работе, когда знаешь более, чем 12 – 13 лет тому назад, когда было более мечты, упрямой надежды, каких-то чаяний, чем конкретного знания. Тогда я не различал времени, которому принадлежат виденные и изучавшиеся музеи. Казалось красивым – и довольно. Иное дело теперь; старость что ли пришла с ее строгими требованиями, с ее боязнью исторического осуждения, – не знаю; но несомненно, что сейчас в Европе, у людей неоспоримого авторитета и мировой научной славы, представления о том, чем *ныне*, а не бывало у царей в их дворцах, должны быть по внешности музеи искусств, совершенно иные, чем то было в XVIII и XIX столетиях. Два антипода в этом отношении – музеи XIX ст. в Вене и Kaiser Friedrichs Museum в Берлине. Оба – государственные музеи, на которые отпускались деньги из казны щедрою рукою как на дело национальной славы и гордости. И какое поразительное различие принципов, положенных в эти большие и славные сооружения! В Вене устроили ослепительно пышный дворец для предметов искусства, а в Берлине авторитет без вопроса и сомнения, Вильгельм Бодэ, создал *историческое* помещение для картин и скульптур, исключив роскошь, несвойственную эпохам, в которые те художники жили и работали» (Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 292–293).

913

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5456.

¹ О профессоре Ростоском см. комм. 4 к письму 886 и *Хексельштейндер Э.* Семья Цветаевых и Дрезден. С. 28. Цветаев лечился в Штрелене в частной клинике на Резиденцштрассе, 29.

² В августе 1911 г. из Лувра была похищена и затем вывезена в Италию «Мона Лиза Джоконда» Леонардо да Винчи; картина, по счастью, не пострадала, и ее удалось вернуть в 1914 г.

³ «Мельпомена», мраморная римская копия I в. с греческого оригинала; происходит, возможно, из театра в Помпеях (Мельпомена – муза трагедии). Высота статуи 4,34 м. Слепок поступил в 1912 г. Его оплатила мадемуазель *Аннетт Юббэ* (Hubbay), дочь проживавшей в Париже подруги покойной М.А.Цветаевой, *Зинаиды Лазаревны Юббэ* (1862 – после 1969), урожденной Поляковой. (Их фамилию писали по-русски также «Губбэ» и «Габбэ».) В настоящее время слепок без маски в правой руке экспонируется в Греческом дворике.

⁴ Итоги своей зарубежной поездки Цветаев подвел как в следующем письме к Нечаеву-Мальцову, так и в особенности в письме к В.Д.Поленову, написанном 13 (26) сентября 1911 г. Приводим его целиком, поскольку в нем затрагиваются и другие важные темы, ранее не освещавшиеся в публикациях по истории Музея.

«26 сент. (нов. ст.) 1911.

Глубокоуважаемый

Василий Дмитриевич.

Надо думать, что Вы уже возвратились из Вашего далекого путешествия и теперь отдыхаете в Тарусских краях, если там осень только благоприятствует этому.

Я лето также провел в передвижениях на чужбине (и слава Богу, что на чужбине: вон какие гадости беспросветные творятся у нас!), по Германии и Бельгии. Начавши с Дрездена, я добирал для Музея то, что хотелось бы иметь к его открытию летом будущего 1912 года, в Лейпциге – Касселе – Франкфурте ^{Н/М.} – Гейдельберге – Майнце – Трире – Бонне – Кёльне – Ахене – Брюсселе – Charleroy [Шарлеруа] – Дюссельдорфе – Брауншвейге – Берлине. Жатва собрана и обильная и местами особенно интересная, а в Брюсселе настолько богатая и неожиданная по характеру, что придется в Музее 2 комнаты, назначенные для канцелярии администрации, отвести под эти неожиданные приобретения. Я разумею дивные образцы фламандской скульптуры Средневековья и эпохи Возрождения, которой немцы – наши учителя – не занимались, а за их спинами и мы ее не знали и не подозревали. Скульптурные традиции в древ[ней] Фландрии, нынеш[ней] Бельгии, хранятся и поддерживаются до сих пор, как показывают импонирующие на весь свет крупные работы бытописателя в мраморе тяжелой доли всякого рода рабочих Менье. Эти большие по размерам приобретения и большие по числу заставляют думать, да не продолжить ли программу нашего Музея до XIX в. включительно, не останавливаясь только на Возрождении? Тогда Музей для скульптуры будет действительно чем-то целым и органически сплоченным с нашим временем, которое отметим Родэном и другими французами и бельгийцами. Если удалось нам провести благополучно длинную линию с Древ[него] Египта до XVII в. по Р.Хр., то неужели в Москве не найдется средств для главнейших скульптур в гипсе – ^{3^x} ближайших к нам столетий? Надо попробовать, но не торопясь, выжидая удобного случая и подходящих лиц. Сначала надо собрать фотографии желательных памятников и мастеров, их сделать известными в Москве, чтобы возбудить интерес к делу.

Мы, русские, такой уж диковинный народец, что у нас в деле просвещения все шло шиворот-навыворот: не было гимназий, а завели мы Академию наук с немцами, не было в Москве настоящего музея художественной промышленности для народа, для ремесленников, для развития прикладного искусства, облагораживающего формы жизни масс, а не одних избранных материального счастья, не было (музей Строгановского училища только эмбрион сравнительно с немецкими Kunstgewerbe-Museen Берлина, Дюссельдорфа, Нюрнберга

и пр.) такого народу, массам нужного художественно-промышленного музея (Лубянский Политехнический тоже не отвечает названным мною немецким), а хватили мы да и устроили Музей сравнительной скульптуры высшего порядка и такой ценности и по заданию и по обширности коллекций, что московский Музей побил *все* однородные университетские музеи Европы. Размахистость и хватанье через край – наша национальная черта, и с этим – что поделаешь? – надо считаться.

Все у меня шло хорошо, но в Брауншвейге я почувствовал боязнь падений на улице. В Берлине это усилилось, а по возвращении в Дрезден я должен был подвергнуться диагнозу здешнего «Захарьина», который всего меня, с разных возможностей заболеваний исследовал и в конце сказал мне: «Ihr Herz, Colledge, ist schwach [Ваше сердце, коллега, слабое (*нем.*)]». После он положил в клинику одного из предместий Дрездена (Strehlen); лечили там меня Digitalis'ом, ваннами и питаньем легким, но частым (по 6 раз) в детских дозах, при возможно меньшем количестве белого мяса. Добившись нормального пульса, мой профессор услали меня в глухую [местность?] пустой теперь Саксонской Швейцарии, предписав более лежать и сидеть в длинном кресле из прутьев и запретив восхождение на горы.

Так я и веду себя паинькой, старикашкой-ребенком, больше сидя на балконе на берегу Эльбы и любуясь ее чудными горными берегами.

Что поделаешь? 64 года суть 64 года; с ними надо счет вести, а я в своей археологической Rundreise [круговой поездке (*нем.*)] не знал, в такое, исключительно но палившее лето, удержи и проводил в движении с утра и до заката.

Но о себе уже чересчур довольно.

Как Вас Господь миловал на знойном Юге? Я скоро приеду в Москву, Богу благодеюще; приду к Вам, – Вы мне расскажете Вашу интересную Одиссею, а пишите лучше кистью, что *милость* Вам подскажет для нашего Музея. За каждый Ваш мазок я Вам низко кланяюсь, находя в нем *отепление* наших *холодных* стен и зал. Что делать – не удались надежды на Ю.С.[тепанови]ча: он, я готов держать пари, не чаял, что Музей влетит ему в 2 миллиона руб., а между тем подошла к нему болезненная старость, породившая запущенность его фабрик. Пошли векселя с пониженной цифрой их дисконта даже и по уплатам Музея. Лишних тысяч 250 – 300 руб. на предполагавшуюся роспись зал его уже страшат, да и главноуправляющий его делами какой-то делец из Государственного Банка, торопит его кончать дела в Музее ввиду того, что московские купцы, связанные с делами Ю.С-ча, имели совещание о его платежеспособности (все это, В.Д., исключительно между нами, п[отому] ч[то] и этот собор был собран под большим секретом, чтобы не тревожить бедного старика) и решили не мешать *до* известного термина, не трогать его, чтобы не остановить окончание Музея, а Клейну дано знать, чтобы он спешил и «новых хитростей там не выдумывал». От него я и узнал все это. Так что и сетовать на Ю.С-ча не приходится.

По музеям Германии идет осторожная тонировка красками белых гипсов, под бронзу с бронзовых оригиналов, под дерево, старые мраморы и разные камни.

Мне рекомендовали *особого* мастера, Decorations-Maler'a из Брауншвейга. Я видел его работы у Брауншвейгского герцога: действительно искусные. Везу его с сыном к нам в Музей на целую зиму. Пусть работает и к тому же *и наших* научит. Наши ремесленники переимчивы! А то у нас не умеют бронзировать гипсы. Теперь мы отбронзируем и Коллеони и Гаттамелату, обе конные статуи. Много и другого материала.

Целую ручку Натальи Васильевны, кланяюсь всей Вашей молодежи.

Преданный *И.Цветаев*.

Адрес мой: *Dresden, Königl. Albertinum, Zvetiaeff*.

(ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6139. Полностью публикуется впервые. Ранее цитировалось в одной из статей М.Б.Аксененко.)

914

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5457.

¹ Продажа земли в Трехпрудном пер. и перевозка дома не состоялись.

² Бронзовая портретная статуя Авла Метелла в позе оратора, работа этрусского скульптора Тенина Тутина (ок. 100 г. до н.э.). Известна с XVI в. Оригинал находится в Национальном археологическом музее во Флоренции; слепок – в экспозиции ГМИИ. На его основании имеется клеймо брюссельской мастерской.

³ Мраморная статуя Августа из Лувра изображает императора в тоге, в его левой руке – свиток. Слепок экспонируется в Римском зале ГМИИ, на его основании имеется клеймо брюссельской мастерской.

⁴ По неизвестным причинам слепок Геркулеса Фарнезского из Брюсселя не был получен. В феврале 1912 г. Цветаев просил предоставить Музею во временное пользование принадлежащий Академии художеств слепок этой статуи, а также слепок Флоры Фарнезе, на что последовало согласие президента Академии, великой княгини Марии Павловны. Однако при осмотре скульпторами В.А.Беклемишевым и Г.Р.Залеманом названных слепков, изготовленных еще в XVIII в., оказалось, что разобрать их на части для упаковки и перевозки в Москву невозможно без риска полного их разрушения. (См. письмо В.П.Лобойкова Цветаеву от 15 марта 1912 г.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 416, л. 7–8).

⁵ Некоторые из этих слепков фламандской скульптуры выставлены в настоящее время в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева. К готике относятся «Св. Екатерина» XIV в. из собора Богоматери в Куртрэ и небольшая «Богоматерь с Младенцем» XV в. из Антверпенского собора; к Возрождению – статуи XV в. «Св. Губерт» и «Св. Корнелий» из ц. Св. Иакова в Лувене и «Апостол Иаков» из ц. Св. Петра в Андерлехте (ныне этот город стал западной окраиной Брюсселя). Все эти слепки имеют клейма брюссельской мастерской.

В Брюсселе Цветаев приобрел также слепки с памятников голландской скульптуры, начиная с романского рельефа XII в. из собора в Маастрихте, капителей с изображениями из Роттердамского собора (погибшего во время Второй мировой войны) и др. (Названные слепки находятся в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.)

⁶ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887), публицист. Из 6 его дочерей здесь упоминаются *Ольга Михайловна* (1865–?), графиня *Толстая*, и, по-видимому, ее сестра-близнец *Александра Михайловна* (1865–?), бывшая, как кажется, замужем за одним из баронов *Энгельгардтов*.

⁷ *Граф Толстой Дмитрий Андреевич* (1823–1889), обер-прокурор Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел (1882–1889); его сын *Глеб Дмитриевич* (1862–1904) был земским деятелем.

⁸ О какой из княжон *Четвертинских* идет речь, выяснить не удалось.

915

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5458.

¹ Число 3000 в рукописи переправлено кем-то (не исключено, что самим *Цветаевым*) из 5000; в скобках часть строки густо зачеркнута – вероятно, там стояло «за 1911 – 2000 р.».

² Слепок пизанской кафедры оплатил член Комитета М.Н.Журавлёв.

³ Фонтаны перед Музеем устроены не были.

⁴ В 1912 г. вышли первые два выпуска «Памятников Музея изящных искусств имени Александра III в Москве», в 1913 г. – еще два. Кто финансировал издание, нами не установлено.

916

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5459.

¹ Герцогский музей в Брауншвейге содержал преимущественно голландскую живопись, майолику, эмали и драгоценности; слепки занимали лишь 8 из 48 залов.

² Сына звали, по-видимому, так же, как и отца – *Карлом*. В счетах он фигурирует как «К.Костман Младший» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 354).

³ Гостиница «Берлин» в начале ул. Рождественка в 1914 г. была переименована в «Савой»; в 1958 – 1990-е гг. – гостиница «Берлин», в настоящее время – опять «Савой».

⁴ Здесь переписчиком пропущено слово и рукой самого *Цветаева* вписано в копию: «работать». Однако это явная описка, не подходящая по смыслу.

917

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5460.

¹ Имеется в виду вышедшее только в октябре издание мартовской речи *Цветаева*: Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете. Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 27 марта 1911 г. проф. И.Цветаевым. СПб., 1911.

² Речь идет о работе *Якопо Сансовино* (1486–1570), итальянского архитектора и скульптора эпохи Высокого и Позднего Возрождения. Об атрибуции см. письмо 925. Скульптура находится в экспозиции Музея.

³ *Собственная, наследственная вещь* – то есть принадлежавшая еще родителям великой княгини в Дармштадте в Германии.

⁴ 9 марта 1894 г. Цветаев делал в ИМАО доклад о принадлежавших Сергею Александровичу древнегреческих статуэтках. Опубл.: Древнегреческие терракоты из собрания Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. (Сообщение, читанное в годичном заседании Императорского Московского Археологического общества 9 марта 1894 года.) // Русское обозрение. 1894 [№ 5]. Т. III. Май. С. 166–188.

⁵ Имеется в виду Учебный атлас античного ваяния. Вып. III. Скопас – Пракситель – Лисипп – Эллинистическая эпоха. М., 1894. В разделе «Танагрские терракоты», в таблице XXVI показаны четыре оригинальные скульптурки из собрания великого князя Сергея Александровича: «Афродита с яблоком в руке», «Две сидящие женские фигуры», «Женская фигура с опахалом в руке», «Женская фигура с шляпою на голове» (Список таблиц. С. 13).

918

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5461.

¹ Документы, готовившиеся для награждений к открытию Музея, сохранились в ф. 2, оп. I, ед. хр. 351 далеко не полностью. Однако в них видна забота Цветаева о всех участниках создания Музея, включая также строительных подрядчиков, десятника, смотрителей Музея, писарей (в том числе в канцелярии Университета и т.д.). Против фамилий самого Цветаева и Нечаева-Мальцова в графе «Испрашиваемая награда» проставлено: «На усмотрение господина министра».

² Речь идет об эскизе памятной медали в честь открытия Музея, выпущенной на средства Нечаева-Мальцова.

³ Документ об избрании почетным членом Комитета великой княгини Марии Павловны нами не обнаружен.

919

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5462.

¹ В отставку с военной службы И.И.Рерберг вышел летом 1906 г. Данных о том, чем он был награжден в 1912 г., в документах ОР ГМИИ не найдено.

² *Рерберг Петр Федорович* (1835–1912), инженер-генерал, член Государственного Совета с 1904 г.

³ *Серов Валентин Александрович* (1865–1911). 22 ноября, менее чем через две недели после описываемого посещения Музея, художник скоропостижно скончался. О его намерении участвовать в живописном оформлении Музея и о связи с этим намерением его известной поездки в Грецию см. т. 2 и 3. И.Э.Грабарь в письмах и в своей книге о Серове утверждал, что тот бывал в еще не открытом Музее изящных искусств много раз и с большим увлечением смотрел слепки – в том числе и тех вещей, которые знал в оригинале.

⁴ Сохранилось следующее письмо Поленова Цветаеву:

«5 ноября 1911.

Глубокоуважаемый Иван Владимирович, посылаю Вам кусочки мрамора из Афинского акрополя, от храма Тезея, привезенн[ы]е отцом в 30^х годах,

и из Дельф, нынешнего путешествия. Есть у меня и большие куски: фрагменты статуй и карнизов.

Работа моя [картины для Музея] подвигается, я надеюсь ее кончить к декабрю и тогда, если буду жив, привезу. Вам желаю беречься и поправляться.

Ваш *В. Поленов*».

(Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 3230. Публикуется впервые.)

920

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5463.

¹ Экземпляр предназначался для принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.

² Оклады служащих Музея не были повышены.

921

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5464.

¹ *Мальшев Георгий (Егор) Иванович* (1875–1933), скульптор-анималист и медальер. Судя по письмам Цветаева, Мальшев делал скульптурный эскиз по рисунку Клейна.

² Музеем был выпущен набор открыток с видами залов (47 открыток), а также несколько комплектов с воспроизведением отдельных экспонатов. Часть этих комплектов имела краткие аннотации на обороте открыток. Время их издания не обозначено.

К открытию были подготовлены 4-страничные буклеты залов, с видом зала и перечнем основных экспонатов. Клише на основе фотографий Фишера использовались также для иллюстраций в путеводителе. Был составлен и собственно фотографический альбом, подаренный императору.

Среди прочего ко дню открытия был подготовлен (по-видимому, при участии Фишера) специальный фотоальбом для 8-летнего наследника императора, Алексея Николаевича, состоявший из 20 таблиц с 34 фотографиями, делившимися по содержанию на четыре раздела: «Виды зданий» (два фото: Музей и Парфенон), «Религиозные и семейные сцены», «Дети», «Животные». Сохранились корректурные листы типографского оглавления этого альбома, составленного Цветаевым умно и трогательно (ф. 2, оп. I, ед. хр. 457: «Оглавление альбома избранных изображений Музея изящных искусств имени Императора Александра III в Москве. Экземпляр, изготовленный к 31 мая 1912 года для Его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича»).

³ Речь идет о Южно-Кенсингтонском музее – так первоначально назывался Музей Виктории и Альберта. См. о нем подробнее т. 2.

⁴ Слепок пизанской кафедры был установлен в Средневековом зале; там же были размещены слепки и других произведений, относимых к Проторенессансу.

922

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5465.

¹ *Сорокин* – лицо неустановленное.

² Имеется в виду портик в верхней части Греческого дворика. См. т. 1, илл. 93.

³ *Фойницкий Иван Яковлевич* (1847–1913), профессор уголовного права, сенатор с 1900 г.

⁴ *Таганцев Николай Степанович* (1843–1923), профессор уголовного права, сенатор с 1887 г., член Государственного Совета с 1906 г.

⁵ *Пахман Семен Викентьевич* (1825–1910), юрист, заслуженный профессор Петербургского университета, сенатор с 1882 г.

⁶ *Калатев (Калагов) Николай Васильевич* (1819–1885), историк-юрист, профессор Московского университета в 1848 – 1852 гг., управляющий Московским архивом Министерства юстиции с 1865 г., основатель и первый директор Археологического института в Петербурге (с 1877 г.), сенатор.

923

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5466.

¹ *Рейтерн Евграф Евграфович* (1836–1919), сенатор; сын художника и шурина поэта В.А.Жуковского.

² *Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич* (1853–1943), министр финансов в 1904 – 1905 и 1906 – 1914 гг., председатель Совета министров в 1911 – 1914 гг. Упомянутое письмо не сохранилось, в ф. 6 и ф. 2 имеется несколько других его писем к Цветаеву. На открытии Музея Коковцов присутствовал.

³ Выявить упомянутую телеграмму в ОР ГМИИ не удалось.

⁴ Упоминания о наличии в Музее в первые годы после его открытия дорожек из линолеума нам не встречались.

⁵ Часть суммы после долгой переписки с участием немецкого консульства была возвращена Костману в ноябре 1913 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 354).

924

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5467.

¹ Визитная карточка Коковцова с 3 «титулами» («статс-секретарь», «председатель Совета министров», «министр финансов») хранится в ф. 6, оп. I, ед. хр. 1562; письмо от 30 ноября 1911 г. с благодарностью за фотографию Музея – ф. 2, оп. I, ед. хр. 405, л. 14.

² Директором 3-й мужской гимназии в Петербурге был действительный статский советник *Николай Алексеевич Козеко* (1844–?). Сохранились 22 письма Козеко к Цветаеву за 1878 – 1913 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1537–1558).

³ Благодарность от имени императрицы Александры Федоровны подписана на 26 ноября 1911 г. временно заведующим ее канцелярией и и.о. секретаря *Борисом Кесаревичем Ординым* (1866 – после 1935) – (ф. 2, оп. I, ед. хр. 405, л. 13).

⁴ Изготовлен был знак овальной формы, щиток его образован двумя узкими замкнутыми лентами, между которыми на поле синей эмали четыре овальных медальона с растительным орнаментом. Между двумя нижними медальонами – вензель Александра III серебряными рубчатыми буквами. Вверху щитка укреплен государственный герб. Середина щитка сквозная; в овальном просвете

помещена аббревиатура стилизованным под славянский шрифтом «МИИ», под ней мельче, полукругом «Москва». Знак был выполнен двух типов: из серебра с позолотой и без нее (за исключением четырех декоративных медальонов). Он крепился к розетке из александровской ленты, то есть бело-сине-красной, цветов государственного флага России, принятого при Александре III. Синий цвет эмали обусловлен форменным цветом Министерства народного просвещения. Знаки были заказаны у В.К.Збука в мастерской, изготавливавшей металлические изделия и офицерские вещи (ф. 5, оп. I, ед. хр. За, л. 15 об.). В ГМИИ хранится несколько десятков экземпляров, их заказывали, вероятно, и для будущих жертвователей. Этим объясняется то, что год открытия Музея на знаке не обозначен. Оpubл.: *Аксененко М.Б.* Несколько неопубликованных нагрудных знаков // *Монеты и медали / Сб. статей по материалам коллекции Отдела нумизматики.* М., 1996. С. 233–242.

925

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5468.

¹ Это письмо от 8 декабря н.ст. 1911 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 68, л. 125) написано не самим Боде, а сотрудником Берлинских музеев *К.Т.Кётишау* (1868–1949), пересказывающим мнение Боде.

² «Дело бывших министра народного просвещения тайного советника А.Н.Шварца и директора Румянцевского музея тайного советника И.В.Цветаева, заслуженных профессоров Императорского Московского университета». В дополнение к книге проф. И.Цветаева «Московский Публичный и Румянцевский музеи. Спорные вопросы. Опыт самозащиты. Москва – Дрезден, 1910». Лейпциг, 1911.

³ *Шевяков Владимир Тимофеевич* (1859–1930), зоолог, член-корреспондент Академии наук (1908), товарищ министра народного просвещения с 1911 г.

926

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5469.

¹ Очевидно, прилагалась копия письма М.П.Степанова.

² Подразумевается награждение орденом Св. Анны 1-й степени. Вместо этой награды Цветаеву было присвоено 13 мая 1912 г. звание почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии.

³ Медаль была выполнена трех типов: из золота, серебра и бронзы. Аверс: фигура Афины на фоне фасада Музея с лавровой ветвью в поднятой руке, обращена вправо, слева – бюст великого князя Сергея Александровича, окруженный у подножия лавровым венком. На постаменте слова: «Великий князь Сергей Александрович». Справа под изображением Музея – надпись «В память сооружения в Москве Музея изящных искусств имени императора Александра III МDCCCXII» в шесть строк.

Реверс: профили императоров Николая II и Александра III обращены вправо. Слева по краю – лавровая ветвь. Справа внизу по краю: «леп[ил] Е.Мальшев

грав[ировал] А.Жаккар». Экземпляры медали имеются в Отделе нумизматики ГМИИ.

927

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5470.

¹ Эта телеграмма нам неизвестна.

² Граф *Ростовцев Яков Николаевич* (1873–1931).

928

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5471.

¹ Письмо от адмирала Д.С.Арсеньева из Ниццы от 2 (15) декабря 1911 г. сохранилось: ф. 6, оп. I, ед. хр. 123.

² Подразумеваются кондитерская фабрика и магазины товарищества «Сыновья А.И.Абрикосова» в Москве.

929

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5472.

¹ Очевидно, прилагалось какое-то письмо.

² Первая жена Клейна, Наталья Андреевна, умерла осенью 1911 г.

³ Поленовым в Музей были подарены картины: «Афинский Акрополь», «Угол Парфенона», «Портик кариатид», «Храм Аполлона в Дельфах», «Сокровищница афинян в Дельфах», «Акрокоринф» – эти работы и ныне хранятся в ГМИИ, а также «Дорога в Дельфы» и «Кастальское ущелье», которые в 1933 г. были переданы в Саратовский Государственный художественный музей им. А.Н.Радищева. До передачи в Музей Поленов выставил свои работы на XL Выставке картин Т-ва Передвижных художественных выставок, проходившей в Историческом музее. В каталоге стояла пометка: «Дар Московскому Университету» (XL Выставка картин Т-ва Передвижных художественных выставок. [Каталог]. М., 1912. С. 40–42). В 1912 – 1917 гг. несколько поленовских работ было включено в экспозицию Греческого дворика и Олимпийского зала.

⁴ Поленов, при всей своей известности, имел чин всего лишь 7-го класса (он был отставным надворным советником). Чтобы стать «превосходительством», ему нужно было перепрыгнуть через две ступени, сразу в 4-й класс. Власти сочли это невозможным. Вместо чина он получил орден Св. Владимира 4-й степени.

⁵ Из иностранцев получили ордена Георг Трей и Макс Кюнерт, директор папских музеев Альберто Галли и директор Будапештского музея Эрно Каммерер. Аксеро же оказался в числе других иностранных подданных, без объяснений вычеркнутых из наградного списка министром народного просвещения (в их числе также Костман).

⁶ *Пьетро Коллино (Колино)*, о котором см. т. 2, не был награжден в 1912 г., поскольку получил награду за работы в Музее раньше.

⁷ Говоря о «Кузницком», Цветаев подразумевает здесь директора транспортной конторы «Кузницкий и К^о», германского подданного *Оскара Пфау*. Награда ему не была дана.

⁸ Получил ли К. Фишер звание придворного фотографа, нам неизвестно.

⁹ В копии постскриптум помещен под текстом надписи для постамента статуи Александра III. Этим явно нарушается связность письма. По-видимому, в конце листа у Цветаева не оставалось свободного места, и он сделал приписку где пришлось; однако по смыслу она все-таки следует в конце.

1912

930

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5473.

¹ Одно из таких заграждений – решетка под гранитной лестницей Итальянского двора.

² Как раз этим путем, через открываемую решетку, возле которой сидит контролер, сегодняшние посетители поднимаются в залы Музея из гардероба.

³ Таких дверей на 2-м этаже нет, и мы затрудняемся сказать, где их предполагали поставить.

⁴ Имеется в виду решетка ограждения лестничного пролета в его противоположном от Белого зала конце (по бокам же лестница ограждена мраморными парапетами).

931

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5475.

¹ Телеграмма Нечаева-Мальцова не сохранилась.

² Подразумевается брошюра с цветаевской речью 27 марта 1911 г. (Комитет МИИ 1911). Что касается отчета за 1911 г., то по неизвестным причинам он в составе печатного университетского отчета за этот год не появился, как было и с отчетом за 1910 г. К сожалению, в отличие от 1910 г., отчет за 1911 г. не сохранился даже и в черновой рукописи.

³ *Адрианов Александр Александрович* (1861–1918), генерал-майор, военный юрист, московский градоначальник в 1908 – 1915 гг.

⁴ *Вильев А.В.*, действительный статский советник.

⁵ О существовании отдельного путеводителя по Египетскому залу нам неизвестно; Б.А. Тураевым были описаны залы Египта (кроме периода эллинизма) и Передней Азии в кн: Музей изящных искусств имени императора Александра III. Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. 1. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. М., 1912 и дальнейшие издания.

⁶ *Никольский Михаил Васильевич* (1848–1917) в составлении путеводителя участия не принимал; соответствующий раздел («Азиатский зал») написан Тураевым.

⁷ Описание греческих и римских залов в путеводителе было сделано В.К. Мальмбергом и Н.А. Цербаковым. Цветаевым была написана помещенная в начале путеводителя статья «К истории созидания Музея». (Имеются упоминания, что она была издана к открытию Музея также в виде отдельной брошюры).

ры с иллюстрациями, однако ни одного экземпляра этой брошюры нам не приходилось видеть.)

⁸ Подготовленный самим Музеем путеводитель по христианским залам появился лишь летом 1917 г.: Музей изящных искусств имени Александра III при Московском университете. Краткий путеводитель с иллюстрациями. Ч. 2. Христианский мир. М., 1917. Авторами его явились Н.А.Щербаков, А.А.Сидоров и В.С.Щербакова. Назаревский к тому времени уже не работал в Музее.

Существовали также путеводители, изданные в 1912 – 1917 гг. в частном порядке, без участия самого Музея. Отдельный раздел (иногда весьма объемный) посвящался в те же годы Музею в путеводителях по Москве. И даже в известном двухтомнике Ек. Долговой «Флоренция и ее окрестности» был помещен особый список флорентийских произведений скульптуры, слепки с которых есть в московском Музее.

⁹ Этот подмастерье фигурирует в счетах Костмана как А.Мюллер. Других сведений о нем нет.

932

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5476.

¹ Письмо с благодарностью от имени королевы эллинов найти не удалось. На открытии Музея королева не присутствовала.

² Об этом же см. в письмах 924 и 927.

³ Гатчина была излюбленным местом жительства Александра III, а затем и его вдовы.

⁴ Мебельная фабрика *Шмита Павла Александровича* (1849–1902) на Пресне была превращена его старшим сыном, *Шмитом Николаем Павловичем* (1883–1907), в центр подготовки московских боевиков-дружинников 1905 г. Фабрика была опорным пунктом Декабрьского вооруженного восстания и 17 декабря сгорела в результате обстрела артиллерией. Н.П.Шмит погиб при невыясненных обстоятельствах в тюрьме.

933

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5474.

¹ Кардинал *Леополдо Медиги* (1617–1675) являлся основателем коллекций автопортретов и рисунков в галерее Уффици, но не ее самой. (Здание построено уже в 1570-е гг., и тогда же в нем стали размещать художественные произведения; в публичный музей галерея Уффици превратилась гораздо позже – в XVIII в.). Второй бюст изображает герцогиню *делла Ровере*. Оба являются произведениями *Джованни Баттиста Фоджини* (1652–1725); в цветаевское время они приписывались Л.Бернини или его мастерской.

² Соответствующее письмо Цветаева Нечаеву-Мальцову не сохранилось.

³ На этом кончается последняя из существующих ныне 14 книг с рукописными копиями писем Цветаева Нечаеву-Мальцову, заказанными самим Цветаевым.

934

Колл. XXI, ед. хр. 37, телеграмма в Петербург. Писарский текст на бланке директора Музея, подклеена квитанция о приеме телеграммы 23 апреля 1912 г.

¹ Торжественное открытие Музея изящных искусств состоялось 31 мая (13 июня) 1912 г. в присутствии императора и царской семьи (императрица Александра Федоровна и наследник отсутствовали из-за его недомогания), членов правительства и других лиц. На церемонии Нечаев-Мальцов сопровождал высоких гостей. Подробнее о торжестве см. Приложение.

935

Колл. XXI, ед. хр. 16, л. 19. На телеграмме, помимо ее собственной даты, имеется штамп с датой поступления в канцелярию Музея «3 июл[я] 1912». Очевидно, с апреля до этого времени она хранилась где-то вне канцелярии.

¹ Слова «лежит» и «собираюсь» переправлены чернилами – возможно, рукой Цветаева – из «летит» и «собравшись».

936

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2423, автограф.

¹ В чем состояло поручение – неизвестно. У Чернышёва моста (в настоящее время – мост Ломоносова) на полукруглой площади, которой завершается Театральная ул. (ныне – ул. Зодчего Росси), находилось Министерство внутренних дел.

Это – последнее из выявленных писем в многолетней переписке Цветаева и Нечаева-Мальцова. Из газет известно, что они еще свиделись в Музее в годовщину его открытия.

Иван Владимирович Цветаев умер 30 августа (12 сентября) 1913 г. в Москве. Юрий Степанович Нечаев-Мальцов пережил его ненадолго и скончался 6 (19) октября того же года в Петербурге. 15 (28) декабря 1913 г. в Музее состоялось совместное траурное заседание Совета Московского университета и Комитета Музея, посвященное их памяти. Материалы заседания были опубликованы отдельным изданием: Отчет о соединенном заседании Высочайше утвержденно-го Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III и Совета Императорского Московского университета, посвященном памяти И.В.Цветаева и Ю.С.Нечаева-Мальцова, 15 декабря 1913 г. М., 1914. Заседание проводил новый председатель Комитета великий князь Петр Николаевич (Высочайше утвержден в должности 23 октября 1913 г.), впервые присутствовал новый товарищ председателя, председатель Императорской Археологической комиссии граф Алексей Александрович Бобринский. Новым директором Музея был назначен В.К.Мальмберг.

В 1959 г. на фасаде Музея были установлены мемориальные доски в честь И.В.Цветаева и Р.И.Клейна, а в 1992 г. – мемориальная доска в память о заслугах Ю.С.Нечаева-Мальцова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

I. КРИЗИС НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ МУЗЕЯ

1. КЛЕЙН – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 августа 1907, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Степанович!

Уже десять лет прошло с тех пор, как я работаю над постройкой музея, и Вам известно, что я отдался всей душой этому дорогому для меня делу. За последние годы, когда обстоятельства поставили постройку в критическое положение, мне неоднократно приходилось переживать, кроме обычных забот, связанных с самим делом, еще тяжелое нравственное состояние и столь значительный материальный ущерб, что я принужден с глубокой скорбью просить Вас, Ваше Превосходительство, принять мое прошение об отставке меня от должности строителя Музея.

До тех пор, пока у меня были другие дела и я имел возможность нести расход до 6000 руб. в год по содержанию необходимого штата служащих по работам Музея, я не возбуждал этого вопроса и принимал все меры, чтобы отделка Музея, хотя и медленно, могла двигаться вперед, но теперь, когда ясно, что производство работ должно затянуться еще на несколько лет, и в то же время количество других моих построек уменьшилось до крайности, я не вижу возможности нести столь непосильное для меня дело, не получая не только за свой труд, единственный источник моего существования, но и неся постоянно значительные расходы, которые ставят меня в совершенно безвыходное положение.

Надеюсь, что, принимая во внимание все вышеизложенное, Вы убедитесь в настоятельной необходимости моего поступка и отсутствии для меня иного выхода. Отказываясь с неизъяснимой грустью от окончания постройки Музея, не могу не выразить Вам, Ваше Превосходительство, моей глубокой благодарности за оказанное мне неизменно[е] доверие и содействие во многих затруднениях при совместной работе.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в глубочайшем уважении и искренней преданности.

1907 VIII/1

Р.Клейн.

(Ф. 3, оп. I, ед. хр. 226, л. 1–1 об. Автограф.)

2. КЛЕЙН – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Августа 14-го 1907 года
г. Москва

14 августа 1907, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Степанович!

Вследствие выраженного Вами желания имеем честь сообщить, какие работы по постройке Музея необходимо произвести и оплатить в этом году, чтобы

избежать неминуемой порчи некоторых частей здания и не вызвать лишних расходов на ремонт.

Окраска крыши 2000 рублей
Устройство асфальтовой отмостки
у стен боковых, переднего и
заднего фасадов 6000 рублей
Приобрести кирпича – 9000 по 22 р.¹ 200 руб.
Сделать переплеты в потолках
второго этажа 2500 рублей
Уплата за произведенные уже работы
в 1907 году: Александрову 1500 рублей
Верину 1200 рублей
Морбергу 600 рублей

14 000 рублей.

(Ф. 3, оп. I, ед. хр. 226, л. 3. Неоконченный черновик, написанный
рукой Р.И.Клейна. Ниже карандашом – расчет
возможного количества дверей в здании Музея.)

3. Клейн – Нечаеву-Мальцову

Москва. Августа 27 дня 1907 г.

27 августа 1907, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Степанович!

Все последние дни я с большим нетерпением ожидал от Вас ответа на свое письмо, не решаясь Вас беспокоить лично, зная, что Вы были очень заняты. Сегодня я узнал, что Вы уехали в Петербург, и я не имею возможности решить, как мне поступить в дальнейшем с делом постройки Музея. Дело в том, что наступает осень и холода, и если мы немедленно не приступим к тем работам, необходимость которых я Вам представлял, то надо будет ожидать значительного ущерба для здания, почему я еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой дать мне определенный ответ, как мне поступить и продолжать ли работы, которые в настоящее время все остановились. <...>

Примите уверения в полном уважении и преданности Вашего покорного слуги.

Р.Клейн.

(Ф. 3, оп. I, ед. хр. 226, л. 4. Автограф. Опущенный абзац касается Нечаевской богадельни.)

4. Цветаев – Клейну

15 сент. 1907

15 сентября 1907, Москва

<...> Вчера мне говорил Ю[рий] С[тепанови]ч, что он сделал распоряжение о неизменной выдаче 500 руб. в м[еся]ц – Вам, как Ваше личное вознаграждение. Будут ли эти 6000 руб. входить в число ассигнованных (он полагает, что

они будут входить) 120 000 руб. годовых или нет, – Вы будете получать свои 500 руб. в м[еся]ц.

Поданную Вами смету на 17 000 руб. (эту сумму он назвал) на ближайшие работы он считает подлежащей исполнению. <...>

(Ф. 8, оп. III, ед. хр. 305. Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 237.)

II. О Ю.С.НЕЧАЕВЕ-МАЛЬЦОВЕ

И.В.Цветаев

Музей изящных искусств Императора Александра III в Москве и Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

Лет 25 тому назад всякого, кто бывал в Москве, около храма Христа Спасителя, должно было смущать присутствие тут же большого, неуклюжей формы, желтого цвета и грязно содержимого казенного здания, которое с первого взгляда легко можно было назвать тюрьмой самого плохого типа. Это и была в действительности московская пересыльная тюрьма, стоявшая на так называемом Кольмажном дворе, в местности аристократической по преимуществу, с обширными здесь владениями светлейших князей Голицыных, кн. Оболенских, кн. Долгоруких и прекрасным домом 1-й московской мужской гимназии. Внутренняя отделка храма Спасителя тогда приходила к концу, здание тюрьмы стало и ветхо и крайне неуместно. Тюрьму перевели на край Москвы, а площадь и стройку [постройки?] купил у казны город, имея в виду поставить здесь среднеучебное заведение имени Императора Александра II.

Но прошло около 17 лет, пока окончательно решено было привести в исполнение эту давнишнюю мысль сооружением здесь здания промышленного училища. Однако этот план о постройке специальной школы, с неизбежным дымом и копотью ее особых учебно-вспомогательных учреждений, внутри города и возле храма, составляющего справедливую гордость России, возбудил отрицательные толки по Москве и пожелание новому училищу большего простора для развития его в будущем.

Особенным защитником последней мысли явился московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович, которому и удалось направить дело таким образом, что Промышленное училище Александра II получило несколько десятин земли на окраине города, в глухой дотоле местности Миусы, а площадь Кольмажного двора Городская дума принесла в дар Московскому университету под Музей изящных искусств, идея которого созревала в университетском кругу в течение нескольких предшествовавших десятилетий.

К 1898 году разработаны были планы здания и одобрены Государем Императором, а жертвы частных лиц, начавшиеся в небольших размерах, превратились в капитал в несколько сот тысяч рублей. При этом был основан и Вы-

сочайше утвержден Комитет по устройству Музея, и от казны отпущено было 200 тыс. руб., а 17 августа 1898 г. в присутствии Императорского Двора, высших чинов государства и при большом стечении московской публики предрешенное здание торжественно заложено было Их Императорскими Величествами.

На другой же день начались здесь дружные работы, которые продолжают-ся и доселе. На месте грязной тюрьмы теперь высится беломраморный дворец изящных искусств с греческой колоннадой, которой по обширным размерам, благородному материалу и стильной отделке нет равной в России.

10-й год продолжается монументальное сооружение этого здания, которому суждено стать в числе первых не только в нашем отечестве, но и занять видное место между однородными музеями в Западной Европе. Этим неожиданным счастьем новый московский музей обязан щедрости членов своего Комитета и в особенности бывшему питомцу Московского университета Ю.С.Нечаеву-Мальцову, принесшему сюда необычайное увлечение, свои труды и огромные материальные жертвы. Этим летом исполнилось 10 лет со вступления его в кружок лиц, задавшихся целью созидания нового музея, а ныне, 18 августа, исполняется 50 лет его государственной службы. Последнее обстоятельство послужило основанием для Комитета Музея составить к этому дню памятную Записку о заслугах юбиляра по Музею изящных искусств имени Александра III.

Вот существенные черты этой Записки.

I

Ю.С.Нечаев-Мальцов, приглашенный на должность товарища председателя Комитета, принес делу созидаемого Музея неустанную энергию, большую долю своего времени и колоссальные денежные средства.

С 1897 года он проводит по несколько месяцев в Москве ежегодно и живет здесь почти исключительно интересами и делами Музея, и нет такого детального вопроса, который не составлял бы предмета его неослабных попечений. Его видят здесь и председательствующим в Комитете, и обсуждающим дела Строительной комиссии, и ведущим ежедневные сношения с архитектором, строителем-техником, секретарем Комитета, с главными поставщиками строительных материалов и главными исполнителями работ. Не прекращаются заботы о Музее и во время ежегодных его отъездов за границу. В Египте Ю.С.Нечаев-Мальцов при помощи иностранных специалистов приобретает для Музея на собственные средства обширную коллекцию памятников египетского искусства: статуи, рельефы, превосходные живописные портреты начальных веков христианства и т.д. В Лондоне, в Британском музее, он сосредоточивает свой интерес на знаменитых собраниях ассирийских древностей и на греческих скульптурах века Фидия. Поездка его по Греции принесла Музею гипсовые отливки с памятников античного ваяния, преимущественно классического его периода, а также собрания микенских древностей и колоссальных по размерам глиняных ваз

с живописью наиболее отдаленных периодов эллинской культуры. Пребывание его в различных городах Италии отразилось в Комитете планом украсить стены зал Музея видами городов, которые в разные времена служили главными центрами искусства, и с этой целью им начаты были сношения с художниками Васнецовым, Поленовым, Семирадским, Жуковским, Степановым и другими.

II

Исключительно Ю.С.Нечаеву-Мальцову обязан Музей своей необычайной монументальностью и изяществом внутренней отделки. Здесь прежде всего мы встречаемся с мраморной и гранитной облицовкой стен здания и обширной мраморной колоннадой по главному фасаду. Гранит вывозился из Финляндии, белый же мрамор впервые в таком количестве ломался в горах Урала. В течение 6 лет производилась за счет Нечаева-Мальцова выломка этого мрамора при работе 200 – 300 человек в день. Для этого была не только расчищена гора близ гор[ода] Златоуста Уфимской губ., данная от казны в арендное пользование, но и проложены по горам рельсы для подвоза вынутаго камня к ближайшей станции. За это время новых на Урале работ создавалась около гор[ода] Златоуста особая ветвь народного труда, которая на широком пространстве кормила местное башкирское население. Создались после того готовые ломки нового превосходного камня, которыми будет удобно впоследствии пользоваться и правительству, и частным предпринимателям.

В этом Музее удивляет не только монументальная мраморная броня, но и художественные скульптурные мраморные фризы его главного фасада. В настоящее время эти мраморные ленты находятся уже на своих местах.

Сюжетом верхнего фриза, протяжением 16 саж[еней], с фигурами в человеческий рост, служат Олимпийские игры греков во всем их разнообразии. Эта сложная композиция составлена и выполнена нашим отечественным скульптором профессором академии художеств Залеманом. Второй мраморный фриз, находящийся под кровлей колоннады, представляет лучшие сцены из знаменитого фриза Парфенона и исполнен за границей, в Дрездене.

Если по наружным сторонам Музея обращает на себя всеобщее внимание белый русский мрамор, то внутри Музея, на главной его лестнице каждого поражает чрезвычайно богатая и искусно подобранная гамма мраморов разноцветных, вывезенных из-за границы: желтого, серого, коричневого, розового, красного, зеленого – различных оттенков. Мраморы для массивных монолитов колоннады, для столбов, пилястр, парапетов, ступеней, площадок, щёк, карнизов и всех стен обширной лестничной клетки доставлены из Венгрии, Греции и Бельгии. Такого богатого сочетания мраморов различных цветов и их оттенков нет ни в одном музее и ни в одном дворце по всей России. Все издержки по доставлению этих редких материалов и по их медленной и дорогостоящей обработке приняты на себя Ю.С.Нечаевым-Мальцовым.

III

Без его же участия не мог быть создан в Музее и обширный Центральный зал, построенный в форме греко-римского храма, с двумя рядами коринфских колонн, возведенных в два яруса и делящих пространство на три нефа. Это сооружение, имеющее под собою обширный, трехнефный зал, предназначенный служить резервом на будущие времена для индийского искусства, возведено по мысли Великого Князя Сергея Александровича для помещения здесь статуй, бюстов, медальонов и портретов русских ученых, литераторов и художников за время с учреждения первого в России Московского университета, начиная с Ломоносова и И.И.Шувалова.

Этот зал исполнен из камня и железа и украшен стукком лучшего достоинства. Тонкость и новизна особенной орнаментации как здесь, так и в целом ряде выставочных зал, не встречавшейся в практике московских ремесленников, вызвали необходимость обращения к иностранным мастерам и рабочим – к итальянцам и немцам, – которые, проработав несколько лет вместе с нашими мраморщиками, лепщиками и штукатурами, научили их новым приемам и создали тем для них более усовершенствованные формы мастерства. Отличаясь врожденной переимчивостью, но, к сожалению, лишённые инициативы и необходимой подготовки, русские ремесленники усвоили в московском Музее Александра III многое, чего они не видали прежде, и к концу работ стали исполнять даваемые им поручения нисколько не хуже своих заграничных учителей.

Незаменимую и доселе мало кому известную заслугу Ю.С.Нечаева-Мальцова составляет окончание работ по Музею изящных искусств Александра III единоличными средствами, на собственный счет. Безвременная кончина Великого Князя Сергея Александровича и наставшее лихолетье в нашем отечестве должны были печально отразиться и на судьбе создаваемого Музея. Прежние щедрые жертвы частных лиц прекратились, опустела и касса Комитета, а между тем оставалось еще много работ до окончания разросшегося предприятия.

В это критическое время Ю.С.Нечаев-Мальцов решил вести все дело на собственные средства – и вот уже четвертый год как поставщики и подрядчики Музея не знают другого места для получения следующих им уплат, кроме московской его конторы.

Работы в московском Музее Александра III находятся уже в заключительной стадии внутренней отделки. Стоимость жертв, сделанных Ю.С.Нечаевым-Мальцовым, в настоящее время далеко превысила миллион рублей.

Эти в столь широких размерах выразившиеся его жертвы и труды на пользу нового просветительного учреждения Москвы уже давно возбуждают общие похвалы и удивление как в России, так и за границей, высказываемые и в устных беседах, и печатно.

Профессор И.ЦВЕТАЕВ

Москва, 17 августа 1907 г.

Новое время. 1907. 18 августа. С. 4. Стб. 4–6.

Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Вице-председатель Императорского общества поощрения художеств Ю.С.Нечаев-Мальцов издал на свои средства знаменитую мозаику М.В.Ломоносова, изображающую Полтавский бой, и разослал ее действительным членам своего старейшего в России художественного общества. Мозаика эта была исполнена в мастерской Ломоносова (с 1758 по 1765 г.) с картины Pierre Denis Martin le Jeune*².

Долгое время она стояла в одном из коридоров Академии художеств, прилоненная к стене и всеми забытая, и понемногу разрушалась. Только лет десять назад она была передана Обществу поощрения художеств, которое отнеслось к ней с большим вниманием и, как видно по последнему изданию Ю.Нечаева-Мальцова, сочло ее достойной иной участи. За это нельзя не сказать спасибо вице-председателю Общества, который, вероятно, не остановится на рассылке этой великолепной копии своим сочленам, но сделает такой же подарок и всем рисовальным школам России, где за это ему все скажут спасибо.

Репродукция исполнена в большом формате в мастерских Голике и Вильборга³ и воспроизводит мозаику с такой точностью, с какой только возможно сделать копию с огромной картины, которая весит сотни пудов и не может быть подвергнута подготовительным работам в мастерской, что так необходимо для хороших копий в краках.

Новое время. 1909. 20 сентября.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

ДВОРА НАШЕГО ОБЕР-ГОФМЕЙСТЕРУ, ЧЛЕНУ СОВЕТА МИНИСТРА
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ СВЕРХ ШТАТА, ЮРИЮ НЕЧАЕВУ МАЛЬЦОВУ

В ознаменование Монаршего внимания к продолжительной отлично-усердной службе вашей и в воздаяние ревностных трудов на пользу Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Императорском Московском университете, Всемилостивейше пожаловали Мы вас кавалером Императорского ордена Нашего святого равноапостольного князя Владимира первой степени, коего знаки при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению.

Пребываем к вам Императорскою милостию Нашею благосклонны.

На подлинной Собственной Его Императорского Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

В Москве.

Мая 31-го дня 1912 года.

Русское чтение. 1912. 1 июня.

* Пьера-Дени Мартена Младшего (фр.).

III. МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В 1908 – 1912 ГГ.

[И.В.Цветаев]

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

2 апреля, в 3 часа, посетил Музей изящных искусств Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович, Августейший президент Императорской Академии художеств. Его сопровождали генерал-адъютант адмирал Д.С.Арсеньев, гофмейстер кн. М.М.Голицын и личный адъютант Великого Князя. При входе в портик высокий гость был встречен профессором И.В.Цветаевым и архитектором Р.И.Клейном. Первое внимание посвящено было ионической колоннаде, ее импозантным размерам, делающим ее единственным сооружением во всей России, и ее мраморным фризам, из коих нижний, как учено-художественная реставрация поврежденного греческого оригинала, составляет исключительное явление во всей Европе. Как известно, над этим его восстановлением трудились лучшие знатоки искусства века Фидия в Германии. Особому обсуждению Великий Князь подверг вопрос о высоте и толщине колонн портика, осведомляясь, какому греческому образцу архитектор здесь следовал. Р.И.Клейн ответил, что он держался в данном случае пропорции храма Эрехфейона в Афинах.

Внутри здания ранее всего Великий Князь остановился на обзоре своеобразной конструкции Греческого дворика и на выставленных здесь образцах трех стилей древнеэллинского зодчества, дорического, ионического и коринфского. Все выставленные здесь памятники появились в России впервые. Нет их в такой группировке и ни в одном из однородных музеев Европы; такое соединение получилось лишь в последнее время в Америке и у нас, при содействии литейной мастерской Ecole des Beaux Arts – в Париже.

Из Греческого дворика Августейший президент Академии художеств прошел весь цокольный этаж с его запасными помещениями и кладовыми, чтобы осмотреть полный ход работ здешних мраморщиков. Поднявшись в 1-й этаж, Великий Князь ознакомился с Христианским двориком и выставленными здесь большими памятниками стилей романского, готического и эпохи итальянского и немецкого Возрождения. Особенное внимание привлекли здесь портал собора XII в. из Саксонии, надгробный памятник⁴ XVI в. из Нюрнберга, высоко прикрепленная к ст[ене] кантория раб[оты] Донателло и большое фаянсовое изображение Благовещения Андреа дела Роббиа из Флоренции.

Наибольшую долю времени занял осмотр центральной, исключительно мраморной части здания. Обилие цветных мраморов, вывезенных из Турции, Венгрии, Бельгии, и соединение их в художественной гамме красок вызвали осведомление Великого Князя о породе этих камней и несколько эстетических замечаний конструктивного характера. Форма эллино-римской базилики Главного зала, ожидающего только своего мраморного разноцветного пола, возбудила

общее признание простора, света, монументальности и красоты. Далее осмотрены были зал Олимпии и зал Парфенона, сооруженный на средства Великих Князей Сергея Александровича и Павла Александровича и служащий пока обширной кладовой для сотен ящиков со скульптурами разных эпох и народов. Весь этот материал ожидает своей очереди для размещения по соответственным залам. В залах итальянского Возрождения Его Высочество остановился на знаменитых бронзовых дверях Гиберти из Флоренции, на кантории Луки дела Роббиа, на кафедре раб[оты] Бенедетто да Майано в ц. S. Сгосе во Флоренции и на обширной религиозной композиции из эмалированной терракоты Андреа дела Роббиа в одном из монастырей близ Сиены в Тоскане⁵.

Средневековый зал привлекает внимание каждого посетителя обширными мозаиками из ц. Св. Марка в Венеции, являющимися единственною в мире копией, сделанною церковным управлением для замены оригинала, начавшего грозить разрушением. Пока этот зал тесно заполнен ящиками со скульптурами разных времен. В Римском зале только что окончен пол из terrazzo; гармонические краски его рисунка побудили Его Высочество осмотреть самый процесс устройства таких полов в залах Лисиппа и Эллинистическом. Там вся площадь разделена медными стыками определенного чертежа: в присутствии Великого Князя производилось в одном месте заполнение этих обрамлений минеральным раствором с мраморными опилками и в другом полировка этой окрепшей массы. Полировка идет медленно и требует нескольких недель для зала среднего размера.

В заключение Великий Князь поздравил профессора и архитектора с приближением к концу в деле, потребовавшем на одну стройку 10 лет непрерывной работы. А подготовительные работы начались 20 лет тому назад.

«Радостное чувство, создаваемое достижением трудной цели, Мне понятно – и Я вас обоих с этим дорогим настроением сердечно поздравляю», – были его заключительными словами. Провел Великий Князь в Музее более 1½ часа.

Московские ведомости. 1908. 4 апреля.
С. 3. Стб. 2–3. Напечатано без подписи.

[И.В.Цветаев]

Музей изящных искусств Императора Александра III

24 мая посетили Музей Их Высочества Виктория принцесса Баттенбергская, старшая сестра Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, и ее две Августейшие дочери, принцесса Алиса с супругом, Греческим королевичем Андреем, и принцесса Луиза Баттенбергская, в сопровождении трех лиц свиты. В главном портике высокие гости были встречены профессором И.В.Цветаевым и строителем Музея, академиком архитектуры Р.И.Клейном. Прежде всего обратила внимание здесь иониче-

ская колоннада, первая в таких размерах увиденная ими в России. Для жителей Афин интересно было здесь встретить высеченные из тирольского мрамора сцены фриза Парфенона, которые живо напомнили им великое создание мастеров Фидия.

Из греческого портика все общество проследовало в Греческий стеклянный дворик, представивший образцы афинского зодчества и скульптуры, угол Парфенона, портик кариатид, хорегический⁶ памятник Лисикрата и портик, скомпонованный в дорическом стиле, пропорций храма Тесея. В этой, особенно близкой им, обстановке посетители оставались дольше, чем в других помещениях, выражая полное удовлетворение этими репродукциями знаменитых оригиналов, хранящихся в Афинах.

На главной лестнице чувство громкого восторга возбудил фессалийский мрамор, недавно снова найденный для строительной практики, после тысячелетнего сокрытия его в недрах земли. Употребленный в древнейших церквях Рима и в церкви Св. Софии в Константинополе, он потом исчез из строительства на 13 веков; в новом московском Музее этот драгоценный мрамор употребляется в России едва ли не впервые. На верхней площадке лестницы, при входе в т[ак] н[азываемый] Чертог русской славы, предназначенный для статуй, бюстов и рельефных портретов отечественных поэтов, художников и ученых, принц и принцесса Греческие встретили превосходное повторение пользующегося в истории архитектуры общею славой дверного наличника из Эрехфейона на Афинском Акрополе. Родным по композиции оказался для них и самый зал, имеющий форму греческого храма, с галереями в верхнем ярусе. Капители коринфских колонн вызвали в их воспоминании прообраз их на памятнике Лисикрата в Афинах.

Дальнейший обзор имел место в Христианском стеклянном дворике, где все общество единогласно признало точность выставленных здесь воспроизведенных – романского портала собора гор[ода] Фрейберга (XIII в.) в Саксонии, надгробного бронзового памятника св. Зебальда в Нюрнберге (XVI в.), высоко на стене прикрепленной кантории Донателло, блистающей, при своей высокохудожественной композиции, пышной позолотой и цветною мозаикой. Общее признание возбудили здесь также цветная скульптурная картина Благовещения, работы Андреа делья Роббиа, и «Страсти Господни», горельефные панно Адама Крафта, нюрнбергского художника XVI в.

В зале Итальянского Возрождения посетителям были представлены репродукции под цвет и орнаментику оригиналов: бронзовые двери в крещальне Флорентинского собора – работы Гибerti, кантория Луки делья Роббиа, художественная в архитектурном и скульптурном отношении кафедра в ц. Santa Croce во Флоренции, работы Бенедетто да Майано, и большие запрестольные образа и картины из цветных фаянсов Луки [и] Андреа делья Роббиа. В зале Средних веков, при первом взгляде на длинный золотой мозаический фриз, все вспомнили мозаики Св. Марка в Венеции. Дружное веселое настроение

возбудила здесь недавно внесенная сюда портретная статуя одной Тюрингенской княгини из собора в гор. Наумбурге⁷ (XIII ст[олетие]); это лицо так полно молодого веселья и задора, что ждешь, вот-вот оно разразится звонким смехом. Это – удивительный образец реализма в портрете Средних веков.

Для ознакомления с размерами Музея гости обошли зал Парфенона, сооруженный на средства Великих Князей Сергея Александровича и Павла Александровича, залы Пергамский и Римский.

В заключение предпринят был обход крыш Музея, откуда открывается такой широкий вид на всю Москву и ее далекие окрестности.

Московские ведомости. 1908. 25 мая. С. 3. Стб. 6–7.
Напечатано без подписи в рубрике «Московская жизнь».

АКТ

1908 года марта 8-го дня мы, нижеподписавшиеся, в присутствии доверенного Георгия Листа Ивана Петровича Раттенек освидетельствовали исполненные германским подданным Георгием Листом мраморные работы по внутренней отделке парадной лестницы в здании Музея изящных искусств имени Императора Александра III по договору от 12 декабря 1903 года, заключенному Обер-Гофмейстером Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым, причем нашли, что все работы исполнены весьма тщательно из материалов лучшего качества согласно представленных образцов. Поверхности стен и ступеней отполированы правильно, лишь в зеленом фризе встречается незначительная волнистость, которая объясняется разноплотностью структуры камня и которая, по постановке на фризе предположенных бронзовых украшений⁸, будет еще менее заметна.

Замечена также некоторая волнистость на гладких фонах около орнамента на наличнике, окаймляющем вход в Центральный зал. Мелкие второстепенные недочеты, замеченные при осмотре и также могущие оказаться до окончательной приемки работ, по заявлению доверенного Г.Листа, будут исправлены по указанию строителя здания.

На основании вышеизложенного Строительная комиссия считает возможным принять работы и не находит препятствия к уплате Георгию Листу причитающихся ему по договору 15% стоимости работ.

Строитель здания Музея академик архитектуры Р.Клейн
Советник Правления Университета Н.Рыбников
Профессор И.ЦВЕТАЕВ
Инженер И.РЕРБЕРГ
ВЕСЕЛИТСКИЙ⁹.

(Ф. 3, оп. I, ед. хр. 213, л. 107–107 об.)

[ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО УСТРОЙСТВУ МУЗЕЯ
18 СЕНТЯБРЯ 1909 Г.]

1909 года сентября 18 дня в 3 час. дня в заседании Высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете, прибыв в здание Музея,

господа присутствующие:

председатель обер-гофмейстер Высочайшего Двора Ю.С.Нечаев-

Мальцов,

Е.Н.Самарина,

А.А.Мануилов,

И.В.Цветаев,

В.Ф.Миллер,

гр. Л.А.Камаровский¹⁰,

А.Ф.Дерюжинский,

Р.И.Клейн,

И.И.Рерберг,

Ф.О.Шехтель,

А.Е.Арманд,

А.В.Назаревский,

А.А.Пэрк,

слушали:

журнал прошедшего заседания 12 числа декабря 1908 г. и подписали; а потом

1. Секретарь Комитета проф. И.В.Цветаев доложил о направлении по Высочайшему повелению в Музей имени Императора Александра III приобретенного в государственную собственность собрания египетских и восточных древностей В.С.Голенищева. Отметив весьма важное значение научных трудов Голенищева в египтологии, докладчик указал на редкую ценность приобретенного Музеем собрания, в коем представлены предметы доисторической эпохи, памятники как древнего, так и нового Египта – в статуях, саркофагах, тканях, папирусах, стелах и разного рода предметах быта, христианско-коптские древности, клинообразные надписи. Собрание это, являющееся на редкость полною хрестоматией для изучения культуры и искусства Египта, привлекало давно уже к себе внимание западноевропейских ориенталистов и музеев, причем при возникновении слухов о желании В.С.Голенищева продать свое драгоценное собрание первым претендентом на покупку этой коллекции явился Берлинский музей, а затем музей Вашингтонский. Однако В.С.Голенищев предпочел, чтобы плоды его 30-летних научных исканий остались в России, несмотря на сравнительно скромную оценку его собрания на родине. При оценке 4000 предметов в 365 000 рублей он согласился передать собрание в государственную собственность за ежегодную пожизненную ренту в размере 24 000 рублей. Государственные Дума и Совет высказали желание направить голенищевское собрание

в Москву. С глубокою благодарностью упоминает докладчик о помощи Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и почившего Великого Князя Владимира Александровича в деле направления собрания в московский университетский Музей. В этом деле проф. И.В.Цветаев встретил поддержку со стороны депутатов Государственной Думы Алексеевца, фон Анрепа, Гучкова, Капустина, Маклакова и Шубинского. Означенная коллекция была в июле сего года принята по описи от Голенищева особой комиссией, в коей представителем Московского университета был докладчик. При приеме собрания выяснилось, что бывший его владелец передает в государственную собственность сверх значащихся по описи 4000 №№ еще около 2000 предметов без изменения условий купли-продажи. По совету юрисконсульта Министерства народного просвещения голенищевское собрание, с согласия администрации Императорского Эрмитажа, поставлено в опечатанных ящиках в его кладовых впредь до полного окончания черных работ в здании Музея и навески в его помещениях дверей. В настоящее время в Музей перевезены весьма ценные витрины и предметы оборудования голенищевского собрания.

Председатель обер-гофмейстер Ю.С.Нечаев-Мальцов, отметив заслуги В.С.Голенищева и то редкое уважение, коим он пользуется в среде поселившихся в Египте ученых, сообщает о возможности привлечения В.С. к заведованию принадлежавшей ему коллекцией в Музее.

2. Далее секретарь Комитета отмечает второе радостное для Музея событие – утверждение его штата в законе 10 мая с.г. Это дело тянулось с 1903 г., причем в начале предполагался ежегодный отпуск 30 000 руб. на нужды Музея. В настоящее время удалось выхлопотать отпуск 52 500 руб. в год на содержание Музея и его личного состава.

3. Строитель Музея Р.И.Клейн, докладывая о ходе работ, указал, что, за исключением 4-х дверных наличников, все черновые работы закончены. Предстоит теперь окраска стен и потолков и устройство дверей. Отметив произведенную уже окраску 4-х потолков, докладчик высказался за возможность окончания всех этих работ в течение 1½ [одного с половиной] года, если будет усилено количество рабочих. Необходимо окрасить крышу, переходы и вентиляционные камеры. Равным образом стоит на очереди вопрос о разбивке сквера и сооружении ограды. Вообще, докладчик признает возможным окончить отделку музейского здания через 1½ года.

Профессор И.В.Цветаев сообщил, что скульптор Опекушин предполагает окончить сооружение статуи Императора Александра III к весне 1911 года.

4. Секретарь Комитета И.В.Цветаев, указав на ревностные труды по хранительским обязанностям А.В.Назаревского, предназначенного им на должность старшего хранителя Музея, возбуждает ходатайство о предоставлении теперь же Назаревскому квартиры в здании Музея ввиду необходимости надзора за весьма значительным количеством памятников искусства, хранящихся в помещениях Музея.

Определено:

перенести библиотеку из хранительской квартиры в квартиру директорскую и предоставить исп[олняющему] об[язанности] старшего хранителя Музея Назаревскому хранительскую квартиру, строительную же контору перенести в квартиру для смотрителя здания.

Вице-председатель НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ
Секретарь Комитета И.ЦВЕТАЕВ.

(Ф. 3, оп. I, ед. хр. 255, л. 6–7 об.
Машинопись, подписи – автографы.)

[И.В.Цветаев]

Музей изящных искусств имени Императора Александра III

1. Строительные работы текущего года, идущие под руководством академика архитектуры Р.И.Клейна, состояли: а) В окончании работ по укладке мраморных полов в Центральном зале (кроме окончательной чистой затирки) и под колоннадой парадной лестницы; окончен также и гранитный пол в вестибюле. б) По штукатурно-лепным работам: сделаны наличники на дверях во всех залах верхнего этажа, окончены штукатурные работы в зале Праксителя, близки к окончанию лепные работы в Римском зале. Начаты и значительно продвинулись работы по установке египетских колонн в главном вестибюле и в Египетском зале. в) Сделан тамбур в боковом музейском входе, изготавливаются двери для всех больших зал, равно как и шкафы для библиотечного зала. г) В клетке главной лестницы расписан потолок, расписаны фризы на антаблементе колоннады, на архитраве помещены греческие надписи, согласно выбору и авторитетным указаниям профессора С.И.Соболевского¹¹; расписан потолок и окрашены стены в Олимпийском зале; в зале Парфенона окрашены стены и значительно продвинуты работы по раскраске плафона, приступлено к окраске запасного зала, предназначенного для хранения собрания картин М.С.Щекина. д) Положено основание разбивке сквера посадкою кустов и устройством панели перед главным фасадом здания. Закончено устройство асфальтовых тротуаров вокруг всего здания.

В ближайшую очередь предположены окраска и расписывание зал Ассирийского, Египетского, Римского, Средневекового и главного вестибюля, навеска дверей во всех залах и устройство тамбура у главного входа. В ту же очередь предположены к исполнению: установка решетки вокруг переднего музейского сквера и устройство ограды и ворот со стороны заднего фасада здания.

2. Текущий год ознаменован весьма важным событием в истории Музея – утверждением его штата в законе 10 мая. Согласно этому штату на содержание личного состава отпускается ежегодно по 19 910 руб., на отопление, освещение, ремонт, оплату городского и земского сборов, канцелярские расходы и другие хозяйственные надобности 20 090 руб., на приобретение памятников искусства,

книг и всякого рода репродукций и доставку их из-за границы 10 000 рублей, а всего по 50 000 рублей в год. В текущем году из средств государственного казначейства ассигновано: на покрытие расходов по Музею в 1-й половине сего года – 15 045 руб. и во 2-й половине года – 25 000 рублей. Кроме того, ежегодно, начиная с текущего 1909 года, ассигнуется по 2520 рублей на наем помещений для музейских служителей.

3. Не менее важным событием в жизни Музея является передача в Музей, по Высочайшему повелению, приобретенного в государственную собственность драгоценного собрания египетских и восточных древностей В.С.Голенищева. Это собрание, заключающее в себе свыше 6000 предметов, представляется плодом 30-летних исканий этого известного далеко за пределами России египтолога. Редко тщательный и полный подбор предметов искусства и быта, с избеганием столь обычных как в музеях, так и в частных собраниях дублетов, замечательная коллекция рукописей, стел, иероглифических и клинописных надписей и тканей, 21 фаюмский портрет, 9 саркофагов, большой каменный сфинкс, весьма большое количество статуэток богов (особенно интересен подбор изображений Бесса¹²), редких скарабеев и цилиндров, интереснейшие портретные головы и группы, такие *upisa**, как маска фараона Пепи II¹³, туалетные вещицы в виде купальниц, 2 черного дерева статуэтки с серебряными инкрустациями, Аполлон из Навкратиса (описанный Кизерицким)¹⁴, римское *vexillum*** , все это выдвигает коллекцию Голенищева на степень первоклассного собрания и ставит московский университетский Музей на уровень лучших европейских музеев, хранящих памятники искусства в подлинниках. Следует надеяться, что с поступлением голенищевской коллекции в Музей в Москве создастся новый очаг специального изучения египетских древностей и искусства Востока.

Собрание это было в течение июля с.г. в Петербурге принято от б[ывшего] владельца по описи особой комиссией (представителем Московского университета был проф. И.В.Цветаев, а от Музея – исп[равляющий] об[язанности] хранителя А.В.Назаревский), тщательно упаковано, опечатано и временно, с согласия управления Императорского Эрмитажа, помещено в его кладовых.

4. Из сделанных Музеем пожертвований в текущем году следует поставить на первом месте чрезвычайно ценный дар 1-го секретаря российской миссии в Пекине М.С.Щекина, заключающий в себе коллекцию итальянской и итало-греческой религиозной живописи в количестве 95 предметов. Тонкий знаток итальянской средневековой живописи, итало-греческих и греческих памятников иконописи, жертвователю за 15 лет неутомимой работы собрал примечательную коллекцию итальянских примитивов и интереснейший подбор икон афонского, критского и корфиотского письма за целый ряд столетий (XIV–XVIII). В от-

* редкости (*лат.*).

** знамя (*лат.*).

деле итальянской живописи имеются две части пределлы доджиоттовского периода, большой крест из мастерской Джиотто в Падуе, распятие Якопо Аванци; сиенская школа представлена картинами, с большою достоверностью приписываемыми кисти Симоне Мартини (1), Лоренцетти (3), имеется Мадонна Липпо Мемми (из рефектория б[ывшего] цистерцианского монастыря С.Галгано близ Сиены), часть пределлы Сано ди Пьетро, Мадонна Маттео ди Джиованни, а также крест работы Сеньи ди Бонавентура (подписной); из венецианцев следует отметить Мадонну Лоренцо Венециано (описанную у Вентури), 2 темперы муранских анонимов 2-й половины XV или начала XVI века; умбрийская школа представлена работами Аллегретто Нуцци и Оттавиано Нелли. Весьма крупный интерес представляют фрагмент картины феррарской школы и флорентийское Воскресение с датой «1425», приписываемое кисти Фра Анжелико. Особое значение имеет при изучении русской и вообще восточно-христианской живописи интереснейший отдел греческой и итальянской, применяющейся* к православным вкусам, живописи. Особенного внимания и усердной признательности заслуживает как сей ценный дар Музею, так и заявленное жертвователем обещание и впредь пополнять указанную коллекцию новыми пожертвованиями.

С глубокою признательностью принял Музей принесенный ему в дар действительным членом музейского Комитета, давнишним другом Музея А.Г.Подгорецкой слепок с чудного алтарного образа Андреа делья Роббиа из монастыря Osservanza близ Сиены, своими красками и позолотой прекрасно передающий свойства оригинала.

Неутомимым трудам члена Комитета по устройству Музея Е.Н.Самариной обязан Музей усвоением копий с помпейских и римских фресок. Эти копии, за исключением 4 – 5 вещей, принадлежат кисти самой жертвовательницы.

Теплою признательностью встретил Музей дар директора Будапештского Национального музея в виде гипсового отлива с романского портала из Gyulafekervar** в Венгрии¹⁵.

5. В отчетном году поступили в Музей из числа заказанных ранее гипсовых отливов: 2 больших ассирийских рельефа, Аполлон Ферский, Аполлон Орхоменский, 5 фигур с обоих олимпийских фронтонов, 8 метоп Парфенона, часть большого фриза с Пергамского алтаря, этрусский канделябр, колонна Бернварда, двери и купель из Гильдесгеймского собора.

В текущем году заказаны: гипсовые слепки с 2-х крылатых ассирийских быков из Лувра, с фронтонных фигур Парфенона, 4-х метоп из храма Зевса в Олимпии, Ареса Людовизи, ватиканской Ариадны, Афины Джустиниани, группы Лаокоона, статуи Менандра и Посидиппа, луврской Venus Genetrix***,

* приспособляющейся (*устар.*).

** Дьюлафехервар (*венг.*).

*** Венеры Прародительницы (*лат.*).

Бельведерского Аполлона, Галла, убивающего жену, статуи Демосфена, с большого портала de la Vierge Dorée Амьенского собора, со статуй Вакха с фавном Якопо Сансовино, 2-х луврских Пленников Микеланджело, с большой гробницы Франциска II и Маргариты де Фуа – Мишеля Коломба¹⁶, с балкона Браманте¹⁷, с большого канделябра Медичи.

6. В текущем году были расставлены по своим местам: оба фронтона с храма Зевса в Олимпии, фриз Парфенона и часть большого Пергамского фриза.

В течение отчетного года производилась опись музейских коллекций: описаны гипсы с памятников греческого и римского мира и христианской эпохи, а также бронзовые отливки с предметов искусства и быта из Помпеи и Геркулана.

7. Музей находится в заведовании заслуженного ординарного профессора И.В.Цветаева. Для несения хранительских обязанностей проф. И.В.Цветаевым был приглашен А.В.Назаревский, который нес также обязанности ученого секретаря.

(Ф. 2, оп. I, ед. хр. 314, л. 1–5. Машинопись с правкой.
Вверху первой страницы: «Набрать к отчету.
С.Преображенский. 15.XII.09». Опубликовано в:
Отчет императорского Московского университета
за 1909 год. Ч. 1. М., 1910. С. 133–137.
Печатается по рукописи.)

[И.В.Цветаев]

[ОТЧЕТ О РАБОТЕ МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В 1910 ГОДУ]

В истекшем году получили окраску плафонов и стен залы Библиотеки, Олимпии, Парфенона, Ассирии, Греческой архаики, Эгинетов и Большой запасный. Закончены плафоны в Египетском зале, в залах V в., Праксителя и Погребальных рельефов и близится к концу окраска потолка в Римском зале. Готовы и навешаны почти все двери 1-го и подвального этажей и часть дверей верхнего этажа. Сделаны все дверные замки. В Библиотечном зале установлены все книжные шкафы и устанавливаются металлические к ним решетки.

Перед фасадом Музея со стороны Волхонки разбит сквер из низкорослых насаждений и установлена на гранитном цоколе железная решетка. На одном из внутренних двориков поставлены возовые весы Фербэнкса для учета доставляемого в Музей антрацита и других материалов.

Из числа ранее заказанных для Музея слепков с художественных памятников получены: мулажи ассирийского крылатого льва (из Лувра), рельефы Микенских ворот, Аполлона Choiseul Gouffier*, берлинской амазонки, Диадумена Вэзон, фронтовых скульптур Парфенона, Афродиты из Фрежюса, Эйрены Кефисодота, Аполлона Барберини, с реставрированного Шапером Гермеса Праксителя, Мавзола, Ареса Людовизи, ватиканской Ниобиды, Менаандра, Зенона,

* Шуазель Гуффье (фр.).

флорентийского Точильщика, берлинской Полигимнии, Агриппины (из Неаполя), части южного портала Амьенского собора, Puits de Moïse (из Дижона), Благовещение и Марцокко Донателло, Эрота, Pieta и Пленников Микеланджело, гробницы Фридриха Мудрого – работы П.Фишера. Приобретена также коллекция гальванопластических воспроизведений медалей итальянского Возрождения и слепков с мелких бронз и плакет той же эпохи.

С чувством живейшей благодарности встретил Музей весьма ценный дар Т.В. и А.А.Левченко в ряде поразительных по близости к гибнущим оригиналам копий с фресок А. дель Сарто из флорентийского монастыря Скальцо работы талантливой и глубокообразованной соотечественницы нашей баронессы Е.Лаудон.

Установлены на места рельефы с Микенских ворот, фронтонные скульптуры и метопы Парфенона, Амьенский портал, двери из соборов в Гильдесгейме и Аугсбурге, колонна св. Бернварда, гробница Иларии дель Каретто и Мадонна – Кверча, Благовещение Донателло, алтарный образ из Оссерванцы бл[из] Сиены – А. дела Роббиа, Puits de Moïse, гробница Фридриха Мудрого и подаренный Музею из Венгрии романский портал Gyula Fekervar. Кроме того, расставлены художественные памятники в зале Греческих погребальных рельефов.

Музейская библиотека в истекшем году перевезена из временного помещения в Библиотечный зал Музея, где и получила размещение. За 1910 г. приобретено для Библиотеки Музея 159 изданий на общую сумму до [пропуск в тексте] рублей и в настоящее время количество имеющихся в Библиотеке названий достигает [пропуск в тексте] номеров.

Составлен систематический каталог и алфавит изданий, находящихся в Библиотеке.

Музей состоит в заведовании заслуженного профессора И.В.Цветаева. Хранительские и секретарские обязанности и в текущем году нес А.В.Назаревский. Библиотечарские же обязанности и делопроизводство Строительной комиссии возложены были на приглашенного профессором И.В.Цветаевым тит[улярного] советн[ика] С.П.Киприянова.

(Ф. 2, оп. I, ед. хр. 341а, л. 1–1 об. Черновой машинописный экземпляр.)

ОСВЯЩЕНИЕ МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

31 мая в Высочайшем присутствии Государя Императора и Государыни Императрицы Марии Феодоровны состоялось торжественное освящение Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете.

Массы народа собрались на Волхонке в ожидании Царского проезда. На улице перед музейским зданием расположился хор учащихся в среднеучебных

заведениях ведомства Министерства народного просвещения. У ворот, ведущих в сквер, разбитый перед Музеем, были устроены две изящные арки, украшенные национальными флагами, государственными гербами и вензелями Их Величеств; на выступах подъезда красовались чудные живые цветы.

В три часа дня восторженное народное «ура», не умолкавшее по всему пути следования, возвестило о приближении к Музею Высочайших Особ. Хор учащихся под управлением директора Московской консерватории М.М.Ипполитова-Иванова стройно стал исполнять народный гимн, который был покрыт восторженным «ура» учащихся. Его Величеству благоугодно было обратить милостивое внимание на образцовое исполнение гимна учащимися.

У парадного подъезда Их Императорские Величества были встречены товарищем [председателя] Комитета по устройству Музея обер-гофмейстером Ю.С.Нечаевым-Мальцовым, заслуженным профессором И.В.Цветаевым и строителем Музея академиком архитектуры Р.И.Клейном. Ю.С.Нечаев-Мальцов имел счастье поднести Государыне Императрице Марии Феодоровне букет из орхидей и роз.

На нижней площадке парадной лестницы собрались для встречи Высочайших Особ члены Комитета по устройству Музея, которые были представлены Их Величествам.

Затем по мраморной лестнице Государь Император и Государыня Императрица изволили подняться в Центральный колонный зал Музея.

Вместе с Их Величествами к торжеству освящения Музея прибыли: Их Императорские Высочества Великие Княжны Ольга Николаевна, Татиана Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, Великая Княгиня Анастасия Михайловна, Великая Герцогиня Мекленбург-Шверинская, Великая Княгиня Мария Александровна, Герцогиня Саксен-Кобург-Готская, Великая Княгиня Ксения Александровна, Великие Князья Михаил Александрович, Павел Александрович, Димитрий Павлович, Димитрий Константинович, Николай Николаевич с Августейшей Супругой Великой Княгиней Анастасией Николаевной, Николай Михайлович, Георгий Михайлович с Августейшею Супругой Великой Княгиней Марией Георгиевной, Сергей Михайлович; Их Высочества Князь Иоанн Константинович с Августейшею Супругою Княгинею Еленой Петровной, Князь Гавриил Константинович, Константин Константинович и Игорь Константинович, Князь Сергей Георгиевич Романовский, Герцог Лейхтенбергский и Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий.

В нише обширного колонного зала среди тропических растений были установлены иконы Спаса Нерукотворенного, Иверской Богоматери и Св. Татианы Мученицы (из университетского храма). Пред этими святынями высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский, совершил молебен соборно с преосвященными: Трифоном, епископом Дмитровским, Василием, епископом Можайским, и Анастасием, епископом

Серпуховским, архимандритами: Модестом, Афанасием, Арсением, Феодосием и Никодимом, протопресвитером Успенского собора Н.А.Любимовым, духовником Их Императорских Величеств протоиереем о. Кедринским, протоиереем Н.И.Боголюбским и другим духовенством. Пел синодальный хор. После Царского многолетия была возглашена Вечная память в Бозе почивающему Императору Александру III, причем Их Величества и все Августейшие особы, а также присутствующие на молебствии преклонили колена.

На торжестве освящения Музея присутствовало многочисленное избранное общество; здесь находились председатель Совета министров статс-секретарь В.Н.Коковцов, министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Б.В.Фредерикс, министры: военный – генерал от кавалерии В.А.Сухомлинов, внутренних дел – А.А.Макаров, народного просвещения – Л.А.Кассо, иностранных дел – С.Д.Сазонов, путей сообщения – С.В.Рухлов, обер-прокурор Св. Синода В.К.Саблер, главноуправляющий Собственной Его Императорской Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии светлейший князь А.А.Ливен, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В.Кривошеин, государственный контролер П.А.Харитонов, наместник Его Величества на Кавказе граф И.И.Воронцов-Дашков с супругой, высшие придворные чины, среди которых находились обер-егермейстеры граф С.Д.Шереметев, Балашев и Голенищев-Кутузов-Толстой, обер-гофмейстер А.С.Танеев, лица Государевой свиты, члены Государственного Совета, и в их числе граф С.Ю.Витте, Н.А.Зверев, А.Г.Булыгин, граф Д.А.Олсуфьев и В.П.Глебов, председатель Государственной Думы М.В.Родзянко, командующий войсками округа генерал от кавалерии Н.А.Плеве и очень много генералитета, генерал от кавалерии М.П.Степанов, почетные опекуны, среди которых находились председательствующий в Московском Присутствии Опекунского Совета генерал от кавалерии А.А.Пушкин и граф А.В.Олсуфьев, товарищ министра внутренних дел И.М.Золотарев, Московский губернатор, Свиты Его Величества генерал-майор В.Ф.Джунковский, градоначальник генерал-майор А.А.Адрианов, попечитель Московского учебного округа А.А.Тихомиров, профессора Московского университета с ректором М.К.Любавским во главе, директора высших и средних столичных учебных заведений, товарищ Августейшего председателя Исторического музея князь Н.С.Щербатов, директор Румянцевского музея князь В.Д.Голицын, директор Архива Министерства юстиции профессор Д.В.Цветаев, директор Архива Министерства иностранных дел князь В.Е.Львов, московский губернский предводитель дворянства А.Д.Самарин, губернские предводители дворянства других губерний, уездные предводители дворянства и многие дворяне Московской губернии, представители московского земства, московский городской голова Н.И.Гучков, члены городской управы, гласные Городской думы, некоторые из городских голов, прибывшие на майские торжества, представители ученых и художественных обществ; профессор живописи В.М.Васнецов, профессор

А.Н.Померанцев, академик скульптуры А.М.Опекушин и многие почетные лица. На торжестве присутствовали сербская и болгарская делегации.

В правой половине зала занимали место дамы высшего общества; среди них находились статс-дамы графиня А.А.Олсуфьева и графиня П.С.Уварова, многие кавалерственные дамы, фрейлины Их Величеств и Их Высочеств.

По окончании молебствия Их Величества и их Высочества изволили приступить к осмотру нового Музея. Высочайший осмотр начался с зала Государыни Императрицы Марии Феодоровны (зал Олимпии – V в. до Р.Хр.). Августейшим Особам были поднесены краткие изящные каталоги, составленные для каждой залы и украшенные видом ее. Объяснения Их Величествам и Августейшим Особам удостоились давать профессор И.В.Цветаев, Ю.С.Нечаев-Мальцов и строитель Р.И.Клейн.

Высочайшие Особы сначала осмотрели залы верхнего этажа, затем спустились в первый этаж, который также был осмотрен с большим вниманием. Обход всех зал занял более часа времени. Государь Император изволил неоднократно выражать похвалы новому Музею. Его Величеству благоугодно было отметить необыкновенную полноту коллекций Музея, которая дает возможность теперь основательно изучать в России историю искусств. Монументальное здание с его обширными, великолепно сделанными залами также получило Высочайшее одобрение.

Государю Императору и Государыне Императрице Марии Феодоровне были поднесены по три медали (золотая, серебряная и бронзовая), выбитые в память освящения Музея, а также вышедшие два выпуска подлинников Музея, краткий иллюстрированный путеводитель по Музею и альбомы с внутренними видами Музея. Для Наследника Цесаревича изготовлен был особый альбом снимков, в которых представлены дети, животные и семейная жизнь в памятниках Музея. Печатные издания были поднесены также и прочим Августейшим Особам.

В 4 часа 45 минут дня Их Величества и Их Высочества отбыли из Музея при восторженных кликах собравшихся на музейное торжество. Хор учащихся, насчитывавший в своем составе до 800 учеников и учениц, вместе с оркестрами военной музыки исполнял «Славься» (из оперы «Жизнь за Царя»). Народное «ура» оглашало улицы. С большим воодушевлением был исполнен затем народный гимн.

Их Величества милостиво обратили внимание на ученический хор и при Своем отбытии из Музея.

Ликующие массы народа восторженно приветствовали Их Величества до самого Кремля.

Московские ведомости, 1912. 1 июня. Без подписи.

Из отчета Музея изящных искусств имени
Императора Александра III
за 1912 год

<...>

2. В летние месяцы Музей был открыт 4 раза в неделю для групповых посещений как воспитанников учебных заведений, так и разного рода профессиональных организаций, а равно составлялись группы из широкой публики по 20 человек. Экскурсанты осматривали Музей как при содействии своих руководителей, так и под руководством должностных лиц Музея. Таким образом было пропущено 4238 человек. С 15 июля по 15 августа, согласно определению Правления Императорского Московского университета, Музей был закрыт¹⁸. С 15 августа вновь был открыт Музей для экскурсий, а с 1 сентября Музей открыл свои двери для широкой публики, от 11 до 3 час., по будням, кроме предназначенного для чистки зал понедельника, и по праздникам – от 12 до 3. По двенадцатым праздникам Музей был закрыт. Широкой публики через Музей прошло с 1 сентября по 1 декабря 59 549 человек, причем средняя посещаемость Музея в будни – 604, а в праздники – 1659. С 20 октября по будням от 9½ до 11 час. и по праздникам с 10½ до 12 час. (кроме понедельников) допускались также экскурсии для беглого обзора Музея, по предварительной записи. Для дачи объяснений экскурсанты приводили или своих руководителей, или обращались к Управлению Музея, которое образовало кадр руководителей из специалистов по истории искусств, из студентов Императорского Московского университета, слушательниц Высших женских курсов и Императорского Археологического института; всем этим лицам Управление Музея почитает своим долгом принести сердечную признательность за безвозмездные труды по руководству групповыми осмотрами Музея. С 5 декабря вводятся осмотры Музея для широкой публики, по 25 человек в каждой группе, при объяснениях руководителей Музея. С осени отчетного года в залах Музея читались директором засл[уженным] проф. И.В.Цветаевым и старшим хранителем ордин[арным] проф. В.К.Мальмбергом лекции студентам Университета и слушательницам ВЖК и здесь же велись практические занятия.

<...>

5. В отчетном году поступили в Музей из числа наиболее крупных заказанных в формовочной мастерской Брюссельского музея du Cinquantenaire слепки раки св. Гертруды (из Нивелль), памятника Карла Смелого (из Брюгге). Из формовочного ателье Королевских музеев в Берлине прибыли заказанные слепки конных статуй Гаттамелаты Донателло и так наз[ываемого] Конрада III¹⁹; из Лондона от фирмы Бруччиани получен слепок с памятника Гарпий. Флорентийская формовочная мастерская изготовила слепок с «Давида» Микеланджело.

<...>

Отчет о состоянии и действиях Императорского
Московского университета за 1912 год. М., 1913. С. 24–26.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подразумевается: «по 22 рубля за сотню».

² *Мартен Пьер-Дени Младший* (ок. 1663–1742), французский живописец, работавший в России.

³ Художественно-книгоиздательское Товарищество Р.Голике и А.Вильборг (Петербург), основанное *Романом Романовичем Голике* и *Артуром Ивановичем Вильборгом* в 1903 г.

⁴ Имеется в виду рака св. Зебальда.

⁵ Речь идет об алтарной композиции из монастыря Оссерванца.

⁶ Хорегический – то есть сооруженный хорегом (руководителем хора) в память победы на певческих состязаниях.

⁷ Имеется в виду слепок статуи Реглинды из Наумбургского собора. См. т. 3, илл. 61.

⁸ Очевидно, речь идет не собственно о фризе, а о сделанном из того же камня карнизе над ним, под основаниями колонн. «Украшения» – вероятно, металлические базы этих колонн.

⁹ *Веселитский Григорий Александрович*, член Строительной комиссии, представитель Государственного контроля.

¹⁰ Граф *Камаровский (Комаровский) Леонид Алексеевич* (1846–1912), профессор международного права в Московском университете.

¹¹ *Соболевский Сергей Иванович* (1864–1963), профессор греческой словесности Московского университета (с 1892 г.), в дальнейшем член-корр. АН СССР (1928). Перевод упомянутых надписей над первой и последней ступенями лестницы: «Лучшее в жизни – познание прекрасного», «Искусство – прибежище людям в несчастьях». На архитравах над боковыми парапетами написаны по-гречески имена муз.

¹² *Бес (Бесс)*, древнеегипетский бог-карлик и весельчак, божество счастья и покровитель семьи.

¹³ *Пети II* (XXIII в. до н.э.), фараон VI египетской династии.

¹⁴ Речь идет об алебастровой архаической статуэтке VI в. до н.э., происходящей из Навкратиса, греческой колонии, основанной в дельте Нила в VII в. до н.э. *Кизерицкий Гангольф Егорович* (1847–1903), хранитель отделения древностей Эрмитажа.

¹⁵ Слепок портала собора Св. Михаила XII – XIII вв. в городе Дьюлафехервар (с декабря 1918 г. город под названием Альба-Юлия входит в состав Румынии) установлен в Христианском дворе рядом с «Золотыми воротами» Фрейбергского собора.

¹⁶ Заказ на слепок этой гробницы был вскоре отменен Цветаевым в связи с открывшейся возможностью приобрести взамен слепок «Колодца пророков» («Колодца Моисея») К.Слютера и К.де Верве. См. подробнее т. 3.

¹⁷ Речь идет о балконе римского палатцо Канцеллерия работы архитектора *Донатто Браманте* (1444–1514). Слепок укреплен над гранитной лестницей Христианского двора.

¹⁸ «Крайнее утомление крошечного служебного персонала (4 человека) предпраздничными хлопотами, продолжавшимися месяцы бессменной работы, прием и объяснение коллекций 3500 школьникам-экскурсантам в первый месяц функционирования Музея и прибытие новых транспортов с памятниками искусств, требующими распаковки и бережной расстановки их по залам, заставили меня закрыть Музей на месяц» (И.В.Цветаев – Н.В.Поленовой. 31 июля 1912 г. ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 11880. Публикуется впервые).

¹⁹ Имеется в виду так называемый Бамбергский всадник. См. т. 3, илл. 50.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

I. ИМЕННЫЕ ЗАЛЫ в Музее изящных искусств ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (полный перечень залов Музея см. в т. 1, илл. 74, 75)

I ЭТАЖ

- Египетский зал имени обер-гофмейстера Ю.С.Нечаева-Мальцова. Сооружен на средства Комитета Музея в честь Ю.С.Нечаева-Мальцова (Зал I).
- Ассирийский зал. Сооружен в честь великой княгини Елизаветы Федоровны на средства Ст.А.Протопопова (Зал II).
- Зал Греческой архаики 3000 – 500 гг. до Р.Хр. Сооружен на средства Е.И.Бенардаки (Зал III).
- Зал Эгинетов, V в. до Р.Хр. Сооружен на средства Е.И.Бенардаки (Зал IV).
- Зал Возрождения в Германии и Франции XV – XVI вв. Сооружен на средства братьев Арманд (Зал XXII).
- Читальный зал. Сооружен на средства Е.Н.Самариной, рожд. Рахмановой (Зал XXVI).

2 ЭТАЖ

- Зал Олимпии V в. до Р.Хр. Сооружен в честь императрицы Марии Федоровны на средства И.М.Рукавишника из Нижнего Новгорода (Зал VI).
- Зал Фидия, Парфенон, V в. до Р.Хр. Сооружен на средства великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича в память великой княгини Александры Георгиевны Греческой (Зал VII).
- Зал конца V в. до Р.Хр. Сооружен на средства Л.С.Полякова (Зал VIII).
- Зал Праксителя, IV в. до Р.Хр. Сооружен на средства М.С.Скребицкой, рожд. Юрьевич из Петербурга, в память ее отца, генерал-адъютанта С.А.Юрьевича (Зал IX).
- Зал надгробных рельефов V – IV вв. до Р.Хр. Сооружен на средства Н.И.Пастухова (Зал X).
- Зал Лисиппа, IV в. до Р.Хр. Сооружен в честь Королевы эллинов Ольги Константиновны на средства П.Г.Шелапутина (Зал XI).
- Зал Афродиты Милосской и Лаокоона. III – I вв. до Р.Хр. Сооружен в честь великого князя Сергея Александровича на средства М.А.Морозова (Зал XIII).
- Пергамский зал II – I вв. до Р.Хр. Сооружен в честь императрицы Александры Федоровны на средства И.М.Рукавишника из Нижнего Новгорода (Зал XIV).

- Римский зал. Сооружен на средства княгини З.Н.Юсуповой и князя Ф.Ф.Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон (Зал XV).
- Зал искусства древнехристианского и Средних веков. Сооружен в честь Наследника Цесаревича Алексея Николаевича на средства И.А. и Кс.Ф. Колесниковых (Зал XVI).
- Зал итальянского Возрождения (Кваттроценти). Сооружен на средства А.В.Протасовой (Зал XVIII).
- Зал Микеланджело. Сооружен в память великого князя Владимира Александровича на средства М.Н.Журавлева из Рыбинска (Зал XX).

II. СПИСОК ОСНОВНЫХ ФИРМ, СТРОИВШИХ И ОБОРУДОВАВШИХ МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В 1898 – 1912 ГГ.¹

- В.А.Александров. Строительная контора. Москва. Романский цемент, кирпич своего завода.
- Эд. Арпс и К°. Завод изолирующих материалов акционерного общества. Москва – СПб. – Одесса.
- Л.А.Байдаков. Поставка красного кирпича. Москва.
- БЕЛЛ. Международная компания телефонов.
- БРАТЯ АКСЕРИО. Производство работ из искусственного мрамора, скульптурные работы.
- БРАТЯ БРОМЛЕЙ. Общество механических заводов. Москва.
- Я.А.Брусов. Гранит и гранитные работы. СПб.
- Ф.И.Верин, подрядчик земляных и песочных работ. Москва.
- ГЕОРГИЙ ЛИСТ. Завод для механической обработки камня. Москва.
- ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИНЖЕНЕРА А.В.БАРИ. Москва. Металлические покрытия, стропила, фермы, рамы железные для стеклянных крыш и потолков, установка балок².
- ГОСТЫНСКИЙ И К°. Акционерное общество фабрики железных изделий. Варшава.
- Л.В.ГОТЬЕ. Склад двутавровых прокатных балок (железо, чугун). Москва.
- Ю.ГУК И К°. Акционерное общество для производства бетонных и других строительных работ. Москва.
- ДОВРОВЫХ И НАБГОЛЬЦ. Товарищество чугунолитейного и машиностроительного производств в Москве и Нижнем Новгороде.
- Н.А.ЗАХАРОВ. Производство различных работ из мрамора и гранита. Подольский и тарусский мрамор.
- Т.Ф.КНОПП. Производство асфальтовых, цементных работ. Москва.
- КОС И ДЮРР. Москва. Строительные материалы: представитель заводов Виллеура и Бох в Метлахе, Мерциге и Дрездене.

- И.О. МОРБЕРГ. Кузнечно-слесарно-цинкостроительная фабрика в Москве.
- НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ КОЗЫРЕВ. Производство малярных, кровельных и др. работ. Москва.
- ПЕТРА СВЕШНИКОВА СЫНОВЬЯ. Торгово-промышленное товарищество. Продажа лесных строительных материалов. Москва.
- ПРЕЕМНИКИ А.С.КОЗЛОВА В.А.ГЛАДКОВ И В.А.КОЗЛОВ. Скульптурно-художественная мастерская. Мраморная и бронзово-цинколитейная фабрика. Москва.
- ТЕРЕНТИЙ ЩУКИН С СЫНОВЬЯМИ. Подрядчик земляных работ. Москва.
- ТЕХНИЧЕСКО-СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА ИНЖЕНЕРА В.А.ЛИБЕРТА. Москва.
- ТОВАРИЩЕСТВО Ж.БЛОК. Представители заводов «Ремингтон», «Фербенкс», «Отис» и др.
- ТОВАРИЩЕСТВО ЛАТУННОГО И МЕДНОПРОКАТНОГО ЗАВОДОВ КОЛЬЧУГИНА.
- ТОВАРИЩЕСТВО МОСКОВСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА.
- ТОВАРИЩЕСТВО ЭМИЛЬ ЛИППГАРТ И К°. Заводы для производства цемента, извести и алебаstra. Москва.
- ТОВАРИЩЕСТВО ТРЕХГОРНОГО ЦЕМЕНТНОГО ЗАВОДА В МОСКВЕ.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ «В.ЗАЛЕСКИЙ И В.ЧАПЛИН». Устройство всевозможных систем отопления и вентиляций жилых помещений.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ «ИНЖЕНЕР ОБРЕЗКОВ И БЮСТРЕМ». Малярные работы. Москва.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ «МЮР И МЕРИЛИЗ». Водопроводное отделение.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ «ПРЕЕМНИКИ Я.ЖУКОВСКОГО» Б.ЛЕВЕНТАЛЬ И К°. Электротехническое оборудование.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ Е.Я.РУБИНШТЕЙНА С СЫНОВЬЯМИ. Железо котельное, сортовое и волнистое, двутавровые балки, чугун литейный и т.д.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ Г.А.СЕГАЛЬ И ИНЖЕНЕР Н.А.ГЛАДИН. Контора производства асфальтовых и бетонных работ. Москва.
- ТОРГОВЫЙ ДОМ ФРАНК М. И К°. КОМИССИОНЕРЫ СЕВЕРНОГО СТЕКОЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО ОБЩЕСТВА. С.-ПЕТЕРБУРГ, МОСКВА И ОДЕССА. Иллюминаторы для освещения подвальных помещений, стекла «Монье» и т.д. Москва.
- УСТИНСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОД БРАТЬЕВ А. И С.ИВ.НОСЕНКОВЫХ. Москва.
- ФАБРИЧНО-ТОВАРНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПРЕЕМНИКОВ В.НЕМИРОВА-КОЛОДКИНА. Фабрика и магазин бриллиантовых, золотых и серебряных вещей и церковной утвари. (Металлическая оправа дверей зеленой медью.)
- А.Д.ХОДНЕВ. Контора асфальтовых и строительных работ. Москва.
- В.К.ШАПОШНИКОВ, М.В.ЧЕЛНОКОВ И К°. Товарищество для производства и продажи строительных материалов. Москва.
- С.А.ЯКОВСОН. Кирпичный завод.
- В.И.ЯКУНЧИКОВ. Одинцовский кирпичный завод.

КОНСУЛЬТИРОВАЛИ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ:

- ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ ВЕДОМСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ, механическая лаборатория;
- ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, механическая лаборатория, Санкт-Петербург, профессор Н.А.Белелюбский – испытание прочности уральского мрамора;
- НИКОЛАЕВСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ, Санкт-Петербург, профессор А.А.Веденяпин – по вопросам систем отопления для здания Музея.

Составила М.Б.Аксененко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В список не включены субподрядчики, транспортные конторы и фирмы, эпизодически привлекавшиеся к строительству, а также предприятия, поставлявшие на стройку топливо, канцелярские товары, вывозившие мусор и т.д.

² Вопреки названию, как раз стропилами и фермами Музея контора Бари (ведущий инженер – В.Г.Шухов) не занималась. Эту арматуру спроектировало и установило Общество Бромлей (ф. 3, оп. I, ед. хр. 49). Конторой Бари были поставлены отопительные котлы (ф. 3, оп. I, ед. хр. 186).

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В ПИСЬМАХ И.В.ЦВЕТАЕВА

В.М.Васнецов – И.В.Цветаеву ок. 22 – 25 августа 1907 г. – 109	В.Н.Коковцев – И.В.Цветаеву ок. 20 ноября 1911 г. – 268
А.И.Вуич – И.В.Цветаеву нач. августа 1907 г. – 109	А.П.Корнилов – И.В.Цветаеву ок. 10 мая 1911 г. – 236
М.М.Голицын – И.В.Цветаеву нач. августа 1907 г. – 107	Г.Лёшке – И.В.Цветаеву июль – август 1911 г. – 252
Н.А.Демидов – в Академию художеств 1 февраля 1776 г. – 219	Неустановленное лицо – И.В.Цветаеву ок. 10 – 13 февраля 1908 г. – 146
Е.Ф.Джунковская – И.В.Цветаеву 18 апреля 1908 г. – 159	А.М.Опекушин – И.В.Цветаеву ок. 16 – 17 апреля 1911 г. – 230
И.И.Дмитревский – И.В.Цветаеву ок. 16 – 17 августа 1908 г. – 176	Б.К.Ордин – И.В.Цветаеву 26 ноября 1911 г. – 270
Н.А.Добровольский – И.В.Цветаеву декабрь 1910 г. – 240	Г.Трей – И.В.Цветаеву 16 апреля (н.ст.) 1907 г. – 89
С.М. Дудин. Записка (?) нач. 1908 г. – 146	П.С.Уварова – И.В.Цветаеву 29 июля 1907 г. – 106 5 мая 1911 г. – 234
К.Т.Кётшау – И.В.Цветаеву 8 декабря н.ст. 1911 г. – 272	Ф.Ф.Юсупов – И.В.Цветаеву апрель 1911 г. – 232
Р.И.Клейн – И.В.Цветаеву 28 февраля 1908 г. – 153	

ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКУЕМЫЕ ИЛИ ЦИТИРУЕМЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ

Акт о приеме коллекции К.А.Губастова 6 января 1912 г. – 401	П.В.Жуковский – И.В.Цветаеву 19 августа 1907 г. – 334
Гордеев, Митюхин и др. – «Друзьям 200 лет вперед» 30 апреля 1911 г. – 402	Р.И.Клейн – Ю.С.Нечаеву-Мальцову 12 октября 1906 г. – 308 27 декабря 1907 г. – 350
И.И.Дмитревский – И.В.Цветаеву 18 июля 1907 г. – 332	Р.И.Клейн – И.В.Цветаеву 23 сентября 1906 г. – 306 24 или 27 июня 1907 г. – 349
И.В.Дмитриев – Ю.С.Нечаеву-Мальцову 21 декабря 1907 г. – 341	Н.П.Лихачев – И.В.Цветаеву 28 октября 1909 г. – 383
И.В.Дмитриев – И.В.Цветаеву 21 – 22 июля 1907 г. – 331 25 июля 1907 г. – 332 4 августа 1907 г. – 334	В.К.Мальмберг – И.В.Цветаеву 20 сентября 1907 г. – 343

Ю.С.Нечаев-Мальцов – Р.И.Клейну	28 сентября 1907 г.	– 341
14 марта 1906 г.	8 декабря 1907 г.	– 326
Повестка с приглашением на заседание	18 декабря 1907 г.	– 337
Комитета по устройству Музея	29 сентября 1909 г.	– 315
25 января 1908 г.	5 (18) августа 1910 г.	– 410
В.Д.Поленов – И.В.Цветаеву	И.В.Цветаев – Д.С.Нечаеву	
5 ноября 1911 г.	6 апреля 1908 г.	– 361
Пояснение к записке профессора	И.В.Цветаев – В.К.Мальмбергу	
И.В.Цветаева.	21 сентября /	
Денежные ассигнования на увеличение	4 октября 1910 г.	– 389
коллекций Музея	И.В.Цветаев – В.Д.Поленову	
6 марта 1896 г.	24 октября 1907 г.	– 343
Е.Н.Самарина – И.В.Цветаеву	9 декабря 1910 г.	– 391
24 апреля 1906 г.	5 апреля 1911 г.	– 398
14 сентября 1909 г.	13 (26) сентября 1911 г.	– 411
3 (16) ноября 1909 г.	И.В.Цветаев. Поминальное слово	
24 марта 1910 г.	о С.С.Нечаевой	
П.С.Уварова – И.В.Цветаеву	июль 1907 г.	– 331
4 мая 1907 г.	И.В.Цветаев – Г.Трею	
4 августа 1907 г.	19 ноября 1907 г.	– 343, 344
20 августа 1907 г.	28 ноября 1907 г.	– 343
14 марта 1911 г.	6 июля 1908 г.	– 359
15 марта 1911 г.	И.В.Цветаев – А.Н.Шварцу	
И.В.Цветаев – Р.И.Клейну	17 апреля 1908 г.	– 363
4 сентября 1906 г.	3 сентября 1908 г.	– 371
26 декабря 1906 г.	М.С.Щекин – И.В.Цветаеву	
15 февраля 1907 г.	4/17 ноября 1909 г.	– 384
18 мая 1907 г.	Н.С.Щербатов – И.В.Цветаеву	
23 июня 1907 г.	24 августа 1906 г.	– 318

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ Музея изящных искусств

- Антиквариум (отделение древностей) – 28, 38, 76, 80, 106, 110, 136, 174, 204, 210, 292, 319, 351,
Ассирийский (Азиатский, Переднеазиатский) зал – 16, 42, 57, 63, 80, 83, 86, 89, 90, 126, 128, 130, 135, 142, 175, 195, 196, 202, 203, 212, 259, 263, 268, 278, 305, 311, 367, 372, 379, 398, 420, 437, 440, 447
Аудитория – 265, 268, 271, 302
Базы колонн, металлические – 12, 130, 133, 142, 165, 196, 197, 347, 446
Белый зал – см. Центральный зал
Библиотека – 16, 28, 50, 58, 128, 174, 212, 280, 368, 398, 437, 440, 441
Большой зал – см. Центральный зал
Венеры (Афродиты) Милосской и Лаокоона зал – 42, 56, 133, 298, 311, 339, 447
Вестибюль, оформление его – 42, 57, 63, 87, 89, 110, 111, 136, 195, 196, 203, 215, 337, 351, 437
Возрождения в Германии и Франции XV – XVI вв. зал – см. Возрождения Северного зал
Возрождения итальянского XV в. зал – 16, 40, 65, 77, 79, 95, 101, 107, 123, 132, 142, 145, 154, 156, 160, 165, 180, 181, 183, 210, 212, 220, 231, 256, 266, 318, 357, 367, 394, 409, 433, 448
Возрождения итальянского XVI в. зал – см. Микеланджело зал
Возрождения итальянского кабинет – 390
Возрождения Северного зал – 210, 215, 228, 292, 319, 337, 391, 447
Ворота – 437
Восточный отдел Музея – 146, 355, 429
Гардероб – 110, 337, 420
Главный зал – см. Центральный зал
Гранит, гранитные работы – 30, 51, 55, 293, 304, 428
Греческой архаики зал – 126, 128, 142, 175, 195, 196, 233, 440, 447
Двери наружные и между залами – 12, 20, 77, 80, 106, 111, 133, 136, 140, 142, 174, 177, 183, 184, 186, 195, 196, 202, 204, 233, 318, 351, 436, 437, 440, см. также Тамбуры входов
Дворик Греческий (Античный, Классический) – 12, 20, 27, 28, 30, 72, 76, 77, 79–82, 86, 88–91, 94, 96, 97, 101, 104, 107, 132, 137, 143, 161, 164, 168, 181, 204, 228, 267, 285, 291, 324, 329, 337, 382, 390, 410, 417, 431, 433
Дворик Христианский (Итальянский) – 28, 42, 52, 66, 72, 76, 77, 79, 80, 86–90, 92, 94, 96, 97, 105, 110, 115, 119, 121, 127, 130–132, 135, 137, 140, 144, 145, 151, 154, 156, 161, 164, 167, 181, 188, 218, 242, 264, 292, 310, 318, 329, 337, 340, 342, 348, 390, 401, 431, 433, 446
Древнегреческих надгробий V – IV вв. до н.э. зал – 210, 311, 391, 440, 441, 447
Древнехристианского искусства и Средних веков зал – см. Средних веков зал
Египетский зал – 12, 16, 67, 110, 142, 172, 175, 192, 193, 195, 196, 202, 203, 212, 215, 226, 237, 243, 278, 311, 337, 351, 376, 398, 406, 420, 437, 440, 447
Живопись стенная в интерьерах – 171, 368, 373, 415, 428, 437

* Курсивом выделены страницы, относящиеся к комментариям.

- Закладка Музея – 175, 241, 275, 427
 Запасные залы – 146, 177, 178, 184, 186,
 355, 371, 406, 429, 437, 440
 Здание, внешний облик – 26, 349
 Земляные работы – 115
- Иллюминаторы в полах залов – 66, 310
 Искусства XV в. зал – см. Возрождения
 итальянского XV в. зал
 Искусства XVI в. зал –
 см. Микеланджело зал
- Кабинет директора – 116, 437
 Камеры вентиляционные – 436
 Камеры отопления – 82
 Канцелярии и администрации
 помещения – 411
 «Капелла» – 390
 Капители, в т.ч. металлические – 12, 52,
 130, 133, 142, 165, 196, 197, 347, 433
 Квартиры персонала Музея – 368, 436, 437
 Кирпич – 114, 115, 425
 Колоннада главного фасада – 57, 427, 428,
 431, 432
 Колоннада центральной лестницы – 12,
 130, 148, 165, 186, 197, 348, 349, 391, 437
 Колонны вестибюля – 437
 Колонны дорические центрального
 портика – 293
 Колонны Египетского зала – 437
 Колонны и полуколонны зала
 Праксителя – 186
 Колонны Римского зала – 187, 264, 376
 Колонны Центрального зала – 12, 133,
 292, 429
 Колымажный двор (Колымажная
 площадь) – 27, 426
 Конкурс архитектурный – 47, 48, 61, 301,
 302, 344, 368
 Конца V в. до н.э. зал – 440, 447
 Косяки дверей – см. Наличники дверей
 Кровля (металлическое покрытие) – 425, 436
 Кровля (металлические конструкции) – 292
 Крыльцо бокового и заднего фасадов – 51,
 55, 183, 302
 Крыльцо на главном фасаде – 51, 55, 58
- Крыша – 26, 434
- Лепные работы – 102, 127, 136, 177, 178,
 319, 437, см. также Потолки залов
 Лестница из Христианского двора
 на второй этаж – 51, 54, 55, 58, 72, 80,
 120, 121, 133, 152
 Лестницы внешние гранитные – 12, 51,
 136, 302
 Лестница центральная, парадная;
 лестничная клетка, потолок – 12, 20,
 27–30, 57, 58, 63, 72, 102, 133, 137, 138,
 154–156, 161, 197, 201, 203, 329, 348,
 349, 353, 420, 433, 434, 437
 Лестницы в цокольный этаж – 337
 Лисиппа зал – 42, 56, 154, 298, 311, 339, 432
 Ломки мраморные уральские – 86, 131,
 138, 285, 428, 447
 Львы, скульптуры у входа в Музей – 51, 302
- Мастерская мраморщиков в Музее – 28
 Мебель, в т. ч. шкафы, щиты, витрины,
 постаменты для скульптур – 13, 21, 35,
 64, 106, 118, 122, 142, 174, 177, 204, 210,
 211, 213, 215–217, 241–243, 256, 265,
 279, 280, 437, 440
 Метлахские плитки (покрытие полов) – 57,
 58, 104, 106, 110, 111, 121, 126, 154, 184,
 305, 332
 Микеланджело зал – 16, 116, 121, 122, 183,
 256, 279, 448
 Модель Музея – 362
 Мозаиковые полы – см. Терраццо
 Мрамор белый уральский – 86, 428
 Мрамор зеленый, фессалийский – 76, 433
 Мрамор искусственный – 133, 177, 429
 Мрамор тирольский – 433
 Мрамор цветной – 12, 52, 428, 431,
 см. также: Лестница центральная
 Мрамора обработка – 52
 Мрамора поставка – 285
 Мраморщики – 20, 27, 51, 52, 92, 149, 429,
- Надгробных памятников зал –
 см. Древнегреческих надгробий
 V – IV вв. до н.э. зал

- Надписи на центральной лестнице – 437, 446
- Наличники дверей в залах – 12, 52, 76, 89, 133, 348, 433, 434, 436, 437
- Ниобы и ниобидов (Ниобеи) зал – 42, 56, 215, 298, 315, 339
- Облицовка мраморная – 428, см. также: Лестница центральная, Мрамор
- Ограда Музея, решетки – 12, 136, 177, 204, 242, 436, 437, 440
- Окна – 54, см. также: Рамы (перецелеты) оконные
- Окончание работ – 436
- Окраска и обивка стен в залах – 12, 21, 39, 42, 64, 80, 106, 129, 136, 140, 142, 165, 195, 196, 204, 209, 210, 215, 219, 240, 242, 279, 285, 436, 437, 440
- Олимпии зал – 12, 52, 63, 76, 80, 86, 89, 90, 93, 94, 96, 101, 102, 104, 105, 111, 126, 133, 142, 247, 311, 318, 351, 407, 432, 437, 440, 447
- Освещение, в том числе электрическое, в помещениях Музея – 108, 271, 437, см. также: Иллюминаторы в полах залов
- Остановки строительства – 13, 20, 30, 67, 68, 308, 329, 425
- Остекление кровли, окон, потолков в залах – 21, 51, 52, 54, 77, 115, 120, 339
- Отделка помещений – см.: Окраска стен в залах, Полы в залах, Потолки залов, окраска и роспись их
- Открытие Музея, сроки – 16, 17, 32, 60, 137, 142, 157, 174, 175, 177, 189, 192, 202, 204, 211, 213, 216, 223, 226, 234, 237, 240, 241
- Открытие Музея, церемония – 244, 262, 274, 277, 353, 392, 404, 421, 422, 441–444
- Отмостка вокруг здания – см. Тротуары вокруг здания
- Отопление – 43, 63, 64, 66, 68, 83, 84, 108, 176–178, 181, 189, 190, 437
- Палата (Зал) русской славы в области наук, литературы и искусств – см. Центральный зал
- Пантеон русской славы – см. Центральный зал
- Парфенона зал – 101, 142, 168, 169, 220, 272, 368, 432, 434, 437, 440, 447
- Пергамский зал – 12, 52, 56, 63, 76, 80, 93, 94, 96, 101, 102, 104, 105, 111, 119, 126, 127, 133, 142, 171, 180, 183, 187, 215, 257, 311, 318, 351, 374, 432, 434, 447
- Пилястры – 12, 52, 186, 187, 376
- План Музея – 47, 48, 426
- Погребальных рельефов зал – см. Древнегреческие надгробий V – IV вв. до н.э. зал
- Подвальный этаж – см. Цокольный этаж
- Пожар в Музее, последствия его – 32, 33, 44, 75, 78, 105, 118, 168, 169, 175, 179, 180, 196, 228, 246, 295, 303, 316
- Пол внешней колоннады, центрального портика – 51, 57, 58, см. также: Колоннада центральной лестницы
- Пол главного вестибюля – 57, 58, 89, 110, 111, 127, 128, 133, 136, 141, 152, 186, 305, 337, 437
- Пол Центрального зала – 126, 127, 133, 136, 141, 142, 148, 156, 184, 196, 337, 346, 431, 437
- Полы в залах – 12, 28, 30, 42, 63, 64, 77, 86, 89, 91, 92, 96, 101, 102, 104–106, 110, 111, 114, 119, 121, 126, 128, 130, 133, 136, 138, 148, 154, 160, 177, 184, 186, см. также: Метлахские плитки (покрытие полов), Терраццо (покрытие полов)
- Портик (ризалит) центральный, потолок его – 52, 136
- Потолки залов, в т.ч. окраска и роспись их – 12, 27, 28, 52, 56, 80, 83, 86, 90, 93, 94, 96, 102, 104, 114, 115, 120, 127, 128, 132, 133, 135, 136, 140, 142, 154, 160, 180, 187, 203, 204, 209, 212, 215, 216, 233, 237, 238, 240, 242, 256, 304, 348, 376, 409, 425, 436, 437, 440, см. также: Живопись стенная в интерьерах, Лепные работы, Остекление кровли, окон, потолков в залах
- Праксителя зал – 12, 42, 67, 80, 96, 128, 142, 148, 154, 160, 165, 186, 197, 277, 437, 440, 447

- Предохранение гипсов от загрязнения – 105, 135, 144, 145, 260, 345
 Предохранение полов и лестницы от порчи – 268, 278, 280, 417
 Программа Музея – 175, 244
 Рамы для экспонатов – 211, 216, 231, 243, 406
 Рамы (переплеты) оконные – 52, 54, 303
 Распаковка экспонатов – см. Экспонатов распаковка, хранение
 Расстановка экспонатов – см. Экспонатов размещение в залах
 Решетки в залах – 12, 132, 174, 204, 233, 277, 382, 406, 420
 Римский зал – 38, 40, 71, 96, 105, 128, 142, 148, 149, 154, 177, 187, 212, 215, 234, 238, 295, 298, 314, 376, 392, 393, 401, 408, 413, 432, 434, 437, 440, 448
 Сборка слепков – 14, 28, 65, 66, 74, 82, 86, 88, 90–94, 137, 138, 144, 145, 148, 151, 154, 167, 180, 210, 212, 242, 243
 Скверы перед Музеем и позади него – 12, 111, 136, 174, 177, 204, 337, 382, 436, 437, 440
 Снеготаялка – 292
 Средних веков зал – 16, 38, 39, 40, 77, 80, 101, 142, 156, 168, 212, 216, 220, 233, 238, 256, 258, 259, 266, 298, 315, 319, 356, 357, 361, 386, 394, 409, 416, 432, 437, 448
 Стены Музея – см.: Окраска и обивка стен в залах, Штукатурные работы
 Строительная комиссия Музея – 44, 184, 207, 223, 224, 288, 300, 308, 312, 320, 342, 388, 390, 392, 398, 427, 434, 446
 Стропила – см. Кровля (металлические конструкции)
 Тамбуры входов – 203, 233, 437
 Терраццо (мозаичное покрытие полов) – 57, 106, 110, 126, 128, 130, 135, 149, 154, 160, 184, 305, 332, 333, 432
 Тонировка слепков – 15, 116, 255, 257, 260, 261, 264, 267, 274, 275, 279, 412, 413
 Тротуары вокруг здания – 12, 114, 115, 120, 133, 177, 339, 425, 437
 Фасад Музея главный – 26, 56, 155, 265, 268, 270, 288, 318, 437, 440
 Фасад Музея задний – 120, 155, 183, 184, 437
 Фасады Музея боковые – 54, 129, 155, 265
 Фонтаны перед Музеем – 259, 260, 414
 Французской и немецкой скульптуры XV и XVI столетий зал – см. Возрождения Северного зал
 Фриз скульптурный на колоннаде главного фасада Музея – 287, 428, 431, 433
 Фриз скульптурный центрального портика (ризалита) – 287, 428, 431
 Хоры Центрального зала – 204, 382, 433
 Центральный (Большой, Главный) зал – 12, 52, 89, 126, 133, 134, 136, 148, 152, 177, 204, 233, 318, 345, 348, 352, 353, 402, 429, 431, 433, 434, см. также: Мрамор искусственный, Решетки в залах
 Цокольный этаж Музея, в т.ч. полы, перекрытия – 42, 101, 114, 146, 154, 277, 379, 431, 440
 Чертог русской славы – см. Центральный зал
 Читальня (читальный зал) Библиотеки – 58, 174, 265, 268, 271, 298, 314, 447
 Штукатурные работы – 21, 28, 39, 42, 51, 63, 64, 68, 76, 77, 80, 89, 90, 96, 101, 110, 119, 133, 138, 177, 186, 197, 299, 319, 437
 Эгинетов зал – 128, 233, 317, 440, 447
 Экспонатов установка, размещение в залах – 13, 14, 16, 32, 39, 42, 64, 72, 74–77, 79, 81, 82, 86, 88, 91, 93, 94, 107, 108, 111, 119, 122, 127, 129, 137, 144, 145, 149, 165, 167, 173, 180, 209–212, 233, 234, 265, 277–279, 399, 441, см. также: Сборка слепков
 Экспонатов распаковка, хранение, чистка и восстановление – 14, 39, 64, 65, 72, 74, 95–99, 102, 105, 107, 114, 116, 119, 123, 160, 166, 173, 174, 177, 243, 367
 Эллинистический зал – см. Пергамский зал

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ*

- Авл Метелл, скульптура Тенина Тутина – 258, 413
- Август, скульптура – 258, 413
- «Агриппина Старшая», скульптура – 441
- Александр III, памятник (Москва) – 52, 85, 137, 142, 174, 175, 177, 180, 204, 216, 220, 226, 237, 239, 241, 266, 279, 322, 350, 404
- Александр III, скульптура для Музея – 125, 134, 135, 137, 138, 144, 145, 149, 152–154, 159, 215, 230, 231, 239, 275, 276, 345, 350, 352, 364, 420, 436
- Алтарь Г.Брюгемана (Шлезвиг) – 217, 391
- Алтарь семьи Трента, рельеф Якопо делла Кверча (Лукка) – 180, 372
- «Альдобрандинская свадьба», фреска – см. Живопись античная стенная
- Амазонка, реплика статуи Поликлета (Берлин) – 367, 440
- Амор Ватиканский, скульптура – 98, 328
- Аполлон Барберини, скульптура – 440
- Аполлон Бельведерский, скульптура – 245, 269, 440
- Аполлон из Навкратиса, статуэтка – 438, 446
- «Аполлон Кифаред», скульптура – 403
- Аполлон Мелосский, скульптура – 317
- Аполлон из Орхомена, скульптура – 75, 317, 439
- Аполлон Птойский, скульптура – 75, 317
- Аполлон Тенейский, скульптура – 317
- Аполлон с о. Фера, скульптура – 75, 317, 439
- Аполлон Шуазель-Гуфье, скульптура – 440
- Аполлоны (курорсы), скульптуры – 75, 317
- «Апостол Иаков», скульптура (Андерлехт) – 413
- Арес Людовизи («Арес влюбленный»), скульптура – 439, 440
- Ариадна (Спящая Ариадна), скульптура – 439
- «Ариадна на пантере», скульптура И.Г. фон Данеккера – 247, 407
- Ассирийские рельефы – см. Дворец Ашшурнасирпала (Ассурназирпала) II
- Афина (Минерва Медичи или Джустиниани), скульптура – 439
- Афина и Марсий, скульптурная группа Мирона – 13, 247, 367, 407
- Афина Промахос («Афина из Мюнхена»), скульптура – 221, 396
- «Афинское кладбище», живописное панно А.Я. Головина – см. Древнеэллиническое кладбище»
- «Афродита в садах», скульптура – 403
- «Благовещение», горельеф Донателло (Флоренция) – 431, 433, 441
- «Благовещение», рельеф А. делла Роббиа (монастырь Ла Верна) – 165, 367
- «Благовещение», рельеф А. делла Роббиа (Флоренция) – 121
- Богдан Хмельницкий, памятник (Киев) – 315
- «Богоматерь с Младенцем», скульптура (Антверпен) – 413
- «Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем», скульптурная группа Я.Сансовино – 262, 272, 414
- Бородинский (Кишиневский) клад – 399
- Бронзы итальянского Возрождения – 441
- Бронзы помпейско-геркуланские – 14, 59, 74, 78, 105, 115, 124, 139–141, 179, 199, 234, 306, 440
- Бюсты портретные, итальянские, XV в. – 179, 188
- Ваза в виде ритона с головой кабана – 362
- Ваза китайская – 15
- Вазы античные – 227, 399
- Вахх, скульптура Я.Сансовино – 440

* Скульптуру средневековых соборов и церквей см. в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели» под названиями соответствующих зданий.

- Вельможа, бюст саисской эпохи – 341
 Венера Милосская, скульптура – 245, 269
 Венера Прародительница («Афродита из Фрежюса») – 439, 440
 «Венчание Богоматери в небесах», рельеф А. дела Роббиа (монастырь Оссерванца) – 164, 165, 367, 432, 439, 441, 446
 «Взятие Христа под стражу», горельеф Фейта Штосса (Нюрнберг) – 144, 167
 «Вознесение», рельеф Л. дела Роббиа (Флоренция) – 154, 160, 165, 359
 «Воскресение», рельеф Л. дела Роббиа (Флоренция) – 154, 160, 165, 359
 «Восставший раб», скульптура Микеланджело – 440, 441
 «Времена дня», скульптуры Микеланджело – см. Медичи, надгробные памятники Микеланджело (Флоренция)
 Всадник (Конрад III), скульптура (Бамберг) – 445, 446

 «Галл с женой», скульптурная группа – 440
 Гаттамелата, конный памятник Донателло (Падуя) – 255, 275, 279, 409, 413, 445
 Генрих II и Кунигунда, гробница Т.Рименштейдера (Бамберг) – 179, 372
 Геркулес Фарнезе («Отдыхающий Геракл»), скульптура – 179, 228, 233, 234, 258, 372, 400, 403, 413
 Гермес с младенцем Дионисом, скульптурная группа Праксителя – 269, 440
 Гертруда св., рака Никола из Дуэ и Жакемона из Нивеля (Нивель) – 14, 253, 269, 409, 445
 Гильдесгеймский клад – 36, 39–41, 75, 85, 87–89, 91, 296, 299, 323
 Глинка М.И., памятник (Петербург) – 321
 Гор в виде сокола, статуэтка – 341, 382

 Давид, скульптура Микеланджело – 445
 Двери восточные («Райские») Л.Гиберти (Флоренция) – 145, 148, 149, 151, 152, 154, 160, 165, 210, 219, 220, 354, 390, 432
 Двери южного портала собора в Аугсбурге – 38, 148, 298, 441

 Двери южного портала собора в Гильдесгейме – 148, 439, 441
 Дедо фон Гройч и его жена Мехтхильда, надгробие – 315
 «Дельфийский возничий», скульптура – 367
 Демосфен, скульптура – 440
 Диадумен, скульптура Поликлета – 367, 440
 Диана Версальская (Артемиды с ланью), скульптура – 98, 269, 328
 «Дионис, опирающийся на Эрота», скульптура – 403
 Дискобол, скульптура Мирона – 367
 Дорифор (Копьеносец), скульптура Поликлета – 367
 Древнеримская стеклянная посуда – 249, 250, 407
 «Древнеэллиническое кладбище», живописное панно А.Я.Головина – 210, 211, 237, 391

 Епископское место Й.Сирлина (Ульм) – 240–243, 264, 265, 405

 Живопись итальянского Возрождения, копии – 15, 339, 395, 441
 Живопись древнехристианская – 38, см. также: Мозаики мавзолея Галлы Пластидии (Равенна), Мозаики собора Сан Марко (Венеция)
 Живопись стенная античная, в т.ч. копии – 15, 37, 71, 88, 89, 127, 128, 144, 150, 297, 298, 313, 314, 439

 Зебальд св., рака П.Фишера Старшего, решетка ограждения (Нюрнберг) – 116, 132, 138, 144, 354, 431, 433, 446
 Зевс Олимпийский (Зевс Отриколи), бюст – 98, 328
 Зенон, скульптура – 440
 Знак нагрудный (жетон) на открытие Музея – 271, 273, 276, 417, 418
 Золотой венчик античный – 15
 «Золотые двери» («Золотые врата») собора во Фрейберге – 14, 66, 71, 73, 76, 79, 90, 95, 97, 105, 115, 119, 127, 132, 137, 145, 242, 243, 261, 264, 310, 431, 433, 446

- Идолы кикладские – 317
 Илария дель Карретто, надгробие Якопо делла Кверча (Лукка) – 165, 367, 441
- Канделябр Медичи – 440
 Канделябр этрусский – 439
 Кантория Донателло (Флоренция) – 14, 59, 65, 66, 75, 76, 95, 107, 117, 122, 132, 144, 145, 148, 149, 151, 152, 154, 156, 160, 164, 165, 306, 310, 318, 431, 433
 Кантория Л. делла Роббиа (Флоренция) – 65, 75, 76, 95, 107, 148, 150, 152, 154, 160, 164, 165, 310, 318, 367, 432, 433
 Капитель древнеперсидская (Сузы) – 92, 96–98, 102, 132, 324
 Карл V, бюст Леоне Леоне – 330
 Карл Смелый, надгробный памятник (Брюгге) – 445
 Картины В.Д.Поленова, подаренные Музею – 237, 276, 416, 419
 Кафедра Бенедетто да Майано (Флоренция) – 148, 152, 154, 160, 164, 165, 357, 432, 433
 Кафедра Никколо Пизано (Пиза) – 14, 252–254, 258–260, 266, 269, 356, 408, 414, 416
 Кафедра проповедническая (Вексельбург) – 315
 Керамика среднеазиатская – 355
 Коллекция великого князя Сергея Александровича – 163, 169, 235–237, 262, 403, 415
 Коллекция В.С.Голенищева – 15, 16, 184–186, 188–195, 201, 225–227, 229, 238, 240, 241, 243, 244, 259, 260, 278, 279, 374, 375, 381, 398, 404, 435, 436, 438
 Коллекция М.С.Щекина – 15, 16, 206, 212, 383–386, 392, 437–439
 Коллеони, конный памятник А.Верроккио (Венеция) – 116, 132, 138, 148, 160, 164, 165, 255, 261, 264, 275, 340, 348, 357, 413
 Колодец пророков (Колодец Моисея) К.Слютера и К. де Верве, архитектурно-скульптурный ансамбль (Дижон) – 49, 228, 399, 441, 446
 Колонна св. Бернварда (Гильдесгейм) – 148, 439, 441
- «Коронование Богоматери» – см. «Венчание Богоматери в небесах», рельеф А. делла Роббиа
 Коры, скульптуры (Афины) – 317
 Крестильная купель (Гильдесгейм) – 147, 356, 439
 Крестильная купель (Льеж) – 147, 356
- Лаокоон, скульптурная группа Агесандра, Афинодора и Полидора – 245, 439
 Легионер, скульптура (манекен) – 249, 269
 Лекифы – 366
 Лермонтов М.Ю., памятник (Пятигорск) – 350
 Лоренцо Великолепный (Медичи), бюст – 179, 187, 372
 Львиные ворота (Микены), рельеф – 440, 441
 Львы египетские, скульптуры – 302
- Мавзол, скульптура – см. Галикарнасский мавзоль
 Мадонна – см. также Богоматерь «Мадонна дель Грандука», картина Рафаэля – 116, 339
 «Мадонна Медичи», скульптура Микеланджело – 121, 341
 «Мадонна со святыми», рельеф А. делла Роббиа (Флоренция) – 165, 367
 Максимилиан I, гробница П.Фишера Старшего (Инсбрук) – 330
 Мардзокко (Марцокко), скульптура Донателло – 441
 Маска Пепи II – 438
 Медали итальянского Возрождения – 441
 Медаль на открытие Музея – 263, 265, 266, 268, 275, 276, 415, 416, 418
 Медичи Л., бюст Д.Б.Фоджини – 280, 421
 Медичи, надгробные памятники Микеланджело (Флоренция) – 75, 121, 220, 316, 396
 Мельпомена, скульптура – 257, 410
 Менандр, скульптура – 439, 440
 «Менелай, выносящий из боя тело убитого Патрокла» – 73, 314
 Микенский клад – 236, 317, 427
 голова бычка, ритон – 31, 294

- Мозаики мавзолея Галлы Плацидии (Равенна) – 38, 40, 298
- Мозаики собора Сан Марко (Венеция) – 156, 163, 220, 361, 432, 433
- Мозаики см. также в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели» на соответствующие постройки
- «Моисей», скульптура Микеланджело – 121, 341
- «Мона Лиза Джоконда», картина Леонардо да Винчи – 410
- «Народности России, собравшиеся вокруг Державного Вождя», картина В.М.Васнецова – 126, 152, 346
- Нерва, скульптура – 122, 342
- Нечаев-Мальцов Ю.С., портрет И.Н.Крамского – 373
- Ника (Виктория) Самофракийская, скульптура – 221, 257, 396
- Никколо да Ущано, бюст Донателло – 187, 377
- Ниобеи (Ниобы) группа скульптур – 206
- Ниобиды Кьярамонти (Ватикан) – 440
- Нумизматические коллекции – 229, 401, 404
- Оружие и предметы походной жизни древнеримские – 248–250, 269, 354, 407
- Оружие средневековое и эпохи Возрождения – 228, 245, 399
- «Пасквино» – см. «Менелай, выносящий из боя тело убитого Патрокла»
- Пирогов Н.И., памятник (Москва) – 62, 309
- Плакетки итальянского Возрождения – 441
- «Поклонение Богородицы Младенцу», тондо школы дела Роббиа – 121, 342
- «Поклонение Богородицы Младенцу», рельеф дела Роббиа (монастырь Ла Верна) – 165, 187, 188, 367, 377
- Полигимния, скульптура – 441
- «Полтавский бой», мозаика М.В.Ломоносова – 430
- Посидипп, скульптура – 439
- Пушкин А.С. – лицевист, памятник (Царское Село) – 321
- Пушкин А.С., памятник (Москва) – 350
- «Пьета», скульптура Микеланджело (Рим) – 441
- «Райские двери» – см. Двери восточные («Райские») Л.Гиберти
- «Раненый воин», скульптура – 403
- «Распятие», скульптурная группа (Вексельбург) – 103, 330
- Реглинда, скульптура (Наумбург) – 434, 446
- Рельефы древнегреческие надгробные (Афины) – 211
- Рельефы древнеримские (Трир) – 251, 408
- Римлянин, бюст – 401
- Ровере дела, бюст Д.Б.Фоджини – 280, 421
- Рукопись армянская – 355
- Саркофаги древнехристианские – 40
- Саркофаги равеннские – 40
- Саркофаги римские – 40
- Св. Георгий, скульптура Донателло (Флоренция) – 165, 180, 183, 367, 372
- «Св. Губерт», скульптура (Лувен) – 413
- «Св. Екатерина», скульптура (Куртрэ) – 413
- «Св. Корнелий», скульптура (Лувен) – 413
- «Семь дел милосердия», фриз Дж. дела Роббиа (Пистойя) – 42, 43, 188, 202, 203, 299
- Скульптура индийская – 356
- Спеленатый младенец, тондо А.дела Роббиа (Флоренция) – 121, 342
- Статуэтки античные – 15
- «Страсти Христовы», горельефы А.Крафта (Нюрнберг) – 144, 167, 433
- Сципион Барбат, саркофаг – 122, 342
- Танагрские терракоты, статуэтки – 163, 262, 415
- Танцующий сатир, статуэтка – 262
- Тит, бюст – 224, 398
- «Точильщик», скульптура – 441

- «Троица», икона Андрея Рублева – 325
- «Умиравший раб», скульптура
Микеланджело – 440, 441
- «Фарнезский бык», скульптурная группа –
14, 165, 171, 173, 257, 367
- Фаюмские портреты – 15
- Федериги, надгробный памятник
Л. дела Роббиа (Флоренция) – 171,
316, 369
- Флора Фарнезе, скульптура – 233, 403, 413
- Франциск II Бретонский и Маргарита
де Фуа, гробница М. Коломба – 440, 446
- Фрески А. дель Сарто (Флоренция) –
см. Живопись итальянского
Возрождения, копии
- Фрески в доме Ливии (Рим) –
см. Живопись стенная античная
- Фридрих III Мудрый, гробница
П. Фишера Младшего – 441
- Хаммурапи (Гаммураби), стела – 119, 341
- «Черниговская Богоматерь», икона – 325
- Эгинские фронтоны – см. Афины Афайи
храм (о. Эгина)
- Эйрена и Плутос, скульптура Кефисодота –
440
- Эрот, скульптура, приписывавшаяся
Микеланджело – 441
- Юний Басс, саркофаг – 253, 409
- «Явление Мессии народу» («Явление
Спасителя народу»), живописное
полотно А. Иванова – 378

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СООРУЖЕНИЯ И ИХ МОДЕЛИ

- Акрополь (Афины)
Парфенон
дверь (реконструкция) – 13
метопы – 82, 324, 439
модель – 245
скульптура фронтонов – 92, 169,
264, 324, 368, 439–441
фриз – 82, 287, 428, 440
юго-восточный угол
(реконструкция, слепок) – 14, 25,
28, 30, 33, 49, 59, 71, 72, 74, 77, 82,
86, 88, 89, 91–94, 97, 132, 137, 141,
154, 164, 228, 264, 267, 289, 324,
433
- Эрехтейон (Эрехфейон) – 366
колонны – 431
обрамление северной двери –
133, 348, 349, 433
портик кариатид – 14, 33, 38, 74,
82, 88, 91–94, 132, 137, 141, 164,
229, 267, 291, 296, 433
- Александровский дворец (Царское
Село) – 346
- Александро-Невский собор (Варшава) –
152, 358
- Алексеевский женский монастырь
(Москва) – 200, 381
- Аполлона в Бассах храм (Фигаля
в Аркадии), скульптурный фриз – 217
- Артемиды храм (Корфу), фронтон – 252,
408
- Архангельское, усадьба (Подмосковье) –
295, 337
- Афины Афайи храм (о. Эгина) – 234
скульптуры фронтонов – 234, 403
- Большой дворец (Ливадия) – 393
- Большой Кремлевский дворец (Москва) –
54, 304
- Василия Блаженного храм (Москва) – 323
- Верхние торговые ряды (Москва) – 323

- Вилла Фарнезина (Рим) – 128, 346
 Вильгельмскхе, дворец (близ Касселя) – 247, 407
 Владимирской иконы Божьей Матери ц. (Москва) – 369
 Воспитательный дом (Флоренция) – 342
 Всех Скорбящих Радости монастырь (Москва) – 45, 118, 301
 Вяземских – Долгоруковых усадьба (Москва) – 365

 Галикарнасский мавзолей (Малая Азия) – 169, 368, 396
 конная фигура, скульптура – 221, 368
 Мавзол, скульптура – 221, 368, 440
 Гефеста храм (Афины), портик, слепок – 30, 267, 415, 433
 Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры – 325

 Дворец Артаксеркса II (Сузы), лучники, рельеф – 392
 Дворец Ашшурбанапала (Куюнджик), рельефы – 392
 Дворец Ашшурназирпала (Ассурназирпала) II (Нимруд), рельефы – 179, 372, 439
 Дворец Саргона II (Хорсабад) крылатые быки – 212, 221, 268, 269, 392, 439
 крылатый лев – 212, 392, 440
 Дворец Синахериба (Куюнджик), рельефы – 212, 392
 Димитрия великомученика храм (с. Березовка) – 55, 304
 Диплонский некрополь (Афины) – 211, 391
 Дом Ливии (Рим) – 71
 Древнеримские постройки (Трир) – 251

 Зевса храм (Олимпия) метопы – 439
 скульптуры фронтонов – 165, 166, 173, 179, 180, 187, 320, 367, 439, 440
 Зимний дворец (Петербург) – 346

 Ильинское, имение (Подмосковье) – 337
 Исаакиевский собор (Петербург) – 76

 Казанский собор (Петербург) – 210, 390
 Карачарово, усадьба (Муром) – 334
 Капелла Медичи (Флоренция, ц. Сан Лоренцо) – 341
 Керамик (Афины) – 391
 Кносский дворец, предметы из раскопок – 316, 317
 Кусково, усадьба (Подмосковье) – 357

 Люблино, усадьба (Подмосковье) – 291

 Малый Николаевский дворец (Москва) – 54, 236, 237, 262, 304, 381, 404
 Модели сооружений Греции и Рима – 246, 407
 «Мюр и Мерилиз», здание универмага (Москва) – 100, 309, 344

 Николаевский вокзал (Петербург) – 219, 395
 Новодевичий монастырь (Москва) – 62, 129, 171, 175, 336, 395
 Нотр-Дам-о-Фон ц. (Льеж) – 356

 Оружейная палата (Москва) – 54, 304, 327
 Останкино, усадьба (Подмосковье) – 357
 Остафьево, усадьба (Подмосковье) – 357

 Палаццо Барджелло (Флоренция) – 137, 342
 Палаццо Веккьо (Флоренция), наличник двери Бенедетто да Майано – 183
 Палаццо ди Венеция (Венеция) – 233, 403
 Палаццо Канцеллерия, Браманте (Рим), балкон – 440, 446
 Памятник-Крест на месте гибели великого князя Сергея Александровича, по эскизу В.М.Васнецова (Москва) – 155, 156, 360
 Памятник Лисикрата (Афины) – 14, 59, 74, 77, 79, 81, 82, 86, 92, 132, 137, 141, 229, 306, 433

- Памятник с Гарпиями (Ксанф) – 445
 Парфенон – см. Акрополь
 Пергамский алтарь, скульптурный фриз (горельеф) – 179, 180, 183, 187, 257, 372, 439, 440
 Пимена Нового ц. (Москва) – 379
 Покровский женский Хотьков монастырь (Хотьково) – 172, 369
 «Поречье», усадьба (Можайский уезд) – 394
 Porta Нигра (Трир) – 220, 251
 Портик, окружавший площадь перед святилищем Афины Никифоры (Пергам) – 373, 374
 рельефы балюстрады – 183, 184, 374
 Преподобного Пимена в Старых Воротниках ц. (Москва) – 194, 379
- Сан Витале ц. (Равенна), мозаики – 40, 216, 394
 Сан Петронио собор (Болонья)
 «Мадонна с Младенцем», скульптура Якопо дела Кверча с портала – 165, 316, 367, 441
 рельефы – 165, 367
 Сант Аполлинаре Нуово ц. (Равенна), мозаики – 40
 Св. Варфоломея ц. (Льез) – 356
 Св. Георгия храм (Гусь-Хрустальный) – 55, 200, 304, 321, 359
 Св. Николай Чудотворца в Старом Ваганькове ц. (Москва) – 21, 287
 Св. Петра собор (Рим) – 254, 409
 Св. Софии храм (Константинополь) – 433
 Святителя Алексия ц. (Москва) – 290
 Селинунтские храмы (Сицилия) – 252, 408
 метопа храма С – 408
 Сенатский дворец (Москва) – 361
 Сергиевский дворец (Петербург) – 235, 403
 Симонов монастырь (Москва) – 357
 Синодальная (бывшая Патриаршая) ризница (Москва) – 54, 304
- Собор (Амьен)
 Христос благословляющий, скульптура – 221, 396
 южный портал со скульптурой Богоматери («Золотая Богоматерь») – 440, 441
 Собор (Ахен) – 405
 Собор (Дьюлафехервар) – 446
 портал – 439, 441, 446
 Собор (Маастрихт), рельеф – 413
 Собор (Роттердам), капители – 413
 Собор (Трир), портал – 220, 396
 Собор (Фрейбург), скульптура – 78, 319
 Спасо-Вифанский монастырь (Сергиев Посад) – 325
 Средние торговые ряды (Москва) – 87, 323
- Тесея храм (Тесейон) – см. Гефеста храм (Афины)
 Усыпальница великого князя Сергея Александровича – см. Чудов монастырь
 Фесейон – см. Гефеста храм (Афины)
 Христа Спасителя храм (Москва) – 76, 141, 426
 Часовня-склеп Захарьиных – 172, 369
 «Распятие», мозаика по эскизу В.М.Васнецова – 369
 Черемушки, усадьба (Подмосковье) – 339
 Чудов монастырь (Москва) – 25, 26, 155, 156, 213, 334, 360, 404
- Шах-Зинде (Шах-и-Зинда) (Самарканд) – 146, 355, 356
 Эрехтейон – см. Акрополь

ОРГАНИЗАЦИИ, ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

- Абрамцевский кружок – 319, 357
 Академия наук (императорская, Петербург) – 103, 146, 169, 185, 189, 191, 209, 290, 321, 330, 331, 374, 378, 387, 418
 Академия наук СССР – 446
 Академия художеств (императорская, Петербург) – 84, 85, 87, 153, 179, 192, 219, 226, 228, 230, 233, 234, 258, 263, 268, 289, 300, 320–322, 325, 330, 343–345, 378, 387, 390, 395, 397, 403, 413, 430, 431
 Акционерное общество «Гранит» (преемники М.Д.Кутырина) (Москва) – 58, 303
 Александровское коммерческое училище (Москва) – 57, 305
 Альбертинум (Дрезден) – 32, 47, 66, 73, 76, 115, 117, 122, 127, 198, 217, 244–246, 261, 295, 301, 310, 345, 367
 «Арс Азиатика», музей (Москва) – 355
 Археографическая комиссия (императорская, Петербург) – 227, 330, 399
 Археологическая комиссия (императорская, Петербург) – 15, 422
 Археологический конгресс – см. Четырнадцатый Археологический съезд (Чернигов, 1908)
 Археологический музей (Гераклион) – 317
 Археологический музей (Корфу) – 408
 Археологический музей Олимпии (Олимпия) – 367
 Археологический музей (Палермо) – 408
 Архив Министерства императорского двора (Москва) – 393
 Архив Министерства иностранных дел (Москва) – 26, 443
 Архив Министерства юстиции (Москва) – 62, 267, 335, 417, 443
 Баварский Национальный музей (Мюнхен) – 298
 Балашихинская мануфактура – 315
 Бельгийское акционерное общество – 357
 «Берлин», гостиница (Москва) – 261, 414
 Берлинские королевские музеи – 59, 73, 115–117, 120, 122, 123, 193, 295, 334, 345, 346, 418, 445
 Берлинский университет – 252, 346, 408
 Библиотека Императорских театров (Петербург) – 294
 Богдельня для неимущих дворян Московской губ. им. С.Д.Нечаева (Москва) – 21, 22, 45, 131, 287, 335
 Богдельня св. Доротеи (Москва) – 309
 Боннский университет – 405, 408
 Ботанический сад – см. Московский университет
 Британский музей (Лондон) – 15, 119, 185, 427
 Варшавский университет (императорский) – 305, 350, 381
 Ватиканская библиотека – 37, 128
 Ведомство Учреждений императрицы Марии, в т.ч. Московское присутствие Опекунского совета Ведомства (Россия) – 161, 313, 333, 364, 418, 443
 Военно-медицинская академия (Петербург) – 289
 Всемирная выставка (Париж, 1889) – 66
 Всемирная выставка (Париж, 1900) – 144, 310
 Всероссийский национальный союз (Россия) – 377
 Второй международный конгресс классической археологии (Александрия – Каир, 1909) – 13, 381, 400
 Выставка религиозной живописи В.М.Васнецова (Москва, 1910) – 358
 Высшее Коммерческое училище (императорское, Москва) – 305, 312, 335
 Высшее техническое училище (императорское, Москва) – 300, 305
 Высшее художественное училище Академии художеств (Петербург) – 192, 294, 297, 320, 321

- Высшие женские курсы (Москва) – 16, 17, 59, 112, 172, 181, 184, 187, 203, 312, 337, 363, 366, 373, 380, 445
- «Галерея искусств Зураба Церетели» (Москва) – 317
- Герцогский музей (Брауншвейг) – 260, 414
- Гимназия им. В.П. фон Дервиз (Москва) – 304
- Гимназия им. Григория Шелапутина (Москва) – 336
- Гимназия св. Екатерины при католической церкви св. Людовика (Москва) – 309
- Главный архив Министерства иностранных дел (Москва) – 290
- Городская галерея Либигхауз (Франкфурт-на-Майне) – 250, 407, 408
- Городская картинная галерея братьев С.М. и П.М. Третьяковых (ныне – Государственная Третьяковская галерея, Москва) – 289, 363
- Городское попечительство о бедных Хитрова рынка (Москва) – 328
- Государственная Дума (Петербург) – 15, 35, 43, 45, 67, 83, 96, 101, 107, 112, 146, 160, 170, 175, 176, 180, 182, 185, 186, 188–191, 193, 197, 198, 202, 265, 296, 300, 326, 347, 373, 375, 376, 381, 435, 436
- Государственный банк (Россия) – 412
- Государственный биологический музей им. К.А.Тимирязева (Москва) – 327
- Государственный контроль (Петербург) – 34, 43, 53, 54, 63, 64, 124, 170, 177, 294, 345, 446
- Государственный музей Востока (Москва) – 327, 356
- Государственный Совет (Петербург) – 35, 43, 63, 64, 101, 175, 186, 190, 193, 197, 264, 266, 290, 296, 313, 325, 330, 334, 345, 360, 363, 376, 380, 388, 415, 417, 435, 443
- Двенадцатый международный съезд врачей (Москва, 1897) – 302
- Двенадцатый научный конгресс (Палермо, 1875) – 322
- Двенадцатый съезд русских техников и заводчиков по цементному делу (Москва, 1908) – 195, 379
- Дворянское собрание Московской губернии (Москва, 1908, 1911) – 138–140, 143, 213, 214
- «Динамо», завод (Москва) – 357
- Дрезденские королевские музеи – 287
- Египетский музей (Каир) – 369
- Екатерининский институт (Москва) – 310
- Женский рабочий клуб (Москва) – 328
- Институт Московского дворянства для девиц благородного звания имени Александра III в память Екатерины II – 65, 310
- Историко-родословное общество (Москва) – 393
- Историко-филологический институт им. кн. А.А.Безбородко (Нежин) – 330
- Исторический музей (Дрезден) – 245, 406
- Исторический музей – см. Российский Исторический музей
- Кабинет изящных искусств и древностей – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Казанский университет (императорский) – 373
- Каирский университет – 374
- Кенсингтонский музей (Лондон) – см. Музей Викторини и Альберта
- Клиника нервных болезней – см. Московский университет
- Кокоревское подворье (Москва) – 363
- Комиссия чтений для рабочих (Москва) – 338
- Комитет попечительства о русской иконописи (Петербург) – 330
- Комитет по сооружению в Москве памятника Александру III – 85, 215, 226, 235, 239, 405
- Комитет по устройству Музея изящных искусств – см. Московский университет

- Коммерческий суд (Москва) – 30
 Константиновский межевой институт (Москва) – 363
 Королевский музей монументального искусства («Музей Пятидесятилетия») (Брюссель) – 147, 253, 258, 356, 445
 Кустарный музей (Москва) – 320

 Лазаревский институт (Москва) – 15
 Латеранский музей (Ватикан) – 407
 Лицей имени цесаревича Николая (императорский, Москва) – 335, 397
 Лувр (Париж) – 15, 37, 71, 117, 119, 193, 212, 257, 268, 269, 297, 341, 410, 413, 439, 440

 Мазуринский детский приют (Москва) – 286
 Малый театр (Москва) – 309
 Мариинские бараки Красного Креста (Петербург) – 55, 304
 Марфо-Мариинская обитель милосердия (Москва) – 381, 393
 Медицинский женский институт (Петербург) – 118, 119
 Международный Антропологический конгресс (Москва, 1892) – 302
 Минералогический кабинет – см. Московский университет
 Министерство внутренних дел (Петербург) – 422
 Министерство Императорского Двора и Уделов (Россия) – 245, 327, 378
 Министерство иностранных дел – 339
 Министерство народного просвещения (Россия), департаменты – 43, 53, 63, 64, 66, 68, 70, 72, 83, 84, 96, 101, 105, 106, 108, 125, 130, 161, 170, 176, 178, 181, 185, 188, 190, 196, 225, 238, 240, 245, 268, 289, 303, 308, 310, 332, 333, 335, 389, 436
 Министерство финансов (Россия) – 34, 43, 53, 54, 64, 65, 96, 101, 170, 189, 225
 Можайское благотворительное общество – 394
 Морской технический комитет (Петербург) – 290

 Московская глазная больница – 400
 Московская городская дума – 100, 101, 113, 124, 260, 380, 406, 426, 443
 Московская городская управа – 113, 338, 443
 Московская дворянская опека – 45, 359
 Московская консерватория – 392
 Московская пересыльная тюрьма – 426
 Московская практическая академия коммерческих наук – 343
 Московская судебная палата – 374
 Московский археологический институт – 335, 336, 393, 445
 Московский Земельный банк – 107
 Московский Публичный и Румянцевский музеи – см. Румянцевский музей
 Московский университет (императорский) – 21, 84, 85, 112, 116, 118, 134, 151, 184, 186, 194, 218, 226, 227, 247, 285, 286, 291, 307, 308, 313, 321, 327, 380, 398, 426, 429, 438, 443, 445, 446
 Ботанический сад – 13, 337
 историко-филологический факультет – 7, 61, 223, 227, 312, 376
 казармы для служителей – 68–70, 72, 312
 клиника нервных болезней – 60, 306, 339
 клиники – 62, 307
 Комитет по устройству Музея изящных искусств – 12, 13, 15, 24, 26, 27, 29–31, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 50, 55, 59, 67–74, 77, 78, 80, 81, 95, 101, 103, 109, 128, 130–132, 135, 136, 138, 139, 141, 145, 147, 150, 151, 154, 157, 168, 175, 180, 181, 192, 194, 199, 202, 210, 218, 223, 224, 229–232, 234, 235, 237, 249, 250, 259, 263, 267, 271, 273, 275, 276, 279, 288–292, 295, 297, 299–301, 304, 306, 308, 309, 311, 313–315, 319, 320, 331, 333, 335, 336, 342, 347, 350, 352, 354, 357, 358, 381, 389, 390, 393–395, 398, 415, 422, 427, 429, 435, 436, 439, 442
 Минералогический кабинет – 236, 404
 Музей (Кабинет) изящных искусств и древностей – 16, 47, 59, 99, 236, 291, 294, 316, 363, 368, 404
 Новое здание («Новый университет») – 286
 Общая клиническая амбулатория им. В.А.Алексеевой – 393

- Правление Университета – 47, 68, 69,
 72, 78, 199, 207, 223–225, 288, 445
 Совет Университета – 53, 210, 223,
 286, 290, 395, 422
 Старое здание – 68, 286
 Строительная комиссия
 Университета – 69
 терапевтическая клиника – 60–62, 307,
 393
 факультет журналистики – 286
 физико-математический факультет –
 305
 юридический факультет – 285
 Московское археологическое общество
 (с 1881 г. – императорское) – 36, 75, 77,
 91, 151, 210, 260, 262, 291, 296, 319, 327
 Московское высшее техническое
 училище (императорское) – 44
 Московское купеческое общество
 взаимного кредита – 222, 343
 Московское художественное общество –
 320, 396
 Музей Акрополя (Афины) – 317
 Музей Виктории и Альберта (Лондон) –
 266, 416
 Музей Восточной Франконии
 (Вюрцбург) – 394
 Музей изобразительных искусств
 (Будапешт) – 66, 104, 136, 310, 419, 439
 Музей им. Александра III (Петербург) –
 см. Русский музей им. Александра III
 (Петербург)
 Музей им. императора Фридриха (Музей
 Боде, Берлин) – 32, 101, 129, 156, 211,
 214, 217, 231, 243, 255, 256, 295, 410
 Музей истории искусств (Художественно-
 исторический музей, Вена) – 193, 410
 Музей (Кабинет) изящных искусств
 и древностей – см. Московский
 университет
 Музей Кампаньи (Капуя) – 322
 Музей Льва Толстого (Москва) – 396
 Музей Метрополитен (Нью-Йорк) – 87,
 272, 322
 Музей Отечественной войны 1812 г.
 (Москва) – 393
 Музей П.И.Щукина (Москва) – 327
 «Музей Пятидесятилетия» (Брюссель) –
 см. Королевский музей
 монументального искусства
 Музей Терм (Рим) – см. Национальный
 музей терм Диоклетиана (Рим)
 Мюнхенский университет – 396
 Народный университет
 им. А.Л.Шанявского (Москва) – 17
 Национальный археологический музей
 (Афины) – 164, 366
 Национальный археологический музей
 (Неаполь) – 136, 306
 Национальный археологический музей
 (Флоренция) – 413
 Национальный музей Барджелло
 (Флоренция) – 342
 Национальный музей терм Диоклетиана
 (Рим) – 127, 128
 Национальный музей Швеции – 362
 Немецкий археологический институт
 (Рим) – 38, 128, 298
 Николаевская морская академия
 (Петербург) – 345
 Николаевское женское коммерческое
 училище (Москва) – 305
 Никольская мануфактура
 «М.Ф.Морозова с сыновьями» – 315, 320
 Новороссийский университет
 (императорский, Одесса) – 244, 406
 Новый клуб (Петербург) – 191, 378
 Общая клиническая амбулатория
 им. В.А.Алексеевой – см. Московский
 университет
 Общество востоковедения (с 1910 г. –
 императорское, Петербург) – 146, 355
 Общество по распространению полезных
 книг (Москва) – 357
 Общество поощрения духовно-
 нравственного чтения (Петербург) – 328
 Общество поощрения художеств (ранее –
 общество поощрения художников,
 императорское, Петербург) – 321, 331,
 336, 378, 379, 430

- Общество распространения технических знаний (Москва) – 358
- Общество чтения лекций для рабочих (Москва) – 114
- Община сестер милосердия «Утоли моя печали» (Москва) – 44, 300
- Окружной суд (Москва) – 45, 50, 120, 121, 387
- Первая мужская гимназия (Москва) – 336, 365, 426
- Первый Крестьянский съезд (Москва, 1905) – 328
- Первый съезд Всероссийского союза торгово-промышленной партии (Москва, 1906) – 290
- Первый съезд Союза 17 октября (Москва, 1906) – 291
- Петербургский археологический институт – 330, 417
- Петербургский университет – 135, 267, 289, 294, 374, 388, 405
- Петровская земледельческая и лесная академия (Москва) – 380
- Политехникум (?) – 44
- Политехнический музей (Москва) – 181, 373, 412
- Православное Палестинское общество (императорское, Россия) – 25, 290
- Провинциальный музей (Бонн) – 405
- Провинциальный музей (Музей земли Рейнланд-Пфальц, Трир) – 251, 408
- «Продуголь. Общество для торговли минеральным сырьем Донецкого бассейна» – 176, 371
- Промышленное училище им. Александра II (Москва) – 426
- Публичная библиотека (императорская, Петербург) – 103, 330, 388
- Реальное училище св. Филиппа Нери (Москва) – 309
- Ремесленное училище им. И.С.Мальцова (Владимир) – 55, 57, 304, 305
- Рёмеровский музей (Гильдесгейм) – 356
- Римско-германский центральный музей (Майнц) – 248–250, 407
- Российская Академия художеств (Москва) – 317
- Российский (ныне – Государственный) Исторический музей (Москва) – 54, 64, 76, 107, 114, 126, 160, 166, 190, 195, 222, 226, 265, 278, 298, 304, 327, 333, 358, 393, 397, 399, 409, 443
- Российский этнографический музей (Петербург) – 355
- Румянцевский музей (Москва) – 14, 21, 24, 26, 38, 39, 54, 56, 61, 64, 65, 78, 85, 88, 91, 98–100, 107, 113, 115, 119, 122–124, 139, 140, 144, 150, 155, 156, 160, 162, 186, 193, 194, 201, 223, 226, 259, 265, 273, 278, 285, 287, 290, 298, 299, 321, 323, 325, 326, 328, 329, 335, 344, 345, 347, 376, 378, 383, 384, 386–389, 392, 398, 402, 443
- Русский музей им. Александра III (Петербург) – 146, 163, 194, 196, 355
- Русское археологическое общество (императорское, Петербург) – 375
- Российское общество Красного Креста – 296, 313
- Самарский университет – 294
- Санаторий для туберкулезных больных, сооруженный в память Александра III (Массандра) – 34
- Саратовский Государственный художественный музей им. А.Н.Радищева – 419
- Северное страховое общество (Москва) – 103, 104, 291, 315
- Сенат (Россия) – 238–240, 267, 387, 404
- Синод (Петербург) – 213, 309, 393, 414
- Синья, фабрика терракот (близ Флоренции) – 73, 117, 306, 314, 357
- «Славянский базар», гостиница (Москва) – 22, 24, 29, 39, 40, 98, 109, 115, 129, 151, 172, 210, 219, 311, 335
- Скульптурное собрание Дрезденских королевских музеев – см. Альбертинум
- Совет министров (Петербург) – 63, 64, 67, 170, 268, 270, 271, 327, 347
- Совещание по делам университетов (Петербург, 1911) – 270, 271

- Сороковая выставка картин
Товарищества Передвижных
художественных выставок (Москва,
1911) – 419
- Союз деятелей науки и просвещения
(всероссийский) – 303
- Союз Михаила Архангела (Россия) – 347
- Союз русского народа (Россия) – 347
- Союз 17 октября (Россия) – 186, 201, 347,
381
- Средне-Уральское золотопромышленное
акционерное общество – 374
- Старый музей (Берлин) – 51, 129, 130, 303
- Страховое общество «Якорь» (Москва) –
343
- Строгановское центральное
художественно-промышленное
училище (Москва) – 162, 211, 336, 339,
351, 391
- Строительная комиссия Музея –
см. раздел «Проектирование,
строительство и оборудование Музея»
- Строительная комиссия памятника
Александру III (Москва) – см. Комитет
по сооружению в Москве памятника
Александру III
- Строительная комиссия Университета –
см. Московский университет
- Терапевтическая клиника –
см. Московский университет
- Товарищество Тверской мануфактуры –
311
- Третья мужская гимназия (Петербург) –
270, 417
- Трехгорное пивоваренное товарищество
в Москве – 309
- Троице-Сергиева лавра (Сергиев Посад) –
325
- Трокадеро (Париж) – 215, 221, 393
- Уффици (Флоренция) – 280, 421
- Учебный художественный музей
им. И.В.Цветаева, отдел ГМИИ
(Москва) – 297, 330, 341, 362, 366, 372,
390, 392, 394, 407, 413
- Училище живописи, ваяния и зодчества
(Москва) – 76, 153, 168, 359
- Физиатрический санаторий Г.Ламана
(Лошвиц) – 399
- Харьковский университет
(императорский) – 373, 392, 397, 406
- Хреновский конный завод – 33, 295
- Художественно-промышленный музей
(Берлин) – 411
- Художественно-промышленный музей
(Дюссельдорф) – 254, 409, 411
- Художественно-промышленный музей
(Нюрнберг) – 411
- Центральная городская телефонная
станция (Москва) – 136, 351
- Центральное промышленное общество
(Дюссельдорф) – 409
- Центральное училище технического
рисования барона А.Штиглица
(Петербург) – 87, 294, 321
- Четырнадцатый Археологический съезд
(Чернигов, 1908) – 27, 291
- Чикагский музей – 253
- Шведско-датско-русское акционерное
общество – 351
- Школа изящных искусств (Париж) – 24,
28, 30, 33, 37, 42, 49, 59, 73, 81, 82, 97,
101, 115, 117, 124, 137, 141, 154, 179,
188, 289, 306, 315, 320, 341, 353, 431
- Эрмитаж (ныне – Государственный
Эрмитаж, Петербург) – 185, 189, 191,
193, 195, 225, 227, 228, 245, 327, 374, 378,
379, 383, 388, 398, 399, 436, 438, 446
- «Эрмитаж», ресторан (Москва) – 139, 217, 352
- Южно-Кенсингтонский музей искусств
и ремесел (Лондон) – см. Музей
Виктории и Альберта
- Юрьевский университет
(императорский) – 350

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

- Абаковский – 333
Абрикосов – см. «Сыновья
А.И.Абрикосова»
Аванцо Б.А. (*магазин*) – 155, 360
Аванци Я. – 385, 439
Адам (*библ.*) – 367
Адрианов А.А. – 278, 394, **420**, 443
Акимов М.Г. – 388
Аксерио А.П. – 23, 42, 51, 83, 86, 96, 104,
135, 165, 177, 184, 276, **288**, 419
Александр II Николаевич – 193, 221, 288,
325, 331, 366, 378
Александр III Александрович – 34, 46, 52,
85, 97, 190, 222, 301, 366, 397, 417, 418,
421
Александр Петрович, принц
Ольденбургский – 109, 334
Александра Георгиевна Греческая,
вел. кн. – 272, **323**, 447
Александра Федоровна (см. также
Государыня, Ее Величество),
императрица (урожд. Алиса Гессен-
Дармштадтская) – 67, 103, 108, 191,
196, 215, 241, 244, 257, 266, 270, 271,
274, 279, 311, 331, 332, 362, 417, 422,
427, 432, 447
Алексеев А.И. – 368
Алексеева В.А. – 30, 44, 46, **293**, 300, 301
Алексеевский А.П. – 332
Алексеевко М.М. – 182, 186, 190, 191, **373**,
377, 436
Алексей Александрович, вел. кн. – 191,
378
Алексей Николаевич, наследник-
цесаревич – 386, 416, 422, 444, 448
Алессандро – 403
Алиса, принцесса Греческая – 162, 164,
169, **365**, 432
Алисова Л. – 116, 339
- Амор (Амур) (*миф.*) – 328
Амелунг В. – 396
Анастасий (Грибановский А.А.),
епископ – 113, 114, **338**, 442
Анастасия Михайловна, вел. кн. – 442
Анастасия Николаевна, вел. кн. – 442
Анастасия Николаевна, вел. княжна – 442
Анджелико, фра Беато – 385, 386, 439
Анджелис С., де (*фирма*) – 117, 306, 332
Андреев К.А. – 57, 68, **305**
Андрей, принц Греческий – 162, 163, **366**,
432
Андреянов М. – 371
Аничков Н.М. – 25, 43, **289**, 290
Анна Степановна – см. Нечаева А.С.
Аполлон (*миф.*) – 173
Арат – 251, **408**
Аргус (*миф.*) – 128, 310, 346
Ариадна (*миф.*) – 247
Арманд А.Е. – **319**, 435
Арманд Е.Е. – **319**
Арманд Э.Е. – **319**
Арманд, братья – 77, 80, 122, 447
Армбрустер Л. – 22, **287**, 293
Аррондель Э. – 49, 302
Арсений, архимандрит – 443
Арсеньев Д.С. – 125, 139, 152, 153, 155,
156, 198, 274, **345**, 359, 419, 431
Арсеньева (Скарятина) В.В. – 153, **359**
Арсеньева Н.Д. – 198, **380**
Ассонов Ф.В. – 401
Афанасий, архимандрит – 443
Афина (*миф.*) – 41, 87, 247, 271, 273, **408**
Аццарони А. – 38, 298

Б

- Базилевская (Переслени) А.В. – 213, 392
Базилевские – 214
Базилевский П.А. – 213, 214, 390, **392**, 393
Бай А.-О.-Ж.-Б., де – 133, 180, **349**, 373
Баланос Н. – 366

* Полу жирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения, курсивом отмечены страницы в комментариях.

- Балашев И.П. – 377
 Балашев Н.П. – 190, 377, 443
 Балашев П.Н. – 188, 190, 377
 Баранов И.А. – 228, 234, 400
 Бари А.В. – 450
 Барсуков Н.П. – 354
 Барятинская М.В. – 34, 296
 Бах Р.Р. – 84, 321
 Беклемишев В.А. – 192, 234, 378, 413
 Белелюбский Н.А. – 379, 450
 Белоустин В.В. – 300
 Бенардаки Е.И. – 447
 Бенедетто да Майяно – 154, 212, 357
 Бенс Э. – 403
 Бенуа А.Н. – 395
 Бенуа Л.Н. – 81, 84, 320, 343
 Бернини Л. – 421
 Бес (Бесс) (миф.) – 438, 446
 Бессонова Н.А. – 294
 Блаватская Е.П. – 326
 Блок Ж. (торговый дом) – 207, 388
 Блуменау (Блюменау) К. – 131, 132, 348
 Бобринский А.А. – 388, 328, 422
 Бобринский А.П. – 98, 328
 Бобринская (урожд. Львова) В.Н. – 98, 328
 Бобринская (урожд. Писарева) А.А. – 328
 Боголепов Н.П. – 68, 312
 Боголюбский Н.И., протоиерей – 443
 Боде (Бодэ) В. – 179, 187, 217, 243, 255, 272, 372, 391, 406, 410, 418
 Бонди, братья (фабрика) – 148, 357
 Бот М.К. – 398
 Боткин В.П. – 321
 Боткин М.П. – 84, 87, 194, 263, 321, 343, 379
 Боткин С.П. – 321
 Боткин С.С. – 24, 289
 Боткина А.П. – 24, 289
 Боткина М.П. – 289
 Боткины, братья – 289
 Браиловский Л.М. – 403
 Браманте Д. – 440, 446
 Бромлей Ф. и Э. (фирма) – 30, 292, 293, 450
 Бругш Э. – 172, 369
 Брунеллески Ф. – 342, 359
 Брусов Я.А. (фирма) – 293
 Бруччани (мастерская) – 73, 117, 314, 445
 Брюггеман Г. – 217, 391
 Бугров Н.А. – 59, 71–73, 77, 122, 231, 306
 «Товарищество паровых мельниц Н.А.Бугрова» – 401
 Будилович А.С. – 135, 221, 350
 Бульгин А.Г. – 155, 239, 360, 405, 443
 Бунин И.А. – 323, 328
 Бутенёв (Хребтович, Хрептович) К.А. – 220, 222, 396
 Бутулины – 336
В
 «В.Залесский и В.Чаплин» (торговый дом) – 53, 303
 Вахх (миф.) – 128
 Варвара – см. Бобринская В.Н.
 Василий, епископ – 442
 Васильчикова М.А. – 200, 381
 Васнецов В.М. – 40, 109, 126, 152, 155–157, 299, 334, 358, 360, 362, 369, 428, 443
 Веденяпин А.А. – 450
 Вентури А. – 385, 400, 439
 Вентури Л. – 228, 400, 409
 Верве К., де – 399, 446
 Вергилий – 251
 Вернадский В.И. – 404
 Верроккио А. – 340
 Веселитский Г.А. – 434, 446
 Виктория, принцесса Баттенбергская (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская) – 162, 163, 201, 365, 432
 Вильборг А.И. – 430, 446
 Вильгельм II – 155, 157, 162, 166, 168, 252, 333, 362, 408
 Вильгельм Шведский, принц – 362
 Вильев А.В. – 278, 420
 Витте С.Ю. – 443
 Владимир Александрович, вел. кн. – 94–96, 99, 107, 111, 155–157, 168, 169, 186, 191, 325, 326, 329, 333, 362, 378, 395, 431, 432, 436, 448
 Владимир, митрополит – 442
 Вогау Г.М. – 77, 122, 319

- Волков Г. (*Банкирская контора*) – 31, 294
 Волконская З.А. – 143, 354
 Волхонский Ю.Г. – 294, 300, 302, 303, 333, 334, 345, 364, 372
 Воронихин А.Н. – 390
 Воронцов М.С. – 297
 Воронцов-Дашков И.И. – 443
 Врангель Н.Н. – 194, 379
 Вуич А.И. – 109, 334
 Вяземские – Долгорукие – 160, 365
- Г**
 Габрилович Д. – 33, 295
 Гавриил Константинович, кн. – 442
 Гадди Т. – 385
 Галли А. – 419
 Газтано – 96
 Гелиос (*миф.*) – 92, 324
 Гений (*миф.*) – 271
 Георг I – 333, 366
 Генрих Прусский – 162, 201, 362
 Георгий Михайлович, вел. кн. – 442
 Геппенер М.К. – 81, 320
 Гера (*миф.*) – 127, 346
 Герарди М. (*мастерская*) – 73, 117, 314
 Герасимов О.П. – 300, 347
 Гербер А. (*мастерская*) – 117
 Геркулес (*миф.*) – 234
 Германский император – см. Вильгельм II
 Гермес (*миф.*) – 128, 346
 Гершельман (урожд. Познанская) А.В. – 138, 351
 Гершельман С.К. – 138, 351, 379
 Герье В.И. – 198, 380
 Гесиод – 251
 Гжельский А.П. – 111, 275, 337, 365
 Гиацинтов В.Е. – 359
 Гиберти Л. – 181, 212, 220, 354, 359
 Гиршман Л.Л. – 213, 392, 393
 Гладков В.Л. (*мастерская*) – 28, 72, 74, 76, 82, 92, 96, 102, 108, 120, 127, 130, 133, 160, 165, 178, 182, 190, 198, 292
 Глазов В.Г. – 166, 367
 Глебов – 213, 393
 Глебов В.П. – 443
 Голенищев В.С. – 15, 184, 185, 186, 188–196, 198, 201, 225–227, 229, 238–240, 243, 244, 260, 278, 279, 374–376, 381, 390, 405, 435, 436, 438
 Голенищев-Кутузов А.А. – 103, 279, 331
 Голенищев-Кутузов-Толстой – 443
 Голике Р.Р. – 430, 446
 «Товарищество Р.Голике и А.Вильборг» – 446
 Голицын А.М. – 108, 333
 Голицын В.Д. – 223, 259, 398, 443
 Голицын Д.В. – 143, 354
 Голицын М.М. – 99, 107, 155, 156, 328, 333, 362, 431
 Голицыны – 426
 Головин А.Я. – 211, 237, 391
 Голофтеев Н.К. – 26, 291
 Гомер – 251
 Гор (*миф.*) – 382
 Гораций – 118, 258
 Горбов М.А. – 123, 343
 Горбов Н.М. – 123, 199, 343, 381
 Горгона (*миф.*) – 408
 Гордеев – 402
 «Гостынский и К^о» (*фабрика*) – 303
 Государь – см. Николай II
 Грабарь И.Э. – 17, 415
 Грибоедов А.С. – 309
 Григорий Антонович – см. Захарьин Г.А.
 Гримм Г.Д. – 124, 344
 Грингмут В.А. – 221, 350
 Гриценко-Бакст Л.П. – 289
 Громов И. – 312
 Грузинская – 150, 357
 Грунау А.А. – 336
 Губастов К.А. – 229, 400
 Гулевич В.С. – 68, 312
 Гучков А.И. – 338, 376
 Гучков Н.И. – 113, 186, 191, 259, 338, 390, 436, 443
- Д**
 Данеккер И.-Г., фон – 247, 407
 Данте – 343
 Дворжак М. – 396
 Демидов Н.А. – 219, 390, 396
 Демидов Сан-Донатто Э.П. – 172, 219, 232, 233, 369, 384, 402

- Демидова Сан-Дonato (урожд. Воронцова-Дашкова) С.И. – 219, 233, **369**
- Демидовы Сан-Дonato – 200, 395
- Деревицкий А.Н. – 244, **406**
- Дерюжинский А.Ф. – 435
- Дёрпфельд В. – **408**
- Джованни да Болонья – 220, 232, **402**
- Джованни ди Пьетро – **385**
- Джотто – **385**, 439
- Джунковская Е.Ф. – 157–159, 162, **362**, **363**
- Джунковский В.Ф. – **335**, **362**, 443
- Дзампига Дж. – **38**, **298**
- Дмитревский И.И. – 108, 125, 176, 178, **311**, **332**, **333**, **371**, **372**, **375**
- Дмитриев И.В. – 26, 29, 31, 38, 39, 42–44, 65, 74, 90, 96–99, 101, 103, 105, 107, 108, 121, 122, 144, 158, 168, 173, 190, **290**, **299**, **323**, **329–332**, **334**, **341**, **342**, **402**
- Дмитрий Константинович, вел. кн. – 442
- Дмитрий Павлович, вел. кн. – **323**, 442
- Дмитрий Степанович – см. Нечаев Д.С.
- Добровольский В.А. – **404**, **405**
- Добровольский Н.А. – 238, **404**, **405**
- Добротворская Е.А. – **297**
- Добротворский И.З. – 36, 58, 172, **297**
- Долгова Е. – **421**
- Долгорукие – 426
- Долгоруковы – **373**
- Дон де Сепиан К.-Э. – 180, **373**
- Дон де Сепиан (урожд. Долгорукова) В.А. – 180, **373**
- Донателло – 59, 65, 75, 76, 123, 154, 180, 181, 212, **316**, **343**, **359**, **367**, 445
- Дубасов – 200, **381**
- Дубасов Ф.В. – 26, **290**
- Дудин С.М. – 146, **355**
- Дюрр – см. «Кос и Дюрр»
- Е**
- Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская – 103, 109, 169, 263, 270, 273, **331**, **334**, **335**, **416**
- Егорова Т.Е. – 89
- Екатерина II – **310**, **328**, **343**, **396**
- Екатерина Николаевна – см. Самарина Е.Н.
- Елена Петровна, кн. – 442
- Елизавета, императрица – **408**
- Елизавета II, королева – **365**
- Елизавета Федоровна (Елисавета Феодоровна; см. также Великая Княгиня, Ее Высочество) – 27–30, 63, 67, 88–90, 106, 111, 118, 125, 134, 139, 155, 156, 159, 161–164, 169, 186, 191, 198, 200, 201, 214, 216, 223, 229, 232, 234–237, 240, 241, 261, 262–264, 272, 275, **290**, **291**, **292**, **311**, **323**, **335**, **337**, **345**, **352**, **360**, **362**, **364–366**, **381**, **403**, **414**, 432, 436, 447
- Енгальчев П.Н. – 161, **365**
- Ж**
- Жакмон из Аншепа – **409**
- Жакмон из Нивеля – **409**
- Жаккар А. – **419**
- Жан де Булонь (Джованни да Болонья) – **396**
- Жданов А.М. – 207, **388**
- Желобовский А.А., протопресвитер – **336**
- Жильерон Э. (фирма) – 75, **316**
- Жуковский В.А. – **417**
- Жуковский П.В. – 109, 118, 181, 212, **334**, **335**, **360**, **368**, **373**, 428
- Журавлёв М.Н. – 122, **342**, **414**, 448
- З**
- Забелин И.Е. – 152, **358**
- Залеман Г.Р. – 153, **287**, **413**, 428
- Захарьин Г.А. – 24, 171, 172, 174, 256, **289**, **307**
- Захарьин С.Г. – 13, 24, 33, 59, 72, 102, 115, 117, 118, 171, 172, **289**, **368**
- Захарьина Е.П. – 171, 172, **289**, **315**
- Захарьины – 73, 74, 78, 97, 171, 172, 174, 187, **289**, **369**
- Збук В.К. (*мастерская*) – **418**
- Зверев Н.А. – 47, 125, 270, 271, 443, **301**, **364**
- Зевс (*миф.*) – 128, 183, **346**
- Зёрнов Д.Н. – 68, **312**
- Зилоти В.П. – **289**
- Зиничева Е.А. – 18
- Знаев – **402**
- Золотарев И.М. – 443

- И**
- «И.В.Юнкер и К^о» (*банкирский дом*) – 99,
123, 126, 154, 259, 329
- Иван Иванович – см. Рерберг И.И.
- Иван, посланный – 77
- Иванов А.А. – 193, 321, 378
- Иванов З.И. – 313
- Иванов-Шиц И.А. – 294
- Иванова Л. – 340
- Иванова М.В. – 118, 119, 340
- Игнатъев А.А. – 137, 351, 369
- Игнатъев А.П. – 369
- Игнатъев Л.Н. – 164, 165, 366, 370
- Игнатъев Н.П. – 370
- Игнатъев П.А. – 369
- Игнатъев П.Н. – 369
- Игнатъева (урожд. Охотникова) Е.В. –
351
- Игнатъева (урожд. Матвеева) Е.И. – 164,
165, 172, 366
- Игнатъева (Мецдерская) С.С. – 172, 369
- Игнатъевы – 172, 336, 369
- Игорь Константинович, кн. – 442
- Иловайский Д.И. – 111, 193, 194, 337, 378,
379
- Инах (*миф.*) – 346
- Ино (*миф.*) – 128, 346
- Ио (*миф.*) – 127, 346
- Иосиф Флавий – 29, 292
- Иоанн Богослов (Иоанн Евангелист) (*библ.*) –
103, 356
- Иоанн Константинович, кн. – 442
- Иоанн Предтеча (*библ.*) – 356
- Ипполитов-Иванов М.М. – 212, 392, 442
- Ирена, принцесса Прусская – 157, 162,
201, 362, 366
- Истомин В.К. – 223, 360, 361
- Истомина (урожд. Реми) Н.А. – 360
- Истомины – 155
- Й**
- Йост Т. – 406
- К**
- Каввадия (Каввадиас) П. – 164, 169, 173,
208, 317, 366, 389
- Каверау Г. – 317
- Казначеев К.А. – 44, 45, 300
- Калачев (Калачов) Н.В. – 267, 417
- Камаровский Л.А. – 390, 435, 446
- Каммерер Э. – 419
- Кампана Дж.П. (*коллекция*) – 37, 297
- Капнист (урожд. Мандерштерн) Е.Е. –
370
- Капнист Е.П. – 370
- Капнист И.П. – 173, 370
- Капнист П.И. – 370
- Капустин М.Я. – 182, 185, 186, 190, 191,
373, 377, 436
- Карамзин Н.М. – 152, 357, 358
- Карпов Д.М. (*магазин цветов*) – 26, 290
- Кассо Л.А. – 222, 225, 232, 264, 265, 271,
395, 397, 443
- Катков М.Н. – 258, 381, 414
- Кауфман П.М. – 69, 124, 299, 300, 313,
347, 371
- Кверча Я., делла – 75, 165, 180, 181, 316,
359, 367, 372
- Квинт Энний – 251, 408
- Кедринский, протоиерей – 443
- Кекуле фон Страдолиц Р. – 129, 252,
346
- Кёлер (*книгопродавец*) – 246, 247
- Кельн В.Ф. – 21, 22, 60–62, 92, 115,
118–121, 131, 176, 189, 216, 241, 279,
286, 307, 308, 337
- Кельн Ф.В. – 286
- Кефисодот – 440
- Кётшау К.Т. – 418
- Киджи А. – 346
- Кизерицкий Г.Е. – 438, 446
- Киприянов (Киприанов) С.П. – 16, 212,
215, 236, 241, 244, 392, 401, 404, 441
- Киселёв А.А. – 37, 71, 297
- Китнер И.С. – 219, 395
- Кларк П.С. – 45, 301
- Клейн (Сенявина) Е.Р. – 275, 307, 347
- Клейн (урожд. Бек) Н.А. – 275, 307, 347,
419
- Клейн Р.И. – 12, 13, 16, 21–23, 27–31,
40–44, 48, 51, 54, 56–58, 60–67, 73–79,
81, 82, 84–88, 90–93, 95–97, 99, 100,
102, 104, 105, 110, 111, 113–116,
118–121, 123–125, 127–131, 133–137,

- 140–142, 145, 148–150, 152–161, 167, 168, 174–178, 180, 182, 184, 187, 189, 190, 193, 195–199, 202, 203, 214–217, 223, 224, 227, 230, 232, 233, 235, 237–243, 256, 260, 262–264, 270, 271, 273, 275–277, 280, **286**, 287, 291–293, 302, 304, 306–309, 314, 315, 318, 320, 322, 323, 326, 329, 334, 337, 341, 343, 344, 347–351, 353, 359, 360, 362, 365, 379, 380, 392, 398, 400–402, 404, 406, 409, 416, 422, 431, 432, 434–437, 442, 444
- Кобеко Д.Ф. – 103
 Ковыков Г.В. – 76, 318
 Кожевников А.Я. – 116, 339
 Кожевникова Н.Е. – 116, 339
 Козеко Н.А. – **417**
 Коковцов (Коковцев) В.Н. – 268, 270, 388, **417**, 443
 Коковцов П.К. – 374
 Колесников И.А. – 73, 74, 80, 146, 194, 230, 315, 320, 386, 401, 448
 Колесникова К.Ф. – 230, 271, 386, 401, 448
 Коляно (Колино) П. – 276, 419
 Кондаков Н.П. – 84, 103, 185, 191, 192, **321**, 374, 375, 378
 Константин Константинович (К.Р.), вел. кн. – 26, 169, **290**
 Константин Константинович, кн. – 442
 Корнелий, св. – 356
 Корнилов А.П. – 200, 236, 381
 Королева эллинов – см. Ольга Константиновна
 Корчагин Е. – 312
 Корш Ф.Е. – 387, 388
 «Кос и Дюрр» (*торговый дом*) – 106, 120, 121, 332
 Костман К. – 257, 260, 261, 264, 265, 268, 269, 274, 275, 279, 340, 409, 417, 419, 421
 Костман К. младший – 261, 274, 340, 414
 Котов Г.И. – 84, 87, **321**
 Крамской И.Н. – 373
 Краснов Н.П. – 393
 Кратон – 356
 Крафт А. – 116, 144, 167, **340**
 Крейтгмайр Й. – 102, 103, **298**, 329
 Кривошеин А.В. – 443
 Кристи Г.И. – 155, **360**
 Крюков Д.Л. – 53, **303**
 Ксения Александровна, вел. кн. – 442
 Кузин И.Т. – 115, 339
 Кузнецов Н.Н. – 124, 345
 Кузницкий С. – см. «С.Кузницкий и К^о»
 Куинджи А.И. – 84, 153, **321**
 Кулешов П.Н. – 198, **380**
 Кусам-ибн-Аббас – 355
 Кутырин М.Д. – 303
 Кюнерт М.-Ф. – 22, 32, 66, 217, **287**, 295, 310, 380, 419
 Кюстхардт Г. – 117
- Л**
 Лазарев В. – 312
 Лазарь (*библ.*) – 325
 Ламан Г. – 227, 399
 Лаудон Е.О., фон – 395, 441
 Лаурана Фр. – 232, **402**
 Лебабин А. – 312
 Лебедева О.С. – 355
 Левенсон А.А. (*скоропегатня*) – 105, 332
 Левченко А.А. – 218, 395, 441
 Левченко Т.В. – 218, 395, 441
 Лейхтенбергский, герцог – 442
 Лелли Дж. (*мастерская*) – 148, 310, 316
 Леонардо да Винчи – 410
 Леоне Л. – 330
 Леонид Николаевич – см. Игнатъев Л.Н.
 Леонтьев П.М. – 53, **303**
 Лёшке Г. – 252, **408**
 Либиг Г., фон – **408**
 Ливен А.А. – 443
 Липгарт Э. («Товарищество Эмиль Липгарт и К^о») – 115, 339
 Липпо Мемми – 385, 439
 Лисикрат – 306
 Лисипп – 400
 Лист Г.А. (*фирма*) – 21, 30, 61, 63, 68, 90, 104, 106, 149, 165, 177, 184, **286**, 288, 293, 305, 312, 318, 332, 333, 337, 348, 434
 Лихачев Н.П. – 103, **330**, 383, 384

- Лобойков В.П. – 85, 219, 234, **322**, 413
 Ломоносов М.В. – 429, 430
 Лоренц Р. – 405
 Лоренцетти – 385, 439
 Лоренцо Венециано – 385, 439
 Лохов Н.Н. – 339
 Лубяникова Е.И. – 299
 Луиза, принцесса Баттенбергская – 366, 432
 Лукашевский Н.П. – 307
 Лукин – 141, 221, 353
 Лукьянов С.М. – 213, **393**
 Львов А.Е. – 153, **359**
 Львов В.Е. – 443
 Любавский М.К. – 395, 443
 Любимов Н.А., протопресвитер – 443
 Людвиг (Луис), принц Баттенбергский – 365
 Людовик XIV – 132
- М**
- «М.Ф.Морозова с сыновьями»
 (*мануфактура*) – 315
 Мазинг К.К. – 288
 Мазинг (*доходный дом*) – 23, 261, 288
 Макаров А.А. – 443
 Маклаков В.А. – 186, 191, **376**, 436
 Маковский В.Е. – 84, 153, **321**, 343
 Маликов А.И. – 125, 345
 Мальшев Г.И. – 265, 266, **416**, 418
 Мальмберг В.К. – 16, 122, 238, 240, 241, 264, 308, 337, **343**, 368, 386, 389, 391, 400, 402, 404, 420, 422, 445
 Мальцов И.С. – 62, **309**
 Мальцов С.С. – 62, **309**
 Мамонтов С.И. – 150, **319**, 357
 Мануйлов (Мануилов) А.А. – 68, 194, 435, 286, 311, **312**, 395
 Мария Александровна – см. Цветаева М.А.
 Мария Александровна, вел. кн. – 442
 Мария Александровна, императрица – 163, **366**
 Мария Георгиевна, вел. кн. – 442
 Мария Николаевна, вел. княжна – 442
 Мария Павловна, вел. кн. – 219, 263, **395**, 413, 4, 415
- Мария Павловна Младшая, вел. княжна, принцесса Шведская – 157–159, 161, 169, 236, **323**, 362, 364
 Мария Федоровна, императрица – 67, 103, 108, 161, 236, 237, 279, 311, 330–333, 364, 441, 442, 444, 447
 Марков С. – 312
 Марсий (*миф.*) – 247
 Мартен П.-Д. Младший – 430, **446**
 Мартини С. – 385, 439
 Мартынов Т. – 312
 Массаренти А. – 73, 314
 Маттео ди Джованни – 385, 439
 Маурер – 45
 Медичи – 75, 316, 341, 367, 440
 Медичи Леопольдо – 280, **421**
 Медичи Лоренцо (Великолепный) – 179, 372
 Мейн А.Д. – 46, 50, 119, **301**, 352
 Мейн (урожд. Бернацкая) М.Л. – 352
 Мейн С.Д. – 285, 352
 Мекк В.В., фон – 216, **394**
 Мекк В.К., фон – 216, **394**
 Мекк Н.Ф., фон – 394
 Мельпомена (*миф.*) – 410
 Мёллер – 227, 399
 Мензбир М.А. – 68, **313**, 395
 Менье К. – 411
 Меньшиков М.О. – 347
 Меньшов К.Л. – 130, 347
 Мерзляков А.Ф. – 53, **303**
 Мерилиз – см. «Мюр и Мерилиз»
 Микеланджело – 121, 220, 279, 341, 440, 441, 445
 Миллер В.Ф. – 15, 435
 Минаков П.А. – 395
 Мино да Фьезоле – 154, **359**
 Мирон – 13, 167, 247, 367, **368**, 407
 Миткова Е.Н. – 150, **357**
 Митюхин – 402
 Михаил Александрович, вел. кн. – 226, 234, 236, 237, 241, **399**, 442
 Михаил Георгиевич, герцог Мекленбург-Стрелицкий – 442
 Михаил Николаевич, вел. кн. – 399
 Михеев Я.А. – 337

- Модест, архимандрит – 443
 Модестов В.И. – 77, 97, 318, 327
 Монигетти И.А. – 402
 Монье Ж. – 86, 322
 Мормоне И.И. – 22, 287
 Морозов М.А. – 67, 311, 447
 Морозов Сер.Т. – 80, 81, 101, 122, 320
 Московский А.М. – 16, 190, 318, 367
 Мосолов А.А. – 97, 327
 Мосолов Н.С. – 124, 232, 315, 344, 402
 Муромцев А.М. – 206, 315
 Муромцева Е.Н. – 315
 Муромцевы – 73, 388
 Мусин-Пушкин А.А. – 103, 330
 Мушкаргов И. – 312
 Мюллер А. – 407, 421
 «Мюр и Мерилиз» (*торговый дом*) – 62, 100, 309, 344
- Н**
- Навроцкая Е.Г. – 172, 369
 Нагаткин М.С. – 44, 300
 Назаревский А.В. – 16, 212, 218, 220, 223, 225, 227, 228, 230, 236, 241, 244, 264, 267, 278, 279, 392, 400, 401, 404, 421, 435–438, 440, 441
 Нанничини Э. – 366, 369
 Наполеон III – 247, 407
 Невеста – см. Мария Павловна Младшая
 Нектанеб II, фараон – 302
 Нелли О. – 439
 Немиров-Колодкин Н.В. (*фабрика*) – 156, 361
 Нерва, император – 342
 Нестор, летописец – 152, 358
 Нехбет (*миф.*) – 382
 Нечаев Д.С. – 22, 45, 110, 114, 125, 128, 172, 210, 216, 218, 287, 361, 395
 Нечаев С.Д. – 309
 «Нечаев-Мальцов» (*фирма*) – 370
 Нечаева А.С. – 31, 61, 79, 88, 92, 100, 103, 110, 125, 128, 149, 151, 156, 158, 159, 161, 162, 165, 166, 168, 171, 172, 294, 362, 369, 371
 Нечаева (урожд. Мальцова) Соф. Серг. – 309
 Нечаева С.С. – 35, 61, 79, 88, 92, 100, 103, 106, 108, 110, 171, 296, 305, 331, 332, 336, 369
- Нибур Б.Г. – 53, 303
 Нивинский И.И. – 136, 137, 180, 197, 202, 203, 212, 215, 220, 227, 233, 235, 264, 351, 377, 402
 Никитин П.В. – 103, 330, 377
 Никитский А.В. – 68, 312, 343
 Никколо да Болонья – 385
 Никколо да Уццано – 187, 377
 Никодим, архимандрит – 443
 Никола из Дуэ – 409
 Николай I Павлович – 333, 399
 Николай II Александрович (см. также Государь, Его Величество) – 15, 34–36, 96, 97, 104, 106, 108, 113, 125, 134, 145, 152–159, 161, 163, 175, 182, 185, 186, 189–194, 196, 204, 215, 222, 224, 226, 229, 232, 235–237, 239, 241, 244, 262, 263, 266, 270, 274, 277, 278, 288, 322, 323, 331, 333, 345, 346, 350, 362, 364, 365, 399, 403, 405, 422, 426, 427, 430, 441, 442, 444
 Николай Михайлович, вел. кн. – 226, 399, 442
 Николай Николаевич, вел. кн. – 442
 Николай, цесаревич – 336
 Никольский М.В. – 279, 420
 Нуци А. – 439
- О**
- Оболенские – 426
 Оболенский Н.Д. – 139, 144, 145, 157, 352, 354
 Октавиан Август – 346
 Олив С.В. – 364
 Олсуфьев А.В. – 107, 155, 333, 360, 443
 Олсуфьев Д.А. – 443
 Олсуфьева (урожд. Миклашевская) А.А. – 155, 444, 360
 Ольга Константиновна, королева греческая (королева эллинов) – 67, 106, 108, 279, 311, 333, 366, 421, 447
 Ольга Николаевна, вел. княжна – 442
 Онганья Ф. (*коллекция*) – 385
 Опекушин А.М. – 134, 137, 144, 149, 152, 215, 226, 230, 231, 239, 276, 280, 281, 303, 346, 350, 352, 401, 436, 444

Ордин Б.К. – 417

Орлов-Чесменский А.Г. – 295

Остроумов А.А. – 29, 292

Охотникова Е.В. – 137

П

Павел Александрович, вел. кн. – 168, 220, 323, 345, 432, 434, 442, 447

Пасквино – 314

Пастухов Н.И. – 67, 311, 447

Пахман С.В. – 267, 417

Пепи II, фараон – 446

Петр (*библ.*) – 356

Петр I Алексеевич – 152, 358

Петр Николаевич, вел. кн. – 422

Пизано Н. – 14, 252, 258, 259, 260, 266, 269, 356, 408

Пирифой (*миф.*) – 370

Пирогов Н.И. – 62, 309

Писаревы – 98

Плеве Н.А. – 443

Подгорецкая А.Г. – 13, 24, 33, 59, 72, 115, 174, 179, 187, 188, 237, 271, 289, 371, 391, 400, 439

Поленов В.Д. – 118, 124, 196, 216, 229, 237, 264, 276, 289, 317, 343, 391, 398, 401, 411, 415, 416, 419, 428

Поленова (урож. Якунчикова) Н.В. – 289, 412, 446

Поленовы – 24

Поликлет – 167, 367, 368

Поляков Л.С. – 73, 222, 228, 315, 397, 400, 447

Померанцев А.Н. – 81, 85, 153, 219, 303, 320, 322, 323, 344, 395, 444

Помяловский И.В. – 47, 302

Преображенский С.И. – 440

Пржевальский В.В. – 198, 380

Протасова А.В. – 448

Протопопов С.А. – 73, 263, 310, 311, 315, 447

Прянишников Ф.И. – 193, 378

Пуришкевич В.М. – 130, 347

Пушкин А.А. – 443

Пушкин А.С. – 231

Пфау О. – 419

Пэрк А.А. – 368, 435

Р

Рабиц К. – 86, 322

Радлов В.В. – 388

Распутин Г.Е. – 347

Раттенок И.П. – 76, 127, 131, 140, 148, 149, 153, 165, 318, 337, 434

Рафаэль – 116, 339, 346

Рейтерн Е.Е. – 268, 417

Ренье из Юи – 356

Репин И.Е. – 355

Рерберг И.И. – 21–24, 27, 29, 30, 44, 53, 55, 62, 72, 75, 90, 99, 100, 111, 116, 122, 131, 136, 160, 161, 168, 176, 178, 189, 199, 264, 287, 307, 337, 365, 415, 434, 435

Рерберг И.Ф. – 111, 337

Рерберг П.Ф. – 264, 415

Рименшнейдер Т. – 217, 372, 394

Роббия А., дела – 121, 164, 165, 188, 342, 367, 377

Роббия Дж., дела – 42, 299

Роббия Л., дела – 65, 75, 154, 171, 187, 188, 316, 359, 367

Роббия, дела (семья) – 146, 152, 160, 167, 181, 212

Рovere, дела – 421

Роден О. – 411

Роджерс Дж.С. – 322

Родзянко М.В. – 388, 443

Роман Иванович – см. Клейн Р.И.

Романов Н.И. – 187, 377, 406

Романов П.Ф. – 82, 96, 202, 321

Романовы – 26, 399

Ромул (*миф.*) – 173

Рончевский К. – 376

Росселино А. – 154, 359

Ростовцев Я.Н. – 274, 419

Ростоский О. – 256, 399, 410

Рот В.К. – 59, 60, 306

Роттермундт Я. – 117, 340

Рукавишников И.М. – 311, 447

Руссо А. – 356

Рухлов С.В. – 443

Рыбников Н. – 434

Рязжский Г.А. – 184, 374

- С**
- «С.Кузницкий и К^о» (комиссионерская фирма) – 24, 27, 38, 73, 78, 105, 171, 199, 276, 288, 419
- Саблер В.К. – 443
- Сабуров П.А. – 203, 382
- Савёлов Л.М. – 213, 393
- Садон Э. – 141, 143, 320, 353
- Сазонов Н.Д. – 376
- Сазонов С.Д. – 443
- Салтыкова-Головкина Е.А. – 150, 155, 357
- Самарин А.Д. – 143, 213, 214, 353, 390, 443
- Самарин Д.Ф. – 354
- Самарин Ф.Д. – 213, 392
- Самарин П.М. – 288
- Самарина (урожд. Рахманова) Е.Н. – 37, 38, 71, 88, 89, 127–129, 139, 144, 150, 297, 313, 314, 339, 357, 435, 439, 447
- Самарины – 213
- Сано ди Пьетро – 385, 439
- Сансовино Я. – 272, 414, 440
- Сарто А., дель – 441
- Сатир (миф.) – 128
- Саша А., де – 81, 320
- Сверчков – 402
- Свешников И.П. – 95, 325
- Свирин А.П. – 367
- Селивановский Н.С. – 357
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. – 388
- Семирадский Г.И. – 428
- Сенья ди Бонавентура – 385, 439
- Сенявин Л.В. – 240, 405
- Серафим Саровский, преп. – 287
- Серафим Чичагов (Чичагов Л.М.), преп. – 21, 287
- Сергей Александрович (см. также Великий Князь) – 24, 25, 32, 67, 68, 85, 95, 106, 126, 134, 136, 152, 155, 163, 169, 175, 213, 222, 226, 235, 257, 262, 288–291, 311, 323, 334, 337, 345, 350, 360, 366, 403, 404, 415, 426, 429, 432, 434, 447
- Сергей Георгиевич, князь Романовский – 442
- Сергей Константинович – см. Гершельман С.К.
- Сергей Михайлович, вел. кн. – 442
- Серов В.А. – 17, 18, 264, 275, 415
- Сидоров А.А. – 421
- Сипягин Д.С. – 150, 357
- Сирлин Й. Старший – 265, 405
- Ситников М.Е. – 176–178, 190, 371
- Скребицкая (урожд. Юрьевич) М.С. – 311, 447
- Скребицкий А.И. – 67, 311
- Слютер К. – 399, 446
- Соболевский С.И. – 338, 437, 446
- Созонович И.П. – 186, 191, 375
- Солдатёнков К.Т. – 125, 345
- Соловьев С.М. – 152, 358
- Сорокин – 267, 416
- Софья Степановна – см. Нечаева С.С.
- Степанов К.П. – 155, 181, 220, 360, 368, 373, 428
- Степанов М.П. – 26, 159, 198, 200, 216, 223, 235, 261, 262, 272, 273, 290, 292, 380, 418, 443
- Стерлигов Д.В. – 313
- Столповский П.А. – 198, 380
- Столыпин П.А. – 130, 347
- Столяров М.В. – 146, 355
- Стороженко Н.И. – 20, 285
- Стрекалов С.С. – 326
- Стржиговский (Стжиговски) Й. – 38, 298
- Струве В.В. – 405
- Суворин А.С. – 335
- Сухов В.Д. – 16
- Сухомлинов В.А. – 443
- Сципион Барбат – 342
- «Сыновья А.И.Абрикосова» (товарищество) – 274, 419
- Сюзор П.Ю. – 219, 395
- Т**
- Таганцев Н.С. – 267, 417
- Талдыкин А.Г. – 312
- Танатос (миф.) – 328
- Танеев А.С. – 103, 113, 194, 330, 443
- Татьяна Николаевна, вел. княжна – 442
- Тенин Тутин – 413
- Тит Ливий – 251
- Тит, император – 224

- Тихомиров А.А. – 223, 244, 312, 387, 390, 398, 443
Тихомиров Д.И. – 198, 380
Тихомиров Л.А. – 221, 397
Тихонов С. – 312, 316, 341
Тициан Вечеллио – 235, 404
Толстая (урожд. Каткова) О.М. – 258, 414
Толстая С.А. – 357, 361
Толстой Г.Д. – 258, 414
Толстой Д.А. – 258, 414
Толстой Д.И. – 225, 245, 388, 399
Толстой И.И. – 103, 192, 300, 330
Толстой Л.Н. – 300, 357, 361
Тон К.А. – 395, 396
Трей Е.Е. – 47, 66, 73, 89, 108, 115, 120, 124, 126, 127, 195, 198, 217, 246, 256, 301, 311, 314, 323, 334, 343, 344, 359, 367, 368, 379, 380, 419
Трескин Н.Н. – 31, 294
Треспе Г.Г. – 13, 337
Третьяков П.М. – 24, 73, 228, 289, 400
Трифон, епископ – 336, 442
Трубецкой П.Н. – 300
Трубецкой С.Н. – 285, 286
Трубецкая – 336
Тулаев И.Н. – 313
Тураев Б.А. – 16, 225, 229, 238, 239–241, 260, 278, 279, 374, 375, 382, 398, 404, 405, 420
Тычинский В.С. – 206, 390
Тютчев И.Ф. – 155, 360
- У**
Уаджит (*миф.*) – 382
Уваров А.А. – 186, 376
Уваров А.С. – 333
Уварова П.С. – 27, 91, 97, 106, 109, 139, 143, 151, 155, 186, 195, 200, 214, 216, 220, 222, 223, 229, 230, 232, 234, 235, 237, 240, 241, 260, 271, 291, 304, 324, 327, 333, 334, 336, 352, 379, 394, 396, 397, 403, 444
Ульянов Г.К. – 381
Успенский – 326
- Ф**
Фальда А. – 339
Фарнезе А. – 346
Феодора – 40
Феодосий, архимандрит – 443
Фердинанд III, Лотарингский – 339
Фербенкс – 207, 388, 440
Ферсман А.Е. – 404
Фессей (Тесей) (*миф.*) – 173, 370, 408
Фидий – 220, 396, 427, 431, 433
Фиораванти А. – 396
Фишер К.А. – 130, 173, 265, 266, 268, 276, 347, 416, 420
Фишер П. Младший – 441
Фишер П. Старший – 116, 330, 340
Флора (*миф.*) – 234
Фоджини Дж.Б. – 421
Фойницкий И.Я. – 267, 417
Фолль К. – 228, 400, 409
Фон-Анреп В.К. – 186, 191, 201, 375, 436
Франбергер Г. – 409
«Франк М. и К^о» (*торговый дом*) – 54, 120, 304
Фредерик I – 391
Фредерикс В.Б. – 108, 145, 327, 443
Фрейденберг Б.В. – 327
- Х**
Хаммурапи (Гаммураби) – 341
Харитоненко П.И. – 73, 102, 315
Харитонов П.А. – 443
Хатор (*миф.*) – 382
Хомяков А.С. – 294
Хомяков Д.А. – 186, 280, 376
Хомяков Н.А. – 186, 376
Хребтович-Бутенёв – см. Бутенёв К.А.
- Ц**
Цветаев А.И. – 36, 119, 131, 165, 166, 297, 305, 367
Цветаев В.В. – 41, 299
Цветаев Д.В. – 57, 267, 278, 305, 443
Цветаева А.И. – 32, 49, 50, 56, 131, 165, 166, 258, 285, 297, 305, 327, 340, 348, 359, 367, 380, 399
Цветаева (урожд. Иловайская) В.Д. – 200, 381
Цветаева В.И. – 36, 221, 258, 297, 305, 348
Цветаева М.А. – 31–37, 40, 41, 43, 44, 46–50, 79, 131, 172, 174, 285, 294, 295, 297, 301, 302, 340, 352, 359, 410

Цветаева М.И. – 49, 50, 119, 131, 165, 166,
285, 304, 305, 348, 359, 367, 380, 399

Цветаевы – 296, 302

Цветков И.Е. – 124, 344

Цицерон – 251

Ч

Чайковский П.И. – 394

Челелевский Н.И. – 222, 397

Четвертинская – 258, 261, 414

Чистяков М.В. – 32, 294

Чичагов К.Д. – 294

Чичагов П.В. – 287

Чупров А.И. – 151, 358

Ш

Шапер – 440

Шаховская Н.Б. – 44, 300

Шаховская-Глебова-Стрешнева Е.Ф. –
312

Шварц А.Н. – 14, 159, 181, 182, 193, 209,
232, 238, 239, 241, 271–273, 278, 363,
364, 368, 371, 372, 378, 379, 387

Шевырев С.П. – 354

Шевяков В.Т. – 272–274, 418

Шевяков Н.Л. – 329

Шелапутин П.Г. – 74, 311, 315, 447

Шервашидзе Г.Д. – 103, 330, 331

Шервинский В.Д. – 214, 393

Шервуд В.И. – 309

Шереметев Б.С. – 357

Шереметев П.С. – 357

Шереметев С.Д. – 103, 150, 181, 184, 214,
330, 357, 373, 374, 388, 443

Шереметев С.С. – 150, 357

Шестопалов С. – 312, 316, 341

Шехтель Ф.О. – 130, 347, 369, 435

Шинкель К. – 51, 303, 349

Шлиман Г. – 236, 294, 316, 317, 399

Шляпкин И.А. – 388

Шмит Н.П. – 279, 421

Шмит П.А. (*фабрика*) – 279, 421

Штакеншнейдер А.И. – 403

Штосс Фейт (Вейт) – 116, 144, 167, 340

Шубинский Н.П. – 186, 376, 436

Шувалов И.И. – 429

Шумахер К. – 407

Шухов В.Г. – 450

Щ

Щегляев С.И. – 21, 61, 121, 159, 286, 365

Щекин М.С. – 15, 206, 212, 218, 383, 384,
386, 390, 392, 437, 438

Щепкин Н.Н. – 198, 380

Щербаков Н.А. – 16, 420, 421

Щербакова В.С. – 421

Щербатов А.А. – 216, 394

Щербатов Н.С. – 54, 76, 160, 166, 214, 223,
280, 304, 318, 388, 443

Щербатов С.А. – 216, 393, 394

Щербатова, княжна – 240, 405

Щербатовы – 336

Щукин П.И. – 327

Щукин С.И. – 97, 101, 327

Э

Эванс А. – 316

Элим Павлович – см. Демидов
Сан-Дonato Э.П.

Энгельгардт (урожд. Каткова) А.М. – 258,
414

«Э.Ремингтон и сыновья» (*фирма*) – 363

Эрихсон А. – 351

Эрман А. – 189, 377

Эрнст-Людвиг, герцог – 366

Эшлиман К.И. – 297

Ю

Юббэ А. – 410

Юббэ (урожд. Полякова) З.Л. – 410

Южанин С.Н. – 368

Юний Басс – 253, 409

Юнкер – см. «И.В.Юнкер и К^о»

Юрьевич С.А. – 447

Юстиниан – 40

Юсупов Ф.Ф. старший – 13, 33, 37, 59,
72, 73, 77, 78, 81, 82, 99, 195, 230–232,
295, 319, 402, 448

Юсупова З.Н. – 214, 230, 271, 295, 393,
448

Юсуповы – 271, 289, 379, 402

Я

Яковлев В.Я. – 337

Якунчиков В.И. – 339

Якунчиков Н.В. – 114, 339

Ярослав Мудрый – 152, 358

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе и на с. 282:

- Фрагменты мраморного фриза в наружной колоннаде Музея изящных искусств. 1902 – 1905 гг.
Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.
- 1–2. Медаль «В память сооружения в Москве Музея изящных искусств имени Императора Александра III». 1912 г. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
 3. И.В.Цветаев. 1905 – 1909 гг. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 4. Ю.С.Нечаев-Мальцов. 1909 – 1910 гг. Фото из журнала «Искры». 1912 г. 10 июня.
 5. Р.И.Клейн. Около 1910 г. ОР ГМИИ.
 6. Русские и итальянские рабочие в Греческом дворике. 1906 – 1907 гг. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 7. Греческий дворик. Рабочие на фоне слепка с памятника Лисикрата. 1907 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 8. Сборка слепка угла Парфенона в Греческом дворике. 1907 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 9. Установка слепка метопа Парфенона. 1907 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 10. Установка слепка скульптурной группы «Фарнезский бык» в Пергамском зале. Июль 1908 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 - 11–12. Записка И.В.Цветаева о Музее изящных искусств. 1908 г. Титульный лист и посвящение. ОР ГМИИ.
 13. Факультетская терапевтическая клиника Московского университета. Фото начала 1890-х гг.
 14. Рекламное объявление об изделиях стекольных и хрустальных заводов, принадлежавших Ю.С.Нечаеву-Мальцову. Не ранее 1907 г.
 15. И.В.Цветаев с сыном Андреем. 1909 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
 16. И.В.Цветаев с дочерью Анастасией. 1909 – 1910 гг. ОР ГМИИ.
 17. И.В.Цветаев среди сотрудников Румянцевского музея в зале Александра Иванова. 1908 г. РГБ.
 18. И.В.Цветаев. 1912 – 1913 гг. Портрет из юбилейного издания «Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862 – 1912. Исторический очерк». М., 1913.
 19. Храм в Луксоре. Фото 1890-х гг.
 20. Афинский Акрополь. Фото рубежа XIX – XX вв.
 - 21–22. Аполлон Птойский. Мрамор. Около 510 г. до н.э. Афины, Национальный археологический музей.
 23. Так называемая Задумчивая кора. Мрамор, раскраска. Около 510 – 500 гг. до н.э. Афины, Музей Акрополя.
 24. Рождение Афродиты. Рельеф «Трона Людовизи». Мрамор. 470 – 460 гг. до н.э. Рим, Национальный музей Терм.
 25. Флейтистка. Рельеф «Трона Людовизи». Мрамор. 470 – 460 гг. до н.э. Рим, Национальный музей Терм.
 26. Афина, Геракл и Атлант. Метопы храма Зевса в Олимпии. Мрамор. 468 – 456 гг. до н.э. Олимпия, музей.

27. Афина из группы «Афина и Марсий». Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Мирона около 450 г. до н.э. Франкфурт-на-Майне, Городская галерея Либигхауз.
28. Марсий из группы «Афина и Марсий». Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Мирона около 450 г. до н.э. Рим, Музеи Ватикана.
29. Дорифор (Копьеносец). Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Поликлета 450 – 440 гг. до н.э. Неаполь, Национальный археологический музей.
30. Раненая амазонка. Мрамор. Римская копия с бронзового оригинала Поликлета около 540 – 530 гг. до н.э. Берлин, Государственные музеи.
31. Парфенон. Афины. Фото начала XX в.
32. Эрехтейон. Афины. Портик кариатид после реставрации. Фото около 1910 г.
33. Фигура Диониса с восточного фронтона Парфенона. Мрамор. 438 – 431 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
34. Три богини с восточного фронтона Парфенона. Мрамор. 438 – 431 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
35. Ника, развязывающая сандалию. Рельеф балюстрады храма Ники Аптерос. Мрамор. Около 409 г. до н.э. Афины, Музей Акрополя.
36. Керамик, древний некрополь в Афинах. Фото рубежа XIX – XX вв.
37. Надгробие юноши с птицей. Мрамор. Около 430 г. до н.э. Афины, Национальный археологический музей.
38. Надгробная стела Гегесо. Мрамор. Около 410 г. до н.э. Афины, Национальный археологический музей.
39. Мавсол. Статуя Гаикарнасского мавзолея. Мрамор. Середина IV в. до н.э. Лондон, Британский музей.
40. Флора Фарнезе. Мрамор. Римская копия с эллинистического оригинала III – I вв. до н.э. Неаполь, Национальный археологический музей.
41. «Фарнезский бык». Мрамор. Римская копия с греческого оригинала Аполлония и Тавриска I в. до н.э. Неаполь, Национальный археологический музей.
42. Статуя оратора (Авл Метелл). Бронза. Около 100 г. до н.э. Флоренция, Археологический музей.
43. Альдобрандинская свадьба. Фреска. I в. Рим, Ватиканская библиотека.
44. Деталь фриза с амурами. Фреска. Середина I в. Помпеи, дом Веттиев.
45. Античные ворота (Порта Нигра) в Трире. Фото рубежа XIX – XX вв.
46. Ренье из Юи. Лежеская купель. Бронза. 1107 – 1118 гг. Льеж, церковь Св. Варфоломея.
- 47–48. Жакмон из Аншена, Никола из Дуэ, Жакмон из Нивеля. Рака св. Гертруды. Серебро, драгоценные камни. 1272—1298 гг. Погибла в 1940 г., ранее – Нивель, церковь Св. Гертруды.
49. Донателло. Св. Георгий. Мрамор. 1415 – 1417 гг. Флоренция, Национальный музей.
50. Донателло. Благовещение. Известняк, терракота, позолота. 1430-е гг. Флоренция, церковь Санта Кроче.
51. Донателло. Давид. Бронза. 1430-е гг. Флоренция, Национальный музей.
52. Донателло. Конная статуя Гаттамелаты (Эразмо ди Нарни). Бронза. 1447 – 1453 гг. Падуя, площадь перед собором.
53. Микеланджело. Давид. Мрамор. 1501 – 1504 гг. Флоренция, Академия изящных искусств.
54. Мишель Коломб. Св. Георгий, поражающий дракона. Мрамор. 1508 г. Париж, Лувр.

55. Жан Гужон. Нимфы источника. Рельефы с Фонтана невинных. Мрамор. 1547 – 1549 гг. Париж, Лувр.
56. Жрец храма Амона Аменхотеп. Певица бога Амона Раннаи. Эбеновое дерево, серебрение, стекловидная паста, гипс. XVIII династия. 1474 – 1458 гг. до н.э. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
57. Голова богини. Из Александрии Египетской. Мрамор. Конец IV – начало III в. до н.э. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
- 58–60. Комнаты домашнего музея В.С.Голенищева в Петербурге. Фото около 1908 г. ОР ГМИИ.
61. В.С.Голенищев.
62. Письмо А.И.Мензбира, помощника ректора Московского университета, И.В.Цветаеву о командировании его в Петербург для участия в комиссии по приему Голенищевского собрания. 26 июня 1909 г. С автографом Цветаева. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
63. Витрина в домашнем музее В.С.Голенищева в Петербурге. Фото около 1908 г. ОР ГМИИ.
64. Гвидоччо ди Джованни Коццарелли. Святой Антоний Падуанский. Дерево, темпера, позолота. Сиенская школа. 1450 – 1517 гг. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
65. Круг Антониоццо Романо. Иоанн Креститель и святой епископ. Дерево, темпера, позолота. Римская школа. Последняя четверть XV в. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
66. Симоне Мартини. Мария Магдалина. Дерево, темпера, позолота. Сиенская школа. Начало 1320-х гг. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
67. Школа Андреаса Рицоса. Успение Богоматери. Со святыми Домиником и Франциском. Дерево, темпера, позолота. Крит. Конец XV в. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
68. Круг Иоанна Апакасса (?). Похвала Богоматери. Дерево, темпера, позолота, накладные чеканные нимбы. Крит. Около 1600 г. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
69. Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1910 г.
70. Якопо Сансовино. Богоматерь с Младенцем и Иоанном Крестителем. Бронза. 1540-е гг. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
71. Джованни Баттиста Фоджини. Герцогиня дельа Ровере. Мрамор. 1680-е гг. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
72. Джованни Баттиста Фоджини. Кардинал Леопольдо Медичи. Мрамор. 1680-е гг. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
73. Портрет юноши в золотом венке. Фаюм. Дерево, темпера, энкаустика. II в. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
74. Открытие Музея. Р.И.Клейн, И.В.Цветаев и Ю.С.Нечаев-Мальцов встречаются на ступенях Музея императора Николая II и его семью. 31 мая (13 июня) 1912 г. Кадр из документального фильма фирмы братьев Патэ. Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов.
75. Император Николай II в сопровождении Ю.С.Нечаева-Мальцова направляется к входу в Музей. 31 мая (13 июня) 1912 г. Кадр из документального фильма фирмы братьев Патэ. Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов.

76. Император Николай II в сопровождении И.В.Цветаева выходит из Музея. 31 мая (13 июня) 1912 г. Кадр из документального фильма фирмы братьев Патэ. Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов.
77. Выход царской семьи из Музея. Фото из «Царского альбома». 31 мая (13 июня) 1912 г. Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов.
78. Памятный знак в честь открытия Музея. 1912 г. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
79. Обложка 1-й части Путеводителя по Музею. М., 1912.
80. Ю.С.Нечаев-Мальцов и И.В.Цветаев на ступенях Музея в момент отъезда царской семьи. Фото из «Царского альбома». 31 мая (13 июня) 1912 г. Красногорск, Российский государственный архив кинофотодокументов.
81. И.В.Цветаев. 1912 – 1913 гг. Фототипия того же времени. ОР ГМИИ.
82. Д.В. и И.В.Цветаевы. 1912 – 1913 гг. ОР ГМИИ.
83. Б.А.Тураев.
84. В.К.Мальмберг.
85. Профессора и молодые историки искусства в Греческом дворике Музея. 1913 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
86. И.В.Цветаев в мундире Почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета Ведомства императрицы Марии. 1913 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
87. Обложка книги «Отчет о соединенном заседании Высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III и Совета Императорского Московского университета, посвященном памяти И.В.Цветаева и Ю.С.Нечаева-Мальцова. 15 декабря 1913 г.». М., 1914.
88. Похороны И.В.Цветаева. Из университетской церкви Св. Татианы процессия направляется к Румянцевскому музею и Музею изящных искусств. 1 (14) сентября 1913 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
89. Ю.С.Нечаев-Мальцов в мундире обер-гофмейстера Высочайшего двора. Около 1912 г. ОР ГМИИ.
90. Похороны Ю.С.Нечаева-Мальцова. Заупокойная лития перед Музеем изящных искусств. 10 (23) октября 1913 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
91. Ректор Московского университета, попечитель Московского учебного округа и новые руководители Комитета по устройству Музея с его научным персоналом и внештатными сотрудниками. 15 (28) декабря 1913 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
92. Музей изящных искусств. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
93. Вестибюль Музея. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
94. Парадная лестница Музея. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
95. Египетский зал. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
96. Буклет по Египетскому залу. Из серии буклетов по залам Музея, выпущенных к его открытию. 1912 г. ОР ГМИИ.
- 97–98. Разворот и последняя страница буклета по Египетскому залу. 1912 г. ОР ГМИИ.
99. Египетский зал. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
100. Ассирийский зал. С открытки 1912 г. ОР ГМИИ.
101. Ассирийский зал. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
102. Буклет по залу Греческой архаики. 1912 г. ОР ГМИИ.
103. Зал Греческой архаики. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
104. Зал Эгинетов. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.

105. Греческий дворик со слепками угла Парфенона и персидской капители. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
106. Греческий дворик со слепками портика кариатид и памятника Лисикрата. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
107. Парадная лестница и ее колоннада. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
108. Центральный зал. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
109. Центральный зал. Вид в сторону лестницы. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
110. Парадная лестница. Вид от Центрального зала. В глубине – панно А.Я.Головина. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
111. Зал Олимпии с реконструкцией западного фронтона храма Зевса в Олимпии. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
112. Зал Олимпии с реконструкцией восточного фронтона храма Зевса в Олимпии. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
113. Зал Фидия, Парфенон. Общий вид. В глубине – реконструкция статуи Афины Промехос. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
114. Зал Фидия, Парфенон. Часть зала с реконструкцией статуи Афины Промехос. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
115. Зал Фидия, Парфенон. Часть зала с макетами Акрополя и Парфенона. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
116. Зал Фидия, Парфенон. Внизу – слепки скульптур западного фронтона Парфенона. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
117. Зал Фидия, Парфенон. Внизу – слепки скульптур восточного фронтона Парфенона. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
118. Зал греческой скульптуры V в. до н.э. Слепки надгробия Дексилея, фриза храма Аполлона в Бассах и др. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
119. Зал греческой скульптуры V в. до н.э. Слепки ватиканской Цереры, Аполлона Барберини и др. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
120. Зал Праксителя. В перспективе анфилады видны залы Лисиппа и Ниобид. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
121. Буклет по залу Праксителя. 1912 г. ОР ГМИИ.
122. Зал Праксителя. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
123. Зал древнегреческих надгробий. Панно А.Я.Головина «Греческое кладбище». 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
124. Зал древнегреческих надгробий. Справа на первом плане слепок надгробия Гегесо. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
125. Буклет по залу Лисиппа. 1912 г. ОР ГМИИ.
126. Часть зала Лисиппа со слепком статуи Мавсола. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
127. Зал Лисиппа. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
128. Зал Ниобид. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
129. Зал Ниобид. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
130. Буклет по залу Венеры Милосской и Лаокоона. 1912 г. ОР ГМИИ.
131. Зал Венеры Милосской и Лаокоона. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
132. Буклет по Пергамскому залу. 1912 г. ОР ГМИИ.
133. Пергамский зал. В глубине – слепок Ники Самофракийской. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

134. Пергамский зал. Вид в сторону слепка «Фарнезского быка». 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
135. Римский зал. На первом плане витрина с копиями Гильдесгеймского клада и слепки флорентийского Вепря и Юоны Соспиты. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
136. Римский зал. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
137. Римский зал. На первом плане так называемая Агриппина Младшая. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
138. Буклет по Средневековому залу. 1912 г. ОР ГМИИ.
139. Средневековый зал со слепками пизанской кафедры, гильдесгеймской купели, гильдесгеймской колонны и др. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
140. Буклет по залу Итальянского Возрождения XV в. 1912 г. ОР ГМИИ.
141. Зал Итальянского Возрождения XV в. Стена со слепками скульптур падуанского алтаря Донателло. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
142. Зал Итальянского Возрождения XV в. В глубине – слепок «Райских дверей» Л.Гиберти. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
143. Зал Итальянского Возрождения XV в. В глубине – слепок кантории Л. делла Роббиа. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
144. Зал Италии XVI в. Слева под распятием – подлинная скульптура Я.Сансовино. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
145. Зал Италии XVI в. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
146. Христианский дворик со слепками конных статуй Гаттамелаты и Коллеони. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
147. Слепок статуи Микеланджело «Давид» в Христианском дворике. С открытки 1912 г. ОР ГМИИ.
148. Христианский дворик со слепками кантории Донателло и Фрейбергского портала. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
149. Христианский дворик со слепком епископского места из Ульма. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
150. Зал Северного Возрождения. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
151. Читальный зал с копиями античных фресок. С открытки 1912 г. ОР ГМИИ.
152. Библиотека. 1912 г. Фото К.А.Фишера. ОР ГМИИ.
153. И.В.Цветаев, Ю.С.Нечаев-Мальцов и научный персонал Музея на ступенях здания. 1912 – 1913 гг. ОР ГМИИ.
154. Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Фото 1970-х гг. ОР ГМИИ.

SUMMARY

The present volume ends with the publication of the correspondence of the founder of the Museum of Fine Arts, attached to Moscow University, professor Ivan Vladimirovich Tsvetaev (1847–1913) and the deputy of the august chairman of the museum's organizing Committee and the main donor for its construction and completing, industrialist and courtier Yuri Stepanovich Nechaev-Maltzov (1834–1913). The volume includes the letters dated 1906–1912.

The construction of the building itself was finished even in 1904, but the opening of the Museum was still in the far future. It was to end its interior – flooring in the lobby and part of the rooms, paint the walls and much more. A lot of attention was paid to the construction of ceilings in the halls of the second floor – with light apertures. As we know, Tsvetaev on the basis of museum practice of his time wanted to make the museum more informative and tried to make the style of the halls decoration according to the epochs, for which the halls were designated. Since the walls were smooth almost everywhere, and devoid of architectural ornaments, particular importance was attached to ceiling finish. Samples of scientifically reasoned reconstruction were taken for example, the experience of foreign museums, mainly the Berlin Museum was studied, where specially traveled the architect R.I. Klein. For the Egyptian Hall the prototype was found directly in the Egypt.

In addition to rooms ended the work on the central staircase, where the pink and green marble faced its side walls. From marble were made slopes of doors of the Central, Pergamon, and the Olympic halls. Columns and pilasters of the colonnade of staircase and pillars of Central Hall received bronze bases and capitals. In the Greek courtyard, the hall of Praxiteles and the site of the first floor railings and grilles of art casting were installed.

Outside granite stairs were placed, around the museum laid asphalt pavements, the fence in front was constructed, and the territory of the former building site was turned into a front garden, laid out by head gardener of University Botanical Garden, G.G. Trespe. The building received artistically made doors. In particular, the metal front door of the Museum was made according to the German reconstruction of the door of the Parthenon. For rooms was ordered furniture of historical styles, show-cases, consoles and pedestals, for the library – the closets.

The overall situation in the country that has experienced recent defeat in war and a revolution, was unfavorable for the establishment of cultural and educational institutions. The Work on the Museum was repeatedly threatened with termination due to lack of funds. The builder of the Museum R.I. Klein twice, in autumn 1906 and autumn 1907, was forced to raise the question of their complete halt and the transfer of an unfinished building in the treasury. As the reader may recall, from the mid 1904 the means the Committee consisting of one-time donations of its members, have been exhausted. In 1907 Tsvetaev just wrote about the “disintegration of the Committee, which as endorsing the material side of things, in fact no longer exists.” Of the amounts pledged earlier in 1906–1908's it was possible to obtain from Prince F.F. Yusupov, A.G. Podgoretsky and her brother, S.G. Zakharyin a total of

25 150 rubles. The money went to pay off the entire payment for the production and delivery of items which do not fully covering the available debt. Some of those who previously was going to assist Museum, now abandoned their intentions. The construction of the building lasted only by Nechaev-Maltsov – in 1904–1906's he paid 120 thousand rubles a year. Only later, when the capital works were approaching the end, he reduced the amount of donations.

By the efforts of Tsvetaev in 1907, the Treasury allocated 10 thousand rubles for the alignment of objects and household needs. November 14, 1908 the law was approved of financial allowance of 30 thousand rubles for the maintenance of the building of the Museum this year. And just by the law of May 10, 1909 the Museum first received regular amounts. In the year they accounted for 52 500 rubles. And much of this money is still directed by Tsvetaev to the payment of old and new accounts, on the placement of exhibits, as well as the hiring of apartments for the staff and other necessary expenses. The salary was paid initially only the clerk, superintendent of the building, the guards. Tsvetaev, head of the Museum, continued to work for free.

In March – April 1909 Tsvetaev was sent to the II International Congress of Classical Archaeology in Cairo and Alexandria, and went on his way back to Greece. In the summer of 1910 and 1911 he visited Berlin, Dresden, Magdeburg, Mainz, Brussels, Aachen, Cologne, Bonn, Trier, Düsseldorf, Kassel and other cities. The result of the travels was the new orders for plaster casts. For the Museum were acquired: a cast of Athena's figure from a group "Athena and Marsyas" of Myron, a reliquary of the Holy Gertrude – as an example of Gothic architecture and Sculpture, the pulpit of Nicola Pisano in the baptistery of Pisa, samples of Flemish sculpture XV and XVI centuries, sculptures of northern German schools.

The last travel was over for Tsvetaev in Dresden clinic, where doctors put him because of a strong fatigue. It is caused not only by the work for the Museum of Fine Arts, but endured in 1909 – 1911's troubles due to theft in the Rumyantsev Museum.

Despite the fact that most of the stolen prints were soon returned to the museum, and the thief on the leniency of the jury acquitted, Tsvetaev had to go through five ministerial audits and relentless persecution of the Minister of Education A.N. Schwartz.

The newly created Museum received continuously ordered in 1903–1905's exhibits on all sections of the collection: casts of monuments of the ancient Eastern architecture and sculpture, from the corner of the Parthenon, the Caryatid Porch of the Erechtheion, Lysicrates monument, works of the Middle Ages, the Renaissance in Italy, France, the Netherlands and Germany, rebuilt after a fire at the Museum of bronze from Pompeii and Herculaneum. The newly ordered items went to the museum until its opening, some objects – and further, until the outbreak of World War I.

Casts were kept for the most part, so as they arrived from customs – in hundreds of boxes, unassembled. In 1907, upon completion of the finishing of rooms, started unpacking and placement of exhibits. The first ever exhibition of the new Museum began to be created.

Tsvetaev dreamed of long ago about this time. He wanted to see the casts, acquired during many years on those places and in those rooms for which they were intended. Keep in mind, that Tsvetaev began to book the sculptures, including the large ones, before the beginning of the construction of the Museum. The halls for them existed

only in drawings, and then gradually arose in real on-site. It was necessary to have good visual memory and the development of spatial imagination, not to be mistaken, planning the future location of the casts.

The assembling a large cast of several parts sometimes presented significant technical difficulties. Cast specialists were needed, able to understand the drawings. For particularly heavy exhibits – the Caryatid Porch, portal of Freiberg cathedral, singing tribune of Donatello and others – required to produce wooden and sometimes metal frame attached to the wall of the hall. Photos published in this volume show the process of installation of the angle of the Parthenon and the sculptural group “Farnese Bull.”

It was also necessary to call three specialists-painters from Brunswick in Germany for the tinting of gypsa in bronze, wood and stone.

At the end of 1908 a significant event happened in the life of the Museum, which largely determined his fate. It became possible to get a collection of ancient Eastern art of the Egyptologist from Petersburg V.S. Golenishchev, which he was forced to sell. Nicholas II allowed, if the State Duma approved the purchase of the collection to the state, to send it in yet not opened Moscow museum. The minutes of the meeting of the Committee on the arrangement of the Museum of December 12, 1908 recorded the words of one of its members, director of Lazarev Institute of Oriental languages, the linguist-orientalist V.F. Miller: “The acquisition of a collection of Egyptian and Assyrian antiquities of Golenishchev <...> is a great treasure for Moscow. The name of Golenishchev is related to the History. He collected 30 years his collection with the scientific purpose and it is very much valued as part of works of art and manuscripts. Moving them to Moscow makes it possible to put there teaching of the history of the East to the proper height <...>”. The collection, numbering about 6000 original articles in 1911 was transferred to the Museum. Now the Museum of Fine Arts, which was until then the most novel and extensive collection of casts of the university in Europe, passed into the category of owners – as the British Museum and the Louvre – of large collections of ancient Eastern art objects.

As early as 1907–1908’s Tsvetaev thought that in the nearest time the picture gallery at the Museum will not exist. However, in November 1909, from the Russian ambassador in Trieste M.S. Shchekin a rare collection for Russia was received as a gift. It included some 90 original works by Italian artists XIV–XV centuries and the Italian and Greek icons of XV–XVII centuries. In addition, the museum received the copies of ancient murals and paintings of the Italian Renaissance. Receipt of these collections led to other donations. The museum was enriched by the first authentic Italian sculptures XVI–XVII centuries, graphic works of the old Russian and Western European artists.

Separately, we should mention about Yu.S. Nechaev-Maltsov. By the opening of the Museum, he gave two Fayum portraits, one of which, “The young man in a gold wreath,” later became one of the most famous exhibits of the Museum. He also gave the Museum a gold crown, found in southern Russia, the two ancient statuettes and a Chinese vase.

At the end of 1912 at the request of Tsvetaev the Museum acquired the right to a part of the archaeological finds from the excavations carried out in southern Russia by Imperial Archaeological Commission. Gathering an “anthology” in the history

of sculpture and architecture, Tsvetaev wanted to strengthen its capabilities in the original works. Even after the opening of the Museum, he outlined the new sections, such as on Islamic art, wanted to have a Hall of portrait busts (in casts), by the most remarkable artists of France, Germany and Denmark XVII–XX centuries.

To work with vast and diverse collections Tsvetaev began to pick up ahead of time his assistants. Since 1909, in the unit display in the halls of antiquity, Middle Ages and the Renaissance were involved: Prof. K. Malmberg, who joined the chair of art history at Moscow University in 1907, young employees A.V. Nazarevsky and S.P. Kipriyanov, from 1911 – N.A. Shcherbakov, an artist-restorer V.D. Sukhov. Systematic arrangement of the exhibits of Egyptian and Near Eastern rooms kept visiting foremost authority from St. Petersburg, the orientalist B.A. Turaev, invited by Tsvetaev. Students of the Higher Women's Courses were the first lecturers (guides) in the Museum, and worked in his library. Some of them remained in the Museum for many years.

The enormous task of creating for Moscow the new Museum, demanding from Tsvetaev about 20 years unremitting labors, and from Nechaev-Maltsov – continued interest and unprecedented material cost for nearly 16 years, in spite of all difficulties were nearing completion. May 31 (June 13), 1912 the Museum was preparing for the opening. The day before, in front of the Museum, before the Cathedral of Christ the Saviour in the presence of the royal family a monument was opened to Alexander III, and the next day, at 3 pm, the Museum has been appointed a solemn service and demonstration of the new building. Photographs and film depicted on the steps before the entrance Tsvetaev, Nechaev-Maltsov and Klein, accompanying the guests in this historic and long awaited day.

The museum began its activities as a respectable academic institution. By the opening came just two issues of an illustrated collection of essays “The monuments of the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III in Moscow,” the next year – two more. They were dedicated to original works of Golenischev's and Shchekin's collections and collections of the University Cabinet of Fine Arts. B.A. Turaev, V.K. Malmberg and N.A. Scherbakov prepared a brief illustrated guide to the section of the ancient world – Egypt, Assyria, Babylonia, Greece and Rome. For six years this book, with some modifications, passed the 12 editions. Later was added the guide through the halls of Christian art. Scientific Museum Library, affordable for professionals and art lovers, included already about 3 thousand books. Classes are conducted with students in the halls of the Museum, at least, in the autumn of 1911, and since 1907 there were individual visits there. For example, the artist Valentin Serov repeatedly came, for which, according to I.E. Grabar, Museum had contributed to travel to Greece.

The opening of the Museum was waited not only in Moscow. The news of it spread to other Russian university towns. Among the audience were most teachers and students of secondary schools, Higher women's courses, the Moscow Archaeological Institute, Popular University of A.L. Shanyavsky. Until the end of 1912 the Museum was visited by 64 thousand people, in the next year this figure had grown to more than 2 times. A new stage in the life of the Museum began.

И.В.ЦВЕТАЕВ – Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА

1897 – 1912

ТОМ 4

1906 – 1912

Редактор Л.А.Пичхадзе

Дизайн и верстка Л.В.ДЕНИСЕНКО, Р.В.ЧЕРНИЕВСКИЙ

Корректор Т.А.ГОРЯЧЕВА

Подписано в печать 21.11.2011. Формат 70×100/16. Бумага офсетная
Гарнитура Kis. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательство КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

127422, Москва, Дмитровский проезд, д. 8/1.

